Новое Слово

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО ЛИТЕРАТУРНЫЙ
и
ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ II. КН. 3.

ДЕКАБРЬ 1896.

В. Зейпель. Гр.

1896 г.—Декабрь. № 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ГЛУПОСТИ. Разсказъ. Ивановича . . . . . 1— 60
2. ***. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева 61
3. ОБЩИНА ШЕКЕРОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ. Н. Максимова . . . 62—108
4. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. I—VI. К. Ельцовой . . . 109—142
5. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II. Вл. Боцяновскаго. . . . . 143—161
6. ПУТЕШЕСТВІЕ НАНСЕНА, ОПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ. 162—192
7. БАЙБАКИ. Изъ быта мелкопомѣстныхъ. Ив. Бунина . . . 193—209
8. НА ЗАРѢ ЖИЗНИ. I—III. Стихотворенія. П. Я. . . . . 210—211
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. I—IX. Е. Грей Вильрайтъ. Перев. О. П. . . . . 212—251
10. ***. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева 252

11. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ. . . . . 253—258
12. НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. Н. Г. . . . . 1— 19
13. ЖЕНЕВСКІЙ КОНГРЕССЪ УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГІИ. Л. Б. . . . . 20— 37
14. ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ. С. Г—ина. . . . . 38— 55
15. ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ.
    Имперская конституція.—Составъ рейхстага.—Судъ присяжныхъ.—Бисмарковскій день.—Сраженіе между военнымъ министерствомъ, Бебелемъ и Ленцманомъ.—Капитуляція министра. В. Поссе . . . . 56— 72

16. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Марко-Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I.—Собраніе сочиненій П. Лѣтнева.—**Исторія, общественныя науки, юриспруденція и публицистика.** К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее.—Г. Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Пер. съ франц. Г. Паперна.—Дж. В. Дрэперъ. Исторія умствен-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

„Во мракѣ ночи и во льдахъ"

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ НОРВЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ редакціей Н. Березина. Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15-ти), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ картъ и около 200 рисунковъ. Подписная цѣна на все изданіе **3 р. безъ пересылки**; съ пересылкой 4 р. 50 к. При перес. наложеннымъ платежомъ почта взимаетъ 10 к. за каждый наложенный платежъ.

Принимается подписка на новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ:

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ.

Эдуарда Б. ТЭЙЛОРА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ, исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію, подъ редакціей Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО въ 2-хъ томахъ.

Оба тома вышли изъ печати и разсылаются подписчикамъ.

Цѣна за оба тома по подпискѣ **2** р. **50** к., съ пересылкой **3** р. *) При требованіи наложеннымъ платежомъ къ суммѣ **3** р. (2 р. 50 к. стоимость сочиненія и 50 к.—перес.) прибавляется **10** коп. за наложенный платежъ.

Подписка продолжается до 1-го января 1897 г.; съ 1-го января цѣна за 2 тома **4 р.**

ПОДПИСКА на оба изданія принимается въ конторѣ изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54, библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб., Спасская, 15, редакція журнала «НОВОЕ СЛОВО») и Москва, книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключит. въ контору изданій.

Вышелъ новый каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

---

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Съ портр. автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ. Спб. 1896. Ц. безъ перес. 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Ц. 3 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Съ рисунками. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 18 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. — Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Нянька. — Матроска. — Генералъ-арестантъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Сочиненія 2 т. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р. 50 к.

Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Пер. съ англ. Д. Коропчевскаго. Спб. 1895. 80 к. (Распродано; печатается новое изданіе).

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Съ 359 рис. и 23 картами. Спб. 1895 (Всѣ полные экземпляры распроданы).

Вып. I Ч. I. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша, горы и равнины. Ц. 90 к. (Вып. I распроданъ). — Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к. — Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Ц. 1 р.—Вып. VI. Ч. VII. Жизнь. Ц. 1 р. 30 к.

Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія. Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ прилож. очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіограф. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 76 рис. и прилож. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки среднеучебн. заведеній. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. (Opposition sous les Cesars). Пер. съ франц. Е. В. Дегена. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. I. Англійская литература (1660—1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

* * *

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб., Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54, Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ. Варшава, Москва).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бэрдъ, Ч. Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. подъ ред. и съ пред. проф. Н. И. Карѣева.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція.

Реклю, Э. Земля и люди. Вып. II. Бельгія и Голландія.

Минье. Исторія французской революціи. Изд. 3-е.

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II-й.

Наумовъ, Н. Собраніе сочиненій.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ О. Н. ПОПОВОЙ,

не вошедшія въ каталогъ изданій 1894—96 гг.

Г. ГЕТТНЕРЪ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVIII ВѢКА.

Т. I. АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводъ **А. Н. Пыпина.**

Изд. 2-е, пересм. и дополн. по послѣднему, 5-му, изданію подлинника.

Цѣна 1 р. 50 к.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

I.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПОДВИГИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Ф. М. ГОЛЬМСА.

Переводъ съ англ. **Н. Березина.**

Приложеніе: **Желѣзныя дороги, пароходы, мосты и тунели въ Россіи. П. Краснова.**

Цѣна 1 р. 50 к.

Каталогъ изданій по требованію высылается **безплатно.**

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 3.

ДЕКАБРЬ

1896.

27299
Пров. 90

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896 г.—Декабрь. № 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ГЛУПОСТИ. Разсказъ. Ивановича . . . . . 1— 60
2. ***. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева 61
3. ОБЩИНА ШЕКЕРОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ. Н. Максимова . . . 62—108
4. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. I—VI. К. Ельцовой . . 109—142
5. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II. Вл. Боцяновскаго. . . . . 143—161
6. ПУТЕШЕСТВІЕ НАНСЕНА, ОПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ. 162—192
7. БАЙБАКИ. Изъ быта мелкопомѣстныхъ. Ив. Бунина . . . . 193—209
8. НА ЗАРѢ ЖИЗНИ. I—III. Стихотворенія. П. Я. . . . . 210—211
9. ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ. Романъ. I—IX. Е. Грей Вильрайтъ. Перев. О. П. . . . . 212—251
10. ***. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева 252

11. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ. . . . . 253—258
12. НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. Н. Г. . . . . 1— 19
13. ЖЕНЕВСКІЙ КОНГРЕССЪ УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГІИ. Л. Б. . . . . 20— 37
14. ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ. С. Г—ина. . . . . 38— 55
15. ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ.

Имперская конституція.—Составъ рейхстага.—Судъ присяжныхъ.—Бисмарковскій день. — Сраженіе между военнымъ министерствомъ, Вебелемъ и Ленцманомъ. —Капитуляція министра. В. Поссе . . . . 56— 72

16. НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика. Марко-Вовчокъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I.— Собраніе сочиненій П. Лѣтнева. — **Исторія, общественныя науки, юриспруденція и публицистика.** К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее.—Г. Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Пер. съ франц. Г. Паперна.—Дж. В. Дрэперъ. Исторія умствен-

наго развитія Европы. Пер. съ посл. анг. изд. М. В. Лучицкой.—М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи.—Е. Якушкинъ. Обычное право. Вып. II. Матеріалы для библіографіи обычнаго права.—К. Н. Шаховской. Сельскохозяйственные отхожіе промыслы.—**Естествознаніе.** Вундтъ. Очерки психологіи. Пер. съ нѣм. Г. А. Паперна.—Г. Канестрини. Антропологія. Пер. съ итал. д-ра Н. Лейненберга.—Г. Геффдингъ. Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм. М. Эльциной.—**Справочныя книги.** Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей . . . . . 73— 95

17. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

РУССКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ. **Ан. Неручева.** 96—111

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМЪ СЪѢЗДѢ. **М. М. Рейнке.** . . . . . 111—121

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Кишинева. (Бессарабская неурядица). **Б. Кричнаго.**—Изъ Тулы. (Народные ходатаи). **Д. Успенскаго.**—Изъ Риги. (О сельскихъ учителяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ). **В. Чешихина** . . . . . 121—145

18. ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО. **А. Скабичевскаго** . . . . . 146—170

19. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Восточный вопросъ и его жертвы. В. Т. . . . . . 171—182

20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Анатолія Кремлева.** 182

21. ОБО ВСЕМЪ. **С. К.** . . . . . 183—204

22. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

23 ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ №. разсылаются объявленія: 1) журнала «Живоп. Обозрѣніе», «Сына Отечества» и «Домашней Библіотеки». 2) журнала «Деревня» и 3) журнала «Образованіе».

Редакторъ А. Н. Поповъ. **Издательница О. Н. Попова.**

ГЛУПОСТИ.

Разсказъ.

I.

Членъ правленія прирѣченскаго банка, Николай Антоновичъ Баштановъ, сидѣлъ въ просторномъ правленскомъ кабинетѣ. Откинувшись на спинку вѣнскаго кресла, онъ задумчиво покуривалъ папиросу.

У него было круглое, пухлое лицо, окаймленное рыжеватыми баками и бородой, маленькіе умные глазки и порядочная лысина. Въ той позѣ, въ какой онъ сидѣлъ, большое брюшко замѣтно выдѣлялось, и онъ походилъ на человѣка, держащаго на колѣняхъ глобусъ.

Баштановъ курилъ въ ожиданіи пріѣзда другихъ членовъ банка и думалъ о своей дочери.

Она часто хандритъ и прихварываетъ; какая-то раздражительная стала. Вчера была истерика. Покойная жена знала бы, что надо дѣлать въ такихъ случаяхъ, а онъ не зналъ, растерялся. Хотѣлъ послать за докторомъ, но горничная сказала, что это бываетъ съ барышней и скоро пройдетъ. И, дѣйствительно, прошло, но ему и теперь еще тяжело вспомнить ея истерическіе крики и скрежетаніе зубами.

— Бѣдная Маничка,—думалъ онъ:—замужъ бы ей надо... А гдѣ я ей найду подходящаго жениха?. Жена обладила бы и это дѣло, а я вотъ не умѣю... Эхъ, зачѣмъ она умерла...

Дверь отворилась. Бѣлокурый молодой артельщикъ, поклонившись при входѣ въ кабинетъ, положилъ на столъ почту. Внизу были газеты, потомъ корреспонденція банка, а сверху письмо Баштанову. На конвертѣ былъ вензель финансоваго туза, одного изъ учредителей прирѣченскаго банка.

Баштановъ распечаталъ его и сталъ читать. Въ письмѣ была выражена увѣренность, что „многоуважаемый“ Николай Антоно-

вичъ не откажется пристроить въ банкѣ Петра Артемьевича Капорцева. „Это мой дальній родственникъ, неудавшійся адвокатъ, молодой, образованный человѣкъ, не глупый и самолюбивый, самъ просить о мѣстѣ не станетъ, и надо ему предложить какія-нибудь занятія тысячи на полторы.“

Это была одна изъ такихъ рекомендацій, по которой, если нѣтъ мѣста для рекомендуемаго, то его выдумываютъ. Въ данномъ случаѣ въ этомъ не предстояло надобности.

— Какъ нельзя болѣе кстати умеръ нашъ секретарь,—подумалъ Баштановъ. Потомъ, должно быть какъ продолженіе мыслей, прерванныхъ приходомъ артельщика, у него вдругъ мелькнуло предположеніе: а что, если въ этомъ письмѣ судьба моей Манички. Молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ... можетъ быть, они понравятся другъ другу... Секретарь банка незавидный женихъ для моей дочери, но вѣдь можно будетъ быстро двинуть его карьеру. Въ будущемъ году выборы въ члены правленія... Ягодкинъ уйдетъ, можно будетъ выставить кандидатуру этого молодого человѣка.

Баштановъ позвонилъ.

Вошелъ помощникъ секретаря Персиковъ, франтоватый юноша съ выраженіемъ на лицѣ дѣловитости и благоговѣнія къ рублю: у служащихъ въ капищахъ золотого тельца часто бываютъ такія физіономіи.

Баштановъ посмотрѣлъ на него и подумалъ:

— Ты надѣешься быть секретаремъ, но не будешь.

Персиковъ подошелъ къ столу и съ заискивающей улыбкой спросилъ:

— Что прикажете, Николай Антоновичъ?

— Вотъ что, Алексѣй Ивановичъ: не знаете-ли вы помощника присяжнаго повѣреннаго Капорцева?

— Не знаю,—отвѣтилъ Персиковъ и сдѣлалъ такую мину, которая должна была выразить сожалѣніе о томъ, что онъ не знаетъ Капорцева.

— Въ такомъ случаѣ, командируйте, пожалуйста, кого-нибудь изъ канцеляріи въ окружный судъ.

— Я самъ лучше съѣзжу, чтобы не перепутали чего-нибудь.

— Если это васъ не затруднитъ, съѣздите и привезите мнѣ точный адресъ этого господина.

Персиковъ ушелъ, принявъ серьезно-суетливый видъ, какой бываетъ у сетера, услышавшаго окрикъ хозяина: „cherche“.

Баштановъ занялся почтой. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ

Гольдштейнъ, предсѣдатель правленія банка, маленькій, добрый старичекъ съ сильной просѣдью въ тщательно причесанныхъ волосахъ. Онъ только что реализировалъ на биржѣ крупный выигрышъ отъ игры на повышеніе, и съ его лица еще не исчезло удовольствіе игрока-побѣдителя.

— Что интереснаго въ почтѣ, Николай Антоновичъ?— спросилъ онъ, пріятно улыбаясь и закуривая сигару.

— Ничего, за исключеніемъ письма Марка Людвиговича... Онъ рекомендуетъ намъ одного молодого человѣка... Вотъ это письмо.

Гольдштейнъ надѣлъ очки, прочиталъ письмо и сказалъ:

— Мы имѣемъ возможность удовлетворить Марка Людвиговича. Сдѣлаемъ этого молодого человѣка секретаремъ банка. Какъ вы думаете?

— Я именно это и думалъ.

— Нашъ профессоръ обнадеживалъ помощника секретаря на счетъ этого мѣста—продолжалъ Гольдштейнъ:—но, въ виду просьбы Марка Людвиговича, онъ, вѣроятно, присоединится къ нашему мнѣнію.

— Конечно... Не нравятся мнѣ манеры этого Персикова. Не находите-ли вы, что онъ напоминаетъ Ѳедора въ Парижской гостинницѣ?

Гольдштейнъ разсмѣялся и сказалъ:

— Пожалуй, что немножко похожъ.

— Очень ужъ подслуживается... Вотъ и теперь самъ вызвался поѣхать за адресомъ этого адвоката, не подозрѣвая въ немъ соперника.

Гольдштейнъ усмѣхнулся и, выпустивъ два колечка дыма, слѣдилъ, какъ они догоняли другъ друга.

Вошелъ Персиковъ и, молча, подалъ Баштанову листокъ, на которомъ лучшимъ писцомъ банка было написано: Петръ Артемьевичъ Капорцевъ жительствуетъ на Никольской улицѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Шашлыковой.

— Благодарю васъ,—сказалъ Баштановъ:—вы справились, это его теперешній адресъ?

— Для большей вѣрности, я съѣздилъ по этому адресу и удостовѣрился въ его точности.

— Очень благодаренъ.

Персиковъ не замѣтилъ, что предсѣдатель посматривалъ на него во время этого разговора. Когда онъ ушелъ, Гольдштейнъ сказалъ:

— Вы правы, Николай Антоновичъ, онъ похожъ на Ѳедора: бровями двигаетъ, какъ тотъ, и въ фигурѣ есть сходство... А вотъ и Григорій Германовичъ.

*

Въ кабинетъ вошелъ профессоръ Геліотроповъ, крупный здоровякъ, съ довольнымъ видомъ только что хорошо позавтракавшаго гастронома. Онъ весело поздоровался съ товарищами, вынулъ изъ кармана гребеночку въ черепаховомъ футлярѣ и причесалъ свою красивую бороду, хотя въ ней и не было никакого безпорядка. Взглянувъ на кипу дѣлъ, лежавшихъ передъ предсѣдателемъ, онъ воскликнулъ:

— Господи! Неужели это на сегодняшнее засѣданіе? Мы до вечера не кончимъ.

Онъ лѣниво потянулся и закурилъ папиросу.

— Если вы, Григорій Германовичъ, куда-нибудь стремитесь, то мы можемъ васъ освободить отъ этихъ дѣлъ,—сказалъ Гольдштейнъ.

— Да, я могу пробыть здѣсь только одинъ часъ.

— Ну, значитъ, приступимъ.

Гольдштейнъ развернулъ сверху лежащее дѣло.

— Не покончимъ-ли сначала вопросъ о секретарѣ,—сказалъ Баштановъ.

— Ахъ, да... Прекрасно, что вы напомнили... Григорій Германовичъ,—обратился предсѣдатель къ Геліотропову:—Маркъ Людвиговичъ рекомендуетъ намъ нѣкоего Капорцева. Мы его не знаемъ, но при такой рекомендаціи можно съ полной увѣренностью сказать, что онъ будетъ хорошимъ секретаремъ.

— А какъ же, господа, Персиковъ? Онъ такой старательный... Онъ разсчитывалъ на это мѣсто.

— Что же... онъ будетъ имѣть случай убѣдиться, что разсчеты не всегда оправдываются.

— Д-да... Мнѣ немножко неловко будетъ... Я ему почти обѣщалъ это мѣсто... Ну, да что же дѣлать... Не судьба, значитъ. По крайней мѣрѣ, надо хоть позолотить пилюлю. Онъ исполнялъ цѣлый мѣсяцъ обязанности секретаря; слѣдуетъ его вознаградить.

— Что же, дадимъ ему за этотъ мѣсяцъ сто рублей награды... Вы и объявите ему, Григорій Германовичъ, а вы, Николай Антоновичъ, возьмите на себя пригласить этого молодого человѣка.

— Хорошо,—сказалъ Баштановъ:—я завтра къ нему заѣду.

И они занялись дѣлами о ссудахъ.

II.

— Петръ Артемьевичъ, васъ спрашиваетъ какой-то важный баринъ,—доложила Капорцеву его квартирная хозяйка.

— Гдѣ же онъ?

А въ комнату уже входилъ этотъ „важный баринъ“. Окинувъ быстрымъ взглядомъ обстановку, онъ спросилъ:

— Имѣю честь видѣть Петра Артемьевича Капорцева?

— Это я.

— Позвольте познакомиться. Баштановъ, членъ правленія прирѣченскаго банка...

Капорцевъ подалъ руку гостю и пригласилъ его сѣсть.

— Безъ предисловій объясню вамъ причину моего посѣщенія,— началъ Баштановъ:—правленіе нашего банка поручило мнѣ просить васъ занять въ немъ мѣсто секретаря.

— Вотъ выдумали!—воскликнулъ Капорцевъ:—я не гожусь для этого мѣста.

— А мы, напротивъ, убѣждены, что лучшаго выбора мы не могли сдѣлать.

— Да вѣдь вы меня не знаете!..

— Мы имѣемъ рекомендацію, замѣняющую вполнѣ знакомство.

— Вѣрно кузина оборудовала эту исторію,— подумалъ Капорцевъ...

А гость продолжалъ:

— Для какихъ-нибудь дутыхъ финансовыхъ предпріятій вы, конечно, не годитесь, потому что для нихъ прежде всего нужны люди, у которыхъ ni foi, ni loi... Для солидныхъ же кредитныхъ учрежденій, какимъ является нашъ банкъ, нужны два качества, которыми вы несомнѣнно обладаете: серьезный дѣловой взглядъ и честность.

— Позвольте,—съ живостью возразилъ Капорцевъ:—вы говорите, что прирѣченскій банкъ солидное учрежденіе, а я слышалъ, что онъ вызвалъ въ городѣ домовую горячку, выдавая ссуды выше стоимости залоговъ.

— Да, это было. Но когда? Десять лѣтъ тому назадъ, когда банкъ только что начиналъ свои операціи, явившись конкуррентомъ двухъ старыхъ банковъ. И это было не легкомысліе, а обдуманный необходимый маневръ для того, чтобы сразу широко поставить дѣло.

— Но вѣдь это маневръ, какъ вамъ сказать... ну, не совсѣмъ приличный...

— Будемъ говорить на чистоту, уважаемый Петръ Артемьевичъ... Вы хотѣли сказать не честный маневръ. И это можетъ сказать всякій, кто незнакомъ съ сущностью этого дѣла. А не угодно-ли вамъ вникнуть въ эту сущность. Для привлеченія кліентовъ нашъ банкъ въ первый годъ своей дѣятельности дѣйствительно оцѣнивалъ нѣкоторыя имущества выше стоимости. Но кому онъ этимъ причи-

нилъ вредъ?.. Домовладѣльцамъ?.. Нѣтъ, они получили отъ банка такія суммы, какихъ не стоили ихъ дома, и съ удовольствіемъ оставили ихъ за банкомъ, прекративъ платежи со второго же полугодія... Акціонерамъ?.. Но въ то время акціи банка не были выпущены въ большую публику; онѣ были у учредителей банка, которые и признали тотъ маневръ, который вы осуждаете, необходимымъ именно въ интересахъ акціонеровъ... Въ первый годъ они получили громадный дивидендъ; во второй и третій годы пришлось списывать прибыли на покрытіе убытковъ отъ продажи залоговъ, оставшихся за банкомъ, и дивидендъ былъ пустячный, но въ итогѣ акціонеры были въ выигрышѣ. Банкъ въ одинъ годъ выдалъ ссудъ на пятнадцать милліоновъ. Затѣмъ, заручившись кліентами, банкъ тотчасъ же перемѣнилъ тактику. Пожалуйте въ банкъ, просмотрите любое дѣло, и вы убѣдитесь, какъ теперь солидны, можно даже сказать скупы оцѣнки. Мы выдаемъ 45—50 процентовъ оцѣночной суммы, имѣя право выдавать 60 процентовъ. И посмотрите, каковъ курсъ нашихъ акцій. Что же оказывается въ томъ фактѣ, который вы осуждаете?.. Акціонеры сами пожелали имѣть временный убытокъ въ виду будущихъ выгодъ, а домовладѣльцы выгодно раздѣлались съ своими имуществами. И притомъ, повторяю, это было, а теперь этого нѣтъ и не будетъ.

— Положимъ... но мнѣ все-таки не симпатична служба золотому тельцу. Думаю, что она людей портитъ.

— Петръ Артемьевичъ!.. Деньги портятъ человѣка... Это вы вѣрно замѣтили... Но какого человѣка?.. Только того, который и безъ денегъ плохъ. Деньги вообще зло по Толстому. Но вѣдь это же очевидный вздоръ. Безъ денегъ и личнаго благополучія не устроишь, и самое возвышенное идейное предпріятіе не выгоритъ. Хорошимъ людямъ обязательно имѣть деньги. Какъ секретарь банка, вы получали бы двѣ съ половиною тысячи, да дивиденда рублей 500—600. Конечно, это не очень много, но вѣдь секретарство для васъ только первый шагъ. Мы провели бы васъ въ члены правленія банка.

Капорцевъ вообразилъ себя членомъ правленія банка и расхохотался.

— Непонятно, по какимъ соображеніямъ вы этого желаете, сказалъ онъ.

— По двумъ—отвѣтилъ Баштановъ:—во-первыхъ, намъ нужно дѣлового, серьезнаго члена правленія, который бы ежедневно бывалъ въ банкѣ, чего каждый изъ насъ исполнить не можетъ; во-вторыхъ, повторяю, мы дорожимъ честнымъ человѣкомъ. Повѣрьте,

что еслибы въ нашемъ банкѣ было что-нибудь гешефтмахерское, я не пріѣхалъ бы къ вамъ съ предложеніемъ занять мѣсто секретаря.

— А кто у васъ члены правленія?—спросилъ Капорцевъ.

— Предсѣдатель—Гольдштейнъ, милліонеръ, занятый высшими финансовыми соображеніями, старичекъ, который, какъ и всякій предсѣдатель, мало вмѣшивается въ подробности дѣла нашего банка. Затѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга, обремененный массой другихъ дѣлъ, не имѣющій возможности вполнѣ отдаться занятіямъ въ банкѣ. Ну-съ, потомъ профессоръ Геліотроповъ, который является въ банкъ на часъ, на полчаса, подпишетъ бумаги, побалагуритъ и уйдетъ. Четвертый членъ Ягодкинъ; это дѣловая голова, но онъ боленъ и скоро уѣдетъ за границу. Вотъ въ будущемъ году и будетъ вакансія. И такъ, уважаемый Петръ Артемьевичъ, да или нѣтъ?

— Не знаю, что вамъ отвѣтить... Вы меня застали врасплохъ своимъ предложеніемъ. Надо подумать.

— Прекрасно!.. Вы не отвѣчаете рѣшительнымъ нѣтъ, значитъ, для насъ есть надежда услышать: да. Только намъ необходимо имѣть вашъ отвѣтъ на этой недѣлѣ.

Баштановъ взглянулъ на часы и всталъ.

— Тороплюсь въ банкъ. Сегодня у насъ тиражъ закладныхъ листовъ. И такъ, я буду ожидать, что вы посѣтите меня.

— Я буду у васъ на этихъ дняхъ.

Баштановъ, оставивъ свою карточку, пожалъ руку Капорцева съ привѣтливой улыбкой и уѣхалъ.

III.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ Капорцевъ, и ему вдругъ сдѣлалось очень весело.

Онъ заходилъ по комнатѣ, насвистывая какой-то маршъ и думая о сдѣланномъ ему предложеніи. Ему хотѣлось принять его: оно открывало возможность устроиться удобно. Бѣдность надоѣла ему: адвокатура давала очень немного. Капорцевъ бралъ защиту только такихъ дѣлъ, въ которыхъ правда общая и юридическая совпадаютъ. При этомъ условіи заработокъ былъ очень незначительный.

По протекціи кузины, Капорцевъ получилъ должность адвоката желѣзнодорожной компаніи, но пробылъ въ ней только полгода. Къ компаніи былъ предъявленъ искъ жены стрѣлочника, убитаго маневрировавшимъ локомотивомъ. Компанія отказалась выдать пособіе вдовѣ убитаго, и Капорцевъ долженъ былъ юридически обосновать этотъ отказъ. При разбирательствѣ дѣла въ судѣ, Капорцевъ призналъ искъ справедливымъ, и судъ постановилъ взыс-

кать съ желѣзнодорожнаго управленія исковую сумму. Конечно, такого юрисконсульта немедленно уволили.

Капорцевъ жилъ болѣе чѣмъ скромно въ комнатѣ со столомъ и высылалъ часть своего незначительнаго заработка отцу, доживавшему свой вѣкъ въ уѣздномъ городѣ, изъ котораго онъ во всю жизнь не выѣзжалъ. Изъ удовольствій Капорцевъ позволялъ себѣ только театръ, гдѣ онъ никогда не спускался ниже галлереи. Знакомства у него почти не было.

— Съ дивидендомъ три тысячи,—размышлялъ Капорцевъ:—богатство, чортъ возьми!.. Какъ отлично можно устроиться и старичину своего побаловать.

Онъ опять весело свистнулъ, но вдругъ умолкъ и покраснѣлъ.

— И чему я радуюсь,—подумалъ онъ:—вѣдь это служба золотому тельцу...

Радость его затуманилась, и ему какъ-то обидно стало отъ того, что и отъ секретарства въ банкѣ приходится отказаться, какъ и отъ должности желѣзнодорожнаго адвоката. Онъ вздохнулъ.

— Да, надо отказаться,—думалъ онъ печально, но ему не хотѣлось этого, и мысль его искала возможности взять предлагаемое мѣсто и какъ-нибудь удовлетворить протестовавшую противъ него совѣсть. Онъ вспомнилъ слова Баштанова, что безъ денегъ невозможно и самое лучшее идейное дѣло, и обрадовался обрисовавшемуся передъ нимъ компромиссу.

— Вѣдь это правда,—разсуждалъ онъ:—какъ часто хорошіе планы не могутъ быть выполнены хорошими людьми только потому, что нѣтъ денегъ. Этотъ баринъ великую истину сказалъ. И не сдѣлаю-ли я ошибки, отказавшись изъ-за теоретической щепетильности отъ денегъ, которыя сами, можно сказать, плывутъ въ руки?

Онъ начиналъ чувствовать твердую почву для своего желанія быть секретаремъ банка и продолжалъ, самъ того не замѣчая, заговаривать зубы своей совѣсти. Въ итогѣ разсужденій выходило заключеніе, что отъ секретарства въ банкѣ не слѣдуетъ отказываться не только по личнымъ, но и по общественнымъ соображеніямъ.

Вошла квартирная хозяйка, маленькая старушка съ тѣмъ типичнымъ лицомъ, какое бываетъ у странницъ-богомолокъ, и стала накрывать столъ для обѣда. Развернувъ скатерть съ черными и желтыми пятнами, она выразила сожалѣніе, что эти пятна не отстираются.

— Настасья Петровна, знаете-ли вы, кто у меня былъ?—спросилъ Капорцевъ.

— Не знаю... должно быть, какой-нибудь богачъ.

— Директоръ банка, Баштановъ... мѣсто мнѣ предложилъ на три тысячи.

— Ну, и слава тебѣ, Господи!.. Только вотъ нехорошо, что съѣдете отъ меня, да и не вспомните никогда.

— Почему же не вспомню?

— Разбогатѣете и заважничаете. Деньги портятъ человѣка.

— Не всякаго, Настасья Петровна.

— Ей-Богу, всякаго... Въ деньгахъ сила дьявольская... Вы вотъ въ дьявола не вѣрите, а онъ черезъ деньги людей губитъ.

Капорцевъ усмѣхнулся, а Настасья Петровна ушла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ тарелкой дымящагося борща.

— Много у меня пережило студентовъ,—заговорила она,—и все были такіе хорошіе, сердечные люди... слушаю ихъ, бывало, и думаю: вотъ ужъ истинная правда, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію божію... Все у нихъ по любви, по справедливости... Сами нужду терпѣли, а какъ встрѣчалась у кого бѣда, послѣднее отдавали. Обидѣть кого-нибудь при нихъ никто не смѣй— заступались, все равно, какъ за себя... случаи были... Однако, что же это я горчицы-то и не подала.

Настасья Петровна принесла горчичницу съ отбитымъ краешкомъ.

— Давно бы новую надо купить, да все какъ-то не соберусь,— замѣтила она.

— Ну, и чтоже?—спросилъ Капорцевъ.

— Это вы на счетъ чего?

— Про жильцовъ вы начали разсказывать.

— Да... про жильцовъ... Ну, въ люди вышли, а людьми быть перестали... Вотъ какой конецъ.

— Всѣ перестали быть людьми?

— Кого знаю, что разбогатѣли, всѣ перепортились. Вотъ хоть бы Переплетчикова взять, Ардаліона Васильевича... какъ онъ меня изобидѣлъ, не дай Богъ. Видите-ли какая задача вышла. Вы Прасковью знаете, что молоко мнѣ носитъ?

— Знаю...

— Ну, такъ вотъ эта самая Прасковья въ позапрошломъ году приходитъ ко мнѣ и плачетъ... Что такое?.. Корову—говоритъ— хотятъ продавать. У мужа подать накопилась, а заплатить нечѣмъ... Много—говоритъ—надо денегъ, пятнадцать рублей, взять ихъ негдѣ, а безъ коровы пропадать надо... Разжалобила меня... Не реви— говорю—завтра принесешь молоко, а я тебѣ у хорошихъ людей денегъ достану. Пойду—думаю—къ Ардаліону Васильевичу: онъ у меня студентомъ жилъ... хорошій былъ, громче всѣхъ говорилъ,

что надо народу помогать... Потомъ онъ наслѣдство получилъ, да на богачкѣ женился, на Проточной улицѣ у него свой домъ. Думаю: пойду къ нему, дастъ онъ мнѣ пятнадцать рублей безъ всякихъ разговоровъ; для него они все равно, что для меня пятнадцать копѣекъ. Ну, хорошо. Пришла я къ нему. Принялъ онъ меня учтиво, повелъ къ себѣ въ кабинетъ, вспоминать сталъ, какъ онъ у меня жилъ, завтракъ велѣлъ подать... Вотъ за завтракомъ я ему и говорю: такъ, молъ, и такъ, нужно бабѣ помочь, дайте пятнадцать рублей... Выслушалъ онъ и говоритъ: съ удовольствіемъ далъ бы, но теперь не при деньгахъ. Можете,—говоритъ,—представить: десять тысячъ получаю, а чтобы свести концы съ концами не хватаетъ...—А я дура подумала, что онъ шутитъ, и говорю ему: ну, ничего, Ардаліонъ Васильевичъ, понатужьтесь немного, пускай недостачи на пятнадцать рублей прибудетъ... А онъ обидчивое лицо сдѣлалъ и говоритъ: „ей-Богу, не могу дать вамъ эту сумму“. Обидно мнѣ стало, точно онъ меня нехорошимъ словомъ выругалъ... Стыдно—говорю—вамъ, Ардаліонъ Васильевичъ, вспомните старое время, какъ у меня жили... какая нужда у васъ была, а какъ бѣдному человѣку помочь приходилось, такъ не говорили о концахъ съ концами... Какъ сказала я это, онъ покраснѣлъ... вынулъ изъ кармана бумажникъ, порылся въ немъ и подаетъ мнѣ зелененькую; вотъ — говоритъ — передайте этой бабѣ, а больше—говоритъ—ей-Богу не могу... А я встала да и выпалила: покорно васъ благодарю, Ардаліонъ Васильевичъ, не возьму вашей трехрублевки, не хочу вамъ изъяна дѣлать... Вышла на улицу сама не своя: и обидно мнѣ, и Прасковьи жаль... какъ же это—думаю— вѣдь я ее обнадежила, а денегъ-то нѣтъ... Пришла домой, а у меня тогда два студента жили, какъ есть бѣдняки... Вотъ — говорю имъ— господа студенты, горе какое... разсказала имъ. „Что же—говорятъ—надо собрать“. Пошли и ушли... И какъ бы вы думали?.. Къ вечеру принесли пятнадцать рублей... по полтинничку, по двугривенному собрали... Вотъ люди!.. А почему?.. Потому, что сами бѣдняки и бѣднаго человѣка понимаютъ...

— Такъ, значитъ, и я испорчусь, если возьму это мѣсто?—спросилъ Капорцевъ:—и у меня будетъ дефицитъ?

— Не дай Богъ!.. Можетъ и чистымъ останетесь... Да и то сказать: три тысячи еще не Богъ знаетъ какое богатство... Большія деньги портятъ человѣка...

— Нѣтъ, Настасья Петровна,—заговорилъ, волнуясь, Капорцевъ:—никогда я не испорчусь... хоть бы двѣсти тысячъ у меня

было... И если у васъ будетъ нужда или для другого понадобится, прямо ко мнѣ...

— Дай Богъ, дай Богъ,—повторила старушка.

— Ну, и по сему случаю разопьемъ пивца, сосѣда студента позовемъ... а вы распорядитесь купить.

Онъ вынулъ изъ своего кошелька единственный пріютившійся тамъ рубль.

Черезъ четверть часа чахоточный студентъ, Настасья Петровна и Капорцевъ пили пиво, и послѣдній провозгласилъ тостъ за то, чтобы человѣкъ всегда оставался человѣкомъ.

IV.

Черезъ недѣлю въ пріемной прирѣченскаго банка за большимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ новый секретарь. Недружелюбно поглядывалъ на него Персиковъ и думалъ: „видно, тебѣ бабушка ворожитъ. Десять лѣтъ служу помощникомъ, дѣло свое знаю, пожаловаться на меня не могутъ, а вотъ ты пришелъ съ вѣтра и отбилъ у меня мѣсто“.

Однако онъ не ссорился съ новымъ секретаремъ, а, напротивъ, старался ему понравиться.

Веселый характеръ и товарищеское обращеніе Капорцева расположило къ нему всѣхъ служащихъ въ банкѣ. Начальство было тоже довольно имъ: онъ оказался прекраснымъ секретаремъ; дѣло велось толково и быстро; кліенты банка нерѣдко высказывали удивленіе, по поводу отсутствія проволочекъ и томительныхъ ожиданій, къ которымъ привыкъ русскій человѣкъ въ разныхъ „присутствіяхъ“.

Въ три часа Капорцевъ уходилъ изъ банка въ свою новую квартиру. Это были двѣ комнаты съ вполнѣ приличной обстановкой. У него завелись знакомства изъ мѣстной высшей буржуазіи. Чаще другихъ онъ бывалъ у Баштанова, подкупившаго его своимъ доброжелательствомъ.

Отъ частыхъ разговоровъ съ нимъ о кандидатурѣ въ члены правленія банка Капорцевъ сталъ привыкать къ этой перспективѣ, которая сначала заставила его расхохотаться. Но онъ видѣлъ рядъ препятствій, казавшихся ему неустранимыми.

— Послушайте, Николай Антоновичъ,—говорилъ онъ Баштанову,—ваша затѣя несбыточная: вѣдь я не акціонеръ.

Баштановъ усмѣхнулся.

— Какой вы еще младенецъ,—замѣтилъ онъ:— у васъ нѣтъ акцій, но онѣ у васъ будутъ ко дню выборовъ.

— То-есть, какъ же это?

— Запишемъ на ваше имя.

— Но вѣдь это обманъ!

— Никакого... Акціонеры будутъ отлично знать, что у васъ не собственныя акціи... Это одна формальность...

— Кромѣ того, акціонеры меня не знаютъ; съ какой стати они будутъ выбирать неизвѣстнаго человѣка?

Баштановъ опять усмѣхнулся.

— Вы плохо освѣдомлены въ этомъ вопросѣ,—сказалъ онъ:— акціонеры выбираютъ только того, кто предназначенъ правленіемъ банка. Васъ предложатъ выбрать Гольдштейнъ и я. Этого достаточно, чтобы вы были выбраны, хотя вы и homo novus въ нашемъ финансовомъ міркѣ.

Капорцевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выборовъ: съ ними соединялись надежды его любви.

Уже болѣе года Капорцевъ былъ влюбленъ. И случилось это совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ.

Въ какой-то праздникъ Баштановъ пригласилъ его къ себѣ „пообѣдать по семейному“. Въ то время, когда они болтали въ гостиной, въ нее вошла дочь Баштанова. Это была довольно красивая дѣвушка въ эффектномъ кокетливомъ платьѣ. Баштановъ представилъ дочери своего гостя.

Марья Николаевна сѣла, поправила платье красивымъ движеніемъ руки и спросила Капорцева:

— Какъ вамъ нравится прирѣченскій банкъ?

Капорцеву не понравился этотъ первый вопросъ дѣвушки, но ея фигура сразу произвела на него пріятное впечатлѣніе.

— Занятія неутомительныя,—отвѣтилъ онъ.

Исполнивъ обрядъ знакомства, Марья Николаевна отошла къ окну, сорвала китайскій розанъ и, обрывая его лепестки, наблюдала новаго знакомаго, продолжавшаго разговоръ съ Баштановымъ.

— Недуренъ собой,—подумала она.

Черезъ полчаса сѣли обѣдать. Марья Николаевна хозяйничала. Принимая отъ нея тарелку щей, Капорцевъ удивился: глаза дѣвушки были совсѣмъ не такіе, какъ полчаса тому назадъ. Онъ еще взглянулъ на нихъ, и ему вспомнилось, какъ онъ когда-то давно наблюдалъ капли дождя, висѣвшія на хвойныхъ иголкахъ. Это были безцвѣтныя, некрасивыя капли; вдругъ изъ-за тучи выглянуло солнышко: капли превратились въ брилліанты и заиграли радужными огоньками. Такъ и глаза Марьи Николаевны играли, какъ будто ихъ освѣтило какое-то солнышко. Капорцевъ нѣсколько разъ украд-

кой взглядывалъ на дѣвушку и, встрѣтившись съ ея взглядомъ, покраснѣлъ. Потомъ ему стало очень весело, онъ говорилъ безъ умолку, шутилъ, смѣялся, а когда подали шампанское, провозгласилъ тостъ за здоровье Марьи Николаевны. Потомъ и хозяинъ, и горничная съ суровымъ лицомъ показались ему добрыми и милыми, и даже круглый животъ Баштанова уменьшился ровно настолько, чтобы фигура его обладателя перестала быть комичной.

И началась обыкновенная исторія любви съ волшебными превращеніями. Дѣвушка сдѣлалась красавицей. Всѣ ея душевные недостатки исчезли и замѣнились добродѣтелями. Капорцевъ разсердился бы на того, кто позволилъ бы себѣ замѣтить, что у Марьи Николаевны хищное выраженіе лица, что ея умственный кругозоръ тѣсенъ, какъ горизонтъ въ горномъ ущельѣ, что у нея деспотическій характеръ избалованной барышни и больше всего она любитъ наряжаться.

Какая близорукость или дерзость нужны, чтобы это говорить! Въ глазахъ Марьи Николаевны ангельская доброта; въ ея душѣ самыя высокія стремленія... Правда, онъ ихъ еще не видѣлъ, но развѣ ангелъ можетъ быть недобрымъ, не стремиться ко всему возвышенному? Тѣсенъ умственный горизонтъ?.. Да развѣ она не просила его прочитать ей серьезную статью?.. Она зѣвала во время чтенія, но, во-первыхъ, она божественно зѣвала, а во-вторыхъ, не она же виновата въ томъ, что авторъ написалъ такую дурную статью, которой не заинтересовалась столь любознательная дѣвушка.

V.

Было уже за полночь. Капорцевъ томился надъ своей загадкой: любитъ или не любитъ. Онъ то садился у окна и, погружаясь въ думу, приближался къ истинѣ, заключавшейся въ отрицательномъ отвѣтѣ, то вдругъ вскакивалъ и быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ бы догоняя не эту столь печальную истину, а другую, которой жаждало его сердце.

Окна его квартиры выходили въ садъ. Тамъ была душистая свѣжесть майской ночи—цвѣли вишни и яблони. Лунный свѣтъ придавалъ фантастическій видъ цвѣтущимъ деревьямъ. Капорцеву казалось, что садъ наполненъ благоухающими облаками причудливыхъ формъ, скрывающими что-то радостное, поэтическое. Это было счастье молодости и любви; онъ чувствовалъ его въ нѣжномъ ароматѣ воздушныхъ волнъ, тихо вливавшихся изъ сада въ его комнату, и въ томъ едва слышномъ шепотѣ, который изрѣдка слы-

шался въ саду, когда въ него забѣгалъ ночной вѣтерокъ и на минуту нарушалъ дремоту деревьевъ.

Но, чувствуя близость счастья, Капорцевъ сознавалъ его неуловимость и томился жаждой Тантала. „Не любитъ“, думалъ онъ и глядѣлъ въ садъ на его красоту недружелюбнымъ взглядомъ. Зачѣмъ, думалось ему, вся эта красота майской ночи, когда въ моемъ сердцѣ осеннія чувства? И на луну, на этого друга влюбленныхъ, онъ посмотрѣлъ очень непривѣтливо, найдя на ея кругломъ, сіяющемъ лицѣ ироническую улыбку.

— Не любитъ, — повторялъ онъ: — ну и что же? Прекращу знакомство, перемучусь и все пройдетъ.

Но ему стало страшно отъ этой мысли.

И вдругъ онъ просіялъ. Ему вспомнилось, что недѣли двѣ тому назадъ Марья Николаевна взглянула на него какъ-то особенно привѣтливо; вотъ именно съ такой лаской — сравнилъ онъ — съ какой смотритъ луна на дремлющія деревья. Метель въ сердцѣ его прекратилась, и выглянуло теплое солнышко.

— Да и вчера, — продолжалъ онъ припоминать, — она сказала мнѣ „до свиданія“, а не „прощайте“, какъ она обыкновенно говоритъ. Да неужели она любитъ меня?!.

Но не успѣла еще эта теплая волна надежды вырости и засеребриться на вершинѣ, какъ на нее налетѣла холодная волна сомнѣнія.

— Нѣтъ, не любитъ, — подумалъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Объяснюсь, — рѣшилъ онъ наконецъ: — либо панъ, либо пропалъ. Въ тотъ же день, когда меня выберутъ въ члены правленія, объяснюсь, сдѣлаю ей предложеніе. Но какъ еще долго ждать!.. А раньше этого нельзя сдѣлать. Я не могу допустить, чтобы обстановка ея жизни измѣнилась къ худшему, если она меня любитъ, а жалованья секретаря недостаточно для того, чтобы она могла жить со мной такъ же, какъ живетъ у отца.

Успокоившись на своемъ рѣшеніи, Капорцевъ пришелъ въ обычное веселое настроеніе и засмѣялся.

А божество Капорцева въ это время тоже не спало. Лунная ночь и въ Марьѣ Николаевнѣ пробудила жажду счастья. Она вспомнила другія лунныя ночи, въ которыя она мечтала, что любимый человѣкъ сдѣлаетъ ей предложеніе. И это могло быть, еслибы она была очень богата. Онъ откровенно высказалъ ей свой взглядъ на жизнь: его цѣль добиться обезпеченнаго положенія, чтобы не зависѣть отъ службы, чтобы жить широко, пользоваться всѣми благами жизни. У него нѣтъ состоянія, значитъ,

онъ долженъ жениться на богатой... Любовь, конечно, хорошая вещь, но и для любви нужна обстановка. Что за любовь въ нищенской квартирѣ, при скверныхъ обѣдахъ. Неблагородно жениться, не имѣя возможности доставить женѣ комфортъ и всѣ удовольствія.

Марьѣ Николаевнѣ больно было слышать эти разсужденія, такъ какъ изъ нихъ слѣдовало, что онъ на ней не женится, но она его понимала.

Любовь не только въ шалашѣ, но даже въ скромной квартирѣ не казалось ей соблазнительной. Она не была довольна и той обстановкой, въ которой жила, считала себя стѣсненной въ своей главной потребности—хорошо одѣваться, говорила: „мы почти нищіе“, потому что отецъ не могъ дать за ней въ приданое ста тысячъ, которыя избранникъ ея сердца получилъ за купеческой дочкой; будь у нея сто тысячъ,—она вышла бы замужъ по любви.

Она взяла свой альбомъ и долго смотрѣла на *его* фотографію: уланъ въ парадной формѣ, съ красивымъ лицомъ и дерзкими глазами. Ревность шевельнулась въ Марьѣ Николаевнѣ, когда рядомъ съ этимъ красавцемъ она вообразила его жену. Грусть начала заползать въ ея сердце, но Марья Николаевна была не изъ тѣхъ, которые любятъ лелѣять свое горе.

— Глупо думать о невозможномъ,—рѣшила она и, закрывъ альбомъ, стала думать о возможномъ.—Ошибается-ли папа, утверждая, что Капорцева выберутъ въ члены правленія банка? Вѣроятно, не ошибается: онъ всегда умѣетъ взвѣсить шансы за и противъ. Вѣроятно, выберутъ... И, значитъ, скоро моя свадьба.

Она взглянула въ окно на освѣщенный луною городъ и сладкое волненіе любви не всколыхнуло ея сердца. Взглядъ ея остановился на большомъ домѣ; отъ него падала тѣнь, перегородившая всю улицу широкой черной полосой. Это былъ *его* домъ, полученный въ приданое за женой. Мысли о невозможномъ опять налетѣли, но Марья Николаевна отмахнулась отъ нихъ, какъ отъ докучливой мухи. Она вспомнила, что въ платьѣ, которое она обновила на прошлой недѣлѣ, есть какой-то недостатокъ, который надо устранить, вынула изъ шкапа блѣдно-зеленое платье и стала его разсматривать. Долго соображала она, чего въ немъ недостаетъ и, наконецъ, рѣшила, что необходимо нашить еще одинъ рядъ кружева; отыскала въ комодѣ какое-то кружево, но оно показалось ей слишкомъ широкимъ. Сложивъ его вдвое, она прикинула его къ платью и осталась довольна.

— Да, еще одинъ рядъ узкаго кружева и тогда будетъ прелесть что̀ такое.

Она бережно повѣсила платье на мѣсто, заперла шкапъ и сѣла у своего уборнаго столика. На немъ толпилось множество фарфоровыхъ фигурокъ, флакончиковъ, коробокъ и коробочекъ. Марья Николаевна открыла бомбоньерку, выбрала шоколадную плитку и стала ее сосать.

— Какой смѣшной этотъ Капорцевъ,—подумала она;—говорятъ, что всѣ влюбленные бываютъ смѣшные... Неужели и я была смѣшна, когда любила... Нѣтъ, это только влюбленные мужчины смѣшные... Что за лицо было у него вчера, когда онъ уходилъ... какое-то уморительное благоговѣніе... мнѣ показалось, что вотъ онъ сейчасъ перекрестится, встанетъ на колѣни и отвѣситъ земной поклонъ, какъ передъ иконой. *Онъ* никогда такъ не смотрѣлъ на меня, какъ Капорцевъ... И, можетъ быть, я не нашла бы его смѣшнымъ, еслибы тотъ такъ смотрѣлъ...

Она вздохнула и продолжала думать о Капорцевѣ.

— Онъ будетъ хорошимъ мужемъ... владыкой въ домѣ буду я... Не нравится мнѣ его восторженность, студенческія замашки, всѣ эти идейныя глупости, о которыхъ онъ любитъ разсказывать... Ну, да вѣдь онъ теперь глупостей не дѣлаетъ и, какъ женится, окончательно остепенится.

VI.

Въ капищѣ золотого тельца, гдѣ служилъ Капорцевъ, былъ праздникъ: выборы жрецовъ и утвержденіе годового отчета общимъ собраніемъ акціонеровъ банка. Ряды стульевъ были выстроены передъ столомъ для членовъ правленія, покрытымъ зеленымъ сукномъ. Точно шеренги войскъ передъ командиромъ. Десятка два акціонеровъ сидѣли въ заднихъ рядахъ и расхаживали по корридору, держа въ рукахъ отчетъ банка. Это были очень смиренныя фигуры безъ того самоувѣреннаго вида, какой имѣютъ обладатели разныхъ „фондовъ“. Это были акціонеры безъ акцій, автоматы, на которыхъ были записаны акціи ихъ патроновъ. Они явились въ собраніе за часъ до срока, боясь, какъ бы не опоздать. Имъ были розданы списки лицъ, которыя были предназначены въ члены правленія, въ оцѣночную и ревизіонную коммиссіи; они должны были единогласно утвердить отчетъ банка и смѣту на будущій годъ. Эти бѣдняки-актеры, которымъ предстояло играть роль богачей, чувствовали себя довольно неловко.

Служащіе въ банкѣ въ праздничныхъ сюртукахъ выглядѣли бодро и весело: имъ были назначены награды, которыя собраніе должно было утвердить. Сторожа суетились около вѣшалокъ. Съ почти-

тельными поклонами и съ лакейскимъ благоговѣніемъ они принимали пальто, шляпы и палки настоящихъ акціонеровъ. Въ передней, у входа въ залу, сидѣли два банковскихъ писца и, пересмѣиваясь съ подставными акціонерами, вставая и раскланиваясь съ начальствомъ, раздавали каждому отчетъ банка и списки кандидатовъ на разныя должности.

Капорцевъ былъ въ возбужденномъ, радостномъ настроеніи. Онъ осмотрѣлъ, все-ли приготовлено для собранія, справился, сколько явилось акціонеровъ. Персиковъ то суетился возлѣ секретаря, то торопливой, дѣловой походкой перебѣгалъ изъ одного конца залы въ другой. Онъ замѣтилъ, что отъ нѣкоторыхъ актеровъ-акціонеровъ пахнетъ чеснокомъ, запаха котораго терпѣть не могъ Баштановъ, и велѣлъ отворить окна. Профессоръ Геліотроповъ пожелалъ узнать меню завтрака, который сервировался въ сосѣдней комнатѣ, и Персиковъ побѣжалъ за этими свѣдѣніями. Пріѣхалъ Баштановъ и, здороваясь съ Капорцевымъ, сказалъ:

— Мы надѣемся, что сегодня вы у насъ обѣдаете.

— Мы, значитъ и она,—подумалъ Капорцевъ.

Съ счастливой улыбкой онъ пожалъ руку Баштанову и проговорилъ: непремѣнно.

Ровно въ двѣнадцать часовъ пріѣхалъ предсѣдатель, позвонилъ, говоръ стихъ, и собраніе открылось.

— Господа,—заговорилъ Гольдштейнъ:—отчетъ банка всѣмъ уже извѣстенъ, и я полагалъ бы не читать всего отчета, чтобы не было напраснаго утомленія.

— Не читать,—закричали актеры-акціонеры.

— А ограничиться прочтеніемъ одного заключенія,—продолжалъ Гольдштейнъ:—согласны, господа?

— Согласны, согласны!..

— Въ такомъ случаѣ, Петръ Артемьевичъ, прочитайте пожалуйста заключеніе отчета.

Капорцевъ прочиталъ; въ залѣ раздались голоса.

— Утверждаемъ!..

Сидѣвшій впереди тузъ сказалъ, что собранію пріятно выразить искреннюю благодарность правленію банка за его труды, и всѣ встали съ криками: „благодаримъ“. Затѣмъ начались выборы.

Съ волненіемъ слѣдилъ Капорцевъ за счетомъ голосовъ. Это тянулось довольно долго. Наконецъ, списокъ избранныхъ былъ составленъ считавшими голоса акціонерами, и Гольдштейнъ, надѣвъ очки, началъ читать.

— Въ члены правленія, на мѣсто выбывшаго Ягодкина,—Петръ Артемьевичъ Капорцевъ единогласно.

Баштановъ первый поздравилъ Капорцева и сказалъ:

— Ну, вотъ видите, я вамъ говорилъ, что такъ будетъ.

— Вотъ это карьера, — думалъ Персиковъ, — и какой же я умница, что не ссорился съ нимъ: теперь ужъ я навѣрно секретарь, онъ далъ мнѣ слово.

Поздравивъ Капорцева, онъ напомнилъ ему объ этомъ обѣщаніи.

— На первомъ же засѣданіи будетъ подписанъ журналъ о назначеніи васъ секретаремъ,—отвѣтилъ Капорцевъ.

Ему было весело и хотѣлось всѣмъ доставить удовольствіе. Какъ привѣтливо глядѣло солнышко въ окна; какія веселыя лица у поздравлявшихъ его съ результатомъ выборовъ! Между тѣмъ подставные акціонеры, исполнивъ свою роль, быстро исчезли, а настоящіе акціонеры были приглашены къ завтраку.

Капорцеву казалось, что тотъ день былъ самый длинный во всей его жизни. Еще болѣе четырехъ часовъ оставалось до обѣда у Баштанова, а минуты ползли съ возмутительной неторопливостью улитки. Отъ томительности ожиданія его радостное возбужденіе нѣсколько охладѣло.

— А что, если она скажетъ: нѣтъ?.. Что мнѣ тогда и эта новая должность, и синее небо, и ласковое солнышко? Задернется оно дымкой и будетъ смотрѣть зловѣще, какъ смотритъ сквозь пелену дыма отъ лѣсного пожара.

— Нѣтъ, этого не будетъ — думалъ онъ, отворачиваясь отъ этой мелькнувшей въ его воображеніи картины. Сердце подсказывало ему, что этотъ день будетъ для него полонъ радости.

Однако, когда онъ позвонилъ у дверей своего рая слишкомъ за часъ до времени обѣда у Баштановыхъ, у него явилось сомнѣніе, рѣшится-ли онъ сегодня сдѣлать свое признаніе или нѣтъ.

Горничная впустила его и сказала:

— Николай Антоновичъ еще не пріѣхали; Марья Николаевна въ саду. Я имъ скажу, что вы пришли.

— Не надо, я самъ пойду въ садъ.

Это былъ плохой, запущенный садъ... Малинникъ разросся въ немъ непроходимой чащей, какъ тростникъ на островахъ Днѣпра. Нѣсколько старухъ-яблонь доживали свой вѣкъ; красавецъ вязъ стоялъ у покачнувшейся бесѣдки, къ которой вела заросшая травой дорожка.

Пройдя по этой дорожкѣ, съ сладкимъ трепетомъ въ сердцѣ, Капорцевъ увидѣлъ въ бесѣдкѣ свою богиню. На ней было голу-

бое платье съ множествомъ нашивокъ, складочекъ и бантиковъ. На другой дѣвушкѣ Капорцевъ назвалъ бы его вычурнымъ, на Марьѣ Николаевнѣ оно показалось ему восхитительнымъ.

— По лицу вижу, что вы не секретарь, а членъ правленія,— сказала Марья Николаевна.

— Да,—весело отвѣтилъ Капорцевъ.

— Поздравляю.

Она пожала его руку.

Волна счастья набѣжала на юношу, и отъ ея брызгъ сердце заволновалось. Сдерживая его, онъ сѣлъ на старую скамейку противъ Марьи Николаевны и нѣсколько секундъ созерцалъ ее, молча, забывши весь міръ.

— Вы очень счастливы сегодня?—спросила она, едва замѣтно усмѣхнувшись отъ его восторженнаго взгляда.

Онъ встрепенулся отъ ея вопроса и заговорилъ:

— Счастливъ?.. Нѣтъ, это слишкомъ слабое выраженіе для того, что я чувствую. Въ дѣтствѣ моя мать часто разсказывала о райскомъ блаженствѣ... Я не понималъ и все просилъ ее объяснить, какое это блаженство. Какъ теперь помню, она посмотрѣла на меня своими добрыми глазами и сказала: глупенькій, райскаго блаженства нельзя описать, оно неизрѣченное, неописанное... его только чувствуютъ праведники... И вотъ теперь я его чувствую...

— Конечно, это важный шагъ въ вашей карьерѣ—сказала она:— но я блаженствовала-бы, развѣ, если бы выиграла двѣсти тысячъ.

Онъ оторопѣлъ на мгновеніе отъ этихъ словъ. Это были холодныя капли, брызнувшія въ пламя восторга, но онѣ и улетѣли, какъ паръ изъ этого пламени.

— Карьера!.. Двѣсти тысячъ!—воскликнулъ онъ—нѣтъ! Мнѣ и милліардъ не далъ бы этихъ блаженныхъ минутъ!.. И неужели вы считаете меня такимъ жалкимъ человѣкомъ, такимъ пошлякомъ, который можетъ придти въ восторгъ отъ денегъ.

— Деньги не вздоръ,—замѣтила она.

Это опять были холодныя брызги, но онъ ихъ не замѣтилъ и продолжалъ, все болѣе и болѣе увлекаясь:

— Нѣтъ, Марья Николаевна, если я чувствую теперь, что рай съ неизрѣченнымъ блаженствомъ не вымыселъ, то не потому, что меня выбрали въ члены правленія банка... Нѣтъ, моя жизнь освѣтилась солнцемъ, предъ которымъ блѣдны и холодны вотъ тѣ золотые лучи, отъ которыхъ горятъ облака. Вы не можете не знать, что я давно, давно люблю васъ, съ перваго дня нашего знакомства... И мнѣ показалось сегодня, что и вы меня любите...

Онъ замолчалъ. Волненіе, звучавшее въ его словахъ, сообщилось и Марьѣ Николаевнѣ. Она уже не думала, что онъ смѣшонъ въ своемъ восторгѣ. Онъ былъ красивъ во время страстнаго признанія.

Но Марья Николаевна сейчасъ же овладѣла собою и, послѣ короткаго молчанія, сказала:

— Можетъ быть, вы и не ошиблись.

Она поглядѣла на него, какъ будто онъ не все еще сказалъ, и ждала чего-то.

— Значитъ, я могу назвать васъ моей невѣстой? — воскликнулъ онъ.

— Можете.

Ему показалось, что она сказала это холодновато.

— Вздоръ, это сдержанность дѣвушки,—мелькнуло у него возраженіе.

И онъ съ блаженствомъ поцѣловалъ ея руку.

Марья Николаевна встала, поправила свой голубой поясъ и сказала:

— Пойдемъ, объявимъ папѣ нашу новость. Онъ, вѣроятно, уже пріѣхалъ.

Это огорчило влюбленнаго юношу: онъ не могъ понять, какъ можно торопиться уходить изъ этой бесѣдки, сокращать минуты невыразимаго счастья, но крылатый божокъ помогъ ему обмануть себя...

— Какой эгоистъ,—шепнулъ онъ ему:—она торопится обрадовать отца.

И онъ пошелъ за ней, молча восхищаясь ея душевной красотой, и безоблачный праздникъ былъ въ его сердцѣ.

VII.

Съ улыбкой счастливаго человѣка, чувствуя нѣкоторую неловкость, вошелъ Капорцевъ въ ложу бель-этажа. Ему подумалось, что онъ какъ-нибудь нечаянно попалъ не на свое мѣсто, что ему слѣдовало подняться гораздо выше, гдѣ шумитъ-гудитъ молодая болтовня и смѣхъ, изъ которыхъ вырываются, точно трубные звуки, крики и залпъ дружнаго хлопанья.

На переднихъ креслахъ сидѣли Марья Николаевна и ея подруга, сзади, съ комичной важностью, возсѣдалъ Баштановъ, четвертое кресло ожидало Капорцева. Онъ сѣлъ, и дѣйствительность показалась ему похожей на сонъ.

Въ хорошо знакомомъ ему театрѣ все было, какъ и всегда.

Обычныя фигуры стояли въ партерѣ, опершись спиной на перегородку, отдѣляющую оркестръ отъ залы; вотъ двѣ выдающіяся лысины, прозванныя въ райкѣ свѣтилами; вотъ какой-то толстякъ пробирается между креслами походкой кавалериста. Нарядныя дамы и барышни въ ложахъ, галлерея, окаймленная бордюромъ изъ головъ; гулъ голосовъ сливается съ предъувертюрной путаницей звуковъ въ оркестрѣ.

Все было, какъ и прежде, но для Капорцева это все было освѣщено теперь волшебнымъ свѣтомъ любви и являлось декораціей его счастья. Онъ посмотрѣлъ на „верхи“, вспомнивъ, сколько удовольствія было испытано имъ въ тѣснотѣ и духотѣ райскихъ обителей, но вѣдь *ея* нѣтъ тамъ, и значитъ во всемъ мірѣ нѣтъ теперь мѣста лучше, поэтичнѣе этой ложи.

Марья Николаевна разсматривала въ бинокль публику и дѣлилась впечатлѣніями съ своей подругой.

— Сегодня и губернаторъ здѣсь,—сказалъ Баштановъ такимъ тономъ, какъ будто бы отъ присутствія губернатора опера должна сдѣлаться интереснѣе.

Капорцевъ посмотрѣлъ на старика въ губернаторской ложѣ и сказалъ:

— Я ему не завидую.

Началась увертюра. Капорцевъ слышалъ ее не въ первый разъ, но она кажется ему совсѣмъ не такой, какъ прежде. Теперь онъ лучше всякаго музыканта понимаетъ ее—это исторія любви. Онъ наклонился къ Марьѣ Николаевнѣ и шепнулъ:

— Какая прелесть!..

— Что такое?—спросила она.

— Эта музыка...

— Я никогда не слушаю увертюры. А, посмотрите, какое великолѣпіе... вторая ложа слѣва.

Капорцевъ увидѣлъ лысаго банкира съ женой и спросилъ:

— Вы про что говорите?

— Ахъ, Боже мой!.. Да неужели вы не видите, какіе божественные брилліанты?..

— Брилліанты?—повторилъ Капорцевъ, усмѣхнувшись: — по моему игра свѣта въ подвѣскахъ люстры гораздо красивѣе.

— Много вы понимаете...

Между тѣмъ дуэтъ віолончели и скрипокъ дѣлался все болѣе и болѣе страстнымъ; голоса всѣхъ инструментовъ слились въ одной мелодіи и раскошнымъ аккордомъ торжествующей любви окончилась увертюра.

Капорцевъ вскочилъ съ кресла, захлопалъ и закричалъ: браво...

Барыня въ сосѣдней ложѣ съ удивленіемъ взглянула на него и сказала:

— Это какой-то дикарь изъ галлереи.

Но онъ ничего этого не видѣлъ и не слышалъ и, какъ бывало во дни студенчества, ревѣлъ: bis.

— Петръ Артемьевичъ, вы меня оглушите...

Онъ увидѣлъ улыбающееся лицо невѣсты.

— Простите!.. Но вѣдь это прелесть что такое!.. Неужели вамъ не понравилась увертюра?

— Красивая,—сказала она, желая ему угодить.

Въ антрактѣ Капорцевъ сталъ разсказывать Марьѣ Николаевнѣ о впечатлѣніи, какое произвела на него увертюра; ему казалось, что и она должна была чувствовать то же, что и онъ—вѣдь она любитъ его. Но Марья Николаевна равнодушно выслушала его и сказала:

— Я не музыкантша.

— Да и я не музыкантъ,—воскликнулъ Капорцевъ:—но я чувствую красоту этой музыки.

— Слишкомъ ужъ сильно чувствуете, до телячьяго восторга,—сказала она, улыбаясь.

Эта улыбка уничтожила непріятность сравненія.

— Телячьяго,—повторилъ Капорцевъ:—нѣтъ, это былъ крикъ человѣческаго восторга, выраженный райскимъ языкомъ.

— Но вѣдь вы были въ ложѣ, а не въ раю.

— Нѣтъ, въ раю...

Она улыбнулась и сказала:

— Тамъ должно быть ужасно, въ этомъ раю, гдѣ бываютъ студенты.

— Тѣсно, жарко, пахнетъ пòтомъ, но все-таки хорошо.

— Тѣмъ, что можно кричать?

— Между прочимъ, и этимъ... Свободно... И я не понимаю, почему не крикнуть отъ радости, когда душа этого хочетъ?

— Неприлично.

Капорцеву хотѣлось бы, чтобъ невѣста его этого не говорила, но если она сказала, значитъ, это хорошо, и онъ дѣйствительно, должно быть, былъ неприличенъ.

— Будьте моей учительницей,—сказалъ онъ:—я не знаю этой науки приличій... только не будьте строгой; укажите мое неприличіе и улыбнитесь—я тогда скоро выучусь.

— Хорошо,—сказала она, разсмѣявшись.

Отъ ея улыбки ему стало безгранично весело, и всѣ люди казались очень милыми, даже сердитая дама въ сосѣдней ложѣ, неодобрительно поглядывавшая на дикаря изъ галлереи.

VIII.

Счастье было и улетѣло, потому что оно крылато.

Роскошны были и декораціи счастья: синее, волнистое море, зеленыя горы. О любви пѣлъ водопадъ, о ней же шептали магноліи и кипарисы.

Было счастье, но не то, которое предчувствовалъ Капорцевъ. Не про такое счастье пѣли скрипки и віолончели въ тотъ вечеръ, когда онъ по студенчески выражалъ свой восторгъ. Въ музыкальной картинѣ счастья не было ни одного диссонанса, а въ его дуэтѣ съ женой они бывали. Правда, они звучали лишь нѣсколько мгновеній, но одна негармоничная нота въ мелодіи любви то же, что капля карболки на чайной розѣ. Эти диссонансы печальными призраками появлялись на поэтическомъ праздникѣ, какъ вѣстникъ грядущей прозы; но внушенія любви—не видѣть, не слышать и не понимать дѣйствительности—еще было въ силѣ, и Капорцевъ, послѣ минутнаго огорченія, не разбираясь въ немъ, забывалъ его. А время летѣло, и часы любви ослабѣвали. Розовый туманъ сталъ разсѣиваться, и очертанія дѣйствительности начали обрисовываться передъ Капорцевымъ. Они были еще очень неясны, но отъ нихъ вѣяло какой-то обидой, и юноша невольно отворачивался отъ нихъ. Однако, тревожные вопросы вставали все чаще и диссонансы звучали назойливѣе, раздражительнѣе.

— Почему же,—думалъ Капорцевъ,—наше счастье было не то, о какомъ я мечталъ? Почему въ нашихъ отношеніяхъ какая-то неловкость, какъ будто мы не друзья, сошедшіеся на всю жизнь, а чужіе, встрѣтившіеся на станціи?

Но, въ тотъ моментъ, когда, казалось, нѣсколько шаговъ трезвой мысли, и въ отвѣтъ на эти мучительные вопросы явится истина, Капорцевъ отказывался отъ ихъ разрѣшенія.

— Не хочу я объ этомъ думать! Я люблю ее, она меня любитъ!..

Онъ старался прочитать любовь въ глазахъ жены, и такъ какъ страстно желалъ этого, то и читалъ, какъ читаютъ дѣти, только что выучившіяся складывать слова: ма читаетъ ребенокъ и весело кричитъ: мама, а въ книгѣ напечатано не мама, а мачиха.

Но прошли и эти дни сомнѣній, завершавшихся иллюзіями. За ними было много тяжелыхъ дней, въ которые Капорцевъ по-

гружался въ изслѣдованіе этихъ сомнѣній, но какъ только передъ нимъ начинала выясняться истина, онъ съ негодованіемъ отворачивался отъ нея и жаждалъ самообмана. Потомъ все короче становились иллюзіи, все труднѣе становилось отворачиваться отъ истины, потому что она очень обидная. Наконецъ, послѣ многихъ страданій, Капорцеву стало ясно, что жена не любитъ его и не любила, а только позволяла ему любить себя. Онъ понялъ также, что между ними не можетъ установиться дружбы.

Онъ не узналъ своей жены, когда розовые очки любовнаго очарованія спали съ его глазъ, и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, какъ онъ могъ такъ жестоко обмануться.

— Чѣмъ она мнѣ понравилась?—разсуждалъ онъ. Съ чего я взялъ, что она добрая, что она будетъ раздѣлять мои убѣжденія?.. Никакихъ данныхъ для этого не было, ни одного поступка, даже словъ не было, все я самъ выдумалъ и собственному лганью повѣрилъ. Ясно было, что она пустенькая барышня, которая, кромѣ нарядовъ, ничѣмъ не интересуется, ни поэзіи, ни музыки, ни мысли не любитъ.

Онъ доискивался отвѣта на этотъ вопросъ, припоминалъ всѣ подробности перваго знакомства, вспомнилъ кокетливую игру ея глазъ и тяжело вздохнулъ.

Какъ бы то ни было, передъ нимъ стояла печальная и обидная дѣйствительность. Онъ женатъ, но они не любятъ другъ друга и не могутъ подружиться. Разсудокъ говорилъ ему, что если сдѣлана глупость, то ее надо поправить—мирно разойтись, чтобы не отравлять жизни другъ другу. Онъ былъ убѣжденъ, что это единственный умный исходъ изъ постигшаго его несчастія, но онъ оказался невозможнымъ для Капорцева.

Когда онъ заговорилъ объ этомъ съ женой, съ ней сдѣлался страшный припадокъ гнѣва. Она кричала, что не позволитъ себя компрометировать; потомъ гнѣвъ ея перешелъ въ истерику. Капорцеву стало жаль ее, онъ испугался, какъ бы она не захворала, и рѣшилъ покориться своей участи.

— Если мы и не друзья,—утѣшалъ онъ самъ себя,—то все-таки вѣдь и не враги, значитъ, можемъ жить мирно, не мѣшая другъ другу, какъ живутъ люди въ гостинницѣ въ отдѣльныхъ номерахъ, сходясь только за обѣдомъ или когда только захочется побесѣдовать.

Но это была новая иллюзія. У Марьи Николаевны не было достаточно ума для того, чтобы устроить мирную жизнь съ нелюбимымъ мужемъ. Не найдя счастья въ супружествѣ, она винила

въ этомъ мужа: онъ долженъ былъ понять, что она его не любила и не долженъ былъ на ней жениться. Она, можетъ быть, встрѣтила бы человѣка, котораго полюбила бы, или нашла бы мужа съ лучшимъ положеніемъ въ обществѣ, какого-нибудь капиталиста, который повезъ бы ее за границу. Въ ней стало развиваться враждебное, презрительное чувство къ мужу, а разница во взглядахъ неизбѣжно давала частые поводы къ столкновеніямъ. И вотъ, въ квартирѣ Капорцевыхъ, установилось военное положеніе, какъ у большинства семейныхъ очаговъ.

IX.

Потянулась сѣрая, будничная жизнь. Утро проходило въ банкѣ. Капорцевъ втянулся въ служебныя занятія, привыкъ къ нимъ, находилъ въ нихъ даже нѣкоторое удовольствіе. Мысль о томъ, что онъ жрецъ въ капищѣ золотого тѣльца, его не безпокоила. Позабылись и соображенія, которыми онъ доказывалъ себѣ, что долженъ поступить въ банкъ потому, что хорошимъ людямъ обязательно имѣть деньги для общественныхъ цѣлей. У него есть теперь деньги, но объ общественныхъ дѣлахъ ему не думается, какъ бывало прежде, когда не было денегъ. Отодвинулись въ туманную даль общественные вопросы, заслонили ихъ обычныя заботы о благосостояніи.

Иногда какая-нибудь прочитанная статья заставляла его задуматься; прежнія студенческія мысли являлись передъ нимъ, но это были уже не живыя мысли, а блѣдные призраки. Быть можетъ, и ожили бы они, еслибы Капорцевъ снова очутился среди такихъ людей, какіе составляли его среду въ былое время; но теперь онъ вращался въ обществѣ людей, поглощенныхъ только личными дѣлами: днемъ они старались добыть какъ можно больше средствъ для жизни, а вечеромъ отдыхали отъ дѣловой сутолоки за картами, въ театрѣ, въ ресторанѣ. Разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ не обѣщало имъ увеличенія доходовъ, и они ими не интересовались. Они желали, чтобы эти вопросы разрѣшились какъ-нибудь сами собой.

Однажды, въ разговорѣ съ однимъ изъ кліентовъ банка, Капорцевъ узналъ, что въ городѣ живетъ бывшій его товарищъ Половицынъ. Онъ обрадовался.

— Свой человѣкъ, будетъ съ кѣмъ душой отдохнуть,—думалъ онъ, отыскивая квартиру Половицына.

Темнымъ корридоромъ, наткнувшись на кадку съ водой, пробрался Капорцевъ въ переднюю; въ ней тоже было темно; полоской свѣта обрисовывалась неплотно притворенная дверь.

— Здѣсь живетъ Половицынъ?

— Здѣсь,—раздалось въ отвѣтъ.

По голосу Капорцевъ не узналъ бывшаго товарища и вошелъ въ небольшую комнату, не уютную, не прибранную. За столомъ, на которомъ кипѣлъ угарный самоваръ, сидѣлъ невысокаго роста мужчина въ темносинемъ халатѣ и пилъ чай. Онъ напоминалъ монастырскаго послушника.

Капорцевъ тотчасъ узналъ Половицына по большому носу, заслужившему ему прозвище носорога.

— Не узнаешь?—воскликнулъ Капорцевъ, весело улыбаясь... Половицынъ подошелъ къ нему, вглядѣлся и сказалъ:

— Не могу припомнить.

Сѣрые глаза его глядѣли грустно.

— Капорцевъ, по прозвищу верзила.

На лицѣ Половицына явилась слабая улыбка. Онъ протянулъ руку и сказалъ:

— Не ожидалъ такого гостя... Садись, будемъ чай пить.

Улыбка съ лица его исчезла; оно по-прежнему стало серьезнымъ. Радость Капорцева какъ-то сразу остыла отъ холодной встрѣчи. Онъ оглядѣлъ комнату и сказалъ.

— Какъ у тебя неудобно, не весело.

— Это потому, что я не ищу ни удобствъ, ни веселья. Все это мелочи, пустяки.

— Пустяки?—повторилъ Капорцевъ.

— Да, въ тѣлесной жизни все пустяки... Жизнь — въ духѣ, въ предчувствіи духовнаго счастья.

— Какое же это счастье?

— Мы его узнаемъ, когда духъ освободится изъ своей тѣлесной темницы.

Капорцеву вдругъ почудилось, что онъ въ могильномъ склепѣ, и ему стало жутко.

— Я не узнаю тебя, Носорогъ... Неужели и ты заразился модным мистицизмомъ?

Половицынъ помолчалъ, налилъ стаканъ жидкаго чаю, придвинулъ его гостю и отвѣтилъ:

— Не по модѣ, а по убѣжденію я презираю тѣлесную жизнь. Все въ ней матерьяльно и низменно... И то, что люди называютъ духовнымъ, въ сущности матерьяльно. Гдѣ есть тѣло, тамъ только животное, а не человѣческое. Истинно духовная жизнь начинается только послѣ смерти.

— Кладбищемъ пахнетъ отъ твоихъ словъ,—замѣтилъ Капорцевъ.

— Такъ что же?.. Для человѣка кладбище отрадное мѣсто: на кладбищѣ уничтожается тѣло, которое мѣшаетъ людямъ быть духовно счастливыми... Отвращеніе къ смерти—предразсудокъ... Кто хочетъ быть человѣкомъ, у того, напротивъ, должно быть отвращеніе къ жизни. Вотъ ты, я помню, очень любилъ жизнь и теперь, повидимому, любишь ее; ну, скажи мнѣ: что въ жизни достойно человѣка, чѣмъ можетъ удовлетвориться его духъ?

— Оставимъ лучше этотъ разговоръ,—сказалъ Капорцевъ, чувствуя какую-то тоску:—ты сегодня хандришь; поговоримъ о чемъ-нибудь повеселѣе.

— Я сегодня такой, какъ всегда,—возразилъ Половицынъ:—позволь мнѣ докончить... Я назову за тебя то, что люди называютъ счастьемъ. Любовь, конечно. Но вѣдь это животный инстинктъ. Я воображалъ когда-то, что это возвышенное чувство, и на себѣ убѣдился, что это вздоръ... Я влюбился до безумія въ самую пошлую барышню, хотя въ то же время зналъ нѣсколько умныхъ и добрыхъ дѣвушекъ... Но я только признавалъ ихъ прекрасными, а влюбился не въ нихъ... Значитъ, любовь не нравственной и даже не физической красотой вызывается—моя благовѣрная, отъ которой я бѣжалъ, даже и некрасива—а только физической симпатіей. Животный инстинктъ и больше ничего.

— Какъ будто вся жизнь въ любви?—сказалъ Капорцевъ съ горькимъ чувствомъ отъ воспоминанія о своей женитьбѣ.—Содержаніе жизни въ общественной дѣятельности. Надѣюсь, ты не найдешь въ ней ничего животнаго?

— Общественная дѣятельность имѣетъ цѣлью счастье людей, а ихъ счастье матерьяльное, животное... Когда я читаю объ успѣхахъ соціалъ-демократіи въ Германіи, я думаю: вотъ несчастные, не замѣчающіе, что они въ себѣ, т.-е. въ своемъ ученіи, носятъ смерть.

— Что такое?..—изумился Капорцевъ.

— Да, смерть,—повторилъ Половицынъ:—въ ихъ ученіи нѣтъ духа, а гдѣ нѣтъ духа, тамъ смерть.

— Но вѣдь матерьяльныя средства нужны для развитія духовной жизни.

— Въ чемъ она заключается? Представь себѣ, что человѣчество устроилось по идеалу соціалистовъ. Что тогда люди будутъ дѣлать? Пить, ѣсть, влюбляться... Это, очевидно, матерьяльное... затѣмъ наслаждаться природой, литературой, искусствомъ, заниматься наукой... Вотъ и все духовное. Но вѣдь литература и искусство есть воспроизведеніе жизни, значитъ, тоже ѣды, питья, влюбленія,

слушанія драмы, оперы... Гдѣ-же тутъ возвышенныя духовныя цѣли? Все это только пріятныя раздраженія зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ... Наука?.. Но вѣдь она никогда не откроетъ міровой тайны, а безъ этого вся цѣна ей грошъ... Кромѣ разныхъ утилитарностей она ничего не даетъ... Ну, вотъ и разсуди, стоитъ-ли изъза мѣщанскаго счастья человѣчества бороться, страдать, жертвовать жизнью?

— Стоитъ!—съ живостью возразилъ Капорцевъ:—потому что все, перечисленное тобой, отъ ѣды до научныхъ занятій, до наслажденій искусствами есть жизнь, есть величайшее счастье. Это мнѣніе всѣхъ здоровыхъ людей, и я увѣренъ, что ты боленъ и потому не чувствуешь аппетита къ жизни. Ты запутался въ мысляхъ, потому что исходишь не отъ реальнаго, а отъ фантастическаго... Тебѣ не нравится тѣлесность человѣка, но вѣдь она не устранима—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, можно-ли относиться презрительно къ тѣлу, когда только имъ обусловливается духовная жизнь.

— Такой духовной жизнью, ощущаемой тѣломъ, живетъ и животное. И человѣкъ не перестанетъ быть животнымъ, пока его духъ заключенъ въ тѣлѣ. Человѣкъ долженъ ненавидѣть свое тѣло, какъ тюрьму, но, увы! арестантъ привыкаетъ къ тюрьмѣ, человѣкъ не только привыкаетъ къ своему тѣлу, но и любитъ его.

— Чортъ знаетъ, что за ерунда!.. Тебѣ, значитъ, остается только умирать.

— Для этой цѣли мы всѣ и созданы; я радуюсь, что каждый день приближаетъ меня къ свободѣ духа.

— На твоемъ мѣстѣ я сегодня же получилъ бы эту свободу.

— Ты забываешь, что самоубійство смертный грѣхъ.

Страшно стало Капорцеву въ этой комнатѣ, и мерцающій огонекъ лампадки у образа казался ему не тихимъ свѣтомъ, а зловѣщимъ пламенемъ погребальныхъ факеловъ; онъ какъ будто видѣлъ четверку клячъ въ черныхъ безобразныхъ попонахъ съ бѣлыми каймами и медленно идущихъ возлѣ нихъ людей въ черныхъ шляпахъ, съ факелами въ рукахъ.

— Несчастный!—подумалъ онъ, взглянувъ на товарища, задумчиво сидѣвшаго передъ нимъ въ синемъ халатѣ, напоминавшемъ монашескую рясу.

Капорцеву захотѣлось поскорѣе уйти.

— Не встрѣчалъ-ли кого-нибудь изъ нашихъ однокурсниковъ?—спросилъ онъ:

— Вчера видѣлъ Фольгина.

— Да? Гдѣ же онъ?—оживился Капорцевъ.

— Я видѣлъ, какъ онъ сходилъ съ извозчика у гостинницы „Лондонъ“.

— Знаешь что! Поѣдемъ къ нему сейчасъ. Онъ веселый. Мы живо тебя растормошимъ, живой водой спрыснемъ.

— Я нигдѣ не бываю,—серьезно отвѣтилъ Половицынъ.

— Ну, прощай!.. Я къ нему поѣду... Эхъ, Носорогъ!.. Больно мнѣ смотрѣть на тебя. Неужели у тебя ничего не осталось отъ студенчества?

— Глупости, о нихъ не стоитъ жалѣть... Въ корридорѣ темно, я посвѣчу тебѣ.

Онъ взялъ лампу и вышелъ въ переднюю.

Когда Капорцевъ очутился на улицѣ, онъ вздохнулъ съ удовольствіемъ. Сіяли звѣзды, зарево луны разгоралось на горизонтѣ; гдѣ-то недалеко играла шарманка, стучали колеса по мостовой. Сознавать себя живущимъ было особенно пріятно Капорцеву послѣ разговора съ товарищемъ; онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, попавшій съ похоронъ на деревенскую ярмарку.

Онъ взялъ извозчика и велѣлъ ему ѣхать въ гостинницу „Лондонъ“.

X.

Свѣтлый корридоръ гостинницы послѣ квартиры Половицына очень понравился Капорцеву. Просмотрѣвъ на черной доскѣ списокъ пріѣзжихъ, онъ постучалъ у пятаго номера.

— Войдите!—раздался энергичный басъ.

— Онъ, его голосъ,—подумалъ Капорцевъ и отворилъ дверь.

— Батенька!.. Да вѣдь это нашъ Верзила!.. весело воскликнулъ Фольгинъ и поцѣловался съ гостемъ,—ну, какъ ты живешь?

— Такъ себѣ.

— Адвокатствуешь? Обѣляешь черненькихъ?

— Давно бросилъ адвокатуру. Въ прирѣченскомъ банкѣ членъ правленія.

— Недурно... пять-шесть тысченокъ перепадаетъ.

— Въ родѣ того.

— Жить можно, хотя не Богъ знаетъ какая благодать пять тысченокъ. А вотъ, братъ, у меня налаживается одно дѣльце, можно сказать, грандіозное. Если выгоритъ, положу въ карманъ двадцать тысячъ... Аппетитный кусочекъ—стоитъ повозиться вокругъ него... Ну, очень мило, что ты ко мнѣ зашелъ, будемъ пить чай, закусимъ.

Онъ позвонилъ и заказалъ явившемуся лакею самоваръ, закусокъ и бутылку вина.

— Ты помнишь мечтателя Половицына?—спросилъ Капорцевъ.

— Какъ не помнить Носорога...

— Я у него сейчасъ былъ. Онъ мнѣ и сказалъ о твоемъ пріѣздѣ. Представь себѣ, все живое изъ него выдохлось... какимъ-то анахоретомъ сдѣлался... Недоволенъ тѣмъ, что у человѣка есть тѣло, оно мѣшаетъ ему жить духовной жизнью... Мертвечиной такъ и разитъ отъ него. Я до сихъ поръ не могу освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія.

— Отъ Носорога можно было этого ожидать.

— Почему?

— Онъ былъ честный, добрый малый, но тупица... Онъ и тогда не могъ логически мыслить—я помню его споры. А вотъ всякая мистическая дребедень—это по его силамъ: фантазируй сколько влѣзетъ... Да ну его къ лѣшему. Разскажи лучше, какъ ты тутъ устроился, много-ли у тебя знакомствъ?

— Много, но знакомыхъ по душѣ нѣтъ.

— Ну?.. Неужто здѣсь такъ-таки и нѣтъ умныхъ, веселыхъ людей, съ которыми пріятно время провести?

— Есть и умные, и веселые... Но мнѣ хотѣлось бы какой-нибудь практики общественному чувству, а общественныхъ людей здѣсь нѣтъ.

— То-есть, какъ нѣтъ?.. Всѣ заняты какимъ-нибудь общественнымъ дѣломъ... И ты самъ общественный человѣкъ... Развѣ кредитъ не общественное дѣло?

— Я разумѣю прогрессивную общественную работу. Надѣюсь, ты понимаешь меня—вмѣстѣ были въ университетѣ.

— Теперь понялъ... Ты, значитъ, о старыхъ фантазіяхъ заговорилъ. Общее благо, справедливость... liberté, egalité, fraternité...

Съ презрительностью онъ растягивалъ окончанія послѣднихъ словъ. Его жизнерадостное лицо сдѣлалось строгимъ, въ голосѣ зазвучали рѣзкія ноты.

— Все это глупости,—рѣшительно заключилъ онъ, точно отрубилъ топоромъ.

Капорцева покоробило.

— Общее благо, справедливость, все это глупости? — спросилъ онъ.

Появленіе лакея съ самоваромъ и закусками прервало разговоръ.

— Стремленіе къ недостижимому,—заговорилъ Фольгинъ, когда лакей ушелъ,—есть, конечно, глупость, какъ и желаніе понять непостижимое или обнять необъятное. Вотъ это я и хотѣлъ сказать. Ты вотъ сейчасъ возмущался мечтаніями Носорога. Онъ мечтаетъ

о духѣ безъ тѣла, а мы, когда были молоды-зелены, мечтали о подобной же нелѣпости. Мы хотѣли воплотить идеи какимъ-то чудомъ, по щучьему велѣнью, по нашему хотѣнью, а никто, кромѣ насъ, этого не хотѣлъ и не хочетъ. Развѣ это не глупость?

— Какъ никто не хочетъ?

— Разумѣется! Общество не хочетъ: ему и безъ достиженія идеаловъ справедливости и безъ общаго блага живется недурно; народъ тоже не хочетъ: онъ хоть и скверно живетъ, но даже понять нашего хотѣнія не можетъ... И вдругъ, мы, ничтожная группка, хотѣли пересоздать міръ по нашему плану. Очень возвышенно, но ей-Богу же глупо!

— Постой... Ты не можешь отрицать, что желаніе справедливой жизни есть и въ обществѣ, и въ народѣ.

— Не отрицаю. Но какой прокъ въ этихъ желаніяхъ? Это желанія платоническія, отъ которыхъ ничего не можетъ родиться. Такимъ желаніямъ цѣна грошъ, да и гроша они не стоятъ. Желаніе, которое не заставляетъ человѣка дѣйствовать, ничтожно, равно нулю.

— Но вѣдь въ будущемъ эти желанія могутъ осуществиться?

— Можетъ быть... Но жить воображаемымъ благомъ людей, которые родятся черезъ тысячу лѣтъ,—благодарю покорно!

— И значитъ ничего не надо дѣлать для будущаго?

— Я и не дѣлаю. Интересно знать, что ты дѣлаешь?

— Я желалъ бы такой дѣятельности.

Фольгинъ засмѣялся.

— Ну, такъ о чемъ же мы споримъ. Мы одного поля ягоды, только я болѣе созрѣвшая, чѣмъ ты. Прекрасныя желанія молодости—одно, жизнь—другое. Я помню, какъ ты, бывало, горячился на счетъ прибавочной стоимости, а теперь я вижу тебя въ рядахъ дѣятелей накопленія... И, разумѣется, я это не въ осужденіе говорю. Противъ жизни не пойдешь, или надо свое тѣло возненавидѣть, какъ Носорогъ. Оставимъ, однако, эту матерію — довольно наспорились во времена студенческія; повторять эти споры теперь скучно. За твое здоровье!

Онъ взялъ стаканъ съ виномъ, Капорцевъ взялъ другой, и они чокнулись.

— Вотъ что ты мнѣ скажи,—заговорилъ Фольгинъ прежнимъ веселымъ тономъ:—не знакомъ-ли ты съ здѣшнимъ воротилой Павломъ Ивановичемъ Карпухинымъ.

— Хорошо знакомъ.

— Ну, такъ ты можешь оказать мнѣ услугу. Онъ мнѣ нуженъ для того дѣльца, ради котораго я сюда пріѣхалъ. Сведи меня съ

нимъ. Я и прямо могъ бы къ нему поѣхать, но черезъ тебя лучше познакомиться. Предварительно ты его расположи въ мою пользу. Понимаешь?.. И если мое дѣло выгоритъ, ты, разумѣется, получишь за коммиссію.

— Какое ты свинство сказалъ—товарищи и плата за коммиссію. Чортъ знаетъ что такое!

— Извини, если обидѣлъ. И въ помышленіи этого не имѣлъ. Я держусь того правила, что въ дѣлахъ всякая услуга должна быть оплачена. А если это тебѣ не нравится, для меня еще лучше. Ну, когда же мы къ нему поѣдемъ?

— Я съ нимъ увижусь завтра, предупрежу, а въ воскресенье мы къ нему отправимся обѣдать.

— Превосходно!..

— Въ половинѣ шестого я за тобой зайду.

— Спасибо, дружище!

Онъ подлилъ вина въ стаканы, чокнулся съ Капорцевымъ и заговорилъ:

— Вотъ что пріятно вспомнить, это хоръ нашего студенческаго кружка. Я бы и теперь съ удовольствіемъ дернулъ студенческую пѣсню. Есть тутъ поющіе и вопіющіе?

— Найдется не мало.

— Эхъ, надо бы старину вспомнить. Знаешь что, если мое дѣло выгоритъ, я задамъ студенческую вечеринку съ пѣснями, съ мертвецкой. Я тутъ со всѣми перезнакомлюсь, соберемъ бывшихъ студентовъ всѣхъ университовъ. Изъ нашихъ однокашниковъ никого нѣтъ?

— Никого, кромѣ Носорога... А вотъ что: не знаешь-ли ты, гдѣ нашъ Степа-философъ?

— Не знаю... Въ прошломъ году въ Питерѣ встрѣтилъ Топоркова — въ „Новомъ Вѣкѣ“ пишетъ... много зарабатываетъ. Дорогой столкнулся съ Егоровымъ... Подошелъ къ буфету на станціи водки выпить, смотрю, какая-то знакомая физія въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Оказывается, Егоровъ,—начальникъ станціи. Ну, разумѣется, выпили по сему случаю.

Онъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Надо мнѣ ѣхать. Я съ тобой по-студенчески безъ церемоніи. Дѣльце есть, а потомъ въ театръ. Можетъ быть, ты будешь?

— Нѣтъ, сегодня не буду.

Фольгинъ позвонилъ, велѣлъ убрать самоваръ, переодѣлся; они вмѣстѣ вышли изъ гостинницы и разстались.

XI.

Года проходили. Капорцеву было уже подъ сорокъ. Онъ началъ полнѣть, пріучился спать послѣ обѣда, привыкъ къ разнаго рода удобствамъ. Обѣдъ безъ стакана хорошаго вина былъ уже для него непріятнымъ обѣдомъ; онъ говорилъ, что не можетъ пить двухрублеваго чая, не можетъ ѣздить въ третьеклассномъ вагонѣ. Поглядывая въ театрѣ изъ первыхъ рядовъ креселъ на райскую публику, онъ удивлялся, какъ могъ находить удовольствіе въ такой тѣснотѣ и духотѣ, какая тамъ. Онъ считалъ бы себя несчастнымъ, еслибы ему теперь пришлось жить въ той комнатѣ, въ которой такъ хорошо жилось студентомъ вмѣстѣ съ философомъ Степой.

Но между нимъ и другими жрецами золотого тельца все-таки была нѣкоторая разница. Тѣ пріобрѣтали большія деньги и, широко удовлетворяя свои потребности, были довольны; по ихъ лицамъ можно было сказать, что эти люди живутъ въ свое удовольствіе и ихъ ничто не безпокоитъ. Какимъ жизнерадостнымъ дѣльцомъ былъ, напримѣръ, Фольгинъ. Афера, о которой онъ говорилъ Капорцеву, удалась, и онъ устроилъ студенческую вечеринку, какъ онъ выражался, на которой, однако, не было ничего студенческаго, кромѣ пѣсенъ. Фольгинъ сіялъ отъ восторга, а Капорцеву именно отъ этихъ пѣсенъ стало невесело: вспомнились неудовлетворенныя мечты молодости, и стало скучно.

Капорцевъ усердно, даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, служилъ въ капищѣ золотого тѣльца, но не похоронилъ и прежнихъ боговъ. Правда, онъ уже не служилъ имъ, они пріютились гдѣ-то далеко, въ самомъ укромномъ уголкѣ его сердца, но все-таки еще были живы и иногда давали знать о себѣ довольно непріятнымъ щекотаньемъ совѣсти.

Иногда послѣ обѣда, когда Капорцевъ отправлялся въ кабинетъ спать, ему приходила мысль: чортъ знаетъ, моя жизнь!.. Ѣмъ, пью, сплю... собственно говоря, свинство... А когда просыпался, ему прежде всего хотѣлось выпить зельтерской воды, потомъ онъ умывался и соображалъ, куда ѣхать вечеромъ—въ театръ или въ клубъ. А то, какъ только онъ встанетъ, въ кабинетъ придетъ няня съ его дочуркой Катей, и у нихъ начинается возня; отъ смѣха дѣвочки, разсыпчатаго, какъ пѣсня жаворонка, отъ ея радостнаго крика ему всегда становилось весело. Сначала онъ и жену привлекалъ къ этой вознѣ, но это не удавалось—у Марьи Николаевны не было горячей привязанности къ дочери.

— Не могу же я съ ней играть, я не маленькая,—говорила она. А Капорцевъ съ удовольствіемъ превращался въ эти минуты въ маленькаго. Катя всегда бѣжала къ нему съ своими радостями и печалями, зная, что онъ приметъ ихъ къ сердцу и не разсердится, какъ мама, отъ которой чаще всего приходится слышать: „не надоѣдай мнѣ“.

Умственная жизнь Капорцева замѣтно шла на убыль. Онъ отставалъ отъ чтенія. Научная книга рѣдко появлялась на его столѣ; онъ просматривалъ газету, прочитывалъ журнальную статью, о которой толковали въ обществѣ.

— Это скверный признакъ,—думалъ онъ иногда:—регрессъ въ умственной жизни; да ничего не подѣлаешь, времени нѣтъ.

Иногда послѣ чтенія являлись прежнія мысли объ общественныхъ задачахъ, о народѣ, и изъ тумана прошлаго выплывали невыполненныя обѣщанія.

— Эхъ, надо бы что-нибудь дѣлать,—думалъ онъ:—примкнуть бы къ какому-нибудь хорошему предпріятію.

Но ничего опредѣленнаго не думалось, и эти мысли вытѣснялись другими.

— Завтра надо написать въ кредитную канцелярію о новомъ выпускѣ закладныхъ листовъ.

Или его мысли прерывались плачемъ дочери, и онъ забывалъ и общественныя обязанности, и закладные листы и шелъ узнать въ чемъ дѣло, не нужно-ли его заступничество.

— О чемъ ты плачешь, моя дорогая?—спрашивалъ онъ.

— Капризничаетъ, не хочетъ слушаться, — отвѣчала жена.

А Катя, хватаясь ручонками за полы его сюртука, жалобно лепетала:

— Я хочу на дворѣ играть, а мама не пускаетъ.

И онъ проникался ея горемъ, какъ будто ему самому хотѣлось поиграть на дворѣ.

— Я не понимаю, Маша,— говорилъ онъ: — почему ты лишаешь ее удовольствія?

— Потому что она въ новомъ платьицѣ—испачкаетъ.

— Ну, это изумительно!.. Неужели же она должна скучать изъ-за платья? Надѣнь, Катюша, старое платье и тогда можешь играть на дворѣ.

— Нельзя ей играть на дворѣ—тамъ Васютка.

— Такъ что же?

— Тебѣ, конечно, все равно, если дочь твоя будетъ якшаться съ кухаркинымъ сыномъ, а я своей дочери этого не позволю.

— Отжившія, помѣщичьи понятія.

— Да, у меня помѣщичьи благородныя понятія, а не мужицкія, какъ у тебя.

А пока родители вели споръ, Катя, выбравъ изъ двухъ приказаній то, которое ей нравилось, играла на дворѣ съ Васюткой.

— Зачѣмъ ты вмѣшиваешься не въ свое дѣло?—продолжала Марья Николаевна, начиная сердиться: — дѣвочекъ воспитываетъ мать, мальчиковъ отецъ.

— Вотъ еще выдумала! И мальчика, и дѣвочку долженъ воспитывать тотъ, кто понимаетъ задачи воспитанія. Ты ихъ не понимаешь. Ты хочешь, чтобы изъ Кати вышла кукла, кокетка. А я этого не позволю.

— Безъ кокетства, безъ умѣнья хорошо одѣваться дѣвушка замужъ не выйдетъ.

— Что за нелѣпости ты говоришь! — возражалъ Капорцевъ, начиная раздражаться.

— Еслибы я не кокетничала, ты не женился бы на мнѣ.

— Ну, такъ что же? Это было бы счастье для насъ обоихъ.

— Но не для твоего божка: Кати бы тогда не было.

— Катя!—воскликнулъ онъ: — да еслибы она была похожа на тебя, я считалъ бы нашу свадьбу не только несчастьемъ, а преступленіемъ. Къ счастью, она въ меня уродилась, а не въ тебя.

— И на этомъ основаніи ты хочешь погубить ее. Ты воспитываешь ее, какъ мальчика, и позабываешь, что ея будущее счастье въ семейной жизни.

— Она должна быть воспитана человѣкомъ, не куклой, не кокеткой. Это твой долгъ, какъ матери.

Но Марья Николаевна понимала свой долгъ совершенно иначе. Она была увѣрена, что кокетство и умѣнье наряжаться необходимыя условія замужества и, желая дочери счастья, упорно вела свою линію. И хотя она видѣла, что Катя больше слушаетъ отца, чѣмъ ее, все-таки продолжала борьбу съ мужемъ изъ-за воспитанія дочери.

— Надо говорить правду,—училъ Катю отецъ.

— Не всегда,—прибавляла мать:—если за правду тебѣ сдѣлаютъ зло, можно и солгать.

— Нѣтъ!.. Если за правду приходится страдать, то и страдай. Всѣ хорошіе люди страдали за правду.

— А ты самъ развѣ всегда говоришь правду? Самъ ты не хочешь страдать, а дочери говоришь: страдай. Вотъ такъ любовь!.. Нечего сказать, великая любовь.

*

Капорцевъ вспыхивалъ отъ этого упрека при дочери.

— Это не возраженіе,—отвѣчалъ онъ:—если я дѣлаю иногда отступленіе отъ этого правила, значитъ, не правило нехорошо, а что я поступаю дурно. Дочь моя должна быть лучше меня!..

— Да вѣдь ты ей зла желаешь, если учишь всегда говорить правду.

— Зло въ твоей практической морали.

Разгорался споръ, послѣ котораго оба расходились раздраженные, съ тяжелымъ чувствомъ, съ головной болью.

Оба крѣпко стояли на своихъ позиціяхъ. Марья Николаевна не отступала ни на шагъ отъ своей педагогики и съумѣла добиться кое-какихъ уступокъ отъ мужа. Ея постоянныя напоминанія Капорцеву о томъ, что онъ готовитъ гибель дочери, пріучая ее быть честной, правдивой, не проходили вполнѣ безъ послѣдствій. Она не скупилась на иллюстраціи того положенія, что честному человѣку приходится терпѣть много лишеній и горя, и заканчивала ихъ однимъ и тѣмъ же: конечно, человѣкъ долженъ быть честенъ, правдивъ, добръ, но всего этого должно быть понемногу.

И хотя Капорцевъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что за правду надо страдать, если придется, но, чѣмъ больше подростала дѣвочка, чѣмъ больше онъ къ ней привязывался, тѣмъ чаще думалось ему, что въ словахъ жены есть доля истины. Вообще страдать за правду, это безспорно... но, чтобы страдала Катя... все существо его протестовало противъ страданія Кати изъ-за чего бы то ни было... страхъ за будущность дочери охватывалъ его. Ему казалось иногда, что онъ дѣйствительно готовитъ ей горькую долю, и, изъ любви къ дочери, онъ сталъ дѣлать въ разговорахъ отступленія отъ принциповъ, разсуждалъ о необходимости компромиссовъ и иногда поддерживалъ жену въ ея урокахъ практической морали.

Въ такихъ случаяхъ Катя пристально съ недоумѣніемъ смотрѣла на него и однажды вдругъ засмѣялась и сказала:

— Папочка, ты это не по своему говоришь, ты шутишь... я по глазамъ вижу.

Онъ пришелъ въ восторгъ отъ этихъ словъ и, ничего не отвѣчая, притянулъ къ себѣ дѣвочку и сталъ цѣловать. Онъ страстно привязался къ ней: она восхищала его смѣлостью, искренностью и добрымъ сердцемъ; онъ любилъ въ ней не только дочь, но и свою молодость. Катя была свѣтомъ его жизни. Изъ-за нея онъ забывалъ всѣ непріятности у неудавшагося семейнаго очага. Не найдя друга въ женѣ, онъ чувствовалъ, что найдетъ его въ дочери.

XII.

— Дома Петръ Артемьичъ?

Капорцевъ услышалъ этотъ вопросъ изъ своего кабинета, и пріятное волненіе охватило его отъ знакомаго голоса.

Въ комнату вошелъ высокій мужчина съ черной бородой и съ такими же большими глазами.

— Степа!.. Голубчикъ!..

Капорцевъ крѣпко обнялъ своего бывшаго сожителя и долго цѣловалъ его, чувствуя, какъ сердце прыгало отъ радости.

По лицу гостя разлилась улыбка и въ глазахъ его засвѣтился тотъ привѣтливый, ясный огонекъ, который обличаетъ сердечнаго человѣка.

— Какъ я радъ тебѣ, Степа!.. Ты и представить себѣ не можешь.

— А ужъ какъ я радъ тому, что ты мнѣ обрадовался!.. Признаюсь, я на это мало разсчитывалъ.

— Почему?

— Да вѣдь мы не видались пятнадцать лѣтъ. Этого времени слишкомъ достаточно для метаморфозы человѣка. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ многими товарищами, и, кромѣ тебя, никто не обрадовался.

— Кого же ты встрѣтилъ?

— Мало-ли кого... Иванова помнишь?.. Ну, онъ теперь въ роли Молчалина, при какомъ-то Фамусовѣ. Стихотворецъ Петровъ, редакторъ провинціальной газеты, пишетъ передовицы противъ суда присяжныхъ и земства. А нашъ ярый Бусовъ управляетъ большимъ имѣніемъ, вошелъ во вкусъ мужицкой прижимки и до такой степени оглупѣлъ, что передо мной сталъ хвастаться тѣмъ, что увеличилъ доходъ своего патрона на арендѣ земли.

— Ахъ, Степа, вѣдь и я испортился.

— Развѣ? Пока еще не видно.

— Я радъ тебѣ, Степа, какъ чистому воздуху. Иногда мнѣ просто дышать нечѣмъ. Я тебѣ все разскажу. Будемъ сейчасъ завтракать.

Онъ позвонилъ и вдругъ подумалъ, что за завтракомъ будетъ жена, которая, если не словами, то взглядами отравитъ его радостное настроеніе.

— Ничего не нужно, можете идти,—сказалъ онъ явившейся на звонокъ горничной.

— Слушай, Степа, сегодня для меня праздникъ, и, чтобы на

немъ не было ни одного облачка, надо, чтобы мы позавтракали въ ресторанѣ. Ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Мнѣ все равно, гдѣ завтракать.

— Вотъ и отлично! Значитъ, ѣдемъ!

Онъ схватилъ шляпу, какъ будто торопился, чтобы его не задержали; торопливо надѣлъ онъ пальто въ передней и сбѣжалъ съ лѣстницы.

— По пути я загляну въ банкъ, — говорилъ онъ, садясь на извозчика:— скажу секретарю, что сегодня не буду заниматься.

— А ты какая тамъ птица?

— Важная, Степа,—директоръ.

— Превосходно.

— Принять за осужденіе? Да?

— Напротивъ, я очень радъ, что у тебя такое мѣсто.

Капорцевъ остановилъ извозчика у подъѣзда банка и взбѣжалъ по лѣстницѣ совсѣмъ не по-директорски. Онъ передалъ секретарю нѣсколько распоряженій, извинился передъ какимъ-то кліентомъ банка, что не можетъ его выслушать, поручивъ сдѣлать это секретарю, и вышелъ на улицу съ той же торопливостью.

— Ну, теперь я свободенъ,—сказалъ онъ и крикнулъ извозчику:—въ Лондонъ!

Въ отдѣльномъ кабинетѣ Капорцевъ заказалъ завтракъ съ шампанскимъ.

— Ты представить себѣ не можешь,—заговорилъ онъ,—какъ мнѣ тяжело одиночество... то-есть, душевное одиночество... Оно съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Я всегда жаждалъ дружбы, и, кромѣ тебя, у меня не было друга. Женился неудачно. Живемъ вмѣстѣ и совершенно чужды другъ другу. Не будь дочери, удралъ бы куда-нибудь въ безвѣстную отлучку.

— А дочь въ тебя или въ мать?

— Въ меня, только не въ нынѣшняго, а въ такого, какимъ ты зналъ меня. Прелесть, дѣвочка! Только ею и живу.

— Ну, а какъ ты въ банкъ попалъ? Вѣдь, еслибы я тогда предсказалъ тебѣ такую карьеру, ты здорово бы выругался.

— Да, — сказалъ Капорцевъ со вздохомъ,—видишь-ли, какъ это вышло. Сначала я перебивался адвокатурой, бралъ дѣла съ строгимъ разборомъ. Доходы плохіе были... И знаешь-ли, жизнь съ перебиваньемъ изъ кулька въ рогожку стала надоѣдать. Кружка идейныхъ людей у меня не было, а одинъ, братъ, въ полѣ не воинъ. Вотъ въ такое-то время и подвернулся мой теперешній тесть—предложилъ мѣсто секретаря банка! Я сначала на дыбы... Какъ это воз-

можно, чтобы я служилъ золотому тельцу... А онъ такую штуку ввернулъ: безъ денегъ, говоритъ, никакой идеѣ нельзя служить.

— Совершенная правда,—замѣтилъ Мухинъ.

— Ну, вотъ этимъ онъ меня и поддѣлъ. Сталъ я секретаремъ, а потомъ въ члены правленія выбрали... И вотъ я пріумножаю свои доходы—жена много тратитъ, дочь воспитывать надо, она теперь въ шестомъ классѣ; знакомства большія; тоже и они денегъ стоятъ.

— А на идейную жизнь и службу много тратишь?

— Ничего... Незамѣтно отсталъ я отъ всего идейнаго.

— Ну, и значитъ доволенъ судьбой, если исключить женитьбу?

— Доволенъ? Нѣтъ, братъ, живъ еще во мнѣ человѣкъ и тоскуетъ.

— Тоскуетъ и утѣшается.

— Чѣмъ же это?

— Вотъ этимъ завтракомъ съ шампанскимъ, театромъ, банковскими дѣлами...

— Развѣ этимъ можно утѣшаться!

— Еслибы нельзя было, ты и жилъ бы иначе.

— Легко сказать... Иной разъ и хочу жить иначе, да не могу.

— Когда человѣкъ не хочетъ, онъ всегда увѣряетъ, что не можетъ. Человѣкъ всегда выбираетъ ту жизнь, которая ему лучше нравится. И не хороша бываетъ эта жизнь, да мила, а другая совсѣмъ хорошая, да не милая. И, знаешь что, не будемъ мы нить на эту тему.

Капорцевъ помолчалъ, вздохнулъ и налилъ бокалы.

— За твое здоровье, Степа! Разскажи про себя. Чѣмъ ты живешь?

— На счетъ доходовъ не важно... жить, впрочемъ, можно. Занятія разныя были... Уроками пробавлялся, корреспонденціи писалъ, былъ библіотекаремъ, теперь къ земству пристроился... Женился вполнѣ хорошо—мы друзья. На счетъ идейной службы долго разсказывать. Ты помнишь нашъ выпускной обѣдъ и тостъ, въ которомъ я формулировалъ свой взглядъ на наши общественныя обязанности?

— Помню.

— Ну, такъ вотъ я и теперь такой же. Мы съ женой и работаемъ въ томъ же направленіи, и дочку такой же воспитываемъ

— И ты доволенъ жизнью?

— Скуки, хандры мы не знаемъ, разлада съ совѣстью нѣтъ. Бываютъ неудачи, огорченія, но въ нихъ мы почерпаемъ не отчаяніе, а силу для дальнѣйшей работы.

— Ты, по-прежнему, молодой, Степа, а я состарился. Но, слушай, мнѣ хочется повторить твой тостъ, о которомъ ты напомнилъ. Ты повѣришь, что онъ отъ всего сердца.

— Конечно. Ты такой же искренній человѣкъ, какъ и былъ.

Они чокнулись и выпили.

— Ну, теперь вотъ что,—серьезно заговорилъ Мухинъ,—надо мнѣ уладить одинъ финансовый вопросъ, и я разсчитываю на тебя.

— Вотъ за это спасибо, Степа,—воскликнулъ Капорцевъ и глаза его засвѣтились:—сколько тебѣ надо?

— Тысячу рублей.

Капорцевъ не ожидалъ, что онъ скажетъ такую большую цифру, но онъ сразу поборолъ мелькнувшія возраженія и спросилъ:

— Когда нужна эта сумма?

— Сегодня—я уѣзжаю съ вечернимъ поѣздомъ.

— Сегодня уѣзжаешь?

— Да, нельзя остаться даже до завтра.

— Не добрый ты—только подразнилъ меня свиданіемъ. Ну, въ такомъ случаѣ, вотъ что. Я сейчасъ поѣду и обдѣлаю это дѣло. У меня такихъ денегъ нѣтъ, но онѣ будутъ. А ты подожди меня, посиди въ городскомъ саду—я тебя подвезу.

Такъ они и сдѣлали.

Не больше часа пришлось Мухину посидѣть на скамейкѣ сада передъ куртиной съ левкоями и астрами. Капорцевъ подошелъ къ нему сіяющій.

— Вотъ тебѣ десять радужныхъ,—сказалъ онъ, подавая деньги.

— Отлично. Какъ видишь, твой тесть былъ провидцемъ настоящаго момента.

— Слушай, Степа, мой планъ. Сегодня для меня такой чудесный день, который, должно быть, никогда не повторится. Сегодня я не членъ правленія банка, а студентъ. Знаешь-ли, вѣдь у меня въ мысляхъ закорючки были на счетъ этихъ денегъ, и въ другой разъ онѣ, пожалуй, одолѣли бы меня, а сегодня я ихъ къ чорту послалъ. Хочется, чтобы весь день былъ молодой и ясный. Вспомнимъ старину милую. Возьмемъ лодку, поплывемъ одни. Тутъ въ пяти верстахъ есть кабачекъ. Тамъ пообѣдаемъ, потомъ я тебя провожу на вокзалъ; поѣздъ отходитъ въ восемь съ четвертью.

— Ладно.

Они пришли на набережную и, минуя аллеи, извивавшіяся по склону, напрямикъ спустились по тропинкѣ къ рѣкѣ.

Лодки, привязанныя у пристани, чуть-чуть покачивались; мелкія волнышки нерѣшительно пытались взбѣжать на берегъ, усыпан-

ный раковинками, и сейчасъ же отступали. Пріятели выбрали лодку и отвалили. Деревья кивали имъ вершинами, точно прощались, а сверху смотрѣла старая покачнувшаяся колокольня. Выѣхали на середину рѣки, и изъ груди Капорцева, сидѣвшаго у руля, вырвалось восклицаніе.

— Что за прелесть!

— Да, хорошо, — отозвался Мухинъ,—особенно послѣ шампанскаго...

— Посмотри, Степа, голубая лента съ блестками загибается у выступа берега... Какъ она манитъ впередъ, точно лѣсная тропинка—ждешь впереди чего-то новаго, неизвѣстнаго.

— Сейчасъ мы увидимъ это неизвѣстное,—сказалъ Мухинъ и ускорилъ сильные взмахи веселъ.

„И тоскующему мнится дальній берегъ, какъ мечта“, пропѣлъ Капорцевъ и спросилъ:

— Помнишь, какъ это хорошо выходило у Надежды Васьевны?..

— Каждую ноту помню.

— Какой чудный былъ голосъ, и сердце, и голова!.. А нравственная-то сила какая!.. Вѣдь отъ одного ея присутствія мы дѣлались лучше. Что съ ней потомъ было, ты не знаешь?

— Какъ не знать: она моя жена.

— Да?.. Ну, счастливецъ ты.

Вспомнилась Капорцеву своя жена, и ему стало какъ-то обидно.

„Въ даль туманную все мчится“, запѣлъ онъ, стараясь забыть свою женитьбу.

А лодка уже обогнула выступъ берега; за нимъ рѣка широко разливалась по лугамъ; на зеленой горѣ красиво обрисовывался монастырь, а пониже, до самаго берега, разбросалась деревня съ огородами и садиками.

— Я завидую тебѣ, Степа,—заговорилъ Капорцевъ:—дышешь ты чистымъ воздухомъ идейной жизни; есть у тебя товарищи по дѣлу, и вы чувствуете свою нравственную силу, сознаете, что не даромъ идетъ ваша жизнь. А я одинъ въ этой больничной атмосферѣ, пропитанной зловоніями.

— Ты опять ныть начинаешь,—перебилъ его Мухинъ,—право, не стоитъ. Больничной атмосферы, какъ ты выражаешься, никогда ты не бросишь, потому что привыкъ къ ней. Да и общественное дѣло не очень-то тебя интересуетъ.

— Что ты говоришь!.

— То, что есть. Русскихъ хорошихъ людей часто упрекаютъ

въ томъ, что они сочувствуютъ прогрессу только на словахъ. Очень понятно, почему они къ дѣлу не переходятъ... Имъ и безъ прогресса жить можно, надъ ними не каплетъ.

— Нѣтъ, скверно живется, просто дышать нечѣмъ...

— Это гипербола нытья, мой милый другъ... еслибы нечѣмъ было дышать, ты плюнулъ бы на все и устроилъ бы свою жизнь иначе... Но, бросимъ, пожалуйста, эту канитель. Давай лучше пѣть.

Съ пѣснями они незамѣтно доплыли до ресторана, привязали лодку къ свѣсившейся надъ берегомъ ивѣ и поднялись на гору. Капорцевъ долго заказывалъ обѣдъ.

— И шампанскаго,—прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Ты мнѣ напомнилъ Петра Петровича Пѣтуха,—сказалъ Мухинъ:—и зачѣмъ опять шампанское?

— Не протестуй, Степа. Я тебѣ уже сказалъ, что для меня сегодня праздникъ.

Они стали обѣдать, вспоминая свою студенческую жизнь. Изъ города приплыла веселая компанія: три студента и двѣ барышни. Шумно усѣлись они на террасѣ, и краснощекій студентъ велѣлъ подать пива, а барышнямъ мороженаго.

— Продолжайте развивать вашу теорію,—сказала одна изъ барышенъ, блондинка съ живыми, ясными глазками.

— Слушаю,—отвѣтилъ краснощекій студентъ.—Я имѣлъ честь объяснить, что согласіе слова съ дѣломъ далеко не всегда желательно... Непосредственность чувства въ общественномъ дѣлѣ большой недостатокъ. Повиноваться влеченію самаго лучшаго чувства въ области невозможнаго глупо и вредно—въ результатѣ вмѣсто прогресса регрессъ. Поступки, вызываемые такимъ влеченіемъ, глупости, красивыя сами по себѣ, но вредныя по послѣдствіямъ.

— Не говорите такъ,—сказала блондинка.

— Почему?

— Это стариковское резонерство, а вамъ не шестьдесятъ лѣтъ.

— Почему же, если старики правы, не слѣдовать ихъ примѣру. Я стою за прогрессъ и потому говорю: прежде, чѣмъ приступать къ какой-нибудь дѣятельности, надо взвѣсить всѣ шансы за и противъ. Если успѣхъ обезпеченъ, начинайте съ Богомъ; если гарантіи въ успѣхѣ нѣтъ, глупо начинать дѣло. Прошли времена наивныхъ восхищеній красивыми глупостями. Pereat глупости, vivat благоразуміе!.

— Я съ вами не согласна,—заявила блондинка.

— Слышалъ?—спросилъ Мухинъ.

— Я его сейчасъ отдѣлаю,—отвѣтилъ Капорцевъ.

Неожиданное впечатлѣніе произвели на него слова студента. Воспоминанія-ли молодости, бесѣда-ли съ товарищемъ или вино подѣйствовали, но, какъ бы то ни было, Капорцевъ возмутился и почувствовалъ неудержимую потребность возражать.

— Господа,—обратился онъ къ молодой компаніи,—я бывшій студентъ, позвольте мнѣ отвѣтить на вашъ тостъ.

— Валяйте,—сказалъ краснощекій студентъ.

У Капорцева глаза заблестѣли.

— Я слышалъ ваше желаніе,—началъ онъ,—регеаt глупости... Къ счастью человѣчества, это невыполнимое желаніе: природѣ человѣка не свойственно то умничанье, которое вы рекомендуете. Люди всегда увлекались и будутъ увлекаться безъ математическихъ вычисленій шансовъ успѣха. У нихъ всегда была и будетъ вѣра въ успѣхъ, дающая его и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ кажется невозможнымъ. Вы видите, напримѣръ, что на женщину напало нѣсколько сильныхъ негодяевъ. По вашей теоріи, вы должны пройти мимо, не обращая вниманія на крикъ женщины о помощи. Вѣдь разсчитывать на успѣхъ борьбы одного слабосильнаго противъ четырехъ силачей, очевидно, глупо... Но вы позабудете вашу теорію благоразумія и броситесь на помощь инстинктивно и, можетъ быть, обратите въ бѣгство негодяевъ, потому что безуміе смѣлости нравственной личности такая сила, которая можетъ ошеломить и вызвать паническій страхъ у сильнѣйшаго противника. Эта живая потребность стоять за правду во что бы то ни стало руководитъ всѣми новаторами. По вашему, они дѣлаютъ глупости, но безъ этихъ глупостей не было бы прогресса. Я пью, господа, за глупости, какъ за проявленія самыхъ лучшихъ качествъ людей, не останавливающихся въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ ни передъ какими громадами физической силы.

Волненіе, съ какимъ Капорцевъ произнесъ свою рѣчь, сообщилось молодымъ людямъ. Блондинка первая закричала браво, и самъ проповѣдникъ теоріи благоразумія чокнулся съ Капорцевымъ.

— Огонекъ-то въ тебѣ не угасъ,—сказалъ Мухинъ,—и я съ тобой хочу выпить за глупости.

Незамѣтно бѣжало время для Капорцева, чувствовавшаго необыкновенный подъемъ духа. Мухинъ напомнилъ, что пора ѣхать.

Рѣка уже не сверкала блестками; она какъ будто дремала, нѣжась подъ косыми лучами солнца, и только около лодки журчали голубыя струйки. Пробѣжалъ пассажирскій пароходъ и лодка закачалась на поднятыхъ имъ волнахъ; проползъ пароходикъ съ тремя баржами; онъ усиленно пыхтѣлъ, какъ будто выбивался изъ силъ.

Долго плыли пріятели противъ теченія. Сумерки опустились надъ рѣкой, и румяная заря уже погасла, когда пріѣхали къ пристани. Наскоро пришлось имъ проститься, потому что поспѣли въ вокзалъ къ третьему звонку.

Капорцевъ слѣдилъ за удалявшимся окномъ, у котораго стоялъ Мухинъ, и ушелъ съ платформы, когда скрылись красные огни задняго вагона.

XIII.

Капорцевъ пріѣхалъ домой возбужденный впечатлѣніями дня и поэтически настроенный. Онъ прошелъ въ столовую, гдѣ жена и дочь пили чай, и весело поздоровался. Онъ не обратилъ вниманія на недовольный взглядъ жены, забылъ, что они чужды другъ другу, и съ жаждой сочувствія сказалъ:

— Какъ хорошо провелъ я сегоднишній день.

— А много денегъ протранжирилъ?—спросила жена.

Враждебный тонъ этого вопроса возвратилъ Капорцева къ дѣйствительности. Онъ вздохнулъ, сдѣлалъ безнадежный жестъ и сказалъ:

— Катюша, налей мнѣ чаю.

Дѣвочка съ видимымъ удовольствіемъ исполнила это. Прошла минута общаго молчанія. Капорцевъ зналъ, что жена сейчасъ начнетъ пилить его за истраченныя деньги и, чтобы не испортить окончательно своего настроенія, всталъ и, взявъ стаканъ, хотѣлъ уйти въ кабинетъ.

— Спрятаться хочешь... Знаетъ кошка, чье мясо съѣла,—сказала Марья Николаевна, засмѣявшись искусственнымъ смѣхомъ плохой актрисы.

Это разсердило Капорцева. Онъ снова сѣлъ къ столу, принявъ вызовъ на супружескую стычку, но, вмѣсто обычной обороны, сразу перешелъ въ наступленіе.

— Ты хочешь знать, сколько мнѣ стоилъ сегоднишній день?—началъ онъ,—я тебѣ скажу точную цифру: тысячу тридцать рублей съ копѣйками.

— Какая глупая шутка.

— Ты ошиблась; я сегодня дѣйствительно истратилъ эту сумму.

— У тебя и не было такихъ денегъ.

— Я занялъ тысячу рублей.

Она почувствовала по тону его голоса, что онъ не шутитъ, и встревожилась.

— Но такую сумму нельзя пропить и проѣсть...

— Мы завтракали и обѣдали съ шампанскимъ, ѣздили на лодкѣ за городъ, это стоило тридцать рублей, а тысячу рублей я далъ своему товарищу.

Глаза Марьи Николаевны широко раскрылись отъ изумленія и ужаса. Она просто оторопѣла и отъ этой огромной траты, и отъ тона, какимъ говорилъ ея мужъ. Растерявшись на минуту, какъ привыкшій къ побѣдамъ полководецъ при неожиданномъ дерзкомъ нападеніи, она оправилась и заговорила съ шипѣніемъ злобы:

— Поздравляю... Благородный поступокъ, нечего сказать... Посторонній человѣкъ для тебя дороже семьи... Жена ходитъ въ обносках, должна высчитывать каждую копѣйку, а ты соришь деньги тысячами. Жена для тебя ничего не стоитъ... но у тебя есть дочь, которую ты будто бы любишь.

— Ахъ, мама, зачѣмъ ты это говоришь...—сказала Катя, покраснѣвъ до ушей, но Марья Николаевна не обратила вниманія на ея слова и продолжала:

— Хороша любовь!. Ты хочешь заставить любимую дочь ходить въ старыхъ тряпкахъ, безъ ботинокъ...

— Мамочка, у меня все есть...

— Молчи!... ты еще слишкомъ глупа, чтобы понимать свою пользу. Мнѣ и то уже стыдно въ люди показываться все въ однихъ платьяхъ, у меня нѣтъ дачнаго костюма... мнѣ необходимо купить новую шляпку, надо сдѣлать амазонку для лѣта... А ты даешь какому-то нахалу тысячу рублей... Я тебѣ прямо скажу: ты укралъ эти деньги у жены и дочери... Ты доведешь насъ до нищеты...

Она начала громко прерывисто дышать и всхлипывать.

— Катюша, дай матери воды, — сказалъ Капорцевъ хладнокровно...

Эти слова такъ поразили Марью Николаевну, что всхлипыванія рѣзко оборвались, и истерика была исключена изъ программы сраженія. Она повела атаку съ другой стороны.

— Да... я и забыла тебѣ сказать,—начала она, предвкушая побѣду,—Катѣ придется оставить гимназію.

Капорцевъ встрепенулся.

— Это почему?

— Благодаря твоему воспитанію. Она надѣлала сегодня глупостей... заступилась за какую-то дѣвчонку, наговорила начальницѣ дерзостей за то, что она, будто бы, несправедлива. Та потребовала, чтобы Катя попросила прощенья, а она уперлась, какъ оселъ.

— Ну, это пустяки,—сказалъ Капорцевъ,—завтра Катя извинится, и дѣлу конецъ.

При этихъ словахъ Катя поблѣднѣла и, дрожа отъ волненія, сказала.

— Папочка, я этого никогда не сдѣлаю.

Онъ вздрогнулъ, взглянувъ на дочь—въ глазахъ ея были слезы. Она ушла изъ комнаты, а Капорцевъ сидѣлъ растерянный. Его охватилъ стыдъ, ему показалось, что онъ навсегда потерялъ любовь и уваженіе дочери.

— Что я сдѣлалъ?—думалъ онъ.—Я заставляю дочь просить извиненія за честный поступокъ!.. Изъ любви къ ней вырвалась у меня эта проклятая фраза... Но развѣ любовь должна учить безнравственности?

Онъ хотѣлъ броситься за дочерью, но что-то удержало его.

А Марья Николаевна съ торжествомъ глядѣла на мужа и, считая его побѣжденнымъ, начала ворчать:

— Вотъ плоды твоего воспитанія... Вотъ къ чему приводятъ всѣ эти дурацкія разсужденія о справедливости, о всякихъ глупостяхъ... Теперь ты самъ учишь ее благоразумію, да уже поздно: она и тебѣ фыркнула. Что сѣялъ, то и пожинаешь.

Нѣсколько минутъ она варіировала эту тему, ожидая отъ него раскаянія, а онъ все молчалъ. Наконецъ, она устала и заключила свое ворчанье:

— Натворилъ бѣды и молчишь.

— Знаешь-ли ты, почему я молчу,—заговорилъ Капорцевъ, и рѣшительный мужественный тонъ его словъ показалъ Марьѣ Николаевнѣ, что грѣшникъ и не думаетъ раскаяваться:—я молчу отъ стыда за то, что я сказалъ Катѣ... Я не знаю, какъ я взгляну на нее... Я училъ ее честности, справедливости, а какъ только до дѣла дошло, учу ее просить извиненія за честный поступокъ...

— Не говори этого вздора такъ громко—она можетъ услышать.

Но онъ былъ весь во власти молодыхъ чувствъ, вызванныхъ минувшимъ днемъ, и продолжалъ, увлекаясь:

— Пусть слышитъ!. Я горжусь тѣмъ, что она отказалась извиниться... Въ ней дѣйствительная, живая честность... Ни отецъ, ни мать, ни мужъ, никто никогда не заставятъ ее сдѣлать нечестнаго поступка. Да вѣдь это прелесть, что за человѣкъ!. Я горжусь такой дочерью. Она и меня дѣлаетъ лучшимъ...

— Ты просто съ ума сошелъ. Въ сорокъ лѣтъ говоришь такой вздоръ, который приличенъ какому-нибудь студенту первокурснику.

— Да, сегодня я студентъ,—отвѣтилъ онъ,—и какъ мнѣ жаль тебя, Маша, что ты съ такимъ презрѣніемъ говоришь о глупо-

стяхъ... Да знаешь-ли ты, что только въ пору этихъ глупостей человѣкъ живетъ по-человѣчески... Ты посмотри, до чего я дошелъ изъ за этихъ проклятыхъ компромиссовъ!. До совѣта дочери поступить противъ чести.

— Повторяю тебѣ, замолчи... Ты погубишь Катю... Ты хочешь толкнуть ее на путь нужды, страданій... Ты хочешь, чтобы она нажила чахотку... Ты будешь ея убійцей...

Марья Николаевна ушла, хлопнувъ дверью, а онъ думалъ не объ ея словахъ, а о томъ, какъ онъ встрѣтится съ дочерью... Съ глубокимъ вздохомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и сѣлъ у стола, не зажигая лампы. Онъ такъ задумался, что не слыхалъ, какъ тихо отворилась дверь.

Чьи-то руки любовно охватили его.

— Папочка, какой ты хорошій, — шептала Катя: — я все слышала... Я люблю тебя, страшно люблю...

Онъ растрогался и молча крѣпко обнималъ дочь; дѣвочка почувствовала, что на щеки ея прыгнуло нѣсколько его слезинокъ. Онъ забывался отъ счастья.

— Мы друзья съ тобой, Катюша?—прошепталъ онъ.

И вмѣсто отвѣта она еще крѣпче прижалась къ нему.

XIV.

На другой день Капорцевъ проснулся, по обыкновенію, около десяти часовъ. Онъ уже не былъ студентомъ и, вспомнивъ вчерашнія происшествія, почувствовалъ какую-то неловкость, какъ человѣкъ, вышедшій изъ колеи своей жизни. Онъ вспомнилъ сдѣланный заемъ тысячи рублей, прогулку съ Мухинымъ, свою рѣчь за обѣдомъ, и ему стало досадно на себя. На минуту безпокойство закралось въ его сердце отъ мысли, что могутъ пойти толки въ городѣ, но онъ возразилъ себѣ, что никто изъ молодой компаніи его не знаетъ, и эти студенты были въ городѣ, должно быть, проѣздомъ.

— Степа меня загипнотизировалъ,—подумалъ онъ,—и натворилъ же я чудесъ по его внушенію... Какъ бы еще непріятностей не вышло.

Онъ вспомнилъ, что первая непріятность уже была: вчерашняя сцена съ женой.

— Въ сущности жена права,—размышлялъ онъ:—это расходъ не по моимъ средствамъ... И чортъ меня дернулъ отвалить такую сумму. Вѣдь могъ же я объяснить Степѣ, что у меня нѣтъ такихъ денегъ... далъ бы ему сто, двѣсти рублей. Въ томъ-то и дѣло,

что я не могъ этого сдѣлать. Скажи онъ вчера, что ему нужно двѣ тысячи, я и двѣ бы досталъ. Силенъ былъ вчера Степа, потому что онъ не одинъ приходилъ ко мнѣ, съ нимъ моя молодость приходила и ушла... Ну, и нечего, значитъ, жалѣть о томъ, что было... Воскресъ я вчера и жилъ... И потомъ вчерашній день далъ мнѣ и другое счастье, которое не уйдетъ и сегодня. Теперь у меня есть другъ.

Онъ вспомнилъ, какъ плакалъ отъ счастья вчера, и ему стало весело и захотѣлось поскорѣе увидѣть Катю.

Онъ торопливо умылся и вышелъ въ столовую. Жена сидѣла хмурая и бросила на него враждебный взглядъ. Катя вскочила со стула, побѣжала къ отцу и поцѣловала его. Онъ взглянулъ на нее и подумалъ.

— Да, у меня есть другъ...

Онъ почувствовалъ себя такъ хорошо, что ему захотѣлось, чтобы и всѣмъ было весело.

— Маша, ты вчера говорила, — началъ онъ веселымъ тономъ,—что тебѣ надо сдѣлать дачный костюмъ.

— Да... и не только дачный костюмъ... а откуда я денегъ достану...

— Сколько тебѣ надо?

— Двѣсти рублей.

— Ну, что же, завтра ты ихъ получишь, только не будь такой убитой. И изъ-за чего?. Изъ-за такого вздора, какъ деньги... Жизнь твоя нисколько не измѣнится отъ моего вчерашняго займа... Погашу я его дивидендомъ—въ этомъ году онъ будетъ большой.

— А завтра пріѣдетъ опять какой-нибудь нахалъ-пріятель, и ты ему еще тысячу рублей отвалишь.

— Да перестань же, Маша, брюзжать,—сказалъ Капорцевъ съ досадой, что его попытка развеселить ее не удается.

— Для твоей же пользы говорю, тебѣ же добра хочу...

— Оставимъ это,—перебилъ онъ ее:—вчера былъ очень хорошій день, потому что мы совсѣмъ подружились съ Катей. Мы и раньше, конечно, любили другъ друга, но иногда какая-то перегородочка стояла между нами, а со вчерашняго дня ея нѣтъ и не будетъ.

— Нѣтъ и не будетъ,—весело повторила Катя.

— Ну, вотъ слышишь, Маша...

— Отъ этой любви, кромѣ вреда, ничего не выйдетъ,—сурово сказала Марья Николаевна.

— Какого вреда?

— Она и такъ всегда готова дѣлать глупости, а послѣ вчерашняго твоего потворства Богъ знаетъ до чего дойдетъ.

Ему стало досадно.

— Ну, Маша, не понимаю я, неужели для тебя такое удовольствіе ворчать и ворчать?..

— Съ тобой поневолѣ заворчишь... Какой отъ тебя примѣръ для дочери. Вмѣсто того, чтобы внушать ей благоразуміе, ты потворствуешь ея дерзостямъ и глупостямъ.

— Мамочка, да не сердись же,—умоляющимъ голосомъ сказала Катя:—зачѣмъ ты портишь папочкѣ настроеніе духа.

Марья Николаевна разсердилась.

— Вотъ еще заступница нашлась... А тебѣ нѣтъ дѣла до того, что онъ мнѣ портитъ настроеніе духа?

— Это невыносимо!—разсердился Капорцевъ,—жаждешь мира въ семьѣ, и въ отвѣтъ тебѣ незаслуженная вражда... Ну, чѣмъ я испортилъ тебѣ сегодня настроеніе духа?..

— Потакаешь глупостямъ дочери. Внуши ей, чтобы она сейчасъ же пошла въ гимназію и извинилась.

— Эту исторію я улажу, и завтра Катя пойдетъ въ гимназію и извиняться не станетъ.

— Ну, вотъ видишь... Развѣ я могу быть хладнокровной, когда ты портишь мою дочь, учишь ее дерзостямъ...

— Мы никогда съ тобой не сговоримся!..—воскликнулъ онъ и ушелъ, не допивъ стакана чаю.

Онъ поѣхалъ къ начальницѣ гимназіи улаживать дѣло Кати. Это оказалось очень нетруднымъ. Начальница удовлетворилась извиненіемъ Капорцева, сказала, что все вышло изъ-за безтактности классной дамы, и перевела разговоръ на дополнительную ссуду, которую она желала получить изъ банка подъ залогъ своего дома. Капорцевъ въ долгу не остался и обѣщалъ ей устроить эту ссуду.

XV.

Жизнь Капорцева вошла въ обычную колею. Поздно вставалъ онъ съ тяжелой головой отъ вчерашняго винта за полночь, отъ сытнаго ужина и вина. Тяжелыя ощущенія и мысли. Не то, что боленъ, а какъ-то недомогается, лѣнь вставать, ни о чемъ не хочется думать. И вдругъ точно ясная звѣздочка загорается въ этомъ сумракѣ мыслей одно слово: Катя. Хочется ее видѣть, но она давно уже въ гимназіи, и это удовольствіе отсрочивается до обѣда.

Капорцевъ выпиваетъ стаканъ чаю, иногда велитъ подать зельтерской воды и ѣдетъ въ банкъ. Тамъ его ждутъ бумаги и люди. На столѣ въ его кабинетѣ лежитъ почта, газеты; нѣсколько заемщиковъ ожидаютъ выдачи ссуды. Дѣловая атмосфера, пропитанная специфическимъ запахомъ рубля, охватываетъ Капорцева. Щелканье на счетахъ доносится изъ бухгалтеріи; кассиръ точно священнодѣйствуетъ, отсчитывая сотни и тысячи рублей, провѣряя купоны, шелестя закладными листами. Въ кабинетъ правленія входятъ заемщики, и по ихъ осанкѣ и походкѣ можно угадать, у кого ордеръ на тысячу рублей и у кого на сто тысячъ; по звонкамъ являются секретарь, бухгалтеръ, выслушиваютъ распоряженія и торопливо уходятъ. Иногда отъ этой дѣловой суеты, отъ всѣхъ этихъ ордеровъ, квитанцій и закладныхъ листовъ Капорцеву дѣлается тошно, онъ взглядываетъ на часы и думаетъ:

— Черезъ десять минутъ въ гимназіи большая перемѣна.

А Персиковъ входитъ въ кабинетъ съ цѣлымъ ворохомъ бумагъ.

— Дайте передохнуть, черезъ полчаса къ вашимъ услугамъ,— говоритъ Капорцевъ и торопливо уходитъ. Купивъ апельсиновъ или конфектъ, онъ ѣдетъ въ гимназію. Гулъ отъ множества молодыхъ голосовъ говоритъ ему, что уже началась большая перемѣна. Швейцаръ идетъ вызывать Катю, а онъ ходитъ по пріемной, и ему такъ весело ждать; отворяется дверь, входитъ Катя.

— Что случилось, папочка?

— Видишь-ли какая исторія,—говоритъ онъ:—давно тебя не видалъ, захотѣлось посмотрѣть.

— И больше ничего?

— Ничего.

Оба смѣются.

Въ пять часовъ обѣдъ, рѣдко проходящій въ полномъ спокойствіи. Съ того вечера, который такъ сблизилъ Катю съ отцомъ, отношенія къ нему Марьи Николаевны ухудшились. Она не упускала случая кольнуть мужа упреками за то, что онъ губитъ дочь воспитаніемъ; она жаловалась и на то, что онъ отбилъ у нея Катю, что онъ учитъ ее не слушаться и не любить матери. Капорцевъ постоянно отмалчивался, а когда ворчанье жены становилось слишкомъ назойливымъ, уходилъ въ свою комнату. Къ нему являлась Катя и начинала мечтать о курсахъ.

Отецъ поддерживалъ ея намѣреніе, разсказывалъ ей про свои студенческіе годы, о горячихъ теоретическихъ спорахъ, о поступкахъ, вытекавшихъ изъ непосредственнаго чувства, не сдерживаемаго соображеніями о личной выгодѣ. Онъ увлекался этими воспомина-

ніями: молодость являлась въ нихъ во всей своей прелести; онъ видѣлъ свою молодость и въ глазахъ дочери, и ему казалось, что его грѣхи будутъ искуплены его дочерью...

Но послѣ этихъ веселыхъ разговоровъ о курсахъ Капорцеву иногда дѣлалось грустно и страшно. Отъ мысли о разлукѣ съ дочерью ему дѣлалось какъ-то жутко: темно и холодно будетъ въ его квартирѣ, когда Катя уѣдетъ... Но до этого еще такъ далеко... А тревога за будущее дочери все чаще охватывала Капорцева, чѣмъ ближе становился ея отъѣздъ. Бывали минуты, когда онъ рѣшалъ, что его обязанность поговорить съ ней о необходимости компромиссовъ, но онъ не могъ этого сдѣлать.

— Катя засмѣется,—думалъ онъ, — скажетъ, что я шучу, а узнать, что это серьезно, для нея было бы слишкомъ больно... И это испортило бы нашу дружбу...

А эта дружба была свѣтомъ его жизни, и онъ не заговаривалъ о томъ, что, казалось ему, былъ обязанъ сказать. Но въ немъ самомъ развивался разладъ между гордой радостью, что дочь его не заразилась практичностью современной молодежи и тревогой отъ того, что у ней нѣтъ этой практичности. Ему живо представлялись всѣ тѣ колючія преграды, глубокіе рвы и высокіе брустверы, которые устраиваетъ жизнь на пути честнаго и умнаго человѣка, и ему хотѣлось, чтобы Катя была поменьше умна, чтобы совѣсть ея была податливѣе, а честь не столь непреклонна. Потомъ онъ стыдился такого желанія и утѣшалъ себя, что, можетъ быть, его дочери посчастливится какъ-нибудь благополучно пройти между Сциллой и Харибдой.

А время шло, и вотъ уже день отъѣзда Кати пересталъ быть будущимъ. Онъ уже начался и шелъ очень быстро. Въ комнатѣ Кати тотъ безпорядокъ, какой бываетъ передъ отъѣздомъ: завязанная большая корзина, подушка въ ремешкахъ.

Капорцевъ никогда еще не чувствовалъ такого страха за судьбу дочери, какъ въ этотъ день. Онъ рѣшилъ, что непремѣнно долженъ поговорить съ ней серьезно и говорилъ все какіе-то пустяки, тщательно старясь скрывать, какъ тяжело ему разстаться съ ней... Онъ напускалъ на себя бравурность и шутилъ, но Катя чувствовала его горе.

— Папочка,—говорила она, лаская его,—ты безъ меня не скучай... а если заскучаешь, вспомни, что лѣтомъ я пріѣду.

— Конечно, Катюша,—говорилъ онъ,—зачѣмъ же скучать.

Безконечной лентой представилось ему время до будущаго лѣта. Она угадала его мысли и сказала:

— Но это такъ долго... Знаешь что, милый, пріѣзжай ко мнѣ зимой на Рождество... Какая мнѣ радость будетъ!

Онъ просіялъ.

— Вѣдь тебѣ можно будетъ отдѣлаться отъ банка на праздники?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да развѣ можетъ мнѣ что-нибудь помѣшать къ тебѣ пріѣхать!

— Ну, вотъ, видишь, какъ хорошо... И, значитъ, ты не будешь скучать?

Онъ дѣйствительно развеселился.

За обѣдомъ Катя сказала:

— Папочка, выпьемъ за наше свиданіе.

— Давай... Но для такого тоста нужно шампанское. Наташа, поскорѣе распорядись,—сказалъ онъ горничной.

— Мамочка, ты еще не знаешь: онъ обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ зимой.

— Ему не привыкать сорить деньгами.

— Мамочка, зачѣмъ ты это говоришь?.. Для меня и для папы это такая радость.

— Ну, и радуйтесь, а я вамъ не потворщица.

Капорцевъ хотѣлъ что-то сказать, но удержался и только нахмурился...

— Посмотри на меня,—сказала Катя:—о, какіе туманные глаза... Я хочу, чтобы въ нихъ не было ни одного облачка.

Онъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

Вотъ уже и сумерки стали расползаться по комнатамъ, и горѣвшія на западѣ облака подернулись дымкой. Точно въ тревожномъ снѣ видѣлъ Капорцевъ, какъ горничная унесла изъ комнаты Кати ея вещи, какъ всѣ поѣхали въ вокзалъ, какъ мелькали мимо фонари.

Капорцевъ выбралъ для Кати удобное мѣсто въ вагонѣ, уложилъ ея вещи. Ему вспомнилось, какъ два года тому назадъ онъ провожалъ другого своего друга—Степу.

Былъ уже второй звонокъ. Скоро и третій. И хочется Капорцеву, чтобы онъ никогда не звучалъ, или ужъ былъ скорѣе, не томилъ бы. Марья Николаевна настаивала, чтобы Катя вошла въ вагонъ.

— Мамочка, я успѣю и послѣ третьяго звонка.

— Заторопишься и можешь упасть.

— Конечно, Катюша,—сказалъ Капорцевъ.

— Ну, хорошо. Я на площадкѣ буду стоять.

Она простилась съ матерью. Марья Николаевна перекрестила ее и сказала:

— Помни мой совѣтъ, не выскакивай изъ колеи, не дѣлай глупостей.

Катя промолчала и стала прощаться съ отцомъ.

— Ты мнѣ все пиши про себя... вѣдь мы друзья,—говорила она между поцѣлуями.

— И ты, Катюша, обо всемъ пиши... Да?..

Въ ихъ голосахъ были дрожащія ноты; обоимъ хотѣлось заплакать, и оба сдерживали закипавшія слезы. Ему это удалось, но у Кати слезинки запрыгали по щекамъ. Она вошла на площадку вагона и, улыбаясь сквозь слезы, говорила:

— Папочка, вѣдь ты пріѣдешь зимой...

— Этимъ и жить буду, Катюша.

Третій звонокъ заставилъ обоихъ вздрогнуть.

— Пожалуйте въ вагонъ... поѣздъ тронется.

Съ словомъ до свиданья Катя исчезла за дверью, которую кондукторъ громко захлопнулъ.

Капорцеву стало такъ страшно отъ этого стука и такъ неудержимо захотѣлось увидѣть дочь и сказать ей то, чего онъ не сказалъ, что онъ вскочилъ въ катившійся уже вагонъ.

— Сумасшедшій!..—закричала Марья Николаевна.

— Милый, вѣдь поѣздъ идетъ,—сказала Катя.

— Ну, такъ что-же... Мнѣ захотѣлось посмотрѣть на тебя... Я проѣду съ тобой до Аксеновки—тамъ скрещеніе поѣздовъ.

Курьерскій поѣздъ пробѣжалъ, не останавливаясь, нѣсколько полустанковъ. Еще нѣсколько минутъ, и надо будетъ разстаться, а онъ еще не говорилъ о благоразуміи. Наконецъ, онъ рѣшился, составилъ даже вступительную фразу и началъ:

— Катюша, я хотѣлъ тебѣ сказать...

— Что, мой милый?

Она приготовилась слушать, глядя въ его глаза, а онъ смутился, позабылъ приготовленную фразу и, вмѣсто совѣтовъ благоразумія, спросилъ:

— Ты будешь писать мнѣ?

— Конечно, папочка...

Поѣздъ замедлилъ ходъ, мелькнули станціонные огни.

— Станція Аксеновка. Двѣ минуты...—раздавалось на платформѣ.

Встрѣчный поѣздъ уже стоялъ на второмъ пути.

XVI.

И радость, и горе доставила Капорцеву его поѣздка къ дочери на рождественскіе праздники. Счастливъ онъ былъ эти двѣ недѣли, видя, что Катя любитъ его по-прежнему и живетъ полной жизнью въ кругу хорошей молодежи. Онъ видѣлъ ея знакомыхъ на вечеринкѣ и вспоминалъ свою молодость. Катю, какъ и его въ былое время, подхватилъ потокъ молодыхъ, честныхъ чувствъ и мыслей. Руководясь инстинктомъ молодости, она смѣло плыла въ этомъ потокѣ, какъ летятъ стаи птицъ въ далекій край, гдѣ привѣтливо грѣетъ солнце и зеленѣютъ берега озеръ и рѣкъ, разрушившихъ свои ледяныя тюрьмы. Она удовлетворяла потребности своего ума и сердца и была счастлива, не думая о возможности несчастій, какъ не думаетъ о смерти здоровый и дѣятельный человѣкъ.

Но у отца ея нерѣдко являлись тревожныя мысли, и онъ сталъ измѣрять время письмами Кати. Получивъ письмо, онъ успокоивался, всѣ его опасенія исчезали, но ненадолго. Однажды, въ тотъ день, когда должно было бы получиться письмо отъ Кати, Капорцевъ, придя домой къ обѣду, по обыкновенію, спросилъ горничную:

— Былъ-ли почтальонъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ торопливо сбросилъ съ себя пальто и прошелъ въ кабинетъ. На столѣ лежали два письма, но не отъ Кати. Онъ и читать ихъ не сталъ, растерянно оглядываясь, какъ бы ища кого-нибудь, кто могъ бы успокоить поднявшуюся въ немъ тревогу.

— Отъ Кати письма нѣтъ,—сказалъ онъ женѣ за обѣдомъ.

— Сегодня не получена петербургская почта.

— Почему ты это знаешь?

— Почтальонъ сказалъ.

Капорцевъ почувствовалъ себя, какъ проигравшійся игрокъ, одной счастливой картой вернувшій весь проигрышъ.

На масляницѣ Капорцевъ узналъ о смерти Мухина; это извѣстіе потрясло его до слезъ.

— Одного друга уже нѣтъ,—думалъ онъ, и предчувствія новаго горя заклубились, какъ тѣ сѣдыя облака, которыя съ зловѣщей медленностью двигаются въ авангардѣ грозовой тучи.

Подошла весна, зацвѣли вишни и яблони. Капорцевъ съ удовольствіемъ провожалъ каждый день—въ первыхъ числахъ іюня Катя должна была пріѣхать. Капорцевъ купилъ цвѣтовъ для ея комнаты. Всѣмъ его знакомымъ приходилось выслушивать его мечтанія о дочери.

— Ровно двѣ недѣли осталось,—думалъ онъ,—сегодня отъ нея должно быть письмо.

Но письма въ этотъ день не было. Онъ протомился до слѣдующаго дня и, не ожидая почтальона, поѣхалъ на почту: ему выдали только газеты. Онъ встревожился и послалъ Катѣ телеграмму. Пришелъ отвѣтъ: телеграмма не доставлена за выѣздомъ адресата.

Капорцевъ удивился.

— Значитъ, она выѣхала раньше, чѣмъ предполагала... Какъ это чудесно!.. Значитъ, черезъ три дня она будетъ здѣсь...

Однако, прошло двѣ недѣли, а не было ни Кати, ни письма отъ нея. Капорцевъ мучился, измѣнился въ лицѣ, лишился аппетита. Наконецъ, онъ получилъ письмо отъ дочери.

— Представь себѣ, дорогой мой другъ,—писала Катя,—совершенно неожиданно пришлось измѣнить мой маршрутъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать на югъ къ тебѣ, я ѣду на сѣверъ посмотрѣть, какъ свѣтитъ полночное солнце.

Онъ дочиталъ письмо, написанное въ веселомъ тонѣ, просидѣлъ съ минуту, какъ убитый, и вдругъ встрепенулся.

— Ѣду къ ней сегодня же,—сказалъ онъ.

XVII.

Капорцеву казалось, что пароходъ плыветъ возмутительно тихо. Хотѣлось ему заснуть на все время пути и проснуться у пристани, но ему и по ночамъ плохо спалось. Еще на желѣзной дорогѣ онъ почувствовалъ, что какая-то болѣзнь прокралась въ его организмъ.

— Должно быть, повышенная температура,—думалъ онъ, чувствуя неутолимую жажду.

Онъ глядѣлъ вдаль, гдѣ синѣла рѣка и, казалось ему, что и конца нѣтъ этой извивающейся синей лентѣ. Пассажировъ было немного. Отставной генералъ бесѣдовалъ съ архимандритомъ. Осетрина, которую они ѣли, вызвала разговоръ о рыбѣ.

— Меньше ея стало,—говорилъ генералъ,—пароходы распугали; а вотъ прежде бывало...

И развивались воспоминанія о „добромъ старомъ времени".

— Не просвѣщенное, но сердечное время было,—сказалъ архимандритъ.

— Справедливо замѣтили... Вотъ хоть бы у насъ въ полку былъ ротный командиръ. На ученьѣ звѣрь лютый, зубы у солдатъ такъ и трещатъ, поролъ до полусмерти. А между тѣмъ добрѣйшую душу имѣлъ... Котика заброшеннаго непремѣнно подниметъ, откор-

митъ и къ мѣсту пристроитъ... Воробей изъ гнѣзда выпадетъ, онъ и его возьметъ, подкормитъ и выпуститъ. А образованія никакого—фамилію свою съ трудомъ выводилъ.

— Да, вѣдь что же такое образованіе,—заговорилъ архимандритъ,—мечъ обоюдоострый, или, если хотите, ядъ, употребленіе котораго можетъ быть и полезно, и губительно, судя по пропорціи. Въ малыхъ дозахъ образованіе благодѣтельно, а въ большихъ—это разрушающій душу ядъ. Для нашего русскаго мужичка образованіе, если и нужно, то въ гомеопатическихъ дозахъ, а собственно говоря, безъ образованія мужикъ лучше. Вы сравните прежнее время и нынѣшнее.

Капорцеву скучно стало слушать воздыханія старичковъ о старинѣ; онъ вышелъ на третьеклассную палубу. Двѣ богомолки звонкими голосами пѣли тропарь Прокопію Тотемскому. Старушка-странница разсказывала про Соловецкій монастырь.

„Птицъ небесныхъ тамъ видимо-невидимо, бѣлыя пребѣлыя, какъ голуби... И въ другихъ мѣстахъ чайки есть, да не такія... истинно небесныя птицы...“

Запахъ рыбы и чадъ кухни заставили Капорцева вернуться въ каюту. Скучно ему было, и онъ былъ радъ винту, который устраивался послѣ чая. Бѣлую ночь съ сливающимися зорями просидѣли за картами. Утомленный Капорцевъ надѣялся заснуть, но опять началась лихорадочная жажда... Мысли его путались, голова болѣла... Иногда наступала блаженная минута—исчезали всѣ мысли и боли, сонъ овладѣвалъ имъ... вдругъ какой-то толчекъ въ сердцѣ, и сознаніе снова освѣщаетъ исчезнувшій міръ, и все представляется въ чудовищномъ видѣ. Гулъ машины и шлепанье лопастей колеса по водѣ вызываетъ ужасъ; каюта съ низкимъ потолкомъ кажется гробомъ... Капорцеву подумалось, что онъ умретъ, не увидѣвъ Кати, ему стало душно, и онъ поднялся на палубу.

Въ струѣ утренняго бодрящаго воздуха на него повѣяло сладостью жизни... всѣ мрачныя мысли, созданныя болѣзнью, исчезли. Онъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на голубую рѣку, на густой лѣсъ, окаймлявшій ея берега, и ему страстно захотѣлось жить. Морщины на его лбу разошлись, и въ глазахъ засвѣтилась улыбка.

— Завтра я увижу Катю,—подумалъ онъ.

XVIII.

На пустынной улицѣ, густо поросшей травой, стоялъ новый деревянный домъ. Окна его были открыты, и изъ нихъ вылетали

звуки молодыхъ голосовъ: Катя, двѣ ея подруги и два молодыхъ человѣка, повидимому, студенты, только что прочитали какую-то статью и спорили. Они не слыхали, какъ по лѣстницѣ поднимался Капорцевъ и за нимъ мужикъ съ чемоданомъ.

Капорцевъ узналъ голосъ дочери; въ радостномъ волненіи онъ взбѣжалъ на лѣстницу и отворилъ дверь.

Споръ оборвался.

— Папочка, милый!—закричала Катя, — вотъ неожиданная радость,—говорила она, цѣлуя отца:—я ждала отъ тебя письма на этихъ дняхъ, и вдругъ ты самъ. Мы тутъ хорошо устроились, всѣ вмѣстѣ. Садись, мы тебя будемъ угощать. Кухарки у насъ еще нѣтъ, мы сами хозяйничаемъ.

— Самоваръ живо поспѣетъ,—сказалъ бѣлокурый юноша и исчезъ въ кухню.

— Но, какъ ты себя чувствуешь, Катюша?—спросилъ Капорцевъ.

— Какъ видишь.

Онъ видѣлъ цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку съ блестящими глазами. Посмотрѣлъ на ея подругъ, и ни на одномъ лицѣ не замѣтилъ уныніи и печали.

— Вы мнѣ мое студенчество напомнили,—сказалъ онъ, присаживаясь къ столу:—такая же комната, такіе же споры...

— А какой здѣсь лѣсъ, папочка! Сейчасъ за нашей квартирой. Настоящій дремучій лѣсъ. И какія удивительныя ночи! Въ полночь у окна можно книгу читать. Огня мы вовсе не зажигаемъ.

— Берегитесь!..—раздалось въ комнатѣ, и бѣлокурый юноша появился съ большимъ хозяйскимъ самоваромъ. Катя принесла чай въ бумажкѣ и тарелку съ сахаромъ. Началось хозяйничанье съ хохотомъ и остротами. Когда улеглось возбужденіе отъ свиданія съ дочерью, Капорцевъ почувствовалъ свою болѣзнь.

— Мнѣ нездоровится, Катюша,—сказалъ онъ:—хотѣлось бы прилечь.

— Ты усталъ—такая длинная дорога. Пойдемъ. Вотъ это будетъ твоя комната. Посмотри, какой лѣсъ.

— Я отдохну и мы пойдемъ въ лѣсъ,—сказалъ Капорцевъ.

Онъ заснулъ, но сонъ не освѣжилъ его. Проснувшись, онъ почувствовалъ острую боль въ груди и не могъ встать съ постели.

Начались скучные, печальные дни въ свѣтлой, какъ фонарь, квартирѣ. Стало въ ней тихо, запахло лѣкарствами. Любовно ухаживала молодежь за больнымъ. Ночью дежурили по очереди. Катя похудѣла отъ горя и безсонницы. Единственный въ городѣ докторъ опредѣлилъ воспаленіе обоихъ легкихъ.

XIX.

Былъ жаркій, тихій день. Въ комнатѣ больного отворили окно, между складками темной занавѣски, какъ ручеекъ между камнями, пробивались струйки чистаго воздуха съ смолянымъ запахомъ лѣса.

Болѣзнь дала отдыхъ. Ни острой боли, ни лихорадочнаго жара съ его угнетающей истомой. Но это не было выздоровленіе, когда жажда жизни закипаетъ въ организмѣ, побѣдившемъ болѣзнь, когда синева неба и зелень сада получаютъ для больного особую прелесть, когда и въ щебетаньѣ воробьевъ, и въ крикѣ гусей на улицѣ онъ чувствуетъ радость возвращающагося здоровья.

Одного только покоя, ничѣмъ ненарушаемаго, желалъ Капорцевъ. Ему не хотѣлось пошевелить рукой или ногой; онъ отдыхалъ отъ боли. Передъ нимъ проходили картины его жизни, и онъ смотрѣлъ на нихъ, не волнуясь, безъ тоски и безъ радости, какъ будто разсматривалъ знакомыя картинки стереоскопа.

Вотъ онъ студентъ въ дешевой меблированной комнатѣ... Много товарищей... пьютъ пиво, закусываютъ колбасой и горячо спорятъ... И вдругъ у него въ рукѣ бокалъ съ шампанскимъ... кругомъ нарядныя дамы... Столъ подъ бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью, а на немъ вазы съ благоухающими фруктами и цвѣтами... И кажется Капорцеву, что онъ счастливѣе былъ съ стаканомъ пива...

— Почему же это?

Но думать не хочется. Онъ раскрываетъ на минуту глаза, но и полусвѣтъ кажется утомительнымъ... и снова дремота и тѣ же картины. Онъ всматривается и видитъ, что рядомъ съ нимъ, держащимъ въ рукахъ стаканъ пива, двѣ подруги. Благородной гордостью сіяютъ ихъ глаза, чистые, какъ снѣгъ на горныхъ вершинахъ, ясные, какъ небо послѣ грозы. И какія чудныя ихъ имена: честь и совѣсть... А вотъ онъ же съ бокаломъ шампанскаго, и возлѣ него нѣтъ этихъ красавицъ... Обведя взоромъ столъ съ душистыми фруктами и цвѣтами, онъ не нашелъ ихъ... и вспомнилъ, что много ссоръ было у него съ ними, послѣ которыхъ онѣ приходили все рѣже и рѣже, и уже не прежнія радостныя, съ улыбкой дружбы, а грустныя, съ нѣмыми укорами во взглядахъ...

— Такъ вотъ почему...—подумалъ онъ и съ легкимъ вздохомъ открылъ глаза.

Онъ увидѣлъ, что маленькая щелочка въ складкахъ занавѣсокъ блеститъ, какъ золото.

— Должно быть, ясный день,—подумалъ онъ, но свѣта ему не захотѣлось.

Онъ вдохнулъ струйку свѣжаго воздуха и опять погрузился въ покой безъ всякихъ желаній. И опять въ дремотныхъ сумеркахъ сознанія встали картины прошлаго. Возлѣ него подруги юности. Что скажутъ онѣ, то онъ и сдѣлаетъ. И это не холодный долгъ повиновенія, а сердечная потребность. Никакихъ колебаній, никакихъ разсчетовъ, выгодно-ли поступить по чести, по совѣсти. И какъ хорошо на душѣ, какой высокой волной поднимается гордое сознаніе своей духовной силы. Но эти картины потонули въ темнотѣ, и передъ нимъ уже другія: картины борьбы съ друзьями-красавицами... путаница софизмовъ, самообмановъ... попытки примирить непримиримое. Вотъ кто-то говоритъ ему: „къ вамъ важный баринъ пріѣхалъ“. И онъ видитъ этого „искусителя“, слышитъ свой разговоръ съ нимъ и свои мысли послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, оставивъ въ немъ каплю золотого яда. Онъ видитъ, какъ этотъ ядъ постепенно всасывался въ его кровь и парализировалъ хорошія душевныя движенія... Онъ уже сталъ взвѣшивать, выгодно-ли поступить по чести, по совѣсти; въ немъ развивается страхъ вѣроятныхъ опасностей; этотъ страхъ растетъ и облекается въ зловѣщую фигуру какого-то чудовища... Прощайте, совѣсть и честь, прощайте, дорогія подруги... Онѣ исчезаютъ, а съ ними и угрожающее чудовище. Полное чувство безопасности, но на душѣ тоскливо и хочется какого-нибудь оправданія... И вотъ оно желанное: „жена, дочь... ради нихъ я поссорился съ своими друзьями...“ Но это оправданіе, прежде казавшееся ему похожимъ на правду, теперь представляется очевидной ложью, неудачнымъ оправданіемъ собственнаго желанія пользоваться благами жизни. А гдѣ же счастье отъ этихъ благъ?

Вспомнилось ему, что послѣ широкаго пользованія ими бывала какая-то неудовлетворенность; неопредѣленное, тоскливое чувство заставляло вздыхать, и неясное сознаніе грѣха сжимало сердце... Въ ряду мелькавшихъ картинъ онъ сталъ искать самаго счастливаго дня въ этомъ періодѣ жизни. Онъ нашелъ его: это былъ тотъ день, когда къ нему пріѣхалъ Мухинъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, вернулась молодость съ ея глупостями. Картина этого дня быстро исчезла точно за темной занавѣской, и вдругъ, освѣщенная багровымъ свѣтомъ, точно заревомъ пожара, явилась библейская картина, поразившая его въ дѣтствѣ: превращеніе Навуходоносора въ звѣря. Вспомнилъ онъ, что мать его воспользовалась этимъ впечатлѣніемъ и сказала: „и съ тобой это можетъ быть, если ты не будешь меня слушаться“. Онъ повѣрилъ этому и испугался, и иногда послѣ дѣтскихъ грѣховъ его охватывалъ ужасъ, что вотъ

сейчасъ на его кожѣ начнутъ расти волосы, онъ встанетъ на четверенки и будетъ мычать и ѣсть траву. Тогда онъ съ плачемъ прижимался къ матери и говорилъ: „мамочка, я всегда буду тебя слушаться“. И вотъ теперь онъ видѣлъ это ужасное превращеніе; но передъ нимъ не вавилонскій царь, а онъ самъ... Онъ видѣлъ весь процессъ превращенія съ того дня, когда онъ поступилъ въ жрецы капища золотого тельца. Съ того дня начала развиваться у него душевная близорукость. Мало-по-малу густыми облаками закрылось все, что составляло его молодую жизнь, и передъ нимъ стояло животное съ человѣческой головой и на ней его глаза, его лицо, поросшее волосами... Ему стало страшно; онъ очнулся отъ дремоты и открылъ глаза. Пріятно было сознаніе, что эта картина, казавшаяся столь реальной, была только созданіемъ болѣзненной дремоты. Онъ обрадовался, увидя Катю у своей постели.

— Катюша, я чувствую себя лучше,—заговорилъ онъ:— боли никакой... и поразительная ясность мысли... я сейчасъ видѣлъ всю свою жизнь въ картинахъ... и, знаешь-ли, счастье было тогда, когда я дѣлалъ то, что Маша называетъ глупостями...

— Высшее счастье въ нихъ, — сказала Катя, — но тебѣ, мой дорогой, не надо много говорить... Послѣ ты мнѣ все разскажешь...

Онъ улыбнулся ей и замолчалъ... Дремота снова охватывала его.

— Опять спать хочется, Катюша.

— Это хорошо—сонъ возстановитъ твои силы.

Она тихо поцѣловала его и вышла изъ комнаты.

— Ну, что?—спросили ее товарищи.

— Лучше,—отвѣтила она радостнымъ шепотомъ.

А горе было близко.

Вечеромъ въ тотъ же день Катя осторожно вошла въ спальню больного узнать, проснулся-ли онъ, и измѣрить температуру. Увидя его лицо, она вся задрожала отъ страшной мысли... Наклонившись надъ нимъ, Катя поняла, что ея отецъ никогда уже не проснется.

Ивановичъ.

* * *

Ты вѣришь, родимая... вѣрь:
Вѣдь въ жизни, какъ сумерки сѣрой,
Вся горечь утратъ и потерь
Врачуется искренней вѣрой.

Ты вѣришь—и благо тебѣ:
Надежды живительной пламя
Поможетъ въ житейской борьбѣ
Въ рукахъ удержать твое знамя.

Ты вѣришь... какъ счастлива ты,
Что можешь и въ пору невзгоды
Хранить золотыя мечты
И грезы на лучшіе годы.

Ты вѣришь и, вѣря,—права!
Гляди на грядущее смѣло:
Возвышенной правды слова
Воздвигнутъ великое дѣло.

Ты вѣришь... глубоко любя,
Хранишь ты порывы благіе...
О, пусть же, мой другъ, у тебя
Научатся вѣрѣ другіе.

Ты вѣришь, желанная... вѣрь
Всѣмъ пыломъ души вдохновенной...
Кто вѣрить умѣетъ теперь,
Въ томъ сердце не бьется измѣной.

Л. Медвѣдевъ.

ОБЩИНА ШЕКЕРОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

I.

Огромная долина ворвалась откуда-то съ юга, изъ-за высокихъ горъ, и разлилась подобно озеру среди холмовъ.

Она культивирована. Но мало желтыхъ пятенъ—полей, засѣянныхъ пшеницею или рожью. Она зелена. Она роскошна свѣжестью зелени, силою производительныхъ соковъ. Кое-гдѣ виднѣются озера и всюду журчатъ горные ручьи. Долина красива, природа весела, всюду видны сады и огороды, покрытые лучшими сортами овощей.

Лѣсу много, но онъ не дремучъ, хотя очень густъ. Онъ разбросанъ тамъ и сямъ: рощами, садами, островами. Кривые сучья низкихъ деревьевъ ползутъ въ стороны и даютъ роскошную тѣнь. Между ними много столѣтнихъ экземпляровъ. Вся долина залита пѣснью пернатыхъ.

Кое-гдѣ деревья высоки, стройны и вытянуты въ линію — обозначаютъ путь; кое-гдѣ они растутъ четырехугольниками: это фермеръ оградилъ свой огородъ. Это поэзія его души. Это его любовь къ воздѣланному участку. По скатамъ нѣкоторыхъ холмовъ лѣса очень густы, но они нестрашны—тамъ нѣтъ хищнаго звѣря.

Всюду преобладаніе луговъ, покрытыхъ сочною, высокою травою, украшенною цвѣтами. Только два желтыхъ пятна замѣтны вдали; но именно только «пятнышками» представляются эти посѣвы въ картинѣ общей зелени. Почему такъ много садовъ и огородовъ? По причинѣ лучшей доходности. Акръ, засѣянный картофелемъ, даетъ 93 доллара; акръ, засѣянный овсомъ, даетъ 48 долларовъ. Долина прорѣзана желѣзной дорогой между городками: Нью-Либенонъ, Питтфильдъ, Четамъ, Берлинъ, связавшей ихъ степью съ Нью-Іоркомъ, Бостономъ и Албани. Деревень здѣсь не признаютъ; всюду города и фермы. Фермы тянутся на нѣсколько миль по дорогѣ, словно дачи. Фермеръ и работникъ производятъ полевыя работы машинами; а женщины качаются въ гамакахъ, подъ тѣнью деревъ, читая книжки. Счастливая страна!

А сколько денегъ и каторжнаго труда потратили люди на постройку каменныхъ заборовъ! «Каждому свое», говорятъ эти заборы. Проволочные, каменные, деревянные заборы (частоколы), канавы, насыпи и деревья отдѣляютъ зигзагами и прямыми линіями садъ отъ огорода, огородъ отъ поля, поле отъ поля и всѣ воздѣланные и невоздѣланные клочки земли. Загородью обнесены и лѣсные участки.

Коровы пасутся въ рощѣ за проволочнымъ заборомъ. Вотъ онъ—американскій индивидуализмъ!

Большая часть земельной собственности въ долинѣ принадлежитъ шекерамъ, а шекеры—общинники; но и ихъ поля, сады, огороды, лѣса и луга раздѣлены на участки и обнесены заборами; это потому, что все общество раздѣлено на семейства, и каждое семейство имѣетъ свою собственность и ведетъ независимо свое хозяйство. Еще того страннѣе: много садовъ, много полей, огородовъ и лѣсу, но мало фермъ. Сѣренькіе домики, разбросанные по сосѣдству съ шекерами, говорятъ о бѣдности фермеровъ. Ихъ задавилъ крупный земельный собственникъ—шекерская община.

Климатъ здѣсь рѣзкій. Лѣто жаркое и продолжительное. Зима мокрая. Осень считается лучшимъ временемъ года. Весна преимущественно холодная. Воздухъ лѣтомъ по большой части сѣръ. Земля бываетъ часто окутана дымкою; истомленная горячими лучами солнца, она выдѣляетъ испарину, прозрачную, сѣрую, обѣщающую дождь. Но мгла подымается надъ долиною, открывая ее во всей красѣ и заволакиваетъ холмы, сгущаясь надъ ними, по мѣрѣ ихъ удаленія въ даль горизонта. Часто по небу плывутъ свѣтло-сѣрыя кучевыя облака. Они то расплываются и таютъ, то опять сгущаются. Истома сулитъ грозу. Грозы здѣсь ужасныя. Вихрь, безпрерывная молнія, безконечный раскатистый громъ и проливной дождь. Почва всегда влажная и зелень вѣчно молодая. Сколько тѣни и цвѣтовъ!

Въ центрѣ долины, на вѣтру, замѣчаются признаки селенія. Видны только крыши домовъ, а самый городокъ, Нью-Либенонъ, спрятался въ зелени садовъ, словно устыдился выйти на просторъ открытаго поля. Граждане великой республики кажутся очень маленькими людишками въ крошечномъ городкѣ, въ которомъ они занимаются маленькими дѣлишками. Одна лавка, почтовая контора съ почтмейстеромъ въ образѣ хорошенькой блондинки, получающей письма три въ день, каменный, прекрасный домъ съ заколоченными ставнями въ центрѣ города и другой каменный домъ—пустая гостинница рядомъ съ узкоколейной желѣзной дорогой на гнилыхъ шпалахъ, которыя грозятъ разрушеніемъ. Таковы характерныя черты городка. Изъ крошечнаго мѣстечка этого раздается свистокъ локомотива по нѣсколько разъ въ день; плачевный гулъ его несется по долинѣ и гдѣ-то замираетъ. Ни пара, ни локомотива не видно издали. Откуда-то приходятъ два вагона въ видѣ гнилыхъ угольныхъ ящиковъ съ крошечными дырками для оконъ, гдѣ-то останавливаются и куда-то уходятъ безъ груза и безъ пассажировъ. Это типъ деревенской желѣзной дороги, какую можно видѣть только въ Америкѣ. Она построена на капиталы, которыхъ некуда было дѣть. Это продуктъ ажіотажа. Было время, когда здѣсь процвѣтали бутылочная фабрика и заводъ лѣкарственныхъ продуктовъ г. Тильдена. Было время, когда г. Тильдена выбирали въ президенты.

Акціи его стояли высоко на биржѣ. Но онъ сошелъ съ исторической арены, а вмѣстѣ съ этимъ погибли и капиталы въ морѣ американской конкурренціи. Окна домовъ пришлось заколотить, а отъ ремонта желѣзной дороги—отказаться.

II.

Какъ бы въ укоръ человѣческой совѣсти, грѣшной и нечистой, спрятавшейся въ тѣни городскихъ садовъ, раскинулась деревня шекеровъ въ одной милѣ отъ города на высокомъ холмѣ. Шекеры развернули свои владѣнія открыто, всѣмъ напоказъ. Деревню Моунтъ-Либенонъ видно отовсюду. Она царитъ... Она рисуется. Хотя дома шекеровъ и окружены фруктовыми садами, но деревья не въ состояніи закрыть ихъ. Дома эти—сѣрые, красные и бѣлые—стоятъ на каменныхъ фундаментахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, усаженной деревьями, прекрасно утрамбованной, окаймленной телеграфомъ. Эти зданія самой простой архитектуры, въ видѣ ящиковъ въ пять этажей, съ зелеными рѣшетчатыми ставнями, со множествомъ оконъ, кажутся казармами, больницами, сумасшедшими домами. Сады, огороды и сѣнокосы огорожены каменными заборами. Дорогая работа красива. Службы, амбары, сады, погреба и мастерскія группируются вокругъ каждаго жилого дома. И такъ образуется шесть группъ. Изъ числа жилыхъ домовъ останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе каменное зданіе въ пять этажей съ колоколенкою на крышѣ, подъ навѣсомъ которой видѣнъ колоколъ. Это прекрасное зданіе. Оно построено по новѣйшему плану и снабжено всѣми удобствами для комфорта. Оно принадлежитъ «церковному семейству». Рядомъ съ этимъ огромнымъ домомъ, стоимостью болѣе нежели во сто тысячъ рублей, стоитъ каменный флигелекъ; въ немъ помѣщается правленіе колоніи и епископа всѣхъ шекерскихъ общинъ въ Америкѣ; а напротивъ, надъ дверями другого каменнаго двухъэтажнаго флигеля, виситъ вывѣска: «Контора». Въ особенности оригинально зданіе шекерскаго храма въ центрѣ селенія: четырехугольный домъ безъ пристроекъ состоитъ изъ одного только зала; легка его конструкція, безъ капитальныхъ стѣнъ (зданіе деревянное) и колоннъ, съ огромными окнами, закрытыми рѣшетчатыми ставнями. На чемъ только держится выпуклая крыша, покрытая цинкомъ? Переверните плоскодонное судно кверху дномъ и обратите его въ крышу; внутри, на чердакѣ, прикрѣплены шпангоуты къ поперечнымъ бимсамъ и соединяются со стѣнами; къ шпангоутамъ прибиты продольныя рейки; а по рейкамъ вылѣпленъ потолокъ. Внутри зала кажется, что онъ виситъ въ воздухѣ. Работа простая, а какъ хорошо. Прекрасный танцовальный залъ. Полъ вылощенъ и блеститъ. Шекерамъ есть гдѣ развернуться во время танцевъ при богослуженіи. Залъ можетъ вмѣстить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Безчисленное множество соломенныхъ стульевъ свалены въ кучу. Скамейки для публики по сторонамъ подымаются амфитеатромъ. Чистота поразительная.

Вообще, хозяйскій глазъ виденъ повсюду. Все содержится въ порядкѣ: ни поломокъ, ни заплатъ, ни грязи, ни мусора. Въ санитарномъ отношеніи деревня образцовая. Другая особенность: ни кабаковъ, ни полиціи, ни суда, ни кутузки; есть почтовая контора и лавка для продажи шекерскихъ стульевъ и рукодѣлій.

Каждая отдѣльная группа домовъ съ жилымъ домомъ посрединѣ принадлежитъ отдѣльному семейству. Жилой флигель окруженъ цвѣтниками и вишневыми деревьями; поодаль стоятъ сараи; въ одномъ сараѣ помѣщаются кабріолеты и колясочки легкаго американскаго фасона; въ другомъ — дроги для сельскохозяйственныхъ работъ; подъ открытыми навѣсами помѣщаются земледѣльческія машины: косилки, грабли и т. п., но здѣсь нѣтъ ни сѣялокъ, ни вѣялокъ, ибо шекеры хлѣба не сѣютъ. Конюшни приноровлены десятка на два лошадей, но онѣ пустуютъ; двѣ, три лошади, много четыре удовлетворяютъ нуждамъ семейства. Скотные сараи — великолѣпныя зданія для скота. Одинъ скотный дворъ «сѣвернаго семейства» стоитъ шестьдесятъ тысячъ долларовъ. Онъ не роскошенъ, но огроменъ, выложенъ изъ булыжника крупныхъ размѣровъ. Скотныя зданія отопляются зимою паровымъ отопленіемъ. Коровы у шекеровъ великолѣпной породы. Такъ какъ во всемъ селеніи женщинъ въ пять разъ больше, чѣмъ мужчинъ, то молочное хозяйство преобладаетъ.

Главный флигель отведенъ для жилыхъ помѣщеній; каждый братъ и большинство сестеръ пользуются отдѣльными комнатами; просторныя, свѣтлыя, безукоризненно чистыя, обставленныя съ комфортомъ простою, но красивою мебелью, комнаты эти не оставляютъ желать ничего лучшаго; кромѣ того, во флигелѣ помѣщаются: залъ для богослуженія, концертная комната, библіотека, мастерская со швейными машинами, которыя приводятся въ движеніе водяною силою водопровода съ горы, общая столовая, частная столовая для посѣтителей, пріемная комната для мужчинъ и другая — для женщинъ, спальни для воспитанниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, и ванная комната. Отдѣльный флигель отведенъ для паровой прачешной, другой—для маслобойни; въ третьемъ были когда-то кузница, столярная, слесарная, шорная, но всѣ эти прекрасныя мастерскія бездѣйствуютъ въ настоящее время; подвальные этажи домовъ служатъ амбарами для запасовъ. Яблоки и овощи складываются на зиму въ отдѣленія, огражденныя рѣшетками. Мастерскія снабжены лучшими станками, полнымъ комплектомъ инструментовъ. Механизмы маслобойни, прачешной и мастерскихъ приводятся въ дѣйствіе водянымъ двигателемъ, системою соединенія двухъ озеръ: верхняго на холмѣ, искусственнаго резервуара, образующагося отъ горныхъ ключей и соединеннаго водопроводомъ съ нижнимъ озеромъ подъ горою. Прачешная снабжена паровымъ котломъ; верхній этажъ ея предназначенъ для просушки бѣлья—съ раздвижными рамами, спеціально для того приспособленными. Подъ главнымъ жилымъ домомъ

устроенъ неразрывной, патентованный котелъ; онъ соединенъ трубами со столовой, кухней и со всѣми комнатами для парового отопленія зимою и для снабженія ихъ теплою водою. Водопроводъ проведенъ вообще по всей деревнѣ. За каменнымъ домомъ «церковнаго семейства», по сосѣдству съ домомъ митинговъ, построенъ газовый заводъ. Онъ освѣщаетъ каменныя зданія. Третье семейство, имѣя подрядъ на изготовленіе желудочныхъ капель, изобрѣтенія какого-то врача, устроило даже химическую лабораторію, кухню и котельное отдѣленіе. На краю деревни стоитъ мастерская: отдѣльный большой домъ, въ которомъ изготовляются изящные шекерскіе стулья.

Участки земли, ближайшіе къ жилымъ флигелямъ, воздѣланы подъ огороды; на огородахъ растутъ: картофель, бобы, горошекъ, капуста, салатъ, помидоры и клубника. Огороды окружены кустарниками красной и бѣлой смородины. Очень много яблонь и вишневыхъ деревъ. Фруктовые сады отходятъ отъ домовъ на задній планъ; а на переднемъ планѣ передъ жилыми домами разбиты цвѣтники; самые дальніе участки земли отведены для пастбища и сѣнокосовъ.

По всѣмъ участкамъ проложены глиняныя водопроводныя трубы, отъ которыхъ подъ землею идутъ проводники съ кранами. Средства орошенія всегда подъ рукою: надо только привинтить тонкій рукавъ гуттаперчевой трубки, и изъ нея льется вода, орошающая и цвѣтники, и огороды, и фруктовые сады.

Въ курятникахъ размножаются по нѣсколько сотъ куръ въ каждомъ семействѣ; цыплята отдѣляются отъ куръ посредствомъ тонкой проволочной сѣтки; зимою домашняя птица содержится въ тепломъ сараѣ, обогрѣваемомъ чугунною печью.

Обиліе яблонь, красной и бѣлой смородины даетъ основаніе полагать, что отрасль этого хозяйства приноситъ еще кое-какой доходъ; курятники также; но огородныя пространства такъ ограниченны, что, при урожаѣ, овощей хватаетъ семейству на годъ (при консервахъ) и ничего не остается для продажи. Картофеля шекеры вовсе не воздѣлываютъ для рынка, не смотря на хорошія цѣны. Сѣнокосной земли много; кажется, хватило бы сѣна на весь мѣстный рынокъ, еслибы шекеры снимали его для продажи или отдавали бы землю въ аренду.

Въ общемъ картина представляетъ богатѣйшее и благоустроеннѣйшее имѣніе; но собственники его, повидимому, не нуждаются въ средствахъ и не желаютъ обрабатывать свои обширныя пространства земли.

III.

Вокругъ было глухо и безлюдно. Всюду царила тишина, тишина подавляющая, тоскливая. По всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ никого не было видно. Со стороны все это производило странное и дикое впечатлѣніе. Ничего не было слышно, кромѣ пѣнія птицъ, и пронзительные возгласы пѣтуха звучали прозою среди поэтическаго настроенія при-

роды. Было такъ безлюдно и тихо, что даже жутко становилось среди этого мертваго царства; даже полевые звѣрки, змѣи и птицы точно потеряли инстинктъ страха. Сурокъ выглѣзъ изъ норки, когда я проходилъ поле, сѣлъ на заднія лапки и смотрѣлъ на меня. Бѣлка, бѣжавшая по каменному забору, остановилась также и, поднявшись на лапки, смотрѣла. Змѣя, услыхавъ шаги въ травѣ, перестала ползти, подняла голову и не испугалась. Такъ могутъ чувствовать себя животныя только въ раю. И вѣдь, дѣйствительно, я шелъ въ обитель праведниковъ, признавшихъ себя ангелами на землѣ. Не царство-ли это Адама до его грѣхопаденія? Не мудрено, что добрыя твари окружили добрыхъ людей.

Но гдѣ же эти добрые люди? Казалось, они вымерли. Я шелъ по пыльной улицѣ, залитой лучами знойнаго солнца и замѣчалъ всюду слѣды безпечности. Земледѣльческое орудіе стояло въ кустахъ, никому не нужное. Ворота и калитки были на распашку, двери въ корридорахъ жилыхъ домовъ отперты. Звонковъ нигдѣ не было. Я кашлялъ, сморкался, топалъ ногами, но тщетно. Я заглянулъ было въ котельное отдѣленіе химической кухни; кочегара у котла не было, а изъ мѣднаго куба сочилась въ ведро черная жидкость. Изъ конюшни послышалось ржаніе лошади; она ржала вполголоса, словно боясь потревожить хозяевъ. Хотя бы песъ залаялъ. Но легче было найти красный брилліантъ, нежели эту безстыдную тварь въ колоніи шекеровъ. Кошка притаилась подъ деревомъ, лакомо глядя на птицу. Наконецъ, раздался возгласъ пѣтуха и какой-то свирѣпый протестъ въ курятникѣ. Я отправился туда и встрѣтился съ негромъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я его, отлично понимая значеніе его внезапнаго испуга.

— Я ищу дорогу... Гдѣ дорога?..

Куроцапъ удалился, стараясь обойти какъ можно подальше жилой домъ.

Было очевидно, что здѣсь жили несопротивляющіеся.

Но гдѣ-жъ они?

Раздался звукъ колокола. Я поднялъ голову и замѣтилъ, что колоколъ звонилъ на вышкѣ каменнаго дома самъ собою. Былъ полдень. Монотонный звонъ понесся по долинѣ. Онъ вызвалъ признаки жизни: чья-то костлявая рука высунулась изъ форточки и заперла ее. Старуха лѣтъ семидесяти показалась у окна; затѣмъ она скрылась, опасаясь, вѣроятно, сквозняка. Изъ огорода вышелъ старецъ лѣтъ восьмидесяти; онъ былъ одѣтъ въ балахонъ; изъ подъ поярковой шляпы спускались длинные, сѣдые волосы; перейдя улицу старческой походкой, онъ скрылся во флигелѣ. Но вотъ гдѣ-то разговоръ. Я вошелъ въ садъ. Солнце пекло безпощадно. Сочныя вишни, налитыя сокомъ, сквозили, дозрѣвая. На крыльцѣ флигеля появилась женщина въ соломенной шляпкѣ. Шляпка была въ формѣ трубки на головѣ, какъ у монахини или институтки.

— Сестра! Могу-ли я видѣть эльдера вашего семейства?

Она пристально взглянула на меня. Худенькое личико казалось болѣзненнымъ; тоненькая фигурка высокой женщины была обезображена платьемъ фасона прошлаго столѣтія; юбка была въ продольныхъ складкахъ, а платочекъ обхватывалъ грудь ея крестомъ. Поливая цвѣты, она опустила руку съ ведромъ и, поднявъ голову, смотрѣла на меня застѣнчивымъ взглядомъ кроткихъ глазъ; черные полукруги подъ глазами и блѣдность говорили объ изнуренности организма.

— Эльдеръ Чарльсъ кстати здѣсь. Войдите въ эту комнату.

Комната, на которую она указала, отличалась безпримѣрной чистотою. Мебель была разставлена въ такомъ замѣчательномъ порядкѣ, что даже совѣстно было двигаться по комнатѣ, какъ бы не нарушить этой красивой симметріи и не затоптать ковра, сотканнаго, очевидно, руками сестеръ. Кровать отличалась безукоризненнымъ бѣльемъ. На одномъ изъ столиковъ лежали божественныя книги въ роскошныхъ переплетахъ. Снопъ солнечныхъ лучей врывался въ окно и придавалъ комнатѣ видъ веселенькаго гнѣздышка.

Пока я разсматривалъ книги, въ комнату вошла женщина лѣтъ шестидесяти. Она внесла кувшинъ съ холодною водою и поставила его на столъ. Лицо, испещренное морщинами, цвѣта желтаго пергамента, выдѣлялось рѣзко, благодаря туго накрахмаленному кисейному чепчику, какіе случалось видѣть на покойницахъ въ гробахъ. Въ глазахъ выражалась бездна кротости и душевнаго спокойствія. Она обратилась ко мнѣ въ третьемъ лицѣ:

— Быть можетъ, нашъ другъ желаетъ присоединиться?

Я рѣшилъ обратить отвѣтъ въ шутку; сквозной вѣтеръ захлопнулъ въ эту минуту половинку двери и на мое приглашеніе сѣсть, она отворила дверь и сказала:

— Нѣтъ, благодарю васъ, у насъ это не принято.

Вернувшись къ столу, она продолжала стоять, упорно глядя на меня.

— Не поздно-ли мнѣ, сестра, обращаться?—сказалъ я ей.

— Никогда не поздно покаяться и обратиться въ истиннаго христіанина.

— Кстати. Кого вы называете истиннымъ христіаниномъ?

— Well, мы называемъ истиннымъ христіаниномъ того, кто убѣжденъ въ гибели свѣтскихъ людей и возлагаетъ на себя крестъ освобожденія отъ несчастій, причиняемыхъ плотью. Мы живемъ въ саду Бога, гдѣ растутъ цвѣты честности, цѣломудрія, кротости... Поживите съ нами и увидите, какъ мы умѣемъ любить другъ друга... Мы живемъ духовной жизнью... Мы удовлетворяемъ духовнымъ потребностямъ не одного только дня, а всѣхъ семи дней въ недѣлю... Вы найдете у насъ душевное успокоеніе, какого навѣрно не находите въ міру... Позвольте отворить окно... Мы строго соблюдаемъ санитарныя условія жизни: чистоту, порядокъ, систему жизни... Этотъ звонокъ (она указала на звонокъ на стѣнѣ) будетъ призывать васъ къ завтраку, обѣду и ужину... Мы...

Она задумалась.

— Мы, — продолжала она, — разстались со свѣтомъ... Мы живемъ мирно, ни съ кѣмъ не враждуемъ, не причиняемъ никому насилій и заботимся о счастьѣ и радости на землѣ... Познакомьтесь съ нашими принципами и вы увидите, что мы добиваемся честности, справедливости и правды... При этихъ условіяхъ живется хорошо, не правда-ли?.. Но мы не обѣщаемъ... И часто, разумѣется, случается, что къ намъ обращаются лица, на склонѣ жизни старающіяся воспользоваться всѣми прелестями нашей жизни, въ которыхъ свѣтъ отказываетъ имъ послѣ того, какъ они уже отдали ему все лучшее, чѣмъ обладали...

Она коварно улыбнулась.

— Впрочемъ,—сказала она:—полное объясненіе могутъ дать вамъ эти книги.

Она указала на столъ.

— Богу угодна только свободная эмоція сердца,—бросила она замѣчаніе вскользь.

Затѣмъ она подошла къ затворенной двери сосѣдней комнаты и заглянула въ щель; глубоко вздохнувъ, словно убѣдившись въ великой грѣховности кого-то, она вышла.

Кто-то постучалъ.

— Войдите!

На порогѣ стоялъ низенькій старичекъ лѣтъ семидесяти. Онъ былъ одѣтъ въ длинополый балахонъ коричневаго цвѣта, изъ-подъ котораго болтались широкіе панталоны на ногахъ, обутыхъ въ грубыя кожаныя ботинки; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ широкополую соломенную шляпу. Лицо его было восковое, какъ и у другихъ. Морщины, какъ потоки рѣкъ, разливались по лицу. Правый глазъ смотрѣлъ открыто, а лѣвый былъ нѣсколько прищуренъ. Двѣ рѣзкія складки на щекахъ и подобранныя губы придавали лицу выраженіе саркастической улыбки, которая никогда не сходила съ лица. Волосы на головѣ были сѣдые, а борода висѣла мочалою. Внѣшній видъ доказывалъ, что старичекъ не занимался собою. Голову онъ держалъ нѣсколько книзу и смотрѣлъ изподлобья.

Простоявъ съ минуту на порогѣ, онъ сдѣлалъ привѣтствіе рукою и вошелъ тихими, осторожными шагами; опустившись на кресло и откинувшись на спинку его, онъ помѣстилъ локти на ручки кресла и, сложивъ руки пальцами къ пальцамъ на груди, остановилъ проницательный взоръ, словно желая угадать образъ моихъ мыслей.

Онъ произвелъ такимъ образомъ впечатлѣніе человѣка осторожнаго, скрытнаго и разсчетливаго.

Это былъ самъ эльдеръ Чарльсъ.

Я чувствовалъ необходимость начать разговоръ. Но съ чего?

— Я русскій,—сказалъ я наконецъ, подыскивая оборотъ для выраженія желанія.

— Что-жъ!—отвѣтилъ онъ:—И русскій имѣетъ право заботиться о спасеніи души... Вы знаете Льва Толстого?

— Какъ же, помилуйте!.. Лично не знакомъ, но читалъ произведенія его.

— Это великій человѣкъ... Мы переписывались съ нимъ...

— Я пріѣхалъ, кстати сказать, для изученія жизни и труда шекеровъ. Разрѣшите, пожалуйста, пожить вмѣстѣ съ вами.

— А вы раздѣляете убѣжденія Толстого?

— Нѣтъ. Но развѣ это необходимо? Я преслѣдую другого рода цѣли. Мнѣ хочется изучить участіе общинниковъ въ трудѣ, отношенія ихъ къ землѣ, къ торговлѣ и вообще матерьяльныя ихъ отношенія другъ къ другу. Интересно знать, какъ создалась община и на какихъ устояхъ она держится.

На лицѣ собесѣдника расплылась широкая улыбка. Онъ отвѣтилъ:

— Въ нашемъ семействѣ былъ эльдеръ Эвенсъ... Мы похоронили его недавно... Когда онъ явился къ намъ, то былъ *такой же* матерьялистъ... Но потомъ онъ постигъ истину спиритуализма. Нашу общину создала женщина. Она была вдохновлена свыше. Духовный принципъ для насъ важнѣе матерьяльнаго. Этотъ духовный принципъ связываетъ насъ неразрывно другъ съ другомъ.

— Но вѣдь какъ не единымъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ бываетъ, такъ могу я сказать, что и не единымъ духомъ человѣкъ сытъ бываетъ. Поэтому и желательно знать трудовыя отношенія.

— Не знаю, понравится-ли вамъ наша пища... Мы—вегетаріанцы... Дѣло, разумѣется, не въ мясѣ, а въ принципѣ.

Помолчавъ немного, я сказалъ:

— У насъ были попытки создать общины по принципамъ евангельскаго ученія. Но общинники разошлись и общины рухнули. Молодые интеллигенты, физически безсильные и непрактичные, не смогли осилить трудностей организаціи. Они перессорились...

— Они перессорились, говорите вы... А знаете-ли вы, почему они перессорились?

— Не знаю, но слышалъ, будто, подвергая другъ друга инквизиціямъ за всякое нарушеніе установленнаго порядка, или того или другого принципа жизни, они сдѣлали жизнь невозможною.

— Я назвалъ бы это собраніе людей обществомъ обожателей другъ друга.

— Кромѣ того, когда рождались дѣти, матери пріобрѣтали желаніе возвратиться въ свѣтъ.

— Ну, да, разумѣется,—сказалъ шекеръ:—они не могли создать общины, допуская семейный принципъ. Истинная радость, счастье, миръ и рай на землѣ наступаютъ, когда мужчины и женщины заключаютъ цѣломудренный союзъ и живутъ, какъ братья съ сестрами.

Чарльсъ всталъ и сказалъ:

— Хорошо, я поговорю, а пока оставайтесь до понедѣльника.

Была суббота.

— Что же я успѣю сдѣлать до понедѣльника?

— Хорошо... Тамъ увидимъ...

Онъ вышелъ. Затѣмъ кто-то кашлянулъ по сосѣдству. Кашель исходилъ изъ комнаты, въ которую заглядывала сестра. Отворилась дверь, и въ мою комнату вошла странная личность, которую труднѣе было встрѣтить здѣсь, нежели гдѣ-либо. Это былъ карапузъ низенькаго роста, грязный, необыкновенно жирный. Лицо его лоснилось отъ жира. Усы придавали ему видъ американскаго кабатчика. Телячьи глаза ничего не выражали. Онъ былъ въ сюртукѣ, очевидно, съ чужого плеча. Изъ рукавовъ торчали мясистыя руки съ грязными, коротенькими пальцами; жилетъ на груди и обшлага сюртука были въ салѣ.

Удивленный моимъ присутствіемъ, онъ сѣлъ на кресло и уставился. Я видѣлъ передъ собой огромный, жирный блинъ вмѣсто лица и замѣчалъ потуги освободиться отъ сонныхъ чаръ. Наконецъ, протеревъ глаза, онъ спросилъ меня:

— А что вы думаете о шекерахъ?

— Ничего.

— А я вамъ скажу: это превосходный народъ.

Физіономія его съёжилась, какъ гуттаперчевая рожица, стиснутая пальцами. И подъ вліяніемъ сердечной эмоціи, столь наглядно выразившейся на лицѣ, онъ продолжалъ:

— Это удивительно добродѣтельный народъ. Я живу здѣсь двѣ недѣли и ни разу не видѣлъ, чтобы кто-нибудь поссорился, разгнѣвался или выразилъ злобу... Уже не говорю о томъ, что воровство или ложь здѣсь не мыслимы... Ангелы, а не люди... Но хоть убейте меня, а я не понимаю ихъ отношенія къ женщинамъ.

— А что?

— Они лишаютъ мужчину общества женщины. Но я рѣшусь скорѣе подвергнуть себя операціи, нежели лишиться общества женщины.

— А вы что-же?.. Хотите обратиться?

— Да... А что?

IV.

Историческая справка свидѣтельствуетъ, что шекеризмъ возникъ во Франціи въ концѣ XVII в. (1689 г.); оттуда онъ перешелъ въ Англію въ началѣ восемнадцатаго столѣтія и нашелъ въ Манчестерѣ горячихъ приверженцевъ въ лицѣ Джемса Уордлей и его жены. Шекеризмъ не выражался тогда догматами вѣры, и основатели его вѣровали только, что побужденія праведной и богомольной души находятся въ зависимости отъ сверхъестественнаго міра. Религіозные митинги древнихъ шекеровъ начинались молчаніемъ, пока не наступалъ моментъ наитія духа праведника, оставившаго этотъ свѣтъ ранѣе потопа. Духъ снисходилъ и

воплощался въ того или другого молчаливаго члена собранія, выбирая его своимъ медіумомъ, и свидѣтельствовалъ черезъ него о радостяхъ загробной жизни. Медіумъ впадалъ въ трансъ, и сильнѣйшее нервное возбужденіе его передавалось другимъ членамъ собранія, которые начинали пѣть, визжать, прыгать, танцовать, почему и назывались «шекерами», т.-е. тѣми, кто трясется, потрясаетъ.

Какъ это ни дико, но обычай танцовать на митингѣ во время богослуженія сохранился и до настоящаго времени, хотя шекеры, подъ вліяніемъ насмѣшекъ свѣтскихъ людей, отступили отъ процедуры свирѣпыхъ потрясеній и ограничиваются маршировкою съ вытянутыми руками ладонями кверху, которыми они потрясаютъ, испрашивая такимъ образомъ наитія духа. Они оправдываются тѣмъ, что люди на радости всегда танцуютъ. Убѣжденіе во грѣхѣ приноситъ горе и раскаяніе; таковы первыя дѣйствія духа праведности на совѣсть грѣшника. «Удалите грѣхъ,—говорятъ шекеры, иными словами, обратитесь въ шекера,—и тогда не останется ни горя, ни гнета, ни печали; одна лишь радость и веселье наполнятъ душу. Останется только благодарить и хвалить, въ какой бы формѣ эта хвала ни выражалась». Солдаты арміи спасенія бьютъ въ барабанъ и бубны, ибо только при помощи турецкаго барабана они находятъ возможнымъ приводить въ чувство пьяницу и направлять его на путь истины; а шекеры ликуютъ, ибо имъ, какъ праведникамъ, ничего больше не остается, какъ ликовать. Всѣ шабаши евреевъ, говорятъ они, сопровождались музыкой и танцами, ибо они радовались, что питали голодныхъ, одѣвали нагихъ и т. д. Когда Израиль обратилъ въ бѣгство египтянъ, «всѣ женщины пошли за Маріей съ тамбуринами и танцами». Дѣвственницы Израиля праздновали праздникъ Шейлока танцами. Когда Давидъ убилъ Голіаѳа—народъ танцовалъ, «и самъ Давидъ танцовалъ всею мощью передъ храмомъ Бога». О танцахъ говорятъ пророки и пророчицы; «хвалите имя Его танцами». «Тогда дѣвственницы возрадовались въ танцахъ: старыя и молодыя». Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для убѣжденія шекеровъ въ необходимости танцевъ на богослуженіи.

Основательницею религіознаго ордена шекеровъ считается англичанка Анна Ли, а организаторомъ шекерской общины—одинъ изъ ея преемниковъ, эльдеръ Іосифъ Мичамъ. Онъ организовалъ шекерскую общину въ Нью-Либенонъ въ 1787 г. на основаніи религіознаго принципа. Такъ какъ «личная» собственность не могла бы считаться «общественною», хотя бы послѣдняя и составилась изъ совокупности личныхъ собственностей, то всѣ имѣнія шекеровъ приняли значеніе «посвященныхъ совокупностью имѣній», иначе говоря: пожертвованныхъ. Кооперативный институтъ или политическая община предполагаютъ выборъ членовъ и назначеніе сроковъ и обязанностей должностныхъ лицъ по закону; а форма и принципы шекерской общины исходятъ не

отъ политическаго правительства, а отъ божескаго авторитета. «Общество шекеровъ не можетъ сообщаться со свѣтомъ. Оно должно быть совершенно изолировано». Предполагается, что они не владѣютъ и не могутъ владѣть ни движимымъ, ни недвижимымъ имѣніемъ, какъ «собственностью», а имущество управляется по принципу довѣрія и предполагается посвященнымъ Богу съ религіозною и благотворительною цѣлью. Шекеры исходатайствовали правительственную гарантію, пользуясь отдѣленіемъ церкви отъ государства, происшедшимъ послѣ американской революціи, для завѣщателей при переходѣ недвижимаго имущества въ извѣстномъ порядкѣ наслѣдственности, съ воспрещеніемъ отчуждать имущество «шекерскаго завѣтнаго посвященія»; они исходатайствовали это право на томъ основаніи, что все имѣніе посвящено Богу и назначено для религіозной и благотворительной цѣли. Организаторъ раздѣлилъ общество на четыре класса, или семейства. Первый классъ онъ назвалъ «необщиннымъ» классомъ, включивъ въ него всѣхъ обращенныхъ, но проживающихъ съ семействами въ своихъ домахъ. Они считались братьями и сестрами, пока исповѣдывали принципы шекеризма. Ихъ имущества, семьи и дѣти не подвергались контролю общинниковъ. Они допускались до богослуженія и получали инструкціи и совѣты по мѣрѣ надобности.

Собственно общинный организмъ, или настоящій шекеризмъ раздѣлился на три класса: *семейство искуса* (ученичества), помѣщающееся вблизи церкви; оно состоитъ изъ членовъ, подвергшихъ себя испытанію подъ управленіемъ, надзоромъ и контролемъ четырехъ эльдеровъ изъ «церковной семьи» (по два отъ обоего пола). Ученикамъ разрѣшается примыкать или уходить въ свѣтъ по испытаніи. Въ томъ случаѣ, если кандидатъ оказывается женатымъ — ему отказывается въ пріемѣ до пріобрѣтенія имъ развода по обоюдному соглашенію и гражданскому праву, причемъ кандидатъ обязанъ даже послѣ развода надѣлить жену справедливою долею отъ всего его имущества. Затѣмъ кандидатъ даетъ письменное обѣщаніе: 1) что онъ не будетъ требовать денегъ или части имущества за трудъ во время пребыванія его въ общинѣ; 2) что онъ можетъ уйти изъ нея, когда ему будетъ угодно, причемъ онъ получитъ обратно деньги и имущество, вложенныя въ общину, и 3) что онъ будетъ подчиняться всѣмъ правиламъ и порядку жизни, установленнымъ шекерами, а если не пожелаетъ, то будетъ обязанъ удалиться по требованію старѣйшихъ.

Второе—*младшее семейство* состоитъ изъ новичковъ, не обремененныхъ семейными узами; имъ не предписывается обязательно обращать движимое и недвижимое имущество въ общую пользу; по конституціи шекеровъ они могутъ жертвовать часть или все въ общую пользу; причемъ, въ случаѣ удаленія жертвователя изъ общины, имущество возвращается ему обратно; но на практикѣ невозможно допустить, чтобы

шекеръ могъ владѣть «собственностью»; поэтому имущества упомянутыхъ членовъ всегда переходятъ въ общую пользу.

Третье, или *старшее семейство*, такъ называемое «церковное», состоитъ изъ членовъ, имѣвшихъ достаточно времени для практическаго изученія шекеризма и рѣшившихъ войти въ общину добровольно и навсегда. Эти обращенные передаютъ все свое имущество общинѣ навсегда и даютъ обѣщаніе никогда не предъявлять долговыхъ исковъ или убытковъ къ обществу или къ тому или другому члену его.

Первымъ жертвователемъ и основателемъ общины считается эльдеръ Джонъ Гокнелъ; а Іосифъ Мичамъ былъ только организаторомъ общины, или только законодателемъ ея. Эльдеръ Джонъ, какъ его звали запросто, купилъ землю въ лѣсу на свои деньги и выстроилъ первый домъ. Затѣмъ онъ пожертвовалъ общинѣ всѣ земли, которыми обладалъ. Его примѣру послѣдовали потомъ очень богатые люди: Чарльсъ Бушнель въ 1790 г. и Давидъ Дюроу въ 1799 г. пожертвовали общинѣ все свое состояніе. Эльдеръ Іосифъ Мичамъ оставилъ по себѣ память не только какъ организаторъ, но и какъ первый медіумъ, спиритическія способности котораго проявились за шестьдесятъ лѣтъ до появленія первыхъ медіумовъ, сестеръ Факсъ, и до начала спиритизма, выразившагося пресловутымъ постукиваніемъ въ Рочестерѣ.

Хотя шекеры и говорятъ, что у нихъ правительства нѣтъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; но этимъ они выражаютъ только, что принципы ихъ такъ крѣпко установлены и такъ прекрасно поняты всѣми, что они лишились необходимости чувствовать надъ собой потребность въ правительствѣ, которое они образовали такимъ образомъ всѣ сообща. Женщины признаны равносильнымъ, равноправнымъ элементомъ общины, а слѣдовательно и правительства, которое предусмотрѣно и религіозными убѣжденіями и силою ихъ конституціи, или такъ называемаго «церковнаго договора шекеровъ». «Гдѣ нѣтъ правительства,—говорятъ они:—тамъ нѣтъ Бога. Гдѣ нѣтъ правительства—тамъ нѣтъ закона, ибо законъ есть источникъ управленія; а гдѣ нѣтъ закона—тамъ нѣтъ и порядка; а гдѣ нѣтъ порядка—тамъ нѣтъ гармоніи и содѣйствія». Анна Ли говорила, что тѣло безъ головы есть уродъ: «уродъ безъ мозга»... «Какъ дѣятельны будутъ руки, чтобы спасти голову отъ угрожающаго удара»?.. Этими словами она иллюстрировала обязанность членовъ по отношенію къ главѣ соціальнаго тѣла. Поддержка, оказываемая членами главѣ соціальнаго тѣла, служитъ не къ тому, чтобы возвышать личность, а покровительствовать здоровью тѣла и благополучію его членовъ. Шекеры ссылаются на посланіе апостола Павла къ Кор. 1. XII: «если страдаетъ одинъ членъ— страдаетъ все тѣло. Еслибы всѣ члены были головами, гдѣ были бы руки, или ноги? Еслибы всюду были глаза—гдѣ были бы уши? Голова—это орудіе, или слуга всего тѣла». «Первый да будетъ послѣднимъ». Это значитъ, что кто оказываетъ величайшую и наиполезнѣйшую услугу организму—тотъ будетъ наипочитаемымъ. Любовь,

уваженіе и оцѣнка всѣхъ членовъ влекутъ къ честному и умному, который споспѣшествуетъ добрымъ дѣламъ въ отвѣтъ на благодѣянія, оказываемыя ему.

Конституція шекеровъ гласитъ, что они братья и сестры соединеннаго общества вѣрующихъ (называемыхъ шекерами) образовали религіозную и соціальную общину, извѣстную подъ именемъ Церкви соединеннаго общества (Church of the United Society). Конституція провозглашаетъ слѣдующіе принципы, правила и постановленія [1]): «Мы согласились поддерживать истинную, первобытную вѣру и христіанскіе принципы, мораль, правила и нравы по Евангелію, какъ они поддерживались основателями общества и сохранились до нашихъ дней. Мы признаемъ себя членами (не смотря на разбросанность общинъ) одной общины: единовѣрной и подчиненной одной соединенной, отеческой, священнической администраціи. Для покровительства и поддержки союза въ гармоніи устроена власть священства въ Mount-Lebanon, въ видѣ центра союза всѣхъ пребывающихъ въ евангельскихъ отношеніяхъ. Учрежденный порядокъ священства включаетъ четыре лица: двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Первый въ этомъ правленіи обладаетъ правомъ предписывать, постановлять и назначать лицъ священства вмѣсто умершихъ; а при отсутствіи такого предписанія или назначенія священническія права переходятъ на живыхъ членовъ священства въ совѣтѣ со старѣйшими церкви. Такія назначенія сообщаются оффиціально и поддерживаются обществомъ. Священническое правленіе, вытекшее изъ центра союза, уважается, какъ главный авторитетъ общины относительно духовнаго правленія. Въ случаѣ смерти или перемѣщенія лица упомянутаго правленія его мѣсто замѣщается другимъ, по соглашенію священниковъ, пережившихъ его, и по совѣту со старѣйшими въ общинѣ и по соглашенію съ первенствующимъ въ Mount-Lebanon, передъ которымъ всѣ отвѣтственны».

«Священники дѣйствуютъ заодно вмѣстѣ со старѣйшими въ каждомъ семействѣ. Они совѣщаются по всѣмъ дѣламъ: духовнымъ и свѣтскимъ. Священству семейства даруется право назначать въ правленіе семейства дьяконовъ и повѣренныхъ и поручать братьямъ и сестрамъ разныя должности по соглашенію со старѣйшими».

«Цѣль соединенія въ церковь, или въ духовное соціальное и религіозное общество заключается въ томъ, чтобы пользоваться вѣрно и честно дарами и талантами духовнаго и свѣтскаго характера, совершенствовать ихъ и распространять для службы Богу, для славы Евангелія, для взаимной поддержки, комфорта и счастья братьевъ и сестеръ и для другихъ благотворительныхъ и благочестивыхъ цѣлей, какихъ требуетъ Евангеліе».

«Члены свѣтскихъ компаній, ассоціацій, сотоварищи въ торговлѣ,

---

[1]) Я привожу эту конституцію въ сокращенномъ видѣ. *Авт.*

лица, находящіяся подъ законными стѣсненіями или обязательствами службы; малолѣтніе, рабы или невольники; сумасшедшіе, а также, лица, упрямо нарушающія извѣстные принципы морали, не допускаются въ общину, ради огражденія прочности и чистоты союза. Отъ вступившаго требуется практическое доказательство повиновенія заповѣдямъ Евангелія по инструкціямъ и чтобы онъ сердцемъ и умомъ отказался отъ всѣхъ связей со свѣтомъ; чтобы всѣ права наслѣдства и справедливыя претензіи кредиторовъ были погашены и чтобы все оставшееся у него было пожертвовано въ общину. Дѣти и юноши принимаются съ ихъ согласія и съ согласія лицъ, имѣющихъ надъ ними право опеки».

«Въ каждомъ семействѣ назначаются дьякона и дьякониссы для завѣдыванія дѣлами временныхъ благъ. О качествахъ, честности ихъ, безкорыстія, вѣрности и дѣловитости предоставлено судить священникамъ и старѣйшимъ. Они заботятся о движимой и недвижимой собственности семейства, о доходахъ съ земель, о пожертвованіяхъ и подаркахъ. Дьякона и дьякониссы пекутся о расширеніи, присвоеніи собственности, защищаютъ по закону соединенное имущество, права и привиллегіи общества, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ ихъ дѣйствія предпринимались для выгоды общины и отъ имени церкви общества, а не ради частныхъ интересовъ, цѣлей и намѣреній».

«Они обязаны давать отчеты священникамъ и старѣйшимъ и сообщать о всѣхъ потеряхъ, которыя могутъ произойти подъ ихъ управленіемъ. Имъ не дозволяется распоряжаться недвижимою собственностью или заключать важные контракты безъ согласія высшихъ духовныхъ особъ. Они ведутъ книги и отчеты подъ контролемъ духовныхъ особъ. Въ томъ, что они дѣйствуютъ по довѣрію, подчиняясь постановленіямъ и конституціи церкви, они даютъ письменное удостовѣреніе.

«Каждое семейство состоитъ подъ духовной протекціей совѣта старшинъ. Отъ членовъ совѣта требуется, чтобы они были здравыхъ понятій, праведные, способные и одаренные административнымъ духомъ. Назначеніе ихъ зависитъ отъ священства. Они совѣтуютъ, ободряютъ, увѣщеваютъ, журятъ; руководятъ богослуженіемъ: служатъ примѣромъ и заботятся, чтобы порядокъ, правила и постановленія соблюдались строго.

«Церковь считается «цѣлымъ», посвященнымъ для достиженія евангельскихъ цѣлей; поэтому ея право ненарушимо; каждый членъ, состоя въ союзѣ и поддерживая принципы договора, долженъ пользоваться равными правами, выгодами и привиллегіями при употребленіи всѣхъ вещей, сообразно нуждамъ и обстоятельствамъ, при чемъ все равно, кто сколько пожертвовалъ, можетъ-ли онъ пожертвовать или не можетъ». (Однако тѣ, которые жертвуютъ солидные куши, пользуются и у шекеровъ преимуществомъ лучшаго положенія по выбору въ должности, хотя и безъ матерьяльнаго преимущества).

«Но выгоды и привиллегіи общинниковъ не распространяются на лицъ, которыя отказываются подчиняться дисциплинѣ и порядку, установленнымъ властями, и отступаютъ отъ религіозныхъ или моральныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя.

«Члены общины посвящаютъ все свое время и дарованія на общее благо, работаютъ безъ вознагражденія и удаляются по желанію безъ претензіи на имущество, пожертвованное ими общинѣ. Они даютъ подписку въ томъ, что уступаютъ всѣ свои права, документы, доходы, иски—дьяконамъ или попечителямъ церкви и не будутъ никогда предъявлять долговъ, убытковъ и другого рода претензій противъ дьяконовъ, или повѣренныхъ, противъ церкви или общества.

«Вновь поступающій членъ передаетъ общинѣ все имущество по списку. Вотъ одинъ изъ такихъ списковъ: «передаю обществу вѣрующихъ: одну лошадь, одну телѣгу, связку веревокъ, двѣ коровы, одного двухгодовалаго теленка, двадцать семь барановъ, двадцать пять фунтовъ шерсти, одинъ фаэтонъ, шестьдесятъ фунтовъ льна, сто тридцать фунтовъ табаку, одинъ топоръ, одно сѣдло, сани, четыре индюшки, шестнадцать долларовъ денегъ» и т. д.

V.

И такъ образовалось въ Америкѣ пятьдесятъ восемь группъ, или семнадцать отдѣльныхъ обществъ. Въ общемъ, количество шекеровъ считается въ настоящее время до четырехъ тысячъ человѣкъ [1]). Это немного, но было время, когда ихъ было гораздо больше. Общій капиталъ ихъ заключается, главнымъ образомъ, въ землѣ, но частью и въ деньгахъ, и, надо замѣтить, въ большихъ деньгахъ. Цѣнность недвижимаго имущества доходитъ до пятнадцати милліоновъ долларовъ.

Стоитъ вспомнить, сколько за періодъ ста лѣтъ милліонеровъ-индивидуалистовъ раззорилось! Зависимые въ значительной степени отъ политики и ея пертурбацій — банкиры, фабриканты и разные другіе предприниматели появлялись и банкротились, хотя дѣла ихъ и управлялись искусными и сильными людьми; а шекеры, ничего общаго съ политикою не имѣющіе, отказавшіеся отъ баллотировки и отъ всякаго участія въ общественной жизни, никогда не банкротились за сто лѣтъ и продолжаютъ существовать не безъ роскоши и съ комфортомъ, и если и поговариваютъ, что они начали уже терять полегоньку земли, продавая клочекъ за клочкомъ, то никто объ этомъ доподлинно не знаетъ. Но служитъ-ли этотъ фактъ доказательствомъ, что общинная практика жизненна въ Америкѣ, а во-вторыхъ, трудовая-ли это община, или «только покровъ изъ тончайшей матеріи, покрывающій безумнѣйшій видъ лѣности?», какъ замѣчаютъ критики шекеризма.

Было время, когда шекеры жили трудовой жизнью, богатѣли и возникали новыя колоніи. То было время пріобрѣтенія тѣхъ милліоновъ, которыми они обладаютъ теперь. Капиталы пріобрѣтались пожертвованіями, трудомъ, промышленностью и торговлею.

Іосифъ Мичамъ организовалъ въ 1787 г. первую церковную семью

---

[1]) Селенія ихъ находятся въ восточныхъ штатахъ: Нью-Іоркъ, Массачузетъ, Коннектикутъ, Нью-Гемпширъ, Майнъ, Огайо и Кентуки. На западѣ ихъ вовсе нѣтъ, а въ послѣднее время они отправились во Флориду и, скупивъ большое количество земли, основали тамъ новую колонію. *Авт.*

въ Mount-Lebanon; въ слѣдующемъ 1788 г. были выстроены первый собственный домъ и церковь. И въ первый же годъ произошелъ неурожай пшеницы отъ холодной зимы, пропали и фрукты. Съ 1789 г. шекеры обратили главное вниманіе на посѣвъ картофеля и получили первый урожай въ три тысячи бушелей. Это поддержало ихъ вмѣстѣ съ урожаемъ пшеницы, ржи, овса, ячменя, кукурузы и льна. Черезъ пять лѣтъ организовалось уже девять обществъ въ штатахъ: Коннектикутъ, Массачузетъ, Нью-Гемпширъ и Майнъ. Шекеровъ насчитывалось тогда тысяча человѣкъ. Въ 1793 г. къ общему имуществу были присоединены нѣсколько новыхъ фермъ. Шекеры начали заниматься выдѣлкою кожи. Новая промышленность пошла успѣшно, такъ что въ 1807 г. шекеры перестроили дома, увеличивъ ихъ, и поставили вновь изобрѣтенныя машины. Эти машины оказались отсталыми и въ 1813 г. шекеры замѣнили ихъ машинами новѣйшей системы. Въ 1850 г. они отказались отъ старой системы выдѣлки кожи при помощи спирта и ввели новую систему, при содѣйствіи парового котла. Независимо отъ этого производства, они занялись выдѣлкою шерстяныхъ шляпъ и шитьемъ платья для продажи. Всѣ ихъ мастерскія, устроенныя и обставленныя образцово, были приведены въ движеніе, и работа кипѣла. Шекеры никогда не отставали отъ времени и вводили въ свои мастерскія всѣ усовершенствованныя машины и инструменты. Они шли за техникой вѣка. Ткачи, прядильщики, портные, кожевники, сапожники, кузнецы, машинисты, каменьщики, плотники—всѣ находили себѣ работу. О времени этого процвѣтанія свидѣтельствуютъ и въ настоящее время ихъ мастерскія, роскошно обставленныя, но пустыя и запертыя. Народъ поступалъ тогда въ общину охотно, находя въ ней и заработокъ, и душевное спокойствіе, и обезпеченность подъ старость лѣтъ. Зданія не вмѣщали тогда всѣхъ желавшихъ присоединиться, а потому шекеры, богатѣя, выстраивали все новые и новые дома, одинъ другого выше и удобнѣе, пока не наступило настоящее время, когда огромные дома оказались на двѣ трети пустыми, мастерскія запертыми, и трудовая община приняла видъ богадельни, въ которой доживаютъ свои дни старики и старухи—эти могикане шекеризма, отъ котораго въ настоящее время ничего не осталось, кромѣ праха.

— Наступило время вмѣшательства демона,—говорилъ мнѣ братъ Алонзо:—демонъ погналъ народъ обратно въ свѣтъ; многіе умерли... И такъ обезлюдѣли селенія, и дома оказались полупустыми. Но придетъ время, когда дома эти наполнятся опять народомъ, и время это не за горами, ибо отъ Бога были откровенія въ этомъ смыслѣ братьямъ и сестрамъ.

Въ Америкѣ народились трёсты, т.-е. союзы капиталистовъ и монополіи. Шекеры не могли бороться съ ними. Монополисты вырвали всѣ предпріятія изъ ихъ рукъ. Вотъ причина, почему закрылись мастерскія и опустѣли дома. Эльдеръ Чарльсъ пришелъ къ заключенію, что «ду-

ховный принципъ важнѣе матерьяльнаго». Пожалуй, по настоящему времени онъ и правъ, съ точки зрѣнія администратора, потому что отнимите духовный принципъ—что же останется у шекеровъ въ видѣ связующей общину силы?

Я пріѣхалъ въ общину въ страдную пору, когда картина труда могла бы развернуться во всей своей красѣ. Что же засталъ я въ общинѣ? Пустыя поля, на которыхъ не сѣютъ ни пшеницы, ни ржи, ни овса, ни ячменя; пустыя мастерскія, въ которыхъ все устроено прекрасно, но не видно для кого. Во всемъ обществѣ, состоящемъ изъ шести отдѣльныхъ семействъ, съ шестью отдѣльными огромными помѣстьями, оказалось триста членовъ, изъ которыхъ значительное большинство старухъ, ограниченное меньшинство молодыхъ женщинъ, по четыре старика на семейство и самое большее съ дюжину воспитанниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, въ семьѣ.

— Что это, какъ у васъ много старухъ?—сказалъ я брату.

Онъ не понялъ меня, возгордился и отвѣтилъ:

— Это еще что!.. А въ одной общинѣ въ Watervliet изъ сорока человѣкъ—двѣ старухи по девяноста лѣтъ, двѣ по восьмидесяти и двадцать пять по семидесяти пяти.

Разумѣется, когда всѣ эти старушки, т.-е. большинство общинниковъ, заберутся въ свои комнаты, усядутся въ креслахъ и ждутъ съ великимъ терпѣніемъ часа смерти—общинное селеніе принимаетъ со стороны чудной видъ и смыслъ таинственности. Полевые звѣрки дѣлаются дерзкими, негры аттакуютъ курятники, а ѣдущая изъ Питсфильда публика останавливается у яблонь, влѣзаетъ на деревья, трясетъ сучья, забираетъ яблоки и ѣдетъ далѣе по своей надобности. Старушки наблюдаютъ это, глядя изъ оконъ, и ликуютъ въ глубинѣ своихъ душъ, что у нихъ нѣтъ ни шерифовъ, ни констэблей, ни полиціи, ни адвокатовъ, ни судовъ, ни тюремъ. Я охотно вѣрилъ искренности этихъ старушекъ, когда онѣ говорили мнѣ, что промѣняли всѣ радости свѣта на одну радость избавленія отъ грѣха плоти.

— Похоть—это источникъ всякихъ золъ: личныхъ и соціальныхъ,—говорила мнѣ старушка Марія:—исцѣлиться отъ похотливыхъ вожделѣній—это главная задача шекера.

И такъ образовалась радостная, спокойная, безмятежная жизнь въ садахъ земного эдема, безъ мирныхъ семейныхъ радостей, безъ бурныхъ семейныхъ сценъ, безъ близкихъ сердцу людей, безъ общества, безъ враговъ, но съ библейскими друзьями. И негръ, ворующій куръ—библейскій другъ, и проѣзжій изъ Питсфильда — библейскій другъ. Жизнь проходитъ безъ борьбы, безъ страстей, безъ страданій и гоненій, безъ матерьяльныхъ невзгодъ и горькихъ сомнѣній, безъ порывовъ и треволненій... Чего старушкѣ нужно?.. Было бы тепло да спокойно и чтобы форточка была заперта... Жизнь держится на устояхъ: невозмутимой вѣры въ отвлеченный идеалъ, въ идеальную любовь, въ тихую

радость отъ безгрѣшности. Трагическій моментъ прекращенія рода человѣческаго нисколько не пугаетъ ихъ. Помню, какъ старушки окружили меня и, захлебываясь, восклицали: «Ахъ, Крейцерова соната!.. Вы знаете Толстого?.. Что за прелесть!.. Почему онъ не ѣдетъ сюда?.. Мы приглашали его...» Я былъ забросанъ вопросами, на которые не зналъ, что отвѣчать... Но, какъ никакъ, а пріятно было видѣть ликующихъ старушекъ, ибо, при воспоминаніи родныхъ богаделенъ, представлялись старушки, вѣчно брюзжавшія на своихъ экономовъ и другъ на друга.

И такъ, старушки проживаютъ въ своихъ семействахъ. Каждое семейство поддерживаетъ строгую обособленность. И не мудрено. Большинство старушекъ почти не двигается со своихъ креселъ. Онѣ не переписываются ни съ родными, ни съ друзьями и никогда «не выѣзжаютъ въ свѣтъ». Имъ запрещено выписывать газеты, да еслибы онѣ и выписывали, то не могли-бы ихъ читать. Имъ отрѣзаны всѣ пути сношенія со свѣтомъ. Семейство закупоривается въ раковину неуязвимости своей совѣсти, а сердца старушекъ обращаются въ высохшіе лимоны... Такова невѣдомая страна... И куда, бывало, ни посмотрю— нигдѣ никого. Женщины болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ исполняютъ обязанности кухарокъ, прачекъ, маслобойницъ, чередуясь по очереди. Дѣти копались на огородахъ подъ руководствомъ брата-учителя изъ молодыхъ; а старички также гдѣ-то скрывались цѣлыми днями. Меньшинство сестеръ, которыя были помоложе, выходили изрѣдка въ садъ и снимали ягоды. Иногда старый грибъ, эльдеръ Чарльсъ, запрягалъ пару лошадей въ длинныя дроги и увозилъ сестеръ, способныхъ къ труду, въ лѣсъ за черникой. Это былъ единственный родъ «труда», который я наблюдалъ за все время моего пребыванія въ общинѣ. А всѣ работы посерьезнѣе исполнялись наемными людьми. Но ихъ было такъ мало, что, казалось, будто никакихъ работъ вовсе не производилось.

Тѣмъ не менѣе, жизнь поставлена въ рамки строгой системы. Первый звонокъ раздавался въ четыре съ половиною часа утра. Братья и сестры вставали, умывались, одѣвались и прибирали комнаты: снимали съ постелей одѣяла, простыни и развѣшивали ихъ на спинкахъ стульевъ, подымали тюфяки и открывали окна, давая такимъ образомъ воздуху возможность охватить постель со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ очень древнія старушки садились въ кресла, а женщины болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ расходились по урокамъ. Когда въ комнатѣ собираются нѣсколько сестеръ, то онѣ работаютъ молча. Затѣмъ передъ обѣдомъ братья и сестры приводили свои постели въ порядокъ. Въ полдень раздавался звонокъ, призывавшій къ обѣду. Трапеза происходила въ общей столовой — превосходной комнатѣ замѣчательной чистоты, съ лакированною мебелью и столами; накрывались четыре стола: одинъ для братьевъ, другой— для сестеръ, третій — для мальчиковъ и четвертый для дѣвочекъ. Столы эти убирались положительно роскошной посудой и украшались огромными букетами изъ свѣжихъ цвѣтовъ. По звонку каждый зани-

малъ свое мѣсто, склонялъ голову, произносилъ мысленно молитву и совершалъ трапезу, во время которой разговоровъ не допускалось. Изъ столовой братья и сестры расходились опять по своимъ норамъ. По вечерамъ собирались митинги. Въ продолженіи недѣли происходило нѣсколько митинговъ. Раза два въ недѣлю, кромѣ воскресенья, собирались митинги религіозные для богослуженія. Одинъ митингъ въ недѣлю посвящался чтенію полученныхъ писемъ и обсужденію ихъ. Случались митинги свѣтскаго характера, для поощренія талантовъ духовнаго и свѣтскаго характера. Это были своего рода концерты съ декламаціями. Ужинали и послѣ ужина ложились спать.

Такимъ образомъ жизнь шекеровъ проходитъ скучнѣйшимъ образомъ изо дня въ день, изъ часа въ часа. Разговоры ихъ отличаются всегда случайнымъ характеромъ и не касаются ни лицъ, ни хода событій въ семействѣ, чтобы не возбуждать осужденія, разногласія, сплетень, пересудъ, ссоръ и вражды. Души же свои отводятъ на религіозныхъ митингахъ, гдѣ говоритъ всякъ кто во что горазд и непремѣнно порицаетъ тотъ или другой видъ свѣтскаго разврата. Аскетовъ принято представлять себѣ людьми, не допускающими въ жизни ни малѣйшаго излишества, закаляющими себя въ перенесеніи холода и всѣхъ невзгодъ. Но шекеры въ этомъ отношеніи ничуть не похожи на аскетовъ. Они одѣваются хорошо, хотя и скромно: братья носятъ черные сюртуки на митингахъ и рабочіе длинные балахоны днемъ; а сестры одѣваются въ платья покроя прошлаго столѣтія съ гладкой таліей, съ растопыренной, въ видѣ кринолина, юбкой въ продольныхъ складкахъ; грудь онѣ завязываютъ платками на крестъ; а на головѣ носятъ кисейные чепчики, цилиндрическаго фасона, какіе надѣваются обыкновенно на покойницъ.

Обстановка комнатъ, разныя удобства, кровати, пища и комфортъ—все это отрицаетъ совершенно аскетическое самоистязаніе или жажду мученичества во что бы то ни стало. Напротивъ, шекеры живутъ великолѣпно. Денегъ въ карманахъ ихъ, разумѣется, не водится, но у сестеръ всегда онѣ оказываются, когда тѣ ѣздятъ въ Питтфильдъ для удовлетворенія страстишки, отъ которой не избавлялась еще ни одна женщина въ мірѣ.

VI.

Исторія Акулины Ивановны и ея ученика Петра Ѳедоровича гораздо таинственнѣе исторіи учредительницы ордена шекеровъ, Анны Ли, и я былъ бы несправедливъ къ шекерамъ, очистивъ разсказъ отъ игриваго содержанія и придавъ ему болѣе серьезное значеніе, нежели то, какое придаютъ ему историческіе памятники, сохранившіеся до нашихъ дней. Конечно, трудно разобраться и опредѣлить, что исходило отъ самой Анны Ли и что было приписано ей теологами шекеризма, но я не введу читателя въ заблужденіе, если передамъ разсказъ въ

его грубомъ, первобытномъ видѣ. Прежде всего замѣчу, что наша Акулина Ивановна дѣйствовала почти одновременно съ Анною Ли. Періодъ дѣятельности первой обозначается 1740—60 г.г.; а Анна Ли родилась въ 1736 г. и принялась за образованіе своего общества въ 1758 г. Отецъ ея былъ Джонъ Ли, кузнецъ, честный и трудолюбивый человѣкъ. Мать была очень богомольная женщина. У нихъ было пять сыновей и три дочери. Анна Ли, будучи дѣвушкой, работала на бумагопрядильной фабрикѣ въ Манчестерѣ. Она не могла учиться, нужно было зарабатывать деньги, а потому была безграмотна. Съ фабрики она перешла въ больницу кухаркой, гдѣ отличалась чистоплотностью, трудолюбіемъ, честностью, благоразуміемъ и экономіей, качествами, которыя сестры приписываютъ и себѣ.

Ее рисуютъ плотной женщиной, прекрасно сложенной, красивой, съ голубыми глазами, каштановыми волосами, выразительнымъ лицомъ, кроткимъ, но строгимъ и важнымъ. Будучи ребенкомъ, она никогда не играла, а была склонна къ религіозному міросозерцанію. Гнусность грѣха, развращенность пороковъ, нечистыя, неприличныя отношенія половъ—оттолкнули ее отъ идеи брака, но матерьяльныя обстоятельства принудили выйти замужъ за кузнеца Авраама Стенлей, съ которымъ она прижила четырехъ дѣтей. На двадцать третьемъ году жизни она присоединилась къ квакерамъ. Общество квакеровъ придерживалось строгихъ, моральныхъ нравовъ при дисциплинѣ и чистотѣ отношеній. Квакеры имѣли обыкновеніе каяться во грѣхахъ, и Анна Ли благословила день своего вступленія въ ихъ среду: «Я назвала его днемъ моего рожденія. Я просила Бога направить меня на праведный путь, и когда получила этотъ даръ отъ Бога, то почувствовала сильно свое грѣхопаденіе, и, покаявшись передъ лицомъ одного изъ старѣйшихъ, рѣшила уже никогда не грѣшить снова. Много разъ я впадала въ горе, но скрывала его, не давая знать, избѣгая жалости, которая не отъ Бога. И, пройдя испытанія, вошла въ церковь духа и прозрѣла, и узнала, и увидѣла».

Затѣмъ у Анны Ли начинается періодъ видѣній и откровеній. Она передавала ихъ квакерамъ. Квакеры ее не удовлетворяли. Они не спасали ее отъ грѣха плоти. Какъ открыть путь къ спасенію? Какъ совершить великое дѣло искупленія? Она пришла къ заключенію создать орденъ, задумала создать новую церковь, въ которой правила вѣры и жизни свидѣтельствовали бы ежечасно о второмъ пришествіи Христа на землю. Всѣ собранія вѣрующихъ, прошлыя и настоящія, она признала неправильными, вслѣдствіе тѣлесно-похотливыхъ отношеній ихъ членовъ между собой. За новую проповѣдь она была заключена въ тюрьму. Ей было видѣніе въ тюрьмѣ, или «мистерія неправедности», открылся «грѣхъ» Адама и Евы въ раю. Съ той поры Анна ополчилась безповоротно противъ брачныхъ отношеній и даже сочла перспективу прекращенія рода человѣческаго за «оживотворяющую и вос-

крешающую изъ мертвыхъ духовную жизнь». Невинные мужчины, невинныя женщины должны были создать дѣвственную церковь, и церковь эта должна была назваться церковью второго пришествія. Выйдя изъ тюрьмы, она принялась проповѣдывать еще того энергичнѣе и, заручившись ореоломъ мученицы, стала уже «матерью Анной». Затѣмъ вошла въ періодъ видѣній, откровеній, восклицаній, трясеній и танцевъ, которые послужили причиною ея вторичнаго заточенія. Въ Манчестерѣ ее посадили въ клѣтушку, гдѣ она не могла шевелиться, и держали ее четырнадцать дней безъ пищи. Толпа вывела ее однажды на дорогу и провела сквозь строй палокъ. Но какой-то дворянинъ разсѣялъ толпу и спасъ Анну отъ истязаній. Другой разъ ей хотѣли вырвать языкъ и привели къ пастору, чтобы заручиться обвиненіемъ. Ей было предложено отказаться отъ пропаганды своего ученія, но она не согласилась и, пользуясь присутствіемъ лингвистовъ, заговорила на семидесяти двухъ языкахъ! Это заставило духовенство защитить ее отъ толпы, которая хотѣла забросать ее камнями. Но толпа, тѣмъ не менѣе, вывела ее за городъ и принялась бить. — «Я чувствовала, когда они били меня, что душа моя была переполнена любовью къ нимъ же. Я знала, что они не могли убить меня, ибо дѣло мое не завершено». Но постоянныя преслѣдованія дѣлали жизнь невозможной, и Анна Ли рѣшила переселиться въ Америку.

19 мая 1774 г. она сѣла на корабль «Марія» въ сопровожденіи ея мужа, Джемса Уиттакеръ, Джона Гокнелъ и брата его Ричарда, Джемса Стефердъ и Мэри Партингтонъ. По дорогѣ была, разумѣется, буря и проч., и они высадились въ г. Нью-Іоркѣ. Анна Ли видѣла Америку еще въ видѣніи, такъ что когда она высадилась на берегъ, то признала многихъ американцевъ своими старыми знакомыми. Америка представилась ей огромнымъ деревомъ, каждый листъ котораго блестѣлъ самоцвѣтнымъ огнемъ, что служило ей предзнаменованіемъ количества общинъ, за организацію которыхъ она принялась.

Мать Анна оставалась нѣкоторое время въ Нью-Іоркѣ, разойдясь съ мужемъ, Авраамомъ Стенлей, который женился на другой. Вскорѣ затѣмъ она отправилась со спутниками внизъ по рѣкѣ Гудсонъ. Они основали небольшую колонію въ Watervliet. Сектанты встрѣтили и здѣсь оппозицію народа. Началась революціонная война. Такъ какъ они были противъ войны по принципу непротивленія, то ихъ пригласили въ г. Албани и заставили присягнуть въ подданствѣ. Когда они отказались отъ этого, сославшись на Евангеліе, гдѣ сказано: «Не клянись», то ихъ посадили въ тюрьму. Но лицамъ, присоединившимся къ ордену, было разрѣшено свиданіе съ ними. Мать Анну и сестру Мэри Партингтонъ повезли внизъ по рѣкѣ Гудсонъ, чтобы передать ихъ англичанамъ; но рѣшено было оставить ихъ въ тюрьмѣ Poughkeepsie.

Сектантовъ освободили черезъ шесть мѣсяцевъ. Они разошлись мис-

сіонерами для проповѣди своего ученія, а мать Анна осталась въ колоніи Wetervliet, гдѣ и пребывала до смерти (8 сент. 1784 г.).

Анна Ли и ея ученики проповѣдывали: берегите добро для бѣдныхъ. Будьте честны. Работайте усердно, отдавайте сердце Богу. Ставьте плетни, пашите землю, спите во время.—Женщинѣ она завѣщала не отступать отъ Евангелія, быть честной, трудолюбивой, поддерживать въ семействѣ чистый, приличный и скромный порядокъ жизни; въ особенности поддерживать чистоту въ домѣ и слѣдить за свѣжестью провизіи, чтобы братья, приходя домой съ тяжелаго труда, могли бы благодарить сестеръ за ихъ заботу о нихъ. Дѣлай все безъ ворчанья и будь радива. Говори мало, но всегда съ любовью и милосердіемъ. Корми бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; давай хлѣбъ голоднымъ и платье нагимъ. Внутренній голосъ можетъ сказать: «Они могутъ работать и доставать сами»; а Христосъ сказалъ: «Дай ему, чего онъ проситъ».—«Откажитесь отъ скупости, похоти, грязи и проповѣдуйте слово Божіе».

Въ концѣ концовъ сущность нравственнаго ученія шекеровъ свелась къ девяти основнымъ принципамъ: 1) непорочность тѣла и ума, цѣломудренная жизнь; 2) честность и безкорыстіе на словахъ и на дѣлѣ; 3) гуманность и доброта къ другу и врагу; 4) прилежаніе въ трудѣ, Богу угодное. Работа обязательная для всѣхъ по силѣ и возможности. Старательность, но не раболѣпство; чернорабочій трудъ для всѣхъ; 5) благоразуміе и экономія, воздержаніе и умѣренность безъ скупости и скаредности; 6) абсолютная свобода отъ долговъ и обязательство передъ человѣкомъ только по силѣ любви и доброй воли; 7) воспитаніе дѣтей въ библейскомъ смыслѣ; 8) общій интересъ во всѣхъ дѣлахъ болѣе широкій, нежели при себялюбивыхъ отношеніяхъ супруговъ, и любовь соціальная, а не семейная; 9) всѣ мѣры предосторожности противъ заболѣваній и всякое попеченіе о старикахъ; полное равенство членовъ; единое домохозяйство по общему образцу, единовѣріе, практика добродѣтелей и стараніе избѣгать всякаго порока.

Религіозные принципы шекеровъ: 1) Христосъ создалъ и завершилъ вѣру христіанскую. Откровеніе этой вѣры выражается безсмертіемъ души, о чемъ Моисей и не думалъ, и воскресеніемъ души; душа существуетъ послѣ физической смерти; а воскресеніе души есть зачатокъ новой духовной жизни послѣ физической смерти. Начало христіанства было концемъ генеративной жизни... «Мы тѣ, съ которыми кончается свѣтъ». Тотъ же духъ заставилъ и учениковъ отказаться отъ отца, матери, жены, дѣтей, братьевъ, сестеръ и отъ всякаго рода собственности, но безъ злобы къ человѣчеству. Шекеры не отрицаютъ брака, какъ института свѣтскаго, но говорятъ: «Кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, — совершаетъ прелюбодѣяніе», хотя бы она была его законная жена. «Благословенны будутъ чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ». 2) Другой жизненный принципъ: любить ближняго, какъ самого себя, безъ самолюбія. «Только тотъ войдетъ въ царствіе

небесное, кто откажется отъ всего». 3) «Кто ударитъ тебя въ правую щеку—подставь ему лѣвую. Люби врага своего. Отвѣчай добромъ за зло. Благослови исцѣлителя твоего». «Кто беретъ мечъ свой погибнетъ отъ него». «Сынъ человѣческій пришелъ для спасенія людей». 4) Христосъ не принялъ участія въ земномъ правительствѣ. Онъ распялъ честолюбіе. «Первый да будетъ послѣднимъ». 5) Законъ Моисея былъ слабъ черезъ плоть. Іисусъ Христосъ избѣгнулъ грѣха, живя цѣломудренною жизнью.

Затѣмъ идутъ разъясненія: грѣхъ не въ томъ, что человѣкъ солдатъ, а въ совершеніи насилія; грѣхъ не въ фактѣ брака, а въ актѣ прелюбодѣянія. Тамъ нѣтъ жертвоприношенія грѣха, гдѣ нѣтъ грѣха; нѣтъ первообряда, гдѣ наступило преобразованіе; нѣтъ воровства, гдѣ нѣтъ индивидуальной собственности.

Іисусъ Христосъ предсказалъ, что кривда временно возьметъ верхъ надъ правдой, и любовь многихъ станетъ холодна, и тогда не будетъ истинной церкви на землѣ. Но совершится второе появленіе Адама и Евы въ духѣ Христа, когда Христосъ придетъ въ числѣ многихъ лицъ и проявится и въ лицѣ «матери» человѣчества, въ лицѣ женщины, «и оба сядутъ на тронѣ».

Древніе христіане жили общиною въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ; не выбирали, не присягали, не клялись, не воевали и страдали, ибо не шли въ армію Римской имперіи. Такова была древне-еврейская христіанская церковь; но общинники признавали бракъ; поэтому эта церковь ниже церкви Іисуса Христа. А другая христіанская церковь допускала и бракъ, и частную собственность. Оба эти института вошли въ Моисеевы законы. А потому, при изученіи новаго завѣта, надо принимать это во вниманіе и признавать, что посланія къ евреямъ писались скорѣе подъ вліяніемъ земныхъ взглядовъ, нежели духовныхъ. Римско-католическую церковь шекеры считаютъ еще того несовершеннѣе, ибо она первая признала союзъ церкви съ государствомъ и приняла на себя всѣ обязанности по отношенію къ послѣднему. Протестантизмъ они считаютъ не лучше католичества, ибо онъ допустилъ и бракъ, и частную собственность, и союзъ церкви съ государствомъ, и честолюбіе, и войну, и преслѣдованіе, и рабство, и монополію, и т. д.

Хотя во всѣ времена существовали люди, создававшіе церковь по древне-еврейскому типу, т.-е. имѣя общее имущество и т. д.; но шекеры считаютъ дѣнкеровъ, баптистовъ, методистовъ и квакеровъ «мертвыми тѣлами протестантизма», подобно тому, какъ монаховъ и монахинь — «мертвыми тѣлами римско-католической церкви». Однако, допускается, что черезъ 1.260 лѣтъ животворящій духъ вошелъ въ нѣкоторыя мертвыя тѣла квакеровъ и слышенъ былъ гласъ съ небесъ: «идите сюда!» Они вознеслись на небо съ облакомъ, прожили на небѣ болѣе 70 лѣтъ и ибо царство неба сформировалось *въ нихъ* и между ними. Какъ Іоаннъ проповѣды-

валъ покаяніе, чтобы приготовить души для перваго пришествія Христа, такъ вожаки квакеровъ: Факсъ, Уордлей и другіе проповѣдывали покаяніе для второго пришествія и водворенія окончательнаго царства Божія на землѣ. Затѣмъ появилась Анна Ли и ея ученики, на которыхъ и снизошло новое откровеніе всей правды, которая «возродилась» послѣ перваго откровенія христіанству, а практическое примѣненіе принциповъ правды создало вторую христіанскую церковь на землѣ, болѣе совершенную, нежели была первая, ибо она отвергла бракъ. Съ той поры Анна Ли стала извѣстна «матерью» человѣчества; но не она создала церковь, а принципы, на практикѣ осуществленные. Такимъ образомъ совершилось воскресеніе изъ мертвыхъ. Физическаго воскресенія шекеры не признаютъ.

VII.

Поселившись у шекеровъ, я оказался совершенно одинокимъ. Изъ оконъ комнаты открывалась прекрасная панорама горныхъ вершинъ, зеленой долины и голубого неба. Сосѣда моего, желавшаго обратиться въ шекеры, посадили на дроги на второй же день моего прибытія и увезли на вокзалъ. Случилось это совершенно неожиданно для него. Сестра, дежурившая въ столовой, спросила его:

— И такъ, вы уѣзжаете сегодня въ Нью-Іоркъ?

Это озадачило его.

— И не думалъ,—отвѣтилъ онъ.

Хотя нѣкоторыя строгости жизни и могли казаться ему суровыми, но отличная постель, прекрасная комната, а главное, этотъ духъ безкорыстія, котораго онъ извѣдалъ уже достаточно, не тревожилъ его въ общинѣ, гдѣ онъ чувствовалъ полное избавленіе отъ дурной привычки свѣтскихъ людей требовать плату за квартиру и за столъ. И вдругъ его изгоняютъ изъ рая!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ и въ голову не приходило уѣзжать отсюда.

И ради исправленія мнѣнія о себѣ, онъ схватился за косилку и принялся косить траву въ саду, но какъ ни мучился онъ въ своихъ усиліяхъ—сверхъестественныя потуги не спасли его отъ участи Адама.

Съ той поры кратковременныя посѣщенія другихъ посѣтителей отвлекали меня отъ изученія героической мудрости братьевъ и сестеръ ненадолго.

Пріѣзжалъ какой-то старичекъ съ намѣреніемъ обратиться. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, средняго роста, сѣдой и задумчивый, въ очкахъ. Онъ имѣлъ видъ мудреца. Усталый и слабый, онъ пріѣхалъ безъ багажа, въ одномъ сюртукѣ, безъ пальто и безъ зонтика; съ первыхъ же словъ оказался ярымъ спиритомъ. Онъ развернулъ передо мной картину перерожденія человѣческихъ душъ, доказалъ, какъ могъ, непрерывное единеніе людей, живущихъ на этомъ свѣтѣ, съ людьми, ушедшими

на тотъ свѣтъ; онъ видѣлъ мертвецовъ, разговаривалъ съ ними и предложилъ мнѣ даже цѣлую теорію духовной жизни и участія духа въ твореніи вселенной, доказывая все видимыми явленіями: ростомъ травки, направленіемъ и назначеніемъ вѣтви на деревѣ, полетомъ птицы, ползаніемъ насѣкомаго и т. д.; не смотря на спиритическую мудрость его и очевидную безвыходность на этомъ свѣтѣ—эльдеръ Чарльсъ вынесъ ему все-таки нѣсколько бутербродовъ, завернутыхъ въ бумажку, и отправилъ его на вокзалъ.

Та же участь постигла и другого старца, лѣтъ семидесяти, высокаго роста, который пріѣхалъ также съ намѣреніемъ найти душевное и физическое успокоеніе. Онъ не обнаруживалъ ни живого, впечатлительнаго ума, ни богатой фантазіи. Онъ упорно молчалъ и тотчасъ же засыпалъ въ креслѣ, лишь только садился въ него. Молчаливый и угрюмый, онъ не интересовался ни книгами, ни религіозною премудростью шекеровъ: онъ былъ слишкомъ утомленъ. Но эльдеръ Чарльсъ былъ непоколебимъ. Онъ вынесъ и ему нѣсколько бутербродовъ, завернутыхъ въ бумажку.

И такъ, на первыхъ же порахъ пришлось убѣдиться, что шекеры не принимаютъ въ общину зря. Они руководствуются практическими соображеніями: если отъ коровы рождается теленокъ, отъ овцы ягненокъ и проч.; если сѣмя превращается въ растеніе, то и въ человѣкѣ надо стараться найти источникъ процента на капиталъ; принципы принципами, а практика практикою, а потому только тотъ имѣетъ шансъ на пріемъ, кто пользуется средствами и готовъ обратить ихъ въ общину, или здоровый, молодой человѣкъ, обѣщающій заработать право пребыванія въ общинѣ полезнымъ трудомъ.

На моихъ глазахъ явился изъ Англіи здоровый парень лѣтъ тридцати. Не вдаваясь въ душевныя сближенія съ новой средой, даже не заботясь о томъ, чтобы освоиться съ ней, ни съ кѣмъ не знакомясь, ни съ кѣмъ не разговаривая и, какъ говорится: не обмѣниваясь убѣжденіями, онъ сразу принялся ворочать и былъ пріобщенъ.

Онъ во что бы то ни стало старался сдѣлаться причастнымъ къ жизни какой бы то ни было общины и пытался достигнуть этого путемъ переписки съ англійскимъ публицистомъ Артуромъ Бекеромъ, напечатавшимъ нѣсколько поверхностныхъ статей объ общинахъ въ «The Weekly Times & Echo» *). Но свѣдѣнія, сообщенныя Бекеромъ, оказа-

*) «Дорогой другъ», писалъ ему Артуръ Бекеръ, «я полагаю, что основной догматъ, принятый въ общинѣ, извѣстной подъ именемъ «англійская Онеида», не отвѣтитъ на запросъ вашей души. Это общество состоитъ изъ нѣсколькихъ богатыхъ людей, въ религіозномъ отношеніи претендующихъ на совершенство. Они не работаютъ, а живутъ на готовыя средства, т.-е. на проценты съ капитала, пріобрѣтеннаго вымогательствомъ. Имѣете-ли вы какое-либо представленіе объ Австраліи? Проѣздъ туда обойдется въ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Жизнь ничего не обѣщаетъ, кромѣ лишеній и суроваго труда; но человѣкъ, знакомый съ агрикультурою и деревенской промышленностью, можетъ завоевать себѣ будущность. Въ Но-

лись неподходящими. Молодой англичанинъ узналъ о существованіи общины, возникшей гдѣ-то въ Калифорніи, и рѣшилъ пріобрѣсти пай и отправиться туда. Но, выславъ деньги, узналъ, что община прекратила существованіе, не выдержавъ конкурренціи монополистовъ. Тогда англичанинъ обратилъ серьезное вниманіе на шекеровъ и поѣхалъ къ нимъ, не смотря на то, что они живутъ на готовыя средства и почти не работаютъ. Быть можетъ, онъ искалъ легкаго труда. Переписавшись съ ними, переплывъ океанъ, онъ проѣхалъ прямо въ Mount-Lebanon, не останавливаясь даже въ Нью-Іоркѣ. Братья и сестры признали его сразу, не смотря на слабую теоретическую его подготовку въ религіозномъ отношеніи. Онъ не далъ себѣ даже труда ознакомиться съ религіозными принципами новаго ученія, съ которымъ согласился a priori. Отъ скуки, отъ недостатка общества или отъ чего другого, онъ могъ работать, а работая, удовлетворять требованіямъ общинниковъ. И такъ, онъ оказался полезнымъ человѣкомъ.

Шекеры предпочитаютъ пополнять убыль членовъ воспитанниками и воспитанницами въ семействахъ. Дѣтей отдаютъ на воспитаніе, разумѣется, бѣдные родители; находятъ мѣсто въ общинѣ и сироты. Чтобы охарактеризовать вамъ воспитаніе дѣтей, я укажу на самый характерный примѣръ, изъ котораго вы поймете методъ практическаго воспитанія ребенка. Въ штатѣ Кентуки въ общинѣ, извѣстной подъ именемъ South Union, былъ епископъ Идсъ. Онъ присоединился къ общинѣ младенцемъ на рукахъ матери, которая приняла шекеризмъ. Въ четырехлѣтнемъ возрастѣ онъ началъ читать и писать и учился въ школѣ три мѣсяца въ году. Отъ шести до восьми лѣтъ онъ занимался ручной работой въ огородѣ. Затѣмъ принялся учиться сапожному ремеслу и занимался имъ четыре года; затѣмъ сталъ возницей, исправляя эту должность два года; наконецъ, сталъ пріучаться приготовлять сѣмена для продажи и занимался этимъ восемь лѣтъ. Будучи священникомъ, онъ учился портняжному ремеслу и переплетному; затѣмъ принялся за чесаніе шерсти, пряденіе, луженіе и глаженіе бѣлья. Наконецъ, научился наборному искусству, печати, зубному ремеслу, малярству и торговлѣ. И такъ, теперь стараются давать воспитанникамъ разнообразно-практическое воспитаніе, зная, что большинство воспитанниковъ уйдетъ въ

вой Австраліи возникли уже общины: Cosme Colony, via Caarapa Paraguay (Address: William Lane). Другая община ищетъ также членовъ: New-Scaria Community (Address: Box 456. Corning Adams C^{6}, Jowa. U. S. A.). Затѣмъ скорѣе кооперации, нежели общины, существуютъ: Fairhope Association (Address: Baldwin C^{5}, Alaska, U. S. A.); но право участія въ этой кооперации пріобрѣтается за сто фунтовъ стерлинговъ. Другая кооперація существуетъ въ Мексикѣ: The Topolobampo Colony, Sinaloa, Mexica (Address: A. K. Owen. № 1 Broadway. Room 123. New.-Jork).

Изъ числа англійскихъ попытокъ могу указать на Staruthwaile Colony (Address: Rev. H. V. Mills, Anchorcks Well, Kendal; или на New-Castle Group. (Address: F. Kapper. 8. Randolph. Sw., Sunderland).

свѣтъ, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста; такъ что если остается меньшинство, то пусть оно будетъ мастерами на всѣ руки.

Дѣвочки обнаруживаютъ большую вѣрность, и многія изъ воспитанницъ такъ свыкаются съ жизнью въ общинѣ, что остаются въ ней до гробовой доски.

Анна Ли завѣщала нѣкоторыя правила воспитанія дѣтей: «Маленькія дѣти невинны, и ихъ никогда не надо выводить изъ этого состоянія, даже и тогда, когда они выростутъ. Воспитывая въ простотѣ, даешь человѣку возможность быть и добрымъ, и злымъ; слѣдовательно, надо приложить искусство, чтобы воспитать человѣка въ добрѣ. Не срами дѣтей изъ-за пустяковъ Учи ихъ послушанію, чтобы слово твое было закономъ. Никогда не говори съ ними волнуясь: это вдохнетъ въ нихъ дьявола. Пріучай человѣка съ дѣтства къ тому, чтобы онъ не обращался зло и небрежно съ домашними животными, но не допускай короткихъ отношеній съ кошками, лошадьми, а собакъ совсѣмъ не допускай до дѣтей и до общины».

Дѣти проводятъ цѣлые дни въ трудѣ. Учители и учительницы не отходятъ отъ нихъ ни на минуту. Въ семью, въ которой нѣтъ хорошаго учителя, шекеры совсѣмъ не принимаютъ дѣтей на воспитаніе. Но, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ; такъ и съ воспитанниками: подростаютъ и уходятъ въ свѣтъ.

VIII.

Углубившись въ чтеніе книгъ и брошюръ, я чувствовалъ себя одинокимъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Братья и сестры изрѣдка пріотворяли украдкою дверь и заглядывали въ мою комнату: а что, молъ, подѣлываетъ нашъ русскій другъ? Они убѣждались, что я читалъ и читалъ. Замѣтивъ мое рвеніе къ чтенію, они пришли къ заключенію, что я не шутилъ. Эльдеръ Чарльсъ спросилъ моня даже: «А по сколько часовъ въ день вы работаете?» Сестры пришли въ восторгъ. Прилежаніе мое обворожило ихъ. На столѣ моемъ стали даже появляться букеты. Кто-то приносилъ ихъ по секрету. И такъ установились между мной и сестрами любовныя отношенія чистой пробы. Онѣ приносили мнѣ все новыя и новыя книги, очищая содержаніемъ ихъ мою душу отъ слѣдовъ мутныхъ свѣтскихъ вліяній и разъединяя меня со свѣтскимъ толкомъ, съ духомъ корысти и со всѣми другими дрянными страстями свѣта. Я ловилъ моменты моихъ свиданій съ подругами новой жизни и начиналъ разспрашивать ихъ, но онѣ принимали мѣры дѣлать моменты эти еще того слаще, обращая ихъ въ мгновенія. Говорили онѣ обыкновенно впопыхахъ, стоя въ оффиціальной позѣ, не смѣя шелохнуться и поминутно оглядываясь на дверь; бесѣды наши велись въ крайне выдержанномъ тонѣ.

Мнѣ удалось однако узнать, что семейство наше состояло изъ двадцати престарѣлыхъ невѣстъ, четырехъ братьевъ, одного эльдера, шести

мальчиковъ и шести дѣвочекъ. Не трудно было замѣтить также, не смотря на замаскировку отношеній, что семейство жило «подъ правленіемъ женщинъ»; правда, изъ числа двадцати семнадцать было старухъ, но выгодность отъ союза съ ними была несомнѣнна, ибо сморчекъ эльдеръ Чарльсъ казался совершенно мокрой курицей передъ волею любой старушки; а остальные братья (двое молодыхъ и двое старыхъ) также не имѣли вида пѣтуховъ.

Судя по вопросамъ сестеръ, я заключилъ, что онѣ взлелѣяли мысль обратить меня въ шекера; а женщину хлѣбомъ не корми, только дай ей возможность обратить себя въ ея толкъ. Это подтвердилось на первомъ же религіозномъ митингѣ.

Братъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы поднялись въ третій этажъ жилого флигеля и вошли въ большой залъ съ поломъ, который блестѣлъ отъ воска. Посреди зала стоялъ круглый столъ; на столѣ лежали книги. У стѣны стояла фисгармонія съ нотами на пюпитрѣ. Это было вечеромъ. Окна были открыты. Вечерній холодокъ входилъ въ окна и понижалъ температуру въ залѣ; лампы ярко освѣщали его. Вокругъ царила мертвая тишина. Братъ указалъ на стулъ и предложилъ мнѣ сѣсть. Черезъ нѣсколько минутъ въ корридорѣ послышался шорохъ ногъ. Въ однѣ двери вошли братья и мальчики съ эльдеромъ во главѣ; въ другія — сестры съ воспитанницами, слѣдуя за старшею сестрою, Анною Уойтъ. Братья были одѣты въ черные сюртуки; сестры были въ бѣлыхъ платьяхъ, особенно торжественно растопыренныхъ; плечи и груди ихъ были повязаны шелковыми платками, а головы покрыты цилиндрическими накрахмаленными чепчиками, которые вмѣстѣ съ аскетическимъ выраженіемъ лицъ цвѣта желтаго пергамента придавали имъ видъ вставшихъ изъ гробовъ.

Братья и сестры выстроились въ три ряда, другъ противъ друга, мужчины противъ женщинъ. Глаза у всѣхъ были опущены книзу; выраженіе лицъ—набожное. Картина производила сильное впечатлѣніе чего-то замогильнаго, словно я былъ съ ними на облакахъ, на которыхъ квакеры прожили семьдесятъ лѣтъ до момента второго пришествія. Наступила тишина. Одна изъ сестеръ объявила номеръ гимна. Раздались заунывные звуки фисгармоніи. И всѣ мы запѣли славу Сіону. Мужскіе голоса потерялись въ общемъ хорѣ женскихъ—тонкихъ и рѣзкихъ. Но пѣніе произвело сильное впечатлѣніе. Затѣмъ наступила опять продолжительная тишина. Ожидали наитія духа. Наконецъ, эльдеръ Чарльсъ началъ говорить. Голосъ его раздавался тихо и монотонно. Онъ говорилъ вяло и пѣвуче, словно ему надоѣло говорить. Онъ говорилъ на тему: то, что рождается въ тѣлѣ, есть тѣло, а что рождается въ духѣ есть духъ; доказывалъ, что всѣ люди, живущіе въ плоти, крайне несчастны, не исключая даже «богатыхъ клоповъ», а шекеры, признавшіе духовную жизнь, счастливы, ибо создали рай на землѣ и живутъ, какъ ангелы. Рай будетъ распространяться по всему міру. Это

несомнѣнно. Такова воля Провидѣнія.—«Взгляните», сказалъ онъ, «къ намъ пріѣхалъ русскій другъ. И кто знаетъ!.. Быть можетъ, поживши съ нами, онъ создастъ шекеризмъ въ Россіи». Это произвело сенсацію среди сестеръ. Онѣ начали пѣть хвалу Богу за райскую жизнь. Затѣмъ одинъ изъ братьевъ сталъ опять говорить. Онъ сказалъ: «Нашъ русскій другъ, присутствующій на митингѣ, сдѣлалъ намъ вчера комплиментъ, сказавъ, что, проживая здѣсь, онъ чувствуетъ себя, какъ у Христа за пазухой». Я перебилъ: «Это не комплиментъ, а правда». Надо было видѣть радость сестеръ. Братъ возразилъ: «Тѣмъ лучше для насъ... Это одна изъ прелестнѣйшихъ правдъ, какія мнѣ когда-либо случалось слышать». Онъ сказалъ, что въ Россіи проживаетъ еще нашъ другъ—Левъ Толстой. Онъ написалъ: «Въ чемъ моя вѣра» и «Крейцерову сонату»; провелъ въ общество тѣ же принципы, которые признали и шекеры; а потому шекеры признаютъ его своимъ братомъ и другомъ; они увѣрены, что, рано или поздно, онъ создастъ шекеризмъ въ Россіи. И кончилъ, какъ всѣ кончали: славою Сіону. Послѣ брата говорила сестра Анна Уойтъ. Она объясняла значеніе «матери» человѣчества и кончила иллюстраціями счастья, какое испытываютъ братья и сестры, проживая вдали отъ свѣта.

Эльдеръ Чарльсъ развивалъ каждый разъ новыя темы. Начиналъ онъ обыкновенно въ пессимистическомъ тонѣ, порицая свѣтскую политику, борьбу партій, монополіи; любилъ покритиковать также національныя отношенія, создавшія границы, кордоны, арміи, войну. И съ чего бы ни начиналъ онъ, всегда кончалъ оптимистически, говоря, что свѣтъ сознаетъ свои ошибки и обратится къ шекеризму; также и сестры, съ чего бы ни начинали онѣ—всегда кончали восторгомъ и иллюстраціями прелестей жизни въ саду Бога, гдѣ растутъ цвѣты честности, кротости, цѣломудрія и любви. Иногда случалось, что сестра выходила изъ ряда и подходила къ другимъ и, дотрогиваясь до нихъ руками, выражала ликующее состояніе души; причемъ другія сестры протягивали ей руки, слегка приподымаясь на носки, и ликовали вмѣстѣ съ нею.

Затѣмъ наступило опять продолжительное молчаніе. Братья и сестры собирались съ силами. Нѣсколько сестеръ выдѣлились изъ рядовъ и сгруппировались вокругъ стола посрединѣ комнаты; остальныя выстроились по отдѣленіямъ справа рядами и начали маршировать, при пѣніи гимна, написаннаго подъ тактъ марша; онѣ протянули руки ладонями кверху, какъ бы испрашивая благословенія свыше, и присѣдали во время маршировки подъ тактъ.

Все это производило очень курьезное впечатлѣніе, потому что танцовали старики и старухи, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ было невозможно, по немощи тѣла, принимать участіе въ танцахъ.

На другой день вечеромъ пришелъ ко мнѣ братъ и смутилъ меня извѣстіемъ, что семейство собирается на митингъ и ожидаетъ выслушать

меня. Не знаю, какъ случилось, но разговоръ принялъ такой оборотъ, что я окончательно смутился.

— Если къ намъ приходятъ съ легкимъ сердцемъ,—говорилъ мнѣ братъ,—мы не принимаемъ и не отказываемъ. Мы допускаемъ ихъ, предоставляя ихъ духу набожности и искренности. Мы готовы всегда благословить попытку каждаго, если она искрення. Но если, напротивъ, она лицемѣрна, мы умѣемъ дѣлать этихъ лицъ весьма неудовлетворенными. Мы просимъ лицо дать намъ доказательство искренности, посредствомъ честнаго покаянія въ грѣхахъ, послѣ всесторонняго знакомства съ нашими принципами. Лицо можетъ достигнуть этого путемъ прогулки въ жизнь свѣта, при сокрушеніи сердца, съ точки зрѣнія божеской совѣсти. Мы не придаемъ значенія, во что лицо вѣруетъ. Мы не касаемся его метафизики, матерьялизма или спиритуализма. Пусть только оно увѣритъ насъ, что жизнь во Христѣ—это значитъ жизнь внѣ вліянія плотской похоти и свѣтскаго честолюбія. Когда жизнь на землѣ надоѣдаетъ, свѣтскія удовольствія перестаютъ занимать, и приходитъ такой возрастъ, когда плотская суета нарушаетъ миръ и покой, столь необходимые для слабаго духомъ человѣка —тогда слѣдуетъ обратиться къ ближайшимъ и дражайшимъ друзьямъ — шекерамъ... И такъ, идемте,— сказалъ онъ, помолчавъ.—Митингъ уже собрался,—добавилъ онъ, посмотрѣвъ на часы.

Сестры и братья сидѣли уже на стульяхъ, въ ожиданіи оратора, когда мы вошли въ залъ. Эльдеръ Чарлсъ представилъ меня собранію по принятому въ Америкѣ обычаю. Я чувствовалъ, словно подступаю къ пропасти, въ которую долженъ упасть.

— Нашъ русскій другъ будетъ говорить,—сказалъ эльдеръ Чарлсъ.— Онъ будетъ разсказывать намъ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни.

— Сестры и братья!—воскликнулъ я.

И неожиданная идея спасла меня.

— Знаете-ли вы, что мы, славяне, признаемъ другъ друга такъ же братьями, какъ и вы, шекеры. Только я разскажу вамъ, въ чемъ заключается разница нашего братства, сравнительно съ вашимъ.

И я началъ разсказывать имъ, какъ мы освобождали братушекъ въ Сербіи и въ Болгаріи. Сестры и братья радовались несказанно, слушая разсказъ о томъ, какъ мы удирали въ Сербіи изъ подъ турецкихъ пуль. Это вполнѣ отвѣчало ихъ: принципу непротивленія. Я передалъ имъ характеръ недоразумѣній, возникшихъ между братьями послѣ русско-турецкой войны. Они могли заключить, что ихъ шекерское родство прочнѣе нашего славянскаго, ибо они создали уже отношенія, которыя для насъ слишкомъ идеальны. Наконецъ, сестра Анна Уйотъ спросила меня:

— Нравится-ли вамъ наша страна?

Я отвѣтилъ, что съ той поры, какъ въ Америкѣ создался союзъ, американцы заразились духомъ національнаго. Духъ этотъ поднялъ зна-

ченіе американской націи въ ея собственныхъ глазахъ и принуждаетъ ее строить батареи, военные корабли и отливать пушки. И такъ какъ американскій національный идеалъ выражается стремленіемъ покорить міръ своимъ долларомъ и встрѣчаетъ на пути этого покоренія англо-саксонскаго брата (хотя и двоюроднаго), то есть основаніе полагать, что рано или поздно, а братья эти могутъ оказаться въ точно такихъ же родственныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находятся и славяне.

Шекеры пришли въ восторгъ. Это заключеніе подтверждало ихъ предположеніе въ безконечности рая на землѣ, въ смыслѣ расширенія шекерскаго ученія. Историческіе факты доказали, что они никогда не воевали даже за самые святые съ американской точки зрѣнія принципы: за независимость отъ англичанъ и за освобожденіе рабовъ. Томасъ Джефферсонъ признавалъ исторію ихъ церкви лучшей исторіей, которая когда-либо была написана, и говорилъ, что практическая ихъ жизнь способна ниспровергнуть всѣ другія религіи, а Линкольнъ освободилъ ихъ отъ воинской повинности.

На третій вечеръ митингъ собрался въ концертной комнатѣ и показалъ, какъ шекеры пользуются дарами свѣтскаго характера. Свѣтская женщина, гостившая въ семействѣ для уроковъ на фортепіано, дала концертъ, исполнивъ нѣсколько нумеровъ Листа, Бетховена, Моцарта и другихъ великихъ композиторовъ. Три молодыя сестры, воспитанныя въ коммунѣ, продекламировали по очереди нѣсколько стиховъ подъ названіями: «Идилія яблони», «Мечтаніе озера». «Несокрушимая скала вѣковъ» и «Приближеніе къ Богу». Достаточно этихъ названій, чтобы составить представленіе объ ихъ содержаніи. Сестры, декламируя, подымали руки необыкновенно высоко къ небу, словно собираясь летѣть, а по окончаніи онѣ отступали на задній планъ съ необыкновенной скромностью, вопреки ожиданію какого-нибудь колѣнца, къ какимъ прибѣгаютъ не рѣдко свѣтскія женщины послѣ декламаціи.

Такимъ образомъ можно было придти къ заключенію, что духовная семья развлекается также и удовольствіями свѣтскаго характера.

IX.

Наиболѣе вѣрныя шекеризму женщины образуются изъ числа воспитанницъ, выростающихъ въ общинѣ, или изъ числа поступающихъ въ нее по убѣжденію. Онѣ гордятся долголѣтнимъ пребываніемъ въ ней, какъ старые служаки хвастаются продолжительностью службы. Есть женщины, убѣжденныя въ религіозномъ догматѣ, которыя поддерживаютъ и соціальный укладъ, какъ одинъ изъ двухъ устоевъ общины; ихъ большинство; но есть и такія, которыя, будучи убѣжденными въ соціальномъ догматѣ, дорожатъ религіознымъ не столько по убѣжденію, сколько по договору, ради ненарушимости общинныхъ условій.

Сестра Генріетта разсказывала мнѣ, какъ она привыкла «дѣлиться» съ дѣтства. Она жила съ родителями въ мѣстечкѣ на Лонгъ-Айландъ

(на островѣ противъ г. Нью-Іорка). Жители селенія, при образованіи его, отвергали деньги. Будучи ребенкомъ, она уже пріучилась къ обмѣну труда и продуктовъ первой потребности посредствомъ чековъ. Семейства обмѣнивались не только мыслями, но и матерьяльными вещами. Газеты выписывались порознь, но обмѣнивались ими сообща. Книги вступали также въ циркуляцію. Существовалъ даже трудъ, который исполнялся въ интересахъ общества, и каждый членъ работалъ по очереди. Отецъ Генріетты заботился объ уменьшеніи количества рабочихъ часовъ и достигалъ иногда цѣли на пользу рабочихъ. Все это запечатлѣвалось въ дѣтскомъ разумѣ.

— Затѣмъ,—разсказывала Генріетта,—въ нашу среду ворвался спекулянтъ. Онъ построилъ гостинницу. Съ той поры прекратились чеки. Началась борьба на рынкѣ. Спекулянтъ обогатился. Пошли ссоры, партіи и политика. Потомъ приступили къ постройкѣ церквей: пресвитеріанской, потомъ епископальной, наконецъ, англиканской. Стали ходить въ церковь по модѣ. Пасторы внесли духъ разъединенія въ общество. Съ той поры я начала терять подругъ и вѣру; между тѣмъ идеалы не переставали предъявлять свои требованія. И вотъ я узнала о шекерахъ; испытавъ ихъ жизнь, я рѣшила присоединиться.

Сестру Анну Уойтъ соблазнили религіозные принципы. Она жила также съ родителями въ Пенсильваніи. Отецъ ея принадлежалъ къ англиканской церкви. Мать, кровная американка, принадлежала къ обществу друзей, т.-е. квакеровъ. Отецъ перешелъ также въ квакеры. Но когда среди квакеровъ произошелъ расколъ, выразившійся революціонными идеями Ильи Гикса, Робертъ Уойтъ перешелъ въ шекеры; а жена его, Ганна, продолжала раздѣлять убѣжденія Гикса. Робертъ Уойтъ пользовался доброй репутаціей. Родной его братъ Чандлеръ Уойтъ былъ милліонеромъ и принялъ участіе въ проведеніи атлантическаго кабеля, но умеръ, не дождавшись окончанія этой работы. Племянница его, Анна Уойтъ, оказалась наслѣдницей большого состоянія. Она получила фешенебельное воспитаніе въ пансіонѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ. Въ обществѣ началось тогда движеніе въ пользу женскаго труда съ цѣлью независимости женщины. Этимъ движеніемъ увлеклась и Анна Уойтъ. Она начала учиться торговать женскимъ платьемъ, и, будучи дѣятельнымъ членомъ благотворительныхъ обществъ, работала съ матерью и съ сестрой среди бѣдняковъ г. Нью-Іорка.

Робертъ Уойтъ не могъ обратиться въ общинника, по случаю семейной отвѣтственности, лежавшей на немъ; а дѣвушка Анна, «убѣдившись въ правдѣ шекеризма», отказалась отъ всѣхъ соблазновъ свѣта на восемнадцатомъ году и посвятила жизнь свою христіанскому коммунизму. Она встрѣтила сильную оппозицію со стороны матери, братьевъ, сестеръ и друзей, но ничто не удержало ея. Богатый дядя оставилъ ей большое наслѣдство, съ условіемъ, чтобы она оставалась въ семействѣ. Анна отвергла приданое дяди. Отецъ умеръ въ 1856 г. и завѣ-

щалъ ей капиталъ. Она передала его въ общину, которой отдалась вся: стала писательницей, поэтессой и дѣятельнымъ членомъ на славу шекеризма. Съ той поры она знаетъ одну только школу шекерскаго образованія, шекерскаго достоинства, шекерской чести, шекерской совѣсти и на всѣ свѣтскія отношенія, права и обязанности и на высшія знанія и свѣтскія премудрости смотритъ съ критической точки зрѣнія. Она занимаетъ въ семействѣ должность эльдрессы. Стройная, высокая, худощавая, съ плоской грудью, одѣтая болѣе нежели скромно, она отличается прелестью манеръ воспитанной женщины; съ улыбкою на худощавомъ лицѣ, съ рѣзкими чертами, съ острымъ носомъ, птичьяго характера выдающимся острымъ подбородкомъ, тонкими, подобранными губами, она постоянно весела, бодра и безпечна... эта страшная складка подобранныхъ губъ, на которыхъ, закоченѣло искушеніе на вѣки-вѣковъ!.. Эти губы никогда не знали поцѣлуя!

Случилось однажды разговориться съ нею о положеніи женщины въ Россіи и Америкѣ. Она интересовалась положеніемъ женщины въ Россіи. Я передалъ ей мое заключеніе, сказавъ, что въ этихъ двухъ положеніяхъ—большая разница: независимыхъ женщинъ въ Россіи—меньшинство, тогда какъ въ Америкѣ контингентъ ихъ постоянно увеличивается, вслѣдствіе того, что американскій принципъ: help yourself проникъ уже въ среду женщинъ и заставилъ ихъ позаботиться о себѣ.

— Но какъ бы вы громко ни кричали тамъ... въ свѣтѣ... объ эмансипаціи женщинъ,—сказала она,—вы никогда не разрѣшите этой задачи.

— Почему же?

— Потому что не умѣете уважать женщину.

— Но по мѣрѣ развитія образованія въ обществѣ...

— Нѣтъ,—перебила она.—Ничего не будетъ... Надо прежде научиться уважать женщину.

— Научите.

— Васъ научили.

— Кто?

— Авторъ «Крейцеровой Сонаты».

— Послушайте... это исключительный случай... Почему не хотите вы признать духовныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ?

— Въ этомъ-то и вопросъ,—обрадовалась она.—Съ этимъ упрекомъ необходимо обратиться къ свѣту. У насъ, въ Америкѣ, образовались даже два враждебныхъ лагеря: мужчина противъ женщины... Женщины объявили войну мужчинамъ и ведутъ ее съ ожесточеніемъ... Онѣ добиваются законныхъ положеній въ конгрессѣ и назвали себя «новыми женщинами»... Зачѣмъ понадобились имъ эти положенія?.. Для проведенія законовъ въ защиту женскихъ правъ... Гдѣ же тутъ духовныя отношенія?.. Гдѣ любовь?..

Улыбаясь, я сказалъ ей вкрадчивымъ голосомъ:

— Сестра Анна!.. Научите меня, какъ любить?

— Признать женщину богоподобной.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, надо отказаться отъ сознанія, что она создана изъ ребра Адама... Это унизительно... И къ чему именно изъ ребра?

— Я не знаю.

— Это первый признакъ неуваженія женщины... Надо признать женщину матерью человѣчества, эмансипированною отъ всѣхъ грѣховныхъ вліяній... Допустите безгрѣшную женщину... истиннаго ангела...

— Послушайте!.. У моего пріятеля есть теща, женщина весьма богомольная...

— Я не говорю о тѣхъ, которыя въ свѣтѣ,—перебила она.—Я говорила о женщинахъ, какими онѣ должны были бы быть... Ангелами... Вы знаете, ангелы сходятъ съ небесъ на землю и возносятся на небеса. Они окружаютъ людей духовною лаской. Они переносятъ условія жизни съ неба на землю... Вотъ какъ образуется рай... Вотъ какими надо представлять себѣ женщинъ: безгрѣшными. Вотъ что значитъ быть «новой» женщиной, а не идти въ парламентъ.

— Да, ужъ эти «новыя» женщины,—сказалъ я, почесавъ за ухомъ:—онѣ хотятъ отвоевать отъ мужчинъ всѣ ихъ привиллегіи, не уступая ви одной изъ числа своихъ женскихъ привиллегій...

Она погрозила мнѣ пальцемъ.

— Повѣрьте мнѣ, что только безгрѣшная женщина можетъ дать мужчинѣ истинное счастье и условія вѣчнаго спасенія. И такъ человѣчество обобщалось бы... И такъ оно сливалось бы въ непорочныхъ общинниковъ... И такъ начиналось бы это царствіе небесное на землѣ... И такъ образовались бы тысячи спасенныхъ: сыновей и дочерей Бога живаго, проникнутыхъ духомъ свѣта истины и правды... И такъ они разошлись бы по вселенной... И такъ сотворили бы волю пославшаго ихъ... И такъ водворился бы рай на землѣ... И такъ прекратились бы страданія человѣчества...

Она подняла голову, опущенную надъ шитьемъ... И глаза ея горѣли. Она смотрѣла на меня большими глазами ребенка; а затѣмъ, опустивъ голову и принимаясь снова за шитье, продолжала:

— Еслибы я не могла представить себѣ такую женщину, я не была бы счастлива въ общинѣ. А я счастлива, счастлива и счастлива,—говорила она настойчивымъ тономъ, словно я оспаривалъ ея счастье, или она навязывала себѣ это счастье, которымъ въ сущности не обладала.

— Въ писаніи сказано: кто вмѣститъ...

— А я вмѣщаю,—сказала она:—я вижу женщину въ ореолѣ ея славы. Я вижу ее передъ собою днемъ и ночью... Она стоитъ живая передо мною: воодушевленная, ликующая и торжествующая... Украшенная сіяніемъ свѣта, коронованная двѣнадцатью звѣздами, она стоитъ передо мною, какъ повелительница ночи, омрачившей человѣческую душу... Она распространяетъ свѣтъ... Да, она!

— Не сомнѣваюсь... во-первыхъ, потому что никогда не сомнѣвался въ повелительныхъ наклонностяхъ женщины вообще...

Она опять погрозила мнѣ пальцемъ.

— Но вотъ въ чемъ вопросъ,—сказалъ я:—и мы желаемъ такъ же, будучи въ одуряющемъ чаду вакханальнаго безпутства свѣта, видѣть чистый и сіяющій неподдѣльнымъ свѣтомъ образъ «новой» женщины, въ ореолѣ яркихъ лучей и въ красотѣ любви и разныхъ другихъ нравственныхъ добродѣтелей... Въ этомъ, въ сущности, и задача... Но мы желали бы найти этотъ прекрасный образъ въ семьѣ и обществѣ...

— Это невозможно... Скажите искренно, случалось-ли вамъ видѣть въ свѣтѣ нѣчто подобное?

— Случалось; напримѣръ, во время войны... сестры милосердія...

— Да, но это продуктъ европейской цивилизаціи... У насъ его нѣтъ... Мы не воюемъ; мы, шекеры, даже отрицаемъ войну.

— Наконецъ, во время голода я видѣлъ въ Россіи...

— Конечно, и мы кормимъ голодныхъ... Но между ними много неблагодарныхъ... Въ этомъ мы убѣждаемся по нашимъ воспитанницамъ... Дома ѣсть нечего, а подростутъ и бѣгутъ въ свѣтъ... И вотъ что обидно, что убѣгаютъ... Мы не отрицаемъ брака въ свѣтѣ. Ну, приди, скажи, покайся... А то бѣгутъ...

— Послушайте, ограничьте женскую долю цѣломудріемъ — къ чему сведется тайна бытія, тайна прогресса и задача лучшихъ людей?.. Къ смерти?.. Къ прекращенію рода человѣческаго?

— Если вы установите генеративную связь современнаго типа новѣйшей женщины съ ея первообразомъ минувшихъ столѣтій, то, право, придете къ заключенію, что весь пресловутый прогрессъ—пустяки, онъ ничего не сдѣлалъ. Женщина не побѣдила ни разу ни одного предразсудка со времени Авраама. Она не сдѣлала ни одного завоеванія на пути ея эмансипаціи. И не можетъ сдѣлать, потому что она была внѣ общества вѣрующихъ людей. Задача прогресса дѣлать живыя существа болѣе совершенными черезъ любовь. Это правда. Но черезъ какую любовь? Наша шекерская любовь есть чистая, непорочная, цѣломудренная, и она ввела женщину въ общество вѣрующихъ. Вы видите, наша женщина получила нравственное право говорить божескую истину со спокойной совѣстью... А ваша?.. Вы внушили женщинѣ, что любовь ея должна выражаться ея назначеніемъ: производить дѣтей, цѣлыя поколѣнія и распространять сѣмя Авраама. Было время, когда безплодная женщина клеймилась даже печатью позора. Вы говорите, что вы стараетесь поднять женщину на высоту умственнаго развитія и дать ей этимъ право провозглашать божескую истину, но въ то же время вы запираете ей входъ въ святая святыхъ, куда ее никогда не пускали со времени Авраама... Чѣмъ же выражается прогрессъ? Вы видите,

что современный типъ женщины ничѣмъ не отличается отъ типа временъ Авраама... Первообразъ нисколько не измѣнился...

— Допустимъ, что все это человѣчество вмѣстило. Но вѣдь въ такомъ случаѣ родъ человѣческій прекратился бы?

— Что жъ изъ того!.. Еслибы онъ и прекратился на этомъ свѣтѣ, онъ продолжался бы на томъ свѣтѣ... Люди живутъ на небѣ счастливѣе, нежели на землѣ.

— Почему вы это знаете?

— Потому, что намъ говорили о томъ друзья съ того свѣта... Мы спиритуалисты. Нашъ спиритуализмъ позволяетъ намъ бесѣдовать лицомъ къ лицу съ умершими и даже рожденными передъ потопомъ.

Разговоръ принялъ такой странный характеръ, что я поторопился сказать, что мнѣ, какъ писателю свѣтскому, подобныхъ случаевъ не переживавшему, важно было бы разрѣшить вопросъ о прекращеніи или продленіи рода человѣческаго именно на этомъ свѣтѣ.

Сестра Анна указала на брата Алонзо, теолога шекеризма, умнаго человѣка, бывшаго въ перепискѣ съ Л. Н. Толстымъ.

— Братъ Алонзо можетъ дать вамъ удовлетворительныя на этотъ счетъ разъясненія.

X.

Помнится, что въ первыхъ ученіяхъ Льва Николаевича Толстого брачный вопросъ разрѣшался не такъ, какъ онъ разрѣшился потомъ въ «Крейцеровой сонатѣ»; не было, во всякомъ случаѣ, рѣзкой постановки его и такого радикальнаго его разрѣшенія. Тѣ произведенія не разрѣшали тайны устройства религіозной общины, а извѣстно, что всѣ попытки общинниковъ окончились неудачами, ссорами, разъединеніемъ и распаденіемъ, причемъ брачныя отношенія служили въ извѣстной мѣрѣ причиною этихъ ссоръ и разъединеній. Наступилъ періодъ молчанія Льва Николаевича. Въ рукахъ у шекеровъ есть письмо отъ дочери его. По датѣ, обозначенной на этомъ письмѣ, можно судить, что оно написано было передъ выпускомъ въ свѣтъ «Крейцеровой сонаты» и послѣ нѣкотораго довольно продолжительнаго періода времени, когда Левъ Николаевичъ, быть можетъ, выжидалъ, присматривался, обмѣнивался взглядами съ шекерами, что доказываетъ его переписка съ ними, напечатанная въ ихъ журналѣ «Manifesto», обдумалъ и написалъ «Крейцерову сонату». Дочь Льва Николаевича предупреждала шекеровъ о скоромъ появленіи этого произведенія въ свѣтъ; слѣдовательно, духовному обмѣну съ шекерами Левъ Николаевичъ придавалъ извѣстное значеніе.

Начало переписки его съ шекерами относится къ 1890 г. Левъ Николаевичъ писалъ брату Алонзо Голлистеру:

«8 сентября 1890 г.

«Дорогой другъ и братъ!

«Сердечно благодарю васъ за ваше письмо. Я ожидалъ его. Я зналъ,

что мои мысли о бракѣ будутъ одобрены въ вашей общинѣ. Ваши книги и брошюры, въ особенности: «Что стало бы со свѣтомъ, еслибы всѣ стали шекерами?» подтвердили мои взгляды и помогли ясному пониманію вопроса. Я былъ бы крайне удивленъ, еслибы христіанинъ не согласился бы съ вашими и моими взглядами на бракъ. Въ посланіи къ коринѳянамъ это выражено такими ясными словами. Я восхищаюсь вашимъ сравненіемъ царства небеснаго съ сѣтью и заключеніемъ, что рыбы, изловленныя въ сѣть, не могутъ опустошить моря, а еслибы это и случилось, то произошло бы по волѣ Бога, которая запечатлѣна въ нашихъ сердцахъ нашею любовью непорочности и цѣломудрія».

«Я получилъ одну изъ вашихъ книгъ: «Тысячелѣтняя церковь» и чрезвычайно благодаренъ вамъ за нее. Но извините меня, по братской любви и духу, я долженъ сказать вамъ правду: я съ горечью прочиталъ въ вашемъ письмѣ разсказъ о спиритуалистическомъ наитіи духа и проч. Грустно это потому, что не только ваша вѣра (исключая Анну Ли и проявленіе духа), но и практическая жизнь ваша, на сколько я знаю ее, есть истинная христіанская вѣра, укрѣпленная вашею жизнью, и должна бы обратить людей, которые страстно желаютъ христіанской жизни, но ваши особенности—спиритическія проявленія — отталкиваютъ ихъ.

«Божія правда была извѣстна всегда, какъ въ старыя времена, такъ и теперь. Истинный прогрессъ, основаніе небеснаго царства на землѣ состоитъ не въ провозглашеніи новой правды, а въ просѣваніи правды, извѣстной намъ, при устраненіи лжи и суевѣрія, съ которыми она перемѣшана. Вы устранили много лжи и суевѣрія внѣшняго свѣта, но я боюсь, что вы усвоили новыя. Устраните ихъ, проанализируйте ихъ. Не вѣрьте въ нихъ только потому, что въ нихъ вѣрили долгое время и что они стары. Откажитесь отъ нихъ, и ваша шекерская вѣра съ вашимъ цѣломудріемъ и духовной жизнью, вашей гуманностью, благотворительностью и ручнымъ трудомъ покоритъ міръ.

«Пожалуйста, извините меня, если я огорчилъ васъ. Я написалъ объ этомъ только потому, что я думаю такъ и чувствую это и люблю Бога. Я стараюсь любить Его и черезъ Него любить васъ, моихъ братьевъ.

«Все, что вы говорите о времени, быстро приближающемся, когда божественный свѣтъ распространится по вселенной и мракъ разсѣется—совершенная правда. Я чувствую это, а потому и пишу вамъ объ этомъ.

«Вашъ въ братской любви

«Левъ Толстой.»

Шекеры, получивъ это письмо, напечатали его въ своемъ журналѣ «Manifesto» съ примѣчаніемъ подъ литерами: A. G. H. Въ примѣчаніи этомъ было сказано: «Мы охотно симпатизируемъ другому мнѣнію, доступному для здраваго смысла при обмѣнѣ мнѣній. И желали бы такой же симпатіи и себѣ. Пока мы не достигнемъ полной свободы выраженія мнѣній—могутъ-ли друзья приходить къ обоюдному уразумѣнію другъ друга? Взгляды нашихъ друзей на необходимость просѣванія извѣстной правды черезъ ложь и суевѣріе, съ которыми она перемѣшана, и привязанность къ вѣрѣ только потому, что она стара, оставили насъ давно. Но въ «спиритическихъ проявленіяхъ» мы нашли остатокъ правды, который старъ и новъ. Эти факты опыта неизмѣнно повторялись въ исторіи всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка, включая и нашъ. Мы свидѣтельствуемъ по этому предмету, что видѣли и слышали сами.

Если знаніе нашего брата о характерѣ свидѣтельства недостаточно для упроченія его вѣры въ эти факты, изъ этого не вытекаетъ еще срама, но мы ожидаемъ его убѣжденія въ этомъ смыслѣ, которое несомнѣнно наступитъ».

Алонзо Голлистеръ получилъ еще одно письмо отъ Льва Николаевича, въ которомъ послѣдній благодаритъ шекеровъ за присылку брошюръ и книгъ и признаетъ, что онѣ помогли ему разобраться въ вопросахъ, полонившихъ его душу. Затѣмъ уже было получено письмо его дочери о «Крейцеровой сонатѣ». Эти письма не были напечатаны въ журналѣ «Manifesto»; а потому касаться ихъ мы считаемъ себя не вправѣ.

Но въ этомъ журналѣ напечатана была переписка Толстого съ эльдеромъ Эвенсомъ, нынѣ умершимъ, проживавшимъ въ Mount Lebanon. Онъ первый началъ переписку съ Толстымъ. Шекеры признали Льва Николаевича своимъ и возложили на него упованія, какъ на человѣка, который могъ бы содѣйствовать основанію шекерскихъ общинъ въ Россіи.

Фредерикъ Вилльямъ Эвенсъ († 1893 г. на 85 году отъ роду) былъ замѣчательный теологъ шекеризма, признанный всею американскою литературою и теологами даже враждебныхъ партій. Онъ родился въ Англіи 9 іюня 1808 г. Отецъ его служилъ въ корпусѣ адмирала Нельсона во время экспедиціи по Нилу. Мать происходила изъ аристократической семьи. Она умерла, оставивъ мальчика четырехъ лѣтъ. Дяди и тетки потеряли надежду обучить его, такъ какъ мальчикъ терпѣть не могъ школы. Но бабушка принялась за воспитаніе его въ религіозномъ духѣ. «Школой моей была вселенная,—говорилъ Эвенсъ,—картами моими были ландшафты холмовъ и долинъ, разстилавшихся передъ моими глазами; книгами моими были деревья и растенія; учителями были слуги моихъ господъ». Эвенсъ эмигрировалъ въ Америку и принялся за изученіе теологіи, соціологіи и разныхъ правительственныхъ организацій; въ результатѣ получился матерьялистъ, соціалистъ, реформаторъ аграрныхъ отношеній и вѣроотступникъ отъ всѣхъ церквей и религій. У него былъ братъ въ Америкѣ, Жоржъ Генри, переселившійся раньше. Жоржъ получилъ схоластическое образованіе, отъ котораго отчурался потомъ. Когда братья встрѣтились въ Америкѣ, они сошлись на радикальной почвѣ. Жоржъ Генри былъ извѣстенъ какъ свободомыслящій борецъ за права человѣка. Онъ былъ иниціаторомъ аграрнаго движенія въ Америкѣ по принципу: «Земля должна находиться только во временномъ владѣніи человѣчества». Его поддерживалъ Горасъ Грилей, основатель «The New-York Tribune». Братья сошлись на литературной почвѣ и редактировали разновременно изданія: «Адвокатъ рабочихъ», «Дневной часовой», «Библія разума» и «Молодая Америка». Они проводили въ «Молодой Америкѣ» слѣдующіе принципы: 1) право человѣка на землю: выбирай любую ферму; 2) долой всѣ монополіи, въ особенности банки Соед. Штат.; 3) сво-

бода общественной земли; 4) дома и земли не отчуждаемы; 5) отмѣна всѣхъ законовъ для взиманія долговъ; 6) законъ объ общемъ банкротствѣ (тенденція современной партіи популистовъ); 7) законное право рабочаго на его собственный трудъ и заработную плату; 8) отмѣна заключенія за долги; 9) равныя права для женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ; 10) отмѣна рабства собственности и рабства заработной платы; 11) ограниченіе земли до 160 акровъ на собственника и недозволеніе никому пріобрѣтать земли послѣ этого закона. По смерти каждаго монополиста наслѣдники его получаютъ только законное число акровъ, а весь излишекъ должны продать, распоряжаясь выручкою по своему усмотрѣнію; 12) почта работаетъ и по праздникамъ.

Братья заинтересовались общинами. Фредерикъ рѣшилъ съѣздить въ штатъ Огайо, въ общину доктора Ундергилъ. Онъ нашелъ въ этой общинѣ сбродъ разновѣрующихъ: матерьялистовъ и духоборцевъ; всѣ они, перессорившись, развалили общину и разошлись. Фредерикъ задумалъ основать свою общину. Онъ отправился въ путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ, чтобы ознакомиться съ существовавшими уже общинами. Робертъ Овенъ и Фанни Рейтъ провозглашали тогда теорію коммунизма въ Hall of Science въ г. Нью-Іоркѣ. Фредерикъ посѣтилъ шекеровъ въ Mount-Lebanon; поживши съ ними, онъ призналъ ихъ раціоналистами и согласился съ ихъ религіозными убѣжденіями. Абель Нейтонъ, который, пройдя школу квакерства, соціализма и скептицизма, кончилъ шекеризмомъ, посвятилъ его въ шекеры и научилъ молитвамъ ихъ. Проживъ три мѣсяца среди шекеровъ, онъ возвратился въ Нью-Іоркъ и прочелъ друзьямъ лекцію о шекеризмѣ. Робертъ Овенъ такъ увлекся, что обѣщалъ пріѣхать и обратиться, чего, впрочемъ, не сдѣлалъ. Но Фредерикъ вернулся, поселился въ North family въ Mount-Lebanon, гдѣ и оставался до смерти. Онъ написалъ много книгъ, сотрудничалъ постоянно въ журналѣ «Manifesto», читалъ лекціи въ Америкѣ и Англіи. Онъ прожилъ въ North family шестьдесятъ три года, изъ числа которыхъ пятьдесятъ семь лѣтъ провелъ въ должности эльдера. Будучи большимъ почитателемъ Толстого, онъ написалъ ему, на что Левъ Николаевичъ отвѣтилъ изъ Ясной Поляны 15 февраля 1891 года:

«Дорогой другъ и братъ! Благодарю васъ за ваше любезное письмо. Я былъ очень радъ, узнавъ, что вы раздѣляете мои христіанскія убѣжденія. Ваши взгляды на разныя выраженія религіозныхъ чувствъ, соотвѣтственныя лѣтамъ того, къ кому они были направлены, обрадовали меня чрезвычайно. Я получилъ брошюры, присланныя вами, и прочелъ ихъ не только съ интересомъ, но и съ пользою, и не могу критиковать ихъ, потому что соглашаюсь со всѣмъ, что сказано въ нихъ. Я хочу задать вамъ только одинъ вопросъ.

«Вы (на сколько я знаю) несопротивляющіяся. Какъ вы правите общинной собственностью, однако, тѣмъ не менѣе, собственностью? Допускаете-ли вы возможность защиты христіаниномъ собственности отъ узурпаторовъ? Я задаю вамъ этотъ вопросъ потому, что думаю, что

принципъ непротивленія самый главный въ истинномъ христіанинѣ; и величайшее затрудненіе нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы быть ему вѣрнымъ; какъ вы достигаете этого въ вашей общинѣ?

«Я получилъ ваши брошюры, но вы пишете, что вы послали мнѣ книги; значитъ-ли это, что вы послали мнѣ книги и брошюры, или вы называете брошюры—книгами?

«Я получилъ съ годъ тому назадъ орегонскую газету «The World's Advance Thought». Я находилъ въ ней нѣсколько разъ ваши статьи и очень благодаренъ издателю за присылку этой газеты; въ каждомъ нумерѣ я находилъ новую духовную пищу и, независимо отъ нѣкоторыхъ спиритическихъ тенденцій, которыя чужды мнѣ, я согласился бы абсолютно со всѣми ея религіозными взглядами; газета эта очень нравится мнѣ.

«Съ искреннимъ уваженіемъ и любовью

«Искренно вамъ преданный

«Левъ Толстой».

«Марта 6. 1891 г.

«Льву Толстому.

«Дорогой другъ и братъ!

«Ваше милое письмо отъ 3 исправно получилъ.

«Мы крѣпко связаны чувствомъ, а болѣе духомъ. Вамъ помогаетъ духъ Христа... Это касается не только васъ одного, но и тысячей другихъ душъ, которыя дозрѣли до жатвеннаго серпа. И конецъ свѣта приближается къ намъ. Россія—могущественная имперія, которая произвела большой урожай духоборцевъ—мужчинъ и женщинъ, въ прошломъ, подъ вліяніемъ перваго пришествія Христа... Они признаютъ Бога небеснымъ Отцомъ, но не видятъ Его образа въ небесной Матери. Они имѣли мужской орденъ священства. Они были учениками Іоанна Крестителя. Они имѣли въ виду, ожидали и молились за пришествіе Спасителя. Они были искренни и самоотверженны, но «не знали, какъ молиться», ослѣпленные теологическимъ невѣжествомъ, а, слѣдовательно, и заблужденіемъ. Меннониты и моравіане—какой это благородный народъ! Многіе и другіе, извѣстные подъ разными именами, но всѣ они пребывающіе подъ вліяніемъ того же духа, включая въ ихъ число и квакеровъ, или друзей, которые подошли близко къ царству небесному; они были «двумя свидѣтелями» — мужскимъ и женскимъ, которые пророчили, молились и практиковали христіанскія добродѣтели «in part». Преслѣдованія были не частныя, а общія, и тѣ, которые приводили ихъ «къ святой инквизиціи», или убивали тысячами при герцогѣ Альбѣ или во время варѳоломеевскаго избіенія, думали, что они творили «Богу угодную службу».

«Всѣ великія европейскія націи суть христіанскія, а война, между тѣмъ, постоянный институтъ между ними. Онѣ истощаютъ свои національные рессурсы или войною, или «миромъ, подготовляющимъ войну». Развѣ они не молятъ Бога о помощи убивать другъ друга? Можно-ли творить что-либо худшее?

«Вы спрашиваете: «какъ вы правите общинною собственностью, однако, тѣмъ не менѣе, собственностью? Допускаете-ли вы защиту христіаниномъ собственности отъ узурпатора?» Это важный вопросъ.

«Іисусъ сказалъ: «Будьте совершены подобно Отцу небесному». И это конецъ нашего христіанскаго пути; но не начало-ли это?

«Меноніты, моравіане и квакеры не сопротивлялись... Только послѣ отдѣленія церкви отъ государства, при появленіи «роговъ, выросшихъ изъ звѣря»—американской революціи, общественная собственность могла быть во владѣніи несопротивляющихся. Это «новая земля». И какъ «новая земля» становится болѣе праведной, такъ и «новое небо» легко достигаемо для всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. И такъ это пойдетъ отъ вѣры до вѣры черезъ семь круговъ «до совершеннаго дня». Свѣтъ будетъ сіять ярче и ярче, пока «свѣтъ одного дня не станетъ свѣтомъ семи дней».

«Мы, шекеры, владѣемъ общественною собственностью и защищаемъ ее гражданскими законами «новой земли»; но ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ мы не обижаемъ ближняго. Вы знаете, что наше гражданское правительство—«vox populi, vox Dei». И народъ, какъ правитель, болѣе прогрессивенъ, нежели управители любой церкви или государства на землѣ. Слѣдовательно, мы, шекеры, можемъ подъ американскимъ гражданскимъ правительствомъ выполнять абстрактные принципы, установленные христіанско-духовнымъ откровеніемъ, гораздо совершеннѣе, нежели это было достигаемо до сихъ поръ смертными; совершенно такъ же мы достигаемъ и половой чистоты, не взирая, что оба пола живутъ лицомъ къ лицу другъ съ другомъ, подвергаясь искушеніямъ въ ежедневной жизни, живя безъ задвижекъ и загородокъ въ общемъ домѣ одной вѣры.

«Дорогой другъ! Пріѣзжайте къ намъ и посмотрите, что сотворилъ Господь. Пріѣзжайте въ Lebanon и соединитесь съ церковью Христа второго пришествія. Затѣмъ, возвратитесь и положите основаніе такому же порядку жизни въ Россіи съ согласія правительства, которое мы, шекеры, добудемъ для васъ. Калвинъ Гринъ, одинъ изъ нашихъ пророковъ, предсказалъ блестящую духовную работу въ Россіи. Русскій священникъ посѣтилъ Lebanon и выразилъ чрезвычайно дружелюбное къ намъ чувство. Онъ приглашалъ нашъ орденъ въ Россію. Не пришло-ли время? И не вы-ли этотъ человѣкъ?

«Въ церкви второго пришествія Христа правительство отъ Бога, а «не отъ народа». «Не вы меня выбрали, а я выбралъ васъ». И откровеніе Бога есть скала, на которой основана церковь. «И врата ада не одолѣютъ ю».

«Съ любовью

«Фредерикъ Вилльямъ Эвенсъ».

Mt. Lebanon
Columbia County
N. Y. S.

XI.

Эвенса смѣнилъ, въ качествѣ теолога, Алонзо Голлистеръ. Это одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей, какихъ мнѣ когда-либо случалось видѣть. Но, къ несчастію, онъ уродъ. На длинныхъ ногахъ сидитъ тощій изнуренный корпусъ; на длинной шеѣ—огромный черепъ. Черепъ этотъ, приплюснутый съ боковъ и вытянутый кверху, покрытъ рѣдкими длинными волосами съ просѣдью, подстриженными по-хохлацки на лбу и спускающимися космами на шею. Онъ страшно худощавъ: длинныя руки болтаются, какъ плети, и пальцы правой руки оторваны машиною; на спинѣ огромный горбъ. Когда онъ идетъ, то колѣни его

подгибаются, и вся его длинная, тощая фигура присѣдаетъ. Одѣтъ онъ всегда въ бѣднѣйшій костюмъ, который болтается на его костяхъ, какъ на вѣшалкѣ. Лицо его изнуренное, со впалыми въ орбиты глазами и въ полости рта щеками, съ длиннымъ носомъ, съ сѣденькою бороденкою, еле прикрывающею его острый подбородокъ. Но глаза его очаровательны: голубые, свѣтлые и глубокіе... Въ нихъ таится бездна неподдѣльной кротости и честности. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть иноковъ. Смиренность ихъ нерѣдко выражалась только тѣмъ, что тонкій голосокъ гнусаво вралъ звуками, ибо туловище было откормленное и глаза, заплывшіе жиромъ; а у Голлистера глаза впалые и тѣло изнуренное, такъ что голосъ несомнѣнно звучитъ искренней нотой, ибо онъ соразмѣренъ съ физическою силою; при этомъ онъ всегда находится въ хорошемъ расположеніи духа, никогда не хмурится и не сердится; на лицѣ никогда не видно ни тѣни удрученія или заботы.

Сидя на стулѣ, онъ горбился поневолѣ и не зналъ, что дѣлать съ руками, но не конфузился, а смотрѣлъ невинно своими огромными голубыми, какъ небо, глазами.

Ему теперь шестьдесятъ шесть лѣтъ. Онъ пребываетъ въ общинѣ съ шестилѣтняго возраста буквально безвыѣздно. Ему случилось побывать въ городѣ одинъ только разъ въ жизни, и пребываніе это было чрезвычайно кратковременно. Онъ пріѣхалъ, растерялся, чуть не попалъ подъ конку, былъ спасенъ прохожимъ, который, узнавъ въ немъ шекера, пріютилъ его въ своемъ домѣ; Голлистеръ принялъ это за волю Провидѣнія и выѣхалъ немедленно въ деревню, не исполнивъ порученія; послѣ того онъ уже ни разу не ѣздилъ въ городъ. Въ его жизни не было никакихъ особыхъ событій; разговаривать съ нимъ было интересно только на теологическія темы. Онъ провелъ жизнь за книгами, сотрудничалъ въ журналѣ, написалъ массу брошюръ и теперь составляетъ катехизисъ шекеризма. Онъ очень интересовался моимъ мнѣніемъ о шекерахъ и спросилъ меня однажды:

— Что вы думаете о шекерахъ?

— Вы, во всякомъ случаѣ, необыкновенный народъ... И народъ хорошій... Вы живете безъ суда, полиціи, тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости... Людей свѣта вы признали безумными людьми, толкающими другъ друга въ пропасть... Они родятся, плодятся, скрежещутъ зубами и умираютъ въ мукахъ... Причиною этихъ несчастій вы признали плотскую жизнь... Но сами вы нашли въ себѣ достаточно силъ, чтобы распять свою плоть, ради сліянія съ Богомъ. Вы устранили причину всѣхъ матерьяльныхъ несчастій, создавъ общину... И я вижу: вы живете безъ холода, голода, среди благоуханія полей, подъ сѣнію облаковъ, при журчаніи источниковъ, не зная ни каторжнаго труда, ни остроговъ... Но скажите мнѣ, пожалуйста, вы счастливы?

— Ужасно!—воскликнулъ Алонзо.

— Несомнѣнно... Вы оптимисты... знаю... Вы весело смотрите на

жизнь... Слушая ваши проповѣди, я не слышалъ покаяннаго плача о грѣхахъ, какъ, напримѣръ, у солдатъ арміи спасенія... Говорятъ, вы даже весело умираете?

— Мы никогда не плачемъ при видѣ умирающихъ.

— И такъ, я вижу, что вы нашли возможнымъ осуществить на практикѣ вашъ отвлеченный идеалъ... И въ этомъ ваше счастье... Ну, что-жъ!.. Каковъ бы ни былъ вашъ идеалъ—не все-ли это равно? вы счастливы, и слава Богу!.. Но вотъ чего я не понимаю... Разъясните мнѣ, пожалуйста: вѣра ваша мертва есть или жива? Я обращался съ этимъ вопросомъ къ сестрѣ Аннѣ... Она сказала мнѣ, что вѣра ваша жива, потому что люди не умираютъ, а продолжаютъ жить и на томъ свѣтѣ, и живутъ тамъ еще гораздо счастливѣе, чѣмъ здѣсь. Но разговоръ нашъ принялъ такой характеръ... Я никогда не разговаривалъ съ мертвецами... Это меня не удовлетворяетъ... Помните, что писалъ вамъ Толстой: «я съ грустью прочиталъ въ вашемъ письмѣ разсказъ о спиритуалистическомъ наитіи духа» и пр. Я задавалъ себѣ вопросъ: вѣритъ-ли онъ въ идеальную жизнь на счетъ абстрактнаго идеала на землѣ, подобно вамъ?.. Когда онъ писалъ о цѣломудріи, ему возражали, что цѣломудріе истребило бы родъ человѣческій, а человѣчество не можетъ признать своимъ идеаломъ свое уничтоженіе. Онъ возражалъ, что только то можетъ считаться истиннымъ идеаломъ, что, будучи недосягаемо, допускаетъ безконечную послѣдовательность въ степеняхъ приближенія...

Лицо Голлистера оживилось улыбкою. Я продолжалъ:

— Таковъ христіанскій идеалъ образованія царства небеснаго, союза всѣхъ живыхъ существъ въ союзѣ любви, писалъ Толстой. Значеніе его достиженія несовмѣстимо съ зачатіемъ жизни. Какого рода жизнь могла бы существовать, еслибы всѣ живущіе соединились союзомъ такой любви?.. Никакого... Зачатіе нашей жизни неразлучно связано съ зачатіемъ постояннаго стремленія за *недосягаемымъ* идеаломъ. Вотъ что писалъ Толстой... Но, послушайте, Голлистеръ!.. Могу-ли я вѣрить въ недосягаемый идеалъ?.. И какъ это совмѣстить съ тѣмъ, что писалъ Толстой же по поводу спиритическихъ проявленій: «Грустно это потому, что не только ваша вѣра, но и практическая жизнь ваша, насколько я знаю ее, есть истинная христіанская вѣра, укрѣпленная вашею жизнью, и должна бы обратить людей, которые страстно желаютъ христіанской жизни»... «Откажитесь отъ нихъ (т.-е. суевѣрій), и ваша шекерская вѣра съ вашимъ цѣломудріемъ и духовной жизнью, вашей гуманностью, благотворительностью и принципами умѣренности и ручного труда покоритъ міръ...» Все это противорѣчитъ одно другому... Въ этихъ словахъ слышится и вѣра, и безвѣріе...

— Вѣроятно, это было написано съ точки зрѣнія *того* свѣта,—замѣтилъ Голлистеръ.

— Какъ бы то ни было, но это меня не удовлетворяетъ при разрѣшеніи вопроса: жива ваша вѣра или мертва?.. Послушайте, что дальше...

Тотъ же авторъ писалъ также: если даже и допустимъ, что христіанскій идеалъ цѣломудрія осуществился бы, что тогда?.. Мы только встрѣтились бы лицомъ къ лицу съ ученіемъ религіи, однимъ изъ догматовъ которой было бы, что свѣтъ прекратится, съ другой стороны—съ догмой такъ называемой науки, которая говоритъ намъ, что солнце теряетъ послѣдовательно свою теплоту, результатомъ чего будетъ прекращеніе рода человѣческаго... Голлистеръ!.. Вѣдь это ужъ геркулесовы столбы пессимизма?.. Могу-ли я вѣрить послѣ этого?.. Что-жъ такое шекеризмъ?.. Неужели въ этомъ задача его, чтобы прекратить родъ человѣческій... И только?.. Для блага-ли онъ ближняго?.. Для пользы-ли онъ народа, живущаго на землѣ, и не ради-ли онъ только оптимистическаго самоуслажденія горсточки людей, успокоившихся на чистой совѣсти и личномъ счастьѣ?.. Удовлетворите меня... Разъясните!

— Я разрѣшаю этотъ вопросъ нѣсколько иначе...

— Какъ?.. Съ вѣрой?

— Разумѣется, съ вѣрой.

— Бога ради!.. Какъ?

— Я писалъ Толстому: царствіе небесное—это сѣть, брошенная въ море; рыбы, изловленныя этою сѣтью, не опустошаютъ моря, въ которомъ все-таки останется много рыбы.

Глаза его стали наливаться мутною водою. Но голосъ не переставалъ убѣждать.

— Еслибы всѣмъ морямъ предстояло умереть сразу,—продолжалъ онъ,—жизнь прекратилась бы... Не правда-ли?

— Разумѣется.

— Но люди умираютъ по очереди... Но вѣдь умрутъ всѣ... только по очереди... Если мы видимъ, что раса продолжается, то вѣдь это благодаря послѣдовательности рожденія людей и пространству времени... Точно такъ же человѣчество могло бы обратиться и въ шекеровъ... по очереди... пользуясь пространствомъ времени... И такъ, процессъ обращенія въ шекеризмъ сталъ бы безпрерывнымъ, пока, наконецъ, не окончился бы вмѣстѣ съ послѣднею группою шекеровъ на землѣ, когда кончилась бы и міровая жизнь человѣчества.

Онъ смотрѣлъ на меня пристальнымъ взоромъ, желая убѣдиться, удовлетворилъ-ли онъ меня.

— Голлистеръ!.. Толстой куда васъ послѣдовательнѣе!.. Помните, какъ онъ иронизировалъ надъ оппонентами... Человѣкъ слабъ, и задача его должна быть регулирована его силами... Помните, что онъ возражалъ этимъ слабымъ людямъ?.. Онъ иронизировалъ надъ ними: «Моя рука слаба, я не могу провести прямой линіи, т.-е. линіи, которая будетъ кратчайшей между двумя данными пунктами... И такъ, чтобы сдѣлать ее болѣе легкой для меня, я, намѣреваясь провести прямую, выберу для модели своей—кривую линію».

— Однако, онъ написалъ мнѣ, что мое сравненіе царства небеснаго съ сѣтью очень хорошо...

— Вы сказали: сѣть, брошенная въ море, не въ состояніи изловить всей рыбы... Вы не отрицаете того, что вы сказали это?.. Гдѣ же ваша вѣра?.. Вѣдь это значитъ, иными словами сказать, что шекеризмъ слабъ и не можетъ увлечь большинства людей... Вѣра-ли это?..

— Скажите мнѣ,—возразилъ Голлистеръ:—можетъ-ли мудрѣйшій интеллектъ открыть разрѣшеніями вопросовъ природы—откуда онъ пришелъ и куда идетъ?.. Можетъ-ли онъ сказать, какова окончательная цѣль творенія?.. Если нѣтъ, то пусть онъ признаетъ свою зависимость отъ воли Его... Это добросовѣстнѣе, нежели коснѣть въ невѣжествѣ и нерадѣніи къ цѣли Его... Наконецъ, вотъ что скажу вамъ: намъ нѣтъ дѣла до того, что станетъ со свѣтомъ послѣ того, какъ человѣчество спасется и станетъ счастливымъ. Пусть будетъ что будетъ, какъ это было до сотворенія человѣка, пока, по волѣ Творца, земля не населится вновь раціональными существами высшаго порядка... Будемъ вѣрить, что придетъ время, когда Богу будетъ угодно прекратить генераціи, и тогда всѣ люди будутъ обращены въ шекеровъ... Но я благодарю васъ за ваши замѣчанія... Я приму ихъ къ свѣдѣнію, когда буду писать.

— А вы любите писать?

— Ужасно!

— А что вы пишете теперь?

— Катехизисъ шекеризма.

— А кто издаетъ его?

— Я самъ.

— А гдѣ же деньги у васъ?

— Мнѣ дала сестра денегъ на изданіе книги.

— А развѣ книги и брошюры не издаются на общественный счетъ?

— Нѣтъ.

— А вы любите Толстого?

— Ужасно!.. Вы подумайте только... Мы не знали его, и онъ не зналъ насъ... Вдругъ мы получили его: «Въ чемъ моя вѣра»... Прочли и поразились сходствомъ нашихъ убѣжденій... Подумайте только: какое пространство раздѣляетъ насъ!.. Вотъ что значитъ сила духа!

— Я напишу объ этомъ.

— Когда вы пріѣхали сюда—я подумалъ: это по волѣ Провидѣнія... У насъ былъ одинъ русскій... Пріѣзжалъ изъ Чикаго съ выставки... Онъ принадлежалъ къ сектѣ... Я не знаю какъ ее зовутъ въ Россіи...

— Хлыстовцы?.. Быть можетъ, скопцы?

— Не знаю... Но мы были на митингѣ... И дверь была затворена. Онъ подошелъ къ двери, но не рѣшался войти... А сестра отворила... И онъ вошелъ... А я подумалъ: это по волѣ Провидѣнія... потому что еслибы сестра не отворила, онъ не могъ бы войти... Онъ писалъ намъ

потомъ... Хотѣли пріѣхать двое изъ нихъ, пожить вмѣстѣ съ нами... Но не знаю, почему не пріѣхали...

Мы окончили бесѣду съ наступленіемъ ночи. Садъ, облитый голубымъ блескомъ луннаго свѣта, дремалъ въ вечерней тишинѣ, когда я вышелъ на крыльцо проводить Алонзо. Листва молодой зелени не шелыхалась. Изъ травы неслось пѣніе кузнечиковъ. Въ воздухѣ вспыхивали и угасали свѣтящіеся жучки. Долина и горы были подернуты серебристой дымкой. Яркія звѣзды блестѣли на голубомъ небѣ. Въ саду пахло цвѣтами. Изъ открытаго окна концертной комнаты неслась пѣсня. Сестра пѣла гимнъ безконечной хвалы Сіону. И музыка этой пѣсни была полна тихой грусти. И нервный голосъ ея выражалъ трепетную вѣру. И долго стоялъ я на крыльцѣ, слушая эту пѣсню и глядя во тьму, гдѣ скрылся среди деревъ другъ мой Алонзо. И сердце мое тосковало, словно я проводилъ дорогого покойника. Но въ памяти моей запечатлѣлся образъ его, потратившаго столько ума на защиту идеи смерти!.. Страшно было думать объ этомъ...

А ночь дышала нѣгою любви. И вдругъ тѣнь женщины скользнула по землѣ среди тѣней отъ яблони. Передо мной выросла реальная фигура молодой сестры.

— Сестра!—прошепталъ я.

Она отшатнулась. Блѣдная, испуганная стояла она въ ужасѣ въ двухъ шагахъ отъ меня и смотрѣла съ недоумѣніемъ на лицѣ, освѣщенномъ луною.

— Достаньте, сестрица, пожалуйста, спичку; мнѣ ужасно хочется покурить папироску; только не говорите объ этомъ прегрѣшеніи никому.

Сестра просіяла и расхохоталась.

И. Максимовъ.

New-Lebanon.
Columbia County
New-York State.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

Весенній путь не дорога.

I.

Весна 188* года только что наступила. Былъ май мѣсяцъ въ началѣ. Послѣ холодовъ и дождей установилась, наконецъ, сухая и теплая погода; листья на деревьяхъ стали распускаться; по улицамъ, мѣстами, поднималась пыль, и на солнцѣ было нестерпимо жарко. Москвичи жаловались, что въ такую погоду нельзя заниматься никакимъ дѣломъ, что городская дума не поливаетъ улицъ и заставляетъ жителей задыхаться отъ пыли, и даже на то, что теперь жарко, когда не нужно, а какъ только выберутся всѣ загородъ, то и завернутъ холода, потому что погода эта ненормальная и долго не простоитъ. Душистый тополь, выставлявшій надъ каждымъ заборомъ свои липкіе и плотные, но еще очень мелкіе, жидко-зеленые листья, и березки, желтоватыми, нѣжными гроздьями свѣшивавшіяся надъ тротуарами, обдавали пѣшеходовъ свѣжимъ, возбуждающимъ запахомъ, бросая на мостовую сквозную, подвижную тѣнь. По бульварамъ, наполненнымъ въ послѣобѣденное время толпою гуляющихъ, — офицерами, барышнями, нянъками съ дѣтьми, а главное, гимназистами и студентами,—зеленѣла сплошнымъ ровнымъ ковромъ яркая, молодая травка газона; птицы щебетали всюду, гдѣ была зелень, и, не смотря на городскія неудобства, было хорошо, и весна безпокойно чувствовалась всѣми.

Въ это время всюду, во всѣхъ уголкахъ Москвы, шли толки объ экзаменахъ. Были экзамены и на „высшихъ женскихъ курсахъ“, помѣщавшихся въ одномъ изъ обширныхъ музеевъ. Въ ясный и теплый день, часу въ одиннадцатомъ утра, къ большимъ дверямъ музея подъѣхала въ просторной и не новой, помѣщичьяго склада, пролеткѣ одиночкой молодая дѣвушка въ низенькой шляпѣ съ вуалью и черной кофточкѣ, съ зонтикомъ. Выйдя торопливо

изъ экипажа и не оборачиваясь къ кучеру, она сказала ему съ поспѣшностью плохо скрываемаго волненія: „ты подожди“ — и привычнымъ движеніемъ, напрягая всѣ силы, принялась отворять необыкновенно тяжелыя двери музея, съ приклееннымъ на стеклѣ распредѣленіемъ дней и часовъ, когда музей бываетъ открытъ. Въ эти же двери все время, почти непрерывно, входили курсистки, всякаго вида, со свертками и безъ сверткомъ, почти всѣ съ озабоченными лицами. Съ нѣкоторыми пріѣхавшая барышня здоровалась тутъ же. За дверями начинался длинный подъѣздъ съ пустыми вѣшалками и праздными служителями въ сѣрыхъ блузахъ. Курсистки тамъ не раздѣвались. Нѣсколько широкихъ ступенекъ вели на просторную площадку, среди которой громадная пальма съ надписью „древовидный папоротникъ“ широко раскинула вверху свои пыльные и лохматые искусственные листья; оттуда въ разныхъ направленіяхъ поднимались три лѣстницы. На верху одной изъ нихъ торчало безобразное, огромное чучело мамонта. Подлѣ лѣстницъ, вдоль стѣнъ, лежали лодки, якоря, всякія снасти, стояли какія-то бомбы, гдѣ-то когда-то отнятыя у непріятеля; въ одномъ мѣстѣ, въ углу, виднѣлась страшная фигура окаменѣлой допотопной черепахи гигантскихъ размѣровъ и лежалъ неуклюжій черепъ кита. Подъ пальмой, на скамейкѣ, двѣ барышни читали лекціи. Курсистки проходили мимо нихъ и быстро поднимались по полутемной лѣстницѣ, которая была противъ входа и передъ которой стояла прибитая къ доскѣ надпись: „Входъ въ аудиторію высшихъ женскихъ курсовъ постороннимъ воспрещается“. Двое мѣщанъ, посѣтители музея, въ сапогахъ бутылками и съ картузами въ рукахъ, очевидно, очень заинтересованные этой надписью, раздѣльно читали ее и съ любопытствомъ поглядывали на проходившихъ мимо барышенъ и на дѣвушку небольшого роста, съ мелкими чертами лица, которая стояла внизу на одной изъ ступенекъ. Она видимо поджидала кого-то. На ней были пальто и шляпа, и она все время смотрѣла на площадку и подъѣздъ, а лицо ея выражало напряженную озабоченность. Когда она увидала дѣвушку, пріѣхавшую въ кучерской пролеткѣ и подходившую къ лѣстницѣ, глаза ея, усталые и серьезные, оживились; она сдѣлала шагъ впередъ, протянула руку и сказала голосомъ человѣка, не сознающаго вполнѣ ясно того, что дѣлается вокругъ: „Чернова... здравствуйте“. Чернова, пріостановившись и не сразу узнавъ со свѣта, тоже протянула руку.

— Здравствуйте, экзаменуетесь сегодня?—спросила она.

— Да, — вздохнувъ, сказала курсистка, стоявшая на лѣстницѣ:—вы привезли конспектъ? Дайте, пожалуйста.

— Конспектъ? Нѣтъ, какъ разъ не взяла. А что? Развѣ у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, есть, но у васъ, говорятъ, очень хорошій, хотѣлось заглянуть. Очень жалко.

Съ лѣстницы въ это время къ нимъ сбѣгала еще курсистка, молоденькая, недурная собой, съ бѣлокурыми волосами и оживленнымъ лицомъ.

— Ну, наконецъ!—весело говорила она Черновой, здороваясь:— мы тоже недавно. Здравствуй! Что, какъ дѣла?

— Лили здѣсь?—спрашивала Чернова.

— Здѣсь, лекціи раздаетъ. А, Бурова!—весело обратилась бѣлокурая дѣвушка къ неподвижно стоявшей барышнѣ съ задумчивымъ и озабоченнымъ лицомъ.

Барышня эта протянула руку и опять сказала:

— Здравствуйте, Зарубина.

— Что жъ, рѣшитесь хоть сегодня?

Бурова вздохнула.

— Да, надо рѣшиться,—произнесла она:—непремѣнно надо рѣшиться сегодня.

Онѣ всѣ трое стали подыматься по лѣстницѣ.

— Ужасно люблю ѣздить на экзамены,—говорила Черновой бѣлокурая дѣвушка, которой фамилія была Зарубина:—я не экзаменуюсь, но подъ конецъ самой какъ-то даже страшно дѣлается.

Каменныя бабы-идолы, словно стражи этого храма науки, безмолвно вытянулись по обѣ стороны лѣстницы на ступенькахъ. Наверху была площадка, полутемная, заставленная вѣшалками съ платьемъ. Человѣкъ десять слушательницъ шумно разговаривали, здороваясь. Швейцаръ въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ издали узналъ Чернову и, наскоро повѣсивъ чье-то платье, подошелъ къ ней.

— Здравствуйте, барышня! Госпожа Зарубина въ аудиторіи и просятъ, чтобы вы къ нимъ пришли,—принимая зонтикъ, сказалъ онъ сквозь шумъ женскихъ голосовъ.

— Да, да, Лили ждетъ тебя,—подтвердила сестра ея, бѣлокурая дѣвушка, сбѣжавшая съ лѣстницы на встрѣчу Черновой.

— Экзаменъ не начался?—спрашивала Чернова.

— Никакъ нѣтъ. Еще Михаилъ Иванычъ не пріѣзжали. Полчаса одиннадцатаго, сичасъ навѣрное будутъ.

— Уйдетъ, уйдетъ, господа, ужъ я вамъ говорю, — раздался чей-то возгласъ сквозь шумъ и хохотъ другихъ голосовъ, и цѣлая толпа курсистокъ подошла и обступила Бурову. Впереди всѣхъ шагала высокая, полная дѣвушка, съ пышно развитою фигурою и съ лицомъ, цвѣтущимъ здоровьемъ.

— Если не удержимъ насильно, пропало дѣло,—сильнымъ, полнозвучнымъ голосомъ говорила она.

— Слушайте, Бурова, не уходите же ни въ какомъ случаѣ... нельзя же такъ въ самомъ дѣлѣ, странно, наконецъ,—немножко нараспѣвъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ упрашивала одна изъ курсистокъ.

— Вѣдь выдержите навѣрное. Будетъ вамъ профессоровъ-то изъ терпѣнья выводить. Вѣдь это анекдотъ настоящій,— слышалось въ толпѣ.

— На кого же вы насъ-то покидаете? Раздѣвайтесь, говорятъ вамъ, что тутъ толковать-то съ ней. Снимайте пальто!—хлопотала барышня съ лицомъ, цвѣтущимъ здоровьемъ.

Бурова подумала и, молча, принялась раздѣваться. Чернова, не здоровавшись, потому что всѣ были заняты Буровой, прошла въ аудиторію, куда вели стеклянныя двери, облѣпленныя объявленіями объ урокахъ, о времени выдачи лекцій и т. п.

На порогѣ, куря папиросы, стояли двѣ курсистки.

— Какъ хотите, но такое индифферентное отношеніе къ дѣлу показываетъ прежде всего личность отсталую и неразвитую,—говорила одна изъ нихъ съ некрасивымъ лицомъ еврейскаго типа.

— И замѣтьте подтасовку фактовъ... абсурдъ полнѣйшій,—отвѣчала другая, въ пенснэ pince-nez.

Большая, перегороженная вдоль арками, аудиторія была почти полна. Въ первой ея половинѣ, въ полутьмѣ, стояли довольно безпорядочно шкафы съ книгами, пустые классные столики, школьные счеты. Другая же часть залы, освѣщенная огромными окнами, была заставлена длинными столами, покрытыми клеенкой, и вѣнскими стульями; въ концѣ ея находилась деревянная каѳедра съ графиномъ воды на столикѣ и, сзади, черная доска, на которой мѣломъ, крупными буквами и криво, было написано, что одна изъ слушательницъ унесла нечаянно чужой вязаный платокъ и проситъ обратиться къ ней для обмѣна. Курсистки въ большомъ количествѣ ходили въ темной части залы, а также сидѣли на стульяхъ и скамейкахъ въ главной „аудиторіи“, сходились группами, толклись; одна барышня взлѣзла на стулъ передъ

большимъ шкафомъ библіотеки, выкрикивала фамиліи и раздавала книги. Были хорошенькія и дурныя, очень юныя и пожилыя, хорошо одѣтыя и поражавшія утрированною небрежностью костюмовъ. Всюду звучалъ неумолкаемый говоръ, иногда взрывы смѣха и шумные, крикливые споры. Сотня свѣжихъ женскихъ голосовъ сливалась вмѣстѣ и производила тотъ странный гвалтъ, который такъ поражаетъ въ заведеніи новичка, и который здѣсь напоминалъ щебетанье и крикъ огромнаго, чѣмъ-то сильно перепуганнаго птичника.

Барышня, раздававшая книги, окликнула Чернову, когда та подходила къ аркамъ, и, пожавъ ей руку со стула, заговорила о какомъ-то экземплярѣ, взятомъ изъ этой библіотеки.

— Неужели я вамъ не вернула?—спросила Чернова и, пожавъ плечами, удивляясь самой себѣ, поспѣшно обѣщала непремѣнно прислать.

Она не продолжала разговора и пошла подъ арки. Гдѣ-то около дверей послышался негромкій, но замѣтно испуганный голосъ:

— Господа, пріѣхалъ!.. Пойдемте, неловко... надо идти...

Слова эти были повторены въ разныхъ группахъ и углахъ, многія встали съ своихъ мѣстъ, многія двинулись къ дверямъ, словомъ, произошло движеніе, вслѣдъ за которымъ аудиторія замѣтно опустѣла.

Елизавета Петровна Зарубина, о которой доложилъ Черновой швейцаръ, сидѣла за однимъ изъ столовъ аудиторіи передъ грудой лекцій, прибирая все въ порядокъ и считая и складывая получаемыя кредитныя бумажки. Около нея еще стояла группа курсистокъ; клейкіе, свѣжеотпечатанные листы лекцій разбирались нарасхватъ и иногда тутъ же проглядывались. Извѣстіе о пріѣздѣ профессора подѣйствовало однако и на нихъ, и онѣ, какъ другія, гурьбой пошли къ дверямъ. Зарубина обернула въ сторону арокъ свое смуглое, энергическое лицо съ живыми глазами и улыбнулась Черновой. Она была старше ея и старше большинства находившихся тутъ дѣвушекъ,—ей было лѣтъ 25,—и на эти курсы она поступила послѣ того, какъ прошла еще другіе, математическіе. Съ Черновой обѣ сестры Зарубины были давно знакомы домами, съ дѣтства, и называли другъ друга всегда по именамъ, а не по фамиліи, какъ было принято.

— Здравствуй, Зина. Ну, заждались тутъ тебя,— улыбаясь, сказала Зарубина и крѣпко пожала Черновой руку.

— Да? Легла очень поздно, немножко опоздала. А кто ждетъ?

За тѣмъ же столомъ, недалеко отъ Зарубиной сидѣла ши-

рокоплечая курсистка съ остриженными черными волосами, въ черной юбкѣ и ситцевой кофточкѣ, опоясанной кожанымъ поясомъ. Чернова, которая сначала ея не замѣтила, протянула ей руку и, сказавъ: „Здравствуйте, Надежда Васильевна“, продолжала разговоръ.

— Какъ ее зовутъ, эта дѣвица... еще тутъ ее кто-то гренадеромъ курсовъ прозвалъ,—говорила ей Зарубина съ твердой и ласковой улыбкой на лицѣ.

— Волжинская, — лѣниво подсказала Надежда Васильевна, всѣмъ корпусомъ почти лежавшая на столѣ.

— Ну, да. Она все безпокоилась на счетъ конспекта, который у тебя. Ждутъ его всѣ, точно манны небесной.

— Я Волжинскую видѣла,—сказала Чернова, — только она меня не замѣтила. Тамъ цѣлая сцена. Уговариваютъ Бурову экзаменоваться... Какъ будто не знаютъ,—уйдетъ, все равно,—пожавъ плечами, добавила Чернова.

— Гдѣ же конспектъ?

— Я его забыла,—сказала Чернова и смущенно разсмѣялась.

— Хороша...

— Что-жъ дѣлать. Могли бы, Господи, сами запасаться. Мнѣ, впрочемъ, нынче самой надо бы просмотрѣть: я плохо повторила.

Чернова говорила негромко, торопясь и чего-то смущаясь, вѣроятно, упорнаго взгляда сидѣвшей за столомъ все въ той же лѣнивой позѣ Надежды Васильевны Краюхиной, которая, чуть-чуть прищуривъ свои черные, усталые глаза, критически разсматривала ея костюмъ. Чернова была одѣта совсѣмъ просто, въ суконное платье съ гладкой юбкой, черную кофточку и соломенную, темную, новенькую шляну, но съ тѣмъ оттѣнкомъ хорошаго тона и вкуса, можетъ быть, просто хорошаго магазина, который здѣсь, въ этой залѣ, нѣсколько выдавался, и котораго Краюхина, очевидно, не одобряла. Чернова чувствовала ея взглядъ, хотя стояла почти спиной къ ней, и губы ея даже сдѣлали то нервное движеніе, которое часто сопровождаетъ этодо рода чувство.

— Ну, да, всякій разъ все плохо, знаемъ мы,—шутила надъ ней Зарубина.

Чернова помогала Зарубиной въ изданіи лекцій и тутъ же попросила показать ей два листа, которыхъ еще не просматривала литографированными.

— Сейчасъ хочешь прочесть? или ужъ не до того?—спросила ее Зарубина.

— Все равно... Успѣется еще,—замѣтила Чернова, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе.

Она сѣла не на стулъ, а на столъ, лицомъ къ свѣту, и начала читать, положивъ два свѣжіе, пахучіе листа на колѣни, и пробѣгая быстро карманнымъ карандашемъ по строчкамъ. Краюхина повернула голову, которую поддерживала рукой, и все смотрѣла на нее, на ея фигуру, еще почти не сложившуюся (ей было 20 лѣтъ, а на видъ можно было дать меньше), на молодое, блѣдное, съ несомнѣнными признаками безсонной ночи лицо, съ котораго она откинула вуаль. Черты ея лица не были правильны, но каріе глаза подъ тонкими линіями бровей, складъ губъ, въ которомъ было что-то дѣтское, нѣжный, чистый и мягкій цвѣтъ кожи, оттѣненный особенно хорошо блестящими прядями каштановыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, заставляли съ перваго взгляда назнать ее хорошенькой.

— Какъ ваше здоровье, Надежда Васильевна?—спросила Чернова, продолжая чувствовать взглядъ Краюхиной и мелькомъ оглянувшись на нее.—Вы, кажется, хворали?

Краюхина тряхнула головой.

— Грудь все болитъ. Надо полагать, дѣло дрянь,—съ усмѣшкой проговорила она.

Чернова опять оглянулась на ея блѣдное, съ желтизной, болѣзненное и усталое лицо.

— А видъ у васъ лучше, чѣмъ въ послѣдній разъ былъ. Я васъ, кажется, на ѳоминой видѣла.

— Да, уроки кое-какіе прекратились. Немножко отдохнула.

— Вы не экзаменуетесь нынче? — спросила ее Зарубина, тоже передъ тѣмъ смотрѣвшая на Чернову и о чемъ-то думавшая.

— Я-то? Нѣтъ. Я вѣдь осенью вмѣстѣ съ вами сдавала. Мнѣ теперь четыре старые экзамена остались. Осенью сдамъ и шабашъ,—всякіе счеты съ высшими женскими курсами кончаю.

— Не жалко вамъ?—улыбаясь, спросила Зарубина.

— Жалко, если хотите, но за то легче будетъ. А то, знаете, просто измучиваешься, уроки да лекціи, повѣрите, читать даже ничего не успѣваешь. Уроки же у меня далеко, все больше замоскворѣцкихъ дщерей просвѣщаю, народъ притомъ тупой, всякая сноровка къ отвлеченному мышленію въ отсутствіи. Съ Лубянки, сами знаете, не рука немножко... Какъ этакъ промаршируешь, такъ умственные плоды культурнаго человѣчества въ голову-то и не полѣзутъ,—прибавила Краюхина и засмѣялась, причемъ весь ея корпусъ, полулежавшій на столѣ, заколыхался.

— Вотъ лѣтомъ отдохнете.

— Ну, нельзя сказать,—возразила Краюхина:—думала куда-нибудь на урокъ пристроиться, да не удалось. Придется въ Москвѣ сидѣть. Въ іюнѣ, спасибо, дѣло обѣщаютъ.

— Да? Чѣмъ же вы думаете заняться?—спросила Зарубина.

— Въ судъ мечтаю пристроиться. Дѣло, положимъ, не очень желательное, переписка, ну, да нашему брату, при современномъ взглядѣ на женщину и женскій трудъ, выбирать не приходится.

— Это жалко,—сказала Зарубина:—вамъ непремѣнно надо бы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ.

Краюхина тряхнула своими жесткими, уже порядочно отросшими волосами.

— Что дѣлать. Приходится, какъ видите, заботиться о непосредственномъ поддержаніи своего бреннаго существованія.—И она снова засмѣялась.

Зарубина тоже улыбнулась и, чувствуя нѣкоторую неловкость, обратилась къ Черновой, складывавшей листы лекцій.

— Прочла?—спросила она.

— Не совсѣмъ; я съ собой возьму, домой. Надо идти.

— Ну, желаю всего хорошаго.

Чернова сняла шляпу, положила ее вмѣстѣ съ перчатками и лекціями и, поправивъ рукой волосы, заложенные сзади, пошла къ двери. Лицо ея замѣтно поблѣднѣло, глаза потускнѣли, и дышала она тяжело. Краюхина, молча, проводила ее глазами.

— Держитъ?—спросила она Зарубину, кивнувъ ей вслѣдъ головой.

— Да, конечно. Вѣдь ихъ курсъ весь теперь держитъ.

— Я думала, броситъ,—лѣниво сказала Краюхина. Зарубина безпокойно взглянула на нее.

— Отчего же это?

— Да оттого, что, я замѣтила, науки не очень угнетаютъ ее что-то въ это послѣднее время. Вѣрно. Да вы не замѣтили? На послѣдней лекціи у Митюшина даже не была, а вѣдь ужъ она его любитъ... Меня записывать посадили. Я ее потомъ спрашивала. Мнѣ, говоритъ, нельзя было. Въ пятницу раздача лекцій по русской литературѣ была; она мнѣ обѣщала одну выписку достать—тоже опоздала, такъ что я ее на подъѣздѣ встрѣтила, и ничего не сдѣлала! Да только посмотрѣть на нее и удивляться нечему: смазливенькая, одѣта съ иголочки... Я знаю, вся ваша компанія ее въ какіе-то геніи возводитъ, и профессора уши развѣшиваютъ,—способности, даровитость, умъ и всякая штука. А вотъ помяните мое слово:

живо замужъ выйдетъ, и прощай вся музыка! — И она рѣзко засмѣялась.

— Конечно, если замужъ выйдетъ, — стараясь скрыть недовольный тонъ, возразила Зарубина,—а что пока много обѣщаетъ, всякій скажетъ.

Краюхина молча постучала по столу перочиннымъ ножомъ.

— Что, у Ступина на диспутѣ не были?

— Нѣтъ, не пришлось быть,—торопливо отвѣчала Зарубина и вернулась къ прежнему разговору:—а что иногда вамъ кажется... такъ вы не забудьте, въ какой обстановкѣ она живетъ, что за люди ее окружаютъ. Это вѣдь такая пошлость... Ей каждый свой шагъ отвоевывать приходится.

— У какого-то, кажется, знатнаго дядюшки проживаетъ?— равнодушно спросила Краюхина.

— Знатнаго ничего нѣтъ, а человѣкъ изъ такъ называемаго „общества“. Они хорошіе люди, я ихъ семью очень люблю, но все это вмѣстѣ... А вы слышали ея послѣдній рефератъ, который обсуждался постомъ?

— Слышала. Да что-жъ, она, повидимому, не безъ способностей. Только ничего обыкновенно изъ такихъ не выходитъ. Цѣльности мало...

Въ это время въ аудиторію широкими шагами вошла та самая курсистка Волжинская, которая такъ усердно, во главѣ своихъ сотоварокъ, уговаривала Бурову не сбѣжать съ экзамена. Волжинская за это время замѣтно измѣнилась. Лицо ея сдѣлалось пунцово-огненнаго цвѣта, грудь тяжело поднималась, въ рукахъ она мяла какой-то листъ бумаги, блестящими глазами смотря кругомъ.

— Что-жъ это? Чернова конспекта не принесла!—своимъ громкимъ грудным голосомъ, ни къ кому не обращаясь, заявила она.

— Да вѣдь у васъ свой есть?—спросила Зарубина.

— Да что свой... Мы ея ждали, а не своего.—Взволнованная курсистка сѣла на стулъ и прижала руки, ладонями наружу, къ горячимъ щекамъ.

— Еще не экзаменовались?—спросила Зарубина съ снисходительною улыбкой.

— Да нѣтъ еще,—отвѣчала Волжинская и вдругъ вскочила:— да я думаю просто, что все брошу и уйду. Это чортъ знаетъ что такое!—добавила она, исчезая снова подъ аркой.

Краюхина захохотала.

— Боится,—качая головой, сказала Зарубина:—а вотъ Бурова,

такъ удивительно,—продолжала она,—со всякаго экзамена бѣгаетъ. Съ „логики“ въ четвергъ уѣхала, отъ Матюшина, еще онъ не пріѣзжалъ, убѣжала. А сидитъ всѣ ночи и знаетъ, говорятъ.

— Народъ сталъ слабый,—замѣтила Краюхина,—нашъ выпускъ все-таки много серьезнѣй. У насъ хоть и собирались профессора одного вздуть за то, что онъ всѣмъ пятерки безъ разбора ставилъ, но за то трусости такой не было.

— Ну, что вы, когда-жъ это было?

— Право, обижались очень. Петрова даже плакала. Двѣ ошибки сдѣлала, а онъ ей пять съ крестомъ влѣпилъ. Что же это, говоритъ, насмѣшка, что-ли!

II.

Экзаменъ происходилъ въ комнатѣ, отдѣленной отъ аудиторіи площадкой, гдѣ раздѣвались, и носившей у курсистокъ названіе „профессорской“, потому что по ней прохаживались профессора въ промежуткахъ между лекціями. Тамъ, передъ одной изъ арокъ, которыя, какъ и аудиторію, дѣлили на двое эту, по казенному убранную, залу, съ зелеными занавѣсками на окнахъ, около громаднаго книжнаго шкафа, уже стояла толпа барышень, боясь, пугая другъ друга, перешептываясь, ожидая страшной минуты вызова и прислушиваясь къ торопливому и задыхающемуся голосу курсистки, отвѣчавшей профессору въ самой залѣ у длиннаго зеленаго стола. Бурова, уже безъ шляпы и пальто, но съ такимъ же напряженнымъ, озабоченнымъ лицомъ и блѣдная, какъ смерть, прохаживалась взадъ и впередъ, постукивая башмаками по каменному полу. Волжинская, примирившись съ мыслью о невозможности получить желаемый конспектъ, принялась за чтеніе измятаго листа, шепча, дѣлала неимовѣрныя усилія понять и очевидно ничего не понимала. Въ самой толпѣ болѣе всѣхъ говорила, перешептываясь, какая-то круглолицая, высокая блондинка, старалась, очевидно, помощью болтовни и движеній заглушить несносное чувство страха, причемъ прическа давно растрепалась у ней отъ этихъ движеній. Черненькая худая курсистка съ малороссійскимъ выговоромъ то говорила безъ умолку, то въ отчаяніи хваталась за голову. Чернову, когда она вошла въ профессорскую, вмѣстѣ съ меньшой Зарубиной, присоединившейся къ ней на площадкѣ, всѣ замѣтили, почти всѣ ее знали и поздоровались съ ней.

Она остановилась у шкафа и, чтобы скрыть волненіе, отъ котораго лицо ея было блѣдно, заговорила съ Ольгой Зарубиной.

— Ты домой отсюда?—спросила она не громко, вздыхая отъ сердцебіенія.

— Ну, вотъ я тебя и довезу до библіотеки.

— Отлично. Лили еще провозится съ лекціями.

— Чернова пришла,—замѣтила круглолицая блондинка и обратилась къ ней:—Чернова, разскажите Михайловой про Жанъ-Жака Руссо. Погибаетъ человѣкъ.

— Отстаньте вы! Ничего я не погибаю,—отозвался сердитый голосъ Михайловой.

— Да замолчите-ли вы, наконецъ?—обратилась въ толпу стоявшая впереди курсистка съ подвязанными зубами, прислушивавшаяся къ тому, что происходило у зеленаго стола.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, вѣдь нельзя ничего разобрать,—замѣтила другая.

— Слышали, слышали?—торопливо говорила очень маленькаго роста, вертлявая дѣвушка, съ остриженными курчавыми волосами:—спрашиваетъ, какіе историки придерживались по этому вопросу отрицательнаго взгляда.

— Ну?

— Тэнъ, что-ли?

— Да не знаю, не разберешь.

— Валяла бы Тэна, все равно, на это не обратятъ вниманія,—сказала круглолицая блондинка.

Та, у которой зубы были подвязаны, поглядѣла на нее съ выраженіемъ самаго ядовитаго презрѣнія.

— Ничего, ничего не помню! Какой Тэнъ, какіе историки, какіе вопросы, все, все забыла!—въ полномъ отчаяніи говорила курсистка съ малороссійскимъ выговоромъ, хватаясь за голову и ни къ кому не обращаясь.

— Господи, вотъ страхъ-то,—замѣтила очень молоденькая дѣвушка, съ волосами по плечи и чрезвычайно наивнымъ лицомъ, улыбаясь, оглядываясь на Чернову и отъ волненія переступая съ ноги на ногу.

Чернова улыбнулась.

— Смотрите, вѣдь Бурова-то уходитъ,—вскричала вдругъ Ольга Зарубина.

Въ толпѣ произошло движеніе.

— Не можетъ быть. Гдѣ? Это ни на что не похоже...—За Буровой только что затворилась стеклянная дверь. Черезъ стекло видно было въ полутьмѣ ея озабоченное лицо, полное внезапной рѣшимости, и шляпа, которую она поспѣшно надѣвала.

— Держите ее! Вѣдь это безобразіе,—говорили ея пріятельницы, перебивая другъ друга и, повидимому, совершенно забывъ о профессорѣ и экзаменѣ.

— Что-жъ Волжинская-то смотритъ?—спрашивала много шумѣвшая блондинка:—гдѣ она? Волжинская, говорятъ вамъ, Бурова опять уходитъ; остановите же ее!

— Убирайтесь вы съ вашей Буровой!—отозвалась Волжинская, обращая къ безпокойной блондинкѣ свое пунцовое лицо, которое стало еще краснѣе, хотя это казалось невозможнымъ,—безъ нея голова кругомъ идетъ. Очень мнѣ нужно; пускай уходитъ; я сама сейчасъ уйду.

Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ взрывъ хохота.

— Тсс... шшш... перестаньте,—послышалось разомъ нѣсколько голосовъ.

Подъ аркой появилась барышня, отвѣчавшая у зеленаго стола, съ лицомъ, негодующимъ до изумленія.

— Нельзя-ли потише? Что же это такое?—сказала она:—г-нъ профессоръ проситъ васъ не мѣшать экзамену: онъ ничего не слышитъ.

Слова ея сразу подѣйствовали: наступила полная тишина.

Когда отвѣчавшая у зеленаго стола курсистка снова вернулась къ своимъ сотоварищамъ съ лицомъ, покрытымъ неровными пятнами румянца, но сіяющимъ, ее закидали вопросами:

— Ну, что? что спрашивалъ?

— Спрашивалъ немного,— улыбаясь, обмахиваясь платкомъ, и съ трудомъ переводя дыханіе, отвѣчала курсистка:—спрашивалъ... охъ, устала...

— Да сколько?

— Четыре. Одного года не знала и про конвентъ напутала. Спрашивалъ о якобинцахъ, потомъ долго на энциклопедистахъ... Охъ...

— Что четыре! Мнѣ ужъ хотя бы три съ минусомъ, — замѣтила юная курсистка съ волосами по плечи.

— Кому же теперь?

— Бурова.

— Бурова ушла.

— Опять? Идите же кто-нибудь, господа.

— Господа, неловко. Пусть кто-нибудь идетъ; я не пойду, хоть убейте, — говорила вертлявая маленькая курсистка съ курчавыми волосами, обращаясь ко всѣмъ.

— Чернова, вы-то что-жъ?—съ оттѣнкомъ негодованія спрашивала курсистка съ подвязанными зубами.

— А вы-то что-жъ?—спросила ее шумливая блондинка.

— Да почему-жъ непремѣнно я?

— Все равно, я пойду,—сказала Чернова.

Она быстро отдѣлилась отъ толпы и твердымъ шагомъ пошла по сбитому ковру комнаты.

— Ну, дай Богъ счастья, — сказала Зарубина, протѣснянсь впередъ, чтобы видѣть экзаменъ, и волнуясь за свою пріятельницу.

— Ну, эта навѣрное пять,—сказалъ кто-то.

Ноги Зины Черновой слегка дрожали, когда она подошла къ столу и похолодѣвшей рукой взялась за спинку зеленаго кресла. Профессоръ, высокій, статный человѣкъ въ форменномъ фракѣ, въ ожиданіи прохаживался около стола. Увидавъ Чернову, онъ поклонился и попросилъ ее сѣсть.

— Что же это?—думала Зина, чувствуя что-то смутное въ головѣ и живо представляя себѣ, какъ легко она можетъ ничего не отвѣтить на вопросъ, который задастъ профессоръ:—вотъ и настало...

Профессоръ такъ, что она не замѣтила этого, посмотрѣлъ на нее и улыбнулся. Онъ взялъ программу, подумалъ, нахмурилъ даже брови и задалъ вопросъ, какъ бы выбравъ. У Черновой испуганно сжалось сердце. Билетъ былъ одинъ изъ первыхъ, который она прошла и повторила давно, а ей показалось, что именно его она совсѣмъ не помнитъ и все время не думала о немъ, точно его не было. До слуха ея долеталъ сдержанный говоръ оттуда, изъ той толпы, гдѣ она только что стояла, и ее вдругъ охватило чувство безпомощности и жалости къ себѣ. Немного она помнила, что-то общее, неопредѣленное. Она стала говорить спавшимъ голосомъ, и въ ту же минуту стала вспоминать больше и больше. Каждый всплывавшій въ памяти фактъ велъ за собой другой; эти факты какъ-то надвигались на ея голову, и она вдругъ овладѣла ими и заговорила твердо и гораздо спокойнѣй. Но профессоръ сейчасъ же перебилъ ее, задалъ другой вопросъ и спросилъ, сколько ей осталось еще держать экзаменовъ и какую тему она беретъ для сочиненія. Чернова отвѣчала ему, стараясь овладѣть собой и скрыть дрожаніе голоса, ожидая новаго вопроса.

Онъ приподнялся и поклонился.

— Будьте добры послать кого-нибудь.

Зина встала съ мѣста съ чувствомъ пріятной легкости, точно гора съ плечъ спала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкотораго разочарованія, что все такъ скоро и странно кончилось, и что она какъ будто напрасно сидѣла столько дней и ночей. Въ томъ кружкѣ серьезно занимаю-

щихся, лучшихъ по успѣхамъ, курсистокъ, къ которому принадлежала она, и въ которомъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимала Лили Зарубина, не было принято интересоваться экзаменаціонными отмѣтками профессоровъ, а тѣмъ болѣе о нихъ спрашивать. Зина Чернова не знала, сколько ей „поставили“, и это еще болѣе способствовало чувству разочарованія, того, что удовольствія отъ выдержаннаго экзамена было меньше. „Конечно, пять“,—думала она.

III.

Ольга Зарубина стояла на площадкѣ, служившей раздѣвальней, и горячо спорила о Хомяковѣ съ какой-то блѣдной курсисткой, когда Зина вышла изъ профессорской.

— Ну, выдержала?—спросила Зарубина,—нечего и спрашивать. Я по тону слышала, что хорошо. Нѣтъ, постойте,—обратилась она снова къ барышнѣ, съ которой говорила:—мнѣ о славянофилахъ непремѣнно надо договориться съ вами.

Сдавъ экзаменъ, Зина хотѣла зайти въ аудиторію, надѣть шляпу и ѣхать домой. Въ стеклянную дверь она видѣла своего друга, Лили Зарубину, которой помогала въ изданіи лекцій и которая и теперь сидѣла на прежнемъ мѣстѣ. Но ей вдругъ не захотѣлось идти туда, показалось это скучнымъ и непріятнымъ. Она повернулась, отошла въ сторону и, остановившись у вѣшалки, стала смотрѣть внизъ.

Передъ ней была внизу площадка съ пальмой, гдѣ бродило нѣсколько унылыхъ посѣтителей музея, потомъ пустой подъѣздъ и огромная дверь со стеклами. За дверью было очень свѣтло, даже какъ-то безпокойно свѣтло, очевидно жарко: мелькали то и дѣло нагруженныя конки и пролетки съ сѣдоками.

Томительное чувство предстоящаго экзамена, гнетущій страхъ, который она испытывала всегда, но который здѣсь, въ толпѣ барышень, считавшихъ ее лучшей ученицей, привыкла скрывать, прошелъ и замѣнился чувствомъ особенной легкости, свободы и какой-то пріятной разбитости. Но тотчасъ, именно потому, что не было страха, съ которымъ она сжилась въ это послѣднее время, она вспомнила то, о чемъ ожиданіе близкаго экзамена заставляло не думать, и отъ чего у нея вдругъ сжалось сердце неожиданно болѣзненнымъ и жуткимъ чувствомъ. Ей стало весело и захотѣлось движенія, воздуха, свѣта. Она вспомнила довольно неопредѣленно большой старый домъ тетки, у которой жила, просторный дворъ и садъ, зеленѣвшій съ каждымъ часомъ

болѣе и болѣе. Вспомнила она и то, что̀ въ послѣднее время она переживала тамъ, что̀ ей трудно было бы передать словами, но о чемъ она всегда, даже въ безсонныя ночи передъ экзаменомъ, если не думала, то помнила, что̀ пугало ее и волновало глупымъ, но неудержимо радостнымъ чувствомъ; подумала, что вѣдь еще такъ недавно эти стѣны, эти знакомыя каменныя бабы, этотъ затхлый запахъ, присущій только музеямъ, этотъ шумъ и знакомыя лица, и зала съ зелеными занавѣсками и каѳедрой, — составляли единственный міръ, безъ котораго жизнь не имѣла для нея смысла. Теперь же хотѣлось ей скорѣе уйти, выйти на свѣжій воздухъ, и она избѣгала Зарубину, руководившую всей ея жизнью. Избѣгала она ее потому, что не могла сказать ей главнаго, что̀ ее занимало и чего она и сама, какъ слѣдуетъ, не могла понять.

— Когда это случилось? Что это такое? — думала она, чувствуя необыкновенную радость отъ сознанія, что у нея есть это что-то новое, что наполняетъ ее, чего никто не знаетъ, и что, можетъ быть, оттого-то такъ и хорошо.

Ей трудно было стоять на мѣстѣ, и она вновь рѣшительно отправилась въ аудиторію.

Краюхиной уже не было, и Зарубина съ серьезнымъ и спокойнымъ выраженіемъ лица записывала въ записную книжку о выданныхъ лекціяхъ.

— Ну, конечно, поздравляю!—съ обычной спокойной и твердой улыбкой сказала она, увидѣвъ Зину: — что-жъ, теперь всего одинъ экзаменъ?

— Да, теперь исторію искусствъ, только...

Зинѣ хотѣлось надѣть шляпу и поскорѣе проститься, но она чувствовала, что неловко бросать Зарубину съ лекціями, которыя онѣ вмѣстѣ издавали, и что прежде она ни за что не сдѣлала бы этого, и она заговорила съ ней.

— Бѣдная эта Надежда Васильевна,—сказала она про Краюхину, надѣвая перчатки:—ужасно у нея болѣзненный видъ.

— Да, и положеніе ея тяжелое. Ты знаешь, вѣдь у нея мать сумасшедшая, она за нее вноситъ въ какое-то лѣчебное заведеніе; братъ въ ссылкѣ. Но масса въ ней энергіи. Я ее люблю. Ты ужъ ѣдешь?

— Да, ужъ я поѣду. Олю я беру съ собой.

— Отлично. А вечеромъ у васъ?

— Да, ужъ пожалуйста.

И она вдругъ слегка покраснѣла.

— У васъ все народъ?

— Да, какъ всегда,—сказала Зина, пожимая плечами и глядя не на Зарубину, а въ большое окно, гдѣ виднѣлось безоблачное небо и рядъ крышъ.

— Ужасно люблю эти ваши вечера,—улыбаясь, говорила Зарубина: — на воздухѣ... забываешь, что въ городѣ. Ольга передъ крокетомъ ужъ волнуется. Но, надѣюсь, новыхъ не будетъ?

Зина спустила вуаль и обернулась къ ней.

— Не знаю. Не все-ли тебѣ равно?

— Да такъ, непріятно. Въ родѣ этого господина... какъ его? Ольга у васъ видѣла...

— Ну, ужъ если ты у насъ людей хочешь искать... —быстро сказала Зина, но Зарубина перебила ее.

— Нѣтъ, но къ этимъ *вашимъ* я привыкла. Эти ничего, на нихъ какъ-то такъ и смотришь,—смѣясь, сказала она.

Зина воспользовалась тѣмъ, что къ Зарубиной подошла за лекціями какая-то барышня, и отправилась отыскивать Ольгу, спорившую на площадкѣ.

IV.

Чернова жила почти на окраинѣ Москвы, въ мѣстности, по виду нѣсколько напоминавшей уѣздный городъ. Мостовая тутъ была хуже, дома попадались почти сплошь деревянные, большинство съ садами, болѣе обширными и болѣе густыми, чѣмъ въ центрѣ города. Здѣсь и зелень распускалась дружнѣе, отъ низменной-ли мѣстности, или отъ бо́льшаго вниманія, обращавшагося на сады, трава всюду, во дворахъ и скверахъ, сквозила сочнымъ, яркимъ ковромъ, а воздухъ былъ чище.

Глухой, плохо вымощенный и состоявшій почти сплошь изъ заборовъ переулокъ, въ который, наконецъ, повернулъ кучеръ, велъ подъ гору. Ярко зеленѣвшія, опушенныя первою листвою, подымавшіяся изъ-за заборовъ деревья далеко надъ мостовою раскидывали свои вѣтви и, почти смыкаясь съ двухъ противоположныхъ сторонъ, бросали свѣжую и душистую тѣнь.

Послѣднее время всегда случалось такъ, что, подъѣзжая къ дому, Зина Чернова приходила въ особенное, возбужденное настроеніе.

Ей дѣлалось не то что весело, а какъ-то она вдругъ невольно начинала жить исключительно личною жизнью, настоящимъ, тѣмъ, что было здѣсь, что ее ждало и безпокоило. Случилось это и теперь, и усталость, отъ которой у нея слипались глаза и она зѣвала, слушая Ольгу Зарубину, пока та ѣхала съ ней, сразу пере-

стала ею чувствоваться. Она выпрямилась и блестящими глазами смотрѣла кругомъ, полною грудью вдыхая свѣжій воздухъ.

Все это было для нея непривычно. Непривычно было чувство безпокойства, идетъ-ли къ ней шляпа, хорошо-ли сидитъ, не имѣетъ-ли смѣшного вида, и желаніе, чтобы ее видѣли, какъ она теперь въѣзжаетъ во дворъ въ новой кофточкѣ, съ сверткомъ лекцій, и вообще какое-то глухое чувство силы, свободы, веселости и жуткости охватывало ее особеннымъ волненіемъ.

Въ глубинѣ затянутаго травою двора, куда, сдержавъ лошадь, сталъ поворачивать кучеръ, стоялъ одноэтажный, длинный, деревянный домъ, напоминавшій своимъ видомъ барскія хоромы въ старинной и нѣсколько запущенной усадьбѣ, выкрашенный, повидимому, очень давно, въ сѣрую краску, съ бѣлыми ставнями, съ лѣпными украшеніями и гербомъ надъ бѣлыми, плоскими колоннами. Съ одной стороны двора тянулись надворныя постройки—флигеля; съ другой, начинаясь прямо отъ дома, зеленѣлъ высокою стѣною огромный садъ, спускавшійся подъ гору вдоль переулка; покривившаяся калитка была полуоткрыта, и за ней виднѣлась часть темной дорожки и задорная, яркая зелень мелкой травы.

Въ рѣшетчатыхъ и настежь открытыхъ воротахъ стоялъ и смотрѣлъ на улицу деньщикъ, въ драгунской фуражкѣ съ сильно выцвѣтшимъ околышемъ, заложивъ руки назадъ, въ той особенной праздной позѣ, въ которой умѣютъ стоять только солдаты. Увидѣвъ подъѣзжавшую пролетку, онъ повернулъ налѣво кругомъ и, сплюнувъ въ сторону, лѣниво-праздной походкой свободнаго, но нисколько отъ себя не зависящаго, человѣка, пошелъ во дворъ.

Зина оглядывалась кругомъ на садъ съ открытою калиткой и на привѣтливыя окна дома и чувствовала сильное и почти непріятное волненіе.

— Отпрягай,—сказала она, выходя изъ пролетки.

Въ саду слышались голоса и дѣтскій, веселый смѣхъ. Зина съ волненіемъ посмотрѣла туда и спросила, послѣ нѣкотораго колебанія, у деньщика, который медленно шелъ по двору.

— Кузнецовъ, кто у насъ?

Но спросила она это такъ негромко, что деньщикъ не разслышалъ и сказалъ кому-то въ отворенную дверь конюшни:

— Лѣто хочетъ стать, шабашъ! На солнцѣ-то такъ и жжетъ!

Должно быть, и позвонила она тихо, потому что никто не отворялъ, и, постоявъ, она рѣшительно пошла въ садъ.

Подходя къ калиткѣ, она невольно улыбалась и, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, вслухъ проговорила: „какъ хорошо!“ Въ самой ка-

литкѣ на нее почти налетѣлъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ парусинной блузѣ и лѣтнемъ пальто нараспашку, съ разгорѣвшимся, потнымъ лицомъ; за нимъ бѣжали еще два мальчика въ стоптанныхъ сапогахъ и ситцевыхъ рубашенкахъ, изъ „дворовыхъ“, какъ привыкли въ этомъ домѣ, по старинному, называть семьи многочисленной прислуги. Зина взглянула въ садъ, на уходившую въ сквозную чащу деревьевъ дорожку, и убѣдилась, что больше никого нѣтъ.

— Коля, тише!—останавливая мальчика, чтобъ онъ не наскочилъ на нее, сказала она:—куда ты?

Мальчикъ захохоталъ и, выбѣжавъ за калитку, крикнулъ:

— Тутъ домъ, больше нельзя!

Дворовые мальчишки остановились.

— Зина,—задыхаясь, сказалъ мальчикъ въ парусинной блузѣ, съ живыми, хорошенькими глазами: — посмотри, какую я траву нашелъ... Выдержала?—спросилъ онъ вдругъ.

— Выдержала. Ну, что?

— Смотри, у бесѣдки, тамъ ея много... Мишка ее ѣстъ, говоритъ, она такая, что всѣ ѣдятъ. А не щавель, какъ странно! Посмотри!

Онъ задыхался и подалъ Зинѣ пучекъ какой-то травы, которую она взяла. Волненіе ея прошло, и она вся занята была своими мыслями. Она думала о томъ, что рѣшительно не понимаетъ, что съ ней сдѣлалось послѣднее время, что это ни на что не похоже, и что, впрочемъ, ей очень естественно желать видѣть человѣка, съ которымъ у нея были совсѣмъ необыкновенныя отношенія. Она ихъ словами передать не могла, но каждый разъ хотѣла его видѣть, чтобъ и ему, и себѣ доказать, что этихъ особенныхъ отношеній нѣтъ, что ей вообще до него нѣтъ никакого дѣла. Потомъ она подумала, что этотъ господинъ, который ее чѣмъ-то безпокоилъ, скоро уѣдетъ изъ Москвы, и она, можетъ быть, никогда больше не увидитъ его; что ей отчего-то весело, что дядя на-дняхъ подарилъ ей верховую лошадь, что что-то есть новое и пріятное, и что вообще жить хорошо.

Всѣ эти мысли бѣжали въ ея головѣ необычайно быстро. Она передумала объ этомъ въ промежутокъ времени, пока Коля не услышалъ ея отвѣта.

— Не знаю, — сказала она, разглядывая траву,— а только во всякомъ случаѣ не ѣшь ея. Тетя дома?

— Нѣтъ, кажется, ушла съ папа.

— Никого нѣтъ у насъ?

— Никого. А Мишка ѣстъ и Васькѣ далъ. Отчего не ѣсть?

Ты, какъ мама, всего боишься. Ахъ, ужъ вотъ мама, право, даже скучно,—недовольнымъ тономъ зрѣлаго человѣка, морщась, сказалъ Коля:—хоть бы ты ее убѣдила.

— Что такое?

— Да что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, кутаетъ меня, точно я... хуже дѣвочки. Вѣдь скорѣе этакъ простудишься: велѣла пальто надѣть... Жара такая!

И въ доказательство, что ему жарко, Коля постарался, не снимая пальто, какъ-то спустить его съ плечъ и закинулъ голову.

— Нынче вовсе не жарко, градусовъ 16, а въ саду сыро,— идя къ крыльцу, сказала Зина,—пойди, милый, скажи, чтобъ мнѣ отперли, я звонила...—Отчего его нѣтъ?—подумала она.

Коля пошелъ было, но остановился.

— Зина, вѣдь урока не будетъ?—спросилъ онъ испуганно, и лицо его приняло выраженіе готовности къ самозащитѣ:—ты устала, и я не готовилъ.

— Не будетъ, не будетъ. Тебѣ только бы не учиться,—покачивая головой, сказала Зина. Но въ воротахъ показалась щегольская извозчичья пролетка, что-то въ родѣ лихача, и она вдругъ смутилась.

— Кто это?—безцеремонно спросилъ Коля, но тутъ же прибавилъ съ очевиднымъ оттѣнкомъ почтительности и даже нѣкотораго испуга:—графъ Торжицкій!

Зина повернулась къ двери и снова дернула звонокъ. Лицо ея покраснѣло не столько отъ смущенья, сколько отъ страха, и выразило самое юное и неудержимое желаніе убѣжать. Но ей не отпирали, и она сейчасъ же вспомнила, какъ тетка ея постоянно жаловалась на неисправность прислуги.

— Кажется, ихъ не мало, а никого не дождешься,—думала она, тяжело дыша отъ волненія.

Вообще она опять думала и опять чрезвычайно быстро о множествѣ вещей. Удивлялась она очень тому, что ей все время казалось, что они встрѣтятся, и такъ и случилось. (Хотя удивляться было рѣшительно нечему, потому что гость, въѣзжавшій теперь во дворъ, появлялся почти каждый день именно въ это время). Она говорила себѣ, что если ужъ она такъ дурно владѣетъ собой, такъ нельзя съ нимъ оставаться, и что какое право имѣетъ онъ такъ мучить чѣмъ-то ее? Но тутъ же опять съ удовольствіемъ вспомнила, что у нея новая кофточка, что тетка ее увѣряетъ, будто шляпа очень идетъ къ ней, и что на улицѣ, она это знала, она гораздо болѣе походила на женщину, а не на дѣвочку, чѣмъ въ комнатахъ.

Въ пролеткѣ сидѣлъ человѣкъ въ свѣтломъ пальто нараспашку и свѣтлой, съ чернымъ бортомъ, шляпѣ послѣдней моды.

Онъ крикнулъ что-то извозчику, тронувъ его тростью, и, когда тотъ еще не успѣлъ остановить разгорячившагося рысака, на ходу выпрыгнулъ изъ экипажа.

Зина думала: „надо, наконецъ, умѣть отвѣчать *такимъ* людямъ. Это недостойно порядочнаго человѣка... Моя совѣсть вѣдь совершенно спокойна...“

Лицо ея блѣднѣло, и блѣдность эта была видна черезъ вуаль. Господинъ въ пальто, приподнимая шляпу, широкими, самоувѣренными шагами, какъ-то становясь на почти отсутствующіе каблуки сапоговъ съ заостренными и загнутыми носками, подошелъ къ ней. Онъ былъ высокаго роста, худой, юркій и стройный, не смотря на нѣкоторую распущенную сутуловатость. Его лицо, съ сухими и рѣзкими чертами и наглымъ взглядомъ длинныхъ черныхъ глазъ, было правильно и красиво; маленькіе, черные усы и коротко подстриженныя полоски бакенбардъ около ушей придавали ему какое-то особенное выраженіе легкомыслія и нахальства. Благодаря этому выраженію, худобѣ, ловкости и франтоватому, модному платью, онъ казался издали совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, но вблизи, въ лицѣ его, поблекшемъ и блѣдномъ, уже замѣтны были признаки многихъ шумно и весело прожитыхъ годовъ...

Онъ пристально смотрѣлъ черезъ pince-nez, надѣтое безъ шнурка, на Зину, стоявшую около крыльца со сверткомъ лекцій, и не только смотрѣлъ, а какъ-то оглядывалъ ея фигуру и лицо, такъ что она невольно опустила глаза подъ его взглядомъ.

— Ты что же... давно въ саду?—спрашивала она Колю, который не слушалъ ея.

— Просто удивительно, какъ у васъ тутъ хорошо,—рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ и съ чуть замѣтнымъ нерусскимъ акцентомъ сказалъ Торжицкій, крѣпко пожимая руку Зинѣ и наклоняя голову съ темными, коротко подстриженными стоймя волосами.

Маленькій Коля подошелъ и раскланялся съ особенною предупредительностью.

— Здравствуйте, графъ,—сказалъ онъ, краснѣя.

— Здравствуй! Да! вѣдь сегодня мы вмѣстѣ бьемъ... кого? „Черныхъ“ или „красныхъ“?—тряся его за руку, развязно говорилъ гость.

— Красныхъ... Конечно, разобьемъ!—смѣясь, сказалъ мальчикъ.

На порогѣ отворившейся двери появился лакей во фракѣ, и Зина поспѣшно вошла туда.

— Владиміръ Александровичъ дома?—спросила она, но отвѣта не получила и только услышала голосъ лакея: — „Здравствуйте, ваше сіятельство".

Гость вошелъ слѣдомъ за ней и видя, что она не раздѣвается, а только бросила зонтикъ на скамью въ передней, быстро скинулъ пальто.

— Владиміръ Александровичъ дома?—повторила Зина и, не зная, что дѣлать, пошла въ залу.

— Такъ точно. Наверху.

— Скажи, что здѣсь графъ Торжицкій, — проговорила Зина, слыша сзади его шаги.

Она рѣшала вопросъ, что ей надо дѣлать? Уйти или нѣтъ? Не можетъ-ли онъ подумать, что она остается для него и не будетъ-ли странно, если она уйдетъ, оставивъ его одного сейчасъ? Она снова рѣшила: „да вѣдь не стоитъ объ этомъ думать: онъ скоро уѣдетъ изъ Москвы, и я никогда больше его не увижу". Отъ безсонной ночи и волненія голова ея ослабѣла и, не смотря на то, что появленіе этого человѣка испугало ее, а поведеніе его приводило ее въ негодованіе, она чувствовала, что ей трудно уйти. Она прошла залу—большую комнату съ бронзовой люстрой и обитыми старинным штофомъ диванчиками вмѣсто стульевъ—и остановилась передъ столомъ, гдѣ лежали визитныя карточки, у окна. Торжицкій увѣренными шагами подошелъ къ ней.

Онъ молча, чуть-чуть улыбаясь, смотрѣлъ на Зину, на ея фигуру и пучекъ травы, который она все держала въ рукѣ.

— А тети нѣтъ дома, — сказала она, не глядя на него и, бросивъ траву на столъ, начала снимать перчатки.

— Я знаю,—сказалъ Торжицкій, съ шляпою въ рукахъ останавливаясь у окна, и прибавилъ, мелькомъ взглянувъ на зеленѣвшій садъ:—знаете, у васъ тутъ лучше, чѣмъ за-городомъ. Я вернулся сегодня изъ парка въ восьмомъ часу, но меня такъ тянуло сюда...

Говоря это, онъ улыбнулся, открывая бѣлые, крѣпкіе зубы. Улыбка удивительно красила его лицо и совсѣмъ мѣняла его выраженіе. Въ ней было что-то дѣтское и добродушное, что дѣлало его лицо дѣйствительно привлекательнымъ.

Зина замѣтила эту улыбку и быстро взглянула на него. Онъ сталъ серьезенъ и пристально смотрѣлъ въ ея лицо. По лицу ея пробѣжало что-то неуловимое, точно тѣнь какая-то, и грудь тяжело подымалась; она опустила голову и не видала выраженія его глазъ, съ которымъ онъ продолжалъ смотрѣть на нее.

— Можно взять эту траву?—спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, поднялъ со стола пучекъ травы.

Зина сказала: „да, конечно“, но головы не поднимала. Она замѣтно блѣднѣла и выраженіе лица ея, совсѣмъ дѣтское и безпомощное, заставило его опять улыбнуться ласковой, почти нѣжною улыбкой.

Онъ смялъ траву въ своей крѣпкой, сухой рукѣ и поднесъ ее къ лицу.

— Нѣтъ лучше запаха, какъ запахъ простой травы,—совсѣмъ спокойно и просто сказалъ онъ,—ужасно люблю: жизнью пахнетъ. Правда?

Зина была рада тому, что тонъ, которымъ онъ сказалъ это, былъ совсѣмъ простъ, и то, что онъ сказалъ, понравилось ей. Но она ничего не отвѣчала. Близость этого человѣка, безцеремонно говорившаго съ ней и смотрѣвшаго на нее, страшно ее безпокоила.

— Вы съ вашихъ курсовъ?—спрашивалъ Торжицкій.

— Да, съ экзамена.

— Даже съ экзамена!.. Съ какого?

Зина не сразу, сухо проговорила:

— По исторіи.

Торжицкій улыбнулся.

— Вы не хотите со мной, по обыкновенію, разговаривать, а мнѣ очень не хочется уходить. Кто кого возьметъ, какъ вы думаете?—засмѣявшись, спросилъ онъ и продолжалъ, разглядывая ея смущенное лицо:—нѣтъ, серьёзно. Такъ выдержали экзаменъ?

— Выдержала.

— А мнѣ это напоминаетъ такое славное время. Я тогда былъ еще... очень порядочнымъ малымъ, тоже ходилъ на экзамены, слушалъ лекціи и былъ увѣренъ, что изъ меня что-нибудь выйдетъ.

Онъ помолчалъ и лицо его приняло вдругъ рѣшительное и упрямое выраженіе.

— Зинаида Николаевна,—сказалъ онъ, упорно глядя на нее:—вы, пожалуйста, не удивляйтесь тому, что я сказалъ, какъ меня тянетъ сюда и какъ мнѣ здѣсь хорошо...

Зина быстро подняла на него глаза.

— Отчего вы думаете, что это должно меня удивлять? — съ дрожью въ голосѣ сказала она, совершенно не зная, что ей отвѣтить.

Торжицкій, играя пучкомъ травы, молча, смотрѣлъ на нее. Нѣсколько разъ онъ какъ будто хотѣлъ что-то сказать ей и не рѣшался. Лицо его было взволновано и нахально.

— Вы ужасно молоды!—съ какою-то нахальною простотою ска-

залъ онъ и засмѣялся: — я хотѣлъ вамъ сказать, что я столько таскался на своемъ вѣку и столько видѣлъ всякой... Впрочемъ, я, кажется, что-то не то говорю...—все не спуская съ нея глазъ, сказалъ онъ и продолжалъ: — со мной это бываетъ. Зинаида Николаевна, ну, куда же вы?

Зина вдругъ повернулась и пошла изъ залы.

Лицо Торжицкаго сразу все измѣнилось отъ выраженія сдержанной радости и какого-то недовѣрчиваго удивленія. Ему видно было, когда онъ шелъ за ней, чуть-чуть сбоку ея лицо, и онъ замѣтилъ, что щеки ея были страшно блѣдны, гораздо блѣднѣе, чѣмъ тогда, когда она была у окна. Губы его вздрагивали, онъ улыбался и казался смущеннымъ.

— Зачѣмъ вы уходите, Зинаида Николаевна,—говорилъ онъ тихо и твердо, голосомъ, который показывалъ, что ему трудно говорить громко.—Я не знаю, отчего это... я никогда не вижу почти васъ, а когда вижу—вы не говорите со мною. А между тѣмъ, вѣдь всѣ ваши меня знаютъ отлично...

Зина не отвѣчала и не оборачивалась; встрѣтившійся въ дверяхъ залы лакей поспѣшно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посторонился.

— Ваше сіятельство, Владиміръ Александровичъ васъ къ себѣ просятъ,—доложилъ онъ.

— Хорошо,—сказалъ Торжицкій.

Зина жила наверху; тамъ же, но въ другой половинѣ, находилась комната ея двоюроднаго брата. Поэтому идти приходилось вмѣстѣ.

— Зачѣмъ вы себя мучаете этою непосильною работой и ненормальною жизнью,—уже на половинѣ лѣстницы говорилъ Торжицкій: — посмотрите, какъ вы измучены, точно больная. Надо больше владѣть собой...

Зина быстро повернулась съ невольнымъ желаніемъ увидѣть человѣка, который рѣшился сказать ей это. Но они уже были наверху, и Торжицкій спокойно повернулъ въ другую сторону. Въ концѣ корридора, по которому онъ шелъ, не спѣша, слышались молодые, легкіе шаги, смѣшанные со звономъ шпоръ, и появилась фигура молодого офицера въ бѣломъ кителѣ.

— Ну, что, какъ ты послѣ вчерашняго?—развязно и громко спрашивалъ гость.

Въ отвѣтъ Зина слышала взрывъ хохота, отрывокъ фразы, въ родѣ: „голова трещитъ, какъ у чорта“, и голоса заглушила затворившаяся дверь.

V.

У себя въ комнатѣ, Зина, поспѣшно, но не совсѣмъ твердыми шагами, прошла за маленькія, обитыя матеріей ширмы, огораживавшія постель, налила воды изъ графина, стоявшаго на столикѣ, и стала пить глотками. Лицо ея было очень блѣдно, рука дрожала, и она дышала съ трудомъ. Выпивъ воды, она вышла изъ-за ширмъ, бросила на столъ перчатки, стараясь не глядѣть на себя въ зеркало, сѣла на низенькое, мягкое кресло, не раздѣваясь, не снявъ даже шляпы, и закрыла лицо руками.

— Что же это такое?—въ десятый разъ спрашивала она себя и рѣшительно сказала:—да, но ужъ это не шутки.

Всѣ эти дни возможно было сомнѣваться, утѣшать себя тѣмъ, что все это вздоръ, но сегодня стало несомнѣнно, что такъ продолжать больше нельзя. Она ушла отъ него, потому что у нея закружилась голова отъ какого-то опьяняющаго ужаса, который она часто испытывала въ его присутствіи, но который никогда еще не охватывалъ ее съ такою силою. Онъ смотрѣлъ ей въ самые глаза своимъ наглымъ, упорнымъ взглядомъ, говоря ей вещи, которыя ее слишкомъ волновали и пугали, и она вдругъ почувствовала, что оставаться съ нимъ вдвоемъ и выносить его взглядъ она не можетъ, и страхъ, что онъ пойметъ это и увидитъ выраженіе ея лица, заставилъ ее уйти какъ можно скорѣе. Но все это было при немъ, и все это онъ видѣлъ и даже прямо сказалъ ей это. Зина сознавала, что съ ней случилось что-то ужасное. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, сердце ея разрывалось отъ страннаго незнакомаго чувства счастья... „Я слишкомъ много таскался... не удивляйтесь, что меня такъ тянетъ сюда“,—вертѣлось въ ея головѣ,—„къ *вамъ*, онъ сказалъ даже“,—вспоминала она и сомнѣвалась, точно-ли онъ это говорилъ. Никто еще никогда не говорилъ ей ничего подобнаго, и у нея такъ сжималось сердце, точно онъ по-прежнему былъ съ ней, въ этой комнатѣ.

Мать графа Торжицкаго была старинная, давно уже покойная, пріятельница Лидіи Васильевны Черновой, той самой тетки, у которой жила Зина. Въ этомъ домѣ съ бѣлыми колоннами и садомъ онъ бывалъ и въ дѣтствѣ, и въ студенческіе годы, и пріѣхалъ сюда съ визитомъ теперь, сейчасъ же по своемъ прибытіи изъ-за границы, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ. Не смотря на значительную разницу возрастовъ, Торжицкій очень быстро сошелся на „ты“ съ Володей, сыномъ Лидіи Васильевны, молодымъ офицеромъ, служившимъ въ мѣстномъ кавалерійскомъ полку, вступилъ съ нимъ въ

дружбу и заѣзжалъ къ Черновымъ безпрестанно. Репутація его была извѣстна всѣмъ, его знавшимъ, и у Черновыхъ говорилось о немъ много прежде, чѣмъ онъ появился въ ихъ домѣ. Прежде, чѣмъ увидѣть его, Зина почти знала его; знала о его безалаберной жизни празднаго и богатаго человѣка; о его женитьбѣ на дѣвушкѣ, которая, говорятъ, страстно его любила и которую всѣ жалѣли; о томъ, что онъ бросилъ жену и имѣвшагося отъ нея сына и проводилъ время то за границей, то, изрѣдка, въ своихъ имѣніяхъ въ Россіи. О немъ отзывались довольно единодушно, что онъ богатъ, не глупъ, образованъ и „славный малый", не смотря на всю безнравственность. Больше же всего и съ наибольшимъ интересомъ говорили о главномъ свойствѣ этого человѣка—колоссальномъ успѣхѣ его у женщинъ. Разсказы про всевозможные романы, затѣваемые имъ, и скандалы, ихъ сопровождающіе, про то, какая барышня отравилась изъ-за него и какая женщина разошлась съ мужемъ, передавались въ изобиліи и служили нерѣдко темою разговоровъ и споровъ о томъ, можно-ли назвать его порядочнымъ человѣкомъ. Тетка Зины при этомъ откровенно сознавалась, что не будь онъ сынъ графини Торжицкой, которая очень любила ее и которую она глубоко уважала, и не знай она его съ дѣтства, она никогда не приняла бы къ себѣ въ домъ этого безпутнаго и испорченнаго малаго. Но мужъ ея, генералъ въ отставкѣ, Александръ Григорьевичъ Черновъ, былъ другого мнѣнія и находилъ, что съ нимъ дѣтей не крестить и что нельзя *такъ* разбирать людей, что онъ уменъ и съ нимъ весело. Какъ бы то ни было, а графъ Торжицкій былъ гостепріимно принятъ въ домѣ Черновыхъ, и Зинѣ, занятой съ утра до ночи, всей погруженной въ интересы курсовъ, въ семинаріи и рефераты, живущей одною надеждою приняться со временемъ за настоящее „дѣло", къ которому она себя готовила, казалась несносною необходимость встрѣчаться и говорить съ человѣкомъ, съ которымъ у ней не было рѣшительно ничего общаго, который самымъ своимъ существованіемъ, самою своею жизнью оскорблялъ все то, во что она вѣрила и чѣмъ жила. Все это было вполнѣ естественно и она старательно увѣряла себя въ этомъ.— „Я и безъ того такихъ господъ здѣсь слишкомъ много вижу",— говорила она себѣ. Но она ошиблась: такого она еще не видала.

Она почему-то почувствовала это, какъ только онъ вошелъ въ домъ. Это было на Ѳоминой. Она вернулась съ курсовъ и, снявъ пальто, усталая, торопясь, сѣла въ залѣ, чтобъ проглядѣть записанную лекцію.

Въ домѣ никого не было, а она такъ устала, что идти наверхъ

не хотѣлось. Но графъ Торжицкій вмѣстѣ съ Володей подъѣхали и, замѣченные лакеемъ, безъ звонка вошли въ залу. Волей-неволей пришлось поздороваться. Она, впрочемъ, не сказала ни слова съ гостемъ, который очень не понравился ей, и скоро ушла, собравъ тетрадки. Франтоватый видъ гостя раздражалъ ее. При немъ она сильнѣе почувствовала, что дурно одѣта, можетъ быть смѣшна и не похожа на „настоящую женщину", которыхъ онъ былъ такой знатокъ... Это чувство и впослѣдствіи не оставляло ея. Каждый разъ, при встрѣчахъ съ нимъ, поражалъ и раздражалъ ее видъ Торжицкаго—моложавое, красивое лицо и въ особенности это удивительное самообладаніе, самоувѣренность и спокойное-довольство собой. Въ этомъ было главное отличіе его отъ другихъ людей, которыхъ она встрѣчала въ этомъ домѣ: тѣхъ она презирала; этотъ же хотя и имѣлъ всѣ данныя, чтобы она презирала его, но то, что заслуживало въ немъ въ ея глазахъ презрѣніе, безпокоило ее. Ей какъ будто безсознательно казалось, что, стало быть, въ немъ есть что-то особенное, если онъ такъ спокоенъ и доволенъ собой и такъ въ себя вѣритъ. То же самое, очевидно, думали и другіе. Сразу случилось такъ, что въ домѣ Черновыхъ, гдѣ съ утра до вечера толклась молодежь и всякаго рода люди, по большей части вполнѣ праздные, онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ и занялъ даже почетное мѣсто. Онъ говорилъ громче другихъ, шутилъ развязнѣе и остроумнѣе и принялъ со всѣми нѣсколько покровительственный тонъ. Товарищи Володи, офицеры и студенты-лицеисты, смотрѣли на графа Торжицкаго съ особеннымъ уваженіемъ и имѣли такой видъ, точно все время чего-то ждали отъ него. Можетъ быть, и было чего ждать, потому что послѣ появленія его въ Москвѣ Лидія Васильевна все время приходила въ ужасъ отъ непозволительно позднихъ, скорѣе даже раннихъ возвращеній своего сына домой и отъ глухихъ разсказовъ про грандіозные кутежи, о которыхъ, разумѣется, не разсказывалось и половины. Но сама Лидія Васильевна смотрѣла на графа Торжицкаго и слушала вздоръ, который онъ говорилъ, съ улыбкой, какая появляется у взрослыхъ при взглядѣ на балованнаго, но милаго ребенка; Володя былъ, какъ женщина, влюбленъ въ него; маленькій Коля краснѣлъ, когда онъ съ нимъ заговаривалъ, и боялся за всякую свою фразу... Словомъ, успѣхъ былъ полный.

Зина почти никогда не говорила съ Торжицкимъ, и всѣ знали, что она вовсе не раздѣляетъ общаго восхищенія; но когда она приходила сверху отъ своихъ лекцій съ утомленной головой, биткомъ набитой собственными именами и годами, его взглядъ, ко-

торый онъ бросалъ на нее со своего мѣста изъ-за карточнаго или обѣденнаго стола и который не выражалъ ничего, кромѣ добродушнаго, почти наивнаго любопытства, смущалъ и оскорблялъ ее больше, чѣмъ всѣ насмѣшки, которыя ей приходилось выносить дома за свою насильственно созданную, идущую въ разладъ со всѣми остальными членами семьи, жизнь. Она боялась того, что дядя начнетъ съ наивнымъ видомъ свои обычные разспросы объ ея занятіяхъ и объ ихъ цѣли, что она не съумѣетъ защитить своего дѣла, что она смѣшна со своими лекціями и экзаменами...

„Гадкое, самодовольное лицо“, думала она, придя послѣ такихъ встрѣчъ снова за свой письменный столъ и глядя на тонкое пламя свѣчи: „чѣмъ онъ живетъ, я хотѣла бы знать, во *что*?“ А какой-то другой, внутренній голосъ, совсѣмъ противъ ея воли, спрашивалъ: „неужели онъ думаетъ, что и я то же, что эти... наши, въ кожаныхъ поясахъ?“...

Но какъ-то разъ послѣ обѣда, когда къ Черновымъ зашелъ графъ Торжицкій и его родственникъ по женѣ, пріятель Володи, адъютантъ Кротковъ, извѣстный своимъ умѣньемъ пѣть цыганскія пѣсни и играть „по-цыгански“ на гитарѣ, Зина рѣшилась пѣть, не смотря на присутствіе незнакомаго и непріятнаго человѣка. У нея былъ недурной голосъ, который хвалили, но которымъ она не занималась, потому что было некогда, и потому что она считала это слишкомъ безполезною тратою времени. Они пѣли всякій вздоръ, сантиментальный и одуряющій, цыганскія пѣсни и разные легонькіе, старинные и новые романсы, но подъ вліяніемъ этого пѣнія, звуковъ гитары и наступившей весны всѣ были въ восторгѣ отъ пѣнія и пришли въ какое-то безсмысленно-поэтическое настроеніе. И въ первый разъ графъ Торжицкій совсѣмъ не такъ, какъ прежде, заговорилъ съ ней. Это было въ сумеркахъ, когда лампы еще не зажигали, и гости вмѣстѣ съ Володей собирались куда-то уходить. Онъ подошелъ къ ней и совсѣмъ просто, смѣясь, говорилъ съ ней о пѣніи, объ увлеченіи, съ которымъ поетъ Кротковъ, спрашивалъ, трудно-ли играть на гитарѣ и просилъ поучить его. И ей вдругъ, неизвѣстно отчего, сдѣлалось хорошо и весело. Онъ сталъ бывать у нихъ чаще, и какъ-то въ другой разъ, тоже вечеромъ и тоже тогда, когда онъ взялъ уже шляпу, чтобы уѣхать, онъ подошелъ къ окну, около котораго она стояла и, присѣвъ на подоконникъ, сталъ жаловаться на то, что Володя, по обыкновенію, уводитъ его отъ нихъ. Говоря это, онъ странно пристально и серьезно посмотрѣлъ на нее. Его упорный взглядъ охватилъ все лицо ея, губы, лобъ, виски и остановился опять на гла-

захъ. Ей стало вдругъ неловко и жутко отъ этого взгляда и отъ того, что онъ былъ подлѣ нея, и чувство, незнакомое и страшное своей новизной, испугало ее до блѣдности лица. Она отвернулась отъ него и отошла отъ окна, заговоривъ съ кѣмъ-то, кто тутъ былъ. Онъ засмѣялся, всталъ и тоже отошелъ.

Съ этой минуты началось то странное и новое въ ихъ отношеніяхъ, что ее такъ безпокоило. Онъ говорилъ съ ней обыкновенно тогда, когда ихъ никто не могъ слышать, и, когда говорилъ, шутки до такой степени были перемѣшаны съ серьезнымъ, что она ничего не понимала. При другихъ онъ былъ съ ней особенно почтительно вѣжливъ, почти остороженъ, какъ будто никого такъ глубоко не уважалъ, какъ эту молоденькую, только что начавшую жить дѣвушку, занятую по горло своимъ дѣломъ, ради этого дѣла отказавшуюся отъ развлеченій „свѣтской жизни“, въ которую непремѣнно хотѣла сначала вовлечь ее тетка. Онъ пріѣзжалъ то и дѣло въ домъ Черновыхъ, гдѣ съ наступленіемъ весны было особенно хорошо, и его встрѣчали съ искреннимъ удовольствіемъ. Никто ничего не замѣчалъ и не говорилъ Зинѣ.

Никто, очевидно, не сомнѣвался въ томъ, что между нею и этимъ шалопаемъ, случайно попавшимъ въ Москву, не могло быть никакихъ сложныхъ и запутанныхъ отношеній. И Зина ни у кого не могла спросить совѣта.

Но нынче это перешло всѣ предѣлы...

VI.

Зина сама не знала, сколько времени она просидѣла, почти не двигаясь отъ чувства утомленія и слабости, которое не могло быть только слѣдствіемъ экзамена, и еще болѣе отъ сознанія, что графъ Торжицкій находится здѣсь, на верху, за нѣсколько комнатъ отъ нея... Это чувство его присутствія особенно болѣзненно стѣсняло ее. Она знала, что, если отворить дверь, до нея долетятъ звуки голосовъ, Володи и его, и прислушивалась.

Окно у нея было открыто, и струя чистаго воздуха то и дѣло волною достигала до нея, подымая медленно маленькую занавѣску и принося крѣпкій запахъ березки, нѣсколько вѣтокъ которой стояли на подоконникѣ въ бутылкѣ съ водою.

— Да, да, знаю, въ семь часовъ,—услышала она рѣзкій, знакомый голосъ на лѣстницѣ.

Зина знала, что гость, уходя, говорилъ о томъ, что будетъ здѣсь послѣ обѣда, и, не смотря на утѣшеніе, которое все время

повторяла себѣ, что онъ скоро уѣдетъ изъ Москвы, не огорчилась этимъ извѣстіемъ. Ей только стало еще болѣе жутко.

— „Но вѣдь это вздоръ... Что же это? Вѣдь не могу же я любить его?“—подумала она, вставая и быстро подходя къ окну:— „Какъ любить? кого? Что я такое говорю?“

Володя, давно собиравшійся показать ея лошадь Торжицкому, коннозаводчику и страстному охотнику и цѣнителю лошадей, пошелъ съ нимъ въ конюшню. Зина видѣла ихъ, и ей вдругъ нестерпимо захотѣлось присутствовать тамъ. Она подумала, что это хорошо, если барышня пришла къ *своей* лошади и будетъ спрашивать совѣтовъ о ней, что даже это будетъ любезно по отношенію къ дядѣ, который ей подарилъ лошадь, но удержалась.

— Какія глупости... хоть бы поскорѣе это кончилось,—подумала она, слыша мягкіе, знакомые шаги своей нянюшки за дверью, и быстро отходя отъ окна.

Марѳа Андреевна, высокая, благообразная старушка, повязанная темнымъ платкомъ, встрѣтила ее добродушной, ласковой улыбкой на мягкихъ губахъ, складомъ своимъ обличавшихъ недостатокъ зубовъ.

— Здравствуйте, матушка, что, благополучно-ли?—спросила она съ тѣмъ умиротворяющимъ спокойствіемъ въ голосѣ, какимъ обладаютъ только нянюшки.

И Зина невольно улыбнулась.

— Ничего, няня.

— Ну, слава Богу. Что-жъ, неужели опять съизнова начнете?— спросила Марѳа Андреевна, слегка наморщивъ свое старое лицо отъ непріятнаго предположенія.

— Какъ съизнова?—спросила, въ свою очередь, Зина.

— Неужели опять экзаментъ держать станете?

Зина засмѣялась.

— Да, еще одинъ остался.

— О, Господи Батюшка... Не дождешься, когда эта канитель кончится.

У Марѳы Андреевны была неизмѣнная привычка что-нибудь прибирать, когда она входила въ господскую комнату, гдѣ считала неудобнымъ стоять сложа руки. Если прибирать было нечего, она переставляла предметы съ мѣста на мѣсто, а иногда вытирала ихъ фартукомъ. Она было принялась за это дѣло и теперь и сдунула пыль съ портрета суроваго, усатаго старика, стоявшаго въ плюшевой рамкѣ на письменномъ столѣ, но увидѣла перчатки, шляпу и кофточку, которыя сняла Зина, и забрала ихъ.

Зина, которой всѣ движенія и пріемы нянюшки были знакомы до мельчайшихъ подробностей, смотрѣла на нее съ улыбкой, и ей тотчасъ пришло въ голову, какъ было бы хорошо, если бы Торжицкій былъ тутъ и слышалъ то, что она сказала. Ей казалось, что онъ непремѣнно понялъ бы и оцѣнилъ это. И тотчасъ опять стало совѣстно своихъ мыслей, и страшно.

Она послѣдовала примѣру Марѳы Андреевны и принялась приводить въ порядокъ свою комнату, носившую еще нѣкоторые признаки безсонной и утомительной ночи. Признаки были въ развернутыхъ листахъ лекцій на письменномъ столѣ, до которыхъ Марѳа Андреевна боялась дотронуться, въ забытомъ конспектѣ, возбуждавшемъ въ Зинѣ нѣкоторое подобіе грусти, какъ роль актера послѣ спектакля, и въ парѣ еще неубранныхъ подсвѣчниковъ съ совершенно догорѣвшими свѣчами. Комната съ мягкою, простого фасона, мебелью, обитою, какъ и ширмы, темною матеріей, съ книжнымъ шкафомъ, этажеркой, заваленной лекціями и тетрадями, съ портретами двухъ-трехъ писателей по стѣнамъ, напоминали больше мужской кабинетъ, чѣмъ жилище двадцатилѣтней дѣвушки. Общій порядокъ нарушалъ только маленькій, покрытый бѣлою скатертью, столъ съ зеркаломъ, служившій туалетомъ, да узкая, старинная гитара, съ полинялою ленточкой на колкахъ, валявшаяся на диванѣ.

— Завтракъ готовъ, разогрѣвали, — замѣтила нянюшка: — что-жъ вы кушать нейдете?

Зина подумала.

— Я не хочу. Принеси мнѣ, пожалуйста, чаю.

— Какъ угодно. Березку это я вамъ поставила. Для запаху,—на ходу поправляя бутылку, сказала Марѳа Андреевна.

— Спасибо.

Въ сосѣдней комнатѣ снова раздались шаги и бряцанье шпоръ, и Зина съ безпокойнымъ оживленіемъ поглядѣла на дверь.

— Можно къ тебѣ?—спросилъ молодой, немного охрипшій голосъ.

— Можно, иди,—сказала Зина.

Володя Черновъ, проводивъ гостя, съ папиросой въ рукѣ, зашелъ къ кузинѣ.

Это былъ стройный, молоденькій мальчикъ, очень недурной собой, съ успѣвшимъ уже загорѣть лицомъ и крошечными, темными, старательно закрученными усиками.

Неимовѣрно узкіе, синіе рейтузы и короткій кавалерійскій китель съ офицерскими погонами и пуговицами плотно охватывали его молодую, гибкую фигуру. Онъ шелъ не спѣша, мягко

погромыхивая маленькими, едва замѣтными шпорами, и очевидно еще не придумавъ, что съ собою дѣлать въ данную минуту.

Глядя на его старательно вымытое, чистоплотное и свѣжее, но какъ будто слегка потолстѣвшее лицо, Зина вспомнила тотчасъ нынѣшнюю ночь, скорѣй уже день, когда она, совсѣмъ измученная, безъ свѣчи, дочитывала слипавшимися глазами послѣдній листъ. Ее испугали черезчуръ смѣлые, для такого часа, шаги ея двоюроднаго брата, раздавшіеся по лѣстницѣ вслѣдъ за отдаленнымъ звонкомъ и еще чьи-то шаги, осторожные, но тяжелые. Потомъ въ сосѣдней комнатѣ, куда выходила лѣстница, загремѣлъ стулъ, и голосъ деньщика торопливымъ и испуганнымъ шепотомъ произнесъ:

— Ваше благородіе, не зацѣпитесь. Дозвольте, я проведу...

Ей было при этомъ воспоминаніи немножко гадко и смѣшно, но она хотѣла удержать брата и боялась ссоры съ нимъ, поэтому только улыбнулась.

— А у меня сейчасъ былъ Торжицкій,—заговорилъ офицеръ развязно громкимъ голосомъ, улыбаясь на сестру живыми глазами.

— Я знаю, — сказала Зина и повторила уходившей Маріѣ Андреевнѣ просьбу принести чаю. Она устала и не сѣла, а почти легла на низенькій и широкій диванчикъ.

— А мнѣ вели подать сельтерской воды,—строго и увѣренно сказалъ Володя и сѣлъ въ кресло.

Марѳа Андреевна остановилась въ дверяхъ и посмотрѣла на него своими старческими, смѣющимися глазами.

— Что, батюшка, сельтерской водицы захотѣли? Болитъ, должно быть, головка-то?—спросила она и засмѣялась лукаво-добродушнымъ и неодобрительнымъ смѣхомъ.

Володя быстро обернулся.

— Что такое?

Но Марѳа Андреевна ужъ ушла, смѣясь и качая головой.

— Идіотка!—сказалъ Володя, но то же улыбнулся лѣнивою усмѣшкою человѣка, сознающаго свою вину, но нисколько въ ней не кающагося.

— Верхомъ завтра ѣдемъ?—спросилъ онъ, пуская кверху дымъ папиросы.

— Ахъ, да, отлично, поѣдемъ пожалуйста,—тотчасъ оживляясь, сказала Зина.

— Сейчасъ твою Фаворитку показывалъ... А ты знаешь, я, можетъ быть, скоро скакать буду.

— На какой же лошади?

— Торжицкому привели съ завода, продажный. Чудо!

— Это, о которой всѣ говорятъ теперь?

— Да, Вандикъ.

Черновъ помолчалъ, пощипывая усы, хмурясь и о чемъ-то думая.

— Если бъ у меня были деньги, конечно, она бы за мной осталась,—взволнованно и серьезно сказалъ онъ:—но жить въ такомъ положеніи... Ты понимаешь, это чортъ знаетъ что такое... Лошадь, которую меньше чѣмъ за полторы тысячи нельзя купить... онъ мнѣ ее отдаетъ за треть цѣны. Онъ говоритъ, что и деньги, когда угодно, что объ этомъ нечего говорить. Но не могу же я ее такъ взять? Вѣдь это, наконецъ, не дѣлается... И одного нытья не оберешься. И потомъ у меня сейчасъ ни копѣйки, кромѣ долговъ... Не виноватъ же я, въ самомъ дѣлѣ, что папа ни во что не входитъ. Хозяйство все брошено... Харьковскій управляющій скоро наше же имѣніе за долги купитъ. Отъ мамы только и слышишь, что она не знаетъ, какъ концы съ концами сводить...

Зина думала о томъ, что дядя только что подарилъ ей лошадь, купленную, правда, по случаю и не дорого, и держалъ для этого человѣка, и ей было неловко и непріятно.

— Вѣдь у тебя есть лошадь?—замѣтила она.

— Ты ничего не понимаешь. Еще бы у меня не было лошади, когда я въ кавалеріи служу... Лошадь, на которой на смотръ совѣстно выѣхать. Я не пѣхотный адъютантъ.

Разговоръ, видимо, задѣлъ его за живое. Онъ покраснѣлъ и сердился.

— Конечно, не будетъ денегъ, когда полонъ домъ народу и сорокъ семействъ содержатъ,—продолжалъ онъ:—устроили цѣлую богадѣльню.

— Ну, ужъ послушай, Володя, для того, чтобы тебѣ покупать англійскую лошадь, безъ которой ты отлично можешь обойтись, не гнать же цѣлыя семьи на улицу? Этого еще не доставало...

— Ну, да, я знаю, ты еще съ своимъ сумасбродствомъ!—сказалъ Черновъ и всталъ:—пожалуйста, ужъ оставь меня въ покоѣ съ своими идеями.

Зина презрительно улыбнулась.

— Я вотъ начну выдавать векселя, и все. Пускай тогда расплачивается!—съ дрожью въ голосѣ, краснѣя и сердясь, сказалъ онъ.

Такое намѣреніе однако ободрило и успокоило его. Онъ прошелся и сѣлъ опять.

— Владиміръ Александровичъ, сельтерскую воду куда прикажете? — спросилъ голосъ лакея за дверью.

— Ко мнѣ подай,—сердито отозвался Черновъ.

— Завтра Торжицкому нельзя, а какъ-нибудь онъ тоже съ нами поѣдетъ,—сказалъ онъ уже спокойно.

Зина ничего не отвѣтила, взяла гитару, издавшую слабый и блѣдный звукъ, и стала вертѣть ленточку, привязанную къ колкамъ.

— Ну, ужъ ѣздокъ! Я такого не видалъ,—продолжалъ Володя и вдругъ вспомнилъ:—ахъ, да, вѣдь ты экзаменовалась! Выдержала?

— Да.

— Сколько?

— Не знаю.

— Какъ? Ну, ужъ это чортъ знаетъ что такое! Придти съ экзамена и не знать балла! У насъ подсылали удальцовъ, такъ тѣ ключи подбирали, чтобъ отмѣтки видѣть... Да ты, можетъ быть, провалилась?

— Можетъ быть,—сказала Зина и засмѣялась.

— Нѣтъ, ужасъ, какъ глупо!..

Володя всталъ и подошелъ къ зеркалу.

— Что у меня нынче очень скверная физіономія?—съ видимымъ удовольствіемъ спросилъ онъ, глядясь и охорашиваясь: —Торжицкій говоритъ, что скверная, но онъ думалъ, что хуже!—прибавилъ онъ, хохоча.—Я нынче вернулся... да самъ не помню хорошенько когда, а въ десять ужъ былъ въ казармахъ. И видишь—хоть на балъ, а ты лежишь и ни на что не похожа.

— Еще бы, при твоихъ полезныхъ трудахъ!

— Ужъ, конечно, поважнѣе твоего вздора,—сказалъ Володя, мелькомъ заглядывая въ лежавшую на столѣ французскую книгу, какую-то исторію и направляясь къ двери:—вотъ будешь только всю жизнь за своими лекціями сидѣть...

Слова его, какъ нельзя болѣе, задѣли Зину. Она перемѣнилась въ лицѣ и хотѣла что-то возразить, но уже, когда онъ вышелъ, сказала: „спасибо за заботливость“, почти про себя.

Разговоръ съ Володей привелъ ее въ дурное настроеніе. Все, что онъ говорилъ, было непріятно, и непріятенъ былъ его тонъ, въ которомъ она все время узнавала графа Торжицкаго, служившаго съ перваго дня знакомства предметомъ подражанія молодому Чернову. Самое же худшее было то, что она говорила съ нимъ, и хотѣла, чтобъ онъ пришелъ. Зина знала, что прежде этого не было бы, что онъ никогда не сталъ бы высказывать ей своихъ желаній и безпокойствъ и не произнесъ бы такъ увѣренно разсердившей ее фразы. За послѣднее же время вся жизнь какъ-

то вдругъ повернула въ другую сторону, вмѣстѣ съ этою безпокойной весной: и ѣзда верхомъ, и пѣніе хоромъ, и эти праздные, безсмысленные вечера въ саду... Зинѣ хотѣлось спать, и глаза закрывались противъ ея воли. Передъ ней, въ коричневой темнотѣ, все время стояло лицо Торжицкаго, а иногда пестрѣла толпа курсистокъ. Она думала о Краюхиной и о томъ, какая страшная разница между ея желтовато-блѣднымъ лицомъ и сытою красотою Торжицкаго.

— Вотъ бы, съ точки зрѣнія утилитарной философіи, доказать этому господину, что Краюхина на своемъ четвертомъ этажѣ, съ мечтами сдѣлаться писцомъ, *счастливѣе* его, потому что *лучше* его живетъ,—думалось ей.

К. Ельцова.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

6-го ноября исполнилось ровно сто лѣтъ со дня смерти Императрицы Екатерины II. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ вспомнить о томъ времени, которое очень долго считалось золотымъ вѣкомъ русской исторіи, даетъ поводъ остановиться на характеристикѣ женщины, которая своимъ современникамъ представлялась лишь «по виду смертной», а по своимъ подвигамъ—«рожденной въ горьнихъ», казалась имъ «яркой планетой среди мелькающихъ звѣздъ», «великой, несравненной, неподражаемой». За сто лѣтъ, которыя прошли съ того времени, впечатлѣніе, бывшее результатомъ непосредственнаго, личнаго обаянія Екатерины, значительно уменьшилось. Позднѣйшіе изслѣдователи, не испытавшіе на себѣ этого обаянія, отнеслись къ фактамъ ея царствованія болѣе объективно. Уже Добролюбовъ заявилъ, что для оцѣнки дѣятельности Екатерины II «нужны не диѳирамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени во всей ихъ полнотѣ». Несомнѣнно, однако, что такой оцѣнки этой дѣятельности мы не имѣемъ еще и въ настоящее время. Причины такого явленія заключаются въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ условій, какъ нашего прошлаго, такъ и настоящаго, главнымъ же образомъ въ томъ, что мы не обладаемъ еще всей совокупностью фактовъ, не обладаемъ еще необходимымъ для этого количествомъ матерьяла. Нельзя сказать, конечно, чтобы мы не имѣли никакого представленія объ Екатеринѣ. Съ каждымъ годомъ, съ появленіемъ каждаго новаго документа, каждаго новаго изслѣдованія, ея личность все больше и больше выдвигается изъ облаковъ ѳиміама, которымъ окружили ее современники, освобождается отъ орсола и волшебнаго сіянія и становится все болѣе и болѣе естественной, реальной, обыкновенной.

Екатерина II, бывшая принцесса Ангальтъ-Цербтская Софія-Фредерика-Августа, родилась 21 апрѣля 1729 года и выросла въ Штетинѣ, какъ дочь губернатора этого города. Такимъ образомъ, самое рожденіе поставило ее въ очень скромную обстановку, сравнительно съ той ролью, которую ей готовила судьба въ будущемъ. Правда, въ это время юная принцесса, ставшая впослѣдствіи великой и знаменитой, не обнаруживала никакихъ особенныхъ качествъ, которыя бы заставили подозрѣвать въ ней какіе-либо недюжинные таланты. «На моихъ глазахъ,—говорила о ней баронесса фонъ-Принценъ:—она родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я

сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать, будто знаю ее лучше, чѣмъ кто-либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено было «пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала». Но та же баронесса не могла не замѣтить, что уже въ свои юные годы принцесса проявляла «умъ серьезный, разсчетливый и холодный, столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ»... Нельзя сказать также, чтобы во время своего пребыванія въ Штетинѣ Екатерина получила серьезное образованіе. Г-жа Кардель, которой поручено было ея образованіе, читала съ ней комедіи Мольера, наставникъ Вагнеръ былъ, по отзыву самой Екатерины, дуракомъ и скучнымъ педантомъ, а французскій эмигрантъ, кальвинистъ Лоранъ, хотя и «былъ дуракомъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки каллиграфіи». Такой странный подборъ воспитателей и учителей объясняется, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что мать Екатерины совершенно не заботилась объ ея развитіи и надлежащемъ образованіи. Такимъ образомъ. Екатерина совершенно не готовилась къ тому, чтобы стать во главѣ государства, въ качествѣ жены русскаго императора. Изъ своего маленькаго Штетина она увозила только привычку къ культурной европейской жизни да скромный и не особенно хитрый принципъ: стараться нравиться, по возможности, рѣшительно всѣмъ или въ крайнемъ случаѣ большинству, ни во что рѣшительно не вмѣшиваться и избѣгать всякаго рода политическихъ интригъ. Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, родѣ далъ ей инструкцію передъ отправленіемъ ея въ Россію ея отецъ.

Первыя впечатлѣнія, какія она получила при ознакомленіи съ русскимъ дворомъ, не заставили ея раскаяваться и показали, что достичь чего-либо она будетъ въ состояніи не иначе, какъ наблюдая самую тщательную осторожность и осмотрительность. Съ первыхъ же дней начались разнаго рода столкновенія то съ матерью, которая нерѣдко обнаруживала совершенное непониманіе интересовъ дочери, то съ императрицей, которая вскорѣ начала выказывать нѣкоторое недовѣріе къ молодой принцессѣ, то съ женихомъ, который, повидимому, былъ совершенно не склоненъ любить и уважать свою невѣсту. Особенно серьезно заставлялъ ее задуматься послѣдній, и, нужно отдать справедливость Екатеринѣ, она, не смотря на свой пятнадцатилѣтній возрастъ, съумѣла сразу же, безъ посторонней помощи, оріентироваться въ новой обстановкѣ, сразу же опредѣлить ту роль, какую ей нужно было играть. «Уже тогда, въ это хорошее время,—пишетъ она:—я увидѣла и поняла, что Петръ III мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ и что былъ очень ребячливъ...» Тогда же Петръ III объяснилъ своей будущей невѣстѣ, что онъ влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ, что онъ охотно бы женился на этой фрейлинѣ, но что го-

товъ жениться на ней, такъ какъ этого желаетъ тетка. «Я краснѣла, слушая эти изліянія,—говоритъ Екатерина:—и благодарила его за предварительную довѣренность, но въ глубинѣ души я не могла не дивиться его безстыдству и непониманію многихъ вещей».

Такимъ образомъ, Екатерина, стоявшая по своему развитію гораздо выше своего жениха, сразу же замѣтила всѣ недостатки своего будущаго мужа, сразу же поняла, къ какимъ результатамъ могутъ эти недостатки привести. Со свойственнымъ ея характеру холоднымъ разсчетомъ она сообразила всѣ обстоятельства и, не стѣсняясь средствами, начала стремиться къ доставленію себѣ болѣе или менѣе прочнаго и выгоднаго положенія. Прежде всего она постаралась научиться русскому языку и ознакомиться съ началами православнаго церковнаго ученія. Въ этомъ отношеніи ей не пришлось испытывать той нравственной борьбы, которой такъ боялся ея отецъ. Однажды, когда она заболѣла опасно, и мать ея хотѣла было призвать къ ней лютеранскаго пастора, она сказала: «Зачѣмъ же? Позовите лучше Симона Тодорскаго, я охотно поговорю съ нимъ». Разсказывая объ этомъ эпизодѣ, Екатерина прибавляетъ: «Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу, какъ императрицу, такъ и весь дворъ»...

Вышедши замужъ, она не долго ужилась съ мужемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти столь мало подходившіе другъ къ другу супруги совершенно разошлись ко взаимному удовольствію. Петръ, интересовавшійся фрейлинами, игрушками и прислугой, былъ радъ, что избавился отъ общества жены, а жена, въ свою очередь, радовалась, что избавилась отъ общества мужа. Это открыло ей обширный досугъ. Еще раньше на книги Екатерина смотрѣла, какъ на средство забыться отъ впечатлѣній окружавшей ее тяжелой обстановки. «Когда онъ уходилъ,—говорила она о мужѣ,—самая скучная книжка казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ». Теперь же всѣ свои досуги она наполняла чтеніемъ. Въ одной шутливой эпитафіи, которую Екатерина написала себѣ въ 1778 году, она признается, что въ 18 лѣтъ скуки и уединенія, т.-е замужества, она поневолѣ прочла много книгъ; этими книгами сначала были романы, потомъ были прочтены письма госпожи Севинье, нѣсколько историческихъ книгъ, записки Брантома, словарь Беля и цѣлый рядъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ по своему содержанію, книгъ. Болѣе систематичнымъ чтеніе Екатерины сдѣлалось послѣ того, какъ она прочла случайно попавшіяся ей подъ руку сочиненія Вольтера, что совпало съ рожденіемъ Павла Петровича. Давъ Россіи наслѣдника престола, Екатерина исполнила свою главную задачу. Съ этого времени на нее совершенно перестали обращать вниманіе, и досуги ея отъ этого сдѣлались гораздо больше. «Могу васъ увѣрить,—писала она Вольтеру,—что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно многимъ вамъ обязана. До того я читала одни романы, но

случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько-же пользы...» Вольтеръ, давшій европейскимъ монархамъ вполнѣ обоснованную теорію просвѣщеннаго абсолютизма, сдѣлался съ этихъ поръ ея учителемъ. Монтескьё сталъ ея «молитвенникомъ». Также, какъ Фридрихъ II прусскій, говорившій, что вся дѣятельность государей должна заключаться лишь въ точномъ выполненіи предначертаній философовъ, Екатерина вѣрила въ глубокое значеніе философскихъ идей, старалась проникнуться ими, усвоить себѣ ихъ вполнѣ. Такимъ образомъ, выросшая въ Европѣ, много въ своей жизни путешествовавшая, прекрасно знакомая съ европейской культурой, Екатерина довершила свое образованіе тѣмъ, что усвоила себѣ взгляды и теоріи передовыхъ европейскихъ умовъ. Готовясь возложить на себя со временемъ русскую корону, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ готовилась стать рядомъ съ такими просвѣщенными монархами, какъ Фридрихъ II прусскій, Густавъ III шведскій, Іосифъ II австрійскій и другіе. Подобно имъ, она ставила своимъ девизомъ salus populi suprema lex. О такомъ настроеніи будущей императрицы какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ мысли, которыя она любила по временамъ заносить въ свои записки. «Желаю и хочу,—писала она,—только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать»... «Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь...» «Свобода—душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ; не хочу забавъ; хочу общей цѣли—сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, чудачества или жестокости...» «Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныя...»

Воспитавъ себя въ такомъ духѣ, ознакомившись, по возможности, съ положеніемъ Россіи, Екатерина, не имѣя возможности приводить своихъ принциповъ въ исполненіе, такъ какъ была въ то время лишь скромной великой княгиней, начала подготовлять почву для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе. Въ то время, какъ великій князь своими безтактными поступками, кутежами, насмѣшками надъ религіозными и патріотическими чувствами русскихъ—все болѣе и болѣе становился несимпатичнымъ, Екатерина старалась «нравиться» и дѣйствовала въ этомъ направленіи какъ нельзя лучше. «Больше чѣмъ когда-либо,—разсказываетъ она о себѣ,—я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще, большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь... И въ торжественныхъ собраніяхъ, и на простыхъ сходбищахъ я подходила къ старушкамъ, садилась подлѣ нихъ, спрашивала объ ихъ здоровьѣ,

совѣтовала, какія употреблять имъ средства въ случаѣ болѣзни, терпѣливо слушала ихъ безконечные разсказы объ ихъ молодости, о нынѣшней скукѣ, о вѣтренности молодыхъ людей... Я узнала, какъ зовутъ ихъ мосекъ, болонокъ, попугаевъ, дуръ; знала, когда которая изъ этихъ барынь именинница. Въ этотъ день являлся къ ней мой камердинеръ, поздравлялъ ее отъ моего имени и подносилъ цвѣты и плоды изъ ораніенбаумскихъ оранжерей...» Правда, что политика эта не особенно нова и привлекательна, но въ обществѣ, гдѣ въ «раболѣпствѣ пылкомъ» другіе нерѣдко «отважно жертвовали затылкомъ», вѣроятно, иначе дѣйствовать было невозможно. Какъ бы то ни было, но цѣли своей Екатерина достигла вполнѣ. «Не прошло двухъ лѣтъ,—пишетъ она,—какъ самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всѣхъ сторонъ и разлилась по всей Россіи. Этимъ простымъ и невиннымъ способомъ составила я себѣ громкую славу, и, когда зашла рѣчь о занятіи русскаго престола, очутилось на моей сторонѣ значительное большинство».

Дѣйствительно, большинство русскаго общества было недовольно правленіемъ Петра III. «Шаткость и капризность», безпорядочность въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, секуляризація церковныхъ имуществъ, намѣреніе обрить бороды духовенству, нескрываемое пренебреженіе къ могущественной въ то время гвардіи—все это были причины, которыя заставляли враждебно относиться къ молодому императору всѣ классы тогдашняго русскаго общества. Особенно же чувствительный ударъ національному чувству нанесла внѣшняя политика Петра III. Елизавета, какъ извѣстно, приняла участіе въ семилѣтней войнѣ, поддерживая враговъ Фридриха. Русскія войска одержали цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ арміей этого великаго полководца. Кунерсдорфская битва составила блестящую страницу въ военной исторіи Россіи прошлаго вѣка. Восточная Пруссія съ Берлиномъ были завоеваны и самъ Фридрихъ, находившійся въ критическомъ положеніи, готовъ былъ уступить Россіи всю восточную Пруссію. Петръ III, вступивъ на престолъ, заключилъ миръ, уступилъ ему всѣ завоеванія и даже присоединилъ къ его арміи свои войска, направивъ ихъ противъ недавнихъ союзниковъ Россіи. Дорогая война, которую Петръ III предпринялъ изъ за своей вотчины, Голштиніи, сдѣлалась главнымъ предметомъ заботъ правительства; а между тѣмъ внутри государства обстояло далеко не все благополучно: сенатъ доносилъ императору, что государственные доходы не покрываютъ расходовъ, а дефицитъ, достигавшій $^1/_{10}$ всѣхъ государственныхъ сборовъ, объяснялъ расходомъ «на удовольствіе заграничной арміи». Коллегія иностранныхъ дѣлъ получила извѣстіе «о намеряемомъ крымскимъ ханомъ на россійскія границы нападеніи». Со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія о волненіяхъ крестьянъ. Мѣстныя команды были не въ состояніи сдерживать этихъ волненій; требовались цѣлые полки «для усмиренія».

Все это довело народный ропотъ до высшей степени напряженія. Повсюду на улицахъ Петербурга собирались кучки гражданъ и говорили открыто о такихъ вещахъ, о которыхъ до этого немногіе рѣшались даже думать. Роптали рѣшительно всѣ, начиная съ высшихъ сановниковъ и кончая послѣднимъ солдатомъ. Ропотъ этотъ все усиливался и усиливался и, наконецъ, привелъ къ заговору. Центромъ этого недовольства сдѣлалась Екатерина, которой Петръ III, желавшій вступить въ бракъ съ фрейлиной Воронцовой, грозилъ монастырскимъ заключеніемъ.

Гвардейскіе офицеры, съ Орловыми во главѣ, помнившіе успѣшные примѣры переворотовъ недавняго прошлаго, умѣло организовали заговоръ, заранѣе навербовали преданныхъ сторонниковъ будущей императрицы и 29-го іюня 1762 г., въ день именинъ Петра III, произвели переворотъ, возведшій на престолъ императрицу Екатерину II и устранившій Петра III.

II.

Такимъ образомъ цѣль была достигнута. Въ рукахъ Екатерины была теперь та власть, которой она добивалась такъ долго и съ помощью которой хотѣла облагодѣтельствовать свое новое отечество, сдѣлать счастливыми всѣхъ подданныхъ, безъ исключенія. Прежде всего, однако, она сочла необходимымъ отблагодарить участниковъ переворота. По своему усмотрѣнію, Екатерина раздавала ордена, чины, деньги и крестьянъ, назначала преданныхъ ей лицъ на видныя должности. На эти награды въ первое же время царствованія было истрачено около милліона рублей. Рискованный путь, какимъ Екатерина достигла престола, не позволилъ ей сразу же взяться за осуществленіе тѣхъ теоретическихъ предположеній, которыя она выработала себѣ раньше. Она, напримѣръ, сознавала, что «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей», но въ то же время понимала, что «освобожденіемъ крестьянъ нельзя было заслужить любви землевладѣльцевъ». Екатерина понимала, что ей необходимо укрѣпиться на престолѣ, ознакомиться съ настроеніемъ умовъ, посмотрѣть, что можно и чего нельзя дѣлать. Путь, какимъ она достигла престола, сильно повліялъ на весь характеръ ея царствованія, указалъ ей даже программу, которой она должна была придерживаться. Екатерина вступила на престолъ, низвергнувъ правительство своего мужа за то, что это правительство глубоко оскорбляло національное русское чувство своимъ пренебреженіемъ къ русскимъ людямъ, интересамъ, русскимъ обычаямъ и даже вѣрованіямъ. Она вступила на престолъ потому, что предшествовавшее царствованіе было непопулярно; слѣдовательно, обстоятельства заставляли ее дѣйствовать популярно, наблюдать интересы господствующаго большинства. Затѣмъ: она вступила на престолъ съ тѣмъ, чтобы поправить ошибки предшествовавшаго царствованія въ политикѣ внѣшней и политикѣ внутренней. Эта

политика уронила внѣшнее значеніе Россіи, подвергла риску нѣкоторые существенные ея интересы; слѣдовательно, Екатерина обязана была возстановить прежній кредитъ Россіи за границей, освободить отъ опасности, угрожавшей ея интересамъ...

Въ манифестѣ 6-го іюля, извѣщавшемъ русское общество объ ея вступленіи на престолъ, прямо и откровенно было заявлено, что Петръ III—«законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную; возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ всегда вѣрно служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды, не удобь носимые.... Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобы каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника погубилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не осталося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его...»

Разумно-либеральный образъ дѣйствія Екатерины долженъ былъ изгладить тяжелыя впечатлѣнія предшествовавшаго царствованія и распространить въ обществѣ убѣжденіе, что пережитый произволъ болѣе не возвратится. Кромѣ того, Екатерина должна была дѣйствовать въ интересахъ гвардіи, способствовавшей успѣху переворота, а такъ какъ гвардія состояла исключительно изъ русскаго дворянста, то, слѣдовательно, въ интересахъ послѣдняго. Поэтому въ томъ-же манифестѣ она дала своимъ подданнымъ «наиторжественнѣйшее» обѣщаніе—«узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ унынія и оскорбленія...»

Екатерина чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ упрочить свою власть, поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе и вслѣдъ за тѣмъ принялась за работу. На четвертый день по вступленіи на престолъ она уже присутствовала въ сенатѣ и затѣмъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ отправлялась туда по 2 раза въ недѣлю. Выслушавъ докладъ о дороговизнѣ хлѣба, она объявила въ полномъ собраніи сената, что, «принадлежа сама государству, она считаетъ и все

принадлежащее ей собственностью государства, чтобы поэтому на будущее время не дѣлали никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея личнымъ» и выдала, сколько было нужно денегъ изъ своихъ средствъ. Въ первые же дни послѣ вступленія на престолъ Екатериною принятъ былъ цѣлый рядъ серьезныхъ экомическихъ мѣръ. Свобода хлѣбнаго экспорта, уничтоженіе таможеннаго, тюленьяго, рыбнаго и табачнаго откуповъ, предоставленіе «въ вольную торговлю» ревеня, смолы и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ, объявленіе «вольнымъ» китайскаго торга—все это было ново, нежданно и съ перваго же разу выставило новую правительницу въ самомъ выгодномъ для нея свѣтѣ. Сбавка «для народа» по гривнѣ съ пуда соли стоила государственному казначейству свыше 600 тысячъ руб., для пополненія которыхъ она приказала взять 300 тысячъ руб. изъ ея комнатной суммы. А манифестъ, воспрещавшій брать взятки, отъ которыхъ такъ сильно страдали всѣ классы населенія, еще болѣе увеличилъ ея популярность. Такимъ же результатомъ сопровождалась и внѣшняя политика, отличавшаяся національнымъ характеромъ.

Древнерусская жизнь завѣщала Екатеринѣ рѣшеніе двухъ вопросовъ: польскаго и турецкаго. Приступивъ къ ихъ разрѣшенію и завязавъ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, она главной своей цѣлью поставила доказать, что «мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся». Такой поворотъ въ русской политикѣ, которая до сихъ поръ далеко не отличалась самостоятельностью, сразу же былъ замѣченъ въ Европѣ. Еще 1-го ноября 1762 года на докладѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по вопросу объ участіи Россіи въ мирныхъ переговорахъ между Пруссіей и Австріей, Екатерина сдѣлала слѣдующую любопытную замѣтку: «какъ тѣ, такъ и другіе (дворы) еще привыкнуть не могутъ къ нашей инфлюэнціи въ общихъ дѣлахъ и каждый ищетъ только пользоваться нами». Петербургское министерство видѣло неудовольствіе дворовъ версальскаго и вѣнскаго за то, что «мы систему зависимости нашей отъ нихъ вовсе перемѣнили и вмѣсто того установили другую, безпосредственнаго нашего собою въ дѣлахъ дѣйствованія» и доказываемъ, что «Россія и независимо отъ другихъ державъ собою весьма дѣйствовать можетъ». Въ перепискѣ своей съ представителями Россіи за границей петербургское министерство постоянно высказываетъ совершенно прямо, что «всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ въ виду единственно пользу интересовъ нашихъ».

Существуетъ твердо установившееся мнѣніе, что Екатерина II, бывшая яко бы большой почитательницей Фридриха Великаго, слѣпо подчинялась его политикѣ, и если приступила къ раздѣламъ Польши, то лишь потому, что это было выгодно прусскому королю. Въ свое время, по поводу перваго раздѣла Польши, была даже выбита каррикатурная медаль. На этой медали изображена была Екатерина и Марія-Терезія въ колескѣ, а на козлахъ Фридрихъ II. Пассажировъ спрашиваютъ:

куда они ѣдутъ? Тѣ отвѣчаютъ: куда угодно будетъ кучеру. Мнѣніе это упорно отрицаетъ г. Чечулинъ, посвятившій внѣшней политикѣ Екатерины спеціальное изслѣдованіе. Онъ доказываетъ, что Екатерина, только наружно преклонявшаяся передъ талантами прусскаго короля, на самомъ дѣлѣ ему ни въ чемъ не довѣрявшая, вела свои дѣла совершенно самостоятельно. При раздѣлахъ Польши инициатива исходила отъ Екатерины, и Панину съ большимъ трудомъ удалось навести Фридриха II на мысль объ этомъ предпріятіи. «О руководительствѣ его въ этомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Чечулинъ,—не можетъ быть и рѣчи. Очень возможно, что мысли, какія передумалъ Фридрихъ въ это время, подготовили въ его умѣ тѣ рѣшенія, какія онъ принялъ впослѣдствіи, но не надо забывать, что именно изъ Петербурга создавали тотъ ходъ дѣлъ, который такъ вліялъ на Фридриха».

Что Екатерина дѣйствовала въ этомъ направленіи не безъ успѣха лучше всего доказывается тѣмъ, что послѣ перваго раздѣла Польши и послѣ первой турецкой войны совершенно перемѣнились отношенія къ Россіи всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вмѣсто прежняго стремленія пользоваться ея силами для своихъ цѣлей, у большинства державъ явилось прямое стремленіе противодѣйствовать активному участію въ европейскихъ дѣлахъ, которое именно въ это время проявилось впервые съ такой силой и привело къ блестящимъ для Россіи результатамъ. Пруссія прежде постоянно искала у Россіи поддержки—со второй половины Екатерининскаго царствованія она довольно быстро и совершенно явственно переходитъ въ лагерь ея враговъ. Австрія прежде считала наиболѣе опаснымъ для себя врагомъ Турцію и для борьбы съ нею искала союза Россіи—теперь она увидала рядомъ съ собою новую силу, гораздо болѣе внушительную, и съ этого времени перешла къ политикѣ противодѣйствія всякому успѣху Россіи и стала ревностно поддерживать Турцію. Англія до середины царствованія Екатерины чаще была въ дружбѣ съ Россіей, такъ какъ эксплуатировала Россію въ торговомъ отношеніи. Но когда она увидѣла, что со стороны Россіи грозитъ наибольшая опасность существованію Турціи, она также перешла въ ряды защитниковъ Турціи и вообще въ число противниковъ Россіи.

Такимъ образомъ, въ отношеніи внѣшней политики Екатерина вполнѣ выполнила данное ею обѣщаніе. Она не только увеличила территоріальныя владѣнія Россіи, присоединивъ Польшу и Крымъ, но доставила также Россіи видное положеніе въ средѣ другихъ европейскихъ державъ. Цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, правда, стоившихъ большихъ денегъ и тяжело отзывавшихся на экономическомъ положеніи населенія, придалъ ея внѣшнимъ предпріятіямъ еще большій блескъ въ глазахъ современниковъ.

III.

Не такъ легко было справиться Екатеринѣ со второй задачей—сдѣ-

лать счастливыми своихъ подданныхъ, измѣнить къ лучшему строй ихъ жизни, искоренить всякаго рода недостатки этого строя и злоупотребленія. Какъ мы уже отмѣтили выше, Екатерина желала царствовать въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма, желала, чтобы всѣ подданные благоденствовали подъ ея управленіемъ и не стремились къ какимъ-либо перемѣнамъ, которыя могли повести къ переворотамъ, въ родѣ того, который она произвела сама. А положеніе дѣлъ было таково, что Екатерина вѣрила въ возможность всякаго рода опасныхъ недоразумѣній. «Меня принудятъ,—писала она Понятовскому,—сдѣлать еще тысячу странностей: если я уступлю, меня будутъ обожать, если нѣтъ, то не знаю, что случится. Мое положеніе таково, что я должна принимать во вниманіе многія обстоятельства; послѣдній солдатъ гвардіи считаетъ себя виновникомъ моего воцаренія, и при всемъ томъ замѣтно общее броженіе...» Черезъ нѣсколько недѣль послѣ переворота, англійскій дипломатъ Кейтъ доносилъ своему правительству, что «между гвардейцами поселился скрытый духъ вражды и недовольства» и что «настроеніе это, усиленное постепеннымъ броженіемъ, достигло такихъ размѣровъ, что ночью на прошлой недѣлѣ оно разразилось почти открытымъ мятежемъ. Солдаты Измайловскаго полка въ полночь взялись за оружіе и съ большимъ трудомъ сдались на увѣщанія офицеровъ».

Орловъ черезъ нѣкоторыхъ офицеровъ узналъ о существованіи партіи, которая хотѣла возвести на престолъ Іоанна Антоновича; говорили о существованіи партіи, желавшей провозгласить императоромъ Павла. Слѣдствіе, произведенное по поводу такихъ слуховъ, дѣйствительно обнаружило существованіе какого-то незначительнаго заговора, во главѣ котораго стояли поручикъ Гурьевъ и Петръ Хрущовъ. Въ манифестѣ объ этомъ дѣлѣ Екатерина, живо интересовавшаяся этимъ дѣломъ и лично вникавшая во всѣ детали слѣдствія, писала: «Мы можемъ не похвалившись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что *отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ*». Несомнѣнно, что тревожное настроеніе не могло не отразиться на дѣятельности и предпріятіяхъ Екатерины. Больше чѣмъ когда-либо ей необходимо было заботиться о томъ, чтобы снискать всеобщее расположеніе. Задача нелегкая и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ даже невыполнимая. Русскій народъ того времени состоялъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ классовъ, интересы и стремленія которыхъ были діаметрально противоположны. Дворяне строили свое благополучіе на крѣпостномъ правѣ, крестьяне же, наоборотъ, бѣдствовали отъ произвола дворянъ. Дѣйствуя въ интересахъ дворянства, Екатерина должна была жертвовать интересами огромной крестьянской массы, населявшей дворянскія земли, и наоборотъ. Значитъ, необходимо было либо дѣйствовать въ

ущербъ интересовъ этой массы, либо въ ея интересахъ, но не въ интересахъ дворянъ. Рѣшить эту дилемму Екатеринѣ было тѣмъ болѣе трудно, что она слишкомъ мало знала еще положеніе дѣлъ въ Россіи.

До сихъ поръ она только читала, составляла себѣ всякаго рода теоріи, но, вращаясь исключительно въ придворномъ обществѣ, была слишкомъ далека отъ русскаго народа. Этотъ пробѣлъ она рѣшила восполнить немедленно же по своемъ вступленіи на престолъ. Она стала чаще посѣщать засѣданія сената, внимательно вслушивалась въ происходившія тамъ пренія, сама прочитывала сенатскія дѣла, спрашивала всѣхъ и обо всемъ. Отъ этого времени до насъ дошелъ цѣлый рядъ записочекъ и замѣтокъ, въ которыхъ она излагала результаты своихъ прилежныхъ наблюденій. «Финансы были истощены,—писала она.—Армія не получала жалованья за три мѣсяца. Торговля находилась въ упадкѣ, ибо многія отрасли ея были отданы въ монополію. Не было правильной системы въ государственномъ хозяйствѣ. Военное вѣдомство было погружено въ долги; морское едва держалось, находясь въ крайнемъ пренебреженіи. Духовенство было недовольно отнятіемъ у него земель. Правосудіе продавалось съ торга и законами руководились только въ тѣхъ случаяхъ, когда они благопріятствовали лицу сильному» и т. д. Чтобы войти глубже въ общество, чтобы болѣе приблизиться къ нему, Екатерина предприняла въ первые годы своего царствованія рядъ путешествій. Такъ, въ 1763 году она ѣздила въ Ярославль и Ростовъ, объѣхала прибалтійскія губерніи; весной 1767 г. предприняла поѣздку въ Азію, т.-е. рѣшилась проплыть по Волгѣ. Она отправилась съ многочисленной свитой тысячи въ двѣ и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Въ Твери сѣли на барку и спустились до Симбирска. Это путешествіе было для нея въ высшей степени назидательно. Она боялась переворота и не знала, достанетъ-ли у нея средствъ упрочить за собой народную любовь, успѣетъ-ли она сладить съ общественнымъ мнѣніемъ. Поѣздка убѣдила ее, какой гибкій матерьялъ находится въ ея рукахъ, какъ мало нужно сдѣлать для этого народа, чтобы вызвать съ его стороны самую искреннюю преданность. Она еще ничего не успѣла сдѣлать изъ того, что наобѣщала, и, тѣмъ не менѣе, повсюду находила себѣ самый восторженный пріемъ, «благочинное и ласковое обхожденіе». «Пріемъ мнѣ отмѣнной,—пишетъ она изъ Казани,—четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Еслибы дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали. Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой быть здѣсь не долго».

Изъ своего путешествія Екатерина вынесла вполнѣ опредѣленное понятіе о томъ авторитетѣ, которымъ пользовалась царская власть въ народѣ. Она убѣдилась, что при желаніи могла бы взять на себя роль не только императрицы, но даже хутухты, и народная масса не оказала бы ей въ этомъ отношеніи никакого противодѣйствія. Правда, по

дорогѣ ей было подано болѣе 600 челобитныхъ, въ которыхъ помѣщичьи крестьяне жаловались на тяжкіе поборы и жестокое обращеніе съ ними ихъ владѣльцевъ; но это были жалобы, обнаруживавшія лишь недостатки частныхъ лицъ и совершенно не касавшіяся правительства и дѣятельности императрицы. Она поняла, что единственный сколько-нибудь опасный для нея классъ—это гвардія или, говоря другими словами—дворяне. Екатерина II поэтому, со свойственной ей способностью примѣняться къ обстоятельствамъ, рѣшила прежде всего имѣть въ виду интересы дворянства и постараться, насколько будетъ это въ ея власти, улучшить положеніе другихъ классовъ. Средствомъ, съ помощью котораго она предполагала достигнуть этой двоякой цѣли, явился знаменитый «Наказъ».

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, Екатерина принялась за улучшенія въ законодательствѣ. Русскихъ законовъ она не знала такъ же, какъ не знало ихъ большинство современныхъ русскихъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія. Пересматривать это законодательство поэтому она считала совершенно напрасной потерей времени, тѣмъ болѣе, что новый кодексъ долженъ былъ, по ея мнѣнію, быть составленъ на совершенно новыхъ началахъ, выработанныхъ французскими философами. Приступая къ составленію «Наказа», который долженъ былъ послужить руководствомъ составителямъ новаго уложенія, Екатерина понимала, что начала эти врядъ-ли встрѣтятъ въ русскомъ обществѣ искреннее сочувствіе, но сдѣлать это она считала своимъ нравственнымъ долгомъ. Это былъ единственный путь для защиты угнетенныхъ народныхъ массъ, на сторону которыхъ она не рѣшалась стать открыто. «Два года,—говоритъ она въ одномъ изъ писемъ,—я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно.» Въ ея воображеніи рисовалась картина народнаго благополучія, рисовались идеальныя отношенія разноплеменныхъ депутатовъ, которымъ она намѣревалась предоставить составленіе новаго кодекса. «Я думаю,—писала она Вольтеру,—вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ, спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобъ ихъ мнѣніе было принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что еслибы кто-нибудь предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы не отвѣтилъ: онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла... Увѣряю васъ, что дѣла идутъ такъ, какъ я вамъ говорю»...

Дѣла, однако, шли далеко не такъ. Екатерина, по ея собственнымъ словамъ, «обобравъ президента Монтескьё и Беккарію, составивъ либеральнѣйшій «Наказъ», не рѣшилась дать его для руководства собравшимся депутатамъ прежде, чѣмъ онъ не прошелъ черезъ цензуру цѣлаго ряда благонамѣренныхъ лицъ, съ мнѣніями которыхъ Екатеринѣ необходимо было считаться. «Боязнь потерять то, что она имѣла смѣлость взять,—писалъ одинъ иностранный дипломатъ,—ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ ней. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ, потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ». Въ тѣ же первые годы другой дипломатъ писалъ по поводу польскихъ дѣлъ: «У императрицы обычай каждаго выслушивать, и черезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкой».

Эта робость, погоня за популярностью, боязнь всякаго рода опасностей были причиной того, что императрица рѣшилась подвергнуть предварительной цензурѣ свой «Наказъ», на который возлагались такія громадныя надежды. Прежде всего она показала его графу Орлову и Панину. Первый пришелъ въ восторгъ, а второй нашелъ, что «Наказъ» заключаетъ въ себѣ des axiomes à renverser des murailles». Затѣмъ Екатерина прочла его въ собраніи «персонъ весьма разномыслящихъ», причемъ «дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли». Цензора широко воспользовались данными имъ полномочіями и оставили едва только четвертую часть того, что написала Екатерина.

Уже по первымъ замѣчаніямъ своихъ цензоровъ Екатерина могла видѣть, насколько идиллія, нарисованная ею Вольтеру, въ дѣйствительности неосуществима. Извѣстный Сумароковъ прямо заявилъ ей, что сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя. «Скудные люди,—говорилъ онъ,—ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и повинующихся имъ крестьянъ. И будетъ ужасное несчастіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки: и непрестанная будетъ междуусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики покойно живутъ въ вотчинахъ (Екатерина прибавила здѣсь: «и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ»), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища...» Вполнѣ естественно, что цензора, придерживавшіеся такого рода взглядовъ, вычеркнули изъ «Наказа» все,

что только клонилось къ уничтоженію крѣпостного права и къ облегченію участи крестьянъ. Сумароковъ, Державинъ, кн. Дашкова, тоже поклонница Вольтера, были прямо противъ какихъ-либо реформъ въ этомъ направленіи, и Екатерина подчинилась.

Вопросъ, однако, былъ настолько животрепещущимъ, что избѣжать его обсужденія въ коммиссіи было почти невозможно. Впрочемъ, обсуждался онъ совершенно не въ томъ направленіи, какъ этого хотѣла Екатерина. Депутаты спорили не относительно освобожденія крестьянъ, а скорѣе—объ усиленіи крѣпостного права. Изъ депутатовъ никто не думалъ отказываться отъ своихъ правъ на крестьянъ. Наоборотъ, представители другихъ сословій, до сихъ поръ не имѣвшихъ права владѣть крестьянами, добивались того, чтобы имъ дали крѣпостныхъ. Владѣть людьми было на столько выгодно, на столько, по общему мнѣнію того времени, даже почетно, что одни старались сохранить за собой это право, другіе просили даровать его имъ. Екатерина была возмущена этими безчеловѣчными желаніями крѣпостниковъ: «Есть-ли крѣпостного нельзя назвать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ.. [1].)»

Однако, не смотря на свое сильное и искреннее негодованіе, Екатерина не рѣшилась да и не могла идти противъ общаго желанія. Она издала указъ, запрещавшій подписываться подъ прошеніями словомъ «рабъ», и этимъ ограничилась. Тою же рукой, которая писала либеральный «Наказъ», которая писала либеральныя письма Вольтеру, Дидро, д'Аламберу, Екатерина подписала указъ, по которому крестьяне лишались права обращаться съ жалобами на своихъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ еще больше затянула узелъ крѣпостного права. До этого времени «рабы» по имени были свободны хотя въ томъ отношеніи, что могли жаловаться на произволъ своихъ обладателей. Со дня же этого указа бывшіе по имени рабами сдѣлались рабами de facto. А между тѣмъ, Екатерина прекрасно знала о произволѣ помѣщиковъ, объ ихъ жестокости и безчеловѣчномъ обращеніи съ крестьянами. 600 жалобъ, привезенныхъ ею изъ путешествія, слухи о цѣломъ рядѣ возмущеній крестьянъ, завершившихся потомъ пугачевскимъ бунтомъ, могли показать ей, что далеко «не всеобстоитъ благопо-

---

[1]) Фактъ, возмутившій Екатерину, былъ, однако, самымъ обычнымъ явленіемъ. Въ газетахъ того времени сплошь и рядомъ объявлялось о продажѣ крестьянъ на ряду съ лошадьми и коровами; «тѣ же крестьяне входили въ помѣщичьи инвентари и переписывались послѣ лошадей, свиней и куръ индѣйскихъ». Въ одномъ изъ такихъ инвентарій, помѣщены, напр., цѣны, по которымъ тогда продавались люди: «Леонтій Никитичъ, 40 лѣтъ, по оцѣнкѣ 20 р. У него жена, 25 лѣтъ, по оцѣнкѣ 10 р. У нихъ дѣти: сынъ Гурьянъ, 4 лѣтъ, 5 р., дѣвка Василиса, 9 лѣтъ, 3 р., Матрена 1 году—по оцѣнкѣ 50 коп., дѣвка Катерина, 2 лѣтъ, по оцѣнкѣ 1 р. 10 к. Іуда Матвѣевъ, 34 лѣтъ, по оцѣнкѣ 24 р. 50 к., у него жена 40 лѣтъ,—по оцѣнкѣ 4 р. 25 к. Василій Степановъ, 25 лѣтъ, кривъ,—по оцѣнкѣ 18 р. 40 к.» и т. д.

лучно», какъ говорили ей со всѣхъ сторонъ блюстители дворянскихъ интересовъ, боявшіеся утратить право на даровой крестьянскій трудъ.

Но Екатерина хотѣла вѣрить этому и потому повѣрила. «Боже сохрани,—писала она въ одной изъ заключительныхъ статей «Наказа»,—чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, болѣе процвѣтающъ на земли; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено. Нещастіе, до котораго я дожить не желаю»... По странному недоразумѣнію, Екатерина какъ-то не замѣтила, что ея намѣреніе осталось неисполненнымъ или, вѣрнѣе, само намѣреніе приняла за исполненіе. Она видѣла, какъ депутаты, хотя и считавшіе крестьянъ за скотовъ, плакали отъ умиленія при чтеніи ея «Наказа», выслушивала льстивыя похвалы французскихъ философовъ, благосклонно принимала произведенія разнаго рода одописцевъ, аллегорическіе рисунки съ изображеніемъ благоденствующихъ народовъ, крестомъ благословляющихъ ее, окруженную облаками дыма курящагося ѳиміама. Великодушно отказавшись принять поднесенный ей депутатами титулъ «великой» и «премудрой», она приняла только названіе «матери отечества».

Рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ такомъ смыслѣ, какъ онъ былъ рѣшенъ коммиссіей, вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ дворянъ. Въ ихъ интересахъ проведены также были реформы по мѣстному и областному управленію. Согласно правиламъ Монтескьё, Екатерина повсюду ввела строгое раздѣленіе власти законодательной, судебной и административной, но въ то же время, въ угоду дворянству, ввела сословные суды, отъ которыхъ пахло феодальнымъ, средневѣковымъ порядкомъ. Екатерина, желавшая въ принципѣ подчинить всѣхъ своихъ подданныхъ общимъ, одинаковымъ законамъ, должна была уступить настойчивымъ депутатамъ, потребовавшимъ, чтобы правительство устроило дворянство въ мѣстныя корпораціи и предоставило ему дѣятельное участіе въ мѣстномъ управленіи. Въ царствованіе Екатерины, которое совершенно справедливо называетъ извѣстный нашъ историкъ В. О Ключевскій дворянскимъ, дворянство получило рѣшительное преобладаніе, какъ въ уѣздныхъ административныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ губернскихъ. Положимъ, что высшія губернскія учрежденія были учрежденіями коронными и всѣ члены ихъ назначались правительствомъ. Но личный составъ ихъ выходилъ по назначенію правительства изъ того же дворянства, которое выбирало засѣдателей и предсѣдателей въ сословныя дворянскія учрежденія. Какъ въ центрѣ, такъ и въ губернскихъ органахъ центральнаго управленія, не имѣвшихъ сословнаго характера, дѣйствовало все тоже дворянство, которое замѣщало по выборамъ должности сословныхъ учрежденій. Правда, права самоуправленія получилъ также городской промышленный классъ, управлявшійся гильдейскимъ купечествомъ. Но городское самоуправленіе развивалось при Екатеринѣ вяло по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главной было постоянное и произвольное вмѣша-

тельство губернаторовъ, которые тоже были представителями, а потому и оберегателями чисто дворянскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, главное и наиболѣе вліятельное мѣсто заняло въ царствованіе Екатерины дворянство, а положеніе крестьянъ значительно ухудшилось, по сравненію съ предшествующимъ временемъ.

IV.

Чего боялась Екатерина достигнуть путемъ правительственныхъ распоряженій, такъ сказать, насильно, то она предполагала совершить болѣе медленнымъ и безопаснымъ путемъ, именно путемъ перевоспитанія общества. Она предполагала открыть цѣлый рядъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, но недостатокъ въ средствахъ не позволилъ ей осуществить этихъ предположеній.

Въ ея рукахъ оставалась литература. Дворянство, благодаря даровому крѣпостному труду, получило въ свое распоряженіе большіе досуги, которые заполняло всякаго рода развлеченіями. Среди этихъ развлеченій довольно видное мѣсто занимала литература. Читать Вольтера, интересоваться тѣмъ, что пишутъ, сдѣлалось въ это время такой же модой, такой же необходимостью для дворянина comme il faut, какъ въ предшествовавшее царствованіе знаніе всякаго рода свѣтскихъ приличій и моднаго тонкаго обращенія. Раньше русскій дворянинъ, попадавшій за границу, посѣщалъ рестораны, кафе-шантаны и жадно копировалъ внѣшность французскихъ петиметровъ и фатовъ. Теперь, путешествуя по Франціи, онъ, посѣтивъ кафе-шантаны, долгомъ считалъ посѣтить фернейскаго философа, прочесть его творенія. Въ этихъ твореніяхъ и вообще во всей литературѣ того времени онъ подмѣчалъ остроумныя мысли, обороты рѣчи, усвоивалъ ихъ себѣ съ исключительной цѣлью при случаѣ блеснуть остроуміемъ, ученостью, даже свободомысліемъ. Но эти свободомысліе и ученость были чисто внѣшними свойствами русскаго вольтерьянца. Проникнуться заимствованными мыслями всецѣло, жить такъ, чтобы, сообразно этимъ мыслямъ, направлять свою жизнь, нашъ вольтерьянецъ не могъ. Снаружи онъ былъ французскимъ философомъ, гуманнѣйшимъ человѣкомъ, поминутно проливалъ чувствительныя слезы, при всякомъ возвышенномъ словѣ, а внутри оставался все тѣмъ же русскимъ и съ книжкой «Наказа» въ рукахъ выжималъ послѣдніе соки изъ своихъ крѣпостныхъ. Литература давала ему возможность производить нѣкоторую умственную гимнастику и, по замѣчанію Державина, нравилась ему лишь «какъ лѣтомъ лимонадъ».

Екатерина II думала, однако, эксплуатировать эту склонность русскаго дворянина къ чтенію для его перевоспитанія. Она выступила съ журналомъ, цѣлымъ рядомъ комедій, сатиръ и статей, въ которыхъ казнила тѣ или другіе пороки современнаго ей общества, проводила разнаго рода гуманныя идеи. Вездѣ она обличала ханжество, суевѣріе, дворянскую расточительность, невѣжество, подражаніе французскимъ

обычаямъ, страсть къ сплетнямъ и т. п. Въ 1769 году она выступила съ журналомъ «Всякая Всячина», вслѣдъ за которымъ явился цѣлый рядъ другихъ журналовъ въ такомъ же родѣ: «Трутень» Новикова, «Адская Почта» Эмина, «И то, и Сіо» Чулкова и др. Появленіе этихъ журналовъ, наполненныхъ разнаго рода сатирическими обличеніями и смѣлой полемикой съ самой Екатериной, также какъ изданія разнаго рода считавшихся запрещенными за границей книгъ и открытіе вольныхъ типографій—все это вызвало искренній восторгъ лучшей части современнаго общества. Выразителемъ этого восторга явился Державинъ, который въ посвященной ей одѣ «Фелица» передалъ это настроеніе слѣдующимъ образомъ:

«Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда.
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло.
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло,
О всемъ, и въ явь и подъ рукой
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить...»

Также точно писалъ Екатеринѣ и Вольтеръ, что «она pense en grand homme et permet, qu'on pense» [1]).

Дѣйствительно, всѣ современные журналы довольно свободно говорятъ о разнаго рода злоупотребленіяхъ, довольно свободно казнятъ крѣпостническія стремленія дворянства, изверговъ помѣщиковъ, жестокое обращеніе ихъ съ крестьянами. Иногда къ этимъ обличеніямъ прибавляются оговорки о «щастіи» крестьянъ у хорошихъ помѣщиковъ, но это было лишь небольшой уступкой времени. Въ общемъ, однако, сатирическая литература настойчиво возвращается къ объясненію того, что крестьяне такіе же «человѣки», какъ и ихъ господа, и къ изображенію нелѣпаго высокомѣрія господъ, воображающихъ, что они принадлежатъ къ высшей породѣ. Отставными чиновниками, какъ бы потерпѣвшими достойную кару за свои пороки, сатирическая литература пользовалась для того, чтобы свободно обличать взяточничество и всякаго рода злоупотребленія администраціи. Полемика, завязавшаяся между «Трутнемъ» и «Всякой Всячиной», показываетъ, однако, что свобода «говорить и

[1]) Въ это время уже былъ забытъ манифестъ, изданный въ 1763 г. и матерински увѣщевавшій всѣхъ «удаляться отъ всякихъ вредныхъ разсужденій». Этотъ указъ сама Екатерина чрезвычайно мѣтко назвала «манифестомъ о молчаньѣ».

мыслить» хотя и допускалась, но не совсѣмъ нравился Екатеринѣ рѣзкій тонъ, съ которымъ это дѣлалось. Предполагая пропагандировать свои гуманныя идеи путемъ журналовъ, Екатерина ошиблась въ писателяхъ, не разсчитывала, что они заговорятъ такимъ смѣлымъ языкомъ. Въ своемъ журналѣ «Всякая Всячина» Екатерина тоже обличала, но обличала, руководствуясь принципомъ: «люди смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ». Не будучи въ состояніи сдержать себя, «Всякая Всячина», редактировавшаяся Екатериной, начала даже подавать совѣты писателямъ въ такомъ родѣ: «1) никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было; 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія; 5) впредь о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ, и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить». «Трутень», къ которому эти совѣты, главнымъ образомъ, относились, мѣтко отвѣчалъ, что называть порокъ слабостью и требовать къ нему милосердія—значитъ сшить кафтанъ изъ милосердія для порока. «Всякая Всячина» не любила «меланхоліи», ей хотѣлось, чтобы сатира не шла дальше веселаго смѣха; но та дѣйствительность, о которой говорили сатирическіе журналы, гораздо больше давала пищи горькому, а не веселому смѣху, и журналы не внимали совѣтамъ «Всякой Всячины», нисколько не сообразовались съ ея вкусами. А между тѣмъ, Екатерина, выступившая въ началѣ царствованія съ цѣлымъ рядомъ либеральныхъ проектовъ, постепенно сталкиваясь съ русской дѣйствительностью, измѣнялась сама, измѣняла свои взгляды и убѣжденія. При вступленіи на престолъ она была ученицей Вольтера, сочиненія Монтескьё служили для нея «молитвенникомъ», всю русскую жизнь она хотѣла перестроить по рецепту французскихъ философовъ. Неудача, постигшая «Наказъ», сначала ее поразила, но мало-по-малу она свыклась съ этой мыслью, повѣрила, что все обстоитъ благополучно и что ни въ какихъ коренныхъ реформахъ русскій народъ не нуждается. Философы, съ которыми она въ началѣ царствованія вела самую дружелюбную переписку, съ которыми постоянно совѣтовалась, которымъ хотѣла поручить даже воспитаніе наслѣдника престола, все больше и больше принимали въ ея глазахъ значеніе теоретиковъ, теоріи которыхъ могутъ имѣть значеніе развѣ только для гимнастики ума. «Вы трудитесь,—писала она Дидро,—на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему. Между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо больше раздражительна и разборчива».

Екатерина II, давшая толчекъ русской мысли, сама заставившая говорить русскую журналистику о ненормальностяхъ общественной жизни того времени, начала раздражаться тономъ, какой эта журналистика принимала, тѣмъ болѣе, что, повидимому, сатира живо задѣвала мно-

гихъ изъ тѣхъ, мнѣніемъ которыхъ императрица дорожила. Недовольство такого рода лицъ «Трутень» высмѣиваетъ слѣдующимъ образомъ: «...Не въ свои сани этотъ авторъ (сатирикъ «Трутня») садится. Онъде начинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей, именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе. Полно-де ево недавно отпряла «Всякая Всячина» очень хорошо: да ето еще ничево, въ старыя времена послали бы ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы, какова ни на есть царства Русскаво владѣнія»...

Дальнѣйшія событія показали, что «старыя времена» могли и вернуться. Арестъ Новикова, закрытіе типографій, ссылка Радищева—все это факты, которые не оставляли и тѣни сомнѣній въ томъ, что блаженныя времена, когда всѣмъ «и знать, и мыслить» разрѣшалось, безвозвратно прошли. Темы, затронутыя Радищевымъ въ его книгѣ, не были новы. Онѣ не разъ трактовались въ такомъ же смыслѣ и журналами, и самой императрицей. А между тѣмъ книга была отправлена къ извѣстному Шешковскому. Екатерина, прочитавъ эту книгу, нашла, что авторъ «бунтовщикъ, хуже Пугачева», что онъ «зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и выискиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ» и т. д.

Насколько можно судить изъ сопоставленія приведенныхъ въ общихъ чертахъ отдѣльныхъ фактовъ, дѣятельность Екатерины II въ теченіе 34 лѣтъ царствованія постепенно, незамѣтно, вѣроятно, даже для нея самой, подвергалась цѣлому ряду послѣдовательныхъ измѣненій. Вступая на престолъ, она не только считала себя послѣдовательницей французской философіи, но думала также и подданныхъ своихъ сдѣлать такими же послѣдователями. Она мечтала о перевоспитаніи русскаго общества, о благѣ всѣхъ и каждаго, а въ концѣ жизни стала ярымъ врагомъ французской философіи, въ полномъ убѣжденіи, что въ Россіи все обстоитъ благополучно и что инаго режима и иныхъ отношеній и быть не можетъ; начавъ съ того, что стала учить своихъ подданныхъ, кончила тѣмъ, что подпала вліянію своихъ учениковъ, а ученики эти оказались хорошими преподавателями и больше всего старались посвятить учительницу въ тайны русскаго строя и на собственномъ примѣрѣ постоянно какъ нельзя лучше показывали, что можно быть вольтерьянцемъ, и въ то же время сѣчь своихъ крѣпостныхъ. Французская революція послужила самымъ вѣскимъ доказательствомъ, послѣ котораго Екатерина уже окончательно перестала сомнѣваться въ зловредности французской философіи.

Вл. Боцяновскій

ПУТЕШЕСТВІЕ НАНСЕНА, ОПИСАННОЕ ИМЪ САМИМЪ.

Предисловіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помышлять объ экспедиціи къ сѣверному полюсу, мнѣ всегда казалось, что всѣ попытки, которыя дѣлались до сихъ поръ съ цѣлью проникнуть въ тайны полярнаго міра, врядъ-ли могли быть удачными. Очевидно, что постоянное движеніе полярныхъ льдовъ, приносимыхъ теченіемъ съ сѣвера, не только всегда задерживало, но и часто уничтожало суда экспедицій; ту же участь испытывали экспедиціи на собакахъ и въ саняхъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ всегда представлялось, что должны же существовать какіе-нибудь иные способы добраться до этихъ неизвѣстныхъ областей, и много лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ задумалъ планъ путешествія, который мнѣ теперь удалось осуществить.

Появленіе разныхъ предметовъ послѣ несчастной экспедиціи «Жанеты» побудило меня выработать въ 1884 году мой планъ. Предметы эти, какъ извѣстно, были найдены на юго-западномъ берегу Гренландіи, и, по моему мнѣнію, не могли попасть туда изъ сѣверо-восточныхъ областей полярнаго океана близъ Ново-Сибирскихъ острововъ, гдѣ погибла «Жаннета», иначе, какъ приплывъ по полярному океану съ сѣвера отъ Земли Франца-Іосифа. Мнѣ пришло въ голову, что если этимъ путемъ могли приплыть различныя вещи съ корабля, то и самъ корабль могъ слѣдовать этимъ же путемъ, еслибы былъ на столько крѣпокъ, чтобы съ успѣхомъ выдерживать напоръ льда.

Я сталъ тщательно изучать эти моря и обратилъ особенное вниманіе на состояніе льда и на направленіе его движенія. Чѣмъ болѣе изучалъ я этотъ предметъ, тѣмъ болѣе почерпалъ въ немъ доказательствъ въ пользу существованія постояннаго сообщенія между областями океана, лежащими къ сѣверу отъ Сибири и къ востоку отъ береговъ Гренландіи; я вполнѣ убѣдился, что существуетъ постоянное теченіе, которое уноситъ съ собою ледъ и двигается черезъ сѣверный полюсъ отъ Берингова пролива и между Шпицбергеномъ и Гренландіей. Я былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости моей теоріи, точно также, какъ былъ увѣренъ, что экспедиція на особо приспособленномъ для этого суднѣ, которое, проникнувъ возможно ближе къ полюсу въ Сибирскомъ морѣ, позволитъ себя увлечь движущемуся ледяному полю, должна пройти непремѣнно тѣмъ же путемъ, и, слѣдовательно,

позволитъ приподнять хоть немного завѣсу, скрывающую отъ насъ эти области. Въ своей лекціи, прочитанной въ королевскомъ географическомъ обществѣ въ ноябрѣ 1892 года и напечатанной въ «Географическомъ журналѣ» въ 1896 году, я развивалъ свой планъ и взгляды, послужившіе ему основаніемъ.

Доказательства, на которыхъ я, главнымъ образомъ, основывалъ свою теорію о существованіи теченія, проходящаго черезъ сѣверный полюсъ, были слѣдующія:

1) Постоянныя находки сибирскихъ деревьевъ, приносимыхъ теченіемъ къ Гренландскому берегу.

2) Метательное эскимосское орудіе, найденное на восточномъ берегу Гренландіи, которое, можно сказать навѣрное, попало сюда изъ Аляски по Берингову проливу, и

3) Самый ледъ, плывущій къ югу, вдоль восточнаго берега Гренландіи. Льдины этого теченія значительно больше и массивнѣе всякаго другого плавучаго льда, и про нихъ можно положительно сказать, что они долго носились по морю, и потому постепенно увеличились въ своихъ размѣрахъ.

Доказательство, на которое я обратилъ, главнымъ образомъ, вниманіе и которое, послѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, дѣйствительно оказалось весьма вѣскимъ, заключалось въ томъ, что ледъ, уносимый теченіемъ къ югу вдоль восточнаго берега Гренландіи, покрытъ темной пылью и грязью. По моему мнѣнію, грязь эта могла происходить только съ сибирскихъ береговъ. Во время своей гренландской экспедиціи 1888 г., я собралъ нѣсколько образцовъ этой грязи и передалъ ее для изслѣдованія геологу Фёрнебому. Не зная ничего о моихъ предположеніяхъ и лишь на основаніи микроскопическаго изслѣдованія этой грязи, онъ выразилъ мнѣніе, что эта грязь, вѣроятно, взята изъ обширной страны, образованной наносами, и не иначе, какъ изъ Сибири. Въ этихъ образцахъ, кромѣ минеральной пыли, онъ нашелъ микроскопическія водоросли, извѣстныя подъ именемъ діатомей, вслѣдствіе чего онъ послалъ образцы ихъ профессору Клеве, извѣстному авторитету въ этой области науки. Клеве нашелъ поразительное сходство между діатомеями изъ моихъ образцовъ и діатомеями изъ образца почвы, случайно собранной во время шведской экспедиціи *Вега* со льда противъ мыса Ванкарема, по близости Берингова пролива. Эти образцы діатомей, найденныхъ въ двухъ мѣстностяхъ, находящихся на такомъ громадномъ разстояніи другъ отъ друга, совершенно не похожи на другіе виды, извѣстные въ различныхъ частяхъ земного шара. Эти два образца были до такой степени схожи между собою, что Клеве, нисколько не колеблясь, заявилъ, что, по его мнѣнію, между областью океана къ сѣверу отъ Берингова пролива и моремъ Восточной Гренландіи необходимо должно существовать сообщеніе. Изслѣдуя этотъ предметъ болѣе тщательно во время моей экспедиціи, я открылъ цѣ-

лый міръ діатомеевыхъ и другихъ микроскопическихъ организмовъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, живущихъ въ лужахъ прѣсной воды на поверхности плавучаго льда, постоянно передвигающагося отъ береговъ Сибири къ восточнымъ берегамъ Гренландіи,—міръ, извѣстный до сихъ поръ только по этимъ двумъ образцамъ, и который, можетъ быть, существуетъ во льдахъ далекаго сѣвера, хотя этотъ ледъ считался безусловно чистымъ отъ всякихъ живыхъ организмовъ.

Излагая въ своей лекціи различныя доказательства справедливости моей теоріи, я говорилъ слѣдующее:

«Исходя изъ этихъ фактовъ, мы чувствуемъ себя въ правѣ вывести заключеніе, что въ полярномъ океанѣ существуетъ постоянное теченіе, направляющееся къ сѣверу отъ Земли Франца-Іосифа изъ областей моря, расположенныхъ къ сѣверу отъ Сибири и Берингова пролива, и двигающееся между Шпицбергеномъ и Гренландіей, и мы видѣли, что плавучій ледъ постоянно уносится съ этимъ теченіемъ по опредѣленному пути. Разъ это явленіе существуетъ, то для того, чтобы проѣхать по этимъ неизвѣстнымъ мѣстамъ всего естественнѣе взять билетъ на льду, войти въ теченіе съ той стороны, гдѣ оно начинается и идетъ къ сѣверу—то-есть, гдѣ-нибудь около Сибирскихъ острововъ, и ѣхать прямо къ широтамъ, которыхъ до сихъ поръ не могли достигнуть».

Какъ уже было сказано въ моей лекціи, цѣль экспедиціи заключалась не въ томъ, чтобы достигнуть сѣвернаго полюса, но въ томъ, чтобы проплыть по неизвѣстному полярному океану.

Я указывалъ тогда же («Geographical Journal», p. 20), что невозможно опредѣлить точно направленіе теченія или точку близъ полюса, которую оно пересѣчетъ. «Возможно,—говорилъ я,—что теченіе не пронесетъ насъ черезъ самый полюсъ, *но въдь главная цѣль заключается въ изслѣдованіи неизвѣстныхъ полярныхъ областей*, а не въ томъ, чтобы непремѣнно достигнуть математической точки, которою оканчивается ось нашей планеты».

Мнѣ было ясно, что для достиженія этой цѣли существуютъ только два способа:

1) Построить крѣпкое судно, устроенное съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно могло выдерживать напоръ льда, и спокойно двигаться на немъ вмѣстѣ съ окружающимъ его льдомъ, или же 2) воспользоваться одними лодками, устроить стоянку на ледяномъ полѣ и плыть вмѣстѣ съ нимъ по океану.

Я построилъ свой планъ на первомъ способѣ, но въ то же время принялъ мѣры, чтобы продолжать экспедицію по второму способу, въ случаѣ, если наше судно будетъ раздавлено льдомъ.

Но, чтобы избѣжать этого, я употребилъ всѣ старанія соорудить именно такое судно; къ счастью, я встрѣтилъ въ лицѣ нашего извѣстнаго корабельнаго инженера, Колина Арчера, человѣка, который посвя-

тилъ всѣ свои способности и знанія этому дѣлу. Врядъ-ли какое судно сооружалось съ такимъ вниманіемъ и добросовѣстностью, съ какими строился «Фрамъ»; въ награду за свои труды, инженеръ увидѣлъ судно, совершившее подвигъ, какого не совершало никакое другое судно. «Фрамъ» оправдалъ до послѣднихъ мелочей всѣ предъявленныя мною къ нему требованія. Оно выдержало суровое испытаніе, какому подверглось въ это путешествіе, не только благодаря прочности и строгому выбору матерьяла, но и вслѣдствіе необыкновенно удачной формы корпуса и безчисленныхъ приспособленій, защищавшихъ самыя опасныя мѣста и точки, и придуманныхъ, главнымъ образомъ, Колиномъ Арчеромъ.

Такимъ образомъ, благодаря кораблю, а слѣдовательно, Арчеру, случилось, что экспедиція, которая, по предсказанію всѣхъ, представляла самое трудное и опасное предпріятіе, когда-либо предпринятое человѣкомъ, превратилась положительно въ праздничную прогулку, въ теченіе которой мы вели настолько комфортабельную жизнь, что намъ могъ бы позавидовать любой англичанинъ.

Когда я излагалъ свой планъ предъ королевскимъ географическимъ обществомъ, многіе изъ присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи авторитетныхъ знатоковъ полярныхъ странъ, изъ сочувствія и симпатіи ко мнѣ и моимъ товарищамъ, убѣждали меня отказаться отъ этого предпріятія. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали даже, что весь планъ экспедиціи основанъ на теоріяхъ, не согласныхъ съ дѣйствительностью. Общее мнѣніе, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, утверждало въ одинъ голосъ, что экспедиція, осмѣлившаяся довѣрить свою судьбу непостоянному полярному льду, либо пропадетъ безъ вѣсти, либо же она не достигнетъ никакихъ результатовъ; всѣ авторитеты, казалось, соглашались, что никакое судно не въ состояніи противустоять давленію льда въ этихъ отдаленныхъ полярныхъ областяхъ. Извѣстный американскій путешественникъ къ сѣверному полюсу, генералъ А. В. Грили, считалъ «невѣроятнымъ, чтобы планъ д-ра Нансена встрѣтилъ какое-нибудь одобреніе и поддержку, и свою статью въ «Forum'ѣ» онъ закончилъ слѣдующими словами: «Всякое околополярное изслѣдованіе представляетъ достаточно опасностей и неблагопріятныхъ шансовъ въ своихъ уже испытанныхъ методахъ, и нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ придуманному докторомъ Нансеномъ способу самоистребленія».

Конечно, все это было не въ состояніи поколебать моей увѣренности въ собственномъ планѣ. Норвежскій стортингъ, по первому моему прошенію, ассигновалъ необходимую для моей экспедиціи сумму, и я не встрѣтилъ въ Норвегіи никакихъ затрудненій или отказовъ въ частныхъ пожертвованіяхъ на дальнѣйшія нужды экспедиціи. Оставшись, вслѣдствіе дорого обошедшагося снаряженія корабля, безъ всякихъ средствъ передъ самымъ началомъ экспедиціи, я долженъ былъ

обратиться къ стортингу съ просьбой о добавочной ассигновкѣ, которую мнѣ выдали весьма охотно.

I. Плаваніе «Фрама».

24 іюня 1893 г. всѣ приготовленія были, наконецъ, закончены, и «Фрамъ», снявшись съ якоря, поплылъ по Кристіанъ-фіорду. 21 іюля мы покинули Вардё, послѣднюю норвежскую гавань, и направились по открытому морю къ Новой Землѣ. Въ пути насъ задержали на нѣсколько дней льды, такъ что мы достигли Хабарова въ Югорскомъ шарѣ не ранѣе 29 іюля. Здѣсь мы приняли на бортъ 34 сибирскихъ упряжныхъ собаки, которыхъ досталъ для насъ у сибирскихъ остяковъ посланный барономъ Толемъ человѣкъ. Здѣсь же мы починили котелъ и сдѣлали разныи другія необходимыя приготовленія. Сверхъ того, мы ожидали прихода шлюпа «Ураніи», который долженъ былъ доставить намъ грузъ угля. Но такъ какъ это судно запоздало, а время уходило и угля у насъ было запасено достаточно, то я рѣшилъ не ждать долѣе.

Вечеромъ 3-го августа мы приготовились къ отплытію. Мой секретарь, Кристоффersенъ, сопровождавшій насъ до этого мѣста, распростился съ нами. Но въ моментъ, какъ мы готовы были поднять якорь, палъ густой туманъ, такъ что мы съ трудомъ различали съ палубы оконечность бугсприта. Туманъ, повидимому, не собирался разсѣяться, и я въ концѣ-концовъ рѣшилъ двинуться въ путь, причемъ я плылъ съ однимъ изъ моихъ спутниковъ впереди на нашей маленькой лодкѣ съ керосиновымъ двигателемъ. Мы мѣряли дно въ узкомъ проливѣ, гдѣ наше судно ежеминутно могло потерпѣть крушеніе и пойти ко дну. Но мы счастливо выбрались изъ пролива и на слѣдующее утро покинули Югорскій шаръ и вступили въ опасное Карское море. Здѣсь мы вскорѣ наткнулись на сплошной ледъ, такъ что казалось, что черезъ него нѣтъ прохода; однако, мы нашли проходъ въ восточномъ направленіи близъ берега и шли по немъ до самаго устья рѣки Кары. Отсюда мы двинулись поперегъ губы къ Ялмалу, гдѣ 6 августа ледъ окончательно преградилъ намъ всякій путь впередъ. Мы высадились на берегъ и провели время въ ожиданіи, дѣлая ботаническія и геологическія экскурсіи. Опредѣливъ положеніе мѣста, мы убѣдились, что на картахъ берегъ показанъ невѣрно, именно на $^1/_2{}^0$ къ западу. Вскорѣ на палубѣ корабля появилось двое самоѣдовъ, которыхъ мы приняли гостепріимно, угостивъ ихъ сухарями и другими европейскими лакомствами, такъ что они ушли вполнѣ довольные нами. Это были послѣдніе видѣнные нами люди.

12 августа ледъ, наконецъ, разошелся на сѣверѣ настолько, что мы рѣшились попытаться открыть себѣ путь въ этомъ направленіи. Къ счастію, мы встрѣтили у сѣверной оконечности Ялмала открытое море; но жестокая буря съ сѣверо-запада заставила насъ повернуть къ востоку и направиться въ открытое море. Такимъ образомъ мы плыли нѣсколько недѣль.

Однажды, когда мы боролись въ Карскомъ морѣ съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, мы внезапно открыли къ сѣверо-западу отъ устьевъ Енисея землю. Мы не могли догадаться, что это за земля, ибо наши астрономическія опредѣленія ясно доказывали, что корабль находится въ открытомъ морѣ. Вскорѣ обнаружилось, что эта земля—неизвѣстный дотолѣ островокъ, которому мы и дали названіе Островъ Свердрупа. Къ вечеру мы достигли берега и зашли въ бухту Диксона. Вначалѣ мы предполагали остановиться и оставить здѣсь письма, которыя должна была захватить Енисейская экспедиція Виггинса, но время было дорого и потому я рѣшилъ плыть дальше, не высаживаясь на берегъ.

Въ продолженіи нашего плаванія вдоль сибирскихъ береговъ мы открывали многіе новые острова, о которыхъ я не стану здѣсь распространяться. Линія берега значительно отступаетъ отъ показаній карты. Мнѣ представлялось, что этотъ берегъ образованъ дѣйствіемъ ледниковъ, ибо своими глубокими фіордами, скалистыми выступами мысовъ и острововъ онъ сильно напоминаетъ западные берега Норвегіи или Шотландіи, хотя, конечно, горы здѣсь не достигаютъ такой высоты, а фіорды менѣе извилисты и менѣе далеки, чѣмъ тамъ.

20 августа мы высадились на одномъ изъ Кьелманскихъ острововъ, гдѣ застрѣлили двухъ медвѣдей и нѣсколько сѣверныхъ оленей. Здѣсь, также какъ и во многихъ другихъ точкахъ сибирскаго берега, мы наткнулись на несомнѣнные слѣды ледниковаго періода, во время котораго ледники покрывали на значительномъ протяженіи всю сѣверную Сибирь. Почти на всемъ пространствѣ отъ Ялмала до мыса Челюскина я видѣлъ валуны, морены и моренныя отложенія. На этомъ островкѣ я открылъ обнаженное мѣсто со слѣдами ледниковыхъ царапинъ.

Когда мы хотѣли тронуться съ мѣста, погода измѣнилась къ худшему: задулъ вѣтеръ и установилось противное теченіе, которое въ этихъ опасныхъ, изобилующихъ камнями и отмелями мѣстахъ, дѣлало всякое движеніе впередъ невозможнымъ. Мы избавились отъ него не ранѣе 24 августа, хотя и послѣ того намъ пришлось бороться на пути съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ. 27 августа мы достигли мыса Паландеръ, и въ ту же ночь сплошной ледяной барьеръ загородилъ намъ путь въ проливѣ между Таймырскимъ островомъ Норденшильда и островами Альмквиста. Мы попытались проложить себѣ путь на сѣверъ отъ этихъ острововъ, но наткнулись въ этомъ направленіи на цѣпь новыхъ острововъ, простиравшихся въ сѣверномъ направленіи.

Достигнувъ наконецъ сѣверной оконечности ихъ, мы были остановлены сплошнымъ льдомъ, такъ что были принуждены повернуть обратно. Прохода не было нигдѣ; сплошной ледъ забилъ всѣ проливы между островами. Мы остановились и стали готовиться къ зимовкѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Норденшильдъ въ 1878 г., еще въ среднихъ числахъ августа плылъ по совершенно свободному отъ льда морю. Но буря разломала ледъ, и 6 сентября мы могли продолжать путь. Къ немалому удивленію,

мы увидѣли противуположный берегъ Таймырскаго залива на половинѣ пути, а не такъ, какъ это показано на картѣ. Заливъ значительно уже, чѣмъ показано на картѣ, и берега его представляютъ совершенно иное очертаніе. Мы шли въ сѣверномъ направленіи къ мысу Челюскину, но 7 сентября сплошной ледъ снова преградилъ намъ путь.

На слѣдующій день я предпринялъ сухопутную экспедицію на Челюскинъ полуостровъ. Я убѣдился, что почва его представляетъ по большей части обширную глинистую равнину, усѣянную громадными валунами гранита, порфира и разныхъ другихъ породъ. Я открылъ здѣсь также устье широкой рѣки, которая начинается, вѣроятно, далеко въ глубинѣ страны.

9 сентября мы снова могли продолжать нашъ путь къ сѣверу, причемъ открыли въ морѣ, къ западу отъ мыса Челюскина, который обогнули 10 сентября, еще нѣсколько острововъ. Къ востоку отъ этого мыса сплошной ледъ еще разъ преградилъ намъ путь. Ледъ лежалъ къ востоку и югу вдоль всего берега Таймырскаго полуострова такъ близко къ берегу, что намъ пришлось двигаться вдоль него почти до устьевъ рѣки Анабары. 15 сентября мы прошли мимо устья рѣки Оленека, гдѣ насъ ожидало 26 превосходныхъ упряжныхъ собакъ, которыя также были заготовлены для насъ барономъ Толемъ, такъ какъ восточно-сибирскія собаки значительно превосходятъ западно-сибирскихъ. Мнѣ было крайне важно заполучить этихъ собакъ, ибо я ожидалъ отъ нихъ большой пользы для экспедиціи; но малая глубина моря въ связи съ позднимъ временемъ года не позволили мнѣ пристать къ берегу. Если бы мы сѣли здѣсь на мель, то потратили бы нѣсколько дней тяжелой работы на снятіе съ мели судна, а между тѣмъ зима приближалась быстрыми шагами и могла запереть насъ здѣсь на цѣлый годъ, даже еслибы не случилось предположеннаго мною несчастія. Все это представляло для меня слишкомъ большой рискъ, и потому я рѣшилъ продолжать путь къ Ново-Сибирскимъ островамъ.

Въ ночь на 18-е сентября мы миновали самый западный изъ этихъ острововъ—Бѣлковый островъ. На Котельномъ для экспедиціи былъ устроенъ барономъ Толемъ складъ провіанта, на тотъ случай, еслибы намъ пришлось покинуть корабль и вернуться домой сухимъ путемъ черезъ Сибирь. Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на эти склады, но время снова заставило насъ, не останавливаясь, продолжать путь къ сѣверу по свободному отъ льда морю.

Мы были остановлены льдомъ только 20-го сентября подъ 77° 44′ с. ш. Мнѣ хотѣлось направиться къ востоку вдоль края льда, чтобы постараться осмотрѣть таинственную Санниковскую землю и оттуда пройти по направленію къ острову Беннетта, но тамъ было очень много льда, и такъ какъ путь туда представлялся крайне сомнительнымъ, то я и продолжалъ двигаться къ сѣверо-западу вдоль края льда. 21-го сентября мы добрались до оконечности бухты, гдѣ край льда

поворачивалъ къ юго-западу. Дальнѣйшаго пути къ сѣверу не было, и поэтому 22-го сентября мы прямо подошли къ ледяной горѣ, подъ 78°50′ сѣверн. широты и 133°37′ вост. долготы, и дали окружить себя льду, который вскорѣ охватилъ корабль кругомъ.

Въ продолженіе первыхъ дней насъ несло по направленію къ сѣверу, такъ что 29-го сентября мы пересѣкли 79-ю параллель сѣверн. широты. Надежда намъ улыбалась, но вскорѣ она омрачилась сѣвернымъ вѣтромъ, продолжавшимъ дуть всю осень и уносившимъ насъ въ юго-восточномъ направленіи. Печальное это было время: точно будто все сговорилось противъ насъ. Къ 8-му ноября мы спустились какъ разъ къ 77°43′ сѣв. широты и 138°8′ восточн. долготы; но тутъ, наконецъ, задулъ южный и юго-восточный вѣтеръ, и насъ сильно понесло по сѣверному и сѣверо-восточному направленію, совершенно такъ, какъ было предначертано въ планѣ экспедиціи.

Въ октябрѣ давленіе льда стало весьма сильнымъ и продолжалось всю осень и зиму. Мы вскорѣ открыли, что это происходило, главнымъ образомъ, во время приливовъ и отливовъ, и что каждыя сутки ледъ періодически дважды расходился и сжимался. Вслѣдствіе этого, во время весеннихъ приливовъ, давленіе бывало такъ сильно, что корабль поднимался на нѣсколько футовъ и снова опускался въ прежнее положеніе, когда ледъ раздвигался. Будь у насъ другое судно, оно несомнѣнно погибло бы отъ такого давленія; но «Фрамъ» превзошелъ всѣ наши смѣлыя надежды и, казалось, даже не чувствовалъ давленія. Ледъ поднимался и давилъ на стѣнки судна съ страшнымъ трескомъ, но вреда не приносилъ. Ни одна перекладина, ни единая доска не подавались. Трескъ отъ ломавшагося льда иногда бывалъ до такой степени силенъ, что въ гостиной мы не слыхали голосовъ другъ друга. Это бывало особенно непріятно для играющихъ въ карты, такъ какъ они не могли вести переговоровъ и объявлять игры.

Сначала, пока экипажъ не привыкъ къ этому явленію, мы находили его на столько интереснымъ, что собирались на палубу, чтобы смотрѣть; но вскорѣ оно намъ надоѣло, и какъ бы сильно ледъ ни давилъ, никто уже не выходилъ смотрѣть. Мы находились въ полной безопасности, какъ въ крѣпости, и «Фрамъ» представлялъ такое уютное теплое гнѣздышко, что мы совсѣмъ не чувствовали суровости полярной зимы.

Температура быстро падала и держалась на одномъ уровнѣ въ продолженіи всей зимы. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ртуть оставалась замерзшей. Въ самый сильный холодъ, термометръ показывалъ 63° ниже нуля. Не смотря на то, что даже при такой температурѣ иногда поднимался вѣтеръ, мы чувствовали себя отлично во время своихъ экскурсій на открытомъ воздухѣ, одѣтые въ теплое шерстяное платье, съ накинутой сверху одеждой, не пропускавшей вѣтра. «Фрамъ» былъ такъ хорошо выстроенъ, что даже при такой низкой температурѣ мы не топили гостиной до новаго года.

Весь экипажъ былъ совершенно здоровъ въ продолженіи всей экспедиціи, и мы всѣ нашли, что полярное море очень здоровое мѣсто, въ особенности въ такой чудной санаторіи, какою былъ «Фрамъ».

Электрическое освѣщеніе мы добывали посредствомъ вѣтряной мельницы, которая оправдала вполнѣ наши ожиданія. Конечно, вѣтра не всегда было достаточно, чтобы имѣть постоянно электрическое освѣщеніе, но въ такихъ случаяхъ мы зажигали масляныя лампы.

Вообще же время проходило такъ весело, какъ оно только можетъ проходить на кораблѣ. Всѣ мы находились въ отличныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ и охотно исполняли свои обязанности. Конечно, были приняты всѣ мѣры, чтобы доставить всѣмъ занятіе, но даже и безъ этого время не тянулось для насъ долго. Для тѣхъ, кто не былъ постоянно занятъ научными изслѣдованіями и наблюденіями, было достаточно развлеченій въ большой библіотекѣ, въ играхъ, музыкѣ, различнаго рода работахъ и т. д.; и мнѣ кажется, врядъ-ли кто-нибудь изъ насъ сильно тяготился однообразіемъ жизни, на которое жаловались участники всѣхъ полярныхъ экспедицій. Намъ же, занятымъ научными изслѣдованіями, недоставало времени на работу. «Фрамъ» представлялъ изъ себя обсерваторію, лучше какой для научныхъ наблюденій нельзя было себѣ вообразить, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что мы привезли домой такой обильный и цѣнный матерьялъ, какой не привозила до насъ ни одна экспедиція.

Лейтенантъ Сигурдъ Скоттъ-Ганзенъ принялъ на себя метеорологическія, магнитныя и астрономическія наблюденія, которыя, смѣю замѣтить, замѣчательно полны. Докторъ Блессингъ взялъ на себя большую часть ботаническихъ изслѣдованій и наблюденія надъ сѣвернымъ сіяніемъ, и, кромѣ того, конечно, не лишены значенія его физіологическія и медицинскія наблюденія. Вдобавокъ, на кораблѣ дѣлались зоологическія изслѣдованія, измѣреніе и опредѣленіе температуры и степени солености воды, наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ и многое другое.

Близъ сибирскаго берега и къ сѣверу до 79° сѣв. широты я нашелъ весьма незначительныя глубины—меньше 160 метровъ. Нѣсколько же сѣвернѣе этой широты глубина стала увеличиваться съ замѣчательной быстротой, и уже на сѣверѣ глубина доходила до 3.200—3.600 метровъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что весь полярный бассейнъ долженъ представлять продолженіе глубокой впадины, залегающей на сѣверъ отъ Атлантическаго океана между Шпицбергеномъ и Гренландіей. Открытіе этого глубокаго полярнаго бассейна опровергаетъ всѣ прежнія теоріи о мелкомъ полярномъ морѣ. Во множествѣ пробъ, добытыхъ со дна моря, я не находилъ организмовъ; это фактъ, который внесетъ, вѣроятно, какое-нибудь измѣненіе въ наши взгляды относительно осадковъ глубокаго моря. Температура и степень солености воды въ морѣ тоже оказываются не такими, какія предпола-

гало большинство ученыхъ авторитетовъ. Я открылъ на незначительной глубинѣ подъ слоемъ холодной ледяной воды, покрывающей поверхность полярнаго океана, мощный слой болѣе теплой и болѣе соленой воды, доставляемой, вѣроятно, Гольфстремомъ, температура котораго оказалась на цѣлый градусъ выше точки замерзанія. Затѣмъ ниже вода была опять холоднѣе, но все-таки значительно теплѣе, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ.

Скорость, съ которой насъ несло теченіе, постоянно измѣнялась, и вслѣдствіе этого мы двигались не по прямой линіи. Иногда насъ несло впередъ, а иногда назадъ, и еслибы мы заносили на карту движеніе, то вышли бы такіе петли и узлы, что совсѣмъ нельзя было бы въ нихъ разобраться. По картѣ, на которой набросано въ общихъ чертахъ направленіе нашего пути, можно все-таки составить себѣ понятіе объ этомъ направленіи. Какъ мы и ожидали, мы двигались къ сѣверо-западу зимою и весною, но за то лѣтомъ сѣверные вѣтры останавливали насъ.

Къ 18-му іюня мы достигли такимъ образомъ 81°52′ сѣв. широты, но преобладавшіе сѣверо-западные вѣтры снова погнали насъ къ югу, и все это лѣто мы блуждали въ довольно низкихъ широтахъ. Не ранѣе, какъ 21-го октября достигли мы 82° сѣв. широты и 114°9′ восточ. долготы. Наканунѣ Рождества Христова 1894 года мы находились подъ 83° с. ш. и 105° восточ. долготы, а черезъ нѣсколько дней спустя были уже подъ 83°24′ сѣв. шир., сѣвернѣе чего не достигалъ еще ни одинъ человѣкъ.

4-го и 5-го января 1895 года «Фрамъ» подвергнулся самому ужаснѣйшему давленію, какое только мы до сихъ поръ испытывали. Передъ началомъ нашей экспедиціи извѣстный авторитетъ, сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтокъ, выразилъ мнѣніе, что «Фрамъ» вынесетъ давленіе льда лѣтомъ, но надежды, чтобы онъ вынесъ его зимою, или же поднялся изо льда, казалось, мало. Другіе же авторитетные мореплаватели выражались гораздо рѣшительнѣе и прямо говорили, что никакой корабль не вынесетъ зимою давленія льда. «Фрамъ» же не только подвергался зимнему давленію, но замерзъ во льду, имѣвшемъ 30 футовъ въ толщину, въ чемъ я убѣдился, пробуравивъ однажды этотъ пластъ льда. На этотъ пластъ двигались новыя глыбы, которыя съ ужасной силой напирали на борта судна. Давленіе было страшное. Ледъ громоздился выше палубы, высоко надъ такелажемъ, грозя поглотить или раздавить судно. Никто изъ насъ не вѣрилъ, чтобы корабль остался цѣлъ. Необходимое продовольствіе, брезенты, «каяки» (эскимосскія лодки), кухонная посуда, топливо, палатки, ручныя сани и «ски» (лыжи) были спущены на ледъ. Всѣ ежеминутно были готовы покинуть корабль, и никому не было позволено спать, раздѣвшись.

Но «Фрамъ» оказался крѣпче, чѣмъ мы предполагали. Когда давленіе достигло крайнихъ предѣловъ, и въ первый разъ скрѣпы и

доски начали трещать, корабль поднялся кверху и высвободился изо льда, въ которой былъ закованъ.

Это было настоящее торжество. Принимая въ соображеніе самыя страшныя случайности, я не могъ себѣ представить болѣе опаснаго положенія для корабля, но послѣ этого опыта я считаю, что «Фрамъ» можетъ перенести что угодно. Мы тщательно осмотрѣли наше судно, но не нашли ни малѣйшихъ поврежденій, ни единой трещины, ни единой щели.

Послѣ этого мы стали относиться къ давленію льда болѣе или менѣе спокойно и продолжали быстро подвигаться къ сѣверу и сѣверо-востоку.

II. Поѣздка на саняхъ.

Мнѣ казалось, и я могъ уже съ увѣренностью утверждать, что «Фрамъ» въ скоромъ времени достигнетъ наибольшей широты, на сѣверъ отъ Земли Франца-Іосифа, и не далѣе, какъ къ началу будущаго лѣта, достигнетъ моря къ сѣверу отъ Шпицбергена; поэтому я счелъ теперь возможнымъ осуществить новый планъ, недавно мною задуманный, а именно: мнѣ хотѣлось изслѣдовать море къ сѣверу отъ пути «Фрама». Это можно было сдѣлать, только предпринявъ путешествіе на собакахъ, и не разсчитывая вернуться къ «Фраму», такъ какъ трудно было надѣяться отыскать корабль, уносимый теченіемъ вмѣстѣ со льдомъ. Такъ какъ такого рода путешествіе, въ случаѣ, если встрѣтятся какія-нибудь затрудненія, представляетъ нѣкоторый рискъ, то я не посмѣлъ принять на себя отвѣтственности за него и послать кого-нибудь изъ моихъ спутниковъ, а рѣшился отправиться самъ, хотя на кораблѣ недостатка въ желающихъ отправиться не было. Себѣ въ товарищи я выбралъ своего помощника, лейтенанта Іогансена, съ радостью принявшаго это предложеніе. Командиромъ для окончанія экспедиціи на «Фрамѣ» я оставилъ Свердрупа.

Конечно, я нѣсколько колебался оставить своихъ товарищей и поручить отвѣтственность за ихъ благополучіе и безопасность постороннему человѣку; но я слишкомъ вѣрилъ въ способности Свердрупа руководить другими, въ случаѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ затрудненій, и не боялся, что онъ не доставитъ всѣхъ благополучно домой, еслибы даже пришлось покинуть «Фрамъ», чего я никакъ не предполагалъ.

Въ продолженіи всей зимы я былъ занятъ приготовленіями къ этой экспедиціи. Я сдѣлалъ новыя крѣпкія сани, спеціально приготовленныя для поѣздки на собакахъ по неровному льду. Затѣмъ я построилъ два каяка, въ 12 футовъ длиною, и на столько просторныхъ, что въ каждомъ изъ нихъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ. продовольствіе на четыре мѣсяца и нѣсколько собакъ. Остовъ этихъ лодокъ былъ сдѣланъ изъ бамбуковаго дерева и обтянутъ брезентомъ. Каждая лодка вѣсила 40 фунтовъ. Продовольствіе, состоявшее исключительно изъ лучшихъ высушенныхъ и спрессованныхъ съѣстныхъ припасовъ—

главнымъ образомъ, изъ сухого мяса, сухой рыбы, приготовленной на пару овсяной муки, сухарей, масла, и т. д., и т. д.—было уложено въ брезентовые мѣшки. Мы постоянно упражняли собакъ, чтобы приготовить ихъ къ поѣздкѣ, и дѣлали всевозможныя испытанія, приготовляли палатки, мѣшки для спанья, и т. д.

Мнѣ хотѣлось оставить «Фрамъ», лишь только зарождающійся полярный лѣтній день дастъ намъ возможность ѣхать по неровному полярному льду. Такимъ образомъ 26 февраля, взявъ съ собой шесть саней, двадцать восемь собакъ, два каяка, и продовольствія для себя и собакъ на нѣсколько мѣсяцевъ, мы съ Іогансеномъ покинули «Фрамъ». Но, промучившись въ продолженіи четырехъ дней со всѣми этими санями по неровному льду, мы увидали, что съ такимъ грузомъ намъ во-время не достигнуть цѣли. По этому льду собаки не могли тащить столько груза, сколько мы хотѣли взять съ собой; вслѣдствіе этого мы рѣшились вернуться на корабль, сократить число нашихъ саней, уменьшить запасъ продовольствія и, подождавъ еще немного, потомъ уже отправиться въ путь снова.

8-го марта, какъ разъ въ ту минуту, какъ мы подъѣзжали къ «Фраму», послѣ самой долгой полярной ночи, какую только переживали люди, въ первый разъ показалось въ эту весну на горизонтѣ солнце. Наблюденія, сдѣланныя въ этотъ день, показали намъ, что мы достигли 84°4′ с. ш.

Снова прошло нѣсколько дней въ приготовленіяхъ. Теперь я намѣревался взять съ собою провизіи для собакъ на одинъ мѣсяцъ и провизіи для людей на сто дней, и съ такимъ легкимъ грузомъ попытаться проѣхать поскорѣе по льду. Для этого намъ не надо было ѣхать такъ рано, и съ товарищами своими мы простились только 14-го марта, но простились на этотъ разъ серьезно. Теперь у насъ было только трое саней, на двухъ изъ которыхъ лежали наши каяки, а собакъ по прежнему было двадцать восемь.

Я надѣялся, что далѣе на сѣверѣ путь будетъ лучше, что тамъ ледъ будетъ больше покрытъ снѣгомъ. Въ началѣ оно какъ будто такъ и было.

Ледъ былъ точно ровнѣе, и мы ѣхали довольно хорошо. 22-го марта мы уже добрались до 85°10′ сѣв. шир. и разсчитывали, что будемъ двигаться все скорѣе и скорѣе, такъ какъ грузъ будетъ убавляться, по мѣрѣ того, какъ собаки и люди будутъ съѣдать запасы. Собаки тоже, повидимому, чувствовали себя хорошо. Но мало-по-малу поверхность льда становилась все менѣе ровной, на пути громоздились цѣлыя глыбы, да и поднявшійся вѣтеръ былъ противъ насъ. 25-го марта мы достигли 85°19′ сѣв. шир., а 29-го—85°30′. Ледъ положительно несло къ югу, а мы по неровному льду подвигались впередъ очень медленно. Намъ стоило безконечнаго труда ѣхать по такому льду впередъ, перетаскивая сани черезъ нагроможденныя глыбы и цѣлыя ледяныя горы, постоянно

подымавшіяся передъ нами и не занесенныя снѣгомъ. При движеніи по такому льду собаки, конечно, приносили очень мало пользы. Приближаясь къ подобному препятствію, собаки останавливались и спокойно садились, ожидая, чтобы мы перетащили сани, и затѣмъ онѣ везли ихъ по болѣе ровному мѣсту до новаго препятствія.

Ледъ былъ въ постоянномъ движеніи, такъ и трещалъ кругомъ насъ. 3-го апрѣля мы находились уже подъ 85°59′ сѣв. шир. Мы очень торопились, постоянно надѣясь добраться до болѣе хорошаго льда. 4-го апрѣля мы достигли 86°3′, но ледъ сталъ еще хуже, и, наконецъ, 7-го апрѣля оказался такимъ непроходимымъ, что я не счелъ возможнымъ продолжать путь къ сѣверу. Еслибы путь къ Землѣ Франца-Іосифа оказался такимъ же ужаснымъ, то мы не могли бы добраться туда. Въ это время мы находились подъ 86°14′ сѣв. шир. и близъ 95° вост. долготы. Чтобы изслѣдовать состояніе льда и узнать, можно-ли двигаться дальше, я поѣхалъ на лыжахъ, но не могъ разглядѣть пути. Поднявшись на самую высокую льдину, я увидѣлъ на горизонтѣ однѣ только груды нагроможденнаго льда и больше ничего.

Тутъ, какъ и въ продолженіи всего нашего пути, мы не усматривали нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ земли. Ледъ, повидимому, несло по вѣтру, и на пути не находилось ни острововъ, ни клочка суши, которые могли бы остановить его; мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы по эту сторону сѣвернаго полюса находилась какая-нибудь земля, даже еслибы сѣверо-американскій архипелагъ простирался на эту сторону отъ полюса.

Въ первый нашъ отъѣздъ мы взяли съ собой хорошія волчьи шубы, но теперь, въ виду близкой весны и сравнительно довольно сносной температуры, не ожидали, что могутъ наступить холода, и потому, во избѣжаніе лишней тяжести и изъ желанія какъ можно болѣе облегчить себя, оставили шубы на суднѣ, когда отправились вторично въ экспедицію, и въ этомъ намъ пришлось потомъ горько раскаяться.

Недѣли три температура держалась на 40° ниже нуля, затѣмъ повысилась до 7,6° ниже нуля, а потомъ опять упала до 36,4° ниже нуля. При такой температурѣ, да еще при вѣтрѣ, мы часто очень сильно зябли въ нашей хорошей, но слишкомъ легкой шерстяной одеждѣ, которая, пропитываясь потомъ, быстро промерзала насквозь, такъ что походила скорѣе на ледяной панцырь. Съ нашими верхними мѣховыми куртками было еще гораздо хуже. Они покрывались толстымъ слоемъ льда, растопить который намъ требовалось не менѣе часа, лежа въ нашихъ мѣшкахъ и употребляя на это такую массу животной теплоты, что, только пролежавъ часа полтора, дрожа отъ холода, мы наконецъ согрѣвались. Утромъ, стоило намъ вылѣзть изъ мѣшковъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ одежда наша опять превращалась въ ледяную; и надо думать, что ни Іогансенъ, ни я не согласились бы повторить

этотъ опытъ. Въ мартѣ минимальная температура равнялась 49° ниже нуля, но иногда поднималось до 4°.

8-го апрѣля мы повернули обратно и направились къ мысу Флигели на Землѣ Франца-Іосифа. Первое время путь былъ столь же утомителенъ, какъ и прежде, но на другой же день видъ льда измѣнился къ лучшему и ледъ сталъ ровнѣе. Обыкновенно мы заводили наши часы каждый вечеръ, ложась въ мѣшки. Но мы такъ страшно торопились, что иногда ѣхали, не останавливаясь, очень долго; 12-го апрѣля прошло болѣе 36 часовъ, послѣ того, какъ мы въ послѣдній разъ легли спать, и когда мы вспомнили о часахъ, то часы наши уже стояли. Это было крайне непріятное обстоятельство. Я уже три дня не измѣрялъ долготы. Конечно, на слѣдующій же день я опредѣлилъ время, но принужденъ былъ вычесть три пропущенныхъ дня пути, и, хотя я зналъ приблизительно, сколько мы прошли, но не зналъ, на сколько подвинулся ледъ. Чтобы поставить наши часы точно, я хотѣлъ опредѣлить разстояніе по лунѣ, но, принявшись за измѣреніе, увидалъ, что мы случайно забыли взять съ собой таблицы, необходимыя для вычисленій. Конечно, мы и послѣ этого продолжали дѣлать опредѣленіе долготы съ прежней тщательностью, и думаю, что опредѣляли довольно вѣрно.

Достигнувъ 25-го апрѣля 85° сѣв. шир., мы натолкнулись, къ немалому нашему удивленію, на два лисьихъ слѣда. Это показывало намъ, что земля должна находиться гдѣ-нибудь недалеко, но, несмотря на ясную погоду, мы ничего похожаго на землю разглядѣть не могли. Теперь насъ сильно задерживали трещины и полыньи во льду. При такой низкой температурѣ онѣ были обыкновенно покрыты тонкимъ слоемъ льда, вслѣдствіе чего мы не могли переправляться на нашихъ каякахъ, и потому намъ зачастую приходилось объѣзжать эти трещины за много миль и тратить на это по полдня. Чѣмъ ближе подвигались мы къ югу, тѣмъ болѣе встрѣчали такихъ трещинъ. Между тѣмъ провіантъ у насъ убавлялся, и намъ приходилось убивать одну собаку вслѣдъ за другой, чтобы кормить остальныхъ. Нѣкоторыя собаки выражали сначала сильное отвращеніе отъ мяса своихъ товарищей; но, съ усиленіемъ голода и за недостаткомъ другой пищи, онѣ стали съ такой жадностью пожирать это мясо, что при кормежкѣ ихъ съ трудомъ можно было удержать отъ только что убитой собаки.

Порціи ихъ каждымъ днемъ становились все умѣреннѣе, такъ какъ намъ необходимо было доѣхать на нихъ какъ можно дальше, но собаки стали ослабѣвать. Многія изъ нихъ добросовѣстно тянули сани до тѣхъ поръ, пока не падали и отъ усталости не могли держаться на ногахъ. Въ такихъ случаяхъ намъ ничего болѣе не оставалось, какъ тутъ же на мѣстѣ убивать ихъ, или же, положивъ на сани, везти до вечерней остановки и убивать тамъ.

Въ іюнѣ число полыней во льду стало еще больше, перебираться

черезъ нихъ сдѣлалось еще затруднительнѣе, и самъ ледъ сталъ плоховатъ. Собаки и люди на лыжахъ и на саняхъ проваливались сквозь верхній обледенѣвшій слой снѣга и глубоко уходили въ слѣдующій мягкій слой. Собакъ оставалось уже немного, и число ихъ постоянно уменьшалось. Двигаться впередъ почти оказывалось невозможнымъ, но иного выбора у насъ не было, и потому мы продолжали подвигаться впередъ, хотя порціи, какъ людямъ, такъ и собакамъ, дошли до минимума.

Какъ извѣстно, по картѣ Пайера, на сѣверѣ отъ Земли Франца-Іосифа подъ 83° сѣв. шир. показана Земля Петерманна. Мнѣ хотѣлось попытаться сначала добраться до этой земли, гдѣ путь, конечно, долженъ быть значительно легче и гдѣ мы могли надѣяться встрѣтить дичь. По нашимъ наблюденіямъ, мы должны были находиться теперь на одной долготѣ съ этой землей, но мы двигались и двигались къ югу, но никакой земли не видали. Въ концѣ мая мы находились подъ 82°21′ сѣв. шир., а 4-го іюня подъ 82°18′. Къ 15-му іюня насъ отнесло на сѣверо-западъ къ 82°26′, и мы должны были бы быть миль за двадцать къ сѣверу отъ мыса Флигели. Но земли мы всетаки никакой не видѣли. Это было до крайности непріятно, тѣмъ болѣе, что ледъ становился все неровнѣе и неровнѣе. Наконецъ, 22 іюня, мы застрѣлили большого тюленя и рѣшили подождать до тѣхъ поръ, пока ледъ не начнетъ таять, и питаться до тѣхъ поръ тюленьимъ мясомъ. Немного времени спустя, мы застрѣлили трехъ медвѣдей, и теперь у насъ было вволю пищи, такъ что мы могли кормить оставшихся у насъ двухъ собакъ сырымъ мясомъ. Іюля 22 мы снова поѣхали по довольно хорошему льду и черезъ два дня, наконецъ, увидали неизвѣстную землю. Мы находились, должно быть, подъ 82° сѣв. шир., но достигнуть этой земли стоило намъ большихъ усилій.

Однажды, въ этотъ промежутокъ времени, съ нами случилось происшествіе, которое могло окончиться весьма печально. Мы только-что хотѣли перебраться черезъ воду на другой берегъ полыньи. Это мы совершали слѣдующимъ образомъ: связывали оба каяка вмѣстѣ на льду и затѣмъ, спустивъ ихъ въ воду, садились на нихъ сами съ собаками и переправлялись на веслахъ. Въ этотъ разъ мы только что притащили мой каякъ къ краю полыньи, и, въ то время, какъ я возился съ нимъ, Іогансенъ пошелъ, чтобы притащить свой каякъ и поставить его рядомъ. Вдругъ я услыхалъ за собой какой-то шумъ и, повернувшись, увидалъ Іогансена лежащимъ навзничъ и держащимъ за горло навалившагося на него медвѣдя. Я бросился къ ружью, лежавшему на носу моего каяка, но въ ту же минуту лодка стала съѣзжать въ воду и ружье съ нею. Употребивъ всю свою силу, я вытянулъ тяжело нагруженную лодку и въ это время услыхалъ спокойный голосъ Іогансена, говорившаго мнѣ: «Поспѣшите, а то можете, пожалуй, и опоздать». Наконецъ, я досталъ ружье изъ ящика, и, въ то время,

какъ поднявъ курокъ, обернулся назадъ, увидѣлъ, что медвѣдь ужъ былъ около меня. Въ попыхахъ я взвелъ курокъ на правомъ стволѣ, заряженномъ дробью; но выстрѣлъ попалъ очень удачно въ ухо, и медвѣдь упалъ на ледъ мертвымъ. Іогансенъ былъ раненъ только въ руку, но такъ незначительно, что мы отправились далѣе, запасшись свѣжимъ медвѣжьимъ мясомъ.

Подулъ сильный вѣтеръ, который взломалъ ледъ на отдѣльныя части. Трещины между ними были набиты мелкимъ искрошеннымъ льдомъ, вслѣдствіе чего нельзя было перебираться черезъ трещины въ нашихъ каякахъ. Намъ приходилось перебираться съ одной льдины на другую и перетаскивать сани, постоянно опасаясь, что мы опрокинемъ ихъ въ воду. Такъ мы шли недѣли двѣ и только 6-го августа добрались до земли подъ 81°33′ сѣв. шир. и 63° вост. долг. Эта первая земля состояла изъ четырехъ, совершенно покрытыхъ льдомъ острововъ, которые я назвалъ Пастушьей землей, въ честь одной старинной норвежской сказки. Вдоль сѣвернаго края этихъ острововъ виднѣлась свободная ото льда вода, и мы поплыли къ ней въ нашихъ каякахъ. Когда мы достигли этой воды, мы не думали, что будемъ нуждаться въ нашихъ двухъ собакахъ, и, такъ какъ везти ихъ съ собой на лодкѣ намъ было очень трудно, то мы ихъ убили и оставили на пловучемъ льду.

Въ этихъ водахъ мы сдѣлали удивительное орнитологическое открытіе: все время, пока мы находились по близости этихъ острововъ, мы ежедневно видѣли рѣдкихъ, таинственныхъ и мало извѣстныхъ чаекъ (Rodostetia rosea). Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ полярныхъ птицъ, отличающаяся отъ другихъ чаекъ чуднымъ розовымъ цвѣтомъ своей груди, клинообразнымъ хвостомъ и легкимъ полетомъ. Это, несомнѣнно, самая красивая птица сѣверныхъ мѣстъ. Ее можно встрѣтить только въ полярномъ морѣ, и никто не знаетъ, откуда она является и куда улетаетъ, но мы совершенно случайно натолкнулись на ея мѣстопребываніе, и, хотя время года было уже позднее и найти гнѣзда этихъ птицъ было нельзя, но все-таки не было сомнѣнія, что дѣтей онѣ выводили именно въ этихъ мѣстахъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней стоялъ такой густой туманъ, что мы не могли разглядѣть земли съ южной стороны этихъ острововъ; но 12-го августа туманъ немного разсѣялся, и мы увидѣли передъ собою обширную землю, или, лучше сказать, массу острововъ къ югу и западу, тянувшихся отъ юго-востока къ сѣверо-западу. Это обстоятельство удивляло насъ все болѣе и болѣе. На картѣ Пайера ничего похожаго не было. Мнѣ казалось, что мы должны находиться на одной долготѣ съ Австрійскимъ зундомъ или проливомъ, но еслибы это было такъ, то въ данный моментъ мы должны были бы двигаться поперегъ земли Вильчека и Голубинаго ледника, но никакой земли по близости насъ не было; не было ни слѣда ни Австрійскаго

зунда, ни зунда Раулинсона. Не удивительно поэтому, что я пришелъ къ заключенію, что въ нашемъ опредѣленіи долготы замѣшалась значительная ошибка. Какъ это могло случиться, я не совсѣмъ хорошо понималъ и пришелъ къ убѣжденію, что или часы наши совсѣмъ испортились, или въ три дня передъ 12 апрѣля мы проплыли необычайно большое разстояніе. Какъ бы тамъ ни было, я могъ только предположить, что мы теперь подошли къ западному берегу Земли Франца-Іосифа, или же къ той таинственной землѣ, которую называютъ на картахъ землею Гилисъ и которую обыкновенно помѣщаютъ между Землею Франца-Іосифа и Шпицбергеномъ. Но въ одномъ я былъ вполнѣ увѣренъ, а именно, что, направляясь къ югу и къ юго-западу, мы доберемся, наконецъ, до Шпицбергена, то-есть, до нашей настоящей цѣли, гдѣ найдемъ норвежскія китоловныя суда, которыя немедленно отвезутъ насъ домой. Поэтому мы продолжали двигаться впередъ то на лодкахъ, то по льду, постоянно направляясь къ западу по проливу, находящемуся подъ 81°30′ сѣв. шир. Перейдя проливъ, мы вышли въ открытое море и поплыли къ юго-западу вдоль сѣверо-западнаго берега земли, надѣясь, что скоро намъ представится возможность направить курсъ на Шпицбергенъ. Но мы тщетно искали землю на западѣ. 18-го августа вдругъ вѣтеръ погналъ ледъ къ берегу, и мы оказались запертыми на цѣлую недѣлю. Послѣ этого мы продолжали плаваніе въ теченіе двухъ дней и снова оказались заперты ми до 26-го августа, подъ 81°13′ сѣв. шир. и 55½° восточной долготы. Осень приближалась на столько быстро, что, по моему мнѣнію, было уже поздно начинать продолжительное путешествіе къ Шпицбергену, гдѣ мы врядъ-ли застали бы суда, съ которыми могли бы ѣхать домой, и гдѣ мы не могли бы успѣть приготовить продовольствія и хорошенько устроиться на зиму. Такъ какъ мѣсто, гдѣ мы теперь находились, казалось намъ удобнымъ для зимовки и представляло возможность имѣть всегда добычу, то мы и порѣшили остановиться здѣсь и приготовиться къ зимовкѣ.

Мы тотчасъ же принялись стрѣлять моржей, жиръ которыхъ предполагали употреблять на топливо, Но намъ вдвоемъ слишкомъ трудно было справляться съ такими крупными животными. Мы наконецъ перестали вытаскивать ихъ на землю или на ледъ, а снимали съ нихъ шкуру и жиръ прямо въ водѣ, вслѣдствіе чего замочили и совсѣмъ испачкали свою одежду, такъ что она перестала грѣть насъ. Въ медвѣдяхъ тамъ недостатка не было, и мы пастрѣляли ихъ себѣ на ѣду на всю зиму. Сдѣлавъ кое-какіе запасы, мы принялись за постройку хижины и вывели ее изъ камней, земли и моху. Сначала мы не могли придумать, чѣмъ бы намъ покрыть ее. Но, къ счастью, мы нашли выброшенное моремъ на берегъ бревно. Поднявъ его на хижину, мы накинули сверху тюленьи шкуры, которыя натянули съ краевъ, при помощи наваленныхъ большихъ каменьевъ, а сверху все завалили снѣ-

гомъ. Построить печку было не легко, такъ какъ подходящихъ для этого камней не оказалось. Поэтому намъ оставалось только выстроить ее изъ льда и снѣга; но такую печку пришлось намъ возобновлять раза три въ зиму.

Для стряпни, освѣщенія и отопленія мы употребляли тюленій жиръ и медвѣжье сало. Медвѣжье мясо и медвѣжье сало были нашей единственной пищей. По вечерамъ мы жарили его на большой аллюминіевой сковородѣ, а по утрамъ варили его. Постель и мѣшокъ для спанья мы сдѣлали изъ медвѣжьихъ шкуръ. Чтобы было теплѣе, мы спали въ одномъ мѣшкѣ; вообще, намъ было довольно хорошо въ нашемъ низенькомъ шалашѣ, находившемся ниже уровня почвы и вслѣдствіе этого огражденномъ отъ страшнаго вѣтра, проносившагося надъ нимъ. Съ помощью нашихъ лампъ мы держали температуру у себя постоянно выше точки замерзанія, хотя у стѣнъ она была, конечно, ниже. Стѣны были покрыты толстымъ слоемъ инея и льда, которые при ламповомъ свѣтѣ придавали имъ видъ мрамора, такъ что въ веселыя минуты мы могли воображать, что сидимъ въ мраморномъ залѣ. Хижина наша имѣла 10 футовъ въ длину и 6 футовъ въ ширину, а высота ея была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько значительна, что можно было стоять, выпрямившись во весь ростъ. Кровать у насъ была устроена изъ камней; но мы никакъ не могли устроить себѣ ровнаго ложа и потому въ продолженіи всей зимы заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы найти для тѣла такое положеніе, при которомъ камни не такъ давали бы себя чувствовать.

Работы, при которой время проходило бы скорѣе, у насъ не было, и потому мы только и дѣлали, что спали, ѣли и затѣмъ опять спали. Если кто-нибудь станетъ поддерживать старое мнѣніе, будто цынга развивается отъ бездѣйствія, то мы можемъ засвидѣтельствовать собственными особами, что это совсѣмъ невѣрно. Странно, но аппетитъ нашъ все это время вовсе не уменьшался, и мы съ обычной жадностью пожирали наше медвѣжье мясо и сало. Когда позволяла погода, мы выходили изъ хижины и часъ времени гуляли, не смотря на темноту; но погода стояла по большей части такая, что непріятно было высовывать носъ изъ двери нашего дворца. Иногда проходило по нѣскольку дней, во время которыхъ мы спокойно лежали, пока недостатокъ льда для воды или пищи не заставлялъ насъ выйти наружу, чтобы достать льду или кусокъ медвѣжьяго мяса. Съ ноября и вплоть до марта медвѣди насъ не посѣщали, и единственными нашими гостями были лисицы, постоянно сидѣвшія на крышѣ нашей хижины изъ которой мы слышали, какъ они царапались по нашимъ замерзшимъ стѣнамъ. Мы могли воображать, что сидимъ спокойно дома и слышимъ, какъ крысы скребутся надъ потолкомъ; мы, конечно, отнюдь не были недовольны этимъ. Лисицы эти были двухъ сортовъ: бѣлыя и дорогія чернобурыя, и еслибы намъ хотѣлось, то мы могли бы легко

стдѣлать цѣлый запасъ цѣнныхъ мѣховъ. Но мы не были такъ богаы зарядами, а потому, по моему мнѣнію, могли употреблять ихъ только на медвѣдей, а не на мелкую дичь.

Вообще же зима прошла гораздо лучше, чѣмъ мы ожидали. Мы пользовались отличнымъ здоровьемъ, и, будь у насъ только нѣсколько книгъ, немного муки и сахару, то мы могли бы жить настоящими барами.

Наконецъ, наступила весна съ солнцемъ и птицами. Какъ хорошо помню я тотъ первый вечеръ, за нѣсколько дней до перваго появленія солнца на горизонтѣ, когда мы вдругъ увидали цѣлую стаю маленькихъ пингвиновъ, летѣвшихъ вдоль горъ къ сѣверу. Это было первымъ привѣтствіемъ жизни и весны. За этой стаей потянулись и другія, и вскорѣ по всѣмъ окружавшимънасъ горамъ закишѣли маленькія сѣверныя посѣтительницы, чириканьемъ своимъ оживившія всю мѣстность. Темное небо, не измѣнявшееся всю зиму и весну, перемѣнило на югѣ и на юго-западѣ свой цвѣтъ, ясно показывая, что тамъ должна находиться вода, которая отражалась въ немъ. Вслѣдствіе этого мы почувствовали надежду, что скоро и легко проѣдемъ на своихъ лодкахъ къ Шпицбергену, частью по водѣ, частью по плавучему льду, и съ возвращеніемъ дневного свѣта стали готовиться къ путешествію.

Но дѣла до нашего выступленія было не мало. Наша одежда такъ истрепалась и такъ промаслилась и загрязнилась, что не годилась ужъ для дальнѣйшаго путешествія. Мы сшили себѣ новую одежду изъ одѣялъ, которыя у насъ были взяты съ собой. Бѣлье свое мы попытались вымыть, но до сихъ поръ я и не подозрѣвалъ, что можно существовать безъ мыла. Трудно было и намъ самимъ соблюдать чистоту, но мы умудрялись натирать себя медвѣжьей кровью и саломъ и потомъ стирать все это мохомъ. Къ стиркѣ вещей однако же нельзя было примѣнить этотъ методъ. Испробовавъ всевозможныя средства, мы порѣшили, наконецъ, выварить бѣлье и выскоблить его ножомъ. Такимъ путемъ мы настолько очистили его, что могли надѣть и продолжать дальнѣйшее путешествіе, хотя мысль о возможности надѣть чистое бѣлье по пріѣздѣ въ Норвегію постоянно вертѣлась у насъ въ головѣ, и осуществленіе ея казалось намъ самымъ большимъ счастьемъ, какое только можетъ дать жизнь. Намъ надо было сшить новый мѣшокъ для спанья, и для этого мы высушили медвѣжьи шкуры и растянули ихъ подъ потолкомъ. Наша славная, дорогая шелковая палатка, служившая намъ весь прошлый годъ, такъ пострадала отъ осеннихъ непогодъ, что не годилась болѣе къ употребленію. Поэтому теперь намъ пришлось сдѣлать палатку изъ парусовъ съ нашихъ саней. Продовольствіе, приготовленное для путешествія, состояло преимущественно изъ медвѣжьяго мяса и сала, а для топлива мы взяли ворвань и тюленій жиръ. Дорогою мы, кромѣ того, несомнѣнно должны были натолкнуться на дичь, еслибы мясо у насъ все вышло.

Наконецъ, 19-го мая мы были готовы и въ продолженіи нѣсколькихъ

дней двигались къ югу. 23-го мая подъ 81°5′ сѣв шир. мы вышли къ открытому морю, отраженіе котораго въ небѣ на горизонтѣ мы видѣли всю зиму и весну; мы очень обрадовались возможности плыть на нашихъ каякахъ къ югу. Но бури удержали насъ до 3-го іюня. Эти бури нагнали столько льда, что теперь намъ пришлось отправиться не на лодкахъ, а по льду, и попутный вѣтеръ далъ намъ возможность примѣнить къ дѣлу на нашихъ саняхъ парусъ, такъ что мы шли довольно скоро. Немного далѣе къ югу мы нашли обширную землю, сѣверный берегъ которой тянулся къ западу. Вдоль западно-сѣверо-западнаго берега море было чисто отъ льда. Нѣкоторое время я раздумывалъ, не поѣхать-ли намъ водою по этому направленію, но побоялся снова уклониться къ сѣверу и предпочелъ направиться по гладкому льду черезъ широкій незнакомый проливъ. Тутъ попутный вѣтеръ тоже далъ намъ возможность прибѣгнуть къ парусу, и мы шли поэтому очень скоро.

12-го іюня мы, наконецъ, добрались до южнаго берега группы острововъ и увидали море, свободное ото льда, простиравшееся къ западу вдоль южнаго берега. Вѣтеръ продолжалъ быть попутнымъ. Связавъ наши два каяка, мы поставили бамбуковую трость въ видѣ мачты и, растянувъ парусъ отъ саней, поплыли вдоль берега и плыли очень скоро. Когда вѣтеръ стихалъ или переставалъ быть попутнымъ, мы опускали парусъ и принимались за весла.

Такимъ образомъ мы стали приближаться къ юго-западной оконечности острововъ и радовались при мысли, что будемъ имѣть возможность перебраться на Шпицбергенъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней несомнѣнно встрѣтимъ норвежское судно, на которомъ и переправимся домой.

Направляясь вдоль этого берега, я убѣдился, до какой степени опредѣленная нами широта совпадала съ опредѣленной Лей-Смисомъ широтою южнаго берега Земли Франца-Іосифа. Замѣчательно, кромѣ того, что берегъ этотъ, какъ по направленію, такъ и по виду совпадалъ съ картой Лей-Смиса; поэтому я началъ подозрѣвать, что, не смотря ни на что, мы находились на южномъ берегу Земли Франца-Іосифа и пришли на югъ черезъ проливъ, пересѣкающій Землю Зичи, которая до сихъ поръ считалась большой землей, а въ дѣйствительности представляетъ цѣпь маленькихъ острововъ.

Во время нашего пути вдоль этого южнаго берега съ нами случалось много происшествій, которыя кончались, однакоже, благополучно. Однажды, пройдя цѣлый день на парусѣ вдоль берега, мы къ вечеру причалили ко льду и вышли, чтобы осмотрѣть нашъ дальнѣйшій путь къ западу. Лодки свои мы привязали ко льду крѣпкой веревкой, считая, что этого совершенно достаточно. Отойдя немного и взобравшись на возвышенность, мы вдругъ увидали, что наши лодки оторвались и быстро отплывали отъ льда, уносимыя вѣтромъ. На лодкахъ была вся

наша провизія, всѣ вещи, ружья, заряды. Мы остались на льду безъ всего. Спастись мы могли, только вернувъ свои лодки, другого выбора мнѣ не оставалось, какъ только броситься въ воду и вплавь попробовать догнать ихъ.

Это была борьба за жизнь, такъ какъ лодки, повидимому, плыли скорѣе, чѣмъ я плылъ; ледяная вода такъ остудила меня, что я едва могъ шевелиться. Наконецъ я доплылъ до лодокъ, но мнѣ пришлось употребить всѣ свои силы, чтобы взобраться въ нихъ; мы были спасены.

Черезъ два дня на мой каякъ было сдѣлано нападеніе со стороны моржей. Моржи нѣсколько разъ пытались опрокинуть насъ, вдругъ выплѣзая изъ подъ низа, но это имъ никогда не удавалось. На этотъ же разъ нападеніе было серьезнѣе обыкновеннаго. Моржъ вдругъ вынырнулъ около моего каяка и, ухватившись лапой за бортъ, пытался опрокинуть лодку; въ то же самое время онъ запустилъ клыки въ лодку, но, къ счастью, не задѣлъ меня. Мнѣ удалось такъ хватить его весломъ по головѣ, что онъ высоко подпрыгнулъ надъ водой, точно хотѣлъ броситься на меня, но вслѣдъ за тѣмъ исчезъ въ водѣ. Вода хлынула въ лодку въ прорванное отверстіе, и я быстро сталъ тонуть, успѣвъ только въ послѣднюю минуту направить лодку на льдину, торчавшую изъ подъ воды, гдѣ выпрыгнулъ на ледъ. Весь слѣдующій день мы употребили на починку каяка и на обсушку платья, фотографическихъ аппаратовъ и т. д., совершенно вымокшихъ въ соленой водѣ, но, къ счастью, не испортившихся при этомъ.

На слѣдующій день, когда мы собирались опять въ путь, я приготовлялъ завтракъ и поднялся на льдину, чтобы осмотрѣть мѣстность. Съ вѣтромъ, пахнувшимъ на меня со стороны земли, донеслись тысячи голосовъ различныхъ птицъ, населявшихъ горы. Слушая голоса птицъ, я вдругъ вздрогнулъ, услыхавъ совершенно особенный звукъ, на столько похожій на собачій лай, что въ первую минуту я былъ твердо убѣжденъ, что лаяла собака. Но затѣмъ звукъ этотъ покрылся щебетаніемъ птицъ, и мнѣ показалось, что я ошибся. Но новый порывъ вѣтра принесъ новые звуки, и на этотъ разъ я пересталъ сомнѣваться въ томъ, что гдѣ-то по сосѣдству лаютъ собаки. Я сбѣжалъ, разбудилъ Іогансена, спавшаго въ мѣшкѣ, и закричалъ: «Я слышалъ собакъ». Я не могъ ничего растолковать ему и, бросивъ завтракъ, надѣлъ лыжи и побѣжалъ по льду. Приближаясь къ берегу, я увидалъ человѣка, шедшаго ко мнѣ на встрѣчу. Это былъ м-ръ Джексонъ, который радушно встрѣтилъ меня и отъ души пожалъ мнѣ руку.

III. Возвращеніе домой.

Здѣсь мы были приняты съ такимъ гостепріимствомъ и радушіемъ, какое эти арктическія мѣста врядъ-ли когда-нибудь видѣли, и, хотя мы твердо рѣшились продолжать путь нашъ на Шпицбергенъ, откуда

мы могли всего скорѣе перебраться домой, но все-таки не могли оторваться отъ этого гостепріемнаго очага, снова отказаться отъ довольства и комфорта, предложенныхъ намъ, и снова взяться за посохъ пилигрима. Мы рѣшились принять любезное приглашеніе и подождать «Виндварда», прибытіе котораго вскорѣ ожидалось, и затѣмъ вернуться на этомъ суднѣ въ Европу.

Никогда не забуду, съ какимъ наслажденіемъ я взялъ въ удобномъ домѣ Джексона мою первую теплую ванну. Съ одного раза, конечно, нельзя было отмыть всей грязи, но все-таки ванна оставила послѣ себя ощущеніе чистоты; и какое наслажденіе было надѣть мягкое шерстяное бѣлье, выбриться, остричься, сѣсть за хорошій обѣдъ, съ кофеемъ, сигарами, портвейномъ, и, наконецъ, получить книги, хотя и вышедшія уже два года тому назадъ, но для насъ новыя. Однимъ словомъ, мы какъ будто по волшебству почувствовали себя перенесенными въ центръ цивилизаціи. Вниманіе и любезность каждаго члена этой экспедиціи, по истинѣ были трогательны и производили на обоихъ насъ глубокое впечатлѣніе. Повидимому, они задались задачей удалить отъ насъ своимъ вниманіемъ всякое воспоминаніе объ одиночествѣ и скукѣ послѣдней зимы.

Теперь мы узнали, что мои выше высказанныя предположенія были справедливы. Въ настоящее время мы находились на южномъ берегу Земли Франца-Іосифа, а именно на мысѣ Флорѣ, на Нортбрукскомъ островѣ. Наши наблюденія и опредѣленія долготъ были очень точны, и наши хронометры, не смотря ни на что, оказались тоже вѣрными. Съ другой стороны, въ картѣ Пайера были положительныя ошибки, сбившія меня съ толку, ошибки, которыхъ я объяснить себѣ не могу, но которыя надѣюсь объяснить, поговоривъ съ Пайеромъ.

Широкій проливъ, по которому мы плыли на югъ нынѣшней весной, находился нѣсколько западнѣе отъ Австрійскаго пролива и былъ гораздо шире послѣдняго. Джексонъ тоже плавалъ по немъ и назвалъ его «Британскимъ каналомъ».

Зимою мы останавливались на зимовку на западѣ отъ Австрійскаго пролива, на островѣ, который я назвалъ островомъ Фредерика Джексона. До выхода нашего въ экспедицію, я утверждалъ въ лекціи, читанной мною въ Географическомъ обществѣ, что, по моему мнѣнію, Земля Франца-Іосифа есть не что иное, какъ группа острововъ. Это мнѣніе теперь вполнѣ подтвердилось. Земля Франца-Іосифа есть не только группа острововъ, но группа чрезвычайно мелкихъ острововъ, какіе даже трудно себѣ представить. По моему мнѣнію, на острова, составляющіе Землю Франца-Іосифа, надо смотрѣть, какъ на продолженіе восточной части Шпицбергена. Необходимо теперь изслѣдовать, какъ самый важный, самый интересный предметъ, неизвѣстную до сихъ поръ западную часть Земли Франца-Іосифа и ея связь съ Шпицбергеномъ. Въ этой области, вѣроятно, очень много новыхъ острововъ, которые

Джексону и его товарищамъ придется еще открыть и занести на карту. Далеко-ли къ сѣверу тянутся эти острова, теперь невозможно опредѣлить, но врядъ-ли они могутъ простираться далеко къ сѣверу.

Я не стану высказывать сомнѣній относительно существованія Земли Петерманна; мы проходили гораздо восточнѣе и потому могли и не видать ея; но она, во всякомъ случаѣ, должно быть, представляетъ не очень большой островъ. Вся эта пройденная нами часть Земли Франца-Іосифа состоитъ изъ базальта и когда-то составляла часть большого базальтоваго материка, который теперь пересѣченъ во всѣхъ направленіяхъ множествомъ проливовъ и фіордовъ и разбился на маленькіе островки, всѣ или большая часть которыхъ покрыты ледниками, и гдѣ только мѣстами, вдоль берега виднѣются темные базальтовые утесы. Вообще, суша эта возвышается надъ уровнемъ моря не болѣе какъ на 2.000 футовъ и только нѣкоторые ледники подымаются до высоты 3.000 футовъ. Въ южной чэсти подъ базальтомъ залегаетъ мощный слой глины, расположенный на высотѣ 500 или даже 600 футовъ надъ уровнемъ моря, слой, принадлежащій къ юрской формаціи и гдѣ какъ докторъ Кетлицъ, членъ экспедиціи Джексона, такъ и я находили различнаго рода ископаемыхъ, преимущественно аммонитовъ и белемнитовъ, относительно принадлежности которыхъ къ извѣстной эпохѣ сомнѣваться невозможно. Насколько я могу въ настоящую минуту судить, мнѣ кажется, что глина эта принадлежитъ къ такъ называемой оксфордской глинѣ. Въ этомъ слоѣ мы находили также не мало ископаемыхъ древесныхъ стволовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я находилъ много ископаемыхъ растеній, но опредѣлить время ихъ происхожденія не могъ, за недостаткомъ времени, но, вѣроятно, эти растенія принадлежатъ къ болѣе новой формаціи, чѣмъ юрская.

Между тѣмъ время на мысѣ Флорѣ проходило незамѣтно. Мы дѣлали много научныхъ экскурсій, преимущественно по окрестностямъ, читали, писали и чертили карту нашего пути черезъ Землю Франца-Іосифа, какимъ онъ намъ представлялся. При этомъ мы постоянно посматривали на горизонтъ, въ ожиданіи увидѣть «Виндвардъ», судно, которое должно было придти изъ Европы; но на морѣ лежала масса льда и никакихъ слѣдовъ паруса на горизонтѣ не замѣчалось. Такъ какъ время проходило, и нетерпѣніе наше все болѣе и болѣе возрастало, то у насъ стала являться мысль, что въ нынѣшнемъ году ледъ можетъ помѣшать приходу «Виндварда». По прошествіи мѣсяца, мы съ Іогансеномъ начали раскаяваться, что остановились тутъ и не прошли прямо къ Шпицбергену, гдѣ, вѣроятно, давно бы нашли судно, на которомъ уѣхали бы домой. Я началъ уже раздумывать, не пуститься-ли намъ опять въ путь, такъ какъ мнѣ вовсе не хотѣлось провести еще одну зиму въ полярныхъ мѣстахъ. Я былъ твердо увѣренъ, что «Фрамъ» придетъ въ этомъ году домой и страшно испугаетъ

друзей нашихъ, на счетъ нашей судьбы, такъ что тѣ, конечно, потеряютъ надежду когда-нибудь увидать насъ.

Наконецъ, по прошествіи шести недѣль, я вдругъ былъ разбуженъ однажды ночью м-ромъ Джексономъ, сообщившимъ мнѣ, что пришелъ «Виндвардъ». Крики и радостныя привѣтствія, съ которыми на «Виндвардѣ» было встрѣчено извѣстіе о нашемъ прибытіи на мысъ Флоры, были такъ искренни, что мы не могли бы ждать большей радости даже со стороны нашихъ соотечественниковъ. Это было новымъ доказательствомъ симпатіи, существующей между англичанами и норвежцами.

Запасы, привезенные для экспедиціи Джексона, вскорѣ были выгружены съ «Виндварда» и перевезены въ саняхъ на берегъ. Менѣе чѣмъ въ недѣлю все было готово, и когда письма и телеграммы домой были написаны, мы, 7-го августа, сѣли на корабль, и «Виндвардъ» снялся съ якоря, чтобы пойти домой.

На этомъ кораблѣ мы совершили самое короткое и самое отрадное плаваніе, какое только совершала какая-либо арктическая экспедиція. Тутъ мы снова пользовались въ широкой степени англійскимъ гостепріимствомъ, и эти дни ни Іогансенъ, ни я, конечно, никогда не забудемъ.

Между Землею Франца-Іосифа и Новою Землею было очень много льда, и не мудрено было врѣзаться маленькому «Виндварду» въ такой ледъ, изъ котораго выбиться потребовались бы цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Но командиръ «Виндварда», старый китоловъ, капитанъ Браунъ, обладалъ такой предусмотрительностью и такимъ опытомъ въ плаваніи по Ледовитому океану, что тотчасъ же нашелъ единственный путь, по которому мы, не смотря на ледъ, прошли 220 миль и вышли въ открытое море на сѣверъ отъ Новой Земли, а отсюда прямо направились въ Вардё, куда прибыли 13-го августа, черезъ шесть дней послѣ выхода съ мыса Флоры.

Такимъ образомъ я и еще одинъ человѣкъ изъ моей экспедиціи вернулись на родину, гдѣ были встрѣчены съ распростертыми объятіями. Прежде всего, войдя въ Норвегію, мы спросили: нѣтъ-ли какихъ извѣстій о «Фрамѣ» и о нашихъ товарищахъ. Всю зиму и всю весну мы боялись, чтобы нашъ корабль не пришелъ раньше насъ. Къ нашему удовольствію, однако, мы узнали, что о «Фрамѣ» не получено еще никакихъ извѣстій, и, слѣдовательно, друзья наши были избавлены отъ напрасной тревоги. Я телеграфировалъ королю въ Норвегію и норвежскому правительству, что на «Фрамѣ» все было благополучно, когда мы сошли съ него, и что я жду его съ прочими членами экспедиціи и надѣюсь, что всѣ они скоро и благополучно пріѣдутъ домой.

И велика же была моя радость, когда я получилъ въ Гамерфестѣ, 21-го августа, телеграмму изъ Скіарвё, маленькаго сосѣдняго порта, которая гласила, что «Фрамъ» прибылъ ночью и что на немъ все благополучно.

Какъ шелъ «Фрамъ».

Исторія Свердрупа.

Покидая «Фрамъ», я оставилъ Свердрупу инструкцію. Между прочимъ, въ ней говорилось: «Главная цѣль экспедиціи заключается въ томъ, чтобы пройти по неизвѣстному полярному морю отъ Новой Сибири къ сѣверу отъ Земли Франца-Іосифа въ Атлантическій океанъ къ Шпицбергену или Гренландіи. Главную часть этой задачи, какъ мнѣ кажется, мы уже выполнили; остальное предстояло исполнить мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ «Фрамъ» будетъ двигаться къ западу. Но для того, чтобы извлечь болѣе пользы изъ этой экспедиціи, я намѣревался попытаться проѣхать дальше къ сѣверу на собакахъ. Вслѣдствіе этого вамъ ставится въ обязанность доставить поручаемыхъ вамъ лицъ благополучно домой, не подвергая ихъ ненужнымъ опасностямъ, равно какъ и корабль, грузъ и весь успѣхъ экспедиціи.

«Трудно сказать, когда «Фрамъ» можетъ выйти въ открытое море, освободившись отъ льда. Продовольствія у васъ имѣется на нѣсколько лѣтъ, но если, по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ причинамъ, время покажется слишкомъ долгимъ, или экипажъ начнетъ хворать, или же по чему-нибудь другому, вы найдете нужнымъ бросить корабль, то это, конечно, должно быть исполнено. Когда въ этомъ представится необходимость и какимъ путемъ отправиться далѣе, въ этомъ вы сами лучше всего можете быть судьей. Если это случится, то я считаю, что вамъ всего лучше направиться къ Землѣ Франца-Іосифа или къ Шпицбергену. Если послѣ нашего съ Іогансеномъ прибытія на поиски васъ отправятся экспедиціи, то онѣ направятся прежде всего туда. Если вы выйдете на берегъ, то устраивайте возможно больше замѣтныхъ знаковъ, въ видѣ кучъ камней на мысахъ и возвышенностяхъ, и въ эти курганы вкладывайте отчеты о томъ, что было сдѣлано и куда вы направляетесь. Для того, чтобы такіе знаки можно было отличить отъ другихъ, предлагаю наваливать добавочную маленькую кучу камней въ разстояніи четырехъ метровъ отъ большого кургана по магнитному направленію къ сѣверу. Какъ надо будетъ снарядить экспедицію, въ случаѣ необходимости покинуть «Фрамъ», я нахожу лишнимъ повторять, такъ какъ объ этомъ мы много говорили съ вами. Я знаю, что вы позаботитесь взять необходимое количество каяковъ для всѣхъ людей, саней, лыжъ, коньковъ и другихъ предметовъ для экспедиціи и все это заранѣе приготовите для того, чтобы поѣздку по льду можно было начать съ возможно большими удобствами. Наставленія о томъ, какое продовольствіе я считаю наиболѣе подходящимъ для такого рода путешествія, и о количествѣ, необходимомъ для каждаго человѣка, я сдѣлаю въ другомъ мѣстѣ.

«Я увѣренъ, что все у васъ будетъ готово на тотъ случай, если вамъ придется покинуть «Фрамъ» второпяхъ, при какомъ-нибудь

несчастіи отъ пожара или давленія льда. Если состояніе льда позволитъ, то я нашелъ бы нужнымъ устроить на немъ постоянный складъ вещей, какой былъ у насъ въ послѣднее время. Всѣ же необходимыя вещи, которыя нельзя поставить на ледъ, должны быть сложены на палубу, но такъ, чтобы ихъ въ крайности легко было бы спустить на ледъ. Какъ вамъ извѣстно, у насъ въ складѣ имѣется прессованная провизія, которую только и можно взять въ сани; но такъ какъ весьма вѣроятно, что экспедиція долгое время можетъ двигаться совершенно спокойно, то было бы очень желательно, на случай нужды, сохранить какъ можно болѣе продовольствія въ жестяныхъ ящикахъ, мяса, рыбы и овощей. Если наступятъ трудныя времена, то было бы хорошо сдѣлать складъ этихъ вещей на льду.

«Еслибы «Фрамъ» былъ далеко отнесенъ къ сѣверу отъ Шпицбергена и попалъ бы въ теченіе, направляющееся къ восточному берегу Гренландіи, то могутъ возникнуть случайности, предвидѣть которыя теперь невозможно; но еслибы вамъ пришлось покинуть и отправиться къ землѣ, то хорошо бы вамъ и тамъ устраивать курганы, о которыхъ я говорилъ выше, такъ какъ искать экспедицію могутъ и въ тѣхъ мѣстахъ. Въ этомъ случаѣ, вы, смотря по обстоятельствамъ, сами рѣшите, отправляться-ли вамъ по льду къ ближайшей землѣ, или, дождавшись весны, слѣдовать по окраинѣ льда, или направиться къ датскимъ колоніямъ, къ мысу Фарвель.

«Если вамъ придется покинуть «Фрамъ», то вмѣстѣ съ необходимою провизіей необходимо взять оружіе, снаряды и все, что нужно; возьмите, кромѣ того, всѣ научные и другіе журналы, замѣтки, всѣ научныя коллекціи, а въ случаѣ, если послѣднія будутъ слишкомъ тяжелы, то небольшіе образцы, фотографіи—преимущественно негативы, а если и они покажутся слишкомъ тяжелыми, то снимки, ареометръ, съ помощью котораго дѣлаются наблюденія надъ удѣльнымъ вѣсомъ морской воды, ну, и, конечно, всѣ замѣтки и журналы, представляющіе какой-нибудь интересъ. Я оставляю два или три журнала и письма, о которыхъ прошу особенно позаботиться и вручить ихъ моей женѣ, въ томъ случаѣ, если я не вернусь или если почему-либо вы вернетесь раньше насъ.

«Конечно, Гансенъ и Блессингъ, по-прежнему, займутся научными наблюденіями и коллекціями, а вы возьмите на себя измѣреніе глубинъ, которое надо дѣлать, по возможности, часто.

«Такъ какъ экипажъ и прежде былъ не великъ, а теперь уменьшится еще на два человѣка, то на долю каждаго придется больше работы; но я знаю, что вы всѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, будете общими силами помогать имъ въ научныхъ наблюденіяхъ и, насколько можно, позаботитесь о полнотѣ ихъ.

«Въ заключеніе, я желаю всякаго успѣха какъ вамъ, такъ и людямъ, отданнымъ подъ ваше попечительство, и желаю встрѣтиться съ

вами, возвратившимися въ Норвегію на этомъ-ли кораблѣ или безъ него».

Свердрупъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнилъ всѣ мои предписанія, и лѣтомъ, послѣ моего и Іогансена отъѣзда, онъ не только употреблялъ всѣ старанія по вопросу о безопасности корабля, но и устроилъ на льду съ необыкновенной тщательностью склады вещей для поѣздки на саняхъ. Можетъ быть, никакая другая экспедиція не готовилась такъ внимательно къ необходимости покинуть корабль, какъ въ настоящемъ случаѣ, хотя необходимость эта вовсе не представлялась вѣроятной. Еще до моего отъѣзда были приготовлены легкіе каяки изъ брезента, каждый изъ которыхъ могъ вмѣщать по два человѣка, также были приготовлены сани, лыжи, коньки, приборы для стряпни, упряжь для собакъ и т. д. Все это было испробовано и уложено въ порядкѣ, и даже провизія вся была наготовѣ. Еще до нашего ухода были приняты мѣры отвалить глыбы льда, навалившіяся на «Фрамъ» во время напора въ январѣ 1895 года, и уборка этого льда продолжалась и послѣ нашего отъѣзда.

Въ концѣ марта, когда эти глыбы были удалены, ледъ раскололся по всѣмъ направленіямъ вокругъ корабля и образовалась широкая трещина, тянувшаяся въ нѣсколькихъ футахъ отъ киля. Вслѣдствіе появленія этой трещины, увеличилось давленіе льда, но по этой же причинѣ ледъ около корабля разсыпался на мелкіе куски, и корпусъ «Фрама» къ концу іюля частью находился уже въ водѣ. Корма его сильно примерзла къ громадной ледяной глыбѣ. Надо было сдѣлать попытку взорвать ледъ, который давалъ очень небольшія трещины. Свердрупъ стоялъ на льду со своими товарищами и разсуждалъ, что имъ сдѣлать, чтобы высвободить корабль, какъ вдругъ они замѣтили, что «Фрамъ» тихонько двинулся и съ оглушительнымъ шумомъ съѣхалъ въ воду, такъ что вода хлынула во всѣ стороны. Это было нѣчто въ родѣ спуска корабля, и спускъ его въ воду былъ встрѣченъ громкими криками экипажа. Но въ этотъ годъ свобода «Фрама» продолжалась недолго. Повертѣвшись и поборовшись со льдомъ, онъ скоро сталъ опять въ безопасную гавань и въ августѣ снова крѣпко замерзъ во льду.

Сначала, послѣ нашего отъѣзда, теченіе было не особенно значительно; но къ концу апрѣля оно стало сильнѣе и направлялось къ западу. 22-го іюля 1895 года «Фрамъ» находился подъ 84°50′ сѣв. шир. и 73° вост. долготы. Въ это время во льду замѣчалось сильное движеніе и сильное давленіе со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого задули юго-западные и западные вѣтры, которые въ продолженіи этого лѣта остановили движеніе «Фрама» и даже отнесли его назадъ къ сѣверу и къ востоку. Только къ октябрю понесло его опять къ западу; въ эту осень и зиму теченіе было правильнѣе и лучше, чѣмъ прежде. 16-го октября «Фрамъ» находился, согласно сдѣланному тогда опредѣ-

ленію, подъ самой высокой широтой, а именно подъ 85°57′ сѣв. шир. и 66° вост. долг. Черезъ нѣсколько дней онъ приблизился еще болѣе къ полюсу, но такъ какъ дни были пасмурные, то нельзя было дѣлать наблюденій. Въ половинѣ февраля 1896 г. «Фрамъ» понесло по юго-западному направленію къ 84°20′ сѣв. шир. и 24° вост. долготы. Но тутъ совершенно неожиданно постоянные южные вѣтра остановили движеніе до мая мѣсяца, когда ледъ снова направился къ югу, и, наконецъ, 19 іюля экспедиція находилась на 83°14′ сѣв. шир. и 14° вост. долготы [и начала работы по освобожденію «Фрама» изъ льда. Еслибы «Фрамъ» тутъ не освободился, а принужденъ былъ бы плыть со льдомъ дальше, то онъ несомнѣнно прошелъ бы вдоль восточнаго берега Гренландіи, къ которому теченіе прямо направлялось, и, не освободись онъ заранѣе, то прошелъ бы прямо къ мысу Фарвелю, куда суда ходили много разъ, вслѣдствіе чего направленіе это не представляло интереса.

Въ продолженіе всего пути по незнакомому полярному морю, начиная отъ Сибири и къ сѣверу отъ Шпицбергена, «Фрамъ» все время подвергался давленію льда, хотя такого серьезнаго давленія, какое было въ январѣ 1895 г., не случалось. Въ продолженіи послѣдняго лѣта и въ особенности въ іюнѣ 1896 года, давленіе было особенно сильно и притомъ весьма страннаго рода. «Фрамъ» въ это время находился въ трещинѣ [или въ каналѣ, который] съуживался и расширялся ежедневно правильно два раза въ сутки. Въ теченіе одной недѣли въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время весеннихъ теченій, давленіе въ этомъ каналѣ было особенно велико, и «Фрамъ» правильнымъ образомъ поднимался разъ или два въ день надъ льдомъ, и поднимался такъ высоко, что весь корпусъ его оказывался снаружи надъ льдомъ. Но корабль былъ такъ хорошо выстроенъ, что онъ поднимался спокойно, не издавая никакихъ звуковъ и не давая трещинъ, ни въ остовѣ, ни въ доскахъ. Давленіе, даже самое сильное, никого на кораблѣ не будило; даже самъ Свердрупъ, спавшій очень чутко, вставалъ утромъ, не подозрѣвая о томъ, что случилось ночью. Только выйдя на палубу и посмотрѣвъ на бортъ, онъ замѣчалъ, какъ высоко надъ льдомъ поднялся корабль.

Корабль поднимался такъ спокойно, благодаря приданной его корпусу формѣ. Этому же слѣдуетъ приписать и то, что, поднявшись, онъ очень мало накренивался въ сторону и почти всегда сохранялъ свое горизонтальное положеніе. Большею частью онъ наклонялся никакъ не болѣе, какъ на уголъ въ 8°.

Я уже говорилъ о температурѣ въ первую зиму. Добавлю только, что въ двѣ послѣдующія зимы во время плаванія «Фрама» было не холоднѣе, чѣмъ въ первую зиму. Извѣстно, что въ Сибири, къ югу отъ устьевъ Лены, холоднѣе, чѣмъ во всемъ сѣверномъ полушаріи. Поэтому нельзя ожидать, чтобы зимы въ сѣверной части неизвѣстнаго поляр-

наго моря оказались холоднѣе, чѣмъ на сѣверномъ берегу Сибири. На дѣлѣ оно такъ и было. Температура въ эти три зимы держалась довольно низко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ побывалъ «Фрамъ», а тамъ, гдѣ мы жили на Землѣ Франца-Іосифа, зима была значительно мягче; но за то у насъ были страшныя бури, которыя проносились, не касаясь центра полярнаго бассейна. Лѣтомъ на полярномъ бассейнѣ было холоднѣе, и температура оставалась постоянно на точкѣ замерзанія и только случайно поднималась на нѣсколько градусовъ выше нуля. Въ продолженіи всего путешествія температура не поднималась выше 7—8° Фаренгейта. Во внутренней области полярнаго бассейна осадковъ выпадаетъ очень мало. Всю зиму и всю весну погода стояла совершенно ясная, но къ концу лѣта стали появляться надъ льдомъ туманы. Дождь, конечно, былъ большой рѣдкостью.

Въ продолженіи всего пути сѣверное сіяніе постоянно было видно, и не проходило почти ни одного дня, чтобы его не было, конечно, когда небо было безъ тучъ. Это дало намъ полную возможность изучить этотъ удивительный феноменъ, который иногда покрывалъ все небо точно пламенемъ. На сѣверѣ, кромѣ того, зачастую виднѣлся свѣтъ, и иногда очень яркій. Но, съ другой стороны, мы не слыхали никакихъ звуковъ, и свѣтъ никогда не показывался низко надъ горизонтомъ.

Атмосферное электричество тоже служило предметомъ наблюденія, и проявленія его бывали иногда очень сильны. Но о результатахъ этихъ наблюденій теперь еще ничего сказать нельзя. Мы все время собирали образцы воздуха въ стеклянные цилиндры, и этотъ воздухъ будетъ, конечно, подвергнутъ анализу.

Послѣ нашего отъѣзда на «Фрамѣ» продолжали измѣрять глубину моря; лотъ показывалъ около 2.000 метровъ, но когда «Фрамъ» началъ приближаться къ Шпицбергену, то глубина уменьшилась. Температура воды тоже почти не мѣнялась, но слой теплой воды подъ холоднымъ слоемъ, о чемъ я говорилъ ранѣе, сталъ значительнѣе, по мѣрѣ того, какъ экспедиція приближалась къ сѣверной области Атлантическаго Океана, между Шпицбергеномъ и Гренландіей.

Я уже говорилъ, что на «Фрамѣ» всѣ были здоровы, и это благополучное санитарное состояніе продолжалось до послѣдняго года. Заболѣванія ограничились нѣсколькими случаями желудочнаго разстройства, ревматизма и еще какими-то пустяками. Въ продолженіи всего плаванія не было ни одного случая цынги, и, по моему мнѣнію, этой болѣзни быть не можетъ, если обращено достаточное вниманіе на питаніе во время экспедицій. Эту болѣзнь, уносившую такъ много жертвъ во время экспедицій, надо, вслѣдствіе этого, совершенно исключить изъ числа опасностей полярныхъ экспедицій.

Когда, въ іюнѣ и іюлѣ нынѣшняго лѣта, экипажъ началъ замѣчать, что «Фрамъ» можно освободить изъ льда, то люди употребили на это всѣ свои силы, хотя подобное предпріятіе было не легко, въ виду гро-

мадныхъ массъ льда. Единственное средство удалить ледъ заключалось въ попыткѣ взрывать его, для чего былъ употребленъ хлопчато-бумажный и обыкновенный порохъ. Хлопчато-бумажный порохъ оказался пригоднѣе; конечно, заряды въ 50 килогр., размѣщенные притомъ умѣло, должны же были привести къ успѣху.

Во время этихъ взрывовъ случилось обстоятельство, которое могло кончиться весьма печально. Свердрупъ съ однимъ помощникомъ только что положили порохъ въ расщелину льда и подожгли трубку, какъ вдругъ льдина, на которой они стояли, подалась, и они упали въ воду съ зарядомъ и съ горѣвшей трубкой около нихъ на льду. Положеніе было не совсѣмъ пріятное, но они употребили всѣ старанія, чтобы выбраться на ледъ и отбѣжать, пока не произойдетъ взрыва; но край льда былъ высокъ, и они только послѣ двухъ, трехъ попытокъ влѣзли и отошли въ безопасное мѣсто. Взрывъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ этого.

Только послѣ нѣсколькихъ дней утомительнаго труда, при помощи взрывовъ льда, удалось освободить «Фрамъ», и 19 іюля начались серьезныя попытки пробиться къ югу. Ледъ былъ очень толстый, и попадавшіяся на встрѣчу льдины были такъ велики, что края ихъ не было видно даже въ подзорную трубу. Моря, свободнаго отъ льда, совсѣмъ не было видно, такъ что положеніе казалось иногда отчаяннымъ. Но отступленія не было; однимъ словомъ, оставалось только двигаться, и больше ничего. Поэтому экипажъ продолжалъ трудиться, и, такъ какъ судно было выстроено необыкновенно хорошо, то вслѣдствіе этого и невозможное сдѣлалось возможнымъ. Они двигались понемногу впередъ, то подъ парами, то буксируя судно между льдами, которые могли кого угодно привести въ отчаяніе, а когда оказывалось невозможнымъ двигаться впередъ этимъ путемъ, то экипажъ прокладывалъ себѣ путь порохомъ.

Почти цѣлый мѣсяцъ «Фрамъ» работалъ надъ этимъ, и въ это время сдѣлалъ 150 географическихъ миль по льду—такому льду, въ которомъ другое судно не отважилось бы сдѣлать и шага; наконецъ, 13-го августа, въ тотъ самый день, когда мы съ Іогансеномъ прибыли въ Вардё, «Фрамъ» вышелъ въ открытое море.

Въ тотъ день, какъ экспедиція выходила изо льда, стоялъ сильный туманъ, который, однако же, скоро разсѣялся; экипажъ увидалъ неподалеку отъ себя небольшое судно «Сестры», шкуну изъ Тромзё, встрѣтившую «Фрамъ» громкими криками радости; капитанъ Боттольфсенъ пріѣхалъ на корабль. Прежде всего его спросили, пріѣхали-ли въ Норвегію Нансенъ и Іогансенъ. Отрицательный отвѣтъ совершенно подавилъ радость экипажа, только-что выбившагося изо льда; мало кто изъ членовъ экспедиціи сохранилъ надежду когда-нибудь увидѣться съ нами. Предполагая, что на Шпицбергенѣ можно узнать что-нибудь повѣрнѣе, они пошли туда, чтобы повидаться съ Андре, который, по

мнѣнію Боттольфсена, долженъ былъ находиться тамъ. Тамъ свѣдѣнія оказались тоже неудовлетворительными, и опасенія за насъ—двухъ товарищей ихъ—принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ. Кажется, только одинъ капитанъ Свердрупъ все еще вѣрилъ, что мы живы; онъ предположилъ, что мы прибыли на Землю Франца-Іосифа этой осенью слишкомъ поздно и принуждены были перезимовать съ экспедиціей Джексона; всѣ на «Фрамѣ» согласились отправиться прежде всего искать насъ на Землѣ Франца-Іосифа. «Фрамъ», дѣйствительно, былъ такъ хорошо снаряженъ, что въ случаѣ нужды могъ отправиться въ новую полярную экспедицію. Но, чтобы увѣриться вполнѣ, было рѣшено пройти сперва домой въ Норвегію, чтобы узнать, нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь извѣстій о насъ.

Въ ночь на 20-е августа «Фрамъ» бросилъ якорь въ маленькой гавани Скіервё, въ Финмаркѣ. Свердрупъ тотчасъ же поѣхалъ на берегъ, чтобы послать телеграммы. Онъ постучалъ нѣсколько разъ въ различныя двери телеграфной конторы, пока, наконецъ, въ окно не высунулась голова и сердитый голосъ не крикнулъ:

— Да, что это, и ночью-то не даютъ покоя! Что вамъ надо и кто вы такой?

— Моя фамилія Свердрупъ, я капитанъ «Фрама»,—спокойно отвѣчалъ Свердрупъ.

Тонъ голоса въ окнѣ тотчасъ же измѣнился.

— Иду сейчасъ,—отвѣчалъ человѣкъ, захлопнувъ окно. Свердрупъ обошелъ кругомъ на крыльцо, и тамъ, къ немалому своему удивленію, увидалъ передъ собою человѣка, котораго только что видѣлъ у окна въ полномъ deshabillé, теперь совершенно уже одѣтаго. Ему казалось, что никогда еще человѣкъ не одѣвался съ такою быстротой; удивленіе Свердрупа, конечно, достигло крайнихъ размѣровъ, при первыхъ словахъ, сказанныхъ ему въ конторѣ: «Нансенъ и Іогансонъ вернулись».

Не говоря ни слова, Свердрупъ бросился къ берегу и крикнулъ своимъ товарищамъ о счастливомъ извѣстіи; тѣ отъ радости бросились обнимать другъ друга. Извѣстіе это тотчасъ же было передано на «Фрамъ», который выразилъ восторгъ свой двумя пушечными выстрѣлами, возвѣстившими въ эту тихую лѣтнюю ночь о благополучномъ возвращеніи на родину норвежской полярной экспедиціи.

Фритіофъ Нансенъ.

БАЙБАКИ.

Изъ быта мелкопомѣстныхъ.

I.

Темнѣетъ и къ ночи поднимается настоящая вьюга...

Завтра Рождество, большой веселый праздникъ, и отъ этого еще грустнѣе кажутся непогожіе сумерки, безконечная глухая дорога и пустынное поле, утопающее во мглѣ поземки. Небо все ниже нависаетъ надъ нимъ; слабо брезжитъ синевато-свинцовый свѣтъ угасающаго дня, и въ туманной дали уже начинаютъ появляться тѣ блѣдные, неуловимые огоньки, которые всегда мелькаютъ предъ напряженными глазами путника въ зимнія степныя ночи и такъ быстро исчезаютъ, когда въ нихъ начинаешь вглядываться...

Кромѣ этихъ зловѣщихъ, таинственныхъ огоньковъ, уже въ полуверстѣ ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно и вѣтеръ легко сдуваетъ съ дороги жесткій снѣгъ. Но за то онъ бьетъ имъ въ лицо, засыпаетъ съ шипѣньемъ придорожныя дубовыя вѣшки, отрываетъ и уноситъ въ дыму поземки ихъ почернѣвшіе, сухіе листья, и, глядя на нихъ, чувствуешь себя безпомощнымъ, затерянымъ гдѣ-то въ пустынѣ, на краю свѣта, среди вѣчныхъ сѣверныхъ сумерокъ...

Въ полѣ, далеко отъ большихъ проѣзжихъ путей, далеко отъ большихъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ, стоитъ одинокій хуторъ. Даже деревушка, которая когда-то была возлѣ самаго хутора, уже лѣтъ тридцать стоитъ верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ него, въ лощинѣ, такъ что и въ ясные дни ее не видно изъ хуторской усадьбы. Хуторъ этотъ господа Баскаковы много лѣтъ тому назадъ напменовали Лучезаровкой, а деревушку—Лучезаровскими Двориками.

„Лучезаровка“! Какой ироніей звучитъ теперь это названіе и какъ печальна теперь Лучезаровка, какъ пустынна ея усадьба!

Шумитъ, какъ море, вѣтеръ вокругъ нея и на дворѣ по высокимъ бѣлымъ сугробамъ, какъ по могильнымъ холмамъ, изпод-

тишка курится поземка... Эти сугробы окружены неуютно и далеко другъ отъ друга разбросанными постройками: маленькимъ „господскимъ“ флигелемъ, „каретнымъ“ сараемъ и „людской“ избой. Всѣ постройки стариннаго фасона — низкія и длинныя. Флигель обитъ тесомъ; передній фасадъ его глядитъ во дворъ только тремя окнами, изъ которыхъ среднее — итальянское; крыльца — съ навѣсами на столбахъ; большая соломенная крыша почернѣла отъ времени. Была такая же и на людской избѣ, но теперь остался только скелетъ этой крыши, и узкая кирпичная труба возвышается надъ нимъ, какъ длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никакихъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ начатаго омета соломы возлѣ сарая, ни одного слѣда на дворѣ, ни одного звука людской рѣчи! Все забито снѣгомъ, все спитъ безжизненнымъ сномъ подъ смутный напѣвъ степного вѣтра. Угрюмо чернѣютъ въ сумеркахъ, среди зимнихъ полей, глухія, безмолвныя постройки. Волки бродятъ по ночамъ около дома, приходятъ изъ луговъ по саду къ самому балкону.

Но нѣтъ,—еще не совсѣмъ вымерла Лучезаровская усадьба, хотя уже давно стоитъ она такая одинокая и грустная!

Когда-то... Впрочемъ, кто не знаетъ, что было когда-то въ Лучезаровкахъ и какъ угасало это былое, какъ ветшали помѣщичьи гнѣзда и постепенно превращались въ „тырла“?..

Превратилась въ „тырло“ и Баскаковская Лучезаровка, но и теперь еще въ Лучезаровкѣ есть люди, хотя при ней числится уже всего на всего только двадцать восемь десятинъ распашной и четыре десятины усадебной земли. Бывшій владѣлецъ Лучезаровки, племянникъ Якова Петровича Баскакова, хозяйствовалъ сперва почти на трехстахъ десятинахъ. Когда же изъ нихъ осталось только двадцать восемь, онъ продалъ Лучезаровку Якову Петровичу, а самъ переселился въ городъ. Ему еще тридцать пять лѣтъ, и онъ надѣется, что будетъ счастливѣе въ городѣ, чѣмъ среди родныхъ полей.

Въ городъ давно переселилась и семья Якова Петровича. Глафира Яковлевна замужемъ за пожилымъ капитаномъ и почти круглый годъ живетъ у нея и Софья Павловна. Но Яковъ Петровичъ—старый степнякъ. Онъ на своемъ вѣку прогулялъ нѣсколько имѣній, но съ остатками отъ нихъ не пожелалъ переселяться въ городъ и кончать тамъ „послѣднюю треть жизни“, какъ онъ выражался о періодѣ человѣческой старости. Онъ остался въ Лучезаровкѣ. При немъ живетъ его бывшая крѣпостная, говорливая и крѣпкая старуха Лукерья; она нянчила всѣхъ дѣтей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковскомъ домѣ. Но, кромѣ нея, Яковъ Петровичъ

держитъ работника, замѣняющаго кухарку: кухарки не живутъ въ Лучезаровкѣ больше двухъ-трехъ недѣль.

— Тотъ-то у него будетъ жить!—говорятъ онѣ.—Тамъ отъ одной тоски сердце изноетъ!

Поэтому-то и замѣнялъ ихъ „Судакъ“, мужикъ изъ Лучезаровскихъ Двориковъ. Онъ человѣкъ лѣнивый и неуживчивый, но на Лучезаровскомъ хуторѣ уживался. Возить воду съ пруда, топить печи, варить „хлебово“, мѣсить рѣзку бѣлому мерину и курить по вечерамъ съ бариномъ махорку—въ этомъ заключались всѣ обязанности Мотьки, котораго на деревнѣ звали за его безцвѣтные глаза „Судакомъ“.

Землю Яковъ Петровичъ почти всю по частямъ сдавалъ мужикамъ, такъ что хозяйство его было очень не сложно. На тѣхъ же трехъ-четырехъ десятинахъ, которыя онъ оставлялъ себѣ, Судаку тоже не приходилось трудиться: ни у него, ни у Якова Петровича уже давно не было никакихъ земледѣльческихъ орудій, да еслибы они и были, бѣлый меринъ, все равно, оказался бы слишкомъ старымъ и лѣнивымъ для нихъ. Яковъ Петровичъ нанималъ обрабатывать эти три-четыре десятины...

Глухо и тихо было поэтому въ Лучезаровкѣ. Прежде, когда въ усадьбѣ стояли амбары, скотный дворъ и рига, усадьба еще походила на человѣческое жилье. Но на что нужны амбары, риги и скотные дворы, при двадцати восьми десятинахъ, заложенныхъ въ банкѣ за 2.060 рублей? Благоразумнѣе было ихъ продать и хоть нѣкоторое время пожить на нихъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно. И Яковъ Петровичъ продалъ сперва ригу, потомъ амбары, а когда употребилъ на топку весь верхъ съ скотнаго двора, продалъ и каменныя стѣны его. И неуютно стало въ Лучезаровкѣ! Жутко было бы среди этого раззореннаго гнѣзда даже Якову Петровичу, такъ какъ отъ голода и отъ холода Лукерья имѣла обыкновеніе почти на всѣ большіе зимніе праздники уѣзжать на село къ племяннику, сапожнику, но зимой Якова Петровича выручалъ его другой, болѣе вѣрный другъ.

— Селямъ алекюмъ!—раздавался старческій веселый голосъ въ какой-нибудь особенно хмурый осенній день въ „дѣвичьей“ Лучезаровскаго флигеля.

Какъ оживлялся при этомъ, знакомомъ съ самой крымской кампаніи, татарскомъ привѣтствіи Яковъ Петровичъ! У порога дѣвичьей почтительно стоялъ и, улыбаясь, раскланивался съ нимъ маленькій, сѣдой человѣкъ, уже разбитый, хилый, но всегда веселый, какъ всѣ бывшіе дворовые люди. Это прежній деньщикъ и старинный

другъ Якова Петровича, Гервасій Тимоѳеевичъ Ковалевъ. Сорокъ лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, но каждый годъ онъ является передъ Яковомъ Петровичемъ и привѣтствуетъ его тѣми словами, которыя напоминаютъ имъ обоимъ Крымъ, охоты на фазановъ, ночевки въ татарскихъ сакляхъ...

— Алекюмъ селямъ!—весело восклицалъ и Яковъ Петровичъ.—Живъ?

— Да вѣдь севастопольскій герой-то!—отвѣчалъ Ковалевъ.—Байбакъ еще!

Яковъ Петровичъ съ улыбкой осматривалъ его: все такой же! Даже одежда та же: тулупъ, крытый солдатскимъ сукномъ, старенькая поддевочка, въ которой Ковалевъ казался сѣденькимъ мальчикомъ, поярковые валенки, которыми онъ такъ любилъ похвалиться, потому что они поярковые... Похвалиться-то, впрочемъ, и приврать Ковалевъ вообще любитъ.

— Какъ васъ Богъ милуетъ?—продолжалъ онъ.

Яковъ Петровичъ осматривалъ и себя, даже глядѣлся въ зеркало. И онъ все такой же: плотная фигура, сѣдая, стриженая голова, сѣдые усы, добродушное, безпечное лицо съ маленькими глазами и „польскимъ“ бритымъ подбородкомъ... эспаньолка...

— Байбакъ!—говорилъ онъ, наконецъ, и про себя.—Ну, раздѣвайся, раздѣвайся! Гдѣ пропадалъ? Удилъ, огородничалъ?

Ковалевъ, съ тѣхъ поръ, какъ Яковъ Петровичъ окончательно обѣднѣлъ, ходитъ къ нему только на зиму. Лѣтомъ онъ огородничаетъ, занимается рыбной ловлей, гоститъ у богатыхъ помѣщиковъ, которые еще охотятся...

— Удилъ, Яковъ Петровичъ,—отвѣчалъ онъ, снимая тулупъ.—Тамъ посуды полой водой унесло нынѣшній годъ—и не приведи Господи!

— Значитъ, опять въ блиндажахъ сидѣлъ?

— Въ блиндажахъ, въ блиндажахъ...

— А табакъ есть?

— Есть немного.

— Ну, садись да давай завертывать. А то я это время ужъ окурочки вытрясалъ...

— Какъ Софья Павловна?

— Въ городѣ. Я былъ у ней недавно да удралъ скоро. Тутъ скука смертная, а тамъ еще хуже. Да и зятекъ мой любезный... Ты знаешь, какой человѣкъ... Ужаснѣйшій холопъ и интересанъ! Куски считаетъ...

— Изъ хама не сдѣлаешь пана,—соглашался Ковалевъ.

— Не сдѣлаешь, братъ... Чернаго кобеля не вымоешь до бѣла... Ну, да чортъ съ нимъ!..

— Какъ ваша охота?

— Да все пороху, дроби нѣту. На-дняхъ разжился, пошелъ, пришибъ одного косолобаго... Громадный русачина!

— Ихъ нынѣшній годъ страсть!

— Про то и толкъ-то. Завтра чѣмъ свѣтъ зальемся.

— Обязательно!..

— Я тебѣ, ей-Богу, отъ всей души радъ!..

Ковалевъ весело усмѣхался.

— А шашки цѣлы? — спрашивалъ онъ, свернувъ цигарку и подавая Якову Петровичу.

— Цѣлы, цѣлы. Вотъ давай обѣдать да и срѣжемся!..

II.

Темнѣетъ. Наступаетъ предпраздничный вечеръ, но не весело встрѣчаетъ его нынѣшній годъ Яковъ Петровичъ!..

По мѣрѣ того, какъ на дворѣ разъигрывается мятель и все больше заноситъ снѣгомъ окошко, все холоднѣе и сумрачнѣе становится въ „дѣвичьей“ Баскаковскаго флигеля. Это старинная комнатка съ низкимъ потолкомъ, съ бревенчатыми, черными отъ времени стѣнами и почти пустая: подъ окномъ длинная лавка, около лавки простой деревянный столъ, противъ стола, у стѣны, комодъ, въ верхнемъ ящикѣ котораго стоятъ тарелки. Дѣвичьей по справедливости она называлась уже давнымъ-давно, лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ, когда тутъ еще сидѣли и плели при свѣтѣ „коганца“ кружева дворовыя дѣвки. Теперь „дѣвичья“ превратилась въ одну изъ жилыхъ комнатъ самого Якова Петровича. Весь флигель состоитъ изъ пяти небольшихъ комнатъ: одна половина, окнами на дворъ—изъ „дѣвичьей“, „лакейской“ и кабинета или „дѣтской“ среди нихъ; другая, окнами въ вишневый садъ—изъ гостиной и зала. Но зимой „лакейская“, гостиная и залъ не топятся и тамъ пусто и такъ холодно, что въ залѣ насквозь промерзаетъ и ломберный столъ, и портретъ Николая I. Двери въ эти комнаты Яковъ Петровичъ собственноручно заклеиваетъ бумагой.

Теперь, въ этотъ непогожій предпраздничный вечеръ, въ „дѣвичьей“ особенно неуютно и скучно. Яковъ Петровичъ сидитъ на лавкѣ, поглаживаетъ подбородокъ и куритъ. Ковалевъ стоитъ у печки и, склонивъ голову, тоже куритъ. Оба въ шапкахъ, валенкахъ и шубахъ; баранье пальто Якова Петровича надѣто прямо

на бѣлье и подпоясано полотенцемъ... Смутно виденъ въ сумракѣ тихо плавающій по комнатѣ синеватый дымокъ махорки. Слышно, какъ дребезжатъ отъ вѣтра разбитыя стекла въ окнахъ гостиной. Мятель бушуетъ кругомъ флигеля и часто прерываетъ разговоръ его обитателей. Все кажется, что кто-то подъѣхалъ.

— Постой!—вдругъ останавливаетъ Ковалева Яковъ Петровичъ.—Должно быть, это онъ.

Ковалевъ смолкаетъ. И ему почудился скрипъ саней у крыльца, чей-то голосъ, невнятно донесшійся сквозь шумъ метели.

— Поди-ка, посмотри, должно быть, пріѣхалъ!

Но Ковалеву вовсе не хочется выбѣгать на морозъ, хотя и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ возвращенія Судака изъ села съ покупками. Онъ прислушивается очень внимательно и рѣшительно возражаетъ:

— Нѣтъ, это вѣтеръ.

— Да что тебѣ, трудно посмотрѣть-то?

— Да что-жъ смотрѣть, когда никого нѣту?

Яковъ Петровичъ вздергиваетъ плечами; онъ начинаетъ раздражаться... Не весело ему въ этотъ предпраздничный вечеръ!

Такъ было все хорошо складывалось... Пріѣзжалъ богатый мужикъ изъ Калиновки съ просьбой написать прошеніе къ земскому начальнику (Яковъ Петровичъ славился въ околоткѣ, какъ сочинитель прошеній) и привезъ за это курицу, бутылку водки и рубль денегъ... Правда, водка была выпита, при самомъ сочиненіи и чтеніи прошенія, курица въ тотъ же день зарѣзана и съѣдена, но рубль остался цѣлъ,—Яковъ Петровичъ приберегъ его къ празднику... Потомъ вчера утромъ внезапно явился Ковалевъ (Яковъ Петровичъ ужъ думалъ, что онъ умеръ) и принесъ съ собой кренделей, полтора десятка яицъ да еще 63 копѣйки денегъ. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить къ празднику. Въ концѣ-концовъ написали такую записку въ село къ лавочнику:

„Въ харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. жилокъ полуотборныхъ, 1.000 спичекъ, 5 сельдей маринованныхъ, 2 ф. масла конопляного, 2 осьмушки фруктоваго чаю, 1 ф. сахару и $1^{1}/_{2}$ ф. жамокъ мятныхъ.“

Но Судака нѣтъ съ самаго утра. А это влечетъ за собой то, что предпраздничный вечеръ пройдетъ вовсе не такъ, какъ думалось, и главное, придется самимъ идти за соломой въ ометъ: отъ вчерашняго дня соломы осталось очень немного. И Яковъ Петровичъ раздражается, и все начинаетъ рисоваться ему въ мрачныхъ краскахъ.

Мысли и воспоминанія идутъ въ голову самыя невеселыя... Вотъ уже два года онъ не видалъ ни племянника, ни дочери... Помогаютъ они ему очень плохо... Подло съ нимъ вообще поступаютъ... И жить на хуторѣ становится съ каждымъ днемъ все хуже и скучнѣе...

— А, да чортъ ихъ побери совсѣмъ!—говоритъ себѣ Яковъ Петровичъ свою любимую фразу, которой онъ всегда успокаивалъ себя въ плохихъ настроеніяхъ и обстоятельствахъ.—Буду я убиваться, разстроивать свое здоровье изъ-за всякой ерунды!

Но сегодня это не успокоиваетъ...

— Ну, и холода же завернули!—говоритъ Ковалевъ.

— Ужаснѣйшій холодъ!—подхватываетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь тутъ хоть волковъ морозь! Смотри... Хх!.. паръ отъ дыханія видно!

— Да,—продолжаетъ Ковалевъ монотонно.—А вѣдь, помните, мы подъ новый годъ когда-то цвѣточки рвали въ однихъ мундирчикахъ!.. Подъ Балаклавой-то...

И опускаетъ голову. Не весело и ему сегодня.

— А онъ, видимое дѣло, не пріѣдетъ,—говоритъ Яковъ Петровичъ, не слушая.—Мы въ дурацкой ажитаціи, ни больше, ни меньше!

— Не ночевать же онъ останется въ харчевнѣ!

— А ты что думаешь? Ему очень нужно!

— Положимъ, здорово мететъ...

— Ничего тамъ не мететъ. Обыкновенно, не лѣто...

— Трусъ государственный! Замерзнуть боится...

— Да какъ-же это замерзнуть? День, дорога знакомая...

— Разумѣется!

— Вѣдь эти храпоидолы на-зло готовы нашему брату всегда нагадить! Теперь ужъ и такъ ни одинъ мерзавецъ шапки не ломаетъ. Да еще насмѣшечки: „Чьихъ господъ баринъ?..“

— Его пробить хорошенько!

— Да, кажется, это тѣмъ и кончится. Откланцаю и прогоню со двора долой!

— Постойте!—перебиваетъ Ковалевъ.—Кажется, подъѣхалъ...

— Я говорю тебѣ, выйди, посмотри! А то надо самоваръ ставить и соломы надергать.

— Да вѣдь, конечно, пора. А то что-жъ тамъ сдѣлаешь ночью?.. Тамъ вонъ есть въ сѣнцахъ...

— Да много-ли тамъ соломы!

— Маловато.

Ковалевъ соглашается, что идти за соломой необходимо, но

ограничивается приготовленіями къ топкѣ: онъ подставляетъ къ печкѣ стулъ, взлѣзаетъ на него, отворяетъ заслонку и вынимаетъ вьюшки. Въ трубѣ начинаетъ завывать на разные голоса вѣтеръ.

— Впусти хоть собаку-то!—говоритъ Яковъ Петровичъ.

— Какую собаку?—спрашиваетъ Ковалевъ, кряхтя и слѣзая со стула.

— Да что ты дуракомъ-то прикидываешься? Флембо, конечно,—слышишь, визжитъ.

Дѣйствительно, Флембо, старая сука изъ породы сетеровъ, жалобно повизгиваетъ въ сѣнцахъ.

— Надо Бога имѣть,—прибавляетъ Яковъ Петровичъ.—Вѣдь она замерзнетъ... А еще охотникъ! Лодырь ты, братъ, какъ я погляжу! Ужъ правда, байбакъ.

— Да оно и вы-то, должно быть, изъ той же породы,—улыбается Ковалевъ, отворяетъ дверь въ сѣнцы и впускаетъ въ „дѣвичью“ Флембо.

— Затворяй, затворяй, пожалуйста!—кричитъ Яковъ Петровичъ.—Такъ и поперло по ногамъ холодомъ... Кушъ тутъ!—грозно обращается онъ къ Флембо, указывая пальцемъ подъ лавку.

Ковалевъ же, прихлопывая дверь, бормочетъ:

— Тамъ несетъ—свѣту Божьяго не видно!.. А, должно быть, скоро насъ потащутъ въ Богословское! Вотъ-вотъ о. Василій припожалуетъ за нами. Я ужъ вижу. Все мы ссоримся. Это передъ смертью.

— Ну, ужъ это обрекай себя одного пожалуйста,—возражаетъ Яковъ Петровичъ задумчиво.

И опять выражаетъ свои мысли вслухъ:

— Нѣтъ, я ужъ больше не буду сидѣть въ этомъ тырлѣ сторожемъ! Вотъ-вотъ, кажется, затрещитъ эта проклятая Лучезаровка...

Онъ развертываетъ кисетъ, насыпаетъ цигарку махоркой и продолжаетъ:

— Я тутъ околѣвать съ голоду не намѣренъ. Дошло до того, что завяжи глаза да бѣги со двора долой! А все моя довѣрчивость дурацкая, друзья-пріятели да воспитаніе дѣточекъ миленькихъ... Я былъ честенъ, какъ булатъ, я былъ педантъ честности... Ну, да если этотъ мерзавецъ Арсентій Михалычъ совсѣмъ забылъ дядю, меня другіе родные не бросятъ. У одного Василія Аркадича тысяча десятинъ... Прекрасной души человѣкъ!.. Не выгонитъ старика! Не на мосту же мнѣ съ чашкой стоять... А если и онъ хорошъ былъ только прежде—мнѣ не долго и пулю въ лобъ пустить!.. Все равно—жизнь игрока! А ужъ по чужнмъ людямъ не

пойду кланяться! Нога моя ни у кого до гробовой доски не будетъ! Я самолюбивъ, какъ порохъ!..

И, окончательно раздраженный, Яковъ Петровичъ совсѣмъ зло прибавляетъ:

— Однако, телиться-то нечего, надо за соломой отправляться. Вѣдь тутъ къ утру-то выдуетъ—околѣешь!

Ковалевъ еще больше сгорбливается и запускаетъ руки въ рукава тулупа. Ему такъ холодно, что у него стынетъ кончикъ носа, но онъ все еще надѣется, что какъ-нибудь „обойдется“... можетъ быть, Судакъ подъѣдетъ... Онъ отлично понимаетъ, что Яковъ Петровичъ ему одному предлагаетъ отправляться за соломой.

— Да вѣдь телиться!..—говоритъ онъ. — Вѣтеръ-то съ ногъ сшибаетъ...

— Ну, барствовать теперь намъ некогда!

— Побарствуешь, когда поясницу не разогнешь. Не молоденькіе тоже! Слава Богу, двумъ-то намъ подъ сто сорокъ будетъ.

— Ужъ, пожалуйста, не прикидывайся мерзлымъ бараномъ!

Яковъ Петровичъ тоже отлично понимаетъ, что одинъ Ковалевъ ничего не подѣлаетъ въ занесенномъ снѣгомъ ометѣ. Но онъ споконъ вѣку врагъ всякой логики и тоже надѣется, что „какъ-нибудь обойдется“ безъ него.

Между тѣмъ въ „дѣвичьей“ становится уже совсѣмъ темно, и Ковалевъ, наконецъ, рѣшается посмотрѣть, не ѣдетъ-ли Судакъ. Шаркая своими разбитыми ногами, онъ идетъ къ двери...

Яковъ Петровичъ неподвижно сидитъ, поджавъ подъ себя одну ногу, пускаетъ черезъ усы дымъ, и, такъ какъ ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимаютъ нѣсколько иное направленіе.

— Гм!—бормочетъ онъ.—Какъ вамъ это покажется? Хорошо встрѣчаемъ праздничекъ! Лопать, какъ собакѣ, хочется. Вѣдь неѣдалаго царства-то нѣту... Будь городъ-то... Прежде хоть венгерцы ѣздили!.. Ну, погоди же, Судакъ проклятый!

Двери въ сѣнцахъ хлопаютъ, вбѣгаетъ Ковалевъ.

— Нѣту!—восклицаетъ онъ.—Какъ провалился!.. Что-жъ теперь дѣлать? Въ сѣнцахъ соломы чуть...

Въ снѣгу, въ тяжеломъ тулупѣ, маленькій и сгорбленный, онъ такъ жалокъ и безпомощенъ!

Яковъ Петровичъ вдругъ подымается.

— А вотъ я знаю, что сдѣлаю,—говоритъ онъ, осѣненный какой-то хорошей внезапной мыслью, наклоняется и достаетъ изъ подъ лавки топоръ.

— Эта задача очень просто разрѣшается,—прибавляетъ онъ,

опрокидываетъ стулъ, стоявшій около стола, и взмахиваетъ топоромъ. — Таскай пока солому-то! Чортъ его побери совсѣмъ, мнѣ свое здоровье дороже, чѣмъ какое-нибудь стуло!

Ковалевъ, тоже сразу оживившійся (дѣло знакомое!), съ любопытствомъ смотритъ, какъ летятъ щепки изъ-подъ топора.

— Вѣдь тамъ, небось, еще на потолкѣ много,—подхватываетъ онъ.—Нѣтъ-ли другого топора?

— Валяй лучше на чердакъ да самоваръ вытрясай!

Въ растворенную дверь несетъ холодомъ, пахнетъ снѣгомъ... Ковалевъ, спотыкаясь, таскаетъ въ „дѣвичью“ солому, ручки старыхъ креселъ съ чердака.

— За милую душу истопимъ,—твердитъ онъ.—Крендели еще есть... Яицъ бы напечь.

— Тащи ихъ на конъ. А то сидимъ плакучими ивами!..

III.

Медленно протекаетъ долгій зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ. Не смолкая бушуетъ метель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются къ ея шуму. Вѣдь какъ немного имъ нужно было, чтобы измѣнились ихъ настроенія и думы о жизни!

Запасшись дровами, они поставили въ сѣнцахъ самоваръ, затопили въ кабинетѣ печку и оба сѣли около нея на корточки.

Славно охватываетъ тѣло теплomъ!.. Иногда, когда Ковалевъ запихивалъ въ печку большую охапку соломы, ощутительно несло холодомъ отъ нея, кругомъ воцарялся полный мракъ, и глаза Флембо, которая тоже пришла погрѣться къ двери кабинета, какъ два изумрудные камня, сверкали въ темнотѣ. А въ печкѣ глухо гудѣло; просвѣчивая то тутъ, то тамъ сквозь солому и бросая на потолокъ кабинета мутно-красныя, дрожащія полосы свѣта, медленно разросталось и приближалось гудящее пламя къ устью, прыскали, съ трескомъ лопаясь, хлѣбныя зерна... Мало-по-малу озарялась вся комната. Пламя совсѣмъ завладѣвало соломой, и когда отъ нея оставалась только дрожащая груда „жара“, словно раскаленныхъ, золотисто-огненныхъ проволокъ, когда эта груда опадала, блекла, Яковъ Петровичъ скидывалъ съ себя пальто, садился задомъ къ печкѣ и поднималъ на спинѣ рубаху.

— Аа, аа,—говорилъ онъ.—Славно спину-то нажарить! Гервасій Тимоѳеичъ, дери!

Ковалевъ дралъ ему ногтями спину.

— Аа, аа!—повторялъ Яковъ Петровичъ и, когда его толстая

спина становилась багровой, отскакивалъ отъ печки и накидывалъ тулупъ.

— Вотъ такъ пробрало! А то вѣдь бѣда безъ бани. Старый человѣкъ, попариться негдѣ. Ну, да ужъ нынѣшній годъ обязательно поставлю.

Это „обязательно“ Ковалевъ слышитъ каждый годъ, но каждый годъ съ восторгомъ принимаетъ мысль о банѣ.

— Добро милое! Бѣда безъ бани,—соглашается онъ, продѣлывая ту же операцію надъ своей худощавой спиной и также повторяя почти съ сладострастіемъ:

—Аа, аа!..

Когда дрова и солома прогорѣли, Ковалевъ долго и заботливо поджаривалъ въ печкѣ крендели, отклоняя отъ жара пылающее лицо. Въ темнотѣ, озаренный красноватымъ жерломъ печки, онъ казался бронзовымъ изваяніемъ. А Яковъ Петровичъ хлопоталъ около самовара.

Наконецъ, онъ налилъ себѣ въ кружку чаю, поставилъ ее около себя на лежанкѣ, закурилъ и, немного помолчавъ, вдругъ спросилъ.

— А что теперь подѣлываетъ премилая сова?

Какая сова?

Ковалевъ хорошо знаетъ, какая сова! Да и не въ совѣ дѣло. Можетъ быть, уже лѣтъ 25 тому назадъ онъ подстрѣлилъ сову и гдѣ-то на ночлегѣ сказалъ эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, какъ десятки другихъ, повторяется Яковомъ Петровичемъ и Ковалевымъ. Сама по себѣ она, конечно, не имѣетъ смысла, но отъ долгаго употребленія стала смѣшной и, какъ другія подобныя, влечетъ за собой много воспоминаній.

Очевидно, Яковъ Петровичъ совсѣмъ повеселѣлъ и приступаетъ къ мирнымъ разговорамъ о быломъ. Вѣдь Ковалевъ только вчера пришелъ и много много еще будетъ этихъ разговоровъ. И Ковалевъ стоитъ съ веселой задумчивой улыбкой, наливая себѣ чаю.

— А помните, Яковъ Петровичъ?—начинаетъ онъ...

Медленно протекаетъ долгій зимній вечеръ въ Лучезаровкѣ. Но тепло и свѣтло въ маленькомъ кабинетѣ. Все въ немъ такъ просто, незатѣйливо, по-старинному: желтенькіе обои на стѣнахъ, украшенныхъ выцвѣтшими фографіями, вышитыми шерстью картинами (собака, швейцарскій видъ), низкій потолокъ обклеенъ „Сыномъ Отечества“; передъ окномъ дубовый письменный столъ и старое, высокое и глубокое кресло; у одной стѣны большая кровать крас-

наго дерева съ ящиками; надъ кроватью рогъ для гончихъ, ружье, пороховница; въ углу образничка съ темными иконами... но все это родное, давно, давно знакомое!

Старики сыты и согрѣлись. Яковъ Петровичъ сидитъ въ валенкахъ и въ одномъ бѣльѣ, Ковалевъ — въ валенкахъ и поддевочкѣ... Долго играли въ шашки, долго занимались своимъ любимымъ дѣломъ, осматривали одежду—нельзя-ли какъ-нибудь вывернуть?—искроили на шапку старую «тужурку»; долго стояли у стола, мѣрили, чертили мѣломъ.

Настроеніе у Якова Петровича давно уже самое благодушное. Только въ глубинѣ души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздникъ, онъ одинъ... Спасибо Ковалеву, что хоть онъ не забылъ!..

— Ну,—говоритъ Яковъ Петровичъ,—возьми-ка эту шапку себѣ.

— А вы-то какже?—спрашиваетъ Ковалевъ.

— У меня есть.

— Да вѣдь одна вязаная?

— Такъ что-жъ, безподобная шапка!

— Ну, покорнѣйше благодаримъ.

У Якова Петровича страсть дѣлать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь часъ?—размышляетъ онъ вслухъ.

— Теперь?—спрашиваетъ Ковалевъ.—Теперь около десяти. Вѣрно, какъ въ аптекѣ. Я ужъ знаю.

— Скука безъ часовъ,—перебиваетъ Яковъ Петровичъ, зная, что сейчасъ Ковалевъ начнетъ лгать, какъ онъ по двое золотыхъ часовъ нашивалъ, когда былъ козачкомъ у своего барина и жилъ съ нимъ въ Петербургѣ. Но Ковалевъ уже оживился и его трудно перебить.

— Бывало въ Петербургѣ,—говоритъ онъ...

— Да и брешешь же ты, братъ!—замѣчаетъ Яковъ Петровичъ ласково.

— Да нѣтъ, вы позвольте, не франируйте сразу-то!

Яковъ Петровичъ разсѣянно улыбается. У него свои думы.

— То-то, должно быть, въ городѣ-то теперь!—говоритъ онъ, усаживаясь на лежанку съ гитарой.—Оживленіе, блескъ, суета! Начнутся собранія, маскерады!

И уже дружно начинаются воспоминанія о клубахъ, о томъ, сколько когда выигралъ и проигралъ Яковъ Петровичъ, какъ иногда Ковалевъ во время уговаривалъ его уѣхать изъ клуба. Идетъ оживленный разговоръ о прежнемъ благосостояніи Якова Петровича. Онъ говоритъ:

— Да, я много надѣлалъ ошибокъ въ своей жизни. Мнѣ не на кого пенять. А судить меня будетъ ужъ видно Богъ, а не Глафира Яковлевна и не зятекъ миленькій. А! Таить злобу на отца всю жизнь за то, что я не оставилъ имъ ничего! Что-жъ, я бы рубашку ей отдалъ, да у меня и рубашекъ-то нѣту... Вотъ я ни на кого никогда не имѣлъ злобы больше десяти минутъ. Да прежде и злой былъ хорошъ... Ну, да все прошло, пролетѣло.

Какъ было уютно и весело прежде на этомъ хуторѣ подъ большіе праздники! Сколько было родныхъ, знакомыхъ!.. Ковалевъ начинаетъ вспоминать ихъ безчисленныя имена.

Лицо Якова Петровича задумчиво и кротко. Онъ тихо играетъ на гитарѣ и поетъ старинный, грустный романсъ, мягкій и нѣжный, какъ всѣ старинныя пѣсни.

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?—

Поетъ онъ...

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ...
Иль ты не видишь бокалъ на столѣ!

И повторяетъ съ особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокалъ на столѣ?

. . . . . .

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту...

разбитымъ голосомъ подтягиваетъ Ковалевъ, сгорбившись въ старомъ креслѣ и глядя въ одну точку передъ собою.

Долго на свѣтѣ не зналъ я пріюту...

вторитъ Яковъ Петровичъ подъ гитару.

Долго носила земля сироту,
Долго имѣлъ я въ душѣ пустоту...

Вѣтеръ бушуетъ и рветъ съ флигеля крышу. Шумъ у крыльца... Эхъ, еслибы хоть кто-нибудь!.. Даже старый другъ, Софья Павловна, забыла...

И, покачивая головою, Яковъ Петровичъ продолжаетъ:

Разъ, въ незабвенную жизни минуту,
Разъ я увидѣлъ созданье одно,
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...
Въ коемъ все сердце мое вмѣщено...

Ахъ, давно, давно это было! Все прошло, пролетѣло... Грустныя думы клонятъ голову... Но печальной удалью звучитъ пѣсня:

Что-жъ ты замолкъ и сидишь одиноко?
Стукнемъ бокалъ о бокалъ и запьемъ
Грустную думу веселымъ виномъ!..
Грустную думу веселымъ виномъ!..

— Не пріѣхала бы барыня,—говоритъ Яковъ Петровичъ, дер-

гая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядѣть на Ковалева.

— Кого!—отзывается Ковалевъ.—Очень просто.

— Избавь Богъ, плутаетъ... Въ рогъ бы потрубить... на всякій случай... Можетъ быть, Судакъ ѣдетъ. Вѣдь замерзнуть-то недолго. По человѣчеству надо судить. Намъ хорошо тутъ сидѣть!

Черезъ минуту старики стоятъ на крыльцѣ. Вѣтеръ рветъ съ нихъ одежду. Дико и гулко заливается старый звонкій рогъ на разные голоса. Вѣтеръ подхватываетъ его звуки и несетъ въ непроглядную степь, въ темноту бурной ночи.

— Гопъ-гопъ!—кричитъ Яковъ Петровичъ.

— Гопъ-гопъ!—вторитъ Ковалевъ.

И долго потомъ, настроенные на героическій ладъ, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Онѣ тысячами съ болота на овсяное поле! Шапки сбиваютъ!.. Да все матерыя, кряковыя! Какъ ни рѣзну — просто каши наварю!.. А тутъ, смотрю, Аѳанасій Николаевичъ Вечесловъ спѣшитъ... Батюшки мои—пошла потѣха!

Или:

— Вотъ, понимаешь, я и сталъ за сосной. А ночь мѣсячная—хоть деньги считай! И вдругъ претъ... Лобище вотъ этакій... Какъ я его брызну!

— А помните,—подхватываетъ Ковалевъ,—какъ въ Гремячьемъ „островѣ“...

Потомъ идутъ случаи замерзанія, неожиданнаго спасенія... Потомъ восхваленіе Лучезаровки.

— До смерти не разстанусь,—говоритъ Яковъ Петровичъ,—я тутъ самъ себѣ голова, какъ Адамъ въ раю. Имѣніе, надо правду сказать, золотое дно. Еслибы немножко мнѣ перевернуться! Сейчасъ всѣ 28 десятинъ картофелемъ, банкъ—долой и опять я кумъ королю!

IV.

Всю долгую ночь бушевала въ темныхъ поляхъ вьюга.

Старикамъ казалось, что они легли спать очень поздно. Но, должно быть, не поздно, потому что спятъ они очень чутко.

Ковалевъ глухо кашляетъ, съ головой, закрытый тулупомъ; Яковъ Петровичъ ворочается и отдувается; ему жарко. Къ тому же, слишкомъ уже грозно буря потрясаетъ стѣны флигеля и слѣпитъ и засыпаетъ снѣгомъ окна... Слишкомъ непріятно дребезжатъ разбитыя стекла въ гостиной. Жутко тамъ теперь, въ этой холодной,

необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, потому что потолки въ ней низки, амбразуры маленькихъ оконъ глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвѣчиваютъ свинцовымъ блескомъ стекла. Если даже прильнешь къ нимъ, то развѣ едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами садъ... А дальше—полный мракъ и метель, метель...

И старики сквозь сонъ инстинктивно чувствуютъ, какъ одинокъ и безпомощенъ ихъ хуторокъ въ этомъ бушующемъ морѣ степныхъ снѣговъ. Ковалевъ трусливъ, и поэтому ему все представляется, какъ когда-то давно-давно въ этой гостиной на раздвинутомъ банкетномъ столѣ, на сѣнѣ, застеленномъ простыней, лежала полная и важная покойница, сестра Якова Петровича. Сколько тогда наѣхало на дворъ Лучезаровки тарантасовъ, сколько кучеровъ было на дворѣ, сколько дворни, свободно вздохнувшей по случаю смерти барыни! Сколько народу было въ этомъ маленькомъ домѣ! Николай Лукьянычъ Грунинъ, Василій Васильичъ князь Кубековъ, Ермолай Алексѣичъ Пущинъ... И все покойники!.. И кажется Ковалеву, что онъ опять стоитъ въ изголовьи усопшей и читаетъ псалтирь. Двери изъ гостинной затворены во всѣ комнаты, тамъ много народу, но все-таки Ковалевъ боится и стоитъ, какъ въ туманѣ. Блики свѣта отъ мерцающихъ свѣчъ, какъ по желтой мѣди, скользятъ по лицу мертвеца. Въ комнатѣ еще синѣетъ дымъ отъ кадила... Дымъ этотъ почему-то все сгущается, потолокъ опускается все ниже и ниже, грудь покойницы подымается... она хочетъ вздохнуть... и не можетъ... что-то давитъ ей грудь, и Ковалеву давитъ, и страшно имъ обоимъ... И Ковалевъ вскакиваетъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Ахъ, ты, Господи, Господи!—слышится его бормотанье въ тихомъ кабинетѣ.

Но опять странной дремотой обвѣваетъ его монотонный шумъ метели. Онъ кашляетъ все тише и рѣже, медленно задремываетъ, словно погружается въ какое-то безконечное пространство... Но опять сквозь сонъ чувствуется что-то зловѣщее... Онъ слышитъ... Да, шаги! Тяжелые шаги на верху гдѣ-то... По потолку кто-то ходитъ. Ковалевъ быстро приходитъ въ сознаніе, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипитъ матица...

— Яковъ Петровичъ!—говоритъ онъ.—Яковъ Петровичъ!

— А? Что?—спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— А вѣдь по потолку-то кто-то ходитъ.

— Кто ходитъ?

— А вы послушайте-ка!

Яковъ Петровичъ слушаетъ: ходитъ!

— Да нѣтъ, это всегда такъ,—вѣтеръ,—говоритъ онъ, наконецъ, зѣвая.—Да и трусъ же ты, братъ! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толковъ про эти шаги на потолкѣ! Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалевъ, задремывая, долго шепчетъ съ глубокимъ чувствомъ, втягивая въ себя воздухъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога Небеснаго водворится... Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое... Падетъ отъ страны твоея тысяща и тьма одесную тебе... Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы, летящія въ дни... На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія...

И Якова Петровича что-то безпокоитъ во снѣ. Подъ шумъ метели мерещится ему то гулъ вѣкового бора, то звонъ отдаленнаго колокола; слышится невнятный лай собакъ гдѣ-то въ степи, крикъ работника Судака... Вотъ шуршатъ подъѣзжающія къ крыльцу сани; скрипятъ чьи-то лапти по мерзлому снѣгу въ сѣнцахъ... И сердце Якова Петровича сжимается отъ боли и ожиданія: это дѣйствительно подъѣзжаютъ къ крыльцу его сани, но въ саняхъ—Софья Павловна, Глаша... подъѣзжаютъ медленно, забитыя снѣгомъ, еле видныя въ темнотѣ бурной ночи... ѣдутъ, ѣдутъ, но почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Ихъ увлекаетъ метель, засыпаетъ ихъ снѣгомъ, и у Якова Петровича подступаютъ слезы къ горлу, и онъ напряженно, торопливо ищетъ рога... хочетъ трубить имъ, звать ихъ... И, почти задохнувшись отъ напряженія, просыпается.

— Чортъ знаетъ что такое!—бормочетъ онъ, отдуваясь.

— Что это вы, Яковъ Петровичъ?—откликается Ковалевъ.

— Не спится, братъ! А ночь давно, должно быть!

— Да, давненько.

— Зажигай-ка свѣчку-то, да закуривай!

Кабинетъ озаряется. Щурясь отъ свѣчки, пламя которой колеблется передъ заспанными глазами, какъ лучистая, мутно-красная звѣзда, старики сидятъ, курятъ, съ наслажденіемъ чешутся и отдыхаютъ отъ сновидѣній... Хорошо проснуться въ долгую зимнюю ночь въ теплой, родной комнатѣ, покурить, мирно поговорить, разогнать жуткія ощущенія веселымъ огонькомъ!

— А я сейчасъ вижу во снѣ, какъ ты думаешь, что?.. Вѣдь приснится же!.. Будто я въ гостяхъ у турецкаго султана!..—говоритъ Яковъ Петровичъ, сладко зѣвая.

Ковалевъ сидитъ на полу, сгорбившись (какой онъ старень-

кій безъ поддевочки и со сна!), улыбается и въ раздумьѣ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, это что—у турецкаго султана! Вотъ я сичасъ видѣлъ... Вѣрите-ли? Одинъ за однимъ, одинъ за однимъ... съ рожками, въ пиджачкахъ... малъ мала меньше... Да вѣдь какого транташа около меня раздѣлываютъ!

Оба врутъ. Они видѣли эти сны, даже не разъ видѣли, но совсѣмъ не въ эту ночь и слишкомъ часто разсказываютъ ихъ они другъ другу, такъ что давно другъ другу не вѣрятъ. И все-таки разсказываютъ. Въ благодушномъ настроеніи они любятъ поврать что-нибудь.

И, наговорившись, въ томъ же благодушномъ настроеніи, они тушатъ свѣчу, укладываются, одѣваются потеплѣй, надвигаютъ на лобъ шапки и засыпаютъ „сномъ праведника“...

Наступаетъ день, но кажется, что это сумерки. Темно, угрюмо, и буря не унимается. Сугробы подъ окнами почти прилегаютъ къ стекламъ и возвышаются до самой крыши. Отъ этого въ кабинетѣ стоитъ какой-то странный, блѣдный сумракъ...

Вдругъ съ шумомъ летятъ кирпичи съ крыши.

Вѣтеръ повалилъ трубу...

Это плохой знакъ: скоро, скоро, должно быть, и слѣда не останется отъ Лучезаровки!..

Ив. Бунинъ.

НА ЗАРѢ ЖИЗНИ.

I.

Эфемернымъ блистая нарядомъ,
Много звѣздъ мнѣ свѣтило вокругъ,
И подъ ихъ зажигающимъ взглядомъ
Я не видѣлъ тебя, милый другъ.
Но лишь утро востокъ озарило—
Поблѣднѣла звѣзда за звѣздой;
Ты, какъ солнце, межъ тѣмъ восходила
Надъ моею душою больной.
Не мишурной красой ты блистала,
Не искусственно-пышнымъ вѣнкомъ,
Но родная мнѣ дума лежала
И печаль на челѣ молодомъ.

И не ту мнѣ любовь ты внушила,
Отъ которой такъ сладко въ крови,
А душѣ такъ мучительно мило
Солнце жизни, безумье любви;
Но—любовь, что̀ чужое страданье
Выше жизни своей признаетъ
И на крестъ, на позоръ, на закланье
Властнымъ голосомъ правды зоветъ!

II.

Воздушной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали,
Волшебный окутывалъ ихъ серебристый туманъ.
Безмолвно и робко мы сладкій питали обманъ,
Стыдливо прекрасную тайну скрывали.
Безъ словъ о любви, но до поздней вечерней поры
Въ каморкѣ твоей разговоръ мы вели безконечный:

Какъ братъ неизмѣнному сердцу сестры,
Тебѣ открывалъ я весь міръ мой сердечный.
Какъ даль намъ тогда рисовалась—свѣтла, широка!
О, сколько, въ сознаніи силъ необъятныхъ,
И подвиговъ свѣтлыхъ, и дѣлъ благодатныхъ,
Казалось, свершила бы наша рука!

III.

Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ
Неодолимаго шквала!
Скалы сомнѣній и грозные льды—
Все на пути разметала.

Шумно къ твоимъ прикатилась стопамъ
Съ жаждой отзывнаго слова:
Ты ее бредомъ больнымъ назвала
И оттолкнула сурово.

Дико и грозно завыла она,
Жаркой заплакала кровью,
Въ сердцѣ твоемъ отдаваясь тоской
И безконечной любовью...

П. Я.

ПРОФЕССОРЪ ФИЛОСОФІИ.

Романъ Е. Грей Вильрайтъ.

I.

— Деньги всему причина, — сказала Гризельда: — можно прожить съ людьми всю свою жизнь и воображать, что знаешь ихъ вдоль и поперекъ, а на самомъ дѣлѣ, чуть дѣло коснулось денегъ, разумъ ихъ покидаетъ и дѣйствія ихъ такъ же загадочны, какъ дѣдушкины часы, испорченный механизмъ которыхъ продѣлываетъ иногда такія штуки, что диву дивишься.

Гризельда сложила письмо, которое кончила читать и сняла очки съ своего крючковатаго носа.

Наружность ея была не особенно привлекательна. Длинный рядъ годовъ неустанной работы оставилъ свои слѣды на ея морщинистомъ лицѣ; обращеніе, разговоръ и мнѣнія, равно какъ и не особенно пріятный характеръ ея, сложились сообразно зависимой и отвѣтственной службѣ. Гризельда хвалилась этой отвѣтственностью, а также и полнымъ довѣріемъ къ ней хозяина; положеніе ея было почетное, и она прониклась чувствомъ собственнаго достоинства, которое отразилось на ея характерѣ. Сегодня ей недоставало какъ разъ самаго лучезарнаго центра ея дѣятельности: профессора нравственной философіи Антонія Грэма не было дома.

Она бросила сокрушенный взглядъ на внутренность комнаты, носившей слѣды безпорядка, свойственнаго человѣку, занимающемуся литературными трудами; ея магическая щетка теряла здѣсь свою силу.

— Это совсѣмъ непохоже на него,—продолжала она свои размышленія послѣ бѣглаго обзора всего бумажнаго и книжнаго хаоса,— онъ ни разу не оставлялъ своего дома за послѣдніе десять лѣтъ, онъ постояненъ въ своихъ привычкахъ, не любитъ перемѣнъ и ненавидитъ всякія развлеченія, а теперь уѣхалъ по этому несносному дѣлу, и цѣлая недѣля прошла, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ; сегодня же, вмѣсто того, чтобы вернуться къ назначенному сроку, онъ пишетъ, что пріѣдетъ только «послѣ завтра». Не иначе, какъ деньги испортили все дѣло, вскружили ему голову и своротили его съ обычнаго пути.

Въ саду жужжали пчелы и свѣтило солнце, ароматъ цвѣтовъ наполнялъ воздухъ, и тѣни отъ остроконечныхъ листьевъ дикаго вино-

града, которымъ было обвито окно, прихотливыми узорами ложились на полъ.

Гризельда посмотрѣла вслѣдъ солнечнымъ лучамъ, забиравшимся на книжныя полки, и покачала укоризненно головой.

— Да, не спрячешь пыли и паутины въ такой ясный день,—подумала она.—Но есть люди, которые не видятъ и свѣчи передъ носомъ, когда мысли уносятъ ихъ Богъ знаетъ куда. Ученость—хорошая вещь, и нельзя отрицать, что она держитъ мужчину въ порядкѣ. Но все же странно видѣть, что человѣкъ живетъ, какъ сова въ дуплѣ дерева, и не замѣчаетъ, какъ вытираетъ пыль рукавомъ сюртука.

Неудовольствіе это было давно уже хроническимъ. Гризельда имѣла болѣзненную склонность къ чистотѣ и порядку; эта склонность дѣлала ее грозой поденщицъ и служила неизсякаемымъ источникомъ ссоръ между нею и ея господиномъ. Профессоръ нравственной философіи, во всемъ весьма сговорчивый человѣкъ, не допускалъ одного—чтобы кто-нибудь внѣдрялся въ его рабочій кабинетъ; это было неприкосновенное святилище, и сюда не допускались тѣ періодическіе набѣги, которые предпринимались Гризельдой въ остальныхъ комнатахъ въ погонѣ за чистотой. Со временемъ Гризельда подчинилась этому положенію вещей, какъ сильно ни противорѣчило оно ея принципамъ, и довольствовалась, какъ и въ настоящемъ случаѣ, лишь ѣдкими критическими замѣчаніями.

Она положила письмо въ карманъ и встала со стула.

— Хорошо, подождемъ и увидимъ, что будетъ послѣ завтра,—сказала она сама себѣ, затворяя за собою дверь рабочаго кабинета:—но я убѣждена въ томъ, что придетъ еще письмо, и пріѣздъ снова отложится.

Но на этотъ разъ обычная проницательность ей измѣнила: въ назначенный день, послѣ обѣда, профессоръ явился домой.

— Надѣюсь, вы хорошо провели время, сэръ?—замѣтила Гризельда, стараясь быть любезной; она прошла за нимъ въ кабинетъ и принялась наливать чай, который уже былъ приготовленъ на столикѣ. Надѣюсь, вы здоровы?

— Благодарю васъ, Гризельда,—отвѣтилъ профессоръ вѣжливо.—Я чувствую себя прекрасно!

Послѣдовало молчаніе.

Постороннему наблюдателю несомнѣнно показалось бы, что профессоръ вернулся такимъ же, какимъ уѣхалъ. Онъ былъ высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, спокойный и размѣренный въ своихъ движеніяхъ; въ немъ замѣтно было большое самообладаніе, и рѣчь его всегда была сдержанна и вѣжлива.

— Что говори съ нимъ, что нѣтъ, какъ съ гуся вода,—говорила иногда Гризельда, когда ея придирчивость встрѣчала спокойный отказъ:—даромъ только слова тратишь.

Хотя профессоръ по годамъ еще находился во «цвѣтѣ лѣтъ», преждевременная сѣдина пробивалась въ роскошныхъ темныхъ волосахъ; свѣтло-голубые глаза выражали какую-то напряженность мысли — результатъ, быть можетъ, спеціальной умственной работы въ области отвлеченныхъ знаній. Наиболѣе привлекательною особенностью его былъ голосъ. Прирожденная звучность и разнообразіе интонацій, при покойной и ясной рѣчи, производили необыкновенно чарующее впечатлѣніе.

Гризельда наблюдала за нимъ сквозь очки; онъ сѣлъ къ письменному столу, вынулъ бумаги и письма и погрузился въ размышленія.

— Ваше письмо третьяго дня было очень неожиданно,—замѣтила она вслухъ.—Я уже все приготовила къ вашему пріѣзду, чай стоялъ на столѣ; вѣроятно, васъ задержало что-нибудь очень важное?

Ожидаемаго отвѣта не послѣдовало, профессоръ сидѣлъ, углубленный въ свои мысли.

— Помоги Богъ!—прошептала она:—онъ вернулся еще болѣе полоумнымъ, чѣмъ уѣхалъ.—Она съ шумомъ захлопнула крышку чайника и заговорила громко и рѣзко:

— Мистеръ Грэмъ, я спрашиваю васъ, отчего вы не пріѣхали въ назначенный срокъ, что васъ задержало? Важная причина, не правда-ли? Надѣюсь, вы успѣшно покончили свои дѣла?

Профессоръ взглянулъ въ ея сторону.

— Нѣтъ, Гризельда, дѣла еще не окончены...—И голубые глаза задумчиво уставились на ея вопрошающей фигурѣ:— дѣла не кончены, и очень можетъ быть, что я уѣду черезъ день или черезъ два.

— Въ самомъ дѣлѣ?—послышался холодный отвѣтъ.

Онъ всталъ и подошелъ, улыбаясь, къ столу, на которомъ стоялъ чайный приборъ.

— Чашка чая теперь очень кстати,—сказалъ онъ добродушно:—сегодня жаркій день. Вчера вечеромъ въ Эльвертонѣ воздухъ освѣжился дождемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А красивое мѣсто? смѣю спросить.

— Да, окрестности тамъ недурны.

— Быть можетъ, вы останетесь тамъ теперь на болѣе долгій срокъ?

Слова эти были въ родѣ западни, и при этомъ брошенъ вновь испытующій взглядъ. Профессоръ медлилъ отвѣтомъ.

— Не думаю, чтобы я пробылъ долго, Гризельда,—спокойно замѣтилъ онъ, послѣ нѣкотораго колебанія. Разговоръ на время замолкъ.

Но старая служанка нашла уже достаточную пищу для размышленій и всяческихъ соображеній.

— Не права-ли я была, когда рѣшила въ умѣ, что много еще будетъ «завтра да завтра», разъ это началось,—съ неудовольствіемъ подумала она.—Никогда нельзя знать, какія затѣи полѣзутъ въ голову

человѣку, который получилъ наслѣдство, и уговаривать не стоитъ труда—они и глухи, и слѣпы.

Она сокрушенно покачала головой; открывавшаяся перспектива не улыбалась ей.

* * *

Спокойно и красиво раскинулся университетскій городъ. Заходящее солнце бросало яркіе лучи на старинныя зданія и, благодаря ему, рѣзче выступали узорчатые карнизы башенъ, витыя колонны, іоническіе орнаменты. Въ саду колледора длинныя тѣни ложились на зеленыя лужайки, и цвѣточныя клумбы пестрѣли сочными красками. Монастырскіе своды, окружавшіе зданіе, были безмолвны, лишь щебетаніе птичекъ нарушало тишину.

Профессоръ медленно проходилъ по пустыннымъ улицамъ, тихимъ и мертвымъ, благодаря наступившимъ каникуламъ; руки онъ держалъ за спиною, а глаза были устремлены на землю. Два или три знакомыхъ поклонились ему, проходя мимо, но онъ не обратилъ вниманія на ихъ поклоны, и они улыбались его разсѣянности.

Скоро онъ дошелъ до широкихъ сводчатыхъ воротъ, которыя вели на обширный университетскій дворъ С-тъ Беде; здѣсь онъ очнулся и остановился.

Передъ нимъ возвышалось старое зданіе, отливавшее сѣдиной и блескомъ заплесневѣлаго камня. Обрывки вьющихся растеній, мѣстами, прилѣпились къ потрескавшимся каменнымъ стѣнамъ, и каждый листочекъ блестѣлъ, какъ зеркало, отражавшее солнце; наверху, на карнизахъ, яркая зелень лишаевъ веселила общій сѣрый колоритъ зданія.

Профессоръ постоялъ нѣкоторое время, любуясь архитектурой часовни, узорчатая крыша которой ясно выдѣлялась величественнымъ силуэтомъ на ясномъ вечернемъ небѣ; потомъ тихо направился къ квартирѣ ректора и постучалъ въ дверь. Все было тихо; онъ повернулъ ручку и вошелъ. Сильный запахъ желтыхъ розъ наполнялъ пріемную ректора, врываясь въ высокое готическое окно, которое было открыто въ садъ.

— Кого я вижу, Антоній!—проговорилъ кто-то сердечнымъ тономъ:—вотъ такъ пріятный сюрпризъ! Мы думали, вы все еще проживаете въ деревенскомъ уединеніи. Или оно потеряло свое очарованіе?

Говорилъ высокій, нескладно сложенный, уже пожилой человѣкъ внушительныхъ размѣровъ. Особенно велика была его голова, покрытая шапкой вьющихся волосъ; но замѣчательнѣе всего были глаза, выглядывавшіе изъ-подъ пушистыхъ бровей; они придавали оригинальный и не лишенный симпатичности отпечатокъ всей фигурѣ этого человѣка.

На встрѣчу вошедшему встала пожилая дама съ книгой въ рукахъ, но ея встрѣча была сдержаннѣе. Антоній Грэмъ взялъ стулъ.

— Я только что вернулся, — отвѣтилъ онъ,—и зашелъ къ вамъ

переговорить прежде, чѣмъ опять уѣду на нѣсколько дней. Но ми стриссъ Мервинъ, вѣроятно, не поблагодаритъ меня за то, что я нарушилъ ея уединеніе?

— Такое нарушеніе только пріятно, — отвѣтила хозяйка съ улыбкой: — длинныя каникулы лишили насъ всѣхъ знакомыхъ и друзей.

Говорившая имѣла весьма привлекательную наружность и обращеніе. Мягкія пряди сѣдыхъ волосъ падали на высокій, красивый лобъ; годы не лишили ея лица правильнаго овала, а глаза—блеска; что-то серьезное и вдумчивое замѣнило красоту молодости инымъ болѣе строгимъ совершенствомъ.

Профессоръ выслушалъ ея слова съ легкимъ смущеніемъ; очевидно было, что онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ.

— Васъ можно поздравить съ окончаніемъ всѣхъ вашихъ дѣлъ?— сказалъ Робертъ Мервинъ.—Что вы порѣшили на счетъ стараго дома? Онъ тоже достался вамъ въ наслѣдство?

— Нѣтъ; сестра моя завѣщала домъ дѣвушкѣ... своей пріемной дочери...—какъ-то запинаясь проговорилъ профессоръ.

— Ахъ да, помню. Миссъ Форрестеръ, если не ошибаюсь.

— Рахель Форрестеръ, да.

Съ тонкой наблюдательностью женщины мистриссъ Мервинъ замѣтила, что эти простыя слова были сказаны какъ будто неестественнымъ тономъ. Спокойный, невозмутимый профессоръ не принадлежалъ къ числу ея симпатій; она не понимала его, и отношенія между ними, хотя и дружескія, не отличались сердечностью.

Поэтому она часто уклонялась отъ его общества и, въ данномъ случаѣ, тоже ушла въ свою комнату, оставивъ друзей вдвоемъ.

II.

Ректоръ, молча, ходилъ по комнатѣ, дожидаясь, чтобъ профессоръ заговорилъ.

Они были школьными товарищами, и между ними завязалась дружба, которая связываетъ иногда людей такихъ противоположныхъ характеровъ, что кажется просто аномаліей. Робертъ Мервинъ въ школѣ былъ руководителемъ цѣлой партіи. Его здоровое тѣлосложеніе, высокій ростъ, внушительная, хотя и неуклюжая фигура давали ему возможность быть защитникомъ слабыхъ и противникомъ сильныхъ. Онъ обладалъ нѣжнымъ сердцемъ, постоянствомъ, забывалъ обиды и былъ общимъ любимцемъ въ школѣ.

Антоній появился въ школѣ, когда ему было семь лѣтъ. Это былъ тщедушный и застѣнчивый мальчикъ, любившій занятія и вовсе не склонный кого-либо задѣвать или вообще ссориться и драться. Вслѣдствіе этого, дѣла его въ школѣ обстояли сперва очень плохо. Ровесники его не могли понять его скрытнаго характера, любви къ уеди-

ненію, а старшіе дразнили его на потѣху всей компаніи за тщедушный и растерянный видъ.

Но такое положеніе вещей круто измѣнилось, благодаря вмѣшательству Роберта Мервина. Онъ былъ тогда въ послѣднемъ классѣ—цвѣтущій юноша семнадцати лѣтъ; маленькій Антоній внушилъ ему чувство живой симпатіи, и между ними установились самыя нѣжныя отношенія, не смотря на разницу лѣтъ.

Антоній продолжалъ такъ же ревностно работать, но онъ сдѣлался общительнѣе, веселѣе смотрѣлъ на міръ Божій, и лицо его иногда озарялось улыбкой. Въ немъ подъ внѣшнею сдержанностью таилось много чувства. Робертъ Мервинъ понималъ его лучше другихъ и нерѣдко замѣчалъ, какъ въ глазахъ мальчика загорался огонь; въ немъ шла внутренняя работа, но онъ только изрѣдка обнаруживалъ свое душевное состояніе. Вообще Антоній говорилъ мало, добросовѣстно исполнялъ работу, въ играхъ участвовалъ нехотя, любилъ лишь гулять возлѣ своего героя, давая односложные отвѣты на горячія разсужденія товарища. Никто не зналъ тѣхъ думъ, которыя осаждали голову ребенка, когда онъ сидѣлъ, задумавшись, надъ книгой, устремивъ глаза въ пространство. Онъ изучалъ все, что встрѣчалъ на своемъ пути, и если языки не совсѣмъ приходились ему по вкусу, то математика была за то его любимымъ предметомъ.

Въ концѣ лѣтняго семестра Робертъ Мервинъ сказалъ ему:

— Послушай, малышъ, теперь тебѣ придется ужъ безъ меня пробивать дорогу; ты можешь теперь бороться самъ по себѣ и не поддаваться товарищамъ. А когда наступятъ каникулы я попрошу отца, чтобы онъ позволилъ пригласить тебя къ намъ въ деревню.

Онъ взглянулъ на мальчика и увидѣлъ на его лицѣ испугъ и недоумѣніе.

— Ты уйдешь отсюда?—повторялъ онъ тихо:—и никогда не вернешься?

— Конечно, нѣтъ. О чемъ ты спрашиваешь, дурачекъ? Я уже слишкомъ старъ для школы. Я поступлю въ другое училище, гдѣ учатся большіе мальчики, и постараюсь получить дипломъ! Когда ты подростешь, поступишь въ ту же школу, и я познакомлю тебя со всѣми—я тогда буду всѣхъ знать; а тебѣ совѣтую: будь немного общительнѣе и не сиди все уткнувшись носомъ въ книгу. Ну, брось, что это такое, Тони! Я не могу смотрѣть, когда ты плачешь, и что подумаютъ о тебѣ товарищи?—Антоній между тѣмъ упалъ на скамейку въ саду, гдѣ они гуляли, и разразился горькимъ плачемъ. Никакіе уговоры старшаго друга не были въ состояніи успокоить ребенка. Строгія и нѣжныя слова были одинаково безсильны. Робертъ нагнулся надъ нимъ растроганный и тихо сказалъ: «я никогда не думалъ, что ты такъ меня любишь». Тогда маленькій Антоній поднялъ на него взглядъ, отуманенный слезами, и вся его фигурка выражала преданность и любовь.

Внезапно онъ сжалъ кулаки и, вскочивъ на ноги, произнесъ страстнымъ, убѣжденнымъ тономъ:

— Я всегда тебя любилъ, но только не говорилъ объ этомъ. Другіе говорятъ, что любятъ, а не чувствуютъ. А теперь ты уѣзжаешь, и я никогда никого не буду такъ любить, какъ любилъ тебя. Не трогай меня! Я тебѣ говорю, что никогда никого не полюблю!

И этими словами Антоній Грэмъ началъ новый самостоятельный періодъ своей жизни.

— Не буду никого любить,—шепталъ мальчикъ, лежа вечеромъ въ кровати въ день отъѣзда своего героя, и все маленькое тѣло его вздрагивало отъ сдержанныхъ рыданій.—Что толку любить героя, когда онъ покидаетъ васъ и вы остаетесь одинокимъ? Лучше не имѣть его! — рѣшилъ онъ на другой день, когда всталъ блѣдный, но рѣшительный, и, забравъ книги, отправился въ классъ, гдѣ занялся, по обыкновенію, уроками, такъ что никто не замѣтилъ, что происходило въ душѣ ребенка.

Мѣсяцы проходили. Робертъ Мервинъ велъ разсѣянную жизнь въ кругу новыхъ товарищей и только изрѣдка вспоминалъ своего маленькаго друга.

На каникулы, согласно своему обѣщанію, Робертъ выхлопоталъ приглашеніе для своего друга.

Эта поѣздка повторялась нѣсколько разъ, и между двумя семьями, совершенно различными по характеру и образу жизни, установилось живое общеніе. Отецъ Антонія былъ шотландскимъ пасторомъ пуританскаго происхожденія, суровымъ теологомъ строгой этической школы, мать была скромная и тихая женщина, обожавшая своихъ двухъ дѣтей, хотя и не особенно экспансивная въ своей любви.

Семья Мервиновъ представляла рѣзкую противоположность тому строю жизни, который былъ установленъ въ домѣ пастора. Она состояла изъ шести дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, веселаго и общительнаго характера; родители баловали ихъ, а матерьяльная обезпеченность придавала жизни много разнообразія. Для Антонія это было новымъ міромъ; подъ очарованіемъ окружающей веселости и беззаботности онъ какъ-то ожилъ и сдѣлался болѣе общительнымъ; дружба, не смотря на неравенство лѣтъ, крѣпла между Антоніемъ и его товарищемъ, благодаря тому, что мальчикъ былъ развитъ не по годамъ, и герой дѣтства превратился въ дѣйствительнаго друга. Нить этой дружбы связывала ихъ все тѣснѣе и тѣснѣе между собою; этому способствовало и то обстоятельство, что Робертъ, окончивъ университетъ, остался тамъ преподавателемъ, когда въ тотъ же университетъ поступилъ и Антоній. Прожитые года не уменьшили ихъ дружбы, не образовали между ними разлада, который такъ возможенъ при разности лѣтъ.

Жизнь для Роберта была источникомъ радостей; онъ имѣлъ успѣхъ и пользовался уваженіемъ; онъ любилъ свой трудъ, любилъ людей и взаимно былъ любимъ другими.

Его могучая фигура, смѣющіеся глаза и громкій, задушевный голосъ, представляли совершенную противоположность съ фигурой и обращеніемъ его друга. Въ двадцать лѣтъ Антоній Грэмъ былъ деликатнаго сложенія, тихій и сосредоточенный, уравновѣшенный въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Его умъ отличался склонностью къ критикѣ, но не оригинальностью мысли и яркостью образовъ. Онъ взвѣшивалъ, разсматривалъ всѣ явленія жизни и не приходилъ ни къ какому выводу. Онъ дѣлалъ опыты, не подводя итоговъ; энтузіазмъ былъ невѣдомой величиной въ его системѣ, искусство и поэзія, если они не служили объектомъ его разслѣдованія, не встрѣчали откликовъ въ его душѣ.

Таковы были характеръ и стремленія первыхъ сознательныхъ шаговъ въ жизни Антонія Грэма, пока въ немъ не пробудилось новое чувство, преобразовавшее все его существо.

Младшая сестра Роберта, Винифреда Мервинъ, веселое, легкомысленное существо, не мало продѣлывало всякихъ штукъ надъ Антоніемъ, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ еще ребенкомъ; въ шестнадцать лѣтъ это была красивая дѣвушка, но съ сильнымъ преобладаніемъ смѣшливости въ характерѣ; всегда и во всемъ она видѣла лишь смѣшныя стороны. Антоній плѣнился черноглазой красавицей, и его сердце забилось сильнѣе подъ очарованіемъ первой любви.

Тихаго и застѣнчиваго юношу привлекало въ ней именно то, что она не походила на другихъ дѣвушекъ и позволяла себѣ всякія вольности. Ему нравились ея беззаботная веселость и смѣлость. Онъ незамѣтно поддался ея обаянію и опомнился, когда уже серьезно полюбилъ ее. Отчего бы ему не жениться на ней? Эта мысль овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ хорошо сознавалъ, что въ настоящее время такой поступокъ былъ бы очень легкомысленнымъ, но какъ-то потерялъ сразу всю свою осмотрительность и осторожность.

Наконецъ, въ ясный лѣтній день ему пришлось остаться съ предметомъ любви случайно глазъ на глазъ; они отстали отъ прочей компаніи и шли молча среди душистаго вереска. Надъголовою ихъ шумѣли сосны, передъ ними разстилалась открытая полянка, покрытая лиловыми и желтыми пятнами; воздухъ дышалъ лѣтнимъ зноемъ; тысяча живыхъ существъ копошилась на землѣ, и жужжанье пчелъ смѣшивалось съ переливами пѣсенъ птицъ. Для Антонія наступила рѣшительная минута его молодой жизни; онъ радовался своей молодости, и въ немъ точно проснулись новые источники силы и энергіи. И вотъ онъ заговорилъ; вмѣсто сдержанной и односложной рѣчи, слова его полились краснорѣчивымъ потокомъ горячихъ и пылкихъ фразъ. Онъ говорилъ, и слова его шли отъ сердца, которое проснулось и просило любви и жизни. Но недолго продолжалось это очарованіе: короткій и рѣзкій смѣхъ прервалъ его изліянія, и когда онъ опомнился, то стоялъ одинъ среди лиловаго вереска; сосны попрежнему шептались надъ его головою, но солнце померкло, и холодъ

отвергнутаго чувства проникъ ему въ душу, которая только что передъ тѣмъ открылась, чтобы слиться съ міромъ, зажить одною жизнью со всѣмъ человѣчествомъ. Острая боль оскорбленной гордости, разочарованія потрясла его, и ему показалось, что все, что было за минуту до этого—только сонъ. Какой злой геній овладѣлъ имъ и заставилъ его говорить такія слова? Какую онъ сдѣлалъ неисправимую глупость? Горечь обиды заполнила его душу, пока онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ пространство; завѣса, которую приподняла на минуту горячая любовь юноши, снова спустилась на его душу, чтобы уже остаться навсегда между нимъ и окружавшимъ его міромъ; онъ стоялъ, какъ отверженный, изгнанный съ праздника жизни. Въ первую минуту онъ даже не думалъ—сильныя ощущенія, которыя онъ испыталъ, остановили правильный ходъ мыслей.

Очнувшись и уразумѣвъ практическія послѣдствія своего положенія, юноша бросился на землю. Онъ принялся думать,—и передъ нимъ пронеслись воспоминанія школьныхъ дней. Онъ страдалъ тогда отъ собственной глупости и поклялся, что никогда не повторитъ эту глупость. И что же? Та же слабость снова овладѣла имъ и толкнула его въ бездну страданій, и все въ немъ возмутилось противъ этихъ незаслуженныхъ мученій. Онъ искалъ любви и нашелъ страданіе; онъ давалъ пищу своимъ чувствамъ, на основаніи ложной надежды, и слѣдствіемъ этого была горечь разочарованія. Но теперь довольно. Любовь—глупость и ошибка; всякія чувства—гибель для благоразумнаго человѣка; никогда такого рода одуряющія волненія не должны нарушать спокойствія уравновѣшеннаго ума; съ этой минуты онъ долженъ создать себѣ удовольствія, которыя лежали бы въ немъ самомъ, а отъ людей надо стоять какъ можно дальше и сохранять во всемъ личную независимость.

На этомъ онъ порѣшилъ и успокоился. Когда онъ возвращался домой по той же дорогѣ, по которой шелъ, солнечные лучи, по прежнему, согрѣвали землю; птицы пѣли свои пѣсни; насѣкомыя шевелились въ травѣ у его ногъ и вели дѣятельную борьбу за существованіе; но Антоній ни на что не обращалъ вниманія. Взглядъ его былъ неподвиженъ; сердце захолодѣло. Онъ вышелъ на жизненное поприще одинокимъ, себялюбивымъ человѣкомъ.

III.

— Не пройти-ли намъ подъ арки?—спросилъ Робертъ Мервинъ, послѣ того, какъ они, выйдя изъ комнаты, долгое время ходили на припекѣ солнца, въ саду.—Тамъ будетъ прохладнѣе.

Профессоръ равнодушно согласился; онъ былъ какъ-то еще больше разсѣянъ и не обращалъ вниманія ни на солнце, ни на жару. Они направились въ сторону монастыря и вошли подъ темные своды, куда не доходила солнечная жара.

Здѣсь они остановились, какъ бы по взаимному соглашенію, и залюбовались свѣтлыми пятнами зелени пейзажа.

— Что же случилось съ тобою, Антоній? — добродушно спросилъ Робертъ Мервинъ,—что разстроило тебя: философія Гегеля или какое-нибудь прозаическое событіе дѣйствительной жизни?

— Признаюсь, на этотъ разъ философія не причемъ,—спокойно отвѣтилъ Антоній Грэмъ.—Жизнь задала мнѣ задачу, дѣйствительность, а не философія.

— Мнѣ пріятно слышать,—серьезно отвѣтилъ ему Мервинъ,—что жизнь, живая жизнь затронула тебя. Но только я совершенно не могу догадаться, съ какой стороны она къ тебѣ подкралась. Не желаетъ-ли Гризельда сочетаться законнымъ бракомъ?

— Нѣтъ, не Гризельда,—продолжалъ профессоръ въ томъ же невозмутимомъ тонѣ,—а я самъ, можетъ быть, женюсь.

Еслибы крыша монастыря обрушилась надъ ихъ головами, то Мервинъ едва-ли испыталъ бы большее потрясеніе и изумленіе. Онъ могъ только повторять.

— Ты, Антоній, ты женишься?

— Я чувствовалъ, что долженъ сообщить тебѣ объ этомъ,—продолжалъ свою рѣчь профессоръ тѣмъ же безстрастнымъ тономъ,—прежде, нежели это предположеніе станетъ совершившимся фактомъ, потому что я уже привыкъ дѣлиться съ тобою мыслями и намѣреніями. Дѣло налажено; я собираюсь ѣхать завтра опять въ Эльвертонъ и удостовѣриться, совпадаютъ-ли взгляды миссъ Форрестеръ съ моими взглядами.

Мервинъ продолжалъ безмолвно глядѣть на своего друга, желая проникнуть въ тайныя причины такого страннаго рѣшенія,

— Антоній Грэмъ,—сказалъ онъ, дотронувшись рукой до плеча своего собесѣдника; голосъ его звучалъ торжественно:—я могу только отъ души поздравить тебя, если, какъ я надѣюсь, ты достигъ того, что вѣнчаетъ наше, подчасъ и не легкое, существованіе—любви и взаимной душевной симпатіи. Я часто думалъ о томъ: возможно-ли, чтобы служеніе одной отвлеченной идеѣ могло заполнить человѣка и дать ему полное удовлетвореніе; но я также знаю, что человѣкъ не можетъ судить о томъ, что составляетъ счастье другого, и не желаю критиковать твоего образа дѣйствій. Но то, что ты говоришь теперь, случилось такъ внезапно....

— Идея поступка пришла внезапно, это правда, но условія, при которыхъ она зародилась, довольно необыкновенны. Я не хочу, чтобъ ты ложно истолковалъ мой поступокъ. Я вовсе не желаю въ чемъ-либо измѣнять установленнаго порядка жизни. Любовь и симпатія—понятія, не входящія въ кругъ моихъ ощущеній, я ихъ никогда не испытывалъ, и, приближаясь къ пятидесяти годамъ, поздно измѣнять то, что уже, такъ сказать, вошло въ плоть и кровь. Мой взглядъ на то, что должно свершиться, слѣдующій: Гризельда грозитъ обратиться въ

очень непріятную и придирчивую особу, и мнѣ пришло въ голову, что присутствіе другого лица, болѣе образованнаго, болѣе высокаго нравственнаго уровня, которое бы понимало, насколько возможно, мои нужды и потребности, будетъ способствовать тому, что моя жизнь устроится еще больше по моему вкусу. Ты понялъ?

— Вполнѣ. Ну, а твоя жена? Она, вѣроятно, должна будетъ удовольствоваться обществомъ твоей кухарки?

Профессоръ взглянулъ на своего друга съ удивленіемъ: его поразила ироническая нотка, которая прозвучала невольно въ его отвѣтѣ.

— Она будетъ пользоваться и моимъ, до извѣстнаго предѣла,— отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ упрекомъ:—моя работа мѣшаетъ мнѣ удѣлять много времени чему бы то ни было, даже еслибы я и желалъ этого.

— А, знаю, ты создалъ изъ своего уединенія храмъ, въ которомъ ты самъ являешься верховнымъ жрецомъ. Хорошо, пусть будетъ такъ, не мнѣ судить; но ты не долженъ удивляться, если другіе люди имѣютъ на этотъ счетъ другую точку зрѣнія.

— Развѣ я когда-нибудь чему-нибудь удивляюсь? — былъ спокойный отвѣтъ.

Послѣдовало молчаніе. Ректоръ стоялъ и смотрѣлъ на человѣка, тонкія черты лица котораго алѣли подъ яркими лучами заходящаго солнца. Его могучая фигура вырисовывалась на темномъ фонѣ сводовъ, а лицо было сосредоточено и задумчиво.

— Сколько лѣтъ миссъ Форрестеръ? — спросилъ онъ, наконецъ, и профессоръ вздрогнулъ, очнувшись изъ своей задумчивости.

— Двадцать два, если я не ошибаюсь; мнѣ кажется, что у миссъ Форрестеръ довольно развитый умъ для ея лѣтъ.

— Двадцать два, а тебѣ скоро пятьдесятъ! — сказалъ Робертъ Мервинъ.

— Твое замѣчаніе выражаетъ неодобреніе; ты все еще подъ вліяніемъ мысли, что бракъ есть товарищество, что нужна любовь и прочее, а по моему мнѣнію, это совершенно излишне. Поэтому разница лѣтъ не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого значенія.

— Я вовсе не того мнѣнія, чтобы подобная разница лѣтъ была бы всегда преградой. Разница во вкусахъ и стремленіяхъ—вотъ въ чемъ кроется опасность. Признаюсь тебѣ, я не вполнѣ понимаю, что можешь ты предложить этой дѣвушкѣ; она, можетъ быть, единственная въ своемъ родѣ, такъ же какъ и ты, и, пожалуй, вашъ союзъ можетъ оказаться и удачнымъ. Но, повторяю, мое мнѣніе, что бракъ безъ любви— большая ошибка и дѣлаетъ проклятіе изъ того, что должно было бы быть благословеніемъ. Впрочемъ, мы съ тобою придерживаемся совершенно противоположныхъ взглядовъ на многія основныя положенія человѣческаго существованія.

— Да, ты всегда былъ нѣсколько сентименталенъ, — проговорилъ Антоній и улыбнулся, что случалось съ нимъ рѣдко.

— А ты сухой книжникъ, который не можетъ смотрѣть даже на солнечный закатъ, не объясняя его съ научной точки зрѣнія. Да что говорить, мы не признавали бы терпимости, еслибы спорили изъ-за разности мнѣній до ссоры. Серьезно говоря, желаю тебѣ всего хорошаго, старина, въ твоемъ новомъ опытѣ. Если онъ удастся...

— А если не удастся, я останусь при томъ, что имѣлъ раньше.— Профессоръ засмѣялся и прибавилъ:—«nil admirari proper est».

Профессоръ направился медленными шагами къ выходу, и у воротъ оба друга протянули другъ другу руки.

Мервинъ нашелъ свою жену все еще у открытаго окна. Она положила книгу и посмотрѣла на мужа съ вопросительной улыбкой.

— Жена,—торжественно произнесъ Робертъ Мервинъ:—я услышалъ сегодня самое необычайное сообщеніе отъ своего друга Антонія. Въ первый и, увы! вѣроятно, въ послѣдній разъ въ своей жизни, мой бѣдный другъ Антоній предполагаетъ совершить рѣшительный поступокъ. Онъ собирается жениться.

— Это невозможно! — воскликнула мистриссъ Мервинъ съ искреннимъ изумленіемъ... Или онъ женится на Гризельдѣ?

— Напротивъ, цѣль женитьбы—лишить Гризельду ея самодержавія,—отвѣтилъ ректоръ съ лукавой улыбкой.

И онъ передалъ ей въ короткихъ словахъ свой разговоръ съ профессоромъ.

Жена выслушала его молча и задумалась.

— Это все пустяки, потому что дѣвушка не согласится выйти за него замужъ.

— А если согласится?—возразилъ ей Мервинъ:—Какія могутъ возникнуть изъ этого осложненія? Кто знаетъ, можетъ быть нашъ другъ и измѣнится. Все зависитъ отъ того, какого сорта эта дѣвица. Ея женскій инстинктъ можетъ разгадать сердце, которое кроется подъ внѣшней холодностью. Что въ немъ есть сердце, я могу утверждать и могу точно также вѣрить, что есть возможность вызвать къ жизни дремлющія въ немъ чувства.

— Ахъ, я, къ сожалѣнію, не могу раздѣлять твоихъ надеждъ. Надо обладать нечеловѣческимъ инстинктомъ, чтобы разгадать въ этомъ сухомъ человѣкѣ присутствіе какихъ-нибудь теплыхъ чувствъ. Повѣрь мнѣ—я права.

— Ты менѣе всѣхъ можешь сомнѣваться въ моей вѣрѣ въ то вліяніе, которое можетъ оказать умная и любящая женщина?—сказалъ онъ нѣжно:—я бы желалъ, конечно, чтобы и моему товарищу выпалъ такой счастливый жребій и желалъ бы поскорѣе познакомиться съ этой дѣвушкой и убѣдиться, изъ какой глины она сдѣлана.

IV.

Лѣтній вечеръ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ. Вдоль долины,

въ которой была расположена усадьба Эльвертонъ, ложились длинныя тѣни; старые дубы въ саду окрасились въ золотистый цвѣтъ отъ косыхъ лучей заходящаго солнца; легкія облачка скользили и таяли на небѣ, двигаясь отъ туманнаго горизонта къ блестящей синевѣ небосклона.

Развертывался обычный ландшафтъ Сомерстшейра: богатыя пастбища, красивыя скалы и быстрые ручьи, а поверхъ всего легкая дымка тумана, придававшая всему мягкія очертанія. Направо отъ маленькой деревеньки возвышалась отвѣсная скала, извѣстная подъ именемъ «Охотничьяго рога». На другой сторонѣ долина окаймлена темнымъ силуэтомъ невысокихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ, изъ нѣдръ которыхъ вытекала рѣчка, весело журчавшая среди береговъ, обросшихъ ивою. Теченіе ея задерживалось деревенской мельницей, шумъ и стукъ которой мѣшался съ плескомъ воды; но теперь она стояла безмолвная, работа прекратилась и все было тихо.

Съ запада чувствовался легкій вѣтерокъ; онъ шевелилъ вершины ивъ, и на рѣкѣ мѣстами подымалась мелкая зыбь. «Этотъ вѣтеръ не предвѣщаетъ ничего хорошаго»—подумалъ пѣшеходъ, спускаясь съ вершины холма въ долину:—«въ воздухѣ чувствуется присутствіе электричества; я думаю, что не ошибусь, если предположу, что можетъ собраться гроза».

Взглядъ его скользнулъ по красному отвѣсу горъ, по долинѣ, залитой золотистыми лучами, и остановился на туманномъ горизонтѣ. Листва деревьевъ уже казалась потемнѣвшей, полоса воды рѣзче обозначилась среди зеленаго луга, а туманъ вдали все сгущался.

Незнакомецъ подвигался быстро, углубленный въ свои мысли. Онъ прошелъ по узкой деревенской улицѣ, между однообразными каменными домиками, пока дошелъ до поворота къ усадьбѣ. Дорога была окаймлена съ одной стороны кирпичной стѣной, поросшей зеленовато-коричневымъ мхомъ; съ другой стороны изгородью, вдоль которой пышно цвѣлъ шиповникъ и висѣли цвѣты кнематиса.

Пока онъ шелъ среди надвигавшихся сумерекъ, до его слуха долетѣли странные звуки; онъ прислушался. Это были звуки пѣсни, которые то усиливались, то замирали, какъ будто въ истомѣ.

Пѣшеходъ слушалъ ее, слушалъ и улыбался. Онъ зналъ, откуда звучитъ эта пѣсня. Но на его душу она не произвела чарующаго впечатлѣнія, она давала ему только понять, что онъ скоро встрѣтитъ ту особу, ради которой предпринялъ свое путешествіе. Онъ вглядывался пристальнѣе въ полумракъ ближайшей рощи и ждалъ. А пѣсня все лилась, то повышаясь, то понижаясь въ своеобразныхъ переливахъ мелодіи. Сперва неясная, долетавшая до слуха нѣжными вздохами, она становилась опредѣленнѣе, рѣзче и дышала жизнью и молодостью. Но вдругъ она оборвалась и смолкла. Незнакомецъ двинулся впередъ и протянулъ руку.

— Вы соперничаете съ лѣсными птицами,—сказалъ онъ:—или въ лѣсу есть змѣи, которыхъ вы хотѣли околдовать?

Онъ говорилъ тихо и какъ бы слегка насмѣшливо.

— Я вспомнила старую пѣсню,—отвѣтила дѣвушка, которая шла ему на встрѣчу:—это простая пѣсня и напоминаетъ мнѣ дѣтство.

Они пошли рядомъ по дорогѣ въ усадьбу. Молодая дѣвушка была странная особа, средняго роста; лицо ея было блѣдно и казалось еще блѣднѣе отъ черныхъ волосъ и темныхъ глазъ. Рѣсницы были густы и длинны; выраженіе глазъ скорѣе мечтательное, хотя порою въ нихъ загорался огонекъ страсти; брови придавали особенно характерное выраженіе ея лицу, но были слишкомъ густы и нѣсколько портили миловидность лица. Она шла и смотрѣла предъ собою разсѣяннымъ, слегка недоумѣвающимъ взглядомъ: она еще не отдѣлалась отъ впечатлѣнія пѣсни, которая затронула ея сердце и наполнила душу тихой скорбью.

— Вы не туда идете,—прервалъ ея размышленія голосъ Антонія Грэма.

Только тогда она обернулась и улыбнулась ему привѣтливой улыбкой.

— Какая я невѣжа!—воскликнула она, извиняясь.—Я совсѣмъ не поздоровалась съ вами, какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ вышла въ надеждѣ васъ встрѣтить. Я очень рада, что вы опять вернулись.

— Благодарю васъ; мнѣ пріятно это слышать,—отвѣтилъ онъ.

Дѣвушка взглянула на него вопросительно, точно хотѣла разгадать скрытый смыслъ этихъ словъ. Спокойная разсудительность его рѣчи всегда доставляла ей удовольствіе, и, хотя его замѣчанія и разсужденія были для нея иногда не совсѣмъ понятны, она объясняла это собственнымъ невѣжествомъ и неспособностью бесѣдовать съ такимъ ученымъ и начитаннымъ человѣкомъ. Нѣсколько минутъ молчаніе не прерывалось.

Они дошли до воротъ и повернули во дворъ усадьбы. Среди деревьевъ сада сквозило сѣрое каменное зданіе дома.

— Желаете вы войти?—спросила дѣвушка.

— Если вы не имѣете желанія продолжать прогулку,—отвѣтилъ профессоръ съ изысканною учтивостью.

Ровное и невозмутимое обращеніе его представляло рѣзкій контрастъ съ ея нервностью и рѣзкими порывами, которые ей не всегда удавалось побороть. Они пошли по садовой дорожкѣ, обильно посыпанной гравіемъ, и подошли къ низкому, неуклюжему зданію старинной архитектуры. Все было чисто, аккуратно прибрано, какъ въ саду, такъ и въ домѣ. Цвѣточныя клумбы содержались въ такомъ порядкѣ, что, казалось, ни одинъ листикъ не имѣлъ права расти не въ указанномъ направленіи; въ окнахъ шторы были приподняты всѣ на одинаковой высотѣ и складки подобраны въ одинаковомъ направленіи

и полной симметріи; словомъ, все вокругъ говорило о строгой порядочности и образцовомъ приличіи.

Широкая каменная терраса выходила въ садъ, и съ нея открывался прелестный видъ на долину, рощи и луга; теперь вся окрестность уже терялась въ таинственныхъ сумеркахъ наступающаго вечера. Дѣвушка остановилась у перилъ террасы и залюбовалась, наблюдая, какъ гасли послѣдніе лучи солнца за волнистою далью лиловатыхъ горъ.

— Я ненавижу сидѣть въ комнатахъ, тамъ такъ пусто и уныло, нельзя пѣть; поэтому я ухожу въ лѣсъ и тамъ отвожу душу; я рада, что вы вернулись: я такъ одинока.

— Конечно, я понимаю,—невозмутимо возразилъ профессоръ: — я понимаю, что вы ощущаете одиночество; такъ чувствуютъ люди, которые поддаются вліянію окружающей ихъ обстановки. Останемся же здѣсь, если вамъ это нравится.

— Да, я здѣсь лучше себя чувствую; но, можетъ быть, вы желали бы напиться чаю или закусить?

— Благодарю васъ; я успѣю сдѣлать это и потомъ.—Онъ провелъ ее къ креслу, которое стояло у перилъ.

— Не правда-ли, какая красота,—проговорила дѣвушка, указывая ему на прекрасную картину заката.

Профессоръ отвѣтилъ утвердительно, хотя не замѣтилъ, что стоялъ спиною къ ландшафту, красоту котораго долженъ былъ хвалить; впрочемъ, его собесѣдница, погруженная въ свои мечты, тоже не замѣтила этого обстоятельства.

Антоній Грэмъ взялъ стулъ и усѣлся около дѣвушки, разсматривая ее критическимъ взглядомъ. Онъ не могъ объяснить себѣ, что въ ней привлекало его вниманіе и почему онъ отвелъ ей такое сравнительно большое мѣсто въ своей личной жизни. То, что ее нельзя было назвать красавицей, было для него безразлично; онъ не былъ цѣнителемъ прекраснаго въ какой бы формѣ оно ни представлялось; поэтому и музыкальный ея талантъ не имѣлъ въ его глазахъ никакого значенія: онъ не могъ бы отличить Крейцеровой сонаты отъ погребальнаго марша. Образованіе ея было очень поверхностное, и она не могла прельстить его своею ученостью; нѣтъ, онъ чувствовалъ, что въ ней его привлекало что-то не поддававшееся его анализу и это приводило его въ смущеніе. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на ея фигуру въ черномъ траурномъ платьѣ; широкая соломенная шляпа была слегка откинута назадъ и открывала широкій лобъ съ падавшими на него прядями волосъ; глаза смотрѣли грустно. Горькая складка слегка обозначалась около рта.

Положеніе профессора было не изъ легкихъ; онъ собирался держать рѣчь и не зналъ, какъ приступить къ тому, что хотѣлъ ей сказать. Въ своемъ умѣ онъ приготовлялъ сентенціи, опредѣленныя, послѣдовательныя, но работа шла медленно, время проходило, и онъ все

еще не рѣшался, съ чего начать. Его размышленія были прерваны нетерпѣливыми словами миссъ Форрестеръ:

— Что вы на меня такъ смотрите? Право, это непріятно!

— Простите, я просто задумался и не хотѣлъ причинить вамъ непріятности,—проговорилъ Антоній, еще болѣе смутившись такимъ неожиданнымъ замѣчаніемъ. Онъ перевелъ взглядъ на полъ и продолжалъ молчать.

— О, не безпокойтесь,—возразила она, смѣясь, съ обычною нервною быстротой:—это я просто по глупости. Я очень нервна, а въ послѣдніе дни эта нервность усилилась. Поговорите со мною о чемъ-нибудь, разскажите, что вы дѣлали въ Бичестрѣ.

— Ахъ, да,—профессоръ вздохнулъ съ облегченіемъ. — Я поѣхалъ навѣстить своего друга Мервина,—кажется, я говорилъ вамъ о немъ;—поѣхалъ поговорить съ нимъ о васъ.

Рахель посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вы очень добры,—отвѣтила она:—и что же вы ему разсказали?

Для профессора наступила трудная минута: онъ долженъ былъ начать свою рѣчь; послѣ небольшого колебанія онъ собралъ всю свою храбрость и приступилъ къ дѣлу.

— Я сказалъ ему, что пришелъ по отношенію къ вамъ къ извѣстному заключенію и что я намѣревался возвратиться сюда, чтобы узнать ваше мнѣніе...

Дѣвушка улыбнулась, но, взглянувъ на его серьезное и озабоченное лицо, постаралась побороть свою неумѣстную веселость и приготовилась слушать.

— Мнѣ кажется, что я уже достаточно познакомилъ васъ съ условіями своей жизни въ первый свой пріѣздъ,—началъ свою рѣчь профессоръ послѣ короткаго размышленія: — изъ моихъ словъ вы могли составить себѣ картину этой жизни; она устроилась сравнительно спокойно и очень уединенно. Однако, въ ней есть одно важное неудобство: служанка, которая завѣдуетъ всѣмъ моимъ хозяйствомъ, женщина несомнѣнно очень достойная, но, благодаря долгой службѣ и довѣрію, которымъ она пользовалась съ моей стороны, пріобрѣла не совсѣмъ пріятный складъ характера и позволяетъ себѣ внѣдряться въ мою жизнь бо̀льше, чѣмъ бы я того желалъ. Отъ этого страдаетъ то спокойствіе, которое необходимо для моихъ занятій. И вотъ я сталъ думать, какое бы найти средство устранить это неудобство.

Профессоръ снова сдѣлалъ передышку; онъ приближался къ такому пункту, который пугалъ его своею необычайностью, и не могъ подыскать подходящихъ выраженій. Почва, на которую онъ становился, казалась ему ужасно зыбкой, и мысль не поддавалась той логичности, въ которую онъ привыкъ облекать свои слова. Рахель Форрестеръ, которая слушала то, что онъ говорилъ, съ добросовѣстнымъ вниманіемъ, подумала: какъ хороши должны быть его научныя разсужденія, если

даже о такихъ обыденныхъ предметахъ онъ умѣетъ выражаться такъ изысканно и совсѣмъ необыкновенно.

— Средство это,—продолжалъ между тѣмъ профессоръ, слегка поклонившись въ ея сторону,—средство это находится въ зависимости отъ вашего рѣшенія. Вамъ слѣдуетъ объ этомъ подумать. Приходилали вамъ въ голову мысль о замужествѣ?

— Мнѣ? Никогда!—сказала Рахель, начиная приходить въ нѣкоторое изумленіе. — Я всю жизнь прожила здѣсь, и вы видите, что эта жизнь не походила на жизнь другихъ молодыхъ дѣвушекъ,

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Антоній Грэмъ.—Я разсчитывалъ, что мысль о замужествѣ покажется вамъ странной. Но потомъ я разсудилъ, что если я предложу вамъ выйти за меня замужъ, такая комбинація будетъ удобна для насъ обоихъ.

Говоря эти слова, онъ сидѣлъ отвернувшись и не могъ наблюдать выраженія ея лица. Простое удивленіе смѣнилось испуганнымъ недоумѣніемъ. Онъ же продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ:

— Наши взаимныя отношенія будутъ основаны на признаніи независимости каждаго изъ насъ. При моихъ занятіяхъ требуется одиночество. Мои лекціи не отнимаютъ у меня всего времени, но свои досуги я посвящаю научнымъ занятіямъ. Вы же будете вполнѣ свободны и займетесь тѣмъ, что вамъ нравится: выберете себѣ кругъ знакомства и устроите жизнь, какъ вамъ будетъ угодно. Мы никогда не будемъ вмѣшиваться—я въ ваши дѣла, а вы—въ мои. Единственная моя просьба будетъ заключаться въ томъ, чтобы вы имѣли надзоръ за Гризельдой, служили посредницей и не дозволяли ей проявлять своихъ деспотическихъ наклонностей. Больше я ничего не требую отъ васъ и ни къ чему васъ не обязываю. Надѣюсь, что я вполнѣ ясно изложилъ свои мысли и далъ вамъ матерьялъ, изъ котораго вамъ будетъ возможно сдѣлать выводъ, въ зависимости, конечно, отъ вашихъ желаній.

Онъ замолчалъ и взглянулъ на свою собесѣдницу, ожидая услышать ея отвѣтъ; но она такъ растерялась отъ его словъ, что не могла ничего сообразить отъ неожиданности и въ смущеніи опустила глаза. Ей открывалась новая жизнь; все, къ чему она привыкла и съ чѣмъ освоилась, уходило куда-то вдаль, и неизвѣстное будущее страшило ее. Человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, говорилъ какъ-то странно, она боялась его учености и казалась такою ничтожною дурочкой, въ сравненіи съ его глубокомысленными, какъ ей представлялось, изреченіями.

— Я боюсь, мнѣ кажется... я такъ глупа!—Она взглянула на него своими честными, правдивыми глазами. —Все, что вы говорили, такъ странно. Вы серьезно желаете на мнѣ жениться?

— Да, именно это свое желаніе я и старался объяснить вамъ.

— Но между нами такая разница,—тихо проговорила дѣвушка — Вы, я хорошенько не знаю, кто вы, но, во всякомъ случаѣ, очень ученый человѣкъ, а я—я умѣю только пѣть и то не училась этому, какъ слѣдуетъ.

Я мечтала когда-то посвятить всю свою жизнь музыкѣ, мечтала поѣхать въ Лондонъ или въ Вѣну и тамъ учиться.

— Повторяю, обдумайте свое рѣшеніе, — отвѣтилъ профессоръ, вставая;—что касается вашего желанія изучать музыку, то въ Бичестерѣ есть профессора, наконецъ, ихъ можно выписывать изъ Лондона; въ матерьяльномъ отношеніи я такъ поставленъ, что могу вамъ доставить эту роскошь; конечно, я бы желалъ, чтобы вы такъ устроились, чтобы ваша музыка не безпокоила меня, не мѣшала мнѣ сосредочиваться на моей работѣ. Но у васъ будутъ свои комнаты, мы будемъ встрѣчаться за обѣдомъ, чаемъ—этого достаточно, остальное время въ вашемъ распоряженіи. Вотъ мой взглядъ. Нашъ бракъ не будетъ такимъ, какъ большинство браковъ, но я не вижу причины, почему бы онъ не удовлетворилъ насъ и не былъ бы менѣе удачнымъ, чѣмъ другіе.

Дѣвушка тоже встала и стояла растерянная, перебирая руками складки своего платья.

— Я оставляю вамъ время на разрѣшеніе; въ жизни необходимо трезво обдумать каждый шагъ и разобраться въ мысляхъ. Мы вернемся къ этому вопросу, когда вамъ будетъ угодно.

Рахель, внезапнымъ порывомъ, протянула ему обѣ руки.

— Ради Бога, не думайте, что я неблагодарна, — произнесла она слегка дрожащимъ голосомъ:—я вамъ очень, очень благодарна за вашу доброту и снисходительность...

— Что вы! — отвѣтилъ профессоръ; онъ не зналъ, какъ держать себя и что дѣлать съ протянутыми къ нему руками. — Успокойтесь, прошу васъ; меня совсѣмъ не за что благодарить, я буду очень радъ, конечно, если мое предложеніе найдетъ одобреніе съ вашей стороны.

Онъ осторожно отстранилъ ея руки и направился въ домъ.

— До чего женщины любятъ волноваться, — подумалъ онъ, входя въ пустынныя и мрачныя комнаты.

V.

Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Рахель явилась крошечной дѣвочкой въ Эльвертонъ; ее привезли въ холодный декабрьскій вечеръ, завернутой въ теплый капотъ, на рукавѣ котораго былъ пришитъ билетъ съ ея именемъ и фамиліею и №, подъ которымъ она была записана въ воспитательномъ домѣ.

Судьба перенесла ее въ это тихое убѣжище при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Сестра Антонія Грэма была замужемъ и овдовѣла; дѣтей у нея не было, матерьяльно она была хорошо обезпечена, но страшно скучала; у ней не было ни живого дѣла, ни лица, на которое она могла бы перенести свои привязанности и пожертвовать избытокъ своихъ средствъ. «Возьму-ка я ребенка на воспитаніе,—подумала она:—дѣвочку, кото-

рую я буду воспитывать согласно своимъ принципамъ и которая будетъ любить только меня въ цѣломъ свѣтѣ».

Сестра Антонія Грэма была женщина, способная на глубокую привязанность, но по природѣ своей ревнива и властолюбива. Ей понравился намѣченный планъ, и она привела его въ исполненіе при помощи доктора, который выбралъ для нея дѣвочку въ воспитательномъ домѣ.

Мистриссъ Фортескью принялась за дѣло и строго выполнила свою программу. Воспитаніе дѣвочки она взяла всецѣло въ свои руки, но понятія ея въ этомъ отношеніи были не вполнѣ правильны. Полюбила она ребенка горячо: она и учила его, и играла съ нимъ, словомъ, не разлучалась съ нимъ ни на одну минуту. Но съ самаго начала она совершенно не поняла характера дѣвочки; эгоизмъ не дозволялъ ей разсмотрѣть и разобрать природныя склонности ребенка, душа котораго была очень впечатлительна и богато одарена. Мистриссъ Фортескью старалась воспитать ее по опредѣленному шаблону, не обращая вниманія на то, что монотонная, регулярная жизнь, которая нравилась ей самой, тяготила дѣвочку; послѣдняя рвалась къ свободѣ, и артистическія способности ея требовали и не находили пищи; такимъ образомъ жизнь ребенка направилась не по подходящему руслу, а приняла теченіе, насильственность котораго заставляла страдать дѣвочку, хотя она и не могла вполнѣ сознавать, чего ей собственно недоставало.

Между тѣмъ, мистриссъ Фортескью съ глубокимъ прискорбіемъ замѣчала, что ея горячая любовь не встрѣчаетъ отклика въ сердцѣ дѣвочки, и мучилась. Ребенокъ слушался ее и добросовѣстно исполнялъ то, что отъ него требовалось. Рахель была послушна, привѣтлива и съ благодарностью принимала все, что для нея дѣлали; но никто изъ окружавшихъ ее не могъ понять, какъ смѣлая душа ея билась, чтобы разорвать тѣ оковы, которыя накладывала на нее сухая посредственность. Она жила въ своемъ особомъ мірѣ, созданномъ горячимъ воображеніемъ, жила такъ же одиноко, какъ и ея воспитательница, которая довольствовалась своими тѣсными и условными рамками. Дѣвушка была совершенно неопытна и вовсе не знала дѣйствительной жизни; ее интересовало только развитіе ея таланта, но и въ этомъ она не встрѣчала сочувствія, испытывая тѣ же стѣсненія, какъ и во всемъ остальномъ. Мистриссъ Фортескью не сочувствовала стремленіямъ дѣвушки изучать музыку и пѣніе и даже смотрѣла съ предубѣжденіемъ на ея талантъ. Ея узкая, прямолинейная душа была чужда понятій о гармоніи, музыка ее шокировала и лишь пѣніе псалмовъ пользовалось ея благосклонностью. Приглашенъ былъ мѣстный пасторъ, чтобы высказать свое мнѣніе; само собою разумѣется, достойный мужъ исповѣдывалъ тѣ же пуританскіе взгляды и употребилъ свое вліяніе противъ занятій пѣніемъ. Музыка хороша, конечно, сама по себѣ (онъ охотно пользовался ея услугами для церковнаго хора, который былъ довольно плохо организованъ), но для молодой дѣвушки она мо-

жетъ сдѣлаться источникомъ тщеславія, доставляя ей успѣхи въ свѣтѣ, а этого слѣдовало избѣгать.

Такимъ образомъ, то, къ чему Рахель рвалась всею душою, стало для нея запретнымъ плодомъ, и она только изрѣдка, въ часы досуга и одиночества, предавалась любимому занятію по собственному усмотрѣнію. Только въ самые послѣдніе мѣсяцы своей жизни, мистриссъ Фортескью какъ-то сдалась на просьбы дѣвушки и пригласила учительницу, которая пріѣзжала изъ ближайшаго городка три раза въ недѣлю, но насколько ея познанія могли способствовать успѣху ученицы нельзя было судить, потому что мистриссъ Фортескью вскорѣ заболѣла. Ея воспитанница доказала ей во время болѣзни всю глубокую нѣжность своей души, посвятивъ себя всецѣло уходу за нею; она незамѣтно пріобрѣла больше женственности, серьезности, исполняла свои тяжелыя обязанности съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, причемъ обнаружила столько горячей любви и благодарности, что какъ бы переродилась; она слѣдила за ходомъ болѣзни съ возрастающей тревогой и со страхомъ думала о предстоящей будущности.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее Антоній Грэмъ въ тихій лѣтній вечеръ, когда пріѣхалъ въ усадьбу сестры, вызванный телеграммой о ея серьезной болѣзни. Борьба между жизнью и смертью приходила къ концу, и онъ почти не узналъ сестры, съ которой не видѣлся много лѣтъ. Ему казалось даже страннымъ, зачѣмъ его вызвали. Стоя у кровати умирающей, онъ чувствовалъ свою ненужность и удивлялся, что она такъ настойчиво требовала его присутствія. Онъ стоялъ и держалъ въ своей рукѣ ея сморщенную руку съ чувствомъ неловкости и смущенія. Онъ почти не замѣчалъ колѣнопреклоненной фигуры у края постели и сидѣлки, которая проходила взадъ и впередъ неслышными шагами; онъ ждалъ, что скажутъ блѣдныя, впалыя губы прежде, чѣмъ сомкнутся навсегда.

На минуту больная пришла въ себя, къ ней вернулось полное сознаніе, и она съ безпокойствомъ заметалась по кровати, дрожащею рукой ощупала голову Рахели и потомъ, обративъ свой взоръ на брата, она выговорила чуть слышнымъ голосомъ: «не забудь дѣвочку, береги ее...»

Затѣмъ скоро наступилъ конецъ. Черезъ нѣсколько часовъ Антоній ходилъ въ саду, не будучи въ состояніи еще отдать себѣ отчета въ томъ, что произошло; онъ искалъ успокоенія наединѣ съ природой, въ сумракѣ вечера; не привыкшій ни къ какимъ душевнымъ потрясеніямъ, онъ совершенно растерялся; философскія изреченія, которыми онъ старался себя успокоить, измѣнили ему, и онъ только желалъ одного, какъ бы скорѣе очутиться у себя дома, среди своихъ книгъ и рукописей. Онъ давно уже избѣгалъ всего, что нарушало его душевное равновѣсіе; его коробило все видѣнное и пережитое, и онъ снова раскаявался, что поддался и пріѣхалъ по первому зову. Конечно, онъ сдѣлалъ

это изъ чувства долга, потому что былъ назначенъ душеприказчикомъ послѣ сестры, и онъ, все равно, долженъ былъ бы пріѣхать рано или поздно. Какъ жаль ему было потраченнаго времени; неизвѣстно, когда кончатся всѣ эти дѣла, требующія столько энергіи и времени, а его ждетъ работа, которой онъ исключительно посвятилъ свои силы. Тѣмъ не менѣе, профессоръ подчинился своей судьбѣ и рѣшилъ разобраться въ возложенныхъ на него обязанностяхъ, и прежде всего онъ вспомнилъ о дѣвочкѣ Рахели, о которой покойная сестра особенно просила его позаботиться. Эта просьба сестры казалась ему только «странной прихотью разслабленнаго ума». Что ему за дѣло до этой дѣвушки, и съ какой стати онъ станетъ усложнять свою жизнь заботой о воспитанницѣ; сестра сдѣлала глупость, принявъ на себя такую обузу, а теперь ему приходилось переносить послѣдствія этого легкомысленнаго поступка.

На слѣдующее утро онъ имѣлъ возможность поближе познакомиться съ предметомъ своихъ попеченій. Рахель подошла къ нему поздороваться. Сильное горе придало всему ея существу оттѣнокъ трогательной покорности. Она была блѣдна и молчалива, взглядъ большихъ черныхъ глазъ остановился на профессорѣ съ выраженіемъ нѣмого отчаянія и тронулъ даже его сердце, не привыкшее откликаться на чужое страданіе. Можетъ быть, она и не будетъ требовательна, не будетъ напоминать ему о томъ, что сказала сестра, а постарается сама устроить свою жизнь. До сихъ поръ она держала себя очень сдержанно и не приставала ни съ какими просьбами, ни съ какими претензіями на участіе. Прочитавъ завѣщаніе сестры, профессоръ пришелъ положительно въ хорошее расположеніе духа; дѣло значительно упрощалось: покойница оставила ей довольно порядочное состояніе, которое вполнѣ обезпечивало ея будущность. Ему самому приходилось получить значительно меньшую сумму, но это его вовсе не опечалило, потому что потребности его были самыя скромныя, и богатство не представляло въ его глазахъ никакого интереса. Надо было прежде всего сообщить объ этомъ Рахели.

Она стояла, молча, у окна гостиной и разсѣяннымъ взоромъ смотрѣла въ садъ, когда онъ рѣшился подойти къ ней и сообщить о завѣщаніи сестры.

— Вамъ, вѣроятно, не безъинтересно узнать о распоряженіяхъ моей сестры, вашей пріемной матери? — началъ онъ своимъ спокойнымъ, размѣреннымъ голосомъ: —я только что прочелъ ея завѣщаніе.

— Да?

Лицо дѣвушки не обнаружило ни малѣйшаго любопытства. Профессоръ подумалъ, что, подобно большинству женщинъ, она обладаетъ весьма неразвитымъ умомъ и не подготовлена къ практикѣ жизни.

— Она оставила вамъ пять тысячъ фунтовъ,—продолжалъ онъ.—Надѣюсь, вы довольны?

— Право, не знаю,—просто отвѣтила дѣвушка.—У меня никогда не

было въ рукахъ денегъ и я не знаю, какъ ими распоряжаться. Можетъ быть, вы будете такъ добры и посовѣтуете мнѣ?

— Я увѣренъ, что вашъ здравый смыслъ будетъ лучшимъ руководителемъ,— былъ уклончивый отвѣтъ.

Ему представилось, что опасность приближается—требуется совѣтъ, а слѣдовательно, и вмѣшательство, отсюда могутъ произойти всякія усложненія, т.-е. именно то, чего онъ болѣе всего боялся. Онъ никогда ни у кого не просилъ совѣта и также не любилъ совѣтовать другимъ. Но въ эту минуту его осѣнила счастливая мысль.

— Я долженъ сообщить вамъ, что этотъ домъ также оставленъ въ ваше распоряженіе,—прибавилъ онъ:—вамъ не надо даже мѣнять свой образъ жизни.

— Да, но вѣдь моя жизнь, все равно, измѣнилась, и я вовсе не желаю оставаться здѣсь въ одиночествѣ.

— Да, конечно. Я сразу не сообразилъ, что вамъ это будетъ непріятно.—Антоній Грэмъ еще разъ убѣдился, что дѣло не устраивается такъ просто, какъ онъ разсчитывалъ.—Да, я упустилъ изъ виду вашу потерю.—Рахель взглянула на него съ удивленіемъ. Профессоръ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ ее столкнула судьба, за исключеніемъ пастора, постояннаго ихъ гостя, и она не могла сообразить, дѣйствительно-ли онъ такой необыкновенный человѣкъ, какъ о немъ говорили; можетъ быть, ея собственное невѣжество причиной тому, что она не можетъ оцѣнить его по достоинству.

Ей припомнились замѣчанія и отзывы о немъ покойной мистриссъ Фортескью, какъ о замѣчательномъ ученомъ и мыслителѣ, и она еще болѣе смутилась.

— Вы... вы профессоръ какой-то науки?—спросила она нерѣшительнымъ голосомъ, съ трудомъ поборовъ свою застѣнчивость.

— Профессоръ этики — нравственной философіи, — отвѣтилъ онъ улыбнувшись.

Рахель обнаружила полное свое невѣжество слѣдующимъ неумѣстнымъ вопросомъ:

— А что такое нравственная философія?

Антоній Грэмъ былъ ошеломленъ. Въ такой простой формѣ еще никто не обращался къ нему за разъясненіемъ; это требовало особеннаго отвѣта, его обыкновенный методъ объясненія не подходилъ къ данному случаю; онъ приготовился отвѣтить съ присущей ему точностью и послѣдовательностью.

— Нравственная философія стремится объединить всѣ стремленія человѣческаго ума къ истинѣ; философскія изслѣдованія разрабатываются на основахъ исторіи и природы человѣка. Цѣль философіи разслѣдовать единство, которое связываетъ всѣ феномены, перейти отъ видимаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго къ общему, сопоставить и классифицировать то, что сдѣлано во всѣ времена разными

людьми науки. Біологія и философія—вотъ тѣ науки, которыя главнымъ образомъ помогаютъ разобраться въ проявленіяхъ человѣческаго ума. Въ послѣдніе годы взглядъ на этику во многомъ измѣнился, и цѣль изслѣдователя состоитъ не столько въ открытіи новыхъ истинъ, сколько въ томъ, чтобы привести въ гармонію и согласовать то, что уже изслѣдовано, разобраться въ системахъ древнихъ философовъ и указать ихъ отношеніе къ тому вѣку, въ которомъ они появились. Мыслитель долженъ быть эклектикомъ въ своихъ работахъ, долженъ настойчиво и съ терпѣніемъ разслѣдовать и объяснить основы самой науки...

Профессоръ остановился въ своей рѣчи. Онъ хорошо владѣлъ предметомъ и могъ, конечно, развивать его до безконечности, но ему показалось, что на первый разъ достаточно сказаннаго.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Рахель послѣ короткаго молчанія:— конечно, я ничего въ этой наукѣ не понимаю и думаю, что она слишкомъ для меня глубока.

Профессоръ засмѣялся короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ. Люди вообще мало его интересовали, но эта дѣвушка была довольно любопытна, ею стоило заняться. Съ этого времени ихъ отношенія установились. Она привыкла къ его неторопливой и обстоятельной рѣчи; привыкла видѣть его погруженнымъ въ занятія, всегда вѣжливымъ, готовымъ объяснить ей то, чего она не понимала. Конечно, она и не пыталась понять его—онъ ей казался сверхъестественнымъ человѣкомъ, который внезапно внѣдрился въ ея жизнь; настоящаго товарищества между ними не могло быть, и она продолжала относиться къ нему съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ къ чему-то стоящему выше ея разумѣнія. Профессоръ между тѣмъ, хотя и занятый разборкой документовъ и другими работами, находилъ пріятное отдохновеніе въ обществѣ дѣвушки. Она не скрывала отъ него своего невѣжества во всемъ, что касалось науки, но онъ находилъ, что у ней много здраваго смысла. Умѣнье управляться съ хозяйствомъ тоже возвысило ее въ его глазахъ. Что же касается нѣкоторой неуравновѣшенности и порывистой экспансивности, то эти качества вообще присущи женщинамъ, и, по его мнѣнію, причины кроются въ недостаточно послѣдовательномъ воспитаніи. Дѣвушекъ не пріучаютъ къ самообладанію. Съ годами это пройдетъ, подумалъ онъ, причемъ вспомнилъ кое-что изъ своего прошлаго.

По мѣрѣ того, какъ время шло и дни проходили за днями, въ умѣ его созрѣло рѣшеніе, довольно радикальное въ смыслѣ перемѣны своего строго установленнаго образа жизни. Вотъ на счетъ этого рѣшенія онъ и хотѣлъ посовѣтоваться съ своимъ другомъ и сообщилъ Рахели, что покинетъ ее на нѣсколько дней.

Очутившись совершенно одинокой, Рахель почувствовала себя очень несчастной. Она обращалась къ музыкѣ, надѣясь найти въ ней забвеніе, но музыка не могла облегчить ея тревожнаго настроенія; про-

бовала пѣть, но собственный голосъ пугалъ ее среди зловѣщей тишины опустѣвшихъ комнатъ. Ей не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями, не было человѣка, которому бы она могла довѣрить осаждавшіе ее вопросы неизвѣстнаго будущаго. Оковы, стѣснявшія ея жизнь, спали, передъ нею открылись ворота свободы, но она боялась вступить на новый путь, чувствуя, что не подготовлена къ житейской борьбѣ.

VI.

Небо потемнѣло, окрестные холмы и лѣса были окутаны лиловатой пеленой; влажный воздухъ ложился освѣжающей росою на цвѣты и травы. То тамъ, то здѣсь, ночная бабочка неловкимъ полетомъ нарушала тишину, ударяясь о стекла освѣщеннаго окна дома. Наступавшая ночь окутала природу нѣжнымъ, таинственнымъ покровомъ. Но вотъ изъ-за скалъ показалось сіяніе мѣсяца, и его серебристые лучи скользнули по зелени деревьевъ, залили свѣтомъ полосу рѣки, и въ саду бѣлые вѣнчики цвѣтовъ ярко выдѣлились на фонѣ темной листвы. Все было тихо, только плескъ воды на ближайшей мельницѣ мягкимъ шумомъ нарушалъ царившее на землѣ безмолвіе ночи.

Рахель стояла у открытаго окна и смотрѣла на знакомую картину; но сегодня все казалось ей чужимъ. Весь опытъ пережитыхъ лѣтъ отошелъ куда-то въ даль, оставивъ ей только муки неразрѣшеннаго вопроса. Жизнь поставила ей трудную задачу.

— Что я буду дѣлать?—вырывалось мучительное сомнѣніе изъ глубины души; она ухватилась похолодѣвшими руками за косякъ окна и вздрагивала отъ внутренняго волненія.

Она думала объ Антоніѣ Грэмѣ. Человѣкъ этотъ, серьезный, отдавшійся наукѣ, казалось, имѣлъ такъ мало общаго съ обыденной жизнью и ея интересами. Онъ внушалъ ей страхъ, и она тщетно старалась разгадать, что скрывалось подъ его уравновѣшеннымъ спокойствіемъ. Его вѣжливость, вниманіе и очарованіе рѣчи оказали между тѣмъ свое вліяніе; въ своемъ одиночествѣ она привыкла смотрѣть на него, какъ на друга.

Но выйти за него замужъ? Эта мысль ее пугала. Она знала, что замужество налагаетъ серьезныя обязанности, приноситъ много горя, единственнымъ противовѣсомъ которому можетъ служить любовь.

А это чувство вовсе отсутствовало въ словахъ профессора. Онъ создалъ планъ, по которому ихъ жизни должны были идти по разнымъ дорогамъ. Не было и рѣчи о дружескомъ единеніи; только взаимныя услуги и больше ничего. Ей вспомнились ея планы относительно занятія музыкой—эта надежда, по крайней мѣрѣ, не была отнята.

— Ахъ! а что предстояло ей въ случаѣ отказа?

Застѣнчивая, неопытная, безъ энергіи, она должна была начать одинокую жизнь безъ опоры, безъ друзей.

— Что я буду дѣлать?—повторяла она, и глаза ея обратились къ небу, точно ждали отвѣта.

Но природа въ своемъ безстрастномъ спокойствіи и залитое лунным свѣтомъ небо не дали ей отвѣта; душа ея металась въ нѣмой борьбѣ, какъ корабль, сорвавшійся съ якоря въ бурную ночь.

Лучи мѣсяца коснулись ея лица и освѣтили всю ея стройную фигуру. Цвѣты и трава блестѣли подъ ея окномъ, увлажненныя росой. Внезапно душа ея озарилась свѣтомъ, и она воскликнула:

— Я хочу быть любимой!—Все кругомъ представилось ей въ новой красотѣ, и бѣлая лилія у ея окна, казалось, смотрѣла на нее сочувственнымъ взоромъ, сверкая серебристымъ блескомъ раскрытыхъ лепестковъ. Теперь она поняла, чего недоставало въ ея жизни, что заставляло ее страдать, съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила.

Любовь! Люди падаютъ и страдаютъ и стремятся, чтобы такъ или иначе завоевать себѣ счастье, которое она даетъ, но рѣдко кто нуждался въ этомъ чувствѣ такъ, какъ нуждалась она. Сегодня она пережила столько новыхъ ощущеній, и только теперь ей стало ясно, какая страшная пустота окружаетъ ее. Добиться любви, завоевать скрытое счастье, которое, какъ драгоцѣнный кладъ, не всякому дается въ руки! А вдругъ этотъ кладъ въ ея рукахъ?

Кто знаетъ, что таится подъ кажущейся неприступностью человѣка, который предлагалъ ей сегодня раздѣлить съ нимъ судьбу. Не удастся-ли ей пробудить въ немъ чувство любви, котораго она жаждала всей душой?

У ней зародилась надежда, что на новомъ пути, который открывался передъ нею, не все будетъ такъ мрачно и холодно, какъ она полагала вначалѣ. Она многому можетъ научиться, даже если и не все пойметъ изъ того, что ей такъ чуждо. Но развѣ нельзя найти цѣли, для которой стоило бы жить и пристроить ту жажду дѣятельной любви, которая проснулась въ ея сердцѣ.

— Попытаться? Что будетъ?—повторяла она, чувствуя, что изъ окружавшаго ея мрака встаетъ манящій призракъ, свѣтлый лучъ, готовый освѣтить неясный путь. Не было возлѣ нея человѣка, который объяснилъ бы ей, какъ обманчивы подобныя мечты и сколько людей гибло, разбивая свою жизнь въ погонѣ за призракомъ любви.

— Здѣсь все непривѣтливо, и здѣсь я одинока, терять мнѣ нечего, а тамъ я, быть можетъ, завоюю себѣ счастье.

Эта надежда рѣшила ея участь.

* * *

Профессоръ сидѣлъ въ столовой, погруженный въ работу. Онъ составлялъ программу для своихъ лекцій на ближайшій семестръ; для этого онъ захватилъ съ собою книги, стараясь нагнать потерянное время; дѣла по наслѣдству были имъ почти закончены.

Онъ не встрѣчался съ дѣвушкой со вчерашняго вечера и приготовился терпѣливо ожидать, пока ей угодно будетъ высказать ему свое рѣшеніе.

Когда отворилась дверь, и Рахель вошла, направляясь къ нему, онъ отложилъ перо и встрѣтилъ ее съ улыбкой. не проявляя, впрочемъ, ни малѣйшаго волненія. Она, напротивъ того, была сильно взволнована, но прямо приступила къ дѣлу, чѣмъ очень возвысилась во мнѣніи профессора, не любившаго лишнихъ проволочекъ.

— Я думала о вашемъ предложеніи,—начала она тихимъ голосомъ,—и рѣшила поступить согласно вашему желанію.

Она взглянула на него почти сурово, настолько была проникнута серьезностью данной минуты; густыя брови были сдвинуты, глаза смотрѣли прямо, стараясь прочесть, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень радъ это слышать,—вѣжливо отвѣчалъ профессоръ, всталъ и придвинулъ ей стулъ. Рахель опустилась на него и продолжала тѣмъ же тономъ, торопясь досказать свою мысль.

— Я бы не могла выйти замужъ за другого человѣка, мнѣ было бы непріятно чувствовать себя связанной, а вы мнѣ предлагаете свободу. Вѣдь вы говорили, что мы будемъ жить самостоятельно, не мѣшая другъ другу, я не буду мѣшаться въ ваши занятія, и думаю, мы хорошо поладимъ съ вами.

— Это именно та точка зрѣнія, которая желательна для меня,—согласился профессоръ съ искреннею радостью,—вы прекрасно поняли мою мысль.

— Ну, что-жъ, очень рада!

Она засмѣялась, и профессору этотъ смѣхъ доставилъ большое удовольствіе своею искренностью. Но вдругъ она вскочила со стула; движенія ея были нервны и торопливы. Антоній опомнился, когда она стояла уже совсѣмъ близко около него и старалась заглянуть ему въ глаза.

— А вы... вы будете... меня любить?—прошептала она вопросительно, совершенно сконфузившись отъ своихъ словъ.

— Любить васъ? Само собою разумѣется,—отвѣтилъ профессоръ нетвердымъ голосомъ; онъ былъ очень изумленъ такимъ неожиданнымъ вопросомъ:—отчего бы мнѣ не любить васъ, дорогое дитя?

Первая слабая попытка нарушить холодныя, формальныя отношенія вызвала горячій румянецъ на лицо дѣвушки. Еще минута, и она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, схвативъ его руку, и глаза ея были полны слезъ.

— Ахъ, вы меня не знаете,—воскликнула она:—я не похожа на васъ. Я не могу такъ хладнокровно относиться ко всему, какъ относитесь вы; я не достаточно образована. И къ тому-же, вы еще не знаете самаго главнаго моего недостатка—у меня очень дурной характеръ!

Антоній не могъ опомниться отъ этого быстраго натиска и смотрѣлъ на ея склонившуюся головку съ массой черныхъ волосъ въ полномъ недоумѣніи, не зная, какъ себя держать въ такомъ исключитель-

номъ случаѣ. Его устрашила мысль: неужели его будущая жена будетъ часто предаваться такимъ изліяніямъ?

— Дурной характеръ!—повторилъ онъ серьезно, послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго онъ успѣлъ нѣсколько овладѣть собою и продолжалъ въ наставительномъ тонѣ: — Это безспорно важное неудобство въ жизни. Откровенно говоря, изъ всѣхъ бѣдствій, которыя нарушаютъ благополучіе общества и порядокъ, дурной характеръ—самое вредное и опасное и всего менѣе заслуживаетъ снисхожденія. Но его можно обуздать, не правда-ли? Даже окончательно побороть?

— Боюсь вамъ признаться, что я не пробовала бороться, но я буду, обѣщаю вамъ, что буду,—отвѣтила Рахель, съ раскаяніемъ.

— Вотъ и отлично. Не тревожьте себя напрасно; я, съ своей стороны, помогу вамъ въ этой борьбѣ,—сказалъ профессоръ болѣе мягкимъ голосомъ,—и вообще постараюсь устроить вашу жизнь такъ, чтобы вамъ не было причинъ обнаруживать дурныя свойства вашего характера.

— Вы очень добры и снисходительны,—проговорила дѣвушка:—я постараюсь не надоѣдать вамъ. Я хочу, чтобы вы полюбили меня.

Пока онъ раздумывалъ, что отвѣтить на эти слова, она вскочила, обняла его и, поцѣловавъ въ лобъ, быстро убѣжала изъ комнаты.

Профессоръ принялся за прерванныи занятія съ страннымъ чувствомъ, точно онъ попалъ въ ураганъ, и у него закружилась голова. Наступившее затишье успокоило его, но нить философскихъ умозаключеній была нарушена.

— Милосердные боги! Если придется каждый разъ испытывать подобныя потрясенія, это хоть кого выбьетъ изъ колеи,—подумалъ онъ подъ вліяніемъ происшедшаго:—надо надѣяться, что она научится самообладанію; да, я займусь ея воспитаніемъ.

Съ трудомъ направилъ онъ свои мысли къ своему конспекту, убѣжденный, что въ этомъ дѣлѣ онъ ужъ не нарвется ни на какія неожиданности.

VII.

Прошло нѣсколько дней и наступилъ день свадьбы. Профессоръ торопился уѣхать домой, чувствуя себя въ нѣсколько неловкомъ положеніи; ему было досадно, что онъ не могъ заняться работой, какъ бы онъ хотѣлъ: многихъ книгъ не было подъ рукою, и вообще съ нимъ въ послѣднее время произошло столько неожиданнаго, что онъ утомился отъ разныхъ впечатлѣній и отъ всей души желалъ вернуться къ прежнимъ привычкамъ. Рахель прощалась со всѣми знакомыми крестьянами сосѣдней деревни, иногда работала въ своей комнатѣ, но, въ общемъ, держала себя спокойно и не пугала своего жениха внезапными порывами сердцеизліяній или того, что она называла «дурнымъ характе-

ромъ». Она точно замерла и ушла въ себя, переживая впечатлѣнія прежнихъ лѣтъ и готовясь вступить на новый путь, если не съ радостными, то все же съ нѣкоторыми надеждами найти то, къ чему она стремилась, т.-е. постараться всѣми силами пробудить въ профессорѣ болѣе теплыя чувства. Ей неловко было касаться теперь этого предмета; она усиленно спѣшила кончить всѣ приготовленія къ свадьбѣ, видя, что Антоній Грэмъ тяготился жизнью въ усадьбѣ.

Наконецъ, наступилъ день свадьбы. Антоній Гремъ вышелъ утромъ въ девять часовъ на террасу взглянуть, какова погода. День былъ чудный; передъ этимъ нѣсколько дней подъ рядъ шелъ дождь, но теперь вѣтеръ разогналъ облака, и на небѣ сіяло солнце; подъ карнизомъ дома щебетали ласточки, и какая-то птичка весело пѣла въ сосѣднемъ кустѣ сирени.

Вскорѣ къ этой пѣснѣ присоединилась другая: пѣла Рахель въ бесѣдкѣ, въ углу сада, куда она всегда уходила, чтобы не мѣшать профессору. Пѣсня была нѣжная и очень печальная. Не было въ мелодіи ни подъема духа, ни вызова къ борьбѣ, а скорѣе тихая жалоба. Антоній Грэмъ слушалъ и думалъ: зачѣмъ это вѣчное упражненіе голосовыхъ средствъ? Онъ не любилъ пѣнія: оно нарушало гармонію жизни, и считалъ его даже какъ будто неприличнымъ. Къ чему возвышать голосъ безъ настоятельной причины? Вѣчное обращеніе къ чувству должно нарушать правильный ходъ мысли.

Онъ спустился въ садъ и подошелъ къ бесѣдкѣ, густо обсаженной розами; цвѣты были еще влажны отъ вчерашняго дождя и склонялись къ землѣ. Увидя его, Рахель перестала пѣть и пошла ему на встрѣчу съ привѣтливой улыбкой.

Не отличаясь наблюдательностью, профессоръ однако замѣтилъ въ ней нѣкоторую перемѣну. Лицо ея было оживлено, щеки горѣли румянцемъ, и въ глазахъ былъ мягкій блескъ; она была одѣта въ бѣлое платье. Простое, но ловко сшитое, оно дѣлало ея фигуру еще стройнѣе, придавало ей больше воздушности.

— Вы недовольны?—смущенно спросила она его, замѣтивъ, что онъ оглядывалъ ее особенно внимательно. — Мнѣ показалось неловко... вообще, не принято вѣнчаться въ черномъ платьѣ.

— Право? А мнѣ бы и въ умъ не пришло,—отвѣтилъ Антоній съ обычнымъ спокойствіемъ:—такія вещи слишкомъ незначительны, чтобы стоило удѣлять имъ вниманіе. Но, смотря на васъ, мнѣ кажется, что эта одежда очень изящна; я не могу вамъ объяснить отчего, но было бы не дурно, еслибы вы всегда носили бѣлыя платья.

— Всегда носить бѣлыя платья!—со смѣхомъ возразила Рахель.— Это было бы оригинально. Всякій, кромѣ васъ, конечно, осмѣялъ бы такое нововведеніе.

— Очень можетъ быть,—хладнокровно отвѣчалъ профессоръ:— мнѣ

уже не разъ приходилось слышать, что мои замѣчанія и совѣты осмѣивались людьми.

Рахель посмотрѣла на него задумчивымъ взглядомъ, пока онъ шелъ рядомъ съ нею по направленію къ дому. Думалъ-ли онъ о ней въ это утро? Онъ казался такимъ же спокойнымъ и, повидимому, не испытывалъ ни малѣйшаго волненія. А для нея этотъ день былъ знаменателенъ, какъ предвѣстникъ важныхъ перемѣнъ въ ея жизни, предтеча радостей или печалей, кто зналъ? Неужели для него это было безразлично и нисколько не нарушало его обычнаго самообладанія? Сколько ночей пролежала она безъ сна, разбирая событія послѣднихъ двухъ недѣль. Страхъ смѣнялся надеждою, и потомъ опять одолѣвали ее сомнѣнія: предстоящая свобода и манила, и страшила ее.

Антоній (она съ трудомъ пріучила себя называть его этимъ именемъ) выслушивалъ ея проекты относительно управленія домомъ и землею всегда съ терпѣніемъ, но отказывался давать совѣты, и эта новая самостоятельность очень тѣшила ее.

Но въ это утро, когда она стояла на порогѣ новой жизни, въ ней снова проснулось завѣтное желаніе, которое волновало ее въ ту ночь, когда она обдумывала свое рѣшеніе. Неужели она всегда будетъ лишь придаткомъ въ его жизни и ей никогда не удастся подойти къ нему съ другими чувствами, чѣмъ тѣ, которыя онъ пока признавалъ желательными. Она обернулась къ нему и спросила, не совладавъ съ мучившей ее тревогой:

— Вы, можетъ быть, забыли, что сегодня день нашей свадьбы?

Профессоръ взглянулъ на нее, и ироническая улыбка на минуту освѣтила его лицо.

— Увѣряю васъ, *не* забылъ,—возразилъ онъ.

Легкое прикосновеніе руки какъ бы просило его вниманія.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сказали мнѣ еще одинъ только разъ, что вы рады этому,—прошепталъ около него смущенный голосъ.

Тогда профессоръ взялъ ее за руку и проговорилъ почти торжественно:

— Могу сказать совершенно искренно, что радуюсь этому. Повторять то, что говорится большинствомъ въ такихъ случаяхъ, что наше блаженство будетъ вѣчно и т. д. въ этомъ родѣ, я считаю неблагоразумнымъ. Но я имѣю основаніе надѣяться, что какъ моя, такъ и ваша жизнь выиграютъ отъ того, что мы ихъ соединимъ.

Онъ освободилъ ея руку и молча пошелъ по дорожкѣ; рѣчь его была холоднѣе и безчувственнѣе всѣхъ прежнихъ его словъ. Она произвела на Рахель впечатлѣніе чего-то величественнаго, но страхъ ея передъ будущимъ отъ этого нисколько не успокоился, она даже еще больше растерялась. Будетъ-ли она когда-либо въ состояніи уразумѣть такую безчувственность и сочувствовать ей? И убавится-ли когда-нибудь то различіе, которое существуетъ между ними? Она отогнала

отъ себя эти мысли, но онѣ противъ воли опять и опять возникали въ ея сознаніи. Таковы были ея ощущенія у входа въ обѣтованную землю.

VIII.

Гризельда стояла на табуретѣ и подвѣшивала чистыя кисейныя занавѣски въ столовой профессора, когда почтальонъ принесъ ей письмо. Она выхватила его изъ рукъ второй служанки, Элленъ, и тотчасъ же вскрыла конвертъ.

— Наконецъ-то письмо отъ хозяина!—сказала она.

Дѣвушка ничего не отвѣтила и принялась снова скрести полъ комнаты; оглянувшись нечаянно въ сторону Гризельды, она была поражена ея видомъ.

— Боже! Что съ вами? На васъ лица нѣтъ!—проговорила она въ изумленіи.—Что случилось?

— Не знаю, ничего не понимаю,—отвѣтила Гризельда, вперивъ неподвижный взоръ въ противоположную стѣну: мнѣ кажется, что я схожу съ ума. Возьми письмо и прочитай, можетъ быть, ты лучше разберешь въ чемъ дѣло.

Она сняла очки, протерла глаза и въ эту минуту уронила письмо въ ушатъ воды, который стоялъ у окна.

— Ну, этого еще недоставало, вынимай скорѣе письмо и читай.

Гризельда продолжала стоять на табуретѣ. Элленъ выудила письмо изъ воды, расправила его, обсушила передникомъ и, прочтя первыя строчки, посмотрѣла на Гризельду съ недовѣрчивымъ удивленіемъ.

— Онъ пишетъ, что собирается жениться.

Тогда Гризельда быстро спрыгнула на полъ и подошла къ Элленъ, глядя на нее въ упоръ.

— Значитъ, не я сошла съ ума, а онъ самъ рехнулся. Никогда бы я этому не повѣрила. И къ чему только строятъ сумасшедшіе дома, когда не сажаютъ въ нихъ тѣхъ, кто лишается разсудка. Скажите, пожалуйста! Отправился за деньгами, а подцѣпилъ себѣ какую-то дѣвчонку, и на поди! Познакомился съ нею всего нѣсколько дней тому назадъ и ужъ собрался жениться. Откуда прыть взялась. И не предупредивъ меня, такъ вдругъ взялъ да и связалъ себя на вѣкъ. И послѣ столькихъ лѣтъ!

Дѣвушка не знала, чѣмъ успокоить расходившуюся домоправительницу и только неопредѣленными восклицаніями старалась выразить ей свое сочувствіе.

Гризельда не обратила на нихъ вниманія и все смотрѣла въ одну точку, повторяя:

— И послѣ столькихъ лѣтъ!

— Да,—осмѣлилась замѣтить Элленъ,—для такого пожилого господина странно заводить любовныя интриги.

— Ахъ, вздоръ, что такое значитъ «пожилой»? Мой дѣдушка женился, когда ему было семьдесять лѣтъ; онъ ходилъ на костыляхъ, и на одномъ глазу у него было бѣльмо, и ничего, женился преблагополучно. Не въ годахъ дѣло, а въ томъ, что жилъ онъ, какъ монахъ въ своей кельѣ, и все-то я для него дѣлала, заботилась о немъ и вотъ теперь... не предупредивъ... Нѣтъ, не стоитъ дѣлать людямъ добро, нѣтъ на свѣтѣ благодарности...

— Можетъ быть, она хорошая лэди, — замѣтила Элленъ, — и онъ думаетъ...

— Вздоръ, все вздоръ. Какая-нибудь глупая дѣвчонка, которой захотѣлось выскочить замужъ. А что онъ думаетъ — ничего не думаетъ, просто получилъ деньги и сошелъ съ ума, выскочилъ изъ колеи и закуралесилъ. Съ этими учеными всегда такъ: пока сидятъ на мѣстѣ съ книгами—все хорошо, а какъ выскочили въ свѣтъ, такъ и наглупили. Вѣдь онъ все равно, что малый ребенокъ: ничего не понимаетъ, ничего.

— Бѣдный старый джентльменъ,—сочувственно вздохнула Элленъ.

Она привыкла смотрѣть на профессора, какъ на какого-то современнаго Мафусаила и говорила о немъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ.

— Не говори со мной, замолчи, слышать не могу твоихъ глупостей! — произнесла Гризельда, срывая душившее ее негодованіе. — Вспомни мои слова: теперь надъ нами разразится непремѣнно какое ни на есть несчастье. Не къ добру это, охъ, не къ добру. Скажу тебѣ вотъ что: наступило начало конца, да, начало конца, — она проговорила эти слова съ пророческимъ паѳосомъ и, мрачно оглядѣвъ комнату, вышла, сердито покачивая головой.

* * *

Когда профессоръ вернулся домой, Гризельда не вышла къ нему на встрѣчу. Онъ былъ этому очень радъ и вздохнулъ съ облегченіемъ, когда усѣлся съ Рахелью за обѣдъ, который былъ приготовленъ въ столовой. Элленъ вертѣлась вокругъ нихъ, стараясь замѣтить каждую мелочь въ одеждѣ и обращеніи молодой хозяйки, чтобы сообщить о томъ внизу, въ кухнѣ. Она, впрочемъ, очень скоро пришла къ тому заключенію, что молодая женщина будетъ пріятнымъ явленіемъ въ этомъ домѣ, который отличался до той поры замѣчательной скукой. Рахель осматривалась кругомъ безпокойнымъ, но любопытнымъ взоромъ.

— Какой красивый домикъ! — сказала она наконецъ: — вы давно здѣсь живете?

— Съ тѣхъ поръ, какъ занимаю каѳедру нравственной философіи,— отвѣтилъ онъ.—Мнѣ надо было больше мѣста и тишины, чѣмъ въ томъ помѣщеніи, которое отводится въ колледжѣ. Гризельда давно уже живетъ въ нашемъ семействѣ, я помню ее съ дѣтства, и р-

шился пригласить ее для завѣдыванія хозяйствомъ. Все шло прекрасно, но въ послѣднее время возникли непріятности, о которыхъ я вамъ говорилъ.

— Покажите мнѣ другія комнаты, — сказала Рахель, — и прежде всего вашъ рабочій кабинетъ.

Онъ охотно исполнилъ ея желаніе, и они вошли въ его комнату. Глаза Рахель съ удивленіемъ остановились на непривычной обстановкѣ. Ничего подобнаго она не видала во всю свою жизнь: столько книгъ и такой безпорядокъ. Ей стало страшно и она скорѣе подошла къ окну. Взглядъ ея отдохнулъ на красивыхъ цвѣтахъ и деревьяхъ; это былъ пріятный контрастъ съ унылымъ однообразіемъ книжныхъ полокъ.

— Какая это башня тамъ, вдали? — спросила она, залюбовавшись красивымъ видомъ.

— Это башня Сентъ-Бида, на той сторонѣ рѣки.

— Она очень красива,—замѣтила Рахель.

Профессоръ ничего не отвѣтилъ; по его мнѣнію, библіотека и кабинетъ были гораздо красивѣе и достойны бо̀льшаго вниманія; но для нея, конечно, книги не представляли интереса, и они пошли осматривать другія комнаты, наверху; вездѣ стояли полки съ книгами и только двѣ комнатки, предназначенныя для нея, были лишены этого украшенія. Замѣтивъ это, она вздохнула съ облегченіемъ.

— А гдѣ же гостиная?—спросила Рахель, осмотрѣвъ всѣ комнаты.

— Гостиная! Да, правда, у меня нѣтъ гостиной. На что она? Я не хожу въ гости и самъ никого не принимаю.

— Да, конечно, это не важно. Только куда я поставлю свое фортепіано?

— Оно помѣстится на верху, въ вашей комнатѣ,—отвѣтилъ профессоръ:—вы можете пріобрѣсти его завтра и прикупить мебели для вашей комнаты, если это нужно; займитесь этимъ.

— Благодарю васъ, это будетъ очень весело.

Она прошла въ садъ, а профессоръ— въ свой кабинетъ, довольный тѣмъ, что, по его мнѣнію, добросовѣстно исполнилъ свой долгъ гостепріимного хозяина. Садъ былъ небольшой, но красивый и тѣнистый, и среди листвы можно было разглядѣть рѣку, протекавшую подъ высокими арками каменнаго моста.

Позднѣе, вечеромъ, она столкнулась въ корридорѣ съ высокой, угловатой фигурой, которая такъ и застыла въ неподвижной позѣ. Молодая женщина пошла къ ней на встрѣчу съ привѣтливой улыбкой.

— Вы, вѣроятно, Гризельда? Я такъ и думала. Очень рада, что вижу васъ, наконецъ. Какъ поживаете?

— Да, я Гризельда, — отвѣтила угловатая фигура, разглаживая складки передника.—А вы, вѣроятно, та молодая госпожа, на которой женился мой баринъ?

— Да-а! — отвѣтила Рахель, далеко уже не такимъ голосомъ. Она

не была подготовлена встрѣтить такой инквизиторскій взглядъ и такой суровый пріемъ.

— Ну, что-жъ, надѣюсь, вы понимаете свои обязанности, — сухо замѣтила Гризельда,— и не ожидаете, конечно, что весь свѣтъ обратится въ медъ и сахаръ потому только, что вамъ удалось подцѣпить себѣ муженька! Не всегда небо бываетъ голубымъ, когда мы надѣваемъ новый нарядъ и щеголяемъ въ немъ на зависть людямъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать? «Подцѣпить муженька»— какое выраженіе. Вы очень неучтивы,—быстро проговорила Рахель.— И какъ вамъ не стыдно такъ встрѣтить меня, вѣдь я не сдѣлала вамъ ничего дурного?

Рахель бросилась вверхъ по лѣстницѣ, чтобы искать пріюта въ своей комнатѣ. Она горько заплакала отъ незаслуженной обиды. Гризельда осталась побѣдительницей на полѣ сраженія.

— Такъ я и знала. Совсѣмъ ничего нестоющая дѣвчонка и какая горячая, какъ порохъ! Фу, фу, фу! Вотъ я и права, что онъ выбралъ самую легкомысленную дѣвицу изъ всего королевства.

Гризельда медленно спустилась въ кухню.

IX.

Наступило ясное, свѣтлое утро. Окончивъ завтракъ, Рахель одѣлась для прогулки и остановилась въ нерѣшительности у дверей рабочаго кабинета профессора. Онъ съ утра уединился въ своемъ святилищѣ, но она все же надѣялась, что ей удастся уговорить его пройтись съ нею по городу; неужели онъ откажется?

Рахель въ смущеніи и съ сильно бьющимся сердцемъ рѣшилась взяться за дверную ручку и заглянуть въ страшную комнату. Профессоръ вѣжливо спросилъ, что ей нужно?

— Я... я намѣреваюсь пройти въ городъ,—проговорила она.

— Отлично,—погода сегодня прекрасная.

— Да,—прощайте!—смущенно проговорила молодая женщина, стараясь поскорѣе скрыться отъ его холоднаго взгляда. Настроеніе ея духа сразу упало, но, очутившись на улицѣ, подъ вліяніемъ новизны впечатлѣній, она скоро забыла о своемъ горѣ.

Красивый городокъ, съ остатками старины, раскинулся живописными зданіями по обѣ стороны рѣки. Рахель забыла о покупкѣ фортепіано—до того ее увлекало путешествіе по незнакомымъ улицамъ. Прежде всего она отправилась въ сторону университета. Высокая башня служила ей путеводителемъ; она выступала все яснѣе и яснѣе, а вмѣстѣ съ нею и вся громада сѣраго каменнаго зданія. Яркое солнце придавало блескъ и рѣзко обозначало тѣни архитектурныхъ украшеній, такъ что они выступали съ отчетливой ясностью.

Рахель смѣло вошла во дворъ строенія и оглядывалась восхищеннымъ взоромъ. При входѣ въ старое монастырское зданіе, она замѣ-

тила двухъ человѣкъ: одинъ изъ нихъ былъ простой работникъ, а другой поразилъ ее своимъ величавымъ и внушительнымъ ростомъ; они были заняты разговоромъ, но высокій человѣкъ оглянулся въ ея сторону, отчего она сильно сконфузилась. Можетъ быть, входъ постороннимъ лицамъ былъ запрещенъ, и ее попросятъ удалиться; она заколебалась, идти-ли ей дальше, и невольно обернулась въ сторону высокой фигуры, добродушное лицо которой привлекало и внушало довѣріе; рабочій уже отходилъ въ сторону, и Рахель, поборовъ свое волненіе, рѣшилась подойти къ высокому, добродушному человѣку, слѣдившему за ней глазами.

— Позвольте васъ спросить, можно осмотрѣть это зданіе?—робко проговорила она.

— Конечно, если желаете,—отвѣтилъ ректоръ, стараясь ободрить ее ласковой улыбкой:—вы можете войти куда угодно, но, можетъ быть, васъ особенно интересуетъ которая-нибудь изъ построекъ колледжа?

— Я не знаю,—отвѣтила она нерѣшительно:—было бы интересно все осмотрѣть.

— Тѣмъ лучше. Пройдите въ садъ, и когда вы обойдете вокругъ зданія, я пошлю кого-нибудь, чтобы вамъ показали аудиторіи и библіотеку. Ключъ отъ часовни у меня, еслибы вы пожелали заглянуть прежде всего въ нее.

Онъ вынулъ ключъ изъ кармана, но Рахель не двигалась.

— Часовня меня не интересуетъ, я видѣла одну только часовню въ своей жизни, но та была очень некрасива.

Бѣдная Рахель вспоминала при этомъ о часовнѣ въ Эльвертонѣ, которая оставила по себѣ далеко не пріятныя воспоминанія.

Ректоръ засмѣялся.

— Ваша откровенность мнѣ нравится; это рѣдкое качество у туристовъ. Позвольте мнѣ быть пока вашимъ проводникомъ, и я покажу вамъ то, что васъ навѣрное заинтересуетъ.

Ея восхищеніе очень ему понравилось, и онъ повелъ ее въ садъ черезъ своды монастырской галлереи. Рахель отъ души любовалась оригинальною прелестью всего, что видѣла. Раскошныя деревья, разнообразіе цвѣтовъ, высокія, громадныя стѣны, сквозныя тѣни, падавшія отъ готической башни, все приводило ее въ восторгъ. Она спрашивала, не стѣсняясь, обо всемъ, что приходило ей въ голову, потому что нашла въ своемъ проводникѣ большую готовность отвѣчать ей на всѣ вопросы. «Кто бы это былъ?—подумала она:—и какъ онъ интересно разсказываетъ! Не ректоръ-ли это, другъ Антонія?»—мелькнуло въ ея умѣ, но она сейчасъ же отогнала эту мысль. Развѣ ректоръ можетъ быть такимъ простымъ и милымъ человѣкомъ? Она успѣла уже по своему супругу составить себѣ мнѣніе объ ученыхъ людяхъ. Ректоръ, конечно, долженъ быть еще недоступнѣе Антонія Грэма...

— Вы давно здѣсь живете?—спросила она его.

— Здѣсь, въ этомъ колледжѣ? Да вотъ ужъ двадцать лѣтъ,—отвѣтилъ незнакомецъ, и на лицѣ его выразилось такое нѣжное чувство, когда онъ обратилъ свой взглядъ на старое массивное зданіе.

— Вы вѣрно очень любите это мѣсто?—спросила его Рахель на этотъ разъ уже съ порывистою смѣлостью.

Онъ оглянулся на нее и отвѣтилъ ей стихомъ изъ Шекспира, въ которомъ говорилось о тихой гавани, гдѣ находятъ пріютъ мудрецы.

— Вы, конечно, знаете Шекспира наизусть?

— Нѣтъ, я пока совсѣмъ еще не знаю Шекспира,—грустно отвѣтила Рахель, но надѣюсь съ нимъ познакомиться.

— Какъ хороша молодость! —замѣтилъ ея собесѣдникъ:—сколько ей предстоитъ высокихъ наслажденій, которыя для насъ уже утратили свѣжесть. Мы понимаемъ прекрасное въ жизни, но не въ состояніи пережить вновь всю прелесть первыхъ впечатлѣній.

— Я никогда еще не думала о томъ, что хорошо быть молодой,—замѣтила Рахель съ невольнымъ вздохомъ.

— Старость тоже имѣетъ свои хорошія стороны,—задумчиво продолжалъ незнакомецъ:—намъ не такъ страшны «проклятые вопросы», которые волнуютъ молодые умы и часто надламливаютъ начинающуюся жизнь. Мы научились, если не мириться, чего не дай Богъ, то терпѣливѣе переносить невзгоды. Мы меньше боремся—поэтому и меньше страдаемъ.

Онъ взглянулъ на свою спутницу и уловилъ ея вопрошающій взоръ; онъ привыкъ понимать людей и читать въ ихъ душѣ, а эта душа была видна въ открытомъ взорѣ большихъ темныхъ глазъ; его доброе сердце прониклось симпатіей къ этому молодому существу, и онъ готовъ былъ откликнуться на ея запросы, какъ вообще не страшился идти на помощь тѣмъ, кто къ нему обращался.

— Вы надолго сюда пріѣхали?—спросилъ онъ ее.

— Я пріѣхала жить здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ? И вы довольны этимъ?

— Да!—охотно согласилась она.—Я очень довольна.

— Тогда вы будете имѣть возможность подробно осмотрѣть все, что здѣсь есть замѣчательнаго. Пожалуй, на сегодня и достаточно, или вы, быть можетъ, пожелали бы еще взглянуть на библіотеку?—прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазами.

Дѣвушка покачала головой, какъ онъ того и ожидалъ, и засмѣялась.

— Благодарю васъ,—простодушно отвѣтила молодая женщина:—не думаю, чтобъ я когда-нибудь полюбопытствовала осматривать библіотеки. Антоній показалъ мнѣ вчера свою библіотеку; въ первый разъ въ жизни я увидѣла столько книгъ, собранныхъ вмѣстѣ, и мнѣ стало страшно. Или ваши книги веселѣе на взглядъ?—спросила она его.

— Антоній?—тихо повторилъ ея спутникъ, взглянувъ на нее съ недоумѣніемъ и любопытствомъ:—вы сказали Антоній?

— Ну, да,—профессоръ нравственной философіи,—твердо выговорила она, предполагая, что это опредѣленіе всего точнѣе объяснитъ, въ чемъ дѣло:—я только вчера вышла за него замужъ.

Тогда Робертъ Мервинъ протянулъ ей руку и горячо ее пожалъ.

— Наша встрѣча была бы странной, еслибы судьба не имѣла обыкновенія устраивать иногда такія случайныя неожиданности. Да, такъ вы значитъ жена моего стараго друга Антонія? Надѣюсь, что и мы съ вами будемъ друзьями.

— Такъ вы ректоръ Сентъ-Бида!—проговорила Рахель съ радостной ноткой въ голосѣ.—Мнѣ мелькнула мысль, что вы другъ Антонія, о которомъ онъ столько мнѣ разсказывалъ; но я подумала, что это невозможно: я представляла себѣ, что ректоръ долженъ быть другимъ, болѣе похожимъ на Антонія.

Мервинъ засмѣялся.

— Да, вы предполагали, что всѣ ученые на одинъ манеръ, всѣ должны быть торжественно, глубокомысленно философски настроены; предупреждаю, что вамъ предстоитъ еще не одно разочарованіе.

Рахель смутилась и проговорила какъ бы извиняясь:

— Я не встрѣчала въ жизни умныхъ людей и полагала, что они должны быть похожи одинъ на другого; я предполагаю, что всѣ они должны любить свои книги больше, чѣмъ живыхъ людей. Антоній говорилъ, что умственная жизнь—это главное...

Ректоръ остановился на мостикѣ, черезъ который они переходили, и облокотился на перила, разсматривая быстрый потокъ воды, которая скользила по камнямъ и блистала серебристой рябью на открытой лужайкѣ, подъ яркими лучами солнца. Онъ былъ смущенъ. Въ немъ жило постоянное стремленіе нести на своихъ плечахъ мірскую печаль и тяготы своихъ ближнихъ, и его чувства готовы были откликнуться живымъ сочувствіемъ откровенному невѣдѣнію молодой жены Антонія.

— Мой старый другъ выбралъ мудрость знанія и предпочелъ его мудрости жизни,—проговорилъ онъ съ разстановкой:—есть люди, которые находятъ это не совсѣмъ правильнымъ. Не всѣ, конечно, одинаково одарены, и мнѣнія бываютъ различныя, но расположеніе къ людямъ помогаетъ намъ снисходить къ тому, чего мы не можемъ понять, и переносить то, съ чѣмъ иногда не можемъ согласиться.

Онъ взглянулъ на нее, и этотъ его взглядъ навсегда запечатлѣлся въ ея впечатлительной душѣ.

— Отъ васъ зависитъ,—продолжалъ онъ,—освѣтить холодную жизнь моего друга, согрѣть ее живой симпатіей, чтобы умственные интересы уступили мѣсто другимъ—интересамъ сердца.

Глаза Рахели засіяли.

— Я на это надѣялась,—просто сказала она,—но не знаю...

Они, молча, вышли на обширный дворъ передъ главнымъ зданіемъ.

— Я желалъ бы познакомить васъ съ женой,—предложилъ ей Ро-

бертъ Мервинъ.—Не все-ли равно, если я васъ познакомлю теперь, не дожидаясь церемоннаго визита.

Рахель съ восторгомъ выразила свое согласіе. Въ первый же день она узнала такъ много и познакомилась съ такими интересными людьми.

Нѣсколько минутъ спустя, она стояла на порогѣ свѣтлой и красиво убранной комнаты, а на встрѣчу ей шла симпатичная женщина съ привѣтливой улыбкой.

— Такъ вы Рахель,—проговорилъ звучный голосъ мистриссъ Мервинъ. Молодая женщина, взглянувъ въ ея добрые глаза, почувствовала себя менѣе одинокой. Ректоръ разсказалъ женѣ свое знакомство съ Рахелью и оставилъ обѣихъ женщинъ, между которыми вскорѣ завязалась оживленная бесѣда.

Мистриссъ Мервинъ съумѣла вызвать на откровенность свою новую знакомую, и та разсказала ей всѣ событія послѣднихъ дней, а также познакомила ее и съ своею жизнью у пріемной матери. Ея глаза между тѣмъ перебѣгали съ предмета на предметъ и остановились съ особеннымъ вниманіемъ на фортепіано и органѣ, которые стояли въ комнатѣ.

— Вы любите музыку?—спросила она наконецъ.

— Да, но я сама плохая музыкантша,—отвѣтила мистриссъ Мервинъ:—играю въ свободное время, вотъ и все.

— А я хочу быть музыкантшей,—страстно проговорила Рахель:—я буду брать уроки пѣнія и собираюсь купить фортепіано. Профессоръ разрѣшилъ мнѣ купить ихъ сегодня же.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ было рѣшено, что мистриссъ Мервинъ отправится вмѣстѣ съ ней въ магазинъ и поможетъ ей выбрать инструментъ.

X.

Рахель сидѣла у фортепіано и перебирала клавиши. Наступили уже сумерки и догоравшіе лучи тихаго вечера слегка освѣщали обновленную обстановку комнаты. Съ ея пріѣзда прошло всего десять дней, но Рахель успѣла воспользоваться временемъ и устроилась такъ, какъ ей нравилось, переставила мебель въ художественномъ безпорядкѣ, кое-что прикупила, и комната приняла веселый, уютный видъ. Ей пріятно было это первое проявленіе самостоятельности.

Сегодня она занялась пѣніемъ, и послѣдніе звуки пѣсни только что замерли въ воздухѣ, а пальцы продолжали наигрывать мелодію, тихую, нѣжную.

Она была такъ погружена въ свои думы и такъ далека отъ окружавшей ее дѣйствительности, что не замѣтила приближавшихся шаговъ и скрипа ступенекъ лѣстницы и не успѣла опомниться, какъ профессоръ открылъ дверь и очутился передъ нею.

Онъ вошелъ и, молча, всталъ около ея стула. Рахель вздрогнула и поспѣшно вскочивъ, отошла къ окну.

— Я кончилъ свою работу,—проговорилъ профессоръ съ спокойной улыбкой,—то-есть, ту часть работы, которая была особенно спѣшной, и пришелъ сюда посмотрѣть, какъ вы устроились.

Рахель подвинула ему стулъ къ окну, и яркій румянецъ доказалъ, насколько она была удовлетворена его посѣщеніемъ.

— Вы очень добры,—сказала она:—я прекрасно устроилась.

— Вамъ нравится ваша комната? Я вижу, что вы успѣли кое-что измѣнить и, надо признаться, къ лучшему.—Профессоръ внимательно осмотрѣлся кругомъ.

— Мнѣ здѣсь все очень нравится и больше всего, конечно, мое фортепіано!—сказала Рахель.

— Ахъ да!—профессоръ взглянулъ на нее особенно внимательно:—то, что вы сейчасъ играли, это была импровизація?

— Да, на меня иногда находитъ непреодолимое стремленіе выразить въ звукахъ то, что я чувствую; я не умѣю иначе думать, еще менѣе выразить словами своихъ мыслей, но вѣдь вы считаете музыку нежелательнымъ дарованіемъ?

Рахель придвинула скамейку и сѣла у ногъ профессора, слегка опираясь руками о его колѣни; она ждала съ трепетомъ продолженія его рѣчи.

— Я возражалъ противъ музыки, основываясь на мысляхъ Платона о поэзіи. По его мнѣнію, поэзія развиваетъ чувствительность. Конечно, это было сказано очень давно, на зарѣ умственнаго развитія человѣчества, и теперь музыка сдѣлалась потребностью для большинства людей; но я отрицаю пользу поэзіи или музыки для интеллектуальной жизни.

Рахель вздохнула.

— Но неужели необходимо отогнать всѣ чувства куда-то въ уголъ, жить только между книгами? Неужели вы думаете, что всѣ были бы счастливы, еслибы такъ поступали?

Профессоръ взглянулъ на нее съ снисходительной улыбкой, которая подчасъ ужасно ее раздражала.

— По моему мнѣнію, счастіе основывается, главнымъ образомъ, на противодѣйствіи радости и горю. Страданія неизбѣжны въ человѣческой жизни, но большинство страданій мы сами накликаемъ на себя своимъ легкомысліемъ и чувствительностью; я считаю благоразумнымъ избѣгать въ личной жизни такихъ искушеній, которыя возбуждаютъ чувства и лишаютъ человѣка уравновѣшеннаго отношенія къ фактамъ и людямъ; слишкомъ большая впечатлительность мѣшаетъ правильному сужденію о добрѣ и злѣ.

— Однако же мы видимъ, что люди не похожи другъ на друга,—серьезно проговорила Рахель:—я, напримѣръ, не могла бы отказаться отъ музыки, она часть меня самой.

— Я и не прошу васъ отказывать себѣ въ этомъ, дитя мое,—возразилъ профессоръ,—я никогда никого не насиловалъ и никому не на-

вязывалъ своего руководительства. Каждый человѣкъ долженъ самъ разрѣшать свои жизненныя задачи.

— Но, я опять-таки не понимаю васъ,—настаивала Рахель:— почему вы не желаете руководить людьми, если признаете истину въ томъ, что вы говорите? Вы должны были бы, напротивъ, стараться вліять на людей, учить ихъ, если вы лучше знаете, въ чемъ надо искать спасеніе.

— Въ этомъ вы и ошибаетесь, — мягко замѣтилъ профессоръ: — я не имѣю права дѣлать указаній своимъ ближнимъ и разсчитывать, чтобы они слѣдовали за мною. Единственное, что я могу назвать своимъ,—это мой опытъ, но предлагать другимъ свои теоріи не считаю себя въ правѣ. Всякій узкій догматизмъ чуждъ философіи.

— Скажите мнѣ, вы всю жизнь занимались философіею и никогда не думали ни о чемъ другомъ? вы никогда не любили?

Профессоръ обернулся и встрѣтилъ серьезный взглядъ, устремленный на него; онъ не сразу нашелся, что ей отвѣтить, но, подумавъ немного, проговорилъ:

— Въ моей жизни былъ случай, который далъ мнѣ только страданія; съ тѣхъ поръ я опасаюсь всего, что ведетъ къ разочарованію и безполезному сожалѣнію, и отдалъ свои силы работѣ, которой надѣюсь послужить на пользу общества.

Слова эти звучали ужасно холодно, и Рахель невольно подумала, что такую неприступность трудно побороть; она какъ-то сразу осунулась и не стала настаивать на разъясненіи своихъ вопросовъ. Она просто спросила:

— Надѣюсь, что я пока не надоѣдала вамъ, исполняя все, что вы желали?

— Конечно, конечно,—успокоительно проговорилъ профессоръ: —я очень вамъ благодаренъ. Я вполнѣ одобряю и ваше отношеніе къ Гризельдѣ; мнѣ кажется, что и она мирится съ новымъ положеніемъ вещей, что, конечно, очень благоразумно съ ея стороны.

— Я избѣгаю ея,—довольно сурово сказала Рахель:—она очень непріятная женщина,—я ее совсѣмъ не люблю.

— Пока чувство антипатіи пассивно, вамъ нечего напрасно нарушать свое душевное спокойствіе,—спокойно замѣтилъ профессоръ.—Я увѣренъ, что вы будете всегда владѣть собой и не уроните своего достоинства.

Увы! это замѣчаніе осталось въ памяти Рахели, но, подобно многимъ невѣрнымъ пророчествамъ, не оправдалось на дѣлѣ.

Вскорѣ послѣ этого разговора Рахель получила первое приглашеніе явиться въ общество, которое до сей поры было ей совершенно чуждымъ. Антоній Грэмъ получилъ пригласительное письмо, которое прочелъ ей за завтракомъ.

— Вы пойдете?—спросила она съ радостнымъ волненіемъ.

Антоній отодвинулъ свое кресло, собралъ газеты и письма со стола и собрался уходить изъ комнаты.

— Господи, что же вы медлите, развѣ такъ трудно сказать да или нѣтъ?

Профессоръ посмотрѣлъ на нее тѣмъ снисходительнымъ взглядомъ, который былъ ей особенно непріятенъ.

— Меня удивляетъ, что это Мервину вздумалось теперь устраивать вечеръ; большинство знакомыхъ еще не вернулось въ городъ. Съ тѣхъ поръ, какъ молодой Мервинъ уѣхалъ въ Индію, они очень рѣдко приглашали гостей.

— Молодой Мервинъ? Кто это?

— Ихъ сынъ; довольно самонадѣянный молодой человѣкъ, но, можетъ быть, годы и служба исправили его не совсѣмъ хорошее поведеніе.

Рахель подумала немного и потомъ спросила нерѣшительно.

— Значитъ, вы не одобряете этихъ собраній, и мы не пойдемъ къ Мервину?

— Напротивъ, я вообще избѣгаю многолюднаго общества, но не вижу причины, почему бы вамъ не пойти?

— Да, но мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы тоже пошли со мною.

— Увидимъ,—протянулъ онъ и поспѣшилъ уйти, удивляясь, что это ей вздумалось настаивать на томъ, чтобы онъ шелъ вмѣстѣ съ нею. «Это пріятная черта ея характера, — подумалъ онъ: — до сихъ поръ никто не желалъ моего общества, никто не заботился, иду-ли я или остаюсь дома».

Онъ открылъ книгу и началъ перелистывать страницы.

«Положительно это вниманіе пріятно», повторилъ онъ, какъ бы убѣждая предполагаемаго противника, но такъ какъ никто ему не возражалъ, онъ и углубился въ чтеніе.

Въ то же самое время молодая женщина стояла наверху у себя въ комнатѣ, и глаза ея были полны слезъ.

«Онъ не любитъ меня, не любитъ, — думала она: — еслибы я уѣхала хоть на сѣверный полюсъ, ему все равно, пока у него есть его книги. Это ужасно!»

Съ внезапнымъ порывомъ отчаянія она схватила книгу и бросила на клавиши открытаго фортепіано. Въ комнатѣ раздался гулъ громкаго диссонанса. Затѣмъ она опустилась на колѣни и, упавъ головою на стулъ, закрыла лицо руками и проговорила съ отчаяніемъ:

— Я не могу управлять своими чувствами, не могу, не могу, а надо терпѣть. Господи! неужели онъ никогда меня не полюбитъ?

О. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

О, если въ океанъ поэзіи родной,
Бойцовъ минувшихъ дней идя завѣтнымъ слѣдомъ,
Вольюсь я каплей хоть одной,
Не вовсе родинѣ невѣдомъ,
И если на поляхъ, гдѣ зрѣетъ хлѣбъ идей,
Я возрастить смогу и свой особый колосъ
И прозвучитъ въ сердцахъ людей
Хотя на мигъ мой слабый голосъ,

Тогда я жить хочу, своей задачей гордъ...
И, если суждено мнѣ быть полезнымъ въ мірѣ,
Пускай порой звучитъ аккордъ
И на моей тоскливой лирѣ.
Пускай свободный стихъ бѣжитъ изъ подъ пера...
Здѣсь—въ этомъ мірѣ лжи, стариннымъ зломъ объятомъ,
Подъ вольнымъ знаменемъ добра
Почетно быть простымъ солдатомъ.

Л. Медвѣдевъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ [1]).

Съ давнихъ поръ, въ университетахъ Имперіи, студенты группировались въ кружки: по общности происхожденія изъ одной мѣстности, окончанія курса въ одной гимназіи или принадлежности къ народности, представителей которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающіе въ университетъ розыскивали старшихъ товарищей по гимназіямъ, земляковъ, и примыкали къ «землячеству», которое обыкновенно носило соотвѣтствующее названіе: «рязанское землячество», «орловское», «сибирское», «украинское», «грузинское», и т. д. Первоначально землячества преслѣдовали исключительно задачи матерьяльной взаимопощи, и съ этою цѣлью учреждали свои кассы, устроивали подписки, лотереи, вечеринки, и собираемыя средства выдавали въ ссуду или пособіе нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ университетахъ, землячества начали расширять свои задачи и вводить въ свою программу, кромѣ матерьяльной помощи, стремленіе къ самообразованію. Возникли земляческіе «кружки саморазвитія», причемъ на этой почвѣ многія землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвятивъ себя исключительно изученію соціологіи и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Всѣ кружки съ такимъ направленіемъ весьма скоро обратились къ изученію господствующихъ революціонныхъ ученій, къ чтенію запрещенныхъ цензурою сочиненій и произведеній подпольной печати, а затѣмъ и сами, въ большей или меньшей степени, стали выражать сочувствіе революціонному движенію, оказывать, изъ земляческихъ средствъ, пособія въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ («красный крестъ партіи народной воли»), и, наконецъ, члены такихъ землячествъ стали пополнять собою ряды активныхъ революціонеровъ.

Въ этотъ періодъ существованія землячествъ появилась мысль, въ видахъ увеличенія оборотовъ земляческихъ кассъ, соединить средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая, подъ управленіемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ, удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и вѣдала бы нѣкоторые обще-студенческіе интересы.

На этомъ основаніи, въ концѣ 80-хъ годовъ, въ московскомъ университетѣ образовалась, такъ называемая, «центральная касса», въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, причемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ завѣдыванію кассою, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣшиваться въ разныя студенческія дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительномъ времени при «центральной кассѣ» организовался «студенческій судъ», который сталъ по своему усмотрѣнію разбирать не только недоразумѣнія между студентами и требовать удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію депутатовъ, были недостойны званія студента, но присвоилъ себѣ даже право осуждать дѣятельность профессоровъ и

[1]) «Правит. Вѣстникъ», № 265, 1896 г. Перепечатываемъ на основаніи особаго распоряженія.

учебнаго начальства, публикуя свои рѣшенія особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «центральная касса» уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоившему себѣ наименованіе «союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ». Къ этому учрежденію первоначально присоединилось 24 землячества; нынѣ же «союзный совѣтъ» располагаетъ голосами 45 землячествъ, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1.500 студентовъ, что составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ московскаго университета.

«Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ», совмѣщая въ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ обще-студенческимъ дѣламъ, считаетъ себя выразителемъ желаній всего московскаго студенчества и присвоиваетъ себѣ право руководить самовластно мнѣніемъ студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни.

Такъ, «союзный совѣтъ», по своему усмотрѣнію, возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ «союзный совѣтъ», признавъ несоотвѣтствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ профессоровъ, прислалъ ему свое рѣшеніе съ требованіемъ объ оставленіи каѳедры; во время тулонскихъ празднествъ, «союзный совѣтъ», отъ имени всего студенчества, выразилъ французскимъ студентамъ «свое негодованіе по поводу раболѣпства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима». Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 г., «союзный совѣтъ» возбудилъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но, черезъ посредство своихъ эмиссаровъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ, о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 года, о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда, и т. п. Возбужденное «союзнымъ совѣтомъ» волненіе среди студентовъ въ Имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры, вслѣдствіе чего, въ началѣ 1895 года, наличный составъ «союзнаго совѣта» былъ арестованъ во время сходки, и отобранные по обыскамъ у членовъ «совѣта» документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого сообщества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ обще-студенческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года, возстановившійся «союзный совѣтъ» призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты Имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основаній къ неудовольствію студентовъ, «союзный совѣтъ» рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе, на одну изъ каѳедръ медицинскаго факультета, профессора, не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ былъ отвергнутъ землячествами, но на послѣдующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голосовъ при 1.000 баллотировавшихъ. Не смотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ «объединенныхъ землячествъ», не нашло совмѣстнымъ съ своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лекцій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи.

Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, опекая столь заботливо достоинство студен-

чества, «союзный совѣтъ» не упускалъ изъ виду и своихъ «общественныхъ обязанностей» и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ прійти на помощь стачникамъ. Шапка, со вложеннымъ въ нее воззваніемъ, ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій, для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 рублей изъ земляческихъ средствъ.

Для правильнаго сужденія о цѣляхъ организаціи «союзнаго совѣта», его ближайшихъ задачахъ и способахъ дѣйствія, представляется полезнымъ помѣстить здѣсь текстъ общихъ соображеній, изложенныхъ въ воззваніи «союзнаго совѣта» объединенныхъ московскихъ землячествъ», отъ 21-го октября сего года:

«I. Союзный совѣтъ полагаетъ, что главною цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ къ политической дѣятельности.

«II. Союзный совѣтъ считаетъ, что организованный активный протестъ въ данную эпоху все усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе.

«III. Союзный совѣтъ находитъ фактъ съ профессоромъ Х. достаточно важнымъ мотивомъ для поднятія организованныхъ безпорядковъ—съ цѣлью борьбы противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія общегосударственной политики, — безпорядковъ, къ которымъ должно привлечь студенческія массы тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ имѣются студенческія организаціи.

«IV. Союзный совѣтъ проситъ землячества и другіе университеты дать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

«1) Присоединяются-ли землячества и университеты къ мнѣнію союзнаго совѣта, что слѣдуетъ открыто протестовать въ настоящее время, противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторіею съ означеннымъ профессоромъ?

«2) Если присоединяются, то предоставляютъ-ли союзному совѣту право организовать протестъ и выработать программу требованій?

«3) Согласны-ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ совѣтомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

«V. Землячества, не подавшія своихъ отвѣтовъ союзному совѣту къ 5-му ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

«VI. Каждое землячество должно представить статистическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ совѣтомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

«Въ защиту высказанныхъ положеній союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

«Современный университетскій режимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борясь противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закаляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведеніе реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціею профессуры и упадкомъ чувства собственнаго достоинства въ студенчествѣ»... «Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновавъ студенческую среду, вызовутъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ станетъ ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бываетъ предѣлъ его терпѣнію. Исторія съ профессоромъ Х. является достаточнымъ поводомъ для возбужденія обще-студенческаго движенія»...

Неуспѣхъ агитаціи по избранному «союзнымъ совѣтомъ» поводу понудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно произвести уличную демонстрацію съ политическою окраскою, и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціею, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою цѣлью «союзный совѣтъ» выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18-го ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ, «и своимъ присутствіемъ»—какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14-го ноября:—«выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой,—протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ».

Обнаруженное «союзнымъ совѣтомъ» намѣреніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка, въ числѣ 56 человѣкъ, причемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16-го и 17-го ноября, у этихъ лицъ найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостовѣряющія ихъ принадлежность къ «союзному совѣту» и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо документовъ означеннаго характера, у многихъ изъ членовъ «союзнаго совѣта» найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именующагося «рабочимъ союзомъ», и преступныя изданія подпольной печати.

Не смотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой организаціи, 18-го ноября, утромъ, группа студентовъ, численностью до 500 человѣкъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воззваніемъ, направилась къ Ваганькову кладбищу, но у Прѣсненской заставы была остановлена полиціею. Отказавшись разойтись, толпа повернула назадъ и, по Никитской улицѣ, направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Вслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36-ти человѣкъ, замѣченныхъ въ руководительствѣ безпорядкомъ и подстрекательствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушательницъ женскихъ курсовъ и не принадлежащихъ къ составу университета лицъ.

19-го ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человѣкъ студентовъ, которая послала 20 депутатовъ для предъявленія ректору требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Ректоръ отказался принять депутатовъ, въ виду того, что сходки и коллективныя заявленія воспрещены уставомъ университета но, несмотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли въ квартиру ректора, который отказался выслушать ихъ заявленіе и предложилъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ, ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись; въ виду же отказа большинства толпы исполнить это требованіе, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушниковъ къ содѣйствію полиціи, которая вошла въ университетъ и препроводила участниковъ сходки въ манежъ, гдѣ и были записаны 403 человѣка, отправленные затѣмъ въ тюремный замокъ.

20-го и 22-го ноября въ университетѣ собрались вновь шумныя сходки, участники которыхъ, вслѣдствіе упорнаго отказа разойтись, также были арестованы, по требованію учебнаго начальства, мѣрами полиціи, причемъ задержаны: въ 1-й день—206, а во 2-й—66 человѣкъ. Изъ общаго числа арестованныхъ—711 человѣкъ, нѣкоторые обратили на себя особое вниманіе адми-

нистраціи и учебнаго начальства, какъ организаторы и руководители безпорядковъ, вслѣдствіе чего дѣло о нихъ, а также объ арестованныхъ 17-го ноября членахъ «союзнаго совѣта», имѣетъ быть направлено въ порядкѣ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Виновность же остальныхъ 662 студентовъ была разсмотрѣна университетскимъ судомъ, который, раздѣливъ ихъ на три категоріи, постановилъ:

«1) студентовъ первой категоріи, въ числѣ 26 человѣкъ, участвовавшихъ въ названныхъ сборищахъ, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ или ранѣе замѣченныхъ въ университетѣ въ проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ, уволить изъ университета съ правомъ поступленія въ другіе университеты съ начала будущаго академическаго года;

«2) студентовъ второй категоріи, въ числѣ 175 человѣкъ, участвовавшихъ въ сборищахъ два раза,—подвергнуть тому же наказанію,—и

«3) студентовъ третьей категоріи, въ числѣ 461, участвовавшихъ въ сборищахъ одинъ разъ, уволить изъ универтитета съ правомъ обратнаго поступленія съ начала будущаго учебнаго года.

«Но, принимая во вниманіе, что студенты участвовали въ сборищахъ, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства дѣла, подъ давленіемъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли, несовмѣстимыя съ правильнымъ теченіемъ университетской жизни, правленіе рѣшило ходатайствовать относительно студентовъ второй и третьей категорій, въ числѣ 636 человѣкъ, передъ министромъ народнаго просвѣщенія, о смягченіи указанныхъ выше наказаній, а именно: подвергнуть этихъ студентовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ соотвѣтственно степени ихъ вины по опредѣленію правленія, на основаніи дѣйствующихъ правилъ для студентовъ, съ послѣдствіями, указанными § 37 сихъ правилъ, и съ предупрежденіемъ, что означенные студенты, въ случаѣ новаго участія въ сходкахъ и недозволенныхъ сообществахъ, будутъ исключаемы изъ университета безъ всякаго смягченія ихъ участи».

Ходатайство правленія Императорскаго московскаго университета о лицахъ, отнесенныхъ ко II и III категоріямъ, было уважено министромъ народнаго просвѣщенія, и они въ теченіе 25-го, 26-го и 27-го ноября освобождены изъ-подъ стражи, въ числѣ 636 человѣкъ.

Вслѣдъ за симъ, 27-го ноября, въ стѣнахъ университета было вывѣшено нижеслѣдующее объявленіе:

«Ректоръ Императорскаго московскаго университета, согласно распоряженію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, симъ сообщаетъ студентамъ, что: а) всѣ тѣ изъ нихъ, которые будутъ участвовать вновь въ сходкахъ или иныхъ коллективныхъ проявленіяхъ неповиновенія университетскому начальству, а равно полиціи, будутъ арестованы и немедленно высланы изъ Москвы, причемъ они будутъ считаться уволенными безъ прошенія; б) не желающіе подчиниться установленнымъ университетскимъ правиламъ и распоряженіямъ начальства могутъ получать обратно свои документы въ установленный начальствомъ университета срокъ и будутъ считаться уволенными по прошенію».

Чтеніе лекцій въ университетѣ безпрерывно продолжалось, а съ 23-го ноября порядокъ явнымъ образомъ болѣе не нарушался, въ виду чего можно надѣяться, что благоразуміе студентовъ старшихъ курсовъ одержитъ верхъ надъ искусственно возбужденной «союзнымъ совѣтомъ» агитаціей, и нормальный порядокъ возстановится безъ особаго ущерба для правильнаго теченія университетской жизни.

Не довольствуясь возбужденіемъ безпорядка въ московскомъ университетѣ,

«союзный совѣтъ» разослалъ своихъ делегатовъ въ другіе университеты, а также увлекъ своимъ примѣромъ и слушателей Императорскаго московскаго техническаго училища. Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки, для обсужденія предложенія московскаго «союзнаго совѣта» о возбужденіи обще-студенческихъ безпорядковъ, съ цѣлью добиться возстановленія устава 1863 г. и разныхъ другихъ неосновательныхъ требованій, а также освобожденія арестованныхъ въ Москвѣ студентовъ, но сходки эти, подъ вліяніемъ увѣщаній учебнаго начальства, расходились, не вызывая до сего времени необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи.

Настоящее сообщеніе, разъясняющее, на основаніи документальныхъ данныхъ, дѣйствительное значеніе и цѣли обще-студенческихъ организацій и союзовъ, представляетъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумнаго большинства самихъ студентовъ, твердое основаніе правильно оцѣнить безразсудство и опасность пути, на который увлекаются незрѣлые молодые люди усиліями тайныхъ политическихъ агитаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ нихъ послушное орудіе къ достиженію своихъ преступныхъ цѣлей.

Научно-историческія теоріи и общественная дѣятельность.

Вопросъ о значеніи науки для общественной дѣятельности часто поднимался въ русской литературѣ, но наиболѣе интенсивные дебаты о немъ велись лѣтъ 25—30 тому назадъ. Тогдашніе, такъ называемые, противники науки не были принципіальными противниками научнаго мышленія и развитія вообще. Они полагали только, что въ то время а, главнымъ образомъ въ предшествовавшую эпоху господства насилія и безправія наука являлась орудіемъ угнетенія массъ, и всякое занятіе ею отвлекало общественнаго дѣятеля отъ непосредственныхъ практическихъ задачъ.

Защитники же науки указывали на то, что всякая практическая дѣятельность становится тѣмъ ужe и тѣмъ безпочвеннѣе, чѣмъ меньше она проникнута научнымъ пониманіемъ той дѣйствительности, на которую хотятъ воздѣйствовать; что самыя убѣжденія практическихъ дѣятелей только тогда могутъ считаться прочными, когда они являются плодомъ не исключительно тѣхъ или другихъ прекрасныхъ чувствъ, но, главнымъ образомъ, результатомъ широкаго научнаго міровоззрѣнія.

На двухъ, трехъ эпизодахъ изъ этой эпохи мы считаемъ нелишнимъ нѣсколько остановиться.

«Въ тридцатыхъ годахъ, — писалъ одинъ изъ ярыхъ противниковъ «науки» для практической общественной дѣятельности,—впервые появилось въ Россіи ученіе *объективистовъ*, объясняющее всѣ историческіе факты логическою необходимостью, исключающее изъ исторіи участіе личнаго подвига и признающее въ ней только одну дѣйствительную, неотвратимую и всемогущую силу—самопроявленіе объективнаго разума... Объективное ученіе продолжаетъ и нынѣ развращать большую часть нашего «образованнаго» общества. Сущность его осталась та же: измѣнилась только научная обстановка и терминологія. Въ мое время все объяснялось, по Гегелю, самопроявленіемъ или самоосуществленіемъ объективнаго разума; нынѣ, по Конту, неотвратимымъ сцѣпленіемъ или слѣдованіемъ естественныхъ соціологическихъ фактовъ».

А одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ защитниковъ науки писалъ слѣдующее.

«Если вы читали Бюхнера или «Рефлексы головного мозга», популярную статью о единствѣ силъ, или о метаморфозмѣ видовъ, это въ *научномъ* отношеніи не ставитъ васъ ни на каплю выше крестьянина, ничего этого не читавшаго и даже не понимающаго словъ, которыя вамъ въ этомъ случаѣ привычны. Ваше привиллегированное положеніе доставило вамъ здѣсь возможность усвоить представленія, которыя недоступны крестьянину; но вы такъ невѣжественны въ этой сферѣ, что неспособны дать себѣ яснаго доказательства ни по одному изъ положеній, которыя вы принимаете *на вѣру*,

какъ крестьянинъ принялъ на вѣру разныя предразсудочныя преданія дѣдовъ... Сознайтесь въ этомъ невѣжествѣ передъ собой: это первое условіе вашей полезной дѣятельности. Избѣгайте этихъ областей, вамъ мало извѣстныхъ, на сколько это можно. Если же, по обстоятельствамъ дѣла, вамъ необходимо, совершенно необходимо именно стать на эту, мало знакомую вамъ почву, то потрудитесь тотъ вопросъ, который вамъ необходимъ, изучить, *по возможности*, основательно; потрудитесь отнестись къ нему не поверхностно, хотя бы такъ, какъ изучаетъ многое множество вашихъ товарищей-эксплуататоровъ тѣ предметы, о которыхъ они прежде никогда не думали, но которые имъ вдругъ стали нужны для полученія теплаго мѣстечка, кругленькой суммы денегъ и тому подобное»...

«Научная дисциплина мысли тѣмъ и сильна,—продолжаетъ нашъ авторъ, —что она для большинства случаевъ пріучаетъ оцѣнивать вѣроятное и невѣроятное, отличать доказанный фактъ отъ предположенія».

Мы привели эти выписки лишь за тѣмъ, чтобы путемъ «сравнительно-историческимъ» доказать истину того, что ничто или, по крайней мѣрѣ, многое не ново подъ луною.

Въ самомъ дѣлѣ. «Сущность осталась та же: измѣнилась только научная обстановка и терминологія». И нынѣ склонны все объяснять «самопроявленіемъ или самоосуществленіемъ» только не по Гегелю или по Конту, а по Марксу, «неопровержимымъ сцѣпленіемъ или слѣдованіемъ» экономическихъ фазисовъ развитія. И нынѣ, если кто-либо читалъ Каутскаго или «Нищету философіи», популярную статью объ экономическомъ матерьялизмѣ, или о марксистской теоріи цѣнности, «это въ научномъ отношеніи не ставитъ его ни на каплю выше крестьянина... Онъ такъ невѣженственъ въ этой сферѣ, что не способенъ дать себѣ яснаго доказательства ни по одному изъ положеній, принятыхъ имъ на вѣру, какъ крестьянинъ принялъ на вѣру разныя предразсудочныя преданія дѣдовъ». И нынѣ еще не потерялъ силу совѣтъ избѣгать этихъ областей какъ можно больше или научиться «отличать доказанный фактъ отъ предположенія».

Сущность осталась та же. Измѣнилась только «научная обстановка» и терминологія. За то научная обстановка порядкомъ таки измѣнилась, и, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, быть можетъ, не лишне еще разъ просмотрѣть вопросъ объ отношеніи знанія къ практической общественной дѣятельности.

Не то, чтобы польза научной разработки общественныхъ вопросовъ намъ казалась сомнительной. Наоборотъ, мы увѣрены, что въ области соціологіи и политики научное изслѣдованіе дѣйствительности въ той же мѣрѣ послужитъ господству человѣка надъ нею, въ какой научное изслѣдованіе природы послужило человѣку прочнымъ залогомъ его господства надъ послѣдней.

Не думаемъ мы также, чтобы занятіе общественными науками должно было быть отдѣлено отъ практической общественной дѣятельности и передано въ руки особыхъ спеціалистовъ.

Общественная дѣятельность есть долгъ и право каждаго, а потому и научное обоснованіе этой дѣятельности принадлежитъ всѣмъ.

Во всемъ этомъ мы не расходимся съ самыми крайными защитниками якобы научности. Намъ желательно лишь разсмотрѣть вопросъ, можетъ-ли быть цѣлесообразнымъ—не для отдѣльнаго общественнаго дѣятеля, а для цѣлой партіи—то «научное» оправданіе ея идеаловъ, котораго требуютъ наши современные объективисты и которое должно сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ ея послѣдователей.

«Идеалы должны быть научно обоснованы»! Спросимъ себя прежде всего, что значитъ научное обоснованіе идеала? Въ чемъ заключается его научность?

Нѣсколько примѣровъ изъ области менѣе сложныхъ явленій помогутъ намъ яснѣе понять этотъ вопросъ. Одинъ изъ наиболѣе упорныхъ человѣческихъ идеаловъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать воздухъ подвластнымъ человѣку для цѣлей его передвиженія. Особая отрасль науки, аэронавтика, и занимается изысканіемъ тѣхъ путей и средствъ, помощью которыхъ этотъ идеалъ могъ бы быть реализированъ въ дѣйствительности. Но этотъ идеалъ волновалъ человѣческую мысль [еще тогда, когда о научномъ обоснованіи его едва-ли даже можно было мечтать. Вспомнимъ легенду объ Икарѣ, вспомнимъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ попыткахъ снабдить человѣка «гордыми крыльями».

Идеалъ остался тотъ же, та же цѣль стоитъ передъ нашими глазами, что и нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Измѣнилось только обоснованіе этого идеала, которое освободилось отъ своихъ мистическихъ оболочекъ и постепенно сдѣлалось научнымъ. Но почему мы признаемъ его научнымъ? Лишь потому, что онъ основывается на точной наукѣ, изучающей тѣ законы, которые господствуютъ въ подлежащихъ ея вѣдѣнію явленіяхъ и точно изслѣдующей тѣ условія, при которыхъ осуществленіе воздухоплавательнаго идеала дѣлается возможнымъ.

Еще болѣе важный для человѣчества идеалъ есть,—какъ это ни кажется парадоксальнымъ,—личное безсмертіе. И здѣсь, особенно въ юношескомъ возрастѣ человѣчества, не было недостатка въ попыткахъ перевести этотъ идеалъ изъ области мистическихъ чаяній и надеждъ въ область непосредственной дѣйствительности. Кто не слыхалъ объ экспериментахъ съ жизненнымъ элексиромъ въ среднихъ вѣкахъ или объ опытахъ послѣдователей Бао-Тзи въ Китаѣ! Но врядъ-ли необходимо добавить, что, по современному состоянію біологіи и физіологіи, о научномъ обоснованіи этого идеала не можетъ быть и рѣчи.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно вытекаетъ, что научность или ненаучность какого-либо идеала лежитъ не въ немъ самомъ, а въ условіяхъ его осуществленія. Если это осуществленіе возможно, вообще, если оно не идетъ въ разрѣзъ съ тѣми законами природы, отъ которыхъ оно зависитъ, и если эти законы природы точно изслѣдованы, то такой идеалъ можетъ считаться научнымъ. Въ противномъ случаѣ онъ или совершенно ненаученъ, такъ какъ находится въ противорѣчіи съ законами природы (какъ, напр., идеалъ личнаго безсмертія),

или, по крайней мѣрѣ, *еще* ненаученъ (какъ воздухоплавательный идеалъ въ древности), потому что еще не удалось подвернуть научной разработкѣ необходимыя условія его осуществленія.

Какъ же обстоитъ дѣло съ идеалами общественной жизни? Подвержены-ли и они тѣмъ условіямъ научности, которыя мы только что изложили? По нашему мнѣнію, да. И здѣсь, въ области общественныхъ идеаловъ, научность или ненаучность присуща не самому идеалу, но зависитъ исключительно отъ условій его осуществленія. И здѣсь прежде всего необходимо доказать, что его введеніе въ жизнь не противорѣчитъ основнымъ законамъ общежитія; и здѣсь условія его реализаціи должны быть строго научно изслѣдованы, прежде чѣмъ мы можемъ надѣлить его эпитетомъ «научный». И въ области общественныхъ явленій, какъ въ области техники, могутъ одновременно возникнуть нѣсколько идеаловъ, которые будутъ одинаково удовлетворять вышеизложеннымъ условіямъ, въ той же мѣрѣ, въ какой различныя техническія конструкціи могутъ быть одинаково научны. Такимъ образомъ, мы можемъ имѣть дѣло, напр., не только съ научнымъ соціализмомъ, но и съ научнымъ либерализмомъ, консерватизмомъ и даже клерикализмомъ, предполагая, конечно, что всѣ эти общественные идеалы не противорѣчатъ законамъ человѣческаго общежитія и что условія ихъ осуществленія изслѣдованы научнымъ путемъ. Повторяемъ, различные общественные идеалы, какъ и различные техническіе идеалы, могутъ быть одинаково научны, и только отъ «свободнаго» выбора общества будетъ зависѣть, за какой оно выскажется въ послѣдней инстанціи и какой оно сдѣлаетъ своимъ.

И именно потому, что въ послѣднемъ счетѣ все зависитъ отъ этого выбора общества, для общественнаго дѣятеля выростаетъ задача—опредѣленнымъ образомъ вліять на общественное мнѣніе, чтобъ обратить его въ пользу своихъ идеаловъ. И именно потому, что общественный выборъ, по причинѣ сложности общественныхъ явленій и вліяній, не можетъ быть заранѣе опредѣленъ, становится обязанностью для каждаго общественнаго дѣятеля—не полагаться на естественный ходъ вещей, но дѣятельно вмѣшиваться въ теченіе событій, чтобъ доставить побѣду своимъ идеаламъ. Увѣренность въ побѣдѣ, которая воодушевляетъ общественнаго дѣятеля, не можетъ быть слѣдствіемъ одного научнаго убѣжденія, но является эмпирическимъ результатомъ вѣры въ людей и въ справедливость своихъ идеаловъ. И то, что вѣрно для послѣдователей однихъ идеаловъ, примѣнимо и къ послѣдователямъ какъ разъ противоположныхъ стремленій и надеждъ. Борьба за интересы, идеальные или матерьяльные,—вотъ лозунгъ общественной дѣятельности; а исходъ этой борьбы сокрытъ во мракѣ будущаго.

Однако, условія научности общественнаго идеала дѣлаются совершенно иными, разъ мы станемъ на ту точку зрѣнія, что и «свободный» выборъ общества можетъ быть заранѣе предсказанъ наукой. Въ этомъ

случаѣ «свободный» общественный выборъ дѣлается однимъ изъ условій осуществленія идеала и даже главнымъ, необходимымъ, рѣшающимъ условіемъ этого осуществленія; и, разъ мы требуемъ, чтобы *всѣ* эти условія были научно изслѣдованы, то и это новое условіе,—или даже преимущественно это—должно быть подвергнуто научному изслѣдованію. Такимъ образомъ, стоя на этой точкѣ зрѣнія, не достаточно указать, какъ общественный идеалъ *можетъ* быть осуществленъ, но необходимо также научно доказать, почему и какъ онъ *непремѣнно осуществится*. А изъ этого, по необходимости, вытекаетъ, что не всѣ общественные идеалы могутъ быть равноправны и равнонаучны, ибо изъ многихъ выставленныхъ идеаловъ общество дастъ свою санкцію осуществленія только одному или ни одному. Но если общество выскажется за одинъ какой-либо идеалъ, то ясно, что всѣ остальные были выставлены всуе. И если наука опредѣлитъ, какой изъ многихъ идеаловъ будетъ осуществленъ обществомъ, то только этотъ послѣдній можетъ считаться научнымъ, всѣ же остальные должны быть отвергнуты, вслѣдствіе ихъ ненаучности.

Но какъ можетъ наука заранѣе опредѣлить, за какой идеалъ общество выскажется? Къ какой области явленій принадлежитъ «свободный» выборъ общества? Какимъ законамъ онъ подлежитъ?

Очевидно, что если онъ подлежитъ какимъ-либо законамъ, то это прежде всего законамъ *историческаго развитія*. Введеніе общественнаго идеала въ жизнь есть историческое событіе, которое должно быть слѣдствіемъ законовъ историческаго развитія. Изученіемъ этихъ законовъ занимается особая наука—исторіологія, исторіософія, исторіономія, или какъ вамъ угодно ее назвать. А по сему, и научное обоснованіе какого-либо общественнаго идеала, въ отличіе отъ научнаго обоснованія какого-либо техническаго, должно быть, прежде всего и преимущественно, историко-научнымъ. Выходя изъ подобныхъ соображеній, Марксъ, напримѣръ, и не желалъ иначе обосновать своихъ общественныхъ идеаловъ, какъ только соображеніями исторической науки. На «экспропріацію экспропріирующихъ» онъ, прежде всего, смотрѣлъ, какъ на историческое событіе, которое должно наступить, какъ въ томъ убѣдили его тѣ историко-философскія выкладки, въ научность которыхъ онъ вѣрилъ.

И такъ, съ этой точки зрѣнія, общественный идеалъ долженъ искать своего научнаго оправданія только въ области философіи исторіи, и всякая общественная партія должна стремиться къ тому, чтобы ея практическая программа была историко-философски обоснована.

Мы здѣсь не будемъ вдаваться въ разборъ вопроса, возможно-ли объективно-научное обоснованіе исторіи *вообще* и не является-ли самымъ необходимымъ условіемъ этого послѣдняго рѣшительный отказъ отъ всякихъ соціальныхъ предсказаній. Въ виду упрощенія нашей спеціальной задачи, допустимъ, что объективная историческая наука

возможна и что соціальныя предсказанія доступны наукѣ. Но какъ бы далеко мы ни простирали нашъ оптимизмъ на этотъ счетъ, никто, однако, не станетъ отрицать, что единой, общепризнанной «исторіономіи» пока еще нѣтъ, такъ что на обязанности общественной партіи, если она желаетъ быть «научной», лежитъ, прежде чѣмъ отстаивать свои практическія требованія, критически разобраться во всѣхъ выставленныхъ до нынѣ «исторіологическихъ» теоріяхъ, чтобы самую научную изъ нихъ положить въ основу своей практической программы.

Но чтобы критически разобраться въ какой-нибудь «исторіологической» гипотезѣ, чтобы провѣрить ея научность—возможны два пути. Или мы провѣримъ данную гипотезу на всей массѣ историческихъ явленій, или же мы, обращаясь къ тѣмъ первоисточникамъ, изъ которыхъ она вытекаетъ, разберемъ фактическую несомнѣнность исходнаго пункта мыслителя и провѣримъ логическую правильность всей цѣпи умозаключеній, приведшихъ его къ данному историко-философскому выводу.

Разсмотримъ, къ чему насъ приведутъ эти два пути, если только мы на самомъ дѣлѣ захотимъ быть научными, т.-е. не пожелаемъ принять на вѣру ни одного положенія, ни одной мысли, какъ бы она намъ ни казалась вѣроятной на первый взглядъ.

Какъ поклонники строгой научности, мы должны сперва довѣриться индуктивному пути и на немъ попытаться найти необходимое намъ научно-историческое обоснованіе цѣлей и средствъ нашей общественной дѣятельности. Вѣрнѣе всего было бы, конечно, совсѣмъ забыть про всякія исторіологическія гипотезы и, начиная съ Адама или бушменовъ и веддаховъ, шагъ за шагомъ, прослѣдить историческую жизнь человѣчества.

Для этого необходимо, прежде всего, имѣть инвентарь всѣхъ біологическихъ, психологическихъ и соціальныхъ проявленій народовъ, стоящихъ на самой низшей ступени культурнаго развитія; точно установить тѣ географическія условія (климатъ, флора, фауна), среди которыхъ имъ приходится жить, чтобъ потомъ, перейдя къ народамъ болѣе высокаго культурнаго уровня, прослѣдить, какіе признаки изъ стараго инвентаря исчезли, какія проявленія вновь народились и при какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ все это происходило. Строго придерживаясь этого метода, мы въ концѣ концовъ будемъ въ состояніи установить, какіе признаки постепенно атрофировались и исчезали, какіе признаки столь же постепенно выступали опредѣленнѣе, разростались и расчленялись, т.-е. развивались изъ первыхъ едва замѣтныхъ зачатковъ, и какіе признаки, наконецъ, выработались въ той темной подпочвѣ общественной жизни, которая пока еще не доступна нашему непосредственному наблюденію и которая называется игрою наслѣдственности. И только изъ совокупности всѣхъ этихъ данныхъ мы могли бы опредѣлить ту историческую тенденцію, которая господствуетъ въ человѣческой исторіи и которой отнынѣ мы должны сознательно служить.

Это былъ бы наиболѣе вѣрный путь, но, къ сожалѣнію, мы должны

отъ него отказаться: нужно считаться съ ограниченностью познавательныхъ способностей человѣка. Ни природа, ни исторія не раскрываютъ добровольно своихъ тайнъ, и однимъ разсматриваніемъ ихъ явленій мы отъ нихъ ничего не добьемся. Исторію, какъ и природу, необходимо пытать. Необходимо ставить опредѣленные вопросы, вырывать изъ всей массы взаимно переплетающихся явленій только извѣстныя, опредѣленныя соотношенія ихъ и на нихъ обратить все вниманіе. Даже старикъ Гегель, родоначальникъ нашего объективизма, понималъ, что въ погонѣ за абсолютно вѣрнымъ эмпирическимъ изученіемъ исторической дѣйствительности, «нельзя безъ того, чтобы не слукавить». Исторія, говоритъ онъ, имѣетъ своей исключительной задачей понять лишь то, что есть и что было. *Но вполнѣ объективнаго пониманія исторіи не существуетъ.* «Даже самый обыкновенный посредственный историкъ, который думаетъ и увѣряетъ, что онъ только *воспринимаетъ* данный матерьялъ, что онъ только пассивно отдается предмету, на самомъ дѣлѣ не пассивенъ въ своемъ мышленіи, а разсматриваетъ дѣйствительность сквозь него» [1]). А въ свой исторіи философіи онъ еще опредѣленнѣе подчеркиваетъ ту мысль, что уже въ самомъ выборѣ матерьяла, для историческаго изученія, изслѣдователь поневолѣ долженъ быть субъективнымъ [2]).

Да, въ исторіи поневолѣ приходится выбирать матерьялъ для изслѣдованія, потому что одно констатированіе сосуществованія и послѣдовательности дало бы намъ такую неимовѣрно громадную и запутанную кучу явленій, въ которой мы, по ограниченности нашей умственной организаціи, только затерялись бы.

Вотъ тутъ-то и выступаетъ на сцену благодѣтельная роль гипотезъ. Онѣ даютъ намъ опредѣленные вопросы, съ которыми мы должны обратиться къ исторіи, путеводную нить въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ. Но эта нить дается, понятно, вовсе не за тѣмъ, чтобы нанизывать на нее подходящіе факты, а лишь за тѣмъ, чтобы слѣдить за ея извилинами и поворотами, чтобы индуктивно установить ея историческія судьбы. Экономика, религія, накопленіе и распространеніе знаній, борьба за индивидуальность, роль завоеваній и т. д., все это—нити, вплетенныя въ пестрой ткани исторіи, которыя мы должны, процессомъ наблюденія и анализа, выдѣлить изъ всѣхъ остальныхъ явленій и отношенія которыхъ къ другимъ нитямъ и между собою мы должны установить.

Задача, такимъ образомъ, въ значительной степени упрощается. Правда, это упрощеніе достигнуто, благодаря методологическому грѣхопаденію: мы дали субъективизму палецъ. Но—«судьба жертвъ искупительныхъ проситъ», и, благодаря этой жертвѣ, мы скорѣе можемъ до-

---

[1]) Hegels Geschichtsphilosophie (1837). S. 11—14.

[2]) Hegels. Geschichte der Philosophie, Bd. I (1833). S. 7—8.

браться до нашей цѣли, до «объективно-научнаго» обоснованія нашей общественной дѣятельности.

Задача упрощена, но нельзя сказать, чтобы она и въ этомъ видѣ была легка. Возьмемъ хотя бы индуктивную провѣрку марксизма, ученія, которое наиболѣе насъ интересуетъ, потому что отъ его имени выставляются теперь требованія объективно-научнаго обоснованія нашихъ общественныхъ программъ.

Историко-философскій марксизмъ можетъ быть формулированъ однимъ словомъ—«экономика». Обращаемся же къ тѣмъ не многочисленнымъ, но наиболѣе серьезнымъ изъ русскихъ марксистовъ, которые, хотя увѣрены въ необходимости «научнаго» историко-философскаго фундамента для программы прогрессивной общественной дѣятельности и хотя видятъ въ марксизмѣ этотъ необходимо-научный базисъ, но, тѣмъ не менѣе, готовы согласиться съ нами, что марксизмъ еще далеко не можетъ считаться окончательно доказанной теоріей. Ихъ мы просимъ обратить вниманіе на слѣдующее. Чтобы провѣрить точку зрѣнія экономики, необходимо прежде всего уяснить себѣ, что такое экономика, какую историческую роль приписываютъ ей творцы экономическаго матерьялизма и что экономика должна намъ объяснить?

Если обратимся къ сочиненіямъ Энгельса и Маркса, то легко замѣтить, что экономическое основаніе общества играетъ, при объясненіи историческихъ явленій, до того многоразличныя роли, что разобраться въ нихъ и оцѣнить каждую изъ нихъ было бы первой обязанностью русскихъ марксистовъ, если только слова: «научный методъ» и «научное изслѣдованіе» для нихъ въ самомъ дѣлѣ не «кимвалъ бряцающій» и «мѣдь звенящая».

Въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса экономика выступаетъ, *во-первыхъ*, въ роли исторической первопричины, которая даетъ толчекъ другимъ событіямъ или даже вызываетъ ихъ, но не вліяетъ на ихъ дальнѣйшее теченіе; какъ примѣръ этого рода вліянія экономики, приводимъ то указаніе Маркса, что наблюденія надъ разлитіемъ Нила привели къ первымъ зачаткамъ астрономіи.

Экономика выступаетъ, *во-вторыхъ*, въ видѣ вліянія извѣстныхъ процессовъ и условій труда на умственный складъ и нравственный обликъ трудящихся, когда намъ говорятъ, напримѣръ, о вліяніи совмѣстной фабричной работы на выработку «рабочаго» міросозерцанія.

Власть экономики сказывается, *въ-третьихъ*, въ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ или въ стремленіи къ наживѣ, въ тенденціи капиталистовъ увеличить размѣры прибавочной стоимости.

Экономика является, *въ четвертыхъ*, необходимымъ *условіемъ* для болѣе высокой культурной жизни, когда Марксъ говоритъ намъ, напримѣръ, что человѣкъ долженъ сперва ѣсть и пить, прежде чѣмъ онъ можетъ посвятить себя политикѣ или искусству.

Далѣе экономика служитъ для человѣка, *въ-пятыхъ*, предметомъ на-

учныхъ наблюденій или неослабныхъ думъ о благѣ народномъ и, такимъ образомъ, вліяетъ на образованіе тѣхъ или другихъ общественныхъ доктринъ. Такъ, по мнѣнію Энгельса, «новѣйшій соціализмъ по своему содержанію является *результатомъ наблюденій*, съ одной стороны, надъ господствующимъ въ современномъ обществѣ антагонизмомъ между имущими и неимущими классами, капиталистами и рабочими, съ другой — надъ анархіей, существующей въ производствѣ» [1]).

Экономическому же фактору приписывается, *въ-шестыхъ*, роль главной причины въ распаденіи общества на различные классы, вступающіе между собою въ борьбу.

И этимъ еще не исчерпываются тѣ многоразличныя роли, которыя экономика *можетъ* играть и, по утвержденію Маркса и Энгельса, дѣйствительно играла въ исторической жизни человѣчества. Но вѣдь ясно, что всѣ эти различныя стороны вліянія экономики *не могутъ обладать одинаковой исторической силой*, и значеніе ихъ въ роли историческихъ факторовъ должно быть чрезвычайно различно. Смотря по тому, *какую* опредѣленную, хотя бы и главную, хотя бы и исключительную, роль въ исторіи вы приписываете экономическому фактору, будетъ мѣняться и вашъ марксизмъ. Если вы будете настаивать на томъ, что причина всѣхъ общественныхъ бѣдъ кроется въ неурядицѣ экономической жизни общества или что содержаніе всѣхъ общественныхъ идеаловъ черпается изъ экономической дѣйствительности, вы будете марксистомъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ когда станете напирать на роль экономики, какъ первопричины исторической борьбы классовъ.

Вотъ почему не только у насъ, но и на Западѣ мы имѣемъ такую массу «настоящихъ» и «не настоящихъ» марксистовъ, и вотъ почему необходимо отдать себѣ ясный отчетъ относительно того смысла, который мы вкладываемъ въ слова: «вліяніе экономическаго фактора», прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ изслѣдованію, какъ значенія, такъ и *объема* вліянія экономическихъ явленій въ исторіи. Никакое «художественное чутье», рекомендуемое г. Бельтовымъ въ качествѣ новаго метода историческихъ изслѣдованій, не поможетъ тамъ, гдѣ необходимы точныя и ясныя понятія, строго научные пріемы мышленія. И само собою, что прежде, чѣмъ мы не продѣлаемъ всѣхъ этихъ процедуръ, прежде, чѣмъ окончательно не опредѣлимъ *смысла* экономики, не изслѣдуемъ значенія и объема ея вліянія въ исторіи, мы не имѣемъ научнаго права сдѣлать марксизмъ базисомъ той или другой программы. И почти въ томъ же положеніи, въ какомъ находится марксизмъ, находится и всякая другая «объективная» философія исторіи, которая усматриваетъ позади непосредственной дѣятельности людей самопроявленіе той или другой исторической сущно-

[1]) Fr. Engels. «Die Entwickelung des Sozialismus» (1883). S. 6.

сти. Почти всѣ такія гипотезы нуждаются не только въ индуктивномъ обоснованіи, но и въ точномъ установленіи ихъ смысла.

А изъ всего этого вытекаетъ, что если мы непремѣнно хотимъ подвести подъ нашу общественную программу ту или другую историко-философскую концепцію, то мы должны оставить на время поле непосредственной дѣятельности, разбрестись по библіотекамъ и архивамъ и работать надъ индуктивной провѣркой той или другой изъ нихъ; неустанно и съ лихорадочной поспѣшностью должны мы трудиться тамъ надъ поставленной задачей, потому что впереди намъ предстоитъ общественная дѣятельность, нуждающаяся въ научномъ фундаментѣ, а общественная дѣятельность не ждетъ.

Само собою разумѣется, что на практикѣ мы этого не сдѣлаемъ. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что «die Kunst ist lang, und kurz ist unser Leben»; что задача индуктивнаго обоснованія исторической науки превышаетъ силы одного поколѣнія, будь оно даже семи пядей во лбу, и что отказываться отъ непосредственной практической дѣятельности значитъ вынести себѣ, какъ общественной силѣ, смертный приговоръ.

Но, съ другой стороны, мы все-таки должны быть «научны». А это требованіе, какъ мы видѣли, въ свою очередь, указываетъ намъ на философію исторіи, какъ на единственный судъ, передъ которымъ мы должны оправдать наши общественныя цѣли и стремленія, но законъ, котораго мы, по крайней мѣрѣ теперь и въ ближайшемъ будущемъ, не въ состояніи установить.

Чтобы избѣгнуть этой «роковой антиноміи», не лучше-ли обратиться ко второму изъ намѣченныхъ выше путей, къ дедуктивному методу? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ раболѣпствовать передъ фактами? Развѣ правильная «точка зрѣнія» не важнѣе бо́льшаго или меньшаго количества фактовъ? А главное—индукція трудна, почти непреодолима, а дедукція легка. То, что, при исключительномъ господствѣ индукціи, потребовало бы десятковъ лѣтъ кропотливаго изученія, мы можемъ, путемъ вѣрнаго построенія нѣсколькихъ силлогизмовъ, доказать почти шутя.

Напримѣръ, всѣ страны проходятъ капиталистическій фазисъ развитія. Россія есть страна. Стало быть...

Очевидно, что нѣтъ ничего легче и удобнѣе «правильной» точки зрѣнія. То, что заслоняетъ наше зрѣніе, когда мы копаемся внизу въ разбросанной массѣ фактовъ, сразу дѣлается яснымъ съ птичьяго полета «вѣрной точки зрѣнія». Все это такъ. Но бѣда дедуктивнаго метода въ томъ, что именно «вѣрность»-то верховной посылки не такъ-то легко бываетъ установить. Сплошь да рядомъ она, въ свою очередь, является выводомъ изъ многихъ другихъ посылокъ, абсолютная вѣрность которыхъ уже не столь очевидна и научное доказательство которыхъ, если оно вообще возможно, не такъ легко, какъ оно, быть можетъ, кажется на первый взглядъ.

Возьмемъ, напримѣръ, вышеприведенный нами силлогизмъ. «Всѣ

культурныя страны, — говоритъ Энгельсъ,—начинаютъ съ общей собственности на землю. У всѣхъ народовъ, переступающихъ извѣстную первобытную ступень, эта общая собственность, благодаря развитію земледѣлія, дѣлается тормазомъ для производства. Она упраздняется, отрицается, превращается послѣ долгихъ или краткихъ переходныхъ ступеней въ частную собственность. Но на высшей ступени развитія... частная собственность дѣлается тормазомъ» и т. д. Наступаетъ отрицаніе отрицанія (Anti-Dühring. Изд. 3. S. 141). Эта цитата взята нами изъ той главы полемики Энгельса противъ Дюринга, которая посвящена «отрицанію отрицанія», и приводится, какъ иллюстрація «діалектическихъ законовъ движенія», «впервые формулированныхъ Гегелемъ» и въ которыхъ Энгельсъ «въ общемъ не сомнѣвался» (A. D., XV). Ясно, что утвержденіе Энгельса «о всѣхъ культурныхъ странахъ», въ свою очередь, является *выводомъ* изъ болѣе верховной посылки гегельянизма, которая можетъ быть передана словами: всякое движеніе тріадично; *фактически же* не всѣ культурныя страны лишились общины, и ни одна изъ нихъ еще не вошла въ періодъ «отрицанія отрицанія». Но и тріадичность движенія не можетъ считаться послѣднимъ звеномъ интересующей насъ цѣпи силлогизмовъ. И она, въ свою очередь, вытекаетъ изъ другихъ философскихъ посылокъ, отъ изложенія и разбора которыхъ мы теперь избавляемъ читателя. Такимъ образомъ, философія исторіи отбрасываетъ насъ къ чистой философіи, въ которой мы въ послѣднемъ счетѣ и должны искать требуемаго научнаго обоснованія нашихъ практическихъ стремленій. И дѣйствительно, всѣ выставленныя до сихъ поръ историко-философскія доктрины отличаются другъ отъ друга не только по методамъ и результатамъ изслѣдованія, но и по той общефилософской точкѣ зрѣнія, которая легла въ основаніе каждой изъ нихъ. Онѣ составляютъ *часть* общаго философскаго міровоззрѣнія; стало быть, и тѣ общественныя программы, которыя опираются на дедуктивныя историко-философскія построенія, должны, въ свою очередь, покоиться на опредѣленномъ философскомъ фундаментѣ.

Но, если это такъ, то партійныя разногласія вовсе не должны вертѣться на томъ, что полезно и что вредно для данной группы лицъ, интересы которыхъ защищаются той или другой партіей, и эти послѣднія группы вовсе не должны разсматривать, какіе пути наиболѣе удобно ведутъ къ намѣченной цѣли. И это потому, что и цѣль, и польза, и путь суть лишь субъективныя желанія, которыя тогда только заслуживаютъ вниманія съ нашей стороны, когда мы рѣшимъ вопросъ о преимуществахъ монизма надъ дуализмомъ, діалектики надъ эволюціей, когда мы точно установимъ отношенія духа къ матеріи, времени къ пространству, свободы къ необходимости. А до того времени мы, въ виду научнаго обоснованія нашей общественной дѣятельности, и должны спорить объ этихъ очень интересныхъ вопросахъ. Но, дойдя

до такого вывода,—а до этого вывода русская дѣйствительность уже дошла,—позволительно, кажется, спросить себя: возможно-ли вообще соглашеніе по этимъ вопросамъ? Есть-ли надежда дойти въ философіи до абсолютной истины, до истины «послѣдней инстанціи»?

Послушаемъ на этотъ счетъ писателя, котораго всего меньше можно заподозрить въ пристрастіи къ субъективизму. Мы говоримъ о Фридрихѣ Энгельсѣ.

«Всю область познанія,—говоритъ онъ,—можно раздѣлить на три большихъ отдѣла. Первый охватываетъ всѣ науки, занимающіяся неодушевленной природой и болѣе или менѣе доступныя математическому изложенію: математика, астрономія, механика, физика, химія. Если кому-нибудь доставляетъ удовольствіе употреблять громкія слова для очень простыхъ вещей, то можно сказать, что *извѣстные* результаты этихъ наукъ суть вѣчныя истины, окончательныя истины послѣдней инстанціи (поэтому-то науки эти и называются точными), но далеко не всѣ результаты. Съ введеніемъ перемѣнныхъ величинъ... и строго нравственная математика совершила свое грѣхопаденіе; она вкусила отъ яблока познанія, открывшаго ей путь къ колоссальнымъ успѣхамъ, но и къ ошибкамъ. Дѣвственное состояніе абсолютной вѣрности, неопровержимой доказанности всѣхъ математическихъ положеній исчезло навсегда, настало царство разногласія... Еще хуже обстоитъ дѣло съ астрономіей и механикой, а что касается физики и химіи, то мы въ нихъ находимся посреди гипотезъ, какъ посреди роя пчелъ... Не лучше дѣло обстоитъ въ геологіи, которая по самой природѣ своей занимается изученіемъ явленій, при которыхъ не только мы, но и никто изъ людей не присутствовалъ»... «Второй классъ наукъ это тотъ, который занимается изслѣдованіемъ живыхъ организмовъ. На этомъ поприщѣ господствуетъ такое множество взаимодѣйствій и причинностей, что не только каждый рѣшеный вопросъ вызываетъ безчисленное множество новыхъ вопросовъ, но и каждый отдѣльный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только частями, только рядомъ изслѣдованій, *часто требующихъ цѣлыя столѣтія*, причемъ потребность въ систематическомъ пониманіи взаимныхъ связей постоянно принуждаетъ насъ окружать окончательныя истины послѣдней инстанціи всепокрывающей плантаціей гипотезъ»...

«Но еще хуже дѣло обстоитъ съ вѣчными истинами въ третьей группѣ наукъ, наукъ историческихъ, которыя изслѣдуютъ условія жизни людей, общественныя отношенія, правовыя и государственныя формы съ ихъ идеальной надстройкой философіи, религіи, искусства и т. д. въ ихъ исторической послѣдовательности и въ ихъ современномъ положеніи. Въ органической природѣ мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ дѣло съ рядомъ процессовъ, которые возобновляются вполнѣ правильно въ предѣлахъ довольно широкихъ границъ... Въ исторіи же общества, наоборотъ... повтореніе явленій составляетъ исключеніе, а не правило; и

тамъ, гдѣ эти повторенія имѣютъ мѣсто, *они никогда* не совершаются при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Примѣръ—существованіе первобытнаго поземельнаго коммунизма у всѣхъ народовъ и форма его разложенія. На почвѣ человѣческой исторіи мы поэтому находимся далеко позади біологіи, и болѣе того: если внутреннее соотношеніе общественныхъ и политическихъ формъ бытія какого-либо періода, въ видѣ исключенія, и познается, то это бываетъ обыкновенно лишь тогда, когда эти формы уже на половину пережили себя и идутъ на встрѣчу упадку. Познаніе здѣсь, стало быть, по существу своему относительно, такъ какъ оно ограничивается пониманіемъ связи и слѣдствій извѣстныхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, которыя существуютъ только для даннаго времени, для данныхъ народовъ и по природѣ своей преходящи. Кто, слѣдовательно, здѣсь охотится за окончательными истинами послѣдней инстанціи... тотъ вернется домой съ малой добычей, если не считать тривіальностей и труизмовъ самаго плохого сорта, въ родѣ того, что люди въ общемъ не могутъ жить безъ работы, что они до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, раздѣлялись на господствующихъ и подчиненныхъ, что Наполеонъ умеръ 5 мая 1821 г. и т. д.» (A. D., p. 81—84). Такъ говоритъ Энгельсъ.

Мы потому не скупились на цитаты изъ этихъ его размышленій, что они, на нашъ взглядъ, заключаютъ въ своей основѣ вполнѣ вѣрную мысль, къ сожалѣнію, мало принимаемую во вниманіе, а еще болѣе потому, что они служатъ яркой иллюстраціей того антагонизма субъективныхъ и объективныхъ, критическихъ и догматическихъ элементовъ, которыми отличается система Маркса...

«Нѣтъ въ исторіи вѣчныхъ истинъ послѣдней инстанціи»—и, однако, «та истина», что философія, религія и политика являются только «надстройкой» надъ экономическимъ фундаментомъ исторіи, кладется, какъ вѣчная истина, въ основу всего построенія.

«Исторія никогда не повторяется», говоритъ Энгельсъ, ссылаясь на примѣръ общины, и, однако, на томъ же примѣрѣ общины Энгельсъ, какъ мы видѣли, стремится доказать, что исторія повторяется и что, въ общемъ, *всѣ* культурныя страны въ той или другой формѣ непремѣнно должны пройти капиталистическій фазисъ развитія, ибо тріадичность движенія есть истина, въ которой Энгельсъ никогда не сомнѣвался, истина послѣдней инстанціи.

«Историческая наука въ состояніи только познать внутреннее соотношеніе общественныхъ и политическихъ формъ, и то лишь тогда, когда для нихъ начинаетъ наступать историческая ночь». И все-таки марксизмъ не отказывается отъ соціальныхъ предсказаній, отъ пророчествъ относительно «внутренняго соотношенія общественныхъ и политическихъ формъ», долженствующихъ замѣнить настоящее. И этимъ пророчествамъ придается характеръ «окончательной истины послѣдней инстанціи».

«Нѣтъ вѣчныхъ истинъ. Историческое познаніе имѣетъ дѣло лишь съ даннымъ временемъ и данными народами». И, тѣмъ не менѣе, на монетномъ дворѣ «марксизма» чеканятся формулы и «законы», которые прилагаются ко всѣмъ народамъ безъ различія.

«Нѣтъ въ исторической наукѣ неизмѣнныхъ истинъ». И не смотря на это, русскій жрецъ марксизма съ апломбомъ увѣряетъ, что историко-философская концепція Маркса—такая же вѣчная истина, какъ открытіе Коперника!

«Кто въ исторіи гоняется за вѣчными истинами, тотъ возвращается домой съ тривіальностями и труизмами самаго худшаго сорта («Plattheiten und Gemeinplätze der ärgsten Art»), въ родѣ того, что *люди не могутъ жить безъ труда*». И не смотря на это, Энгельсъ въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ: «исторія въ первый разъ была поставлена на своемъ дѣйствительномъ основаніи; тотъ осязательный, но до сихъ поръ незамѣченный фактъ, что люди прежде всего должны ѣсть, пить, жить въ жилищахъ и одѣваться, т.-е. *трудиться*, прежде чѣмъ они могутъ бороться за господство, заниматься политикой, религіей, философіей и т. д.,—этотъ осязательный фактъ только теперь (т.-е. въ марксизмѣ), наконецъ, добился своего историческаго права» (Fr. Engels. «Karl Marx». Die Waage, 1877 № 35. S. 550).

Вернемся, однако, къ критикѣ вѣчныхъ истинъ. Еще болѣе характерны слова Энгельса, которыя слѣдуютъ за тѣмъ мѣстомъ, на которомъ мы остановились выше. Онъ даетъ въ нихъ характеристику историко-философскихъ и другихъ гипотезъ, выступающихъ съ претензіей на научную непогрѣшимость,—характеристику, которую не мѣшаетъ запомнить многимъ и многимъ изъ послѣдователей марксизма.

«Замѣчательно,—говоритъ онъ,—что именно въ этой области (т.-е. въ области исторической науки) эти мнимыя вѣчныя истины, эти окончательныя истины послѣдней инстанціи и т. д. выступаютъ наиболѣе часто. Что дважды два—четыре, что птицы имѣютъ клювъ и т. д., лишь тотъ назоветъ вѣчными истинами, кто имѣетъ намѣреніе умозаключать изъ существованія вѣчныхъ истинъ вообще къ существованію и на почвѣ человѣческой исторіи вѣчныхъ истинъ, вѣчной морали, вѣчной справедливости и т. д., истины, которыя имѣютъ подобное же значеніе, какъ воззрѣнія и примѣненія математики. И при этомъ мы можемъ быть увѣрены, что этотъ же самый другъ людей при первомъ удобномъ случаѣ объявитъ намъ, что всѣ прежніе фабриканты вѣчныхъ истинъ были болѣе или менѣе ослы и шарлатаны... но что онъ,.. нынѣ явившійся пророкъ, носитъ съ собою окончательную истину послѣдней инстанціи, вѣчную мораль, вѣчную справедливость готовыми въ карманѣ. Все это уже до того сотни и тысячи разъ было, что приходится удивляться, какъ еще могутъ найтись люди, достаточно легкомысленные для того, чтобъ вѣрить этому не о другихъ, нѣтъ, о самихъ себѣ. И, тѣмъ не менѣе, мы переживаемъ теперь... еще такого

пророка» (дѣло идетъ о Дюрингѣ, но мы, переводя это, думали о русскихъ «марксистахъ»), «который, какъ по писаному, впадаетъ въ высоконравственный гнѣвъ, когда другіе люди не вѣрятъ, чтобы какой-либо единичный человѣкъ былъ въ состояніи доставить окончательную истину послѣдней инстанціи» (ib., S. 84—85).

Мнѣ нечего пояснять, къ кому изъ приверженцевъ современныхъ историко-философскихъ доктринъ эти слова наиболѣе подходятъ, если только исключить изъ нихъ замѣтки о морали и справедливости.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими воззрѣніями Энгельса по вопросу о вѣчныхъ истинахъ. Замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, даже логика и «діалектика», которую онъ разсматриваетъ, какъ особую научную дисциплину, и которой онъ отводитъ особое мѣсто въ своей классификаціи наукъ, не могутъ похвалиться «вѣчными» истинами: оспариваетъ же Дюрингъ истины собственной діалектики, которыя Энгельсъ вмѣстѣ съ другими гегельянцами признаетъ. Жаль только, что бѣдному Дюрингу столько досталось именно за это оспариваніе, и еще болѣе жаль, что полемика противъ него въ этомъ пунктѣ велась въ такомъ тонѣ, какъ будто бы «противорѣчивость всего сущаго» была истиной, обязательной для всѣхъ, «вѣчной истиной послѣдней инстанціи».

Исключая догматическія нотки, такъ мало гармонирующія съ основнымъ тономъ этихъ размышленій Энгельса, мы приходимъ къ заключенію, что чѣмъ больше мы оставляемъ почву непосредственныхъ наблюденій и опытовъ, чѣмъ больше мы прибѣгаемъ къ чистому умозаключенію, тѣмъ болѣе мы должны расходиться во взглядахъ, такъ что, въ концѣ концовъ, во всѣхъ наукахъ,—и чѣмъ менѣе онѣ точны, тѣмъ въ большей степени,—мы находимся посреди гипотезъ, «какъ посреди роя пчелъ».

Чѣмъ же объяснить это явленіе? Гдѣ же найти прочную опору для мысли, прочный критерій для истины? Если собрать всѣ отвѣты на этотъ вопросъ, то мы, пожалуй, опять очутимся «среди гипотезъ, какъ среди роя пчелъ». Самъ Энгельсъ объясняетъ это тѣмъ, что «истина и ложь, какъ и всѣ понятія (Denkbestimmungen), вращающіяся въ полярныхъ противоположностяхъ, имѣютъ абсолютное значеніе только для крайне ограниченной области» и что господствующія понятія о добрѣ и злѣ соотвѣтствуютъ тремъ важнѣйшимъ классамъ общества, которые, въ свою очередь, выростаютъ изъ экономическихъ основъ. Многіе марксисты склонны свести даже и разногласія въ чисто теоретическихъ областяхъ къ тому же классовому расчлененію общества и видѣть въ марксизмѣ— міросозерцаніе, совпадающее съ складомъ мыслей и чувствъ пролетаріата, которому принадлежитъ будущее, и такимъ образомъ, провозгласить и самъ марксизмъ истиной, по крайней мѣрѣ, для рабочаго класса и его друзей въ настоящемъ и для всего человѣчества въ ближайшемъ будущемъ.

Для объясненія многочисленныхъ идейныхъ разногласій намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ тотъ, брошенный мимоходомъ, взглядъ Энгельса, который сводитъ ихъ къ субъективнымъ началамъ организаціи и воспитанія самихъ мыслителей. Говоря о различныхъ школахъ до марксистскаго соціализма, онъ останавливается на томъ фактѣ, что у каждаго изъ основателей этихъ школъ «абсолютная истина, разумъ и справедливость были различны» и что у каждаго «особенный родъ абсолютной истины, разума и справедливости обусловленъ его субъективнымъ разумомъ, обстоятельствами его жизни, мѣрой его познаній и окружавшей его умственной атмосферой» (Denhschulung. AD. S. 4). Если къ этому еще прибавить субъективныя потребности характера и этическаго склада, то перечень факторовъ, вліяющихъ на выработку міросозерцанія, будетъ почти исчерпанъ. Классовыя и сословныя, политическія и религіозныя вліянія войдутъ въ него лишь, какъ спеціальные случаи, которые, какъ и всѣ другіе, будутъ имѣть свое рѣшающее значеніе лишь при прочихъ равныхъ условіяхъ.

Разборъ всѣхъ этихъ условій и ихъ значенія въ дѣлѣ выработки различныхъ міросозерцаній должны стать предметомъ особыхъ тщательныхъ изслѣдованій, на основаніи которыхъ можно будетъ съ нѣкоторой увѣренностью говорить о причинахъ, породившихъ то или другое міровоззрѣніе. Для нашей цѣли важно только отмѣтить тотъ эмпирически наблюдаемый фактъ, что, въ области философіи и наименѣе точныхъ наукъ, чѣмъ оригинальнѣе и самостоятельнѣе умъ («субъективный разсудокъ» Энгельса), тѣмъ менѣе онъ принадлежитъ къ какой-либо опредѣленной школѣ, тѣмъ значительнѣе расходятся его взгляды съ окружающими его ученіями. Въ чемъ мы видимъ самостоятельность ума? Вѣдь только тѣ умы и называются оригинальными, которые прокладываютъ свои самостоятельные пути и болѣе или менѣе радикально порываютъ съ установившимся шаблономъ. Даже въ предѣлахъ самого марксизма, въ области тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ его творцы не высказались опредѣленно и ясно, существуютъ различныя частныя расхожденія во взглядахъ, и марксизмъ Штерна разнится отъ марксизма Меринга, марксизмъ Меринга отъ марксизма Эрнста, марксизмъ Каутскаго отъ марксизма Шмидта и т. д., и т. д. Конечно, всѣ эти расхожденія во взглядахъ только болѣе или менѣе частнаго свойства, и марксисты могутъ съ заслуженной гордостью указывать на единство въ основныхъ взглядахъ, существующее въ ихъ школѣ: никто изъ нихъ не въ состояніи переступить того магическаго круга, который былъ обведенъ вокругъ нихъ авторитетомъ великаго имени...

Правда, имѣются въ исторіи науки случаи, когда нѣсколько самостоятельныхъ умовъ, не зная ничего другъ о другѣ, доходили до одинаковыхъ основныхъ результатовъ и оригинальныхъ взглядовъ. Но это бываетъ, во-первыхъ, очень рѣдко, во-вторыхъ, преимущественно

въ области естественныхъ наукъ. Примѣръ Маркса и Энгельса не можетъ идти въ счетъ: оба они вышли изъ одной и той же философской школы, работали, окруженные одной и той же умственной атмосферой, да и то, тѣ оригинальные выводы, къ которымъ они пришли порознь другъ отъ друга, находятся въ менѣе ясномъ и рѣзкомъ видѣ у ихъ единомышленниковъ того времени. Только взаимная работа этихъ обоихъ крупныхъ умовъ съумѣла наложить неизгладимый отпечатокъ оригинальности на ихъ историко-философскія воззрѣнія и доставить марксизму то исключительное положеніе, которое онъ занялъ въ борьбѣ съ другими конкуррирующими общественными теоріями.

Но сколько нужно совпаденія «счастливыхъ» обстоятельствъ, чтобъ крупный мыслитель *нашихъ* дней, занимающійся философскими и общественными теоріями, самостоятельно дошелъ до марксизма. Болѣе того, даже человѣкъ, который пожелалъ бы теперь совершить тотъ же путь мышленія, какой былъ совершенъ Марксомъ, и пожелалъ бы при этомъ руководствоваться своимъ собственнымъ умомъ, врядъ-ли дошелъ бы до тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошелъ Марксъ. Онъ долженъ былъ бы быть на столько счастливъ, чтобъ, благополучно миновавъ спутанныя дебри гегельянской философіи, находить въ ней истиннымъ именно то, что находилъ Марксъ, и лживымъ то, что отбрасывалъ Марксъ. Попадая въ атмосферу младо-гегельянской мысли, въ этотъ крупный бассейнъ, изъ котораго берутъ свои начала почти всѣ радикальныя ученія нашихъ дней, онъ долженъ былъ бы миновать ту вѣтвь, которая ведетъ отъ братьевъ Бауэровъ къ Штирнеру и далѣе къ Бакунину и Ничше, долженъ обойти тотъ поворотъ, который ведетъ отъ Фейербаха къ Чернышевскому и къ русской школѣ въ соціологіи, а благополучно попадая въ область «истиннаго» соціализма, онъ долженъ изъ соціалистическихъ элементовъ 40-хъ годовъ воспринять и отбросить какъ разъ то, что воспринимали и отбрасывали Марксъ и Энгельсъ, вырабатывавшіе свои воззрѣнія подъ вліяніемъ тогдашнихъ партійныхъ интересовъ, въ пылу полемики противъ тѣхъ или другихъ главарей. Надобно по истинѣ въ сорочкѣ родиться, чтобы, оставаясь самостоятельнымъ и не принимая никакого взгляда на вѣру, создать изъ безчисленныхъ элементовъ философской и объективной мысли какъ разъ такую комбинацію, которая сложилась въ головахъ Маркса и Энгельса, подъ властью опредѣленныхъ историческихъ и индивидуальныхъ психологическихъ вліяній... По совѣсти говоря, ни одинъ изъ марксистовъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, не даетъ намъ повода полагать, что онъ именно и представляетъ собою такую удивительную игру природы. Но еслибъ даже такая игра природы была возможна, то вѣдь трудно допустить, чтобы она до того не въ мѣру расшалилась, что произвела на свѣтъ не одно, а цѣлые десятки такихъ восьмыхъ чудъ. Вѣроятнѣе всего, что большинство марксистовъ руководствуется въ своихъ воззрѣніяхъ не критически самостоятель-

нымъ разборомъ всѣхъ отдѣльныхъ положеній, приведшихъ къ марксистскимъ результатамъ, и еще менѣе индуктивной ихъ провѣркой, потому что марксизмъ, какъ мы видѣли, даже не установилъ еще окончательно, что ему надо индуктивно провѣрять. Оно руководствуется, какъ и большинство послѣдователей всѣхъ другихъ философскихъ и общественныхъ теорій, идущихъ durch Dick und Dünn за своими вожаками, то авторитетомъ великаго имени, то неясно сознанными потребностями и инстинктами чисто субъективнаго характера, то всесильной модой, то, наконецъ, разсчетами и соображеніями, ничего общаго не имѣющими съ объективнымъ служеніемъ чистой истинѣ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибъ большинство это въ самомъ дѣлѣ было въ состояніи критически относиться къ разнымъ символамъ вѣры и еслибъ оно въ самомъ дѣлѣ захотѣло добиваться объективно-научнаго обоснованія своей практической дѣятельности, то оно скоро пришло бы къ тому убѣжденію, что и въ области дедукціи, въ современной исторіи философіи и въ тѣсно связанной съ ней философіи, сколько самостоятельныхъ головъ, столько и умовъ и что людямъ, думающимъ жить не обособленной сектой, а цѣлой общественной партіей, желающей быть представительницей прогрессивной мысли и объединить подъ своимъ знаменемъ все, что мыслитъ и чувствуетъ по человѣчески, что такимъ людямъ, говорю я, врядъ-ли можно надѣяться на единство историко-философскихъ и философскихъ воззрѣній въ своей средѣ.

Но если это такъ, то опять-таки спрашивается, цѣлесообразно-ли вообще для общественной группы основывать свои цѣли и стремленія на томъ или другомъ историко-философскомъ воззрѣніи, объективная провѣрка котораго либо вообще превышаетъ силы многихъ поколѣній, либо поневолѣ приводитъ къ цѣлому «рою гипотезъ»? Зачѣмъ опутывать свою дѣятельность сѣтью философскихъ построеній, гдѣ каждая петля можетъ стать гнѣздомъ разногласій? Не цѣлесообразнѣе-ли согласиться съ тѣми релятивистами, которые, подобно Гёффдингу, утверждаютъ, что «научное обоснованіе возможно только въ предѣлахъ одного и того же круга цѣлей, а постановка самыхъ цѣлей выходитъ за предѣлы философской этики»? Не лучше-ли искать единства общественной дѣятельности въ единствѣ *цѣлей* и *средствъ*, которыя сама жизнь выдвигаетъ для обширныхъ группъ людей, а не въ единствѣ теоретическихъ воззрѣній, гдѣ всякъ молодецъ на свой образецъ? Не лучше ли объявить марксизмъ, какъ и всякія другія философскія и историко-философскія построенія, *частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ людей*, такимъ же частнымъ дѣломъ, какъ и вопросы исповѣданій, которые даже у нѣмецкихъ марксистовъ пользуются законной терпимостью? Не лучше-ли оставить вопросы о монизмѣ и дуализмѣ, о діалектикѣ и эклектикѣ для собственнаго индивидуальнаго обихода и заняться эмпирической разработкой общественныхъ нуждъ и общественныхъ задачъ?

Послѣ столькихъ сотенъ лѣтъ слѣпой исторической дѣятельности человѣчества не должны-ли мы съ радостью привѣтствовать и тотъ поневолѣ слабый свѣтъ, который даетъ намъ современное соціологическое знаніе, опирающееся, главнымъ образомъ, на изученіе общественной статики, а не исторической динамики, и которое имѣетъ смыслъ только въ примѣненіи къ «субъективнымъ» цѣлямъ? Не принуждены-ли мы принять научность какого-либо общественнаго идеала въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы придаемъ научности техническихъ и всякихъ другихъ *практическихъ* идеаловъ? Не оставить-ли «объективно-научное» обоснованіе нашей общественной практической дѣятельности,—которое для насъ поневолѣ является полнѣйшей иллюзіей,—для нашихъ болѣе счастливыхъ потомковъ?

Вотъ вопросы, къ которымъ привелъ насъ анализъ нашей темы и надъ которыми не мѣшаетъ остановиться современной общественной мысли.

П. Г.

ЖЕНЕВСКІЙ КОНГРЕССЪ УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГІИ.

(Письмо изъ Женевы).

24-го августа, въ 10 ч. утра, въ актовой залѣ Женевскаго университета торжественно открытъ былъ IV конгрессъ уголовной антропологіи, на который собралось свыше 100 человѣкъ знаменитыхъ ученыхъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ криминалистовъ. Въ числѣ делегатовъ находились шесть дамъ, въ томъ числѣ г-жа П. Н. Тарновская. Занятія конгресса отличались обильнымъ и разнообразнымъ матерьяломъ и по характеру затронутыхъ вопросовъ представляютъ интересъ не для однихъ спеціалистовъ. Для насъ же, русскихъ, конгрессъ этотъ имѣетъ еще и тотъ интересъ, что наши делегаты (въ числѣ которыхъ находились профессора Л. М. Лопатинъ, С. С. Корсаковъ, В. М. Тарновскій, И. Я. Фойницкій, В. Ѳ. Чижъ, д-ра В. Г. Дехтеревъ, И. А. Маляревскій, П. Я. Розенбахъ; юристы г.г. Закревскій, Зубовъ и др.) принимали въ немъ весьма дѣятельное участіе.

Первая привѣтственная рѣчь конгрессу произнесена была Лашеналемъ, президентомъ швейцарской федераціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнымъ предсѣдателемъ организаціоннаго комитета конгресса. Давъ историческій очеркъ работъ предшествовавшихъ конгрессовъ въ Римѣ, Парижѣ и Брюсселѣ, Лашеналь перешелъ къ предстоящей работѣ послѣдователей молодой, но уже давшей цѣлыя сокровища наблюденій наукѣ, къ предстоящей «мирной битвѣ на почвѣ животрепещущихъ проблемъ преступности».

«Никто не можетъ предвидѣть послѣдняго слова этой науки, но мы знаемъ, что вы мыслите широко и, если научная истина не царитъ исключительно въ вашихъ доктринахъ, мы увѣрены, что общая сумма вашихъ открытій и изслѣдованій дополнитъ истину... Вашъ трудъ, однако, не ограничивается одними открытіями въ области біологіи и теоретическими соображеніями; онъ затрогиваетъ тотъ пунктъ, на которомъ можетъ быть основана соціальная защита противъ порока и преступленія. Вы выкраиваете, дѣло законодателя—сшивать... Общество и государства, парламенты и народы должны теперь создать уголовную организацію, которая, не смѣшивая тюрьмы съ пріютомъ, съумѣла бы сдѣлать изъ нея столько же нравственную клинику, сколько и карательное заведеніе, и, наконецъ, не колеблясь исключала бы изъ соціальной жизни элементы, опасные для человѣчества.

Таковы должны быть горячія желанія людей и націй; таково желаніе и Швейцаріи, счастливой тѣмъ, что на почвѣ ея собрались работники и апостолы благородной мысли, во имя которой я горжусь выпавшимъ на меня полномочіемъ привѣтствовать васъ и отъ души сказать вамъ «добро пожаловать!»

Послѣ этой рѣчи Лашеналя, делегатовъ привѣтствовалъ членъ

правит. совѣта женевскаго кантона, Дюнанъ, который, упомянувъ о сложности и обширности предстоящихъ работъ, между прочимъ, сказалъ:

«Между двумя крайними теоріями, изъ которыхъ одна хочетъ всегда наказывать, другая же въ каждомъ преступникѣ ищетъ душевнобольного, существуетъ глубокая пропасть и, въ то же время, гамма разнообразныхъ переходныхъ оттѣнковъ... Можетъ быть, истина заключается именно въ золотой между ними серединѣ, можетъ быть, ее надо искать внѣ ихъ... Но, вмѣсто того, чтобы искать абсолютнаго рѣшенія задачи, устанавливать единую теорію, непреклонную и ко всему примѣнимую, не лучше-ли изучать каждый частный случай и разсматривать обнаруженныя явленія согласно принципамъ этой науки, гдѣ право и медицина идутъ рука объ руку?

«Господа, ваша задача и благородна, и прекрасна. Вы стараетесь приблизиться къ истинѣ, освѣщая свой путь факелами правосудія, гуманности, равенства и науки. Вы хотите защищать общество, карать въ предѣлахъ необходимости и въ особенности заботиться о людяхъ, морализовать ихъ и возвышать... Хорошо, господа, что въ подобныхъ вопросахъ мы не знаемъ ни національностей, ни пограничныхъ линій... Всѣ цивилизованные народы, а ихъ выдающіеся представители въ особенности, должны принять близко къ сердцу разрѣшеніе этихъ проблемъ».

Послѣднюю торжественную рѣчь, отъ имени женевскаго муниципалитета, произнесъ инженеръ Th. Turrettini, между прочимъ, сказавшій:

«Можетъ показаться страннымъ фактъ, что передъ столь ученымъ собраніемъ говоритъ профанъ, простой инженеръ. Человѣку, призванному управлять рабочими и имѣть дѣло съ людьми скорѣе здоровыми, чѣмъ съ больными, трудно выработать опредѣленные взгляды на вопросы, которые будутъ здѣсь обсуждаться. Да будетъ, однако, позволено мнѣ сказать, что если теорія о существованіи врожденныхъ преступниковъ, противъ которой боролись на первыхъ конгрессахъ и которая, навѣрное, и здѣсь будетъ оспариваться, возьметъ верхъ, наша задача станетъ значительно труднѣе, такъ какъ тогда придется признать и врожденныхъ лѣнтяевъ и примѣнять идеи врожденности ко всѣмъ людскимъ недостаткамъ... Это будетъ равносильно признанію фатализма и отступленію передъ прогрессомъ, составляющимъ превосходство западнаго міра надъ восточнымъ» (апплодисменты). Ораторъ недавно читалъ книгу, гдѣ развивается идея о томъ, что герой есть субъектъ, дѣйствующій безсознательно, не видя опасности. «Если доктрина эта распространится, если народъ Швейцаріи признаетъ, что Винкельридъ бросился на копья своихъ враговъ въ безсознательномъ состояніи, если мы откажемся отъ всѣхъ славныхъ воспоминаній,—мы пойдемъ назадъ».—«Инженеры привыкли обращаться съ цифрами и формулами, которыя приводятъ лишь къ точнымъ рѣшеніямъ; къ формуламъ же антропологіи это непримѣнимо, такъ какъ ихъ основные элементы, физическій и физіологическій, не могутъ претендовать на абсолютное значеніе. Все, что мы можемъ пожелать, это—чтобы собранія, подобныя настоящему, давали результаты, содѣйствующіе прогрессу человѣчества».

Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, конгрессъ избралъ своимъ президентомъ психіатра Ладамъ, бывшаго почетнаго президента конгрессовъ Парижскаго и Брюссельскаго. Ладамъ въ своей первой рѣчи, между прочимъ, сказалъ нѣсколько словъ о принципахъ, которыми руководствовались при выработкѣ программы занятій настоящаго конгресса. Послѣ борьбы на первыхъ двухъ конгрессахъ по вопросу о врожденной преступности, на конгрессѣ въ Брюсселѣ состоялось сближеніе между юристами и медиками, метафизиками и позитивистами, на почвѣ научнаго

наблюденія явленій, послѣ чего признано было возможнымъ дать Женевскому конгрессу болѣе практическій характеръ, поставивъ на первомъ планѣ вопросы относительно юридической примѣнимости уголовной антропологіи.

Послѣобѣденное засѣданіе, начавшееся въ 2 часа дня, подъ предсѣдательствомъ д-ра Госсэ, открылось столько же интересными, сколько неожиданными для конгресса дебатами между представителями итальянской школы, знаменитымъ авторомъ книги «Uomo deliquente» профессоромъ Ломброзо и Ферри, съ одной стороны, и противниками этой школы—съ другой. Какъ извѣстно, итальянская школа признаетъ существованіе особаго типа «врожденнаго преступника», обладающаго извѣстными анатомическими признаками, и противъ этой теоріи на предшествовавшихъ конгрессахъ сдѣлано было много существенныхъ возраженій.

Дебаты начались, благодаря сообщенію проф. Ломброзо относительно «Исторіи уголовной антропологіи и соціологіи, начиная съ 1890 года». Хотя въ этомъ сообщеніи итальянскій ученый и не защищалъ своей теоріи, но д-ръ Некэ, изъ Лейпцига, и проф. Далеманъ, изъ Брюсселя, увидѣли въ рѣчи проф. Ломброзо попытку новаго подтвержденія теоріи, отъ которой, какъ казалось, отчасти отказался самъ Ломброзо, и сочли долгомъ выступить на трибунѣ, первый для того, чтобы заявить, что, на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ Германіи, онъ безусловно отрицаетъ существованіе врожденныхъ преступниковъ, второй—чтобы спросить проф. Ломброзо—упорствуетъ-ли онъ въ своемъ утвержденіи о существованіи преступнаго анатомическаго типа. Этотъ вопросъ вызвалъ весьма оживленные дебаты, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ названныхъ уже ораторовъ, гг. Форель, ученый аліенистъ изъ Цюриха, д-ръ Дехтеревъ и Ферри, одинъ изъ выдающихся послѣдователей Ломброзо. Дебаты эти не могли имѣть практическихъ результатовъ, уже потому, что, какъ заявили обѣ стороны, на почвѣ научныхъ убѣжденій не можетъ болѣе компромиссовъ; тѣмъ не менѣе, собраніе съ очевиднымъ удовлетвореніемъ выслушало заявленіе Ферри о томъ, что, говоря о врожденномъ преступникѣ, итальянская школа не видитъ въ немъ исключительно анатомическаго типа; преступникъ есть личность сложная, одновременно біологическая, психологическая и соціальная. Преступность же является равнодѣйствующей трехъ факторовъ: антропологическаго, физической среды и среды соціальной. Человѣкъ можетъ родиться съ клеймомъ преступности и умереть, не совершивъ ни одного преступленія, если окружающая среда оказываетъ противодѣйствіе его физіологической тенденціи, и наоборотъ, въ унаслѣдованномъ имъ прошломъ человѣкъ можетъ найти силу для сопротивленія вліянію среды. Проф. Далеманъ примирился съ этими заключеніями Ферри, замѣтивъ, однако, что они не гармонируютъ съ первоначальной теоріей итальянцевъ.

Конецъ засѣданія 24-го августа посвященъ докладамъ, не имѣющимъ общаго интереса. Во вторникъ, 25-го августа, конгрессомъ было выслушано сообщеніе проф. Далеманя «О вырожденіи и преступности», въ которомъ лекторъ старался освѣтить неясное еще понятіе о вырожденіи. Современныя антропологическія школы охотно дѣлятъ человѣчество на двѣ категоріи: людей нормальныхъ и выродившихся; но что такое вырожденіе? По мнѣнію проф. Далеманя, выраженіе это есть лишь абстрактная формула, охватывающая различные біологическіе процессы, общій характеръ которыхъ состоитъ въ постепенномъ уничтоженіи индивидуума, или рода и которые совершаются подъ вліяніемъ индивидуальныхъ и соціальныхъ факторовъ. Вырождающіеся индивиды представляютъ различныя степени вырожденія, начиная съ несовершенствъ организаціи, проявляющихся лишь по временамъ и способныхъ возвратиться къ равновѣсію, и кончая очевидными и стойкими дегенераціями. Всѣхъ людей этой категоріи можно раздѣлить на колеблющихся, потерявшихъ равновѣсіе, вырождающихся и выродившихся. Всѣ они въ большей или меньшей степени отклоняются отъ нормальнаго состоянія, характеризуемаго равновѣсіемъ человѣческихъ потребностей. Вырожденіе выражается признаками, которые Далеманемъ раздѣляются на анатомическіе, біологическіе и соціологическіе; эти послѣдніе заключаются въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми субъектъ приноравливается къ окружающей средѣ.

Преступность, какъ и вырожденіе, есть абстракція, символическая формула, предполагающая опредѣленное предрасположеніе. Въ общемъ, криминалисты сходятся въ раздѣленіи преступниковъ на категоріи, смотря по степени предрасположенія. Если оно достигаетъ maximum'а, мы имѣемъ передъ собою преступника врожденнаго, инстинктивнаго, профессіональнаго; при minimum'ѣ предрасположенія — человѣкъ совершаетъ преступленіе случайно, подъ вліяніемъ страсти, по необходимости, по заблужденію.

Каково же отношеніе между преступностью и вырожденіемъ? На этотъ вопросъ предлагалось много отвѣтовъ. Были попытки отожествить оба понятія, хотѣли опредѣлить нѣкоторыхъ преступниковъ при помощи типовъ вырожденія; находили, что вырожденіе есть факторъ преступности, что первое подготовляетъ вторую: думали въ преступленіи видѣть клеймо вырожденія, называя всѣхъ преступниковъ—выродившимися; наконецъ старались опредѣлить пропорцію выродившихся среди преступниковъ и классифицировать первыхъ съ точки зрѣнія ихъ преступности.

По мнѣнію Далеманя, всѣ эти рѣшенія неудовлетворительны. Абсолютное отношеніе между вырожденіемъ и преступностью опредѣлить нельзя, по причинѣ абстрактнаго и непостояннаго характера этихъ понятій. Только частные случаи даютъ намъ реальную индивидуальность, а потому возможно ставить лишь вопросы: каковы въ *данномъ*

преступникѣ продолжительность, значеніе и дѣйствительность предрасположенія къ вырожденію, и какимъ образомъ слѣдуетъ опредѣлять склонность къ преступленію въ данномъ вырожденномъ индивидуумѣ? Въ заключеніе Далеманъ пытался примѣнить эти принципы не только къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, но и къ опредѣленнымъ группамъ таковыхъ. Онъ утверждаетъ, что абсолютные идіоты не склонны къ преступленію, потому что вырожденіе повело уже къ разрушенію у нихъ дѣятельныхъ стремленій. У многихъ же слабоумныхъ, напротивъ того, вырожденіе, разрушивъ интеллектъ, но оставивъ инстинктивныя побужденія, имѣетъ слѣдствіемъ усиленное предрасположеніе къ преступленію.

Въ заключеніе Далеманъ полагаетъ, что хотя вырождаемость и преступность эволюціонируютъ, но мы имѣемъ возможность поставить ихъ въ опредѣленныя границы. Пусть врачи и юристы изучаютъ причины и средства исправленія, каждый въ предѣлахъ своей компетентности, и да соединятся ихъ усилія для пользы общества.

Съ заключеніями Далеманя, повидимому, согласилось все собраніе, и дебаты по его докладу были непродолжительны.

Докладъ Энрико Ферри (депутата и профессора права въ римскомъ университетѣ), подъ заглавіемъ «Темпераментъ и преступность», открылъ уже въ другой формѣ дебаты по вопросу о врожденной преступности.

Почтенный депутатъ является одной изъ дѣятельнѣйшихъ и замѣчательныхъ личностей конгресса. Молодой, высокій и худощавый, съ черной бородой, орлинымъ профилемъ, съ энергичными жестами, онъ говорилъ по-французски легко и красиво.

Работа Э. Ферри имѣетъ цѣлью направить антропологическія изслѣдованія на новую дорогу, такъ какъ, въ видѣ реакціи идеямъ метафизическимъ, въ началѣ они были чисто анатомическими; съ нѣкоторыхъ поръ наблюдается, однако, рѣшительный поворотъ къ точкамъ зрѣнія синтетическимъ, доказательствомъ чему служатъ многочисленныя работы въ областяхъ психо-физіологіи и уголовной психологіи. Изучаютъ темпераментъ, характеръ, типъ, но всегда у изолированныхъ индивидуумовъ. Э. Ферри предлагаетъ расширить этотъ кругозоръ и приглашаетъ своихъ коллегъ производить наблюденія надъ темпераментомъ преступника, помѣстивъ его въ соціальную среду, гдѣ онъ жилъ. Въ дѣйствительности только въ обществѣ высказываются «моральныя реакціи». Робинзонъ на своемъ островѣ не могъ быть ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ...

Не описывая детально «преступный темпераментъ», Э. Ферри опредѣляетъ его, какъ біо-психологическую личность, которая не можетъ перенести настоящихъ условій соціальнаго существованія и уступаетъ импульсивности нервной системы, вырождающейся, благодаря физіологическимъ или физическимъ недостаткамъ, или же потерявшей равновѣсіе, благодаря фанатизму или моноидеизму. Онъ поясняетъ это опре-

дѣленіе слѣдующими соображеніями, заключающими идею объ абсолютномъ физіологическомъ детерминизмѣ, составляющемъ основной тезисъ «позитивной» школы:

«Преступленіе есть всегда антисоціальный актъ, такъ какъ оно нарушаетъ условія существованія коллективной группы, въ данный моментъ ея развитія. Но преступленіе можетъ поколебать настоящее равновѣсіе соціальной жизни, воспроизводя атавическія формы борьбы за жизнь, или стремясь упредить новыя и болѣе возвышенныя формы существованія человѣчества. Вотъ почему надо освободить выраженіе «преступленіе», «преступникъ» отъ чувства ненависти и презрѣнія. Извѣстныя уже различія—«преступленія общія и политическія» или «соціальныя», «преступность атавическая», «преступность интеллектуальная»,—имѣютъ отчасти отношенія къ различію между антисоціальнымъ актомъ, нарушающимъ настоящее путемъ воспроизведенія старыхъ фазисовъ соціальной эволюціи (убійство, воровство, насиліе) и антисоціальнымъ актомъ, нарушающимъ настоящее ради будущаго соціальной эволюціи (возстанія, волненія, стачки)».

Утвержденіе о существованіи спеціальнаго «преступнаго темперамента», доступнаго изученію, не могло не вызвать возраженія. Г-нъ Закревскій, сенаторъ и бывшій прокуроръ Петербургской суд. палаты, во имя логики, протестовалъ противъ ассоціаціи біо-психологическаго понятія темперамента съ соціологическимъ понятіемъ преступленія. Актъ, разсматриваемый какъ преступленіе, подъ вліяніемъ извѣстной цивилизаціи, не будетъ преступленіемъ при существованіи другой цивилизаціи. «Мы возвращаемся къ спору о врожденной преступности, не претендуя на примиреніе за счетъ тѣхъ, кто увѣренъ въ истинѣ своей. Развѣ нельзя избрать почву для изученія, на которой сошлись бы обѣ стороны? Будемъ говорить о темпераментѣ порочныхъ, но не преступныхъ». На помощь Э. Ферри приходятъ Форель и Ломброзо и, въ доказательство существованія преступнаго темперамента, цитируютъ случаи ранней преступности, объяснимой только патологіей и наслѣдственностью. Въ одномъ очень характерномъ случаѣ Ломброзо наблюдалъ симптомы эпилепсіи. Д-ръ Дехтеревъ замѣчаетъ, что случаи, цитированные цюрихскимъ аліенистомъ (Форелемъ), служатъ поддержкой его, Дехтерева, тезиса о врожденной преступности у потомковъ алкоголиковъ.

Далеманъ, не придавая значенія синтезу, упрекаетъ Э. Ферри въ произвольномъ созданіи типа, отъ котораго приходится удалиться, дабы вернуться къ изученію частныхъ случаевъ. Преступный темпераментъ, какъ его создалъ Э. Ферри, не болѣе, какъ отсутствіе моральнаго чувства, а, слѣдовательно, болѣзненный феноменъ.

Издатель журнала «Revue de l'hipnotisme», д-ръ Берильонъ, также не признаетъ темпераментовъ, дающихъ происхожденіе пороку или добродѣтели. Итальянскіе криминалисты, по его мнѣнію, постоянно забываютъ о существованіи весьма важнаго фактора—воспитанія, безъ котораго нѣтъ нравственнаго чувства; каково же было воспитаніе тѣхъ юныхъ преступниковъ, о которыхъ здѣсь упоминали? Ораторъ изучалъ

массу дѣтей и пришелъ къ заключенію что порокъ, переданный родителями, не есть порокъ наслѣдственный, а порокъ нравственнаго воспитанія. Даже эпилептики не предрасположены фатально къ преступленію, но плачевно воспитаны, благодаря медикамъ, совѣтующимъ родителямъ не отправлять дѣтей-эпилептиковъ въ школы и не противорѣчить имъ. Воспитаніе должно начинаться съ первыхъ же мѣсяцевъ отъ рожденія. Наблюденія показали д-ру Берильону, что ребенокъ, едва начинающій лепетать, уже понимаетъ волнующіяся вокругъ него чувства.

Д-ръ Дехтеревъ противъ оптимизма Берильона и приводитъ случай маленькой дѣвочки, рожденной алкоголиками, которая въ пять лѣтъ лишена была какого бы то ни было нравственнаго чувства и привязанности и изъ которой никакое воспитаніе не могло сдѣлать нравственное существо.

Въ послѣобѣденномъ засѣданіи конгрессомъ выслушаны были два сообщенія д-ра Берильона: одно—относительно гипнотическаго вбушенія, которое неоднократно практиковалось имъ въ помощь родительскому исправленію и имѣло всегда успѣхъ, и второе—«о необходимости содѣйствовать детатуированію молодыхъ преступниковъ». Многіе молодые, заключенные въ исправительныхъ заведеніяхъ, дѣвушки въ особенности, имѣютъ татуировки, клейма, дѣлающія возвратъ исправляющихся преступниковъ къ честной жизни весьма затруднительнымъ. Большинство изъ нихъ просятъ объ уничтоженіи этихъ клеймъ, для чего при исправительныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ имѣть спеціальнаго детатуера.

Докторъ медицины Тарновская (изъ Петербурга) сообщила конгрессу резюме работы своей «Преступность женщинъ въ Россіи», которая будетъ въ скоромъ времени напечатана. Г-жа Тарновская констатируетъ, что въ Россіи женская преступность относится къ мужской какъ 1 къ 5. Наиболѣе частыми случаями убійства являются убійства или подъ вліяніемъ страсти, или вслѣдствіе супружескихъ распрей (70 случаевъ изъ 160), что объясняется часто невыносимымъ положеніемъ женщины въ семьѣ. Убійства подъ вліяемъ алчности фигурируютъ въ 32 случаяхъ изъ 160, убійства въ дракѣ или въ опьяненіи чрезвычайно рѣдки.

Проф. Ломброзо, весьма лестно отозвавшись о работѣ г-жи Тарновской, проситъ ее дать нѣкоторыя объясненія и получаетъ ихъ немедленно.

M. R. Laschi (изъ Вероны) читаетъ докладъ «О методѣ предупредительнаго воспитанія». Для порочныхъ и нравственно брошенныхъ дѣтей R. Laschi рекомендуетъ воспитательныя заведенія типа англійскихъ промышленныхъ школъ, пріему въ которыя должно предшествовавать психо-физіологическое изслѣдованіе.

Утреннее засѣданіе 26-го августа было чрезвычайно оживленно и разнообразно: отъ драмы—борьбы съ анархіей—конгрессъ перешелъ

къ комедіи мелкихъ преступленій,—къ воровству въ большихъ магазинахъ, и закончилъ фатальной трагедіей наслѣдственнаго алкоголизма, давшаго Ибсену тему для его «Призраковъ».

Сообщеніе Ванъ-Гамеля «Анархизмъ и борьба съ нимъ, съ точки зрѣнія уголовной антропологіи», имѣло слишкомъ жгучій и современный интересъ, и дебаты съ трудомъ удерживались на научной почвѣ, не удаляясь въ запрещенную правилами конгресса область политики.

Криминалисты итальянской школы, исповѣдывающіе передовыя идеи, какъ въ политикѣ, такъ и въ наукѣ, всѣ въ большей или меньшей степени находятся въ контрахъ съ синьоромъ Криспи и не стѣсняются высказывать горькую правду.

Преступленія анархистовъ являются плодами ихъ теоріи; хотя въ наше время едва-ли можетъ быть вопросъ объ обузданіи мнѣній и о созданіи особаго класса еретиковъ, стоящихъ внѣ закона; но теорія эта съ ея отрицательной стороны далеко не мирнаго свойства, ибо покоится не столько на разсужденіяхъ, сколько на эмоціяхъ и впечатлѣніяхъ, толкающихъ ея послѣдователей на путь необузданнаго фанатизма. Ванъ-Гамель заимствуетъ изъ книги Дюбуа «Peril anarchiste» психологическій портретъ анархиста, набросанный соціологомъ M. Hamon'омъ бесѣдовавшимъ со многими анархистами и задававшимъ имъ при этомъ вопросъ: «почему вы сдѣлались анархистомъ?»

Типъ анархиста, по Hamon'у, можетъ быть опредѣленъ такъ: человѣкъ, одержимый мятежнымъ духомъ въ одной или нѣсколькихъ его формахъ (духъ оппозиціи, обсужденія, критики, нововведенія), одаренный сильной любовью къ свободѣ, эгоистъ или индивидуалистъ, обладающій громаднымъ любопытствомъ и живой любознательностью. Къ этому слѣдуетъ добавить чрезвычайно развитую нравственную чувствительность, острое чувство справедливости и сильную склонность къ борьбѣ.

Новѣйшая криминологія основываетъ право наказанія на защитѣ общества. Она принимаетъ во вниманіе прежде всего не преступленіе, а преступника, не актъ самъ по себѣ, а какъ выраженіе преступныхъ намѣреній антисоціальнаго характера. Затѣмъ, для выбора средствъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, она руководится изученіемъ причинъ преступности. Исходя изъ этихъ принциповъ, Ванъ-Гамель и Ломброзо различаютъ среди преступныхъ анархистовъ три категоріи: 1) преступниковъ вульгарныхъ, для которыхъ анархизмъ служитъ лишь прикрытіемъ ихъ низменныхъ намѣреній, 2) невропатовъ и душевнобольныхъ и 3) наиболѣе многочисленный типъ—фанатиковъ.

Установивъ это раздѣленіе, докладчикъ переходитъ къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія такого рода преступленій, раздѣляя ихъ на покушенія, подготовленія къ нимъ и на подстрекательства. Наказаніе за подготовительные акты, фабрикацію,—перевозку и употребленіе взрывчатыхъ веществъ,—безусловно справедливо, потому что эти акты

вполнѣ опредѣленны и доказываютъ опасный характеръ ихъ авторовъ Что касается до подстрекательства, то докладчикъ рекомендуетъ карать не только открытыя, но и тайныя подстрекательства, признавая, однако, всю щекотливость вопроса о доказательствѣ таковыхъ. Принципомъ, который долженъ внушить мѣры предупрежденія и пресѣченія, является непоколебимое рѣшеніе общества защищаться въ своемъ мирномъ развитіи противъ всѣхъ нападеній. Исключая тѣхъ, которыхъ слѣдуетъ заключать въ дома душевно-больныхъ, Ванъ-Гамель рекомендуетъ судить остальныхъ преступниковъ на общемъ основаніи, примѣняя къ нимъ обыкновенныя наказанія, въ томъ числѣ и смертную казнь въ странахъ, гдѣ она существуетъ. Мотивы такого рода преступленій не могутъ сами по себѣ служить извиненіемъ дѣйствій.

Въ заключеніе профессоръ задаетъ себѣ вопросъ: имѣетъ-ли право общество защищаться?.. Оно, во-первыхъ, несовершенно, а во-вторыхъ въ мірѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго. Но мы защищаемъ, отвѣчаетъ онъ, не существующія учрежденія, а мирное развитіе общества, и если мы хотимъ при этомъ имѣть чистую совѣсть, мы должны посвящать всѣ наши силы прогрессивному развитію общества, чтобъ оно было достойно оказываемой ему защиты.

Tripels, адвокатъ изъ Maestrecht'a, во имя юридической совѣсти, протестуетъ противъ квалификаціи анархизма, какъ соціальной теоріи: это—антисоціальная теорія.

Ломброзо, напротивъ того, находитъ докладчика скорѣе слишкомъ строгимъ. Альтруистическія тенденціи у этого рода преступниковъ отличаютъ ихъ отъ другихъ. Ораторъ въ особенности порицаетъ примѣняемые къ нимъ исключительные законы, опасные для самаго дѣла соціальной защиты. Италія дала неопровержимое доказательство этого, создавъ подобные законы для нихъ и примѣняя ихъ затѣмъ къ соціалистамъ, республиканцамъ и ко всѣмъ, состоящимъ въ оппозиціи къ правительству, и тѣмъ способствовала чрезвычайному развитію анархизма. Ломброзо является противникомъ смертной казни и пожизненнаго заключенія. Мы такъ быстро живемъ, говоритъ онъ, что то, что намъ въ данную минуту кажется ужаснымъ преступленіемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ теряетъ значительную часть своей серьезности. Вся Франція апплодировала Гамбеттѣ, амнистировавшему коммунаровъ, а Негусъ Абиссиніи даетъ прекрасный примѣръ европейцамъ, ссылая политическихъ преступниковъ на скалистую гору, откуда имъ запрещается возвращаться. Анархистовъ слѣдуетъ отправлять въ Новую Каледонію, дабы они тамъ цивилизовали дикарей. Врагъ института присяжныхъ вообще, Ломброзо рекомендуетъ предоставить имъ сужденіе политическихъ и религіозныхъ преступленій, такъ какъ въ данномъ случаѣ миссія присяжныхъ заключается въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи данной идеи къ обще-

ственному мнѣнію; только... присяжные должны избираться изъ людей почтенныхъ, напримѣръ, сенаторовъ, депутатовъ и т. п. (Общій смѣхъ).

Гарро, профессоръ уголовнаго права въ Ліонскомъ университетѣ, предлагаетъ антропологамъ слѣдующій вопросъ: «Если, какъ вы говорите, анархисты суть обыкновенные преступники, или душевно-больные, или фанатики, словомъ, люди тѣхъ категорій, на которыхъ не дѣйствуетъ угроза наказанія, то какъ объясните вы, что простое обнародованіе во Франціи закона, примѣняющаго къ такимъ преступленіямъ принципы общаго права, остановило эпидемію покушеній, свидѣтелями которыхъ мы были раньше?»

На вопросъ этотъ отвѣчаетъ Э. Ферри, находящійся всегда настороже, когда нужно защищать новыя теоріи. М. Гарро дѣлаетъ двойную ошибку, отвѣчаетъ онъ: во-1-хъ, опытъ показываетъ, что наказаніе является малозначительнымъ факторомъ варіацій различныхъ категорій преступности. Эпидемія анархизма была горячкой соціальнаго организма, достигшая своего кризиса и ослабѣвшая сама собою. Во-2-хъ, уголовная антропологія никогда не отрицала извѣстнаго дѣйствія угрозы наказанія, даже на душевно-больныхъ: спросите хотя бы директоровъ заведеній для этихъ больныхъ, какъ боятся они душа. Въ общемъ Э. Ферри согласенъ съ заключеніями докладчика, но онъ—рьяный врагъ системы одиночнаго заключенія, которое онъ называетъ «однимъ изъ абсурдовъ XIX вѣка»; трудно изобрѣсти что-либо болѣе безчеловѣчное, какъ эта система, гасящая въ человѣкѣ духъ общенія, единственно способный возвысить его. Ферри заявляетъ себя также противникомъ идеи наказанія за косвенное подстрекательство къ преступленію. Въ теоріи это очень хорошо, но на практикѣ—судьи суть люди, а потому вполнѣ возможны ошибки мнѣній. Въ Италіи законъ противъ анархистовъ и еще болѣе суровый законъ, такъ называемый domicilio coatto, примѣняются только къ соціалистамъ, вѣрующимъ въ развитіе и потому отрицающимъ насиліе. Ораторъ самъ былъ приговоренъ къ наказанію за свои научныя доктрины и политическія мнѣнія. Въ заключеніе Ферри напоминаетъ законодателю, что, если онъ хочетъ поразить какую-нибудь соціальную болѣзнь, его первый долгъ заключается въ примѣненіи не репрессій, а соціальной гигіены, соціальныхъ реформъ.

Тарде, начальникъ статистическаго бюро при министерствѣ юстиціи въ Парижѣ, прочелъ сообщеніе о преступности разныхъ профессій. Согласно его выводамъ, на 10.000 лицъ каждой профессіи приходится преступниковъ: изъ класса земледѣльцевъ—0,84; промышленнаго класса—1,32; коммерческаго—1; либеральныхъ профессій—2,39. Послѣдняя группа, въ свою очередь, распадается: на духовныхъ—0,71 преступниковъ (изъ 10.000); профессоровъ и воспитателей—1,58; медиковъ—1,86; аптекарей — 3,79; артистовъ — 4,02; писателей, журналистовъ и

ученыхъ—4,49; почтовыхъ чиновниковъ—7,45; акушерокъ—8,60; officiers ministériels (нотаріусы, стряпчіе, повѣренные)—*28,13*.

Вопросъ о воровствѣ въ большихъ магазинахъ, составившій тему доклада проф. Лакасаня, конечно, могъ дать мѣсто интереснымъ психологическимъ наблюденіямъ; но дѣло идетъ здѣсь о спеціальномъ явленіи, при извѣстныхъ условіяхъ соціальнаго существованія, и, если этотъ вопросъ предложенъ былъ на обсужденіе конгресса, то лишь съ цѣлью вызвать поддержку практической реформѣ въ законодательномъ и административномъ порядкѣ. Докладчикъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ д-ра Моте (говорившаго послѣ него) и признаетъ, что если большіе магазины являются ежедневно жертвами кражъ, совершаемыхъ, въ общемъ, людьми честными, принадлежащими къ порядочнымъ и нерѣдко богатымъ семействамъ, то вина этого падаетъ отчасти на самые магазины. Эти громадныя выставки богатствъ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ циркулируетъ толпа, гдѣ атмосфера горяча и благоуханна, производятъ на нѣкоторыхъ слабовольныхъ людей (на женщинъ въ особенности: на 800 клептоманокъ приходится лишь 10 клептомановъ) по истинѣ дьявольское искушеніе и волнуютъ воображеніе ихъ до такой степени, что многія клептоманки, спрошенныя о побудительныхъ причинахъ ихъ проступка, отвѣчали: «мнѣ казалось, что все это принадлежитъ мнѣ». Въ общемъ преступники этого рода, если и отвѣтственны, то только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Незначительный, но открытый надзоръ остановитъ руку, готовую совершить проступокъ; и еслибы, вмѣсто практикуемаго теперь тайнаго наблюденія за посѣтителями магазиновъ, при входѣ ихъ стоялъ жандармъ, форма сдѣлала бы свое дѣло, и кражи были бы предупреждены.

Гг. Берильонъ и Моте выражаютъ желаніе, чтобы большіе магазины были обязаны содержать инспекторовъ *въ формѣ* и чтобы имъ были воспрещены такъ называемые «базары», распродажи и т. д. Не слѣдуетъ допускать, чтобы благополучіе этихъ колоссальныхъ предпріятій росло за счетъ общественной нравственности.

Сообщеніе д-ра Legrain, старшаго врача пріюта въ Ville-Evrard, подъ заглавіемъ «Соціальныя послѣдствія алкоголизма съ точки зрѣнія вырожденія, нравственности и преступности», несмотря на его интересъ, заключало въ себѣ уже извѣстные всѣмъ факты, почему мы и не остановимъ на немъ своего вниманія, замѣтивъ лишь, что положенія оратора были поддержаны учеными и криминалистами различныхъ странъ и философскихъ мнѣній. Въ одномъ пунктѣ конгрессъ пришелъ къ единодушному заключенію: «ребенокъ родителей-алкоголиковъ является, если не врожденнымъ преступникомъ, то субъектомъ, предрасположеннымъ къ пороку, вырожденію и сумасшествію». Въ той серіи тезисовъ, которые должны были вотироваться конгрессомъ, Легренъ требовалъ обязательнаго заключенія пьяницъ, обязательнаго антиалкоголическаго воспитанія въ *школѣ*, покровительства со стороны правительствъ обще-

ствамъ воздержанія и, наконецъ, закона, которымъ бы отнималась власть надъ дѣтьми у пьяницъ, и дѣти ихъ отдавались бы подъ покровительство спеціальныхъ обществъ.

Въ вечернемъ засѣданіи 26-го августа слово было предоставлено г. Закревскому, сообщеніе котораго «объ отношеніяхъ права къ уголовной антропологіи» вызвало чрезвычайно оживленные дебаты.

Суть сообщенія нашего юриста—ѣдкое глумленіе надъ Ломброзовской теоріей «врожденныхъ преступниковъ», злая насмѣшка надъ тѣми, кто мнитъ, «будто они открыли новую расу людей, появившихся на свѣтъ исключительно ради совершенія преступленій»... Разъ теорія эта большинствомъ не признана, ораторъ не находитъ никакого raison d'être и для уголовной антропологіи, каковъ бы ни былъ интересъ ея открытій. У этой науки столько же основаній для существованія, сколько у антропологіи добродѣтельной... Опредѣлять границы проступковъ и преступленій, вмѣняемости и невмѣняемости—дѣло законодателя. Легальная психопатологія не можетъ замѣнить судью—медикомъ, и ни одинъ судья не отречется отъ своей власти передъ коммиссіей врачей или собраніемъ соціологовъ.

Соображенія эти, развитыя въ тонѣ насмѣшки, вызвали настоящую бурю въ конгрессѣ. Аббатъ Baets (изъ Бельгіи) первый выступилъ на защиту оскорбленной науки, которую любитъ и отъ которой ждетъ много благъ. Если наука эта не открыла новой расы, то открыла глаза человѣчеству на малоизслѣдованные факты. Г. Закревскій утверждаетъ, что опредѣленіе вмѣняемости и невмѣняемости принадлежитъ исключительно юриспруденціи; но уголовная антропологія была неизбѣжнымъ ея дополненіемъ и освѣтила понятія о вмѣняемости и невмѣняемости.... Этихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ наблюденій, конечно, недостаточно: нужна норма, и г. Закревскій видитъ ее въ законодательствѣ и судьяхъ... Но есть кое-что выше и могущественнѣе — *истина* и необходимый порядокъ, являющійся результатомъ природы вещей, *право природы*. На эту норму человѣкъ не смотритъ абстрактно, однимъ своимъ разумомъ, — онъ смотритъ на нее подъ господствомъ всѣхъ вліяній наслѣдственности и среды, его окружающей; предметомъ же уголовной антропологіи является изученіе человѣка, каковъ онъ есть, поставленнаго, среди всѣхъ соціальныхъ вліяній, передъ правдой и добромъ. Ораторъ высказываетъ пожеланія, чтобы эта наука еще болѣе расширила поле своей дѣятельности и стала изучать человѣка, не только имѣя въ виду законы уголовные, но и гражданскіе, во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, дабы наука эта стала «антропологіей юридическою», а не только уголовною.

Ломброзо, непосредственно атакованный г. Закревскимъ, благодарилъ аббата Beats'а за его краснорѣчивую поддержку и заявилъ, что уголовная антропологія слишкомъ солидно поставлена, чтобы ее могли поколебать атаки, подобныя атакѣ г. Закревскаго.

По мнѣнію проф. Э. Ферри, г. Закревскій обнаружилъ столько же невѣжества въ содержаніи, сколько отсутствія достоинства въ формѣ своего сообщенія.

Если какой-либо судья отказывается принять во вниманіе антропологическія наблюденія, вина, всей своей тяжестью, падаетъ на этого судью-ретрограда; приписывать же такія претензіи всѣмъ юристамъ значитъ наносить имъ оскорбленіе... Не сказалъ-ли, знаменитѣйшій изъ нихъ, Цицеронъ: «A natura hominis est discenda natura juris»?

Конгрессъ горячо апплодировалъ всѣмъ оппонентамъ г. Закревскаго, и послѣднему ничего болѣе не оставалось, какъ нѣсколько успокоить грозу. Съ улыбкой на устахъ, онъ вновь поднялся на трибуну и заявилъ, что его намѣренія были плохо поняты. Если онъ, во имя логики, отрицаетъ существованіе уголовной антропологіи, какъ соціальной науки, то не отрицаетъ интереса и пользы тѣхъ открытій, которыя сгруппированы подъ этимъ именемъ, и отдаетъ полную справедливость талантамъ ея сторонниковъ, въ особенности проф. Ломброзо.

Послѣ этого инцидента, John Guénoud, бывшій директоръ центральной полиціи въ Женевѣ, прочелъ интересный докладъ «о преступности въ Швейцаріи», причемъ оказывается, что эта страна значительно добродѣтельнѣе прочихъ странъ Европы. Засѣданіе 26-го августа закончилось курьезнымъ сообщеніемъ д-ра Обри, изъ Saint-Brienz'a, «о вліяніи прессы на преступность».

Не утверждая, что Каинъ убилъ Авеля подъ вліяніемъ газеты, д-ръ Обри полагаетъ, однако, что чтеніе деталей сенсаціонныхъ преступленій, публикуемыхъ газетами, имѣетъ фатальное вліяніе на лицъ, предрасположенныхъ къ преступленію, можетъ даже вызвать предрасположеніе къ нему и служитъ для неопытныхъ преступниковъ школою, гдѣ они научаются пріемамъ, при совершеніи преступленій, и способамъ избѣгать кары закона. Не предлагая фамусовскихъ мѣръ, д-ръ Обри, однако, рекомендуетъ уничтожить въ ежедневной прессѣ «судебный отдѣлъ». Д-ру Обри никто не отвѣчалъ.

Въ утреннемъ засѣданіи 27-го августа, послѣ продолжительныхъ дебатовъ по вопросу, раздѣляющему философовъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ философія,—о свободѣ воли,—конгрессъ приступилъ къ слушанію доклада нашего соотечественника г. Дрилля: «Основанія и цѣль наказуемой вмѣняемости», прочитаннаго, за отсутствіемъ автора, И. Фойницкимъ.

Г-нъ Дрилль является строгимъ детерминистомъ. Онъ вспоминаетъ, какъ послѣ идеи частнаго возмездія за преступленія и вознагражденія жертвы, постепенно сформировалась идея отвѣтственности преступника, наказанія и искупленія, и какъ затѣмъ въ новыя времена, опираясь на науку, предприняты были изысканія о непосредственныхъ и косвенныхъ факторахъ преступности. Изысканія эти приводятъ къ заключенію (таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе г. Дрилля), что мысли и дѣйствія человѣка

опредѣляются его состояніемъ духа, сущность котораго заключается въ самочувствіи, въ ощущеніи своей индивидуальной личности, въ каждую минуту его существованія.

«Человѣкъ совершаетъ дѣяніе, великодушіе и отвага котораго поражаютъ весь міръ. Строгій анализъ скажетъ вамъ, что такое дѣяніе, какъ бы оно прекрасно и блестяще ни было, само по себѣ, отнюдь, не является истинной заслугой, но лишь слѣдствіемъ состоянія духа, испытаннаго въ данную минуту героемъ, состоянія духа, въ свою очередь, являющагося слѣдствіемъ особенностей личной его структуры и различныхъ состояній, испытанныхъ его личностью. Также и преступныя дѣянія человѣка имѣютъ свой источникъ въ индивидуальныхъ особенностяхъ ощущенія, а особенности эти, съ одной стороны, являются наслѣдственнымъ явленіемъ, а съ другой, результатомъ предшествовавшаго развитія этого человѣка, его личной жизни» и т. д.

Если условія личной жизни человѣка и его предковъ были относительно благопріятны, его личность обнаружитъ стройное развитіе, а въ противномъ случаѣ, онъ будетъ болѣе или менѣе плохо уравновѣшеннымъ, можетъ быть, уродливымъ, чудовищнымъ, предрасположеннымъ къ преступнымъ и порочнымъ дѣяніямъ въ условіяхъ данной среды. Изъ этого Д. Дриль естественно выводитъ заключеніе, что между душевными болѣзнями и преступностью нѣтъ существенной разницы. Дѣянія человѣческія опредѣляются состояніями духа, которыя сами являются равнодѣйствующими среды и наслѣдственности.

Описанному измѣненію воззрѣній должна отвѣчать и аналогичная перемѣна въ нашихъ взглядахъ на основанія и цѣль наказанія. Идеи возмездія, удовлетворенія и устрашенія исчезаютъ и замѣняются здоровыми мѣрами, предназначенными реформировать воспитаніе и воздѣйствовать на природу человѣка. Между содержаніемъ душевно-больного и дѣятельностью карающею разница въ средствахъ и деталяхъ, но не въ принципѣ. Наказаніе слѣдуетъ замѣнить лѣченіемъ.

На обсужденіе доклада назначается три четверти часа. Поэтому дебаты могли быть лишь изложеніемъ принциповъ ораторовъ.

Итальянская школа, по словамъ Ферри, отрицаетъ свободу воли. Она говоритъ: каждый человѣкъ дѣйствуетъ подъ необходимымъ вліяніемъ условій, въ которыхъ находится. Школа не отрицаетъ порока и добродѣтели, но дѣлаетъ изъ нихъ соціальныя понятія, и само общество рѣшаетъ, гдѣ добро и зло, что ему полезно и вредно. Если человѣкъ отвѣтственъ, то не потому, что онъ свободенъ, а потому, что живетъ въ обществѣ, имѣя отъ этого извѣстныя выгоды и будучи поэтому обязаннымъ нести послѣдствія за свои поступки. Необходимость же защиты даетъ обществу право не карать,—такъ какъ судья не можетъ самъ оцѣнить значенія своихъ моральныхъ дѣяній,— а реагировать противъ того, что для него вредно. Этой теоріи противопоставляется та, которая наканунѣ была изложена аббатомъ Baets. Норма, положенная высшимъ разумомъ, есть свобода воли человѣка. Это — единственныя логическія доктрины. Всѣ переходныя теоріи—или не

выдерживаютъ анализа, или измѣняютъ вопросъ. Въ заключеніе ораторъ дѣлаетъ критическій разборъ современной системы наказаній, и ему апплодируютъ даже тѣ, кто не раздѣляетъ его философскихъ принциповъ. Надъ современнымъ правосудіемъ доминируетъ абсурдная идея соразмѣренія наказанія съ преступленіемъ. Въ Италіи дѣло дошло до такихъ тонкихъ математическихъ вычисленій, что человѣка, напр., приговариваютъ къ тюремному заключенію на два года, семь мѣсяцевъ и девять дней.

Г. Закревскій замѣчаетъ, что, такъ называемая, позитивная школа, на самомъ дѣлѣ, является метафизической. Ея утвержденіе, что преступникъ ненормаленъ—лишено всякаго научнаго основанія. Аббатъ Baets замѣчаетъ, что въ сущности существуютъ только двѣ логическія доктрины, и если одной изъ нихъ, детерминизму, онъ, аббатъ, предпочитаетъ идею свободы воли, то это потому, что послѣдняя кажется ему наиболѣе вѣроятной. Она прекрасно объясняетъ человѣка въ самомъ себѣ и въ его соціальныхъ отношеніяхъ. Она покоится въ глубинѣ нашего сознанія, такъ какъ человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ, и сама школа детерминистовъ принуждена признать вѣчную иллюзію нашей свободы. «Если къ этому доктринальному единству,—добавилъ ораторъ, —присоединится подтвержденіе откровенія,—для меня нѣтъ колебаній».

Далеманъ говоритъ о тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ часто находятся медики-юристы передъ старыми понятіями о наказаніи. Судья требуетъ обязательно какой-либо формулы, дабы онъ могъ опредѣлить размѣръ наказанія, и медикъ, не вѣрящій въ свободу воли, долженъ насиловать свои убѣжденія. Другой случай: медикъ констатируетъ скрытую эпилепсію или истерію, и судья, имѣющій право приговора лишь надъ вмѣняемымъ, оправдываетъ преступника и возвращаетъ его обществу... Необходимо найти почву для практическаго соглашенія. Вѣрующіе, какъ и мы, признаютъ возможность улучшенія индивидуума,—возьмемъ же это улучшеніе какъ основаніе и цѣль обузданія. Мы сдѣлаемъ уступки въ нашемъ детерминизмѣ, а вы откажитесь отъ идеи моральнаго принципа наказанія и его необходимости, какъ кары.

Аббатъ de Baets принимаетъ почву практическаго соглашенія, предложенную Далеманемъ и дебаты прекращаются.

28-го августа засѣданіе конгресса, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ г. Закревскаго, принесло миръ и покой послѣ грозы,—и примиренные противники послѣ засѣданія дружно чокались на банкетѣ въ Салевѣ. Случайной причиной примиренія явился докладъ проф. Ломброзо, а дѣйствительной—рѣчь Лежена.

Докладъ Ломброзо «Обращеніе съ преступниками случайными и врожденными, соотвѣтственно ихъ полу, возрасту, типу и т. д.» явился полнымъ изложеніемъ всего того, что можно назвать соціальной профилактикой и карательной терапевтикой новой школы. Надъ преступни-

ками врожденными можно испробовать хирургическое и медицинское лѣченіе: трепанацію черепа, при травматической эпилепсіи, лѣченіе Flechsig'a, гипнотическія внушенія (молодымъ) и т. д. Но это будутъ частные случаи. Лучшимъ средствомъ предупрежденія проявленій врожденной преступности является такъ называемое nourrissonage moral, т.-е. воспитаніе, начинающееся съ первыхъ мѣсяцевъ жизни, въ деревняхъ, на фермахъ, въ колоніяхъ, внѣ какой-либо возможности преступнаго общенія; затѣмъ облегченіе эмиграціи изъ странъ густо населенныхъ въ страны мало населенныя; помѣщеніе молодыхъ преступниковъ въ спеціальные дома, для отдѣленія ихъ отъ неиспорченной молодежи; борьба противъ алкоголизма всѣми средствами, даже при содѣйствіи религіозныхъ и политическихъ ассоціацій, обществъ воздержанія, прессы и т. д. Постепенно развивая свою тему, проф. Ломброзо, въ видѣ мѣръ предупрежденія преступности, ввелъ всѣ нововведенія, которыя мы привыкли понимать подъ названіемъ соціальныхъ реформъ; всѣ мѣры, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе условій существованія человѣка, въ томъ числѣ и участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій и прогрессивный налогъ, въ особенности на завѣщанія—мѣра, предназначенная къ предупрежденію преступленій богачей, такъ какъ богатство, какъ и нищета, имѣетъ свою спеціальную преступность. Наказанія должны варіироваться по возрасту, полу и роду преступниковъ, имѣя всегда въ виду улучшеніе ихъ посредствомъ работы. Работы въ копяхъ, въ колоніяхъ, штрафы, probation system [1])—должны имѣть болѣе широкое примѣненіе, нежели тюрьма, отъ которой вовсе должны быть избавлены преступники по страсти и политическіе, для которыхъ достаточно ссылки, а также женщины, преступленія которыхъ совершаются почти всегда подъ вліяніемъ среды, почему здѣсь достаточно устранить причину внушенія. Вотъ почему старый институтъ монастырей былъ превосходенъ.

Для первыхъ или случайныхъ преступленій ораторъ рекомендуетъ probation system, для рецидивистовъ же—спеціальныя учрежденія съ работою, по возможности, на открытомъ воздухѣ. Въ Англіи и Швейцаріи система эта дала уже прекрасные результаты.

Докладъ этотъ затрогивалъ слишкомъ много темъ, чтобы можно было ожидать основательныхъ дебатовъ. Тѣмъ не менѣе, г. Закревскій оставляетъ свое кресло президента, всходитъ на трибуну и обращается прежде всего къ покровительству президента конгресса, прося свободы выраженія своихъ мнѣній... Просьба эта высказывается въ такомъ тонѣ, что вызываетъ ропотъ конгрессистовъ и принуждаетъ президента Ладама просить г. Закревскаго оставить этотъ тонъ... Казалось, что страсти вновь загорятся, но, къ счастью, все окончилось мирно.

---

[1]) Условное наказаніе, система испытанія въ Англіи.

Послѣ такого вступленія г. Закревскій укоряетъ проф. Ломброзо въ томъ, что онъ пожертвовалъ логикой чувству гуманности. Если существуютъ преступники врожденные, существа, родившіяся исключительно для совершенія преступленій, то существа эти зловредны, и ихъ или надо душить еще въ колыбели, какъ давятъ клоповъ... или отправлять въ вѣчную ссылку на пустынные острова.

На трибуну всходитъ Леженъ, сенаторъ Бельгійскаго королевства, извѣстный дѣятель въ области тюремной реформы и развитія учрежденій, предназначенныхъ къ улучшенію воспитанія. Его тонъ спокойнаго достоинства и чувства мѣры сильно импонируетъ собранію.

Ванъ-Гамель, предсѣдательствовавшій наканунѣ, предложилъ отнести къ будущему конгрессу обсужденіе вопроса о вмѣняемости; Леженъ же рекомендуетъ не дѣлать этого, такъ какъ, по его мнѣнію, это значитъ компрометировать полученные результаты, и перечисляетъ эти послѣдніе, указывая для ихъ практическаго примѣненія почву, на которой могутъ придти къ соглашенію всѣ школы.

«Юристъ старой школы, но озабоченный неотложными интересами человѣчества, явился я сюда искать средствъ борьбы противъ грознаго потока преступности. Я слышалъ Э. Ферри и говорилъ съ нимъ, и на этой почвѣ мы всѣ согласны. Вы принимаете въ соображеніе только соціальную защиту,—я тоже. Мы должны поражать лишь преступленія антисоціальныя. Я признаю также существованіе врожденныхъ преступниковъ и идіотовъ и очень радъ, слыша отъ васъ, что они поддаются излѣченію. Общественное мнѣніе первое время испугано было понятіемъ объ этой расѣ, фатально предназначенной для нарушенія соціальнаго порядка. Сегодня мы можемъ успокоиться—врожденный преступникъ не болѣе, какъ больной и больной излѣчимый... Можетъ быть, его придется трепанировать, но можно его излѣчить и моральными средствами. Протянемъ же другъ другу руки и будемъ работать вмѣстѣ въ этомъ дѣлѣ внушенія, которое осуществляется черезъ посредство воспитанія, а также религіознаго вліянія. Я апплодирую всему, выраженному въ докладѣ Ломброзо. Въ одномъ пунктѣ мы могли бы разойтись—въ вопросѣ основанія для вмѣняемости: Э. Ферри заявилъ себя атеистомъ. Но я не спрашивалъ о вашемъ profession de foi... Оно мнѣ безразлично, разъ мы преслѣдуемъ тѣ же цѣли. Я требую отъ уголовной антропологіи лишь просвѣщенія законодателя и судьи; то, что я называю человѣкомъ вмѣняемымъ, вы называете антисоціальнымъ, и мы всѣ вмѣстѣ признаемъ, что защита составляетъ задачу соціальнаго организма. Зачѣмъ же тогда пытаться проникать въ область метафизическихъ соображеній? Этотъ споръ не имѣетъ raison d'être на практической почвѣ, гдѣ мы всѣ можемъ соединиться».

Прекрасная рѣчь эта, покрытая горячими апплодисментами, имѣла послѣдствіемъ прежде всего появленіе на трибунѣ Э. Ферри, который просилъ извиненія въ своей молодой горячности (отвѣтъ Закревскому наканунѣ), виною которой, между прочимъ, сыновній энтузіазмъ къ его интеллектуальному отцу, проф. Ломброзо. Нетерпимый къ идеямъ, онъ не отличается этимъ качествомъ по отношенію къ личностямъ. Проф. Ломброзо также исповѣдуетъ свои грѣхи: «общество, не знающее силы нашихъ убѣжденій, должно считать насъ за варваровъ; но я не тигръ, я скорѣе кроликъ. Послѣ дебатовъ адвокатъ протягиваетъ руку прокурору; я же люблю своего противника и во время дебатовъ—его оппозиція служитъ мнѣ какъ удары хлыста»...

Отвѣчая непосредственно г. Закревскому, Ломброзо замѣчаетъ, что онъ совсѣмъ не такъ далекъ отъ него, какъ это можно думать. Въ началѣ своей научной дѣятельности Ломброзо считалъ смертную казнь лучшимъ средствомъ соціальной самозащиты и если онъ отказался отъ этой идеи, то потому, что констатировалъ слишкомъ большое число врожденныхъ преступниковъ (35—36%).. Это были бы гекатомбы. Болѣзнь эта имѣетъ различныя степени развитія, и если не половина, то треть врожденныхъ преступниковъ излѣчима.

Наконецъ, какъ многія опасныя растенія могутъ быть сдѣланы безопасными путемъ соединенія ихъ съ другими равно опасными, такъ можетъ обстоять дѣло и съ врожденными преступниками. Они есть вездѣ, даже среди профессоровъ... Но они безопасны и даже полезны, ибо находятъ удовлетвореніе своихъ наклонностей въ другомъ направленіи.

Ломброзо заканчиваетъ хвалебнымъ словомъ въ честь Лежена, который доказалъ, что на почвѣ фактовъ можно осуществить если не согласіе, то гармонію. Далеманъ также поздравляетъ конгрессъ съ тѣмъ, что установилось соглашеніе на практической почвѣ между Ломброзо и Некэ, а также между Ферри и Закревскимъ.

Засѣданіе закрывается и 84 конгрессиста, не смотря на проливной дождь, отправляются въ Салеви на банкетъ, описывать который мы, понятно, не будемъ, упомянувъ лишь, что тосты были многочисленны. Проф. Готье пилъ за здоровье гостей, Ферри за Швейцарію, Ванъ-Гамель за Ломброзо, г. Закревскій за Ферри, Ломброзо въ честь г-жи Тарновской, Зубовъ за прогрессъ уголовной антропологіи, и т. д.

Въ послѣднемъ засѣданіи, 29-го августа, конгрессомъ безъ обсужденія вотированы были слѣдующія предложенія:

1) Forel'я: испрашивается поддержка правительства для борьбы противъ алкоголизма;

2) Zuccardelli: уголовная антропологія рекомендуется университетамъ, какъ предметъ спеціальнаго преподаванія;

3) Д-ра Дехтерева: обсужденіе на будущемъ конгрессѣ вопроса объ одиночномъ заключеніи;

4) Gobred'a: содержаніе въ спеціальныхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ преступниковъ, душевно заболѣвшихъ въ тюрьмѣ,

и 5) Dalifol'я, приглашающаго правительства слѣдовать доктринѣ Песталлоци, относительно исправительныхъ заведеній.

V-й конгрессъ уголовной антропологіи, по рѣшенію настоящаго конгресса, соберется въ 1901 году въ Амстердамѣ или Гаагѣ.

Л. Б.

ЗЕМСКІЕ РАСХОДЫ.

Цѣль настоящаго очерка—представить нѣсколько итоговъ изъ области дѣятельности земскихъ хозяйственныхъ органовъ. Въ основаніе его положены цифры Сводовъ по земскимъ смѣтамъ, составляемыхъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ систематически, съ 1871 года [1]). Въ своей совокупности эти Своды представляютъ изъ себя *единственный* матерьялъ, который стремится характеризовать одну изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни земскихъ учрежденій—почти за полный періодъ существованія послѣднихъ. Но, имѣя такую, принципіально высокую, цѣну, названные Своды стоятъ вообще не на высотѣ задачи. Ихъ коренной недостатокъ заключается въ томъ, что «расходныя» суммы подводятся ими подъ крупныя рубрики, такъ что детальнаго понятія о хозяйственной дѣятельности земствъ они не даютъ. Возьмемъ, напр., «Содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія»; тутъ слиты цифры крайне разнообразныхъ тратъ въ пользу правительства изъ мѣстныхъ средствъ: по содержанію гражданскихъ учрежденій, по организаціи и содержанію арестныхъ помѣщеній и арестантовъ, по содержанію чиновниковъ, на военныя надобности и т. д. Такимъ образомъ, нельзя узнать, въ какой мѣрѣ земство оказываетъ помощь вѣдомствамъ, имѣющимъ собственныя мѣста въ государственной росписи... Затѣмъ, въ рубрикѣ: «содержаніе земскаго управленія» подразумѣваются тоже неодинаковые объекты расходовъ: по содержанію личнаго состава управъ; по организаціи ихъ отдѣловъ—экономическихъ, статистическихъ, страховыхъ, медико-санитарныхъ, ветеринарныхъ и проч., на канцелярскія нужды управъ, по пріобрѣтенію и устройству земскихъ имуществъ, и т. под. Или рубрика подъ заглавіемъ: «Народное здравіе»; ея валовой итогъ не позволяетъ судить, во что обходится организація сельскихъ врачебныхъ пунктовъ, психіатрическихъ лѣчебницъ или колоній и городскихъ больницъ; что пошло на предупрежденіе и пресѣченіе эпидемій или на дѣло улучшенія санитарныхъ условій мѣстности. Подъ рубрикой: «Народное образованіе» находятся, между прочимъ, и земскія суммы для среднихъ и иныхъ учебныхъ заведеній, и по приглашенію инспекторовъ народныхъ училищъ, такъ что остается неизвѣстной величина пособій министерству народнаго просвѣщенія, столь для него необходимыхъ. Наконецъ, въ Сводахъ фигурируетъ

[1]) Нѣтъ лишь изданій по смѣтамъ на 1891 и 1892 гг.

рубрика: «Другіе опредѣленные въ смѣтѣ расходы»,—ровно ничего не выясняющая, ибо объединяетъ номенклатуры самыхъ разнородныхъ тратъ: на мѣры содѣйствія народному труду, по уплатѣ долговъ, на пособіе общеполезнымъ предпріятіямъ, на дѣло предупрежденія пожаровъ, на погашеніе недоимокъ, на изданіе періодическихъ органовъ, по содержанію хлѣбозапасныхъ магазиновъ, и проч., и проч.

Дальнѣйшее несовершенство Сводовъ хозяйственнаго департамента состоитъ въ томъ, что за большинство лѣтъ они не проводятъ дѣленія земскихъ расходовъ и сборовъ на губернскіе и уѣздные, и потому нѣтъ полнаго представленія о роли и значеніи уѣздныхъ и губернскихъ земствъ и ихъ отношеніяхъ между собою. Отсутствуютъ также указанія на размѣръ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ и поступившихъ сборовъ, и приведены лишь смѣтныя предположенія (не считая выпусковъ за 1893 и 1894 годы). Кромѣ того, Своды ничего не говорятъ о тратахъ изъ земскихъ капиталовъ и въ то же время игнорируютъ, повидимому, тѣ суммы расходовъ изъ земскихъ сборовъ, что вносятся управами въ спеціальныя смѣты. На ряду съ фактической неполнотою Сводовъ, нужно упомянуть объ ихъ погрѣшностяхъ, такъ сказать, механическихъ. Конечно, подобнаго рода обширныя и сложныя работы не могутъ быть безукоризненны въ смыслѣ выполненія, но что мѣшаетъ оговаривать замѣченныя ошибки впослѣдствіи? Между тѣмъ изданія департамента избѣгаютъ отдѣла «опечатокъ», почему процессъ разработки ихъ данныхъ представляетъ не мало затрудненій.

Гораздо выше, по качеству, стоитъ одинокій выпускъ департамента окладныхъ сборовъ министерства финансовъ по земскимъ смѣтнымъ расходамъ на 1895 г. Задавшись спеціальной задачей, въ виду пересмотра вопроса о земскихъ повинностяхъ, онъ разработанъ по широкой программѣ, а главное болѣе или менѣе тщательно, хотя и въ немъ встрѣчаются недоразумѣнія.

Ниже намъ придется указывать на неточности въ нашихъ источникахъ. Здѣсь же приведемъ, въ качествѣ иллюстраціи, такую табличку:

Расходы губернскихъ земствъ (въ руб.).

	Рязанская гурернія.		Симбирская губернія.	
	Медицина.	Общ. призрѣніе.	Медицина.	Общ. призрѣніе
Данныя хоз. деп. за 1894 г.	300	69.100	34.700	52.400
Данныя деп. о. сб. за 1895 г.	1.920	200	613	150

Вотъ какіе широкіе розмахи, согласно оффиціальнымъ источникамъ, дѣлаютъ земскія смѣты по одной и той же статьѣ въ два рядомъ стоящіе года. По справкамъ, однако, оказывается, что одно рязанское губернское земство ассигновало на одну медицину около 200.000 рублей![1]).

[1]) См. ниже. Было бы желательно—даже въ интересахъ самихъ составителей,—чтобы изданія по земскимъ смѣтамъ пересылались въ управы, тѣмъ болѣе, что своды берутъ цифры изъ матерьяловъ, доставляемыхъ—хотя бы ex officio—земствами.

Намъ слѣдовало бы приступить теперь къ изложенію полученныхъ результатовъ; но прежде считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя справки по существу земскихъ расходовъ и повинностей въ текущемъ столѣтіи, воспользовавшись, главнымъ образомъ, трудами коммиссіи по пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ, Высочайше утвержденной 31 августа 1893 г. Этой коммиссіи приходится продолжать разрѣшеніе той задачи, настоятельность которой выдвинута еще въ началѣ вѣка. Въ сознаніи тяжести для податныхъ классовъ господствовавшей системы повинностей, именнымъ указомъ 24 іюля 1802 г. было объявлено о намѣреніи составить общее положеніе о земскихъ повинностяхъ. «Узнавъ изъ опыта,—говорилось въ указѣ,—что взимаемые съ обывателей городовъ, поселянъ и помѣщиковъ—на устройство дорогъ, содержаніе почтъ и на исправленіе прочихъ городскихъ и земскихъ повинностей—сборы не столь тягостны бываютъ сами по себѣ, сколько по разнообразію ихъ сроковъ, по неуравнительной раскладкѣ, а часто по произвольному ихъ взысканію,—и желая приведеніемъ ихъ въ единообразное положеніе и общую извѣстность пресѣчь, по возможности, безотчетное ихъ употребленіе,— мы признали нужнымъ, чтобы правительствующій сенатъ, обративъ на сіе особенное вниманіе, занялся средствами привести сію часть народной повинности въ надлежащую ясность и опредѣленность».

Въ ожиданіи новыхъ правилъ (явившихся 50 лѣтъ спустя), 5 мая 1805 г. вышло «Предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ». Для насъ это положеніе интересно въ той его части, гдѣ предметы расходовъ и необходимые для покрытія ихъ сборы оно опредѣляетъ особыми для каждой губерніи смѣтами и раскладками. Смѣты земскія составляются на трехлѣтія коллегіальнымъ присутствіемъ изъ губернатора, вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства и депутата отъ городского общества; потомъ онѣ представляются дворянскому собранію, которое, совмѣстно съ депутатами отъ купечества, лишь производитъ раскладку, нужную для покрытія смѣтныхъ расходовъ, но не въ правѣ вносить сюда никакихъ измѣненій.

Какъ видно, усмотрѣнію администраціи назначать количество и даже категоріи расходовъ не было положено границъ. Вѣроятно, на практикѣ это оказалось не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ указомъ 14 іюня 1816 г. запрещается относить на земскія средства новые виды расходовъ, а мѣстныя власти лишаются права утвержденія земскихъ смѣтъ и раскладокъ, что поручается компетенціи государственнаго совѣта.

Вообще, законодательство начала вѣка крайне несовершенно, въ смыслѣ уясненія понятія о земскихъ расходахъ и повинностяхъ: на земскіе сборы оно постепенно перелагаетъ расходы, носившіе общегосударственный или, во всякомъ случаѣ, не земскій характеръ. Такъ, въ 1805 г. расходы по содержанію почтъ, разложенные пять лѣтъ назадъ на все податное населеніе, приказано покрывать изъ земскихъ сборовъ, не считая почтовой натуральной повинности, отбывавшейся съ эпохи царя Алексѣя Ми-

хайловича сословіемъ ямщиковъ. На мѣстныя средства переходитъ также содержаніе многихъ казенныхъ путей, лежавшее прежде на казнѣ.

Мало-по-малу, далѣе, на земство перекладываются расходы по гражданскому управленію; оно обязывается: строить и содержать казенныя зданія; содержать земскую полицію, выдавать деньги разнымъ чиновникамъ, содержать дополнительный штатъ государственной канцеляріи министерства финансовъ, казенныхъ палатъ и казначействъ; содержать канцеляріи секретарей губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетовъ; имѣть при земскихъ судахъ подводы и низшихъ служащихъ; отапливать и ремонтировать дома губернаторовъ; выписывать губернскія и сенатскія вѣдомости для земскихъ судовъ, церковныя вѣдомости для сельскихъ приходовъ и приставовъ, и т. д.

Въ особенности расширяются земскія траты по арестантской части; земству поручается: содержаніе тюремъ и этаповъ, содержаніе этапныхъ командъ и арестантовъ, содержаніе арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства и исправительныхъ отдѣленій при гарнизонныхъ и линейныхъ батальонахъ. Даже расходы по совершенію казни надъ преступниками и по вспомоществованію ихъ семьямъ переходятъ на земскія средства.

Много послѣднихъ уходило и на удовлетвореніе повинностей воинскихъ, которыя къ 1851 г. сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: устройство и содержаніе казармъ для солдатъ; наемъ земель подъ лагери, маневры и пастбища; содержаніе помѣщеній, занимаемыхъ батальонами военныхъ кантонистовъ; устройство и ремонтъ гауптвахтъ, платформъ, шлагбаумовъ и карауленъ по постамъ, конюшенъ и манежей для корпуса внутренней стражи и жандармовъ, и проч., и проч.

Всѣ подобные расходы земскими могли бы быть названы лишь потому, что относились на земство, но вовсе не по какому-либо иному признаку. Само правительство не скрывало этого и часто указывало, что мотивомъ переложенія не земскихъ расходовъ на земство служитъ *затруднительность государственнаго казначейства*. Относительно нѣкоторыхъ расходовъ прямо заявлялось, что они поручаются земству лишь *временно*, впредь до изысканія подходящаго источника ихъ удовлетворенія; но такого источника обыкновенно не находилось, и временный расходъ превращался въ постоянный.

Что же касается издержекъ собственно на мѣстныя нужды, то въ первой половинѣ вѣка ихъ насчитывалось три категоріи: по оспопрививанію, по содержанію случныхъ конюшенъ и по истребленію волковъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что податное населеніе, на которое падало все бремя расходовъ, принуждено было отбывать различныя повинности еще натурой; при этомъ реализація натуральной повинности на денежную строго ограждалась со стороны формальной: каждый актъ ея могъ состояться лишь при наличности Высочайшаго соизволенія и общаго желанія жителей.

Ненормальность системы земскихъ повинностей была слишкомъ очевидна для того, чтобы не обращать на себя вниманія; однако, попытки для устраненія такой ненормальности не всегда имѣли успѣхъ. Первый комитетъ для выработки мѣръ ради урегулированія земскихъ повинностей явился въ 1805 г.; просуществовавъ пять лѣтъ, онъ представилъ свои работы государственной канцеляріи, гдѣ тѣ пролежали до 1816 г. Въ этомъ году образуется новый комитетъ изъ сенаторовъ; его проектъ, составлявшійся четыре года, былъ внесенъ на разсмотрѣніе министровъ; но, такъ какъ послѣдніе до 1825 г. разсмотрѣть его не успѣли,—сформировывается новый комитетъ, проектъ котораго оставался безъ движенія пятнадцать лѣтъ. Въ 1843 г. назначается новый комитетъ, но его положенія не приняты государственнымъ совѣтомъ. Заключительный комитетъ образуется въ 1845 г.

Наконецъ, 13 іюля 1851 г. были изданы правила о земскихъ повинностяхъ, систематизировавшія наличный законодательный матерьялъ, но не внесшія туда никакихъ принципіальныхъ измѣненій,—правила, дѣйствующія и понынѣ въ такъ называемыхъ неземскихъ губерніяхъ, съ несущественными варіаціями.

Положеніе 1851 г. довольно характерно: хотя оно и дѣлитъ земскія повинности на государственныя и мѣстныя, но къ тѣмъ и къ другимъ оно равно произвольно причисляетъ повинности неземскія, которыя должны удовлетворяться изъ мѣстныхъ средствъ. А земскія потребности отступаютъ на задній планъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе не указало точныхъ предѣловъ повинностей, не дало гарантій правильнаго употребленія мѣстныхъ суммъ, и потому не устранило возможности перечисленія на земство новыхъ видовъ расходовъ, небережнаго обращенія съ земскими средствами, обремененія народа натуральною повинностью.

Къ началу 60-хъ годовъ необходимость основныхъ реформъ въ области законодательства о повинностяхъ становится все настоятельнѣй. «Десятилѣтній опытъ доказалъ, что недостатки управленія земскихъ повинностей на дѣлѣ такъ велики и ведутъ къ столь неблагопріятнымъ результатамъ, что нельзя медлить совершеннымъ преобразованіемъ этой части администраціи». Такъ выражалась въ 1859 г. коммиссія, образованная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по вопросу объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ. Эти недостатки наносили ущербъ, прежде всего, самому правительству, а послѣ освобожденія крестьянъ оно окончательно должно было разубѣдиться въ цѣлесообразности существовавшей бюрократической системы «управленія повинностей» и, конечно, много выиграло, когда явилась организація земскихъ элементовъ.

Одновременно съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ предполагалось выпустить и соотвѣтственный уставъ о земскихъ повинностяхъ. Но, однако, 1 января 1864 года были изданы лишь временныя правила

по данному предмету. Ими установлены два разряда расходовъ изъ земскихъ средствъ: обязательныхъ, главнымъ образомъ общегосударственнаго характера, и необязательныхъ, на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Размѣръ первыхъ опредѣляется по соображенію со штатами, табелями, техническими смѣтами и т. д.; опредѣленіе величины и характера вторыхъ предоставлено доброй волѣ земскихъ собраній.

Оставивъ вниманію вновь организованныхъ учрежденій расходы, касавшіеся мѣстныхъ потребностей, правительство заботится далѣе только о томъ, чтобы выполнялись расходы обязательные, кстати не переставая довѣрять земской кассѣ издержки по содержанію гражданскаго управленія, по воинскимъ нуждамъ и проч.

Однако, по мѣрѣ наступленія поры усиленной регламентаціи земской дѣятельности, начинаетъ подвергаться контролю, разумѣется, и земскій бюджетъ. Правда, этотъ контроль полагался и раньше, но онъ не выходилъ изъ предѣловъ формальности; размѣръ обязательныхъ расходовъ опредѣлялся извѣстными рамками, а необязательные не могли критиковаться, ибо для ихъ установленія не существовало условій, помимо условій общей законности. Но вотъ постепенно вводится контроль по существу, нашедшій себѣ достаточно яркое выраженіе въ положеніи 12 іюня 1890 г... Послѣднее ослабило различіе между обѣими категоріями расходовъ земства, предоставивъ губернской власти входить въ разсмотрѣніе издержекъ земскихъ—съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія государственнымъ соображеніямъ и мѣстнымъ интересамъ. Впрочемъ, принципіальное значеніе земства едва-ли измѣнилось послѣ новѣйшей реформы; оно, пожалуй, только подчеркнулось: земство, какъ и прежде, осталось съ ролью полухозяина-полуэконома, принужденнаго за собственный счетъ удовлетворять потребности вѣдомствъ, на ряду съ мѣстными.

Чтобы точнѣе охарактеризовать обязательныя траты земскихъ учрежденій, намъ нужно обратиться къ единственному источнику—къ изданію министерства финансовъ о земскихъ расходныхъ смѣтахъ на 1895 г... Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что земство оказываетъ содѣйствіе почти всѣмъ вѣдомствамъ, даже тѣмъ, которыя сами располагаютъ колоссальными средствами.

Расходы по воинской части въ 1895 г. взяли въ земскомъ бюджетѣ 689,9 тыс. руб., или 1,1% общей его суммы. По закону, земство обязано перевозить на сборные пункты запасныхъ и временно отпускныхъ нижнихъ чиновъ, призываемыхъ въ военное время на службу, а также и ратниковъ ополченія; затѣмъ на земство возложены расходы по содержанію воинскихъ присутствій и по участію въ призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ, призванныхъ въ военное время на дѣйствительную службу или погибшихъ въ войнахъ, и т. д. Коренная причина, почему всѣ такіе, безспорно общегосударственные, расходы отнесены на земскія средства, заключалась въ нежеланіи отягощать казна-

чейство лишними статьями. Но, какъ видно, размѣръ земской статьи по воинской повинности не стѣснилъ бы военнаго министерства. Впрочемъ, указанная цифра далеко не полна, ибо въ нее не вошла сумма расходовъ по государственному ополченію. Земству поручены заботы по формированію ополченія; оно должно снабжать дружины и сотни всѣми походными предметами, пріобрѣтать лошадей и устраивать обозъ, заготовлять для войскъ аптеки и хозяйственныя принадлежности, выдавать офицерамъ и медикамъ на подъемъ единовременныя пособія, содержать солдатъ по день поступленія ихъ въ вѣдѣніе военнаго или морского министерства, препровождать ратниковъ изъ мѣста роспуска на родину, и проч. Общій расходъ по формированію государственнаго ополченія, подлежащій погашенію изъ земскихъ средствъ, проектированъ въ суммѣ 20 милліоновъ рублей [1]), что для бюджета земства не можетъ не отразиться неблагопріятно. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1893 г. въ 34 земскихъ губерніяхъ, въ 14-ти неземскихъ и въ Сибири общая сумма земскихъ расходовъ простиралась, по нашимъ вычисленіямъ, до 63 милліоновъ; на государственное ополченіе, значитъ, должно пойти около трети земскаго бюджета, но при томъ лишь условіи, если бы данный расходъ былъ разложенъ на всю Россію. Однако, принявъ въ разсчетъ, что тяжестъ его можетъ пасть преимущественно на тѣ мѣстности, которыя ближе расположены къ театру войны,—станетъ понятно, почему нѣкоторыя земства, при организаціи ополченія, рискуютъ очутиться въ критическомъ положеніи.

Посмотримъ теперь, во что обходятся земству возложенныя на него обязанности по отношенію къ учрежденіямъ гражданскимъ и къ должностнымъ лицамъ. Размѣръ издержекъ всѣхъ 34-хъ земствъ на пособіе казнѣ для содержанія судебно-административныхъ учрежденій 12 іюля 1889 г. достигалъ по смѣтѣ на 1894 г. 5.974,2 т. р. (9,9% къ общему бюджету), а на слѣдующій—6.029,0 т. (9,2%). Этого рода расходъ, какъ извѣстно, по закону 1 іюня 1895 г., сложенъ съ земства; но, такъ какъ освободившіяся суммы повелѣно тратить на дорожныя нужды, то земскій бюджетъ, по существу, едва-ли много выиграетъ отъ оказаннаго ему вниманія.

Издержки на учрежденія 1889 г. смѣнили собою расходы по содержанію судебно-мировыхъ и крестьянскихъ учрежденій. Мировой институтъ обошелся земствамъ—въ періодъ 1871—80 гг. въ 41.052 т. р. (14,7%), а въ теченіе 1881—90 гг.—въ 46.094 т. (10,8% бюджета). Крестьянскія учрежденія въ первое десятилѣтіе стоили земству 15.292 т. р. (5,5%), во второе—13.550 т. (3,2%) [2]).

Послѣ изъятія судебными уставами слѣдственной части изъ рукъ

[1]) См. журналъ Высочайше утвержденной коммиссіи 1893 г. по пересмотру устава о земскихъ повинностяхъ, стр. 197—198.

[2]) Данныя для 1871—80 гг. относятся къ 32 губерніямъ и вычислены не нами (см. «Экономическій Журналъ», 1885 г., № 1—3).

полиціи, на земскія средства палъ расходъ по квартирному довольствію судебныхъ слѣдователей; по смѣтамъ на 1895 г. онъ доходилъ до 625,7 т. р., составляя 0,9% общаго бюджета (сюда входитъ часть расходовъ по содержанію полиціи). На содержаніе урядниковъ назначено было изъ земской кассы 183,2 т. (0,3%). Вознагражденіе казначействъ за храненіе земскихъ капиталовъ опредѣлялось суммой въ 201 т. р. (0,3%) [1]). Траты по содержанію губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій составляли 81,6 т. р. (0,1%). «Суточныхъ» для чиновниковъ, командируемыхъ по дѣламъ земства, выдано 5,8 т. р. На устройство и содержаніе помѣщеній для арестантовъ, также на содержаніе послѣднихъ и ихъ перевозку потребовалось 641 т. (1%). На обязательное пособіе министерству народнаго просвѣщенія, по содержанію большею частью среднихъ учебныхъ заведеній, израсходовано земствами 1.063,2 т. р., или 1,6% общаго бюджета. Если же къ этой суммѣ присоединить сумму издержекъ со стороны земства на содержаніе инспекціи народныхъ училищъ, то въ результатѣ получится, что земскій бюджетъ по народному образованію удѣляетъ министерству отъ себя 11,9%.

Болѣе крупный расходъ изъ земскихъ средствъ, принадлежащій къ числу обязательныхъ, вызывался подводной повинностью, дойдя до 5.040 т. р. и составляя 7,6% общаго бюджета. Въ 1868 г. этотъ процентъ равнялся 17, въ десятилѣтіе 1871—80 гг.—12,3 [2]), въ періодъ 1881—90 гг.—10,5%. Тотъ фактъ, что земство обязуется держать стоечныхъ лошадей и выдавать ихъ безплатно по требованію правительственныхъ агентовъ — исправниковъ, становыхъ, слѣдователей, жандармовъ и друг.—также достаточно говоритъ самъ за себя, тѣмъ болѣе, что подводная повинность часто выполняется еще натурою. Повидимому, подводная повинность отживаетъ свой вѣкъ; по крайней мѣрѣ, коммиссія 1893 г. отнеслась къ ней вполнѣ отрицательно. Въ коммиссіи высказывалось, между прочимъ, что «разъ чины полиціи и судебные слѣдователи получаютъ содержаніе отъ казны, казалось бы, нѣтъ основаній къ выдачѣ этимъ должностнымъ лицамъ, какъ состоящимъ на коронной службѣ, части содержанія—именно разъѣздныхъ денегъ—на счетъ земства»; къ тому же «на земскихъ лошадяхъ нерѣдко разъѣзжаютъ лица, которымъ по существу такое право не можетъ быть предоставлено и которыя поэтому лишь затрудняютъ земскія станціи»; извѣстно, кромѣ того, что «чины полиціи и другія должностныя лица пользуются земскими и обывательскими лошадьми не только для служебныхъ, но и для своихъ личныхъ надобностей» [3]).

Кстати объ упомянутой коммиссіи; справедливо проектируя осво-

---

[1]) Передавая свои деньги въ казначейства, земство руководствуется не собственнымъ желаніемъ, а требованіемъ закона.

[2]) См. предпослѣднее примѣчаніе.

[3]) См. журналъ коммиссіи, стр. 64.

божденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, она въ то же время замѣняетъ ихъ еще небывалыми. Извѣстно, что земство обязано оказывать субсидіи губернскимъ статистическимъ комитетамъ. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что «эти комитеты не имѣютъ никакого отношенія къ земству и вообще ни въ чемъ не помогаютъ земствамъ въ ихъ дѣятельности, по собиранію и разработкѣ статистическаго матерьяла», коммиссія нашла правильнымъ снять съ земства обязанность субсидировать комитеты. Но, не ограничившись такою резолюціей, она сочла принципіально полезнымъ «установить обязательную земскую повинность по содержанію земскихъ статистическихъ учрежденій для собиранія и разработки статистическихъ матерьяловъ по опредѣленной программѣ—съ указаніемъ въ ней минимальныхъ требованій—выработанной центральнымъ статистическимъ комитетомъ и утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ» [1]).

Если осуществится предположеніе коммиссіи, тогда выйдетъ экономія отъ закрытія статистическихъ комитетовъ, такъ какъ ихъ роль по доставленію матерьяловъ оффиціальнымъ вѣдомствамъ перенесется на бюро, состоящія при земскихъ управахъ и содержимыя на земскія деньги. Только (помимо всего прочаго) врядъ-ли у земскихъ статистиковъ окажется въ такомъ случаѣ физическая возможность работать для земства.

Изъ другихъ постановленій коммиссіи обращаетъ на себя вниманіе такое: «признать обязательною земскою повинностью расходъ на содержаніе первоначальныхъ (земскихъ?) народныхъ школъ». Непонятно, къ чему обязательность и здѣсь. Своей тридцатилѣтней дѣятельностью развѣ не доказало земство стремленій работать, по мѣрѣ силъ и возможности, въ области народнаго образованія? При томъ же, разъ установить обязательность повинности, надо опредѣлить и размѣръ этой обязательности,—иначе законъ останется мертвою буквой. А такое ограниченіе не стѣснитъ-ли еще болѣе дѣла народнаго просвѣщенія?

Вернемся, однако, назадъ. Послѣднимъ звеномъ въ непрерывной цѣпи расходовъ, относимыхъ на земскія средства по закону, явились—если не ошибаемся—расходы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, введенные закономъ 8 іюня 1893 г. Конечно, переоцѣнка имуществъ крайне необходима для интересовъ земства, но въ равной степени она послужитъ и интересамъ казны, которой и слѣдовало бы принять на себя часть соотвѣтственныхъ издержекъ. Въ 1895 г. сумма послѣднихъ простиралась для всѣхъ земствъ до 629,5 т. руб., составляя 1% къ бюджету.

Къ сожалѣнію, для 1895 г. нѣтъ сводныхъ данныхъ о количествѣ всѣхъ обязательныхъ расходовъ земства [2]). Судя по отдѣльнымъ

---

[1]) Ibidem., стр. 69 и 71.

[2]) Многіе обязательные расходы, между прочимъ, почему-то вошли подъ рубрику: «Разные расходы».

статьямъ, они какъ будто не могутъ отяготить земства. Но, во-первыхъ, ихъ совокупность вообще достигаетъ, какъ увидимъ сейчасъ, чуть не половины земскаго бюджета, а затѣмъ, если посмотрѣть, сколько земство, всегда стѣсненное въ своихъ финансахъ, въ состояніи тратить на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя для него гораздо ближе [1]), станетъ понятно, почему перенесеніе неземскихъ расходовъ на средства государственнаго казначейства было бы актомъ не только справедливости, но и необходимости. Практическіе мотивы въ пользу обратнаго мнѣнія — что иные расходы не поддаются напередъ точному опредѣленію, что мѣстнымъ людямъ удобнѣе справиться съ хозяйственной стороной многихъ потребностей—не выдерживаютъ критики. Правда, «мѣстные люди» въ расходахъ бережливы; такъ, въ 1893 и въ 1894 годахъ земство обязательныхъ расходовъ произвело меньше на 22,6 и 20,4%, нежели ассигновало по смѣтамъ. Но зачѣмъ заставлять земство самому тратиться на нужды, которыя были бы болѣе умѣстны въ государственной росписи.

Нельзя здѣсь обойти молчаніемъ того обстоятельства, что многія земства сами создаютъ для себя такіе расходы, которые со стороны кажутся непонятными. Наиболѣе крупный расходъ въ этомъ родѣ вызывается статьями по выдачѣ добавочнаго вознагражденія представителямъ полиціи и по найму низшихъ служащихъ при исправникахъ, слѣдователяхъ, становыхъ и земскихъ начальникахъ [2]). Издержки по этимъ статьямъ достигаютъ иногда сравнительно крупныхъ размѣровъ; такъ, въ 1895 г. въ Псковской губерніи они доходили до 28,2 т. р., Нижегородской—до 15,3 т., въ Саратовской—до 13,6 т. р., Смоленской—до 12,3 т., а по 22 губерніямъ, гдѣ они наблюдались, они превышаютъ 105 тысячъ. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ (11) земствахъ, неизвѣстно по какому поводу, тратится въ пособіе казнѣ на содержаніе почтово-телеграфныхъ учрежденій: въ тульскомъ—2.200 р., полтавскомъ—1.186 р., таврическомъ—875 руб. и т. д.

Наконецъ, приходится недоумѣвать по поводу нижеслѣдующихъ названій практиковавшихся тратъ [3]): «выписка губернскихъ и сенатскихъ вѣдомостей для полиціи» (Калужская губ.), «содержаніе военнаго карцера» (Курская губ.), «наемъ квартиры и продовольствіе присяжныхъ засѣдателей» (Московская), «выдача вознагражденія распо-

[1]) На воспособленіе сельскому хозяйству и промышленности, напримѣръ, ассигнована на 1895 г. сумма, составляющая всего 1 (одинъ) процентъ общаго бюджета (см. ниже).

[2]) Предисловіе къ «Расходамъ з. по см. на 1895 г.» называетъ такого рода издержки «едва-ли законными», ибо «по существу многіе изъ этихъ расходовъ имѣютъ характеръ уплаты земствомъ дополнительнаго, сверхъ положеннаго по закону, содержанія чинамъ полиціи и нѣкоторымъ другимъ должностнымъ лицамъ мѣстнаго управленія» (с. IV).

[3]) См. подстрочныя примѣчанія въ изданіи департамента окладныхъ сборовъ по земскимъ смѣтамъ на 1895 г.

рядителю по военно-конской повинности» (Таврическая, Харьковская, Нижегородская), «добавочное вознагражденіе жандармовъ» (Таврическая, Олонецкая), «пособіе бывшему исправнику и пенсіи его дѣтямъ» (ib.), «разъѣзды миссіонера» (Пензенская губ.), «единовременное пособіе комитету по устройству нижегородской выставки» (Пермская), «содержаніе чиновнику, командированному на помощь становому» (ib.), «полицейскому чиновнику за взысканіе податей и недоимокъ» (ib.), «разъѣзды лѣсничихъ» (Ярославская), «содержаніе двухъ членовъ лѣсоохранительнаго комитета» (Харьковская губ.), «содержаніе распорядителей по сбору лошадей во время мобилизаціи» (Самарская), «поѣздка волостныхъ старшинъ въ С.-Петербургъ» (Симбирская), «на призъ таврическаго земства въ Симферопольскомъ скаковомъ обществѣ» (Таврическая). Слѣдуетъ оговориться, впрочемъ, что всѣ подобные расходы, изъ «добровольныхъ», не имѣютъ хоть сколько-нибудь серьезнаго вліянія на земскій бюджетъ...

Посмотримъ на итоговыя отношенія расходовъ. На первыхъ порахъ функціонированія земскихъ учрежденій замѣчается превышеніе суммы обязательныхъ расходовъ надъ необязательными. Въ 1871 г. сумма обязательныхъ составляла 133,4% количества необязательныхъ, въ 1872 г.—119,9%, въ 1873 г.—107,5%. Въ 1874 г. величины обѣихъ категорій расходовъ впервые уравновѣсились. По пятилѣтнимъ періодамъ, отношеніе обязательныхъ тратъ къ необязательнымъ выражается такъ:

1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.
89,3%	74,4%	68,8%	68,8%

Начиная съ 1875 г. необязательный земскій бюджетъ уже беретъ—въ абсолютныхъ величинахъ—верхъ надъ обязательнымъ. Земская дѣятельность становится болѣе или менѣе на твердую почву; до сихъ поръ она шла осторожно, ибо приходилось создавать дѣло съ азовъ, вырабатывать самостоятельныя методы служенія мѣстнымъ интересамъ. Не ограничиваясь задачей выполненія государственныхъ повинностей, земство постепенно расширяетъ расходы на мѣстныя нужды, несмотря на полное отсутствіе принужденія.

Съ 1884 г. отношеніе обязательныхъ и необязательныхъ издержекъ къ общему бюджету устанавливается: земство, словно, дошло до границъ возможности выполненія своихъ функцій, при существующемъ для него statu quo. Вотъ эти отношенія къ общему бюджету:

Сумма:	1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.	1894 г.
Обязательныхъ.	47,2%	42,6%	40,1%	40,1%	40,7%
Необязательныхъ	52,8%	57,4%	59,9%	59,9%	59,3%

Что касается абсолютныхъ величинъ, то обязательныя траты съ 1874 по 1893 г. (за исключеніемъ 1891 и 1892 г.) поглотили въ земскомъ бюджетѣ сумму около 300 [1]) милліоновъ рублей. Вотъ что миновало государственную роспись, будучи отнесено на земскія средства

[1]) 298.070.859 руб.

для выполненія неземскихъ обязанностей [1]). А между тѣмъ какой контрастъ наблюдается при исполненіи смѣты земской и государственной. Въ то время, какъ недоборы въ доходахъ и недостатокъ въ оборотныхъ средствахъ представляютъ собою обычныя явленія земскаго хозяйства, государственныя росписи, особенно въ послѣднее время, заключаются съ значительными остатками. Поэтому, если въ былое время поводомъ къ отнесенію нѣкоторыхъ расходовъ на земство служило «затруднительное положеніе государственнаго казначейства», то теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не наступилъ-ли моментъ сложить съ земства «*временно*» порученныя ему тягости?

Теперь мы можемъ перейти къ обозрѣнію общихъ бюджетовъ.

При началѣ дѣйствія земскихъ учрежденій явились новые расходы, которые не были ранѣе извѣстны. Таковы издержки по содержанію судебно-мировыхъ установленій или земскаго управленія; таковы траты по медицинѣ и по народному образованію, совсѣмъ не входившія въ прежнія смѣты. Кромѣ того, теперь значительно увеличились расходы по дорожной и подводной повинностямъ; послѣднія отправлялись раньше натурой, но земство, находя такой способъ выполненія повинностей невыгоднымъ для населенія, немедленно приступило къ переложенію «натуры» на деньги.

Такимъ образомъ, по смѣтамъ 30 земствъ 1868 года оказалось, что общій бюджетъ возросъ на 180% противъ соотвѣтственной суммы, показанной въ смѣтахъ трехлѣтія, предшествовавшаго открытію земскихъ учрежденій [2]). Ростъ этотъ, въ частности, опредѣлялся слѣдующими цифрами:

По губерніямъ.	% *увеличенія.*	*По губерніямъ.*	% *увеличенія.*
Вятской	1.262	бургской Нижегородской и	
Самарской	436	Пензенской	отъ 193 до 157
Московской	420	Екатеринославской, Курской,	
Владимірской	390	Тульской, Орловской, Олонецкой, Костромской, Таврической, Полтавской и	
Казанской, Симбирской, Новгородской и Воронежской	отъ 291 до 257		
Тамбовской, Калужской и Харьковской	отъ 250 до 220	Саратовской	отъ 146 до 105
Тверской, Рязанской, Петер-		Псковской, Ярославской и Черниговской	отъ 94 до 73
		Херсонской и Смоленской	отъ 31 до 29

Бюджеты губерній земскихъ и тѣхъ, которыя остались при старыхъ началахъ, болѣе уже не могли объединиться. И такъ какъ размѣръ расходовъ «обязательныхъ» въ мѣстностяхъ обѣихъ категорій шелъ относительно равномѣрно, то разница между бюджетами тѣхъ и

[1]) Среди обязательныхъ расходовъ «земскимъ» можно назвать—и то не безъ оговорокъ—расходъ по дорожной повинности. Объ этомъ ниже.

[2]) См. «Труды коммиссіи, Высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборовъ. О смѣтахъ и раскладкахъ губ. и уѣздн. сборовъ И. П. Руковскаго». Спб., 1870 г.

другихъ почти всецѣло зависитъ отъ различія въ степени удовлетворенія культурныхъ потребностей. Возьмемъ снова цифры.

Размѣръ средняго бюджета (въ тыс. руб.).

Въ губерніи.	1868 г.	1875 г.	1890 г.
Неземской	146,0	303,4	537,5
Земской	485,6	842,0	1.383,7
Въ земской болѣе на	232,6%	177,5%	157,4%

Слѣдовательно, общая сумма расходовъ средней земской губерніи превышала аналогичную сумму губерніи неземской соотвѣтственно въ $3^1/_4$, въ $2^3/_4$ и $2^1/_2$ раза. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, и то, что ростъ расходовъ въ неземскихъ губерніяхъ шелъ быстрѣе, чѣмъ въ земскихъ, и это несмотря на то, что онѣ далеки отъ организаціи удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, развившейся въ губерніяхъ съ самостоятельными хозяйственными органами.

Общая величина расходовъ 30 земствъ 1868 года достигала 14.569,6 тыс. р., причемъ въ предѣлахъ отъ 1.000 до 500 тыс. колебался бюджетъ 12 губерній, а остальныхъ—въ предѣлахъ отъ 500 до 100 тыс. руб. Среднюю величину превосходили суммы расходовъ почти половины (14) губерній.

Уже на первыхъ порахъ мѣсто каждой губерніи, по объему дѣятельности, среди другихъ стало выясняться, хотя и въ грубыхъ чертахъ. По крайней мѣрѣ, губерніи, которыя по степени своихъ бюджетовъ—въ періодъ устойчивости—расположатся въ верхней половинѣ, въ 1868 г. занимаютъ то же положеніе; наоборотъ, губерніи, что теперь находятся внизу, и послѣ будутъ имѣть низшіе бюджеты. Исключеніе представляютъ двѣ-три губерніи.

Не то выходитъ, если сравнить послѣднюю земскую смѣту до открытія земскихъ учрежденій съ возможно болѣе уравновѣшенной смѣтой послѣднихъ; тутъ получаются несоотвѣтствія, иногда крайне рѣзкія. Приведемъ примѣры.

Губерніи.	№ мѣста среди другихъ. Ср. смѣта 1874–1893 г.	Смѣта до откр. земства.	Губерніи.	№ мѣста среди другихъ. Ср. смѣта 1874–1893 г.	Смѣта до откр. земства.
Вятская	2	30	Орловская . . .	20	6
Самарская. . . .	4	27	Ярославская. . .	30	2
Тамбовская . . .	5	15	Тульская	31	17
Московская . . .	6	16	Смоленская . . .	33	14

И такъ, губерніи съ большимъ запасомъ силъ фигурируютъ въ правительственныхъ смѣтахъ гораздо ниже, чѣмъ иныя, стоящія по смѣтамъ земства невысоко, и обратно.

Для того, чтобы указать на нормальное соотношеніе земскихъ губерній между собою, по степени величины общаго расходнаго бюджета, представимъ данныя за непрерывное двадцатилѣтіе, съ 1874 по 1893 годъ.

Губерніи [1].	Бюджетъ (въ тыс. р.).
Пермская	2.808,6
Вятская, Полтавская, Самарская [2]), Тамбовская, Московская, Харьковская и Херсонская	отъ 1.961,7 до 1,521,5
Саратовская, Курская, Рязанская, Воронежская, Таврическая, Екатеринославская, Владимірская, Казанская, Черниговская, Тверская, Нижегородская и Орловская.	отъ 1.482,4 до 1,024,4
Новгородская, Костромская, Симбирская, Бессарабская, Уфимская, Пензенская, Петербургская, Вологодская, Калужская, Ярославская, Тульская, Псковская, Смоленская и Олонецкая	отъ 977,0 до 511,7
34 губерніи	40.706,6
Средняя	1.197,3

Наибольшій бюджетъ, принадлежащій Пермской губерніи, превышаетъ въ два слишкомъ раза *средній* и впятеро низшій бюджетъ Олонецкой губерніи. Послѣдній вдвое меньше средняго. Выше средней стоятъ 15 губерній (*Пермская—Владимірская*). Въ предѣлахъ отъ 1.000 до 500 тыс. руб. заключались бюджеты 14 губерній, въ предѣлахъ 1.500—1.000 тыс. р.—12-ти губерній, между 2.000 и 1.500 тыс. р.—7-ми губерній; бюджетъ одной губерніи едва не доходилъ до 3 милліоновъ.

Систематически возрастая, бюджеты отдѣльныхъ губерній съ замѣчательною точностью сохраняютъ по періодамъ свое положеніе въ средѣ другихъ. Лишь въ очень немногихъ губерніяхъ—и то не сильно—они стремятся къ сравнительному возвышенію (Таврическая, Рязанская, Курская), или же имѣютъ тенденцію къ пониженію (Тамбовская, Саратовская, Пензенская).

Общая картина суммъ земскихъ расходныхъ бюджетовъ для разнаго времени представляется въ такомъ видѣ.

Бюджетъ (въ тыс. руб.).	Годы.					
	1868 г [3])	1874—1878 [4])	1879—1883	1884—1888	1889—1893	1895 г.
	Число губерній.					
100—500	18	1	—	—	—	—
500—1.000	12	22	17	13	6	1
1.000—1.500	—	8	13	11	15	10
1.500—2.000	—	1	2	9	6	9
2.000—2.500	—	1	1	—	6	5
2.500—3.000	—	—	1	—	—	7
3.000—3.500	—	—	—	1	1	—
3.500—4.000	—	—	—	—	—	2
Выше средней.	14	13	16	16	15	17

[1]) Губерніи во всѣхъ таблицахъ расположены въ правильномъ, убывающемъ, порядкѣ.

[2]) За 1879—1893 гг.

[3]) 30 губерній.

[4]) 33 губерніи.

Бюд. всѣхъ земствъ.	14.569,6	29.403,0 [1])	37.333,4 [2])	43.544,9	50.103,9 [3])	65.880,7
Бюд. ср. губерній.	485,6	898,4 [1])	1.114,4 [2])	1.280,7	1.473,6 [3])	1.937,7

Такимъ образомъ, большинство губерній ограничиваетъ сначала общія траты предѣлами 100 — 500 тыс.; лѣтъ черезъ десять траты эти расширяются до 500—1.000 тыс. р. Въ дальнѣйшемъ десятилѣтіи земскіе бюджеты уже приближаются своею массой къ 1—$1^1/_2$ милліонамъ, гдѣ основываются къ половинѣ девяностыхъ годовъ. А съ этихъ поръ они захватываютъ болѣе широкую область.

Что касается степени увеличенія земскихъ бюджетовъ, то съ 1868 по 1895 г. они (по 30 губерніямъ [4]) возросли на сумму въ 43.104,6 тыс. р., или на 295,9%, т.-е. въ четыре раза. И при этомъ ростъ ихъ, до половины 70-хъ гг. шедшій быстро, чѣмъ ни далѣе, тѣмъ болѣе замедляется, и вотъ доказательства:

Ростъ бюджетовъ.

	1868 г.—74-78 гг.	1-ое—2-ое пятил.	2-ое—3-е пятил.	3-е—4-е пятил.
Волѣе на	85,0%	24,0%	14,8%	15,1%

Въ послѣдніе годы земскія учрежденія усиливаются поднять бюджеты сверхъ нормы. Однако же, подобныя попытки врядъ-ли будутъ имѣть подъ собою твердую почву до тѣхъ поръ, пока для земства не откроются новые источники доходовъ, такъ какъ земля, главная основа теперешнихъ рессурсовъ земства, уже обложена выше, чѣмъ слѣдуетъ [5]).

Для опредѣленія нормальнаго прироста земскихъ бюджетовъ, сопоставимъ ихъ величины въ первомъ и четвертомъ пятилѣтіи на разстояніи, значитъ, двадцати лѣтъ. Тогда получимъ:

По губерніямъ.	% прироста бюджетовъ. (1874-78—1889-93).
Рязанской, Харьковской и Таврической	отъ 125,9 до 101,1
Полтавской, Курской, Херсонской, Псковской, Черниговской, Тульской, Вологодской, Уфимской, Екатерино-	

---

[1]) Несоотвѣтствіе между дѣлимымъ и частнымъ происходитъ отъ того, что по Уфимской губерніи нѣтъ данныхъ за 1874 и 1875 гг., ибо земскія учрежденія были введены тамъ позднѣе. Недостающая въ источникахъ цифра по Смоленской губерніи за 1877 г. замѣнена средней четырехлѣтія.

[2]) Данныя по Самарской губерніи за 1879 и 1880 гг., какъ недостающія, замѣнены средней трехлѣтія 1881—1883 гг.

[3]) Для періода 1889—1893 гг. существуютъ данныя только по 1889, 1890 и 1893 годамъ. Отсутствующія данныя по Тамбовской и Саратовской губ. за 1893 г. замѣнены средними двухлѣтія 1889—1890 гг.

[4]) Въ губерніяхъ Бессарабской, Пермской, Вологодской и Уфимской въ 1868 г. земскія учрежденія еще не существовали.

[5]) Размѣръ подесятиннаго обложенія.

	1868 г.	1884 г.	1889 г.	1894 г.
Крестьянской земли.	6,8 к.	17,1 к.	17,3 к.	19,3 к.
Частновлад. и пр. з.	6,4 »	9,6 »	9.7 »	10,9 »

Поступило менѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтамъ.

	1893 г.	1894 г.
Съ крестьянской земли.	на 33,4%	на 16,7%
Съ частновлад. и пр. з. . . .	» 42,8 »	» 22,6 »

славской, Костромской, Тверской, Смоленской, Воронежской, Бессарабской, Московской, Олонецкой, Орловской, Ярославской, Владимірской, Нижегородской, Казанской.	отъ 98,8 до 52,1
Петербургской, Новгородской, Калужской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Вятской, Пермской	отъ 48,0 до 27,0
Саратовской	6,3
По средней	*62,6*

Отсюда процентъ годичнаго прироста бюджетовъ земскихъ учрежденій равенъ 4,17%.

Изъ сравненія приведенныхъ цифръ относительнаго увеличенія бюджетовъ съ размѣромъ аналогичныхъ процентовъ въ 1868 г. (см. выше), наблюдается явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о фактѣ ограниченности силъ земства, къ предѣламъ которой оно постепенно подходитъ, а именно: земства, высоко поднявшія свои бюджеты съ начала своей дѣятельности, впослѣдствіи уже не имѣли возможности увеличить ихъ сумму въ той мѣрѣ, какъ земства съ низшими процентами прироста бюджетовъ въ 1868 году.

Коснемся, наконецъ, вопроса о роли губернскихъ земствъ, по общему расходному бюджету, и объ ихъ отношеніяхъ къ уѣзднымъ. Въ 1895 году губернскія земства по степени размѣра расходовъ распредѣлялись такъ:

Губернскія земства.	Бюджеты (въ тыс. р.).
Полтавское и московское	1.171.2 и 1.157,2
Херсонское, курское, самарское, таврическое, бессарабское, нижегородское, тамбовское, новгородское, саратовское, владимірское, екатеринославское, вятское, харьковское и рязанское	отъ 930,9 до 505,1
Пермское, воронежское, смоленское, калужское, тверское, казанское, уфимское, черниговское, ярославское, орловское, вологодское, пензенское, тульское, симбирское, костромское, петербургское, псковское.	отъ 482,7 до 254,7
Олонецкое	185,2
Всѣ губернскія земства	17.716,0
Среднее	521,0

И такъ, чѣмъ выше или ниже общій расходный бюджетъ по губерніи, тѣмъ выше или ниже (въ абсолютныхъ числахъ) и бюджетъ губернскаго земства. Нѣсколько исключеній не измѣняютъ этой тенденціи [1]).

Какъ видно, половина губернскихъ земствъ располагаетъ бюдже-

[1]) Нѣкоторыя цифры губернскихъ земствъ, приведенныя въ Сводѣ департамента окладныхъ сборовъ, внушаютъ сомнѣніе, какъ, напр., по Смоленской губерніи (448.306 р.) Просматривая слагаемыя, изъ которыхъ составляется губернскій бюджетъ послѣдней, мы, между прочимъ, встрѣчаемъ сумму въ 73.171 р., указанную подъ рубрикой: «Отчисленіе на образованіе капиталовъ». При сравненіи этой суммы съ аналогичными величинами другихъ губернскихъ земствъ, выходитъ, что лишь одно изъ нихъ (полтавское) имѣетъ болѣе высокій расходъ по данной статьѣ, и это несмотря на то, что Смоленская губернія—вообще съ низшимъ бюджетомъ.

тами въ предѣлахъ отъ полумилліона до 200 тысячъ; а суммы бюджетовъ каждаго изъ остальныхъ почти всѣ находятся между милліономъ и 500-ми тысячами. Среднюю величину превосходятъ бюджеты 15-ти губернскихъ земствъ [1]).

Въ общемъ расходномъ земскомъ бюджетѣ 1895 года (65.880.7 тыс.) губернскимъ земствамъ принадлежала часть, составляющая къ нему 26,9%, такъ что на уѣзды приходилась сумма въ 48.164,7 тыс. руб. (73,1%).

Слѣдовательно, среднее губернское земство принимаетъ на себя нѣсколько болѣе четвертой доли расходовъ по губерніи. Но, въ частности, доля эта варіируетъ довольно замѣтно.

Въ губерніяхъ.	%-ное отношеніе бюджета губ. земства къ расходамъ по губерніи.
Московской [2])	45,4
Полтавской, Бессарабской, Херсонской, Нижегородской, Новгородской, Курской и Смоленской	отъ 38,7 до 32,9
Самарской, Владимірской, Пензенской, Саратовской, Калужской, Таврической, Ярославской, Олонецкой, Тамбовской и Уфимской	отъ 29,2 до 25,1
Екатеринославской Тверской, Тульской, Харьковской, Псковской, Воронежской, Вологодской, Казанской и Вятской	отъ 24,9 до 20,5
Петербургской, Костромской, Рязанской, Орловской, Симбирской и Черниговской	отъ 19,8 до 18,1
Пермской	13,4
По средней	*26,9*

Степень участія губернскаго земства въ мѣстныхъ дѣлахъ, если судить по всѣмъ губерніямъ вообще, мало подвергалась измѣненію. Такъ, въ 1868 г. бюджеты губернскихъ земствъ составляли 22,7% общихъ расходовъ по губерніямъ, въ 1886 г.—22,3%, въ 1888 г.—22,9% [3]).

Однако, съ наступленіемъ прошлаго пятилѣтія они начинаютъ воз-

---

[1]) Въ 1868 году суммы бюджетовъ 25 губернскихъ земствъ заключались между 150 и 50 тыс. р., 4-хъ—между 400 и 150 тыс., а бюджетъ одного спускался ниже 50 т.

[2]) Уже въ 1868 г. это земство располагало бюджетомъ, составлявшимъ 40,4% къ суммѣ расходовъ по губерніи.

[3]) Данныя для 1868 г. добыты въ «Труд. комм. для пер. сист. под. и сб. Спб. 1870.»

Хозяйственный департаментъ въ своихъ Сводахъ начинаетъ раздѣлять категоріи уѣздныхъ и губернскихъ расходовъ лишь съ 1886 года.

Такъ какъ эти Своды нигдѣ не даютъ общей суммы расходовъ губернскихъ земствъ, то мы приведемъ ее по годамъ (въ тыс. р.):

1868 г.	1886 г.	1888 г.	1890 г.	1893 г.
30 земствъ.	30 земстаъ.	31 земство.	30 земствъ.	33 земства.
3.302,9	9 019,9	9.522,0	10.389,0	13.402,5

Оговоримся при этомъ, что данныя по тѣмъ губерніямъ, по которымъ не указано въ источникахъ разграниченія губернскихъ и уѣздныхъ расходовъ, исключены нами при вычисленіяхъ и изъ общихъ итоговъ.

растать относительно: въ 1890 г. ихъ сумма достигала 24,5% къ общимъ расходамъ, въ 1893 г.—26%, въ 1895 г.—уже 26,9%.

Стремленіе губернскихъ земствъ расширить область своей дѣятельности, сравнительно съ уѣздными и на ихъ счетъ, выступаетъ особенно при сопоставленіи величинъ прироста бюджетовъ тѣхъ и другихъ земствъ. Въ самомъ дѣлѣ:

	Бюджеты (въ тыс. руб.) [1].	
	1886 г.	1895 г.
Губернскихъ земствъ	9.019,9	16.517,2
Уѣздныхъ земствъ	31.376,8	43.789,4
Губерній вообще	40.396,7	60.306,6

Слѣдовательно, въ теченіе даннаго срока бюджеты губернскихъ земствъ увеличились на 83,1%, тогда какъ бюджеты уѣздныхъ — на 39,6%. Общій же бюджетъ возросъ на 49,3%. Повидимому, энергія уѣздовъ начинаетъ уступать стремленію къ централизаціи со стороны губернскихъ земствъ.

С. Г—нинъ.

---

[1]) Данныя относятся къ 30 губерніямъ, такъ какъ по Казанской, Псковской Петербургской и Тульской для 1886 г. онѣ неполны.

ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ РЕЙХСТАГѢ.

Имперская конституція.—Составъ рейхстага.—Судъ присяжныхъ.—Бисмарковскій день.—Сраженіе между военнымъ министерствомъ, Бебелемъ и Ленцманомъ.—Капитуляція министра.

Прежде чѣмъ дѣлиться съ читателями впечатлѣніями, вынесенными мною отъ нѣсколькихъ характерныхъ засѣданій рейхстага въ нынѣшнюю его сессію, я считаю не лишнимъ дать въ немногихъ словахъ понятіе объ имперской конституціи и о составѣ современнаго германскаго парламента.

Германская имперія представляетъ изъ себя «союзное государство», имѣющее свои законодательные и исполнительные органы, независимые отъ правительственныхъ учрежденій отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ его составъ (Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга, Бадена, вольныхъ городовъ и т. п.). Всѣ подданные отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ являются въ то же время гражданами германской имперіи и стоятъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ ея правительственнымъ органамъ. Во главѣ имперіи, какъ высшій *исполнительный* органъ, стоитъ императоръ; онъ самолично назначаетъ высшаго имперскаго чиновника—канцлера, подпись котораго требуется подъ всѣми актами, исходящими отъ императора. Императоръ сносится съ иностранными государствами черезъ назначаемыхъ имъ посланниковъ, объявляетъ (по соглашенію съ союзнымъ совѣтомъ) войну и заключаетъ миръ. Что касается до договоровъ съ иностранными державами, то, разъ они относятся къ области имперскаго законодательства (таковы, напр., торговые договоры), для заключенія ихъ требуется согласіе союзнаго совѣта, а для вступленія въ законную силу—одобреніе рейхстага. Императоръ въ силу своего званія—главнокомандующій всѣхъ имперскихъ войскъ въ военное время и всѣхъ, за исключеніемъ баварскихъ и вюртембергскихъ, въ мирное.

Законодательная власть германской имперіи дѣлится между *союзнымъ совѣтомъ*, состоящимъ изъ представителей союзныхъ *правительствъ*, и *рейхстагомъ*, въ который входятъ 397 *народныхъ* представителей, выбираемыхъ на основаніи *всеобщаго*, *прямого* и *тайнаго* голосованія. Каждый германскій гражданинъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, имѣетъ право выбирать и быть выбраннымъ.

Союзный совѣтъ и рейхстагъ пользуются правомъ иниціативы но-

выхъ законовъ и измѣненія старыхъ; для вступленія въ силу каждый законъ долженъ быть одобренъ обоими законодательными собраніями.

Нѣкоторые предметы государственной жизни вѣдаются исключительно имперскими органами, завѣдываніе другими дѣлится между «имперіей» и отдѣльными государствами и, наконецъ, есть области государственной жизни, принадлежащія всецѣло вѣдѣнію органовъ отдѣльныхъ союзныхъ странъ, но, во всякомъ случаѣ, законъ имперскій исключаетъ всѣ законы мѣстные по тому же предмету, и имперское законодательство не можетъ быть отмѣнено или измѣнено законодательствомъ той или другой отдѣльной страны. Къ предметамъ «имперскимъ» принадлежитъ дѣло военное, торговое, таможенное, почтовое, законодательство соціальное (напр., охрана рабочихъ), уголовное, гражданское и т. п. Изъ важныхъ государственныхъ областей одно только народное образованіе находится въ исключительномъ вѣдѣніи отдѣльныхъ государствъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что два южногерманскія государства—Баварія и Вюртембергъ—находятся въ исключительныхъ условіяхъ и сохраняютъ нѣкоторую самостоятельность въ областяхъ военной, почтовой и телеграфной.

Имперія имѣетъ свой бюджетъ; доходы ея составляются изъ вносовъ отдѣльныхъ государствъ и изъ сборовъ отъ общеимперскихъ налоговъ. Бюджетъ составляется при участіи союзнаго совѣта и утверждается рейхстагомъ. Черезъ рейхстагъ же, какъ было уже сказано, проходятъ всѣ законы, касающіеся «имперскихъ предметовъ».

Рейхстагъ созывается ежегодно императоромъ, который имѣетъ право остановить его занятія, но не больше, какъ на 30 дней. Императору же принадлежитъ право роспуска рейхстага, но тогда новые выборы должны быть назначены не позднѣе, какъ черезъ 60 дней, и новый рейхстагъ долженъ быть собранъ не позже, какъ черезъ 90 дней. При нормальныхъ, обычныхъ условіяхъ, выборы происходятъ каждыя 5 лѣтъ, такъ что въ теченіе этого времени составъ рейхстага измѣняется только вслѣдствіе смерти депутатовъ или сложенія ими полномочій, на мѣсто которыхъ тогда выбираются новые члены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при общихъ выборахъ.

Члены рейхстага во время сессіи (времени занятій рейхстага) неприкосновенны, т.-е. ихъ нельзя арестовать и судить безъ согласія рейхстага. За свои рѣчи въ рейхстагѣ они не отвѣтственны, и рѣчи эти, хотя бы онѣ, напр., заключали въ себѣ неодобреніе и порицаніе величества, могутъ быть безнаказанно печатаемы во всѣхъ газетахъ.

Порядокъ въ рейхстагѣ регулируется президентомъ, вице-президентами и дѣлопроизводителями, выбираемыми депутатами изъ своей среды. Въ настоящее время президентомъ состоитъ членъ «центра», фонъ-Буоль. Большинство депутатовъ рейхстага принадлежитъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, составляя ихъ парламентскія представительства или фракціи, и только нѣсколько человѣкъ считаютъ себя

независимыми, не принадлежащими ни къ какой партіи, и называются «дикими». Въ теченіе 25-лѣтняго существованія общеимперскаго рейхстага нѣкоторыя партіи исчезли, другія явились вновь, и количественное отношеніе между различными фракціями сильно измѣнилось.

Любопытно сопоставить составъ рейхстага въ первый годъ его существованія (1871 годъ) съ составомъ нынѣшняго года.

Въ 1871 году:

Націоналъ-либералы	116	Имперская партія (свободные конс.)	38
Центръ	57	Либ. имперская партія	29
Нѣм. консерв.	50	Поляки	13
Нѣм. прогрессивная партія	44	Соціалъ-демократы	2
		Не принадлежащіе ни къ какой партіи.	27

Въ нынѣшнемъ же году:

Націоналъ-либераловъ	49	Южно-герм. народн. партіи.	12	Эльзасцевъ	9
Центръ	102	Имперской партіи (свободн.		Вельфовъ	6
Нѣм. консерв.	58	конс.)	26	Баварскій крест.	
Бывшей прогрес. партіи. Нѣм. свободомысл. нар. партіи	24	Антисемитовъ	13	союзъ	4
		Поляковъ	19	Датчанъ.	1
Свобод. соедин.	12	Соціалъ-демократовъ	48	Дикихъ	14

Частные выборы, происходившіе послѣ общихъ выборовъ 1893 года, наибольшую выгоду принесли соціалъ-демократамъ, которые пріобрѣли 4 мѣста, наибольшій же уронъ нѣмецкимъ консерваторамъ, потерявшимъ 6 мѣстъ. Самою многочисленною фракціей, какъ видно, является центръ, но больше всего голосовъ на послѣднихъ общихъ выборахъ, именно 1.700.000, было подано за соціалъ-демократовъ, и несоотвѣтствіе числа ихъ депутатовъ съ числомъ избирательныхъ голосовъ объясняется неблагопріятнымъ для нихъ распредѣленіемъ округовъ и соединенной борьбой противъ нихъ всѣхъ остальныхъ партій, которыя при баллотировкахъ никогда почти не поддерживали соціалъ-демократическихъ кандидатовъ.

Грандіозная зала засѣданій рейхстага съ ея дубовыми стѣнами, съ ея ажурнымъ стекляннымъ куполомъ, съ котораго спускаются бѣлые элекрическіе фонари, съ ея изящными рельефами, какъ будто выдѣланными изъ слоновой кости и золота, смотритъ на этотъ разъ пустынно, безжизненно... Ужъ больно мало народа. За длиннымъ столомъ «союзнаго совѣта», идущимъ полукругомъ отъ президентскаго кресла, красуется одинъ лишь прусскій министръ юстиціи, Шенштетъ, толстенькій старичекъ съ свѣжимъ, чисто выбритымъ лицомъ и розоватымъ черепомъ, слегка прикрытымъ дѣтскимъ пушкомъ. Пустынно и въ депутатскихъ мѣстахъ, большинство желтыхъ сафьяновыхъ сидѣній которыхъ откинуты къ спинкамъ креселъ. Еще налѣво у свободомыслящихъ и соціалъ-демократовъ депутатскіе пиджаки разнаго цвѣта и покроя пестрѣютъ довольно густо, но направо, у консерваторовъ, черпѣетъ всего какой-нибудь десятокъ, полтора черныхъ сертуковъ. Даже въ «ящикѣ журналистовъ» видны почти только стенографы большихъ ежедневныхъ газетъ, обязанные высиживать даже и скучныя засѣданія.

Можно подумать, что на этотъ разъ рейхстагъ занимается какими-нибудь пустяками, не представляющими интереса, изъ-за которыхъ господамъ министрамъ, консерваторамъ и національ-либераламъ не стоитъ пропускать лучшее время охотничьяго сезона. А между тѣмъ на дѣлѣ обсуждается новый судебный законъ, имѣющій громадное общественное значеніе. Рѣшается судьба вопроса о расширеніи или съуженіи, усиленіи или ослабленіи суда присяжныхъ, о вознагражденіи невинно-осужденныхъ и т. п. Чего, кажется, важнѣе, но господамъ «юнкерамъ» всѣхъ оттѣнковъ куда пріятнѣе стрѣлять зайцевъ, чѣмъ, споря о судѣ присяжныхъ и о разныхъ юридическихъ тонкостяхъ, постоянно наталкиваться на шпагу Мефистофеля-Штатхагена.

Да они и спокойны; они знаютъ, что, еслибы свободомыслящимъ или соціалъ-демократамъ удалось провести въ рейхстагѣ что-нибудь, «несогласное съ духомъ времени», то бдительный «союзный совѣтъ» ни за что бы этого не одобрилъ, и все осталось бы по-старому. Конечно, не слѣдовало оставлять безъ поддержки почтеннаго министра юстиціи съ его разными тайными юридическими совѣтниками, ихъ такъ и ѣстъ Штатхагенъ, этотъ способный агитаторъ, исключенный «за убѣжденія» изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ (Rechtsanwälte), съ которымъ мы уже встрѣчались на готскомъ партейтагѣ. Здѣсь, въ рейхстагѣ, съ врагами Штатхагенъ совсѣмъ иной, чѣмъ былъ тамъ среди друзей; здѣсь онъ все время сражается, стараясь уколоть противника въ самое больное мѣсто, предварительно выбивъ у него шпагу изъ рукъ. Небрежно облокотившись на столъ союзнаго совѣта, слегка скрестивъ длинныя тонкія ноги, стоитъ онъ на ступеняхъ, ведущихъ къ трибунѣ и, точно Мефистофель, вздумавшій пощекотать Санче-Панче, донимаетъ онъ своими сарказмами министра юстиціи. Отбояриваясь, Санче-Панче вызываетъ постоянно смѣхъ, особенно, когда онъ величаетъ Штатхагена господиномъ присяжнымъ повѣреннымъ (Rechtsanwalt), забывая, что тотъ исключенъ изъ этого «сословія».

На этотъ разъ у Штатхагена находятся способные сторонники изъ среды свободомыслящихъ и демократовъ, такъ какъ дѣло идетъ о вопросѣ важномъ и для нихъ, о судѣ присяжныхъ. Въ своемъ проектѣ правительство сокращаетъ компетенцію суда присяжныхъ, выдѣляя изъ нея преступленія должностныя, торговыя и т. п., оппозиція же, напротивъ, стремится расширить кругъ дѣйствій этого суда, включивъ въ него преступленія, совершаемыя путемъ печати, которыя въ Сѣверной и Средней Германіи подсудны коронным судьямъ безъ участія присяжныхъ. Въ рейхстагѣ въ 1876 году уже происходили по этому поводу бурныя пренія; тогда громадное большинство народныхъ представителей, въ томъ числѣ и національ-либералы, были на сторонѣ суда присяжныхъ, и только рѣшительное противодѣйствіе правительства заставило ихъ принять компромиссъ, по которому Южная Германія сохраняетъ судъ присяжныхъ для всѣхъ преступленій

печатнымъ словомъ, въ остальной части имперіи они остаются въ исключительномъ вѣдѣніи коронныхъ судей. Опытъ 20 лѣтъ доказалъ, что «южная» практика несравненно справедливѣе и цѣлесообразнѣе «сѣверной», и оппозиція, пользуясь пересмотромъ уголовнаго судопроизводства, предпринятаго самимъ правительствомъ, снова поставила на очередь старое требованіе, но на этотъ разъ на сторонѣ ея не стояли ни національ-либералы, ни центръ. Не смотря на это, крайняя «лѣвая» вела атаку съ энергіей и одушевленіемъ. Особенно искренно говорилъ докторъ Конрадъ, членъ южно-германской «народной партіи», недавно еще вступившій въ рейхстагъ. Онъ—одна изъ наиболѣе привлекательныхъ личностей нѣмецкаго парламента. Чистый германскій типъ. Шапка вьющихся свѣтло-каштановыхъ волосъ, бѣлокурая шелковистая борода, прямой красивый носъ и голубые вдумчивые глаза. Стройную фигуру плотно облегаетъ оригинальный черный сюртукъ военнаго покроя безъ пуговицъ. Конрадъ—демократъ чистой воды, онъ вѣритъ въ торжество справедливости, въ близкое наступленіе эры равенства и свободы, но онъ не соціалистъ, не марксистъ и не подчиняетъ идею экономическимъ условіямъ.

Какъ новичекъ, говоритъ онъ еще неувѣренно, часто справляется съ запискою, которую держитъ въ рукахъ, но всѣ слова его звучатъ искреннимъ и непосредственнымъ чувствомъ. Говоря объ отношеніи правительства къ суду присяжныхъ, Конрадъ негодуетъ, что нѣмецкому народу, народу философовъ, справедливо гордящемуся своимъ образованіемъ, чиновники пытаются отказать въ здравомъ смыслѣ, въ умѣньѣ произносить правильное сужденіе о томъ или другомъ преступленіи, тогда какъ профессіональнымъ судьямъ, замурованнымъ въ своей юридической абракадабрѣ, только въ теоріи независимымъ, на практикѣ же чающимъ отъ правительства наградъ и повышеній, приписывается особая прозорливость и непогрѣшимость.

«Нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—здѣсь дѣло идетъ о болѣе важныхъ и глубокихъ вещахъ, здѣсь дѣло идетъ о послѣдовательной реакціи, о хорошо взвѣшенномъ намѣреніи дискредитировать судъ присяжныхъ только потому, что онъ—судъ *народный*, потому, что онъ—выраженіе высшей интеллигенціи. Здѣсь дѣло о томъ, чтобы наложить на народный духъ новыя оковы, чтобъ до послѣдней степени стѣснить свободу слова и усилить правовую неувѣренность, отъ которой мы такъ страдаемъ. Но я надѣюсь, что представители народа будутъ знать, что имъ дѣлать. Нѣтъ другой области, въ которой бы мы имѣли столько основанія не довѣрять казеннымъ юристамъ, какъ именно во всемъ, что связано съ духовною жизнью націи, съ жизнью печати».

Не менѣе энергично въ пользу суда присяжныхъ высказался и симпатичный старикъ Трегеръ, одинъ изъ видныхъ ветерановъ свободомыслящей народной партіи, выбранный въ 1893 г. сразу въ двухъ округахъ, не смотря на то, что въ общемъ его партія попесла, какъ

извѣстно, страшное пораженіе. По мнѣнію Трегера, судъ присяжныхъ долженъ служить примиренію застывшей буквы закона съ развивающимися взглядами народа. «Печать должна быть фонографомъ общественнаго мнѣнія и она грѣшитъ (!), если идетъ противъ теченія большинства народа. Именно пресса-то и должна быть подчинена суду присяжныхъ, такъ какъ профессіональные судьи слишкомъ зависятъ отъ мертвой буквы закона. Нѣтъ ничего худого въ томъ, что судъ присяжныхъ подчиняется общественному мнѣнію, скорѣе наоборотъ, потому что вѣдь общественное мнѣніе въ концѣ-концовъ лишь здравый человѣческій разсудокъ».

Изъ соціалъ-демократовъ за судъ присяжныхъ выступили Фроме [1]) Штатхагенъ и Бебель. Фроме въ рейхстагѣ говоритъ по юридическимъ вопросамъ много удачнѣе, чѣмъ на партейтагѣ объ искусствѣ, которое вообще, кажется, ему не особенно сродни. Онъ привелъ, между прочимъ, цѣлый рядъ «удивительныхъ» процессовъ, въ доказательство партійнаго пристрастія профессіональныхъ судей. «Свобода печати въ Германіи,—говорилъ онъ,—совершенно (!) уничтожена. Прокуроры и судья превратились въ цензоровъ. Не даромъ «Гамбургскія Извѣстія» (органъ Бисмарка) совѣтовали судьямъ не быть по отношенію къ соціалъ-демократамъ слишкомъ экономными въ назначеніи наказаній и *вообще не стѣсняться закономъ*».

Рѣчь Штатхагена была безпощадной критикой нѣмецкаго чиновничества, спеціально нѣмецкихъ судей. Это было какъ бы повтореніе его рѣчи въ 1892 г., произнесенной внѣ стѣнъ рейхстага, и потому повлекшей за собой его исключеніе изъ сословія адвокатовъ. Штатхагенъ прочелъ, между прочимъ, любопытный циркуляръ, подписанный всѣми прусскими министрами, въ которомъ всѣмъ чиновникамъ предлагалось не агитировать, другими словами, не высказываться противъ правительственныхъ мѣропріятій. Циркуляръ этотъ распространяется и на судей и служитъ лишнимъ доказательствомъ, что ихъ пресловутая «независимость—просто сказка».

Противъ всѣхъ этихъ нападковъ выступили два правительственныхъ представителя, два «тайныхъ высшихъ юридическихъ совѣтника», фонъ-Ленте и фонъ-Лукасъ, но они защищали профессіональныхъ судей такъ слабо, такимъ невнятнымъ, шамкающимъ голосомъ, что на помощь имъ вышелъ изъ среды рейхстага національ-либералъ Гюнтеръ, тоже какой-то высшій юридическій совѣтникъ и тоже, къ сожалѣнію, не говорящій, а шамкающій.

Онъ выразилъ удивленіе, какъ можно находить что-нибудь предосудительное въ совершенно естественномъ требованіи правительства, чтобъ его чиновники не агитировали противъ правительственныхъ мѣропріятій.

---

[1]) Кстати: въ моей прошлой статьѣ («Готскій партейтагъ») оказались опечатки, и Фроме два раза названъ Фрошине.

«Будь господинъ Штатхагенъ владѣльцемъ какого-нибудь промышленнаго предпріятія,—прибавилъ Гюнтеръ ядовито,—онъ, конечно, меньше, чѣмъ кто-нибудь другой, допустилъ агитацію противъ себя со стороны своихъ подчиненныхъ». Слова эти встрѣчаются шумными протестами на скамьяхъ крайней лѣвой, особенно, видимо, негодуетъ пылкій Бебель; онъ бросаетъ въ сторону Гюнтера и его друзей краткую, но жгучую импровизацію.

«Думать правительство, конечно, не можетъ запретить своимъ чиновникамъ, но выражать свои мысли оно запрещаетъ, и если это чиновники находятъ явленіемъ нормальнымъ, то мы должны вписать въ конституцію, что ни одинъ государственный чиновникъ не долженъ быть избираемъ въ парламентъ. Этого взгляда держался прежде и князь Бисмаркъ, которому во время конфликта съ прусскимъ ландтагомъ (въ 60-хъ годахъ) порядкомъ насолили злые участковые судьи и который боялся, что подобныя времена снова вернутся. Въ этомъ онъ, конечно, ошибся...

«Разумѣется, въ настоящее время и правительство своимъ чиновникамъ, и предприниматели своимъ рабочимъ запрещаютъ выражать свои мнѣнія, но что это явленіе находитъ себѣ защитника въ лицѣ юриста-судьи, и сидящаго даже на лѣвой [1]) сторонѣ рейхстага, это ужъ... немножко слишкомъ».

Ораторъ вспоминаетъ, что когда-то націоналъ-либералы, друзья Гюнтера, энергично стояли за подчиненіе преступленій печатнымъ словомъ суду присяжныхъ, но времена измѣнились, теперь имъ присяжные неудобны, потому что ихъ труднѣе сдѣлать покорнымъ орудіемъ господствующаго класса; они не обладаютъ тонкой способностью интерпретаціи (толкованія закона), они не съумѣютъ понять dolis eventualis и осудить человѣка за то, что другимъ показалось, что онъ совершилъ преступленіе. (Здѣсь Бебель вспоминаетъ въ своемъ родѣ «знаменитый» процессъ Либкнехта, котораго въ прошломъ году присудилъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія бреславскій судъ. При этомъ судьи оффиціально заявили (въ мотивировкѣ своего рѣшенія), что подсудимый въ своей рѣчи *не хотѣлъ* оскорблять и *не оскорбилъ* императора, но, тѣмъ не менѣе, рѣчь эта, по ихъ мнѣнію, такъ построена, что слушатели могли понять нѣкоторыя мѣста ея въ смыслѣ оскорбленія величества; поэтому, оратора необходимо все же подвергнуть хотя и смягченному наказанію. Рѣшеніе это произвело величайшую сенсацію во всей Германіи и, вѣроятно, многихъ колеблющихся перевело въ лагерь соціалъ-демократовъ.

Рѣчь Бебеля, по обыкновенію, была со вниманіемъ выслушана какъ друзьями, такъ и врагами, но она не устыдила націоналъ-либераловъ.

---

[1]) Націоналъ-либералы все еще «по традиціи» сидятъ на скамьяхъ лѣвой, хотя имъ теперь было бы умѣстнѣе сидѣть рядомъ съ консерваторами.

Съ поддержкою послѣднихъ, а также и большинства центра предложеніе правительства о сокращеніи компетенціи суда присяжныхъ было принято; требованіе же оппозиціи распространить ее на преступленія печатнымъ словомъ было отвергнуто.

Недовѣріе правительства къ суду присяжныхъ—лишнее доказательство, что «новый курсъ» окончательно сданъ въ архивъ и истинными государственными основами по прежнему признаются лишь бюрократизмъ и милитаризмъ.

Черезъ день послѣ этого «дѣловаго», но, по моему мнѣнію, чрезвычайно интереснаго и характернаго засѣданія, рейхстагъ положительно осаждался массою любопытныхъ изъ всѣхъ классовъ общества, тщетно умолявшихъ директора, дѣлопроизводителя и даже швейцаровъ дать имъ возможность проникнуть на рѣдкое и сенсаціонное засѣданіе, въ которомъ имперскій канцлеръ долженъ былъ дѣлать разъясненія по поводу «разоблаченій «Гамбургскихъ Извѣстій» въ отвѣтъ на интерепеляцію (запросъ) центра. Не успѣла еще окончиться «русская недѣля» въ Парижѣ, которая, разумѣется, сильно волновала нѣмцевъ, какъ въ органѣ князя Бисмарка—«Гамбургскихъ Извѣстіяхъ»—появилась анонимная статья, сообщавшая, что въ 1884 году между Россіей и Германіей былъ заключенъ тайный договоръ, обязывавшій договаривавшіяся стороны сохранить нейтралитетъ, еслибы одной изъ нихъ была объявлена война. Такимъ образомъ, еслибы Франція объявила войну Германіи, Россія не могла бы присоединиться къ первой изъ нихъ; съ другой стороны, еслибы Австрія объявила войну Россіи, Германія должна была бы остаться нейтральной.

По словамъ «Гамбургскихъ Извѣстій», договоръ этотъ не былъ возобновленъ въ 1890 году, при этомъ дѣлались намеки, что въ безразсудномъ шагѣ преемника «желѣзнаго канцлера» виноваты были какія-то «англійскія вліянія». Понятно, какую сенсацію вызвали эти «разоблаченія», авторомъ которыхъ, конечно, былъ самъ князь Бисмаркъ. Особенно, конечно, должны были они поразить формальныхъ союзницъ Германіи, Австрію и Италію, и опасеніе, выраженное многими газетами, что «разоблаченія» могутъ поколебать довѣріе союзницъ къ Германіи, а вмѣстѣ пошатнуть и весь тройственный союзъ, было не совсѣмъ безосновательно. Правительственному органу «Reichsanzeiger» необходимо было высказаться, и онъ долженъ былъ, хотя и не совсѣмъ прямо, подтвердить вѣрность «разоблаченій», но при этомъ заявилъ, что правительство не можетъ касаться подробно договора съ Россіей, такъ какъ онъ, не смотря на прекращеніе его, все же еще составляетъ «государственную тайну». Выходило, что князь Бисмаркъ раскрылъ государственную тайну, совершилъ важное государственное преступленіе. Общественное волненіе и недоумѣніе усиливались, и рейхстагъ, какъ верховный представитель имперскаго народа, не могъ остаться безучастнымъ, и самая многочисленная фракція его—

центръ—рѣшила потребовать у правительства разъясненій. Канцлеръ согласился отвѣчать. «Историческій» день наступилъ. Не безъ труда удалось мнѣ проникнуть на «трибуну журналистовъ».

На этотъ разъ рейхстагъ выглядѣлъ торжественно. Всѣ члены «союзнаго совѣта» на мѣстахъ; ложи блестятъ расшитыми мундирами, видны послы австрійскій и итальянскій; депутаты, правда, явились не всѣ, но большинство «вождей» налицо и готовы къ бою. Вонъ толстая глыба Рихтера съ огромнымъ почти голымъ черепомъ, черезъ который перекинуты нѣсколько прядей еще черныхъ волосъ. Лицо некрасивое, грубое, съ безформеннымъ носомъ, но громадный, рельефный, почти сократовскій лобъ невольно внушаетъ къ себѣ уваженіе, показывая, что за нимъ скрытъ не совсѣмъ дюжинный мозгъ. Вонъ и предводитель центра—Либеръ—лысый, красноносый, въ золотыхъ очкахъ, по обыкновенію прикрывающій волнующія его чувства шутовскимъ выраженіемъ лица. И суетящійся Рикертъ съ бѣлой бахромой позади блестящаго черепа, и гордый графъ Мирбахъ, съ аккуратно расчесанными темнорыжими волосами, съ непріятно скошеннымъ на сторону ртомъ, и какъ будто безносый графъ Кардорфъ, похожій на старую обезьяну, и порывистый Бебель съ характерными надглазными буграми, съ глубоко лежащими, удивительно лучистыми и молодыми глазами—всѣ тутъ, всѣ столпились около крошечнаго, сѣденькаго старичка съ наклоненной въ лѣвую сторону головой. Сухое, бритое лицо съ небольшими сѣдыми усами походитъ на лица нашихъ отставныхъ армейскихъ солдатиковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ сторожами. Это свѣтлѣйшій князь Гогенлоэ, канцлеръ германской имперіи, еле слышнымъ голосомъ читающій по бумажкѣ отвѣтъ на запросъ «центра».

Отвѣтъ во всѣхъ пунктахъ самый успокоительный: отношенія у Германіи со всѣми державами не оставляютъ желать ничего лучшаго, безпокойство, вызванное въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія сосѣднихъ державъ, удалось устранить; «англійскія вліянія» не играли при прекращеніи договора съ Россіей никакой роли.

Имя князя Бисмарка не было произнесено ни разу, вообще, правительство видимо рѣшило не нападать на злого «старика въ саксонскомъ лѣсу» и, по возможности, мирно уладить устроенный имъ скандалъ. Это было особенно замѣтно въ ловкой рѣчи «статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ» фонъ-Маршаля [1]), говорившаго послѣ Гогенлоэ.

---

[1]) Въ то время, кака мы пишемъ эти строки, фонъ-Маршаль, явившись свидѣтелемъ въ процессѣ фонъ-Люцова (журналиста-шпіона) передъ лицомъ всего свѣта смѣло раскрываетъ интриги, которыми тайная полиція, созданная еще при Бисмаркѣ, опутала высшихъ государственныхъ людей Германіи и даже самого императора. Оказывается, что руководитель тайной полиціи «смѣнялъ» министровъ и способствовалъ паденію графа Каприви. Теперь, благодаря энергіи фонъ-Маршаля, который дѣлается самымъ популярнымъ государственнымъ человѣкомъ Германіи,

Ораторскимъ талантомъ этотъ умный и благородный дипломатъ не блещетъ, но политическаго такта у него очень много. Онъ произносилъ рѣчь монотоннымъ голосомъ, искусственно возвышая его на тѣхъ мѣстахъ, которыя хотѣлъ подчеркнуть, но, тѣмъ не менѣе, его постоянно прерывали одобрительные возгласы. Онъ съумѣлъ почти всѣмъ угодить, послалъ дружественные привѣты всѣмъ державамъ, выгородилъ Каприви и Гогенлоэ и, наконецъ, старательно позолотилъ пилюлю, которую ему пришлось поднести заржавѣвшему «желѣзному канцлеру».

«Я осмѣливаюсь, — сказалъ, между прочимъ, Маршаль, — высказаться откровенно: государственное искусство князя Бисмарка такъ твердо внѣдрилось въ сознаніе всего образованнаго міра, что оно не нуждается въ прославленіи каждаго отдѣльнаго его поступка, и благодарность, которую долженъ чувствовать къ нему каждый нѣмецъ за то, что онъ сдѣлалъ для Германіи, право, не требуетъ тяжкихъ обвиненій, бросаемыхъ въ его преемника».

Нейтралитетный союзъ съ Россіей, по мнѣнію Маршаля, не противорѣчитъ тройственному союзу, но людямъ, не обладающимъ геніальными способностями князя Бисмарка, лучше было устранить первый изъ нихъ, чтобъ не навязать себѣ трудной для нихъ задачи, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, именно—разрѣшеніе вопроса, которая изъ этихъ странъ начала войну? Если Австрія—Германія должна остаться нейтральною, если Россія—она должна помочь Австріи. Закончилъ свою рѣчь Маршаль гордымъ признаніемъ германской мощи, всегда готовой лечь на чашку міровыхъ вѣсовъ, чтобъ перетянуть ихъ въ сторону мира. Это торжественное заявленіе въ пользу мира вызвало особенно горячія одобренія.

Любопытное это явленіе! Никогда еще Европа не была такъ сильно вооружена, никогда еще она не готовилась такъ поспѣшно къ войнѣ и... никогда еще миръ не былъ среди народовъ ея такъ популяренъ.

Вслѣдъ за представителями правительства съ своими заявленіями по поводу «разоблаченій» Бисмарка и отвѣтовъ Гогенлоэ и Маршаля стали выступать одинъ за другимъ вожди всѣхъ партій рейхстага.

Первымъ выступилъ отъ центра—Либеръ. Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу рѣчей обоихъ представителей правительства; онѣ, по его мнѣнію, въ значительной степени разсѣяли безпокойство нѣмецкаго народа. Заключеніе нейтралитетнаго договора съ Россіей при существованіи тройственнаго союза онъ, однако, осудилъ гораздо рѣшительнѣе Маршаля. Онъ пожелалъ, чтобъ въ будущемъ Германія никогда больше не сходила съ пути лояльной иностранной политики, на который она вступила въ 1890 году. «Мы твердо держимся принципа: Германія должна быть другомъ нашихъ друзей и врагомъ нашихъ враговъ». Имя Бисмарка и онъ, подобно Гогенлоэ, не произнесъ ни разу. Представители

интригамъ полиціи нанесенъ рѣшительный ударъ. Повидимому, въ борьбѣ съ полиціей принялъ участіе и императоръ, въ характерѣ котораго не мало благородства.

нѣмецкихъ консерваторовъ (графъ Мантефейль), имперской партіи (Гютлингенъ) и національ-либераловъ (Эннецерусъ) ограничились короткими заявленіями съ выраженіемъ довѣрія политикѣ Бисмарка, обезпечившей Германіи дружбу Россіи. Казалось, всѣми рѣшено было щадить князя Бисмарка, и его сынъ графъ Гербертъ, присутствовавшій на этотъ разъ въ рейхстагѣ, сталъ смотрѣть веселѣе. Впрочемъ, его красивое, надменное лицо съ характерными складками между густыми бровями, никогда, кажется, не въ состояніи засвѣтиться настоящею, беззаботною радостью. Не только лицо, но и вся его мощная фигура проникнута, если можно такъ выразиться, породистою надменностью...

Но... вдругъ поднялась съ своего мѣста толстая и неуклюжая фигура непримиримаго врага Бисмарка—Евгенія Рихтера. По всей залѣ, по всѣмъ трибунамъ и ложамъ пробѣжало волненіе. Пощадитъ-ли и онъ своего когда-то могучаго врага? Нѣтъ, Рихтеръ не пощадилъ заржавѣвшаго канцлера и напалъ на него съ старою ненавистью. Удивительно хорошо говоритъ онъ; въ рейхстагѣ онъ уступаетъ одному только Бебелю. Какъ всѣ талантливые современные ораторы, Рихтеръ избѣгаетъ пафоса, но онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ модулируетъ свой мягкій голосъ, художественно подчеркивая наиболѣе важныя мѣста своей рѣчи, и только изрѣдка прогрохочетъ у него раскатъ гнѣвнаго грома.

Рѣзко нападалъ Рихтеръ на политику Бисмарка по отношенію къ Россіи,—политику, которой такъ восхищаются друзья «желѣзнаго канцлера». По словамъ его, Бисмаркъ дѣлалъ все, что возможно, чтобы внушить Россіи недовѣріе къ Германіи, и совсѣмъ не политика Каприви, а «честное маклерство» на берлинскомъ конгрессѣ бросило Россію въ объятія Франціи. Современными, сравнительно, хорошими отношеніями къ Россіи Германія обязана, главнымъ образомъ, Каприви, который заключилъ русско-нѣмецкій торговый договоръ, почему-то не дававшійся Бисмарку. Сурово осудилъ ораторъ намеки на какія-то англійскія вліянія; они «выставляютъ корону маріонеткою англійскихъ вліяній», и графъ Бисмаркъ обязанъ оправдать своего отца, сказавъ здѣсь, въ рейхстагѣ, что эти скверныя заподозриванія исходятъ не отъ князя.

Опубликованіе договора, по мнѣнію оратора, несомнѣнно тяжелое государственное преступленіе, но, «во вниманіе къ преклонному возрасту и заслугамъ князя Бисмарка, милость должна здѣсь идти впереди права». Вообще, преступленіе Бисмарка смягчается многими обстоятельствами. Онъ до того, напр., сжился съ представленіемъ, что будетъ до конца жизни руководить судьбами Германіи, онъ до того отожествилъ себя съ имперіей, что всякое правительство, замѣняющее его, будь оно хоть такъ любезно, какъ князь Гогенлоэ, представляется ему узурпаціей и вторженіемъ въ его семейныя права. Поклонники дѣлали изъ него идола, и онъ повѣрилъ этому. Но времена измѣнились, идолъ свалился, и теперь всѣ, за исключеніемъ однихъ только жалкихъ антисемитовъ, сторонятся отъ Бисмарка, не рѣшаясь защищать его измѣну.

Рѣчь Рихтера сразу оживила рейхстагъ, она все время прерывалась то смѣхомъ, то одобреніемъ, то негодующими возгласами консерваторовъ и національ-либераловъ. «Запретъ» былъ снятъ, и всѣ дебаты свелись теперь къ защитѣ или осужденію перваго канцлера германской имперіи. Первымъ съ отвѣтомъ Рихтеру выступилъ консерваторъ графъ Мирбахъ. Съ негодованіемъ протестовалъ онъ противъ обвиненія Бисмарка въ желаніи уязвить «высокое лицо» (т.-е. императора) указаніемъ на «англійскія вліянія».

«Князь Бисмаркъ,—воскликнулъ графъ Мирбахъ,—рискуя своимъ имуществомъ («и накопляя милліоны!» вставилъ кто-то съ крайней лѣвой)... и своей головой, создалъ крѣпкое прусское королевство, этотъ фундаментъ германской имперіи. Кто въ состояніи былъ сдѣлать это, тотъ до конца жизни останется монархистомъ».

Не успѣли смолкнуть эти слова, какъ на трибуну поднимается Либкнехтъ. Надо замѣтить, что старый вождь соціалъ-демократовъ съ нѣкоторыхъ поръ потерялъ въ рейхстагѣ славу хорошаго оратора. Онъ не умѣетъ заставить слушать себя своихъ враговъ, какъ это всегда удается Бебелю. Обыкновенно появленіе Либкнехта на ораторской трибунѣ служитъ сигналомъ для выхода изъ залы большинства членовъ «правой». На этотъ разъ они выходятъ особенно демонстративно, только небольшая кучка остается, повертываясь къ оратору спиной и довольно громко переговариваясь съ графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ. Одинъ изъ «правыхъ» депутатовъ, вѣроятно, какой-нибудь графъ или князь, подходитъ довольно близко къ оратору и всматривается въ него съ злобой и насмѣшкой, передразнивая при этомъ его обычные жесты правою рукой. Но Либкнехтъ не смущается и держитъ длинную филиппику противъ Бисмарка.

Онъ сравниваетъ его съ «опытнымъ преступникомъ, въ мотивахъ преступленія котораго нельзя разобраться»; онъ осуждаетъ всю политику Бисмарка съ начала до конца, называя ее и неразумной, и безчестной; онъ вспоминаетъ поддѣлку эмсовской депеши, вызвавшую войну съ Франціей; онъ обвиняетъ Бисмарка въ братоубійственной войнѣ съ Австріей и въ отнятіи у Франціи Эльзасъ-Лотарингіи, что является теперь главною причиною раззорительныхъ вооруженій и неувѣренности въ мирѣ.

Рѣчь была составлена очень старательно и умно, но впечатлѣнія она, по обыкновенію, не произвела: въ ней мало было пылкости, огня и задора, заставляющихъ противниковъ вслушиваться противъ ихъ собственной воли.

Никто не отвѣтилъ Либкнехту по существу, но антисемитъ Либерманъ-фонъ-Зонненбургъ высмѣялъ его довольно зло. Зонненбургъ одна изъ характерныхъ фигуръ въ рейхстагѣ. Его циничная физіономія съ низкимъ лбомъ, нечистыми глазами, курносымъ носомъ и длинными рыжими бакенбардами, чрезвычайно типична для антисемитскаго агитатора.

*

Вульгарность и нахальство—обычныя свойства антисемитскихъ демагоговъ, но за словомъ въ карманъ они никогда не лазаютъ и умѣютъ смѣшить слушателей, какъ простыхъ крестьянъ, такъ и благородныхъ графовъ.

«Серьезно обсуждать рѣчь г. Либкнехта, разумѣется, нельзя,—началъ Зонненбургъ,—это, вѣроятно, сознаютъ и его товарищи по убѣжденію. Мнѣ кажется, они сыграли сегодня съ нимъ злую шутку. Они нарочно выпустили говорить именно его, чтобы всему свѣту доказать его неспособность къ редактированію «Vorwärts'a», чтобъ показать, какъ они были правы въ своихъ нападкахъ на него на готскомъ партейтагѣ».

Обратясь къ Рихтеру, ораторъ замѣтилъ, что тому «не слѣдовало бы слишкомъ презрительно отзываться объ антисемитахъ, такъ какъ ихъ партія безпрерывно разростается, партія же Рихтера все таетъ и таетъ, и въ 1898 году, при слѣдующихъ выборахъ, мы будемъ, вѣроятно, въ состояніи сказать словами Уланда: «отъ былаго великолѣпія осталась только толстая колонна». Весь рейхстагъ разсмѣялся, взглянувъ на Рихтера, дѣйствительно, похожаго на толстую колонну. Бисмарка Зонненбургъ возносилъ до небесъ и выражалъ увѣренность, что и сдѣланныя имъ «разоблаченія», какъ и всѣ остальныя дѣйствія, послужатъ къ вящшей славѣ Германіи. «О правѣ толковать нечего, такъ какъ Бисмаркъ, въ сущности, несмѣняемый канцлеръ германской имперіи, и другого канцлера у насъ до сихъ поръ не было и нѣтъ». При этихъ словахъ ораторъ нахально взглянулъ на старичка Гогенлоэ, сидѣвшаго противъ него, но у того на усталомъ и безучастномъ лицѣ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

Далѣе враговъ Бисмарка онъ сопоставилъ съ критиками, когда-то нападавшими на Гёте. И тѣ, и другіе слишкомъ малы, чтобъ понять такихъ большихъ людей, какъ величайшій нѣмецкій поэтъ и величайшій нѣмецкій государственный человѣкъ. Не забыта была и басня объ умирающемъ львѣ и ослѣ, ударяющемъ его копытомъ. «Такихъословъ много среди враговъ Бисмарка... внѣ этого высокаго дома, разумѣется», — прибавилъ онъ съ усмѣшкой. Но оратору не удалось сказать послѣдняго слова, его съумѣлъ довольно удачно высмѣять представитель южной «народной партіи» Гаусманъ.

Гаусманъ—красивый молодой брюнетъ съ великолѣпными черными усами—произноситъ свои рѣчи ровнымъ спокойнымъ голосомъ, опустивъ глаза въ полъ, безъ всякой жестикуляціи... Но тѣмъ большій эффектъ производятъ ядовитыя шутки, которыя онъ направляетъ по адресу своихъ противниковъ.

Либермана-фонъ-Зонненбурга онъ удачно сравнилъ съ придворнымъ шутомъ консервативной партіи. «Благородные господа охотно смѣются его шуткамъ, но себя самихъ считаютъ слишкомъ порядочными, чтобъ говорить подобныя вещи». Князя Бисмарка Гаусманъ задѣлъ такъ больно, что графъ Гербертъ выступилъ съ «личнымъ замѣчаніемъ».

«Отвѣчать по существу г. Гаусману,—сказалъ онъ,—мнѣ мѣшаетъ мое чувство такта, которое, разумѣется у разныхъ людей развито различно, что, напр., доказываетъ сегодняшная рѣчь депутата Гаусмана. Я думаю, его достоинство значительно бы выиграло, еслибы онъ просто промолчалъ».

«Семейству Бисмарка не слѣдовало бы говорить о чувствѣ такта,—парировалъ Гаусманъ,—такъ какъ оно съ своими газетными нападками не стоитъ на высотѣ положенія».

Этой перестрѣлкой и закончился «историческій» бисмарковскій день. Онъ, во всякомъ случаѣ, не послужилъ, какъ увѣряютъ антисемисты, къ усиленію славы князя Бисмарка. Да, его значеніе совсѣмъ не въ «князѣ Бисмаркѣ» и даже не въ рѣчахъ Гогенлоэ и Маршаля, его значеніе въ томъ, что рейхстагу удалось добиться признанія за собой болѣе или менѣе серьезнаго контроля за внѣшней политикой правительства, и въ этомъ смыслѣ «бисмарковскій день», дѣйствительно, можетъ быть названъ «историческимъ».

Еще рѣшительнѣе поддержалъ свое достоинство рейхстагъ въ слѣдующія за этимъ днемъ два засѣданія (17-го и 19-го ноября нов. ст.), когда обсуждался запросъ свободомыслящихъ по поводу убійства въ Карлсруэ и усиливающихся дуэлей среди офицеровъ. Дѣло Брюзевица, о которомъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, пріобрѣло особенно острый характеръ съ тѣхъ поръ, какъ въ него косвенно вмѣшался самъ Вильгельмъ II, сказавшій въ своей рѣчи рекрутамъ особый афоризмъ: «кто затрогиваетъ мой мундиръ (т.-е. вообще военную форму), тотъ оскорбляетъ меня самого». Это заявленіе, сдѣланное въ связи съ дѣломъ Брюзевица, шло какъ разъ въ разрѣзъ съ нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ, рѣшительно осуждающимъ въ настоящее время какъ своеобразное пониманіе чести господами офицерами, такъ и тенденціозное выискиванье оскорбленій величества. Рѣшительное сраженіе между оппозиціей рейхстага и правительствомъ сдѣлалось неминуемымъ.

Условія, въ которыхъ стояло на этотъ разъ правительство, были для него въ высшей степени неблагопріятны. Старый военный министръ рѣзкій, но остроумный генералъ Бронзаръ незадолго до возобновленія занятій рейхстага вышелъ въ отставку, по слухамъ, разойдясь съ императоромъ по вопросу о пересмотрѣ военнаго судопроизводства, причемъ министръ стоялъ на болѣе либеральной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Вильгельмъ II. Бронзара смѣнилъ мало извѣстный генералъ фонъ-Госслеръ—чрезвычайно плохой ораторъ съ глухимъ, еле слышнымъ голосомъ, а между тѣмъ ему именно пришлось защищать правительство, на которое стремительно напалъ лучшій современный ораторъ Бебель, по обыкновенію вооруженный массою сенсаціонныхъ фактовъ. Госслеръ былъ сразу смятъ, и въ то же время необдуманною рѣзкостью такъ оскорбилъ рейхстагъ, что президентъ Буоль косвенно призвалъ его къ порядку и никто изъ

представителей «правой» не рѣшался встать на его сторону. За столомъ «союзнаго совѣта» замѣтно было волненіе, даже Гогенлоэ не съумѣлъ скрыть своего смущенія. Положеніе правительства затруднялось еще тѣмъ, что оппозиція ловко сумѣла воспользоваться различіемъ между военными законодательствами Баваріи, гдѣ военный судъ происходитъ при открытыхъ дверяхъ, и Пруссіи, гдѣ господствуетъ средневѣковой, застѣночный порядокъ, очень удобный для господъ офицеровъ, защищающихъ свою честь и очень печальный для солдатъ, истязуемыхъ въ казармахъ. Оппозиція не отказала себѣ въ удовольствіи сопоставить воззрѣнія Вильгельма II съ воззрѣніями стараго баварскаго принца-регента, ставшаго недавно на сторону одного офицера, отказавшагося по убѣжденію драться на дуэли, хотя его къ этому принуждалъ офицерскій «судъ чести».

Очень красивую рѣчь противъ милитаризма сказалъ свободомыслящій Мункель, обосновывая «запросъ» правительству, но главное нападеніе въ первый день преній предпринялъ, какъ ужъ было сказано, Бебель. Онъ превзошелъ здѣсь самого себя, даже враги были увлечены и чувствовали, что «изъ этого человѣка бьетъ какая-то элементарная сила, невольно къ себѣ привлекающая».

Вспомнивъ афоризмъ объ «оскорбленіи мундира», Бебель воскликнулъ: «Съ какихъ это поръ солдатскій мундиръ сдѣлался мундиромъ короля? Всѣ мундиры оплачиваются налогами народа, и король не могъ бы дѣлать солдатскихъ мундировъ, еслибы не платили налоговъ. Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III въ приказѣ отъ 1799 года сказалъ: «Войско оплачивается моимъ народомъ, не мною». Теперь выходитъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ соціалъ-демократомъ. Теперь даже въ рейхстагѣ едва-едва осмѣливаются высказывать такія воззрѣнія. Нечего сказать, хорошіе успѣхи сдѣлали мы съ тѣхъ поръ! И, если я оскорбляю короля, затрогивая его мундиръ, то надо всѣ нападки на военную форму преслѣдовать, какъ преступленія противъ величества. И чего мы возмущаемся шапкой Гесслера? Отчего не повѣсить теперь «Unter den Linden» (главная улица Берлина) гвардейскую каску и не обязать каждаго мимопроходящаго отдавать ей честь?! Кто этого не сдѣлаетъ, тотъ оскорбитъ величество. Конечно, во времена Нерона и Калигулы можно было заставить даже молиться на императорскую лошадь, но сказать въ концѣ XIX-го столѣтія нѣмецкому народу: если ты за какую-нибудь непристойность хорошенько выколотишь солдатскій мундиръ, то этимъ ты совершаешь оскорбленіе величества»... Это напоминаетъ ancien régime конца XVIII столѣтія, когда также требовались подобныя вещи.

«Приходится серьезно задуматься, если первыми авторитетами государства при каждомъ удобномъ случаѣ высказываются взгляды и принципы, стоящіе въ прямомъ противорѣчіи съ чувствомъ справедливости и со всѣмъ способомъ мышленія современнаго человѣчества. Кто идетъ

неудержимо въ этомъ направленіи, тотъ не долженъ впослѣдствіи удивляться, если получитъ плоды, которыхъ совсѣмъ не ожидалъ. Фразы, изъ чьихъ бы устъ онѣ ни исходили, не заставятъ теперь дрожать цѣлый народъ, не принудятъ его къ слѣпому повиновенію. Этого можно, конечно, желать, но добиться успѣха нельзя». На все это и на массу фактовъ, компрометирующихъ прусскіе военные порядки, министръ фонъ-Госслеръ нашелся лишь замѣтить, что нападки соціалъ-демократовъ не могутъ его оскорбить, они дѣлаютъ ему только честь.

Послѣ этого перваго сраженія рейхстагъ имѣлъ цѣлый день отдыха, такъ какъ 18 (6) ноября въ Пруссіи—«день покаянія» (Busstag), въ который прекращаются всѣ занятіи и всѣ увеселенія. Оппозиція воспользовалась этимъ «днемъ покаянія», чтобы собрать по телеграфу свѣдѣнія о личности какъ убитаго механика Зиммана, такъ и убійцы—лейтенанта Брюзевица.

Дѣло въ томъ, что въ первомъ засѣданіи военный министръ старался до извѣстной степени оправдать поступокъ Брюзевица, рисуя убитаго механика грубымъ, дерзкимъ человѣкомъ, удаленнымъ съ фабрики за худое обращеніе съ рабочими; лейтенанта же образцомъ воспитанности и честности. Теперь ему пришлось горько раскаяться за свои нападки на убитаго.

Извѣстный адвокатъ Ленцманъ взошелъ 19-го ноября на трибуну съ цѣлымъ ворохомъ телеграммъ и документально доказалъ, что характеристика, данная военнымъ министромъ, совершенно невѣрна и въ дѣйствительности убитый механикъ былъ примѣрнымъ работникомъ, получившимъ цѣлый рядъ благодарностей отъ хозяевъ, хотя и стоялъ обыкновенно на сторонѣ рабочихъ; мало того, даже начальство того полка, гдѣ онъ отбывалъ воинскую повинность, атестовало его съ самой лучшей стороны; наоборотъ, Брюзевицъ еще задолго до преступленія былъ извѣстенъ въ Карлсруэ, какъ сумасбродный кутила, постоянно устраивавшій скандалы; одинъ разъ онъ въѣхалъ даже верхомъ въ «кафе Бауеръ».

«Hört! hört!» («слушайте! слушайте!»), грохотало на скамьяхъ «лѣвой», когда Ленцманъ читалъ эти убійственные для министра документы.

Уныніе охватило и «союзный столъ», и придворную ложу, и ряды крайнихъ консерваторовъ. Гогенлоэ, казалось, собирался умирать, до того страдальческое выраженіе имѣло его высохшее лицо. Госслеръ сидѣлъ красный, какъ ракъ, опустивъ голову книзу. Его было жаль, особенно, когда Ленцманъ, не стѣсняясь, провелъ жестокую параллель между ними и его предшественникомъ, генераломъ Бронзаромъ.

Если рѣчь Бебеля можно сравнить съ стремительнымъ натискомъ легкой кавалеріи, то рѣчь Ленцмана была грохотомъ тяжелой артиллеріи. Коснувшись увѣренія Госслера, что офицеры, защищая съ оружіемъ въ рукахъ свою оскорбленную честь, находятся въ состояніи «необходимой обороны» и потому не отвѣтственны, Ленцманъ восклик-

нулъ: «Помните, что и у народа существуетъ право на «необходимую оборону» и берегитесь, чтобъ онъ въ концѣ концовъ, вслѣдствіе пренебреженія къ его справедливымъ требованіямъ, не прибѣгъ къ этому праву самообороны. Я не хотѣлъ бы употреблять непріятно звучащее иностранное слово, но вѣдь въ концѣ концовъ народная самооборона и революція — одно и то же. Тотъ совершаетъ преступленіе, кто не борется противъ причинъ этой самообороны, и я утверждаю, что, если у насъ въ ближайшемъ будущемъ вспыхнетъ революція, до которой я не желалъ бы дожить, то отвѣтственность за нее падетъ на тѣхъ, которые, возвышая одно сословіе, отказываютъ народу въ томъ, что принадлежитъ ему—въ равноправности всѣхъ передъ закономъ». Это предостереженіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Ленцманъ, дѣйствительно, не желалъ бы дожить до революціи. Бѣдному военному министру оставалось лишь сдаться на капитуляцію, что онъ и сдѣлалъ безъ лишняго самолюбія. Онъ взялъ обратно обвиненіе рейхстага въ «подстрекательствахъ противъ офицерскаго сословія», онъ объяснилъ, что не считаетъ, чтобъ Брюзевицъ дѣйствовалъ въ состояніи «необходимой обороны», онъ, наконецъ, согласился, что сравненіе между нимъ и Бронзаромъ должно выйти не въ пользу его, Госслера, и косвенно просилъ себѣ снисхожденія, какъ новичку. Что касается до фактовъ, приведенныхъ Ленцманомъ относительно личностей Зиммана и Брюзевица, то онъ ихъ не зналъ.

«Такова ужъ печальная участь прусскихъ министровъ, — воскликнулъ при этомъ Ленцманъ: — они никогда не знаютъ того, что имъ нужно знать!»

Но важнѣе всего, что Госслеръ объявилъ себя сторонникомъ реформъ военнаго суда, выработанныхъ Бронзаромъ.

Со времени провала пресловутаго «переворотнаго законопроекта» въ 1894-мъ году германское правительство не переживало болѣе тяжелыхъ дней, какъ семнадцатое и девятнадцатое ноября 1896 года. Несомнѣнно, что эти дни произвели сильное впечатлѣніе и на отзывчиваго императора, который въ «ганноверской» рѣчи совѣтуетъ офицерамъ жить въ мирѣ и согласіи со всѣми нѣмецкими гражданами.

В. Поссе.

НОВЫЯ КНИГИ.

Беллетристика.

Марко-Вовчокъ. **Полное собраніе сочиненій.** Томъ первый. Саратовъ. 1896 г.

Нашъ народъ давно уже обвиняется въ полномъ отсутствіи всякаго историческаго интереса, въ томъ, что онъ живетъ сегодняшнимъ днемъ и что ему рѣшительно нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, что было вчера, а тѣмъ болѣе недѣлю, годъ тому назадъ, а ужъ о столѣтіяхъ и говорить нечего. Такимъ образомъ все населеніе Россійской имперіи представляется какъ-бы собраніемъ непомнящихъ родства бродяжекъ, и этимъ объясняютъ то варварское пренебреженіе, какое оказываетъ мѣстное населеніе къ различнымъ остаткамъ старины, всякимъ руинамъ или памятникамъ, которые приходится строго оберегать отъ расхищенія или невѣжественнаго осквернения.

Но мы должны сказать по правдѣ, что совершенно напрасно въ этомъ грѣхѣ обвиняется одинъ неграмотный людъ: онъ невѣжественъ, и это одно въ значительной мѣрѣ смягчаетъ вину незнанія историческаго прошлаго его родины; да и до того-ли ему, чтобы думать объ этомъ прошломъ, когда тяжкая злоба сегодня тяготѣетъ надъ нимъ подчасъ совершенно непосильною ношею. А вотъ обратите вниманіе на нашу просвѣщенную и досужую интеллигенцію,—и развѣ вы не должны будете сознаться, что и она раздѣляетъ съ массой все тотъ же національный грѣхъ забытія вчерашняго дня. Много-ли вы найдете такихъ героевъ, которые одолѣли бы двѣнадцать томовъ Карамзина, а о С. Соловьевѣ-отцѣ и говорить нечего. Свѣдѣнія о прошломъ отечества нашего большинствомъ интеллигенціи почерпаются лишь изъ историческихъ романовъ В. С. Соловьева-сына и изъ драматическихъ представленій, въ родѣ «Самозванца» г. Чаева.

То же забвеніе вчерашняго дня мы видимъ и въ области русской литературы. Мы очень высоко чтимъ нашихъ отечественныхъ корифеевъ и классиковъ, но я убѣжденъ въ томъ, что большинство нашихъ образованнѣйшихъ людей знакомо съ ними лишь по школьнымъ отрывкамъ, и со времени окончанія среднихъ учебныхъ заведеній руки ихъ ни разу не касались этихъ самыхъ корифеевъ, и положительно нѣтъ ничего удивительнаго, что редакторъ журнала могъ принять «Пиковую даму» за произведеніе начинающаго писателя. Ужъ если наши классики—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—терпятъ пренебреженіе, то что же говорить о писателяхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ, которые, хотя и не занимали первыхъ мѣстъ на русскомъ Парнасѣ, но все-таки были не послѣдними

спицами въ колесницѣ,—когда-то ими зачитывались, когда-то и они волновали живыя сердца. Развѣ мы обязаны знать и помнить всѣхъ мелкихъ сошекъ стараго времени? Это дѣло спеціалистовъ; у насъ же едва хватаетъ времени слѣдить за современнымъ теченіемъ литературы. И вотъ, въ силу этихъ соображеній, русскій читатель сосредоточиваетъ весь свой литературный интересъ на двухъ, трехъ романахъ, печатающихся въ послѣднихъ книжкахъ двухъ, трехъ журналовъ; читаетъ, волнуется, споритъ о нихъ и завтра же забываетъ, что прочелъ вчера. Чѣмъ же такой читатель отличается отъ простолюдина, безпечно ломающаго старую развалину, чтобы употребить ея кирпичъ на сооруженіе печки въ своей хатѣ?

Особенно же горе тому писателю, о которомъ не напоминаютъ новыя изданія его сочиненій. Какимъ бы уваженіемъ ни пользовался онъ въ свое время, онъ рискуетъ совсѣмъ выйти изъ памяти русскаго читателя, какъ будто его никогда и не существовало. Мы боимся, что между прочими забытыми талантливыми и полезными тружениками нашей литературы такой именно участи подверглась и г-жа Марко-Вовчокъ. Ни на страницахъ журналовъ и газетъ, ни въ салонныхъ литературныхъ бесѣдахъ имя это давно уже почти совсѣмъ не упоминается, и мы очень сомнѣваемся, чтобы наша современная молодежь читала хоть одну строчку этой почтенной писательницы; многіе, можетъ быть, не слыхивали самаго этого имени.

А между тѣмъ въ лицѣ г-жи Марко-Вовчокъ мы имѣемъ писательницу, оставившую своими разсказами изъ малороссійской и русской народной жизни очень яркій свѣтъ въ нашей литературѣ. Не даромъ она пользовалась нѣкогда славою русской Бичеръ-Стоу. Появленіе ея разсказовъ въ 1858 и 1859 годахъ, наканунѣ освобожденія крестьянъ, произвело положительно сенсацію: г. Тургеневъ удостоилъ перевести томъ этихъ разсказовъ на великорусскій языкъ; Костомаровъ расхваливалъ ихъ на страницахъ «Современника»; Добролюбовъ посвятилъ имъ большую критическую статью въ четыре печатныхъ листа. Произведенія талантливой писательницы нарасхватъ печатались во всѣхъ лучшихъ журналахъ въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Упоминаніе имени ея въ числѣ сотрудниковъ журнала считалось каждою редакціею большою честью и однимъ изъ знаменъ направленія.

Въ силу одного этого мы считаемъ весьма нелишнимъ появленіе новаго изданія сочиненій г-жи Марко-Вовчокъ, предпринятаго въ Саратовѣ редакціей «Саратовскаго Дневника». Имена такихъ, хотя и скромныхъ по величинѣ, но безукоризненно-честныхъ и свѣтлыхъ дѣятелей нашей русской мысли не должны предаваться постыдному забвенію ужъ по одному тому, что они составляютъ гордость и честь нашей литературы, какъ соль своей земли. Пусть знаніе народной жизни въ теченіе сорока лѣтъ, послѣ появленія разсказовъ г-жи Марко-Вовчокъ, сдѣлало значительные успѣхи; пусть многіе изъ разсказовъ г-жи Марко-Вовчокъ покажутся нынѣ нѣсколько сентиментальными; пусть въ нихъ отсутствуютъ ярко обрисованные народные типы и тѣ основы крестьянской жизни, какія открылись передъ нами впослѣдствіи въ сочиненіяхъ Н. Златовратскаго и Гл. Успенскаго, пусть выводимые герои и героини въ разсказахъ Марко-Вовчка шаблонно-стереотипны и смахиваютъ болѣе на отвлеченныхъ пейзанъ, чѣмъ на малорусскихъ

и великорусскихъ мужиковъ и бабъ, парней и дѣвокъ. Но, во-первыхъ, какимъ путемъ можемъ мы наглядно убѣдиться въ успѣхахъ знанія народной жизни, обнаруженныхъ въ сочиненіяхъ современныхъ намъ писателей, если мы не сличимъ эти сочиненія съ тѣми изображеніями народной жизни, какія имѣли мѣсто сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? А во-вторыхъ, далеко не все въ сочиненіяхъ Марко-Вовчка до такой степени ужъ устарѣло, чтобы не имѣть никакого значенія въ наше время. За исключеніемъ нѣсколькихъ тенденціозно-сентиментальныхъ разсказовъ изъ крѣпостного быта, остаются пересказы народныхъ легендъ и сказокъ, которые никогда не утратятъ цѣны по своей чарующей, художественной прелести; другіе разсказы, въ свою очередь, навсегда останутся дороги по своему идейному содержанію. Такія, напримѣръ, вещи, какъ «Маруся» или «Записки причетника», и теперь могутъ быть прочитаны съ увлеченіемъ и пользою, не ограничивающеюся однимъ историческимъ интересомъ.

За одно только боимся мы: не слишкомъ-ли усердствуютъ издатели, предпринявъ, повидимому, полное изданіе всего написаннаго г-жею Марко-Вовчкомъ отъ начала ея дѣятельности до сего дня, въ восьми томахъ. Какъ ни великъ талантъ почтенной писательницы и какого уваженія ни заслуживало бы ея имя, во всякомъ случаѣ, она не принадлежитъ къ числу тѣхъ корифеевъ русской литературы, каждою строкою которыхъ дорожитъ потомство. Многія изъ ея произведеній, какъ мы выше замѣтили, успѣли уже и устарѣть, а другія и во время появленія въ печати не одобрялись ни критикою, ни публикою. Зачѣмъ всѣ такія вещи будутъ отягчать изданіе, какъ излишній балластъ, и въ то же время, увеличивая цѣну изданія, дѣлать его малодоступнымъ для небогатыхъ читателей. Мы увѣрены, что какъ издатели, такъ и сама писательница издаютъ новое собраніе сочиненій ея вовсе не для одного лишь того, чтобы оно, раскупившись въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ, служило бы лишь праздникъ украшеніемъ никѣмъ не читающихся библіотекъ разныхъ тщеславныхъ Китовъ Китычей, а для распространенія въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ среди массы бѣдняковъ, жаждущихъ свѣта. Но такимъ читателямъ, можетъ быть, покажется не по средствамъ купить восьмитомное изданіе, заплативъ за него, конечно, отъ 8 до 10 рублей. Въ виду этихъ соображеній, намъ казалось бы, что было-бы не въ примѣръ и практичнѣе, и полезнѣе сдѣлать выборку изъ всего написаннаго г-жею Марко-Вовчкомъ наиболѣе лучшихъ вещей и издать ихъ не болѣе, какъ въ четырехъ томахъ, а еще лучше въ одномъ томѣ въ два столбца, какъ издаетъ русскихъ писателей г. Ф. Ф. Павленковъ.

Собраніе сочиненій П. Лѣтнева. 10 томовъ.

Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ на поприщѣ русской изящной литературы выдвинулся цѣлый рядъ женщинъ, имена которыхъ съ симпатіей и уваженіемъ произносятся русской читающей публикой. Крестовская (псевдонимъ), Смирнова, Микуличъ, Шабельская, Шапиръ, Дмитріева, Ю. Безродная, М. В. Крестовская, Желиховская, графиня Толстая и др.,—все это имена, хорошо извѣстныя читающей публикѣ и, смотря по степени ихъ дарованій, замѣтныя въ литературѣ.

Въ эту семью можно включить и П. А. Лачинову, долго и тщательно скрывавшую свое настоящее имя подъ псевдонимомъ П. Лѣтнева.

Прежде чѣмъ опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ имя покойной писательницы среди только-что перечисленныхъ нами именъ, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о характерѣ творчества русскихъ женщинъ писательницъ.

Если въ большинствѣ женскихъ произведеній вы не увидите широты творческаго размаха и глубины захвата жизни, какъ у геніевъ первой величины, за то съ избыткомъ найдете въ этихъ произведеніяхъ часто очень тонкую наблюдательность, мягкость, подкупающую вдумчивость и гуманность, иногда переходящую въ сантиментальность. Попутно нельзя не отмѣтить также въ произведеніяхъ женскаго творчества—почти полнаго отсутствія живительнаго юмора, безъ котораго даже произведенія выдающихся писателей нерѣдко кажутся прѣсными и безжизненными. Производятъ нерѣдко такое впечатлѣніе и женскія произведенія, не смотря на всѣ прочія ихъ выдающіяся достоинства. Юморъ если не соль жизни, то, во всякомъ случаѣ—одна изъ спецій ея, и литература, какъ типическое отраженіе этой жизни, не должна быть чужда юмора. Что касается общаго значенія разбираемой писательницы, то не говоря уже о Крестовскомъ (псевдонимѣ), талантъ П. Лѣтнева, литературный ея «огонекъ» далеко уступаетъ въ силѣ «огоньку» Смирновой [1]), М. В. Крестовскій, Микуличъ и др. Тѣмъ не менѣе, имя П. Лѣтнева пользуется солидной извѣстностью въ многочисленномъ кругу средней читающей публики. Романы и повѣсти ея печатались когда-то въ «Дѣлѣ», «Русскомъ Словѣ» и другихъ распространенныхъ изданіяхъ.

Почти тридцатилѣтняя литературная дѣятельность покойной писательницы, въ продолженіи которой она написала до двадцати большихъ романовъ и повѣстей, пользующихся, какъ выше было замѣчено, успѣхомъ въ извѣстной публикѣ, обязываетъ рецензента обратить серьезное вниманіе на ея произведенія и дать имъ сжатую и безпристрастную оцѣнку.

Двадцать романовъ и повѣстей и ни одного маленькаго разсказа... Очень можетъ быть, что П. Лѣтневъ и писала маленькіе разсказы, но ни одинъ изъ нихъ не вошелъ въ собраніе ея сочиненій. Это отсутствіе маленькихъ разсказовъ у даровитой писательницы представляется мнѣ очень характернымъ фактомъ. Для маленькаго, хорошаго и интереснаго разсказа необходимъ простой сюжетъ, сжатость и ясность характеристики дѣйствующихъ лицъ, чувство мѣры и тонкая способность сообщать разсказу настроеніе. Что касается П. Лѣтнева, весь интересъ ея романовъ и повѣстей обусловливается почти исключительно сложностью интриги, которую, надо ей отдать полную справедливость, она всегда ведетъ съ большимъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, только внѣшнимъ искусствомъ. Интрига въ романахъ П. Лѣтнева всегда почти любовная. Правда, весьма трудно написать романъ безъ любви, но когда вы видите, что всѣ дѣйствующія лица связаны исключительно этими нитями, узелъ которыхъ, хитро запутанный, всегда, до очевидности ясно, находится въ рукахъ автора,—эти любовныя канители мало-по-малу начинаютъ утомлять васъ. Еще понятнѣе становится это утомленіе, въ виду однообразія пріемовъ автора, характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ.

---

[1]) Автора романа «Огонекъ» и др. талантливыхъ произведеній.

Неизмѣнные аристократы и неизмѣнныя гувернантки, движимые то любовью, то разстроенными дѣлами, переѣзжаютъ изъ столицы въ деревню и обратно и, точно паутиной, опутываются съ головы до ногъ любовною канителью до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ нихъ не падетъ отъ кинжала, яда или пистолетнаго выстрѣла. Конечно, ничего нельзя бы имѣть противъ того, что авторъ спеціализировался на чувствѣ любви, еслибы онъ съумѣлъ затронуть читателя глубиною и правдивостью творческаго проникновенія; но въ томъ-то и дѣло, что ни въ одномъ изъ произведеній П. Лѣтнева вы не видите, чтобы писательница поднялась до степени истинно-художническаго откровенія и вдохновенія, озаряющаго такія глубины и тайники человѣческаго сердца, открывающаго такія перспективы и психологическія тонкости, что, пораженные восторгомъ и удивленіемъ, вы надолго, если не навсегда, запечатлѣваете въ своемъ сердцѣ образъ, созданный сильной творческой фантазіей автора.

Въ произведеніяхъ П. Лѣтнева вы не найдете ничего подобнаго. «Письмо» ея вездѣ гладко и ровно, дѣйствіе развивается съ убійственной правильностью и послѣдовательностью, чего никогда не бываетъ въ жизни и въ произведеніяхъ истинныхъ художниковъ, такъ какъ жизнь, благодаря различнымъ, неуловимымъ часто мелочамъ, дѣлаетъ такіе зигзаги, которыхъ совсѣмъ нельзя ожидать и предвидѣть.

Какъ нѣкоторыми поэтами управляетъ риѳма, такъ нѣкоторыми писателями управляетъ фабула, въ жертву которой они приносятъ все, что составляетъ истинную красоту и качество художественнаго произведенія.

Не трудно догадаться, что герои ея романовъ—особы исключительныя, надѣленныя то чудовищнымъ эгоизмомъ, то необъятною нравственною силою и стойкостью, то всесокрушающею способностью любить страстной, изступленной любовью, вмѣстѣ съ авторомъ забывая все прочее, существующее подъ луною.

Еще характеры женщинъ у П. Лѣтнева болѣе жизненны и правдивы. Женское сердце, очевидно, она знаетъ лучше, но мужчины всѣ похожи на вырѣзанныхъ изъ бумаги, всѣ—умные и глупые, добродѣтельные и злые, честные и подлецы.

Мучительно и скучно слѣдить, какъ та или другая ходячая мораль непоколебимо шествуетъ по четко написаннымъ прописямъ долга, совѣсти и чести и разговариваетъ, разговариваетъ безъ конца.

Вообще разговоры въ романахъ П. Лѣтнева не прерываются ни психологическими отклоненіями, ни описаніями природы. Если же и встрѣчаются описанія природы у П. Лѣтнева, то они отзываются умышленно поставленной декораціей и нисколько не дополняютъ и не уясняютъ настроенія дѣйствующихъ на ихъ фонѣ лицъ, какъ это, напримѣръ, вы видите у Тургенева.

Такимъ образомъ, романы П. Лѣтнева нельзя назвать ни психологическими, ни описательными,—это именно разговорные романы, которые, захлебываясь, читаетъ литературно и эстетически недоразвитая публика, пропускающая обыкновенно, какъ нѣчто скучное, строки, гдѣ нѣтъ разговоровъ.

Изъ всего этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что произведенія П. Лѣтнева представляютъ лишній балластъ въ литературѣ, далеко нѣтъ! Въ нихъ есть не-

отъемлемыя достоинства, которыя спасаютъ ихъ отъ такого рѣзкаго приговора. Лучше всѣхъ другихъ ея произведеній объ этихъ достоинствахъ свидѣтельствуетъ романъ ея «Внѣ общественныхъ интересовъ», напечатанный въ «Дѣлѣ» и въ свое время замѣченный критикой и интеллигентными читателями.

Если небо обѣщало пощадить нечестивый городъ, если въ немъ найдутся три праведника, какъ же не пощадить литературныхъ произведеній, въ которыхъ бьется живая человѣческая мысль и сквозитъ наблюдательность, знаніе описываемаго общества и безусловная искренность. Эти-то достоинства и привлекаютъ къ П. Лѣтневу средняго читателя, такъ что нечего удивляться, что въ библіотекахъ (особенно провинціальныхъ) произведенія ея охотно читаются публикой. Сестра покойной писательницы предпослала ея произведеніямъ краткую біографію и характеристику автора ихъ. Признаться сказать, въ этомъ предисловіи есть неумѣстныя подчеркиванія и экивоки, которые можно было бы назвать безтактными, еслибы они не оправдывались отчасти родственными чувствами, вполнѣ понятными, въ виду высокихъ нравственныхъ качествъ умершей писательницы. Критика совсѣмъ не «за то относилась недружелюбно къ П. Лѣтневу, что она дерзала «смѣть свое сужденіе имѣть», какъ предполагаетъ ея сестра, и не за то, «что она въ *либеральное время* не умѣла или не желала подчиняться господствующему направленію, что она никогда не воспѣвала доблестей «молодежи», не носилась съ нашимъ «меньшимъ братомъ [1]) и не задавалась тенденціями».

Увы! совсѣмъ не за то... Но, кажется, уже достаточно выяснено мною, за что именно.

Молодежь, ея настоящее и будущее. *К. Вагнеръ.* Сочиненіе, удостоенное премія французской академіей. Спб. 1896 г.

Въ послѣднее время въ русской и заграничной печати все чаще и чаще поднимается вопросъ о молодежи. Молодежь, такъ сказать, выводится на арену печати; ее судятъ и оцѣниваютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одни судьи смотрятъ на молодежь съ снисходительной улыбкой, другіе—съ надеждой, а большинство—съ неодобрительнымъ покачиваніемъ головы.

Правда, молодежь всегда пользовалась вниманіемъ мыслящихъ людей, ибо она представляетъ собою живой и наглядный итогъ прошедшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, залогъ будущаго, позволяя, такимъ образомъ, любопытствующему взору слегка приподнять покровъ Изиды и по двумъ тремъ намекамъ начертать проблематическій образъ этого будущаго.

Но въ слишкомъ пристальномъ вниманіи къ молодежи въ извѣстныя эпохи нельзя не видѣть своего рода знаменія времени. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что такого рода явленія знаменуютъ собою всегда наступившій духовный кризисъ. «Отцы», при видѣ своихъ преемниковъ, смущенно прячутся за призрачныя состоянія и за «возвышающій обманъ» и горько обвиняютъ молодежь въ томъ, что она не съумѣла распорядиться добытымъ ими для нея

[1]) Эти насмѣшливыя и язвительныя ковычки принадлежатъ автору предисловія.

наслѣдствомъ, не съумѣла справиться и разобраться въ томъ матерьялѣ, который они накопили своими тяжкими трудами.

Правда, нѣкоторую роль играетъ здѣсь и исконная рознь отцовъ и дѣтей,—рознь, достаточно ясно обрисованная и объясненная психологами и художниками. Имъ и книги въ руки. Мы на этомъ не будемъ останавливаться.

Такого рода кризисъ переживается въ настоящее время не однимъ какимъ-нибудь государствомъ въ отдѣльности, а всѣми цивилизованными странами вмѣстѣ. Это совпаденіе вполнѣ естественно и объясняется очень просто болѣе тѣснымъ умственнымъ общеніемъ, установившимся между культурными представителями всѣхъ народовъ, общеніемъ, которое, въ концѣ-концовъ, нивеллировало умственный уровень и интересы культурныхъ странъ. Вотъ почему вопросъ, затрогиваемый книгой К. Вагнера, одинаково долженъ быть близовъ, какъ его соотечественникамъ, такъ и другимъ націямъ, не исключая и насъ, русскихъ.

Въ послѣднее время въ русской печати также не мало было толковъ о молодежи. Молодежи посчастливилось... на щелчки, которые щедро сыпались и продолжаютъ сыпаться на нее со страницъ разныхъ, даже «почтенныхъ» изданій. Въ этихъ нападкахъ на молодежь не мало преувеличеній и каррикатуры. Нападающіе берутъ, въ большинствѣ случаевъ, только «негативы» молодой жизни и подчасъ «изъ-за лѣса не видятъ деревьевъ».

Тѣмъ съ большимъ интересомъ взялся я за книгу французскаго профессора, надѣясь найти въ ней трезвый, серьезный взглядъ на предметъ, требующій безпристрастія, наблюдательности, ума и философской прозорливости.

Къ сожалѣнію, трудъ проф. К. Вагнера, хотя и премированный академіей наукъ, далеко не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Въ немъ больше фразъ, чѣмъ мыслей, больше поверхностной наблюдательности, чѣмъ глубокой философской вдумчивости, больше улыбающейся и дилеттантской снисходительности, чѣмъ научнаго безпристрастія,—словомъ, больше тепла, чѣмъ свѣта, больше пепла, чѣмъ огня, и поэтому книга французскаго писателя не можетъ быть названа строго серьезнымъ трудомъ.

Существующій въ данное время духовный кризисъ среди молодежи, такъ сказать, «убыль души» авторъ объясняетъ прежде всего предшествовавшимъ этому кризису увлеченіемъ научнымъ реализмомъ.

«Наша ошибка,—говоритъ авторъ,—заключалась въ убѣжденіи, что человѣчеству ничего, кромѣ знаній и хлѣба, не нужно и въ переходѣ отъ научнаго реализма, который поглощаетъ человѣчество при помощи такъ называемой положительной науки, къ реализму практическому, полагающему, что все существованіе сводится къ тому, чтобы быть одѣтымъ, сытымъ и имѣть дѣтей».

Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, наука сильно нарушила законъ, выражающійся французской пословицей: «servir l'humanité et non l'asservir».

«Механика замѣнила душу, и молодежь, лишенная энергіи своихъ отцовъ, вошла въ жизнь только съ чудовищнымъ эгоизмомъ и неутомимымъ аппетитомъ къ наслажденіямъ и легкой жизни. Оправдалось положеніе, что «успѣхи, достигаемые сосредоточеніемъ всей энергіи въ одномъ направленіи, отражаются

дефицитомъ въ другихъ областяхъ». «Чѣмъ сильнѣе міръ отклоняется отъ нормальнаго пути, тѣмъ тяжелѣе ложится на плечи молодежи».

Объясненіе, какъ видите, не лишенное правды, но довольно банальное; однако, авторъ кладетъ его краеугольнымъ камнемъ своего труда и, затѣмъ, кратко обрисовавъ наслѣдство, которое досталось отъ отцовъ современной молодежи, попутно характеризуя молодежь въ цѣломъ и частностяхъ, въ концѣ-концовъ, намѣчаетъ практическій идеалъ, спасительный и примиряющій,—«возвратъ къ нормальной мысли, къ нормальной жизни, къ труду и простотѣ».

Наиболѣе симпатичны страницы, гдѣ авторъ призываетъ молодежь къ землѣ, напоминающей миѳъ о древнемъ Антеѣ, нашемъ Микулѣ Селяниновичѣ.

«Нужно вернуться къ землѣ! Молодежь, усталая, переутомленная занятіями, анемичная и изнервничавшаяся, молодежь большихъ центровъ, возьмись за плугъ, пойди за сохой, примись за серпъ и косу. Черезъ нѣсколько дней уже ты будешь поражена обиліемъ новыхъ вещей, открывшихся тебѣ, ты поймешь, сколько труда и страданій положено на выращеніе того хлѣба, который столько людей ѣдятъ, не ощущая въ себѣ ни капли благодарности къ труду, давшему имъ этотъ кусокъ хлѣба, и тотъ, кто бороздитъ землю и бросаетъ въ нее хлѣбныя зерна предстанетъ передъ тобой символомъ человѣчества насаждающаго и надѣющагося».

Отдавая должное наслѣдственности, авторъ, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ оговорку, совѣтуя относиться къ ней съ строгою сдержанностью, справедливо полагая, что воля атрофируется, когда утрачивается вѣра въ нее. Онъ горячо возстаетъ противъ этого фетишизма и взываетъ къ труду, «вмѣсто того, чтобы потрясать воздухъ пустыми словами и витать только въ области фантазій».

Воззваніе, конечно, довольно наивное, но въ духѣ его написана вся книга. Авторъ неоспоримъ тамъ, гдѣ онъ не выходитъ изъ области шаблонныхъ и порядкомъ уже наскучившихъ истинъ, за то нѣкоторыя его сужденія, касающіяся вопросовъ спорныхъ, крайне шатки и голословны. Таково, напримѣръ, сужденіе о партійности.

К. Вагнеръ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, а главное—мыслей, чтобы достойно покарать это, по его мнѣнію, невыразимо-зловредное явленіе. «Молодой человѣкъ, зараженный духомъ партійности, становится прямо отвратительнымъ», съ негодованіемъ восклицаетъ онъ, забывая, что партійность партійности рознь и что нерѣдко эта безпардонно проклинаемая партійность давала не мало свѣточей правды.

«Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ»...

Замѣтимъ только, что въ періоды такихъ кризисовъ, какъ нынѣшній, партійность является противовѣсомъ пошлости, рутины и эгоизма.

Есть у автора и еще кое-какія рискованныя положенія, но мы не будемъ останавливаться на нихъ, полагая, что молодому читателю не трудно будетъ самому отдѣлить «пшеницу отъ плевелъ». За всѣмъ тѣмъ, книга К. Вагнера не лишена интереса и можетъ имѣть полезное значеніе для молодежи. Скажу больше: молодежь должна поблагодарить автора книги за его симпатичное и любовное отношеніе къ ней.

Можетъ быть, книга потому-то такъ и непритязательна, что написана она для «зеленой молодежи». Цѣна книги 1 р.

Исторія. Общественныя науки. Юриспруденція. Публицистика.

Общественный прогрессъ и регрессъ. *Г. Греефа*, профессора общей соціологіи и философіи въ новомъ Свободномъ Брюссельскомъ университетѣ. Пер. съ французскаго *Г. Паперна*. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1896 г. (Изданіе Ф. Павленкова).

Книга Греефа представляетъ собой очень любопытный, оригинальный историко-философскій этюдъ, посвященный вопросу объ условіяхъ прогресса и регресса человѣческихъ обществъ. Какъ мыслитель, Греефъ является представителемъ тѣхъ новѣйшихъ прогрессивныхъ теченій Запада, которыя можно считать синтезомъ и, во всякомъ случаѣ, результатомъ взаимодѣйствія контизма, дарвинизма, марксизма и другихъ ученій недавняго прошлаго. Греефъ—контистъ, хотя онъ очень далекъ отъ увлеченія тѣхъ учениковъ Конта, которые создали религіозный культъ этого мыслителя; Греефъ прямо осуждаетъ школу, «выдвинувшую,—по его словамъ,—на первый планъ ошибки учителя»; вмѣстѣ съ тѣмъ Греефъ пополняетъ и расширяетъ свое въ основѣ контистское міросозерцаніе эволюціонизмомъ. Считая экономическое неравенство одной изъ самыхъ серьезныхъ угрозъ прогрессу, Греефъ въ то же время не сторонникъ преобладанія экономическаго матерьялизма въ исторіи и рѣшительный противникъ фаталистическаго оптимизма марксистовъ, ищущихъ спасенія въ развитіи катитализма.

«Вѣра, будто благодаря одному развитію капиталистической централизаціи,—читаемъ у Греефа,—получится исходъ изъ опаснаго положенія, будто излишекъ зла принесетъ съ собой и цѣлебное средство противъ него—экспропріацію—является въ сущности суевѣріемъ. Устраненіе общественныхъ несправедливостей зависитъ отъ положительныхъ условій несравненно болѣе сложныхъ, и разрѣшеніе соціальныхъ затрудненій въ благопріятномъ смыслѣ станетъ невозможнымъ, когда болѣзнь приметъ острый характеръ. Можетъ получиться умственная, политическая и нравственная придавленность, которая способна—по крайней мѣрѣ, временно—повести къ общему регрессу. Подобный переходъ представляется особенно вѣроятнымъ, если долгія войны будутъ, въ свою очередь, содѣйствовать общему упадку.

Болѣе счастливый исходъ, чѣмъ тотъ, который имѣлъ мѣсто въ концѣ римской исторіи и части среднихъ вѣковъ (развитіе феодализма), можетъ быть достигнутъ только благодаря нашему постоянному, энергичному и сознательному воздѣйствію на общественную жизнь. Въ этомъ смыслѣ *практическія указанія*, данныя Марксомъ, получаютъ особенную цѣнность» (193). Вообще, авторъ смотритъ на марксизмъ, какъ на реакцію противъ гегеліанства, реакцію, въ существѣ своемъ имѣющую значительное сродство съ явленіемъ, на которое реагируетъ: «въ глубокихъ тайникахъ матерьялистическаго соціализма живетъ до сихъ поръ

духъ нѣмецкаго идеализма», цитируетъ Греефъ одного изъ французскихъ критиковъ Маркса, Ж. Жореса. Исходя изъ того положенія, что, хотя экономическій строй является весьма существеннымъ факторомъ прогресса и регресса обществъ, но что «высшіе центры координаціи методически вторгаются въ организацію и функціонированіе экономическаго строя, такъ что общественная эволюція и направленіе, въ которомъ она совершается, имѣютъ отчасти характеръ сознательный и разумный», Греефъ прежде всего ставитъ своей задачей изученіе вопроса о прогрессѣ и регрессѣ съ «коллективно-психологической точки зрѣнія». Эту сложную задачу, врядъ-ли выполнимую при настоящемъ положеніи науки, Греефъ не выполняетъ; строго говоря, онъ къ ней даже не приступаетъ. Изъ весьма многочисленныхъ психологическихъ факторовъ эволюціи человѣчества, Греефъ выбираетъ, въ сущности, только одинъ: вѣру въ будущій золотой вѣкъ. Присутствіе этой вѣры онъ считаетъ факторомъ прогресса, паденіе ея и возникновеніе пессимизма—факторомъ регресса. Трудно, конечно, вполнѣ принять эту схему (самъ Греефъ нѣсколько разъ отклоняется онъ нея, когда ему приходится имѣть дѣло съ фактами недавняго прошлаго); но въ общемъ нельзя не согласиться съ Греефомъ, что оптимизмъ былъ могучимъ двигателемъ человѣчества въ борьбѣ за лучшее будущее, а пессимизмъ заключаетъ въ себѣ нѣчто разслабляющее, способствующее упадку. Роль пессимизма и оптимизма въ общественныхъ ученіяхъ и связь ихъ съ прогрессомъ и регрессомъ обществъ и разсматриваетъ Греефъ въ первой части своей книги, озаглавленной «Эволюція вѣрованій и ученій». Зачатки эволюціи идеи прогресса Греефъ находитъ уже въ первобытномъ обществѣ, опираясь на сказаніе санталовъ о томъ, что мертвые мстятъ живымъ, награждая ихъ изуродованными членами, судорогами и проказой; въ этомъ вѣрованіи санталовъ Греефъ видитъ «смутное еще сознаніе непрерывности той связи, которая соединяетъ прошедшее съ настоящимъ,—сознаніе, безъ котораго идея прогресса не могла бы возникнуть» (9). Намъ кажется, что почтенному изслѣдователю трудно было бы выбрать болѣе неудачно народъ и вѣрованіе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Санталы — чернокожее племя, дѣйствительно до сихъ поръ переживающее еще каменный вѣкъ, но племя, неоднократно сталкивавшееся съ представителями высокой культуры, что всегда пагубно дѣйствуетъ на первобытнаго человѣка и ведетъ его къ вырожденію. Признаки вырожденія намъ кажутся до нельзя ясными въ приводимомъ Греефомъ сказаніи санталовъ: что, какъ не они—эта проказа, судороги, изуродованные члены? Видѣть же въ этомъ вѣрованіи смутное сознаніе непрерывности связи настоящаго съ прошедшимъ, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ, рискованнымъ. Психологическіе факторы прогресса, конечно, существовали и въ первобытномъ обществѣ, но идея прогресса, хотя бы въ зародышѣ, врядъ-ли можетъ быть найдена въ вѣрованіяхъ первобытнаго человѣка. На болѣе твердую почву становится Греефъ, перейдя къ Индіи и Персіи. Полны самаго живого интереса главы, посвященныя эволюціи общественнаго оптимизма и пессимизма въ греко-римскомъ мірѣ, паденію идеи прогресса въ эпоху упадка античной цивилизаціи, возникновенію ея съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ (причемъ, на недостаточность построенія Греефа указываетъ то, признаваемое имъ, обстоятельство, что весьма прогрессивная эпоха возрожденія была бѣдна теоріями

прогресса) и наконецъ развитію идеи прогресса въ новое время до XIX вѣка включительно. Греефъ заканчиваетъ первую часть разсмотрѣніемъ взглядовъ Тейлора. Вторая часть книги Греефа посвящена прогрессу и регрессу обществъ. Общества Греефъ разсматриваетъ какъ организмы, болѣе сложные, но аналогичные съ живыми организмами. Естественно при такой точкѣ зрѣнія разсматривать прогрессъ и регрессъ обществъ, какъ нѣчто аналогичное эволюціи и дегенераціи организмовъ. Какъ въ біологическомъ, такъ и въ общественномъ организмѣ ранѣе всего эволюціонируютъ простѣйшія функціи, позже всего—наиболѣе высокія и сложныя; послѣднія, какъ наиболѣе новыя, оказываются менѣе всего устойчивыми и при регрессѣ, какъ при дегенераціи, атрофируются первыми; при атрофированіи извѣстнаго общественнаго органа, прежде всего прекращается функція его, самый же органъ, не функціонируя уже, продолжаетъ существовать еще нѣкоторое время, какъ пережитокъ. Наибольшей устойчивостью обладаютъ, по мнѣнію Греефа, наиболѣе крупныя и въ то же время наилучше организованныя общества; такія общества менѣе всего подвержены опасности регресса. Въ общемъ, Греефъ не пессимистъ, не оптимистъ. Общества могутъ и, вѣроятно, будутъ прогрессировать; такой выводъ можно сдѣлать изъ книги Греефа; но прогрессу угрожаетъ серьезная опасность, во-первыхъ, въ видѣ экономическаго неравенства, могущаго при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ привести къ новому феодализму и къ подавленности массъ, во-вторыхъ, въ видѣ войнъ внутреннихъ и внѣшнихъ, которыя «оказываютъ роковымъ образомъ регрессивное вліяніе на высшія формы жизни, позднѣе другихъ пріобрѣтенныя цивилизаціей, а именно: на мораль, право и демократическія политическія формы; онѣ нарушаютъ экономическое равновѣсіе. Въ этихъ моментахъ лежитъ главная опасность для современной цивилизаціи» (327).

Исторія умственнаго развитія Европы. *Дж. В. Дрэперъ.* Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой.* Кіевъ, 1896 г.

Классическій трудъ Дрэпера пріобрѣлъ себѣ всесвѣтную славу чуть-ли не тотчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ. У насъ, въ Россіи, онъ вмѣстѣ съ книгой Бокля долгое время былъ любимымъ чтеніемъ молодого поколѣнія и всѣхъ вообще, кто любитъ воскрешать въ своей памяти прошлое человѣческой мысли, ея мартирологи и побѣды. Въ прошломъ году книга Дрэпера была переведена вновь, и этотъ новый переводъ быстро былъ расхватанъ читающей публикой, такъ что въ нынѣшнемъ году понадобилось его перепзданіе. Нельзя не привѣтствовать въ особенности въ наше время этого явленія. Одна за другой выходятъ изъ печати старыя книги, и всѣ онѣ имѣютъ самый полный, безспорный успѣхъ, такой же, если только не бо̀льшій успѣхъ, какимъ пользовались при первомъ своемъ появленіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Общество жадно ловитъ эти забытыя слова, прислушивается къ нимъ, и надъ этимъ фактомъ, право, слѣдовало бы призадуматься нашимъ доморощеннымъ Метерлинкамъ и ихъ философскимъ истолкователямъ. Россія снова зачитывается Боклемъ, Дрэперомъ, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ.

Пожелаемъ новому изданію книги Дрэпера такого же быстраго успѣха, какой

выпалъ на долю изданія 1895 г. Цѣна книги замѣчательно низкая: за два тома убористой печати—1 р. 50 к. Переводъ очень хорошъ.

Исторія крѣпостнаго права въ Россіи. *М. А. Литвиновъ.* Москва изд. *М. В. Клюкина*—Общеполезная библіотека. Ц. 1 р. 25 к.

Тяжелымъ временемъ для Россіи было время до 1861 г., когда крестьянинъ находился въ полной юридической и экономической зависимости отъ помѣщика. Исторіи крѣпостнаго права, которое еще въ 1852 г. защищалось въ одномъ учебникѣ для женскаго учебнаго заведенія, и посвящена книжка М. А. Литвинова. Однако, заглавіе ея не вполнѣ оправдывается на дѣлѣ, такъ какъ книжка распадается, собственно, на двѣ неравномѣрныя части. До 167 стр. идетъ краткая исторія русскаго крѣпостного права съ древнихъ временъ, а съ 167 стр. до конца, т.-е. до 367 — подробнѣйшая исторія отмѣны крѣпостного права въ царствованіе Александра II. Хотя, безспорно, послѣднее представляетъ большой интересъ, однако, благодаря такому распредѣленію, первая часть книги является какъ бы лишь введеніемъ. Первая часть составлена слишкомъ сжато и туманно. Не смотря на небольшой матерьялъ, имѣвшійся у автора подъ руками, относительно первыхъ временъ закрѣпощенія крестьянъ, онъ не особенно удачно справился съ нимъ. Все свое изложеніе онъ распредѣлилъ по главамъ, сообразно съ постепенно являющимися источниками, при чемъ въ большинствѣ ограничился лишь громадными выдержками, иногда подъ рядъ въ нѣсколько страницъ (напр. 49, 50, 51, 52). Сводки и выясненія матерьяла у него почти нѣтъ, такъ что, прочитавъ эту часть, составляешь себѣ очень туманное, неясное понятіе какъ о первичномъ состояніи населенія на Руси, когда были и несвободные, и свободные, такъ и о самомъ постепенномъ процессѣ все большаго и большаго закрѣпощенія низшихъ классовъ населенія. Нигдѣ не видно знакомства, напр., съ прекрасной книгой г. Сергѣевича «Русскія юридическія древности» т. I—Территорія и населеніе,—гдѣ очень подробно и дѣльно дается характеристика постепеннаго закрѣпощенія населенія съ происходившими при этомъ подраздѣленіями: полный холопъ, кабальный и т. д. Кромѣ того, въ книжкѣ встрѣчаются такіе промахи, какихъ, при извѣстномъ вниманіи, легко было бы избѣжать, въ родѣ того, напр., что число удѣльныхъ крестьянъ наканунѣ освобожденія показано чуть не вдвое больше дѣйствительно бывшаго.

Съ большимъ интересомъ читается и лучше обработана вторая часть. Здѣсь можно постепенно на работѣ редакціонной коммиссіи прослѣдить, какъ обсуждался проектъ освобожденія крестьянъ, какъ постепенно измѣнили дѣятели того времени въ отрицательную сторону свои взгляды, хотя и прислушивались къ мнѣнію лучшихъ людей того времени. Интересно, что даже мнѣнія Герцена принимались во вниманіе. Отъ плохихъ послѣдствій только личнаго освобожденія крестьянъ предостерегала и печать, и знатоки экономическаго положенія Россіи, какъ, напр., извѣстный авторъ «Очерковъ гогол. пер.» и другіе писатели, и различныя должностныя лица. Однако, голосъ реакціонной партіи былъ силенъ, реформа была проведена не вполнѣ и получились условія, благопріятныя для образованія сельскаго пролетаріата, надѣленнаго землею по выкупу, не обезпечивающей ему добыванія де-

негъ для повинностей и его минимальныхъ потребностей. М. А. Литвиновъ въ своемъ изложеніи очень ясно указываетъ намъ всѣ эти колебанія при реформѣ, основывая и освѣщая ихъ документальными данными. И въ этой части приходится поставить въ упрекъ автору обремененіе изложенія длинными выдержками. Въ общемъ эта книжка представляетъ простую комбинацію матерьяла, самостоятельнаго въ ней немного. Однако, не смотря на свои недостатки, она, уже по самому затрогиваемому ею предмету, представляетъ извѣстный интересъ.

Обычное право. Выпускъ II. Матерьялы для библіографіи обычнаго права. *Е. Якушкина.* Ярославль. 1896 г.

Первый выпускъ этого труда вышелъ еще въ семидесятыхъ годахъ и давно уже сдѣлался библіографической рѣдкостью. Онъ обнимаетъ собой литературу обычнаго права до 1876 г. Новый же выпускъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія почти о 2.400 книгахъ, статьяхъ и замѣткахъ, появившихся въ свѣтъ съ 1876 по 1889 г. включительно. Весь библіографическій матерьялъ распредѣленъ по отдѣламъ, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ статьи и замѣтки, уясняющія общее значеніе обычнаго права, его литературу, терминологію, символику, программы. Затѣмъ идутъ печатные матерьялы о пословицахъ. Третій отдѣлъ посвященъ литературѣ объ управленіи, т.-е. какъ общимъ взглядамъ народа на власть, такъ и отношеніямъ его къ волостному и сельскому крестьянскому самоуправленію. Затѣмъ очень полно исчерпывается довольно обширная литература о крестьянскомъ судѣ. Еще полнѣе отдѣлъ, касающійся гражданскаго права. Здѣсь отмѣчены печатные труды по семейному праву (брачному союзу, союзу родителей и дѣтей и союзу членовъ семьи), по опекѣ и попечительству, по праву наслѣдственному, вещному, сдѣлкамъ и обязательствамъ. Уголовное обычное право не имѣетъ такой обширной литературы, а потому ему посвящено въ трудѣ г. Якушкина меньше мѣста. Еще незначительнѣе количественно литература по торговому праву. За то печатные матерьялы объ инородцахъ очень обширны, вслѣдствіе чего г. Якушкинъ не имѣлъ возможности привести ихъ всѣ во второмъ выпускѣ своего труда и обѣщаетъ посвятить имъ отдѣльный выпускъ. Такой же отдѣльный выпускъ будетъ изданъ имъ по матерьяламъ, касающимся способовъ земельнаго владѣнія и пользованія у русскаго населенія. Наконецъ, авторъ обѣщаетъ переиздать и первый выпускъ своего труда.

Разсматриваемая книга г. Якушкина отличается рѣдкими и крупными достоинствами. Не останавливаясь на одномъ только перечисленіи статей и замѣтокъ, авторъ часто знакомитъ съ ними читателей по наиболѣе характернымъ выдержкамъ или печатаетъ краткій и обстоятельный пересказъ ихъ. Трудъ его снабженъ прекраснымъ систематическимъ указателемъ, дающимъ полный и чрезвычайно обстоятельный конспектъ обычнаго права. Затѣмъ, книгѣ предпослано превосходно составленное введеніе, въ которомъ набросанъ общій сводъ имѣющихся въ литературѣ данныхъ по важнѣйшимъ вопросамъ обычнаго права съ краткимъ разборомъ отдѣльныхъ толкованій его. Здѣсь авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ основныхъ началахъ обычнаго права, которыя по справедливости могутъ считаться устоями народнаго міровоззрѣнія. Онъ обстоятельно

трактуетъ о мірскомъ управленіи, выражающемъ наше историческое земское начало, о трудовомъ началѣ, по скольку оно выражается въ семейныхъ правовыхъ отношеніяхъ, въ наслѣдственномъ правѣ, во взглядахъ народа на собственность и т. п., объ артельно-общинномъ началѣ и о другихъ устояхъ народной жизни, наличность которыхъ, во всей ихъ совокупности, создаетъ необходимость практической народнической программы. Въ такомъ содержаніи своемъ книга почтеннаго автора пріобрѣтаетъ значеніе остова обширнаго курса и серьезнаго руководства для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ нашихъ знаній о юридическихъ воззрѣніяхъ русскаго народа. Тотъ же исключительный интересъ, который возбуждаютъ основныя начала русскаго обычнаго права, трактуемыя г. Якушкинымъ, обязываетъ насъ возвратиться въ непродолжительномъ времени къ его замѣчательному по исполненію и колоссальному по объему труду въ особой, спеціально посвященной ему статьѣ.

Сельскохозяйственные отхожіе промыслы. *К. Н. Шаховской.* Москва. 1896 г. Стр. 253. Ц. 1 р.

Отходъ крестьянскаго населенія центральныхъ черноземныхъ губерній въ южныя для сельскохозяйственныхъ работъ относится къ числу наиболѣе оригинальныхъ и важныхъ явленій русской экономической жизни. Оригинальность этого явленія обусловливается не самымъ фактомъ передвиженія рабочихъ, которое въ извѣстныхъ размѣрахъ существуетъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, а тѣмъ, что это передвиженіе имѣетъ массовый характеръ, охватывая больше милліона рабочаго люда, что ему отдаются по преимуществу члены крестьянскихъ, т.-е. имѣющихъ собственное хозяйство семей, и что стремленіе къ отходу съ теченіемъ времени растетъ, а не убываетъ. Указанныя особенности этого явленія служатъ самыми ясными признаками ненормальности нашего экономическаго строя: сотни тысячъ земледѣльцевъ бѣгутъ отъ своего хозяйства въ самое горячее рабочее время; а это значитъ, что въ мертвый для земледѣлія сезонъ милліоны рукъ не находятъ себѣ производительнаго занятія, а слѣдовательно, и достаточнаго пропитанія, не говоря уже объ удовлетвореніи другихъ потребностей. Было время, когда этотъ лѣтній отходъ населенія центральныхъ губерній всецѣло обусловливался потребностью въ рабочихъ рукахъ степной полосы; но въ настоящее время увеличеніе населенія и введеніе сберегающихъ трудъ машинъ больше и больше сокращаютъ спросъ юга и востока на пришлыхъ рабочихъ и увеличиваютъ предложеніе труда со стороны населенія центральныхъ черноземныхъ губерній. Это значитъ, что тогда какъ въ прежнее время періодически повторяющееся передвиженіе рабочаго люда съ сѣвера на югъ было естественнымъ результатомъ исторически сложившагося размѣщенія населенія по территоріи страны, въ связи съ хозяйственными нуждами различныхъ ея областей,—по мѣрѣ хода современной экономической эволюціи, оно мало-по-малу теряетъ характеръ естественнаго хозяйственнаго явленія и обращается въ признакъ серьезнаго экономическаго разстройства хозяйства центральныхъ губерній, роковыя послѣдствія котораго еще впереди. Конечно, не эта сторона вопроса составляетъ главное содержаніе книжки г. Шаховскаго. Авторъ, правда, не

избѣгаетъ этого предмета, насколько это необходимо для указанія причинъ разсматриваемаго явленія и его вѣроятной судьбы въ ближайшемъ будущемъ; но главной задачей его было описать самое явленіе и тѣ мѣры, какія принимались или, вѣрнѣе, проектировались для регулированія послѣдняго, въ интересахъ рабочихъ и, главное, хозяевъ. Матерьяломъ для автора, кромѣ печатныхъ источниковъ, служили рукописные отвѣты разныхъ лицъ и учрежденій на вопросы нѣкоторыхъ нашихъ обществъ и отзывы земскихъ учрежденій, на разсмотрѣніе которыхъ былъ поставленъ вопросъ о мѣрахъ упорядоченія движенія рабочихъ. Хотя, при болѣе полномъ пользованіи печатными источниками, нѣкоторые вопросы (напр., о вознагражденіи рабочихъ) могли бы быть лучше разработаны, тѣмъ не менѣе, и въ своемъ настоящемъ видѣ трудъ г. Шаховскаго заслуживаетъ вниманія читателя, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, кромѣ устарѣлой статьи Чаславскаго, не существуетъ другихъ работъ по этому предмету, рисующихъ разсматриваемое явленіе въ его совокупности. Для лицъ, знакомыхъ съ литературой вопроса, наиболѣе интересную часть труда г. Шаховскаго представляетъ глава о мѣрахъ, принимавшихся и предлагавшихся для урегулированія движенія рабочихъ. Эта глава имѣетъ, къ тому же, и немаловажный практическій характеръ, такъ какъ въ 1894 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса объ упорядоченіи отхожихъ промысловъ. Можно, однако, опасаться, что работы этой коммиссіи не будутъ имѣть серьезнаго практическаго значенія, съ одной стороны, потому, что, при полной необезпеченности и, такъ сказать, случайности урожаевъ въ южныхъ степяхъ (зависящей отъ климатическихъ условій), весьма трудно предвидѣть заранѣе степень нужды тѣхъ или другихъ районовъ этого края въ рабочихъ рукахъ; съ другой—потому, что движеніе рабочихъ перестало обусловливаться хозяйственными потребностями степной полосы: оно теперь зависитъ отъ отношеній, складывающихся въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, подъ вліяніемъ общаго хода экономической жизни Россіи. Самое большее, чего можно достигнуть въ дѣлѣ регулированія, это-предупредить скопленіе рабочихъ въ однихъ мѣстахъ предпочтительно передъ другими. Но и при самомъ правильномъ распредѣленіи рабочихъ нельзя избѣжать того, чтобы, при существующемъ избыткѣ предложенія труда, сравнительно съ спросомъ на него, вмѣсто одного спрашиваемаго не явилось два и три предлагающихъ свои услуги; и потому естественнымъ результатомъ успѣшныхъ мѣропріятій по упорядоченію сельскохозяйственнаго отхода рабочихъ съ сѣвера на югъ будетъ только низведеніе заработной платы во всей степной полосѣ къ возможному минимуму. Такимъ образомъ, вопросъ объ упорядоченіи лѣтняго передвиженія рабочихъ, разсматриваемый съ общей точки зрѣнія—есть прежде всего вопросъ о цѣлесообразномъ примѣненіи рабочей силы въ центральной полосѣ, каковой вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только въ связи съ общимъ вопросомъ объ экономическомъ развитіи Россіи.

Естествознаніе.

«Очерки психологіи». *Вундтъ.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Паперна*, изд. *Ф. Павленкова.* Спб. 1897 г. Ц. 75 коп.

Можно-ли назвать психологію наукою? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ многіе, относясь весьма скептически къ современному стремленію поставить изученіе психологіи на твердую научную почву. Дѣйствительно, психологія, какъ наука, находится еще въ зародышѣ: порвавъ съ метафизикою, она пребываетъ еще въ «переходномъ» состояніи. Но хотя экспериментальныя изслѣдованія въ области психологіи пока далеки еще отъ совершенства, а результаты, добытые экспериментальнымъ путемъ, не могутъ еще претендовать на точность, тѣмъ не менѣе, психологъ имѣетъ свою строго отмежованную область, съ ясно опредѣлившимися границами. Теперь все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать взглядъ, что «психологія вовсе не глава физіологіи», но вполнѣ самостоятельная наука, имѣющая свой особый предметъ, какъ и свой собственный методъ. Проникнуть въ тайники душевной жизни—таково стремленіе представителей различныхъ спеціальностей; не одни юристы и соціологи, педагоги и метафизики, но анатомы и зоологи, физіологи, какъ и патологи и психіатры, всѣ они, каждый по своему, стремятся объяснить эту темную область, остававшуюся до сихъ поръ «за семью печатями». Экспериментальная психологія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, и нѣтъ уже недостатка въ работникахъ на этой трудной нивѣ. Весьма могущественнымъ сотрудникомъ на этой нивѣ является, безъ сомнѣнія, психіатрія, какъ наука, изучающая проявленіе душевной жизни у больного человѣка; наблюденіе надъ душевно-больными установили «законъ солидарности душевныхъ силъ» (т.-е. нераздѣлимости и взаимной дѣятельности душевныхъ силъ). Конечно, въ психологіи, какъ и во всякой наукѣ, мы должны строго отличать доказанныя истины отъ положеній, которыя имѣютъ лишь значеніе гипотезъ. Но безъ гипотезъ нѣтъ движенія въ наукѣ — онѣ руководятъ изслѣдованіемъ, даютъ ему направленіе, онѣ, такъ сказать, бросаютъ лучъ свѣта на темную область «неизслѣдованнаго». Въ этомъ отношеніи великіе натуралисты должны быть одушевлены истинно-философскимъ духомъ. «Философія,—по словамъ великаго экспериментатора Клодъ-Бернара,—есть вѣчное стремленіе ума къ познанію неизвѣстнаго. Направляя безпрерывно мысль къ неисчерпаннымъ проблемамъ, она поддерживаетъ ту жажду неизвѣстнаго и священный огонь изслѣдованія, которые никогда не должны угасать въ ученомъ». Если физіологія имѣетъ *свои* задачи (между прочимъ, изслѣдованіе органическихъ *условій* психическихъ явленій), то «процессы душевной жизни», составляющіе задачу психологіи, познаются благодаря *психологическому* методу — опытному, какъ и другіе методы естествознанія. Правда, Джемсъ, въ своей «Text book of Psychology», довольно скептически относится къ современному состоянію психологіи, какъ науки.

«Довольно странно слышать,—говоритъ онъ,—когда начинаютъ толковать о «новѣйшей психологіи» и пишутъ «исторію психологіи», забывая, что даже основные элементы и факторы въ сферѣ психическихъ явленій не установлены съ надлежащею точностію. Что представляетъ собою психологія въ данную минуту?—Кучу сы-

рого фактическаго матерьяла, порядочную разноголосицу въ мнѣніяхъ, рядъ слабыхъ попытокъ классификацій и эмпирическихъ обобщеній чисто описательнаго характера... Намъ неизвѣстны даже тѣ факторы, между которыми могли бы быть установлены отношенія въ видѣ элементарныхъ психическихъ законовъ. Короче, психологія еще не наука, это — нѣчто, обѣщающее въ будущемъ стать наукою. Мы можемъ составить себѣ слабое представленіе о томъ, чѣмъ бы могла стать въ концѣ концовъ психологія, и сознаемъ, что по сравненіи съ такимъ состояніемъ этой науки современное положеніе ея является до крайности несовершеннымъ».

Какъ бы то ни было, но самая *возможность* составить себѣ хотя бы и слабое представленіе о томъ, чѣмъ *можетъ стать психологія*, явилась лишь вслѣдствіе того, что психологія уже обладаетъ *своимъ собственнымъ методомъ*, который выводитъ эту науку на надлежащій путь. Вульгарная психологія съ ея «душевными свойствами» уступаетъ мѣсто эмпирической психологіи, стремящейся анализировать эти прежде «неразложимыя» свойства и свести ихъ на опредѣленные «психическіе элементы», построивъ психологическіе «законы» душевной жизни. И надо сознаться, что въ этомъ отношеніи уже положены краеугольные камни нѣкоторыми психологами. «Очерки» Вундта неоспоримо доказываютъ справедливость этого положенія.

Какъ бы ни былъ коротокъ путь, пройденный «новѣйшей» психологіей (надъ которой иронизируетъ Джемсъ), онъ все-таки успѣлъ уже вывести насъ изъ мертвящихъ путъ метафизики; онъ доказалъ намъ, что «опытный» путь есть единственно надежный, что собираніе «отрывочныхъ» фактовъ вовсе не безплодное дѣло: въ изученіи памяти и законовъ «простой реакціи» экспериментальная психологія добилась уже цѣнныхъ результатовъ. Накопленіе фактовъ *такимъ* путемъ есть не только производительная работа, но, можно сказать, единственно цѣлесообразная и обѣщающая выходъ изъ той косности, въ которой пребывала психологія почти до нашихъ дней, благодаря ложному взгляду, что мы «путемъ самонаблюденія» можемъ рѣшить вопросъ о сущности нашихъ психическихъ процессовъ. Если справедливо, что спиритуализмъ «вноситъ въ реальный опытъ множество совершенно произвольныхъ метафизическихъ гипотезъ, устраняющихъ возможность непредубѣжденнаго наблюденія психическихъ процессовъ» (Вундтъ), то не менѣе справедливо, что истинная, научная точка зрѣнія должна привести насъ къ признанію самостоятельной психической причинности. «Подобно тому, какъ сущность *физической* причинности раскрывается предъ нами только въ основныхъ *законахъ природы*, такъ своеобразная природа психической причинности уяснится для насъ въ томъ только случаѣ, если мы постараемся извлечь изъ совокупности психическихъ процессовъ опредѣленные *основные законы психической жизни*» (Вундтъ).

И такъ, въ конечномъ выводѣ, естествознаніе и психологія занимаются не различными областями опыта, а однимъ и тѣмъ же опытомъ, разсматривая его съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но въ то время, какъ естествознаніе давно уже вышло «изъ стадіи миѳологическихъ понятій» и воспользовалось возникшими на этой стадіи представленіями, чтобы получить исходныя точки для методически-строгихъ понятій, въ психологіи «миѳологически-метафизическое понятіе души господствовало до новѣйшаго времени и господствуетъ отчасти до сихъ поръ». Въ

современной психологіи все больше укрѣпляется сознаніе, что психологія отличается отъ естествознанія не столько по объектамъ изслѣдованія, сколько по точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается опытъ, и лишь остатки старыхъ метафизическихъ и натурфилософскихъ взглядовъ мѣшаютъ успѣшному развитію «новѣйшей» психологіи. Если иногда (говоритъ Вундтъ) и различаютъ собственно психологію и физіологическую психологію, утверждая, что задача первой состоитъ въ психическомъ истолкованіи внутренняго опыта, а задача второй—въ выводѣ его изъ физіологическихъ процессовъ, «то подобное различіе совершенно ошибочно». Существуетъ *одинъ* только способъ выясненія причинной связи психическихъ явленій, и состоитъ онъ въ выводѣ болѣе сложныхъ психическихъ процессовъ изъ болѣе простыхъ.

Такъ какъ нѣтъ ни одного основного психическаго процесса, къ которому не былъ бы приложимъ экспериментальный методъ, то имъ и слѣдуетъ пользоваться въ самомъ широкомъ масштабѣ. Не надо забывать, что психологія, по самому содержанію своему, принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, въ которыхъ точное наблюденіе возможно *только* въ формѣ эксперимента. Такъ какъ содержаніе психологіи состоитъ «исключительно изъ процессовъ, а не изъ неизмѣнныхъ объектовъ», то для точнаго изслѣдованія возникновенія и теченія этихъ процессовъ мы должны прежде всего имѣть возможность произвольно вызывать ихъ и варіировать по нашему усмотрѣнію ихъ условія, что осуществимо лишь на почвѣ эксперимента, а не при помощи чистаго самонаблюденія. Имѣя въ виду, что *психологія народовъ* (этнографическая психологія) пользуется преимущественно методомъ *чистаго* наблюденія, объектами котораго являются продукты духовнаго творчества, въ то время, какъ *индивидуальная* психологія, въ виду самой природы психическихъ явленій, за невозможностью пользоваться методомъ *чистаго* наблюденія, должна примѣнять экспериментальный методъ, мы убѣждаемся, что психологія, подобно естествознанію, располагаетъ *двумя* точными методами (Вундтъ, стр. 15). Однако, Вундтъ является противникомъ «психофизическаго матерьялизма». Безплодность этой точки зрѣнія доказывается тѣмъ, что здѣсь задача выясненія причинной связи психологическихъ процессовъ заранѣе возлагается на физіологію, тогда какъ послѣдняя *не можетъ* исполнить этой задачи, въ силу различія между основными естественно-научной и психологической точками зрѣнія (стр. 11). Такимъ образомъ, руководящіе принципы, положенные Вундтомъ въ основу его «очерковъ», могутъ быть формулированы въ видѣ слѣдующихъ трехъ положеній: 1) внутренній или психологическій опытъ не есть какая-нибудь особая, смежная съ другими, область опыта, а есть самъ непосредственный опытъ вообще; 2) этотъ непосредственный опытъ не есть нѣчто неизмѣнное; это—смѣна *связанныхъ другъ съ другомъ явленій*; составныя его части—не объекты, а *процессы*, переживаемые человѣкомъ; 3) всякій изъ этихъ процессовъ, съ одной стороны, имѣетъ объективное содержаніе, а съ другой—представляютъ собою *субъективный* процессъ, такъ что онъ заключаетъ въ себѣ общія условія какъ всякаго познанія, такъ и всѣхъ видовъ практической дѣятельности человѣка. Съ точки зрѣнія Вундта, *волевые процессы* представляются типическими процессами, бросающими свѣтъ на природу всѣхъ психическихъ процессовъ вообще. Однако, волюн-

тористическая психологія ни въ какомъ случаѣ не считаетъ волю *единственной* реальной формой психической дѣятельности. Она утверждаетъ только, что воля и тѣсно связанныя съ нею чувствованія и аффекты представляютъ столь же необходимую составную часть психологическаго опыта, какъ ощущенія и представленія, и что «всѣ прочіе психическіе процессы аналогичны съ волевыми процессами: подобно послѣднему, они представляютъ непрерывную смѣну явленій во времени, а не сумму неизмѣнныхъ объектовъ». Непосредственный опытъ, говоритъ Вундтъ, показываетъ, что одинаково невозможно существованіе представленій, не возбуждающихъ въ насъ чувствованій и побужденій различной силы, какъ невозможно существованіе чувствованій и волевыхъ процессовъ, не связанныхъ съ представленіями о внѣшнихъ предметахъ.

Заслуга Вундта состоитъ въ выясненіи *послѣдовательнаго* хода и постепеннаго осложненія психическихъ процессовъ, въ выведеніи *волевыхъ* актовъ изъ *аффективной* душевной дѣятельности, въ установленіи импульсивнаго волеваго акта, какъ первичнаго; затѣмъ въ установленіи яснаго взгляда на апперценцію (особливо *активную* апперценцію); всѣ эти заслуги, рядомъ съ крайнею точностью и сжатостью изложенія, дѣлаютъ «очерки» психологіи весьма полезными для всякаго образованнаго читателя.

«Библіотека для всѣхъ». Антропологія. *Г. Канестрини*, профессора Падуанскаго университета. Пер. съ итальянск. *д-ра Н. Лейненберга*. Съ 10 рис. въ текстѣ. 132 стр. Одесса. 1896 г. Ц. 40 к.

За послѣднее время среди русской читающей публики народился новый читатель, — такой читатель, о которомъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ почти не было и слышно, особенно въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ. Народился этотъ читатель въ значительномъ количествѣ, увеличивающемся изъ года въ годъ, и даже изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Появленію этого читателя—именно читателя научно-популярныхъ книгъ—удивляются даже сами книгопродавцы, волей-неволей обязанные слѣдить за тѣмъ, что «требуется» на книжномъ рынкѣ. Вырисовывается понемногу и физіономія этого новаго потребителя научно-популярныхъ знаній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ читатель этотъ—человѣкъ, не имѣющій или почти не имѣющій никакого научнаго багажа: кое-какіе обрывки, вынесенные изъ какого-нибудь учебнаго заведенія (не выше четвертаго класса гимназіи) и прошедшіе чрезъ школьные фильтры, кое-какія свѣдѣнія, наловленныя изъ газетъ и иллюстрированныхъ журналовъ—вотъ всѣ знанія, имѣющіяся въ головѣ такого читателя. Но въ этомъ послѣднемъ теперь имѣется еще нѣчто такое, чего раньше не было,—имѣется интересъ къ знанію, стремленіе расширить свой кругозоръ, обсудить, понять то, что происходитъ вокругъ, и составить какое ни на есть свое мнѣніе обо всемъ. Эта волна читательскаго интереса захватываетъ все большіе и большіе круги. Поговорите съ книгопродавцами и просмотрите отчеты библіотекъ, и вы составите довольно ясное понятіе не только о самомъ фактѣ, но и о размѣрахъ его. На книжномъ рынкѣ появилась не только масса новыхъ научно-популярныхъ книгъ,

но даже и фальсификація ихъ—домашняя дешевенькая стряпня, разсчитанная на невѣжество читателя...

Удовлетворить такого только-что народившагося *массоваго* читателя научно-популярныхъ книгъ довольно мудрено. Онъ еще самъ хорошенько не знаетъ, чего ему хочется, что ему интересно, чего ему недостаетъ. Онъ бродитъ между книгъ и ищетъ, поглощая то, что больше бросается на глаза. Онъ боится толстыхъ научныхъ книгъ и не привыкъ къ ихъ языку. Онъ многое бракуетъ, прежде чѣмъ не выберетъ себѣ научное чтеніе по своимъ силамъ и вкусу...

Вотъ этого-то читателя имѣетъ въ виду и докторъ Лейненбергъ, приступившій къ изданію «Библіотеки для всѣхъ», второй выпускъ которой составляетъ книжка итальянскаго профессора Канестрини, посвященная изложенію начальныхъ свѣдѣній по антропологіи. Эту науку Канестрини опредѣляетъ совершенно правильно какъ «естественную исторію человѣческаго рода», какъ «зоологическое описаніе человѣчества», словомъ, какъ одну изъ отраслей естествознанія. Явленія, относящіяся къ области антропологіи, онъ освѣщаетъ и, такъ сказать, осмысливаетъ съ эволюціонной точки зрѣнія. Онъ старается не допускать въ свою книжку какихъ-либо «сказаній» и «преданій» мистическаго характера, стараясь всегда и вездѣ стоять на почвѣ позитивныхъ знаній. Все это нельзя не отнести къ достоинствамъ небольшой книжки, предназначенной для самой широкой публики. Самая книжка представляетъ изъ себя не столько обзоръ науки, сколько складъ фактовъ, которые распадаются на двѣ категоріи: во-первыхъ, фактовъ «удивительныхъ» и «поразительныхъ», во-вторыхъ, общеизвѣстныхъ. То онъ сообщаетъ, что «одинъ полковникъ имѣлъ между своими тюркосами ніамъ-ніама, снабженнаго мягкимъ, сгибавшимся, покрытымъ волосами хвостомъ длиною отъ 7 до 8 сантиметровъ» (29 стр.), что «Аудель Эвидзенъ, умершій въ 1470 году, прожилъ 210 лѣтъ» (!? 27 стр.), что одна дѣвочка «забеременѣла на восьмомъ году отъ своего дяди» (какая обстоятельность! стр. 24), и т. д. Тутъ же рядомъ читаемъ нижеслѣдующія данныя, которыя авторъ, очевидно, считаетъ не лишнимъ сообщить невѣждамъ-читателямъ: «Глаза представляютъ различія не только въ цвѣтѣ, но и въ ширинѣ и направленіи глазной щели». «Носъ служитъ чрезвычайно важнымъ органомъ (еще бы!) не только благодаря выполняемымъ имъ отправленіямъ, но и благодаря тому, что въ значительной степени опредѣляетъ физіономію человѣка. Носы различаютъ по ихъ профилю» (17 стр.). «Нѣкоторые люди обладаютъ особеннымъ талантомъ къ какому-либо предмету» (47 стр.). Такихъ неопровержимыхъ истинъ въ книжкѣ очень много. Не меньше тамъ и ничѣмъ неопровержимаго вранья и, по меньшей мѣрѣ, сомнительныхъ предположеній, которыя авторъ помѣщаетъ въ свою маленькую книжку, не жалѣя бумаги (въ книжкѣ всего 152 странички). Такъ, напр., на стр. 43 мы узнаемъ, что сангвиники «хорошо упитаны, плотно сложены, мужественны, храбрые воины», лимфатики «обладаютъ небогатымъ воображеніемъ, но постояннымъ и честнымъ (sic!) характеромъ»; люди желчные имѣютъ «весьма дѣятельные органы пищеваренія и печени» (?!), «обладаютъ высокомѣрнымъ характеромъ и крупнымъ умомъ (!); это темпераментъ великихъ полководцевъ и глубокихъ мыслителей» (44). На стр. 36 узнаемъ, что «проказа у насъ почти не встрѣчается». На

стр. 7: «говорятъ (кто? гдѣ?), что ростъ великана Голіаѳа составлялъ 3 метра и 3 сантиметра», и т. д., и т. д. Такихъ курьезныхъ выписокъ можно было бы сдѣлать много, но и изъ предъидущаго въ достаточной степени видно, что книжка г. Канестрини—ничто иное, какъ винигретъ, состряпанный на скорую руку и могущій вести лишь къ одному несомнѣнному послѣдствію—засоренію желудка. Докторъ Лейпенбергъ, очевидно, плохо заботится о здоровьѣ своихъ паціентовъ, угощая ихъ подобными снадобьями. Никакого мало-мальски цѣльнаго представленія изъ чтенія такого рода «антропологій» читатель не вынесетъ и никакого понятія о наукѣ не получитъ,—развѣ что сочтетъ ее за какой-то складъ «монстровъ», «раритетовъ» и общеизвѣстной дребедени, до которой онъ и самъ давнымъ-давно додумался своими средствіями.

Чарльсъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Популярный очеркъ Г. Геффдинга, проф. Копенгагенск. универс. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Эльциной*. Спб. 1896. Ц. 20 коп. Изданіе журнала «Образованіе».

Теорія «происхожденія видовъ» Дарвина вызвала, какъ извѣстно, цѣлую бурю возраженій не только со стороны ученыхъ, но и со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, которымъ она казалась до того нелѣпой, что они даже не считали нужнымъ съ нею хорошенько познакомиться.

«Ты мнѣ сдѣлай изъ лягушки слона, тогда я тебѣ повѣрю!»—кричалъ гнѣвно одинъ пасторъ изъ Дарвиновскихъ противниковъ.

«И гдѣ же это видно, чтобы галка, погулявъ по болоту, вдругъ сдѣлалась цаплей?!»—обращался другой къ здравому смыслу своихъ слушателей.

Въ настоящее время такія, въ дребезгъ разбивающія Дарвина, возраженія слышатся все рѣже и рѣже, и этимъ мы въ значительной степени обязаны небольшимъ популярнымъ книжкамъ о теоріи Дарвина, изъ которыхъ каждый въ состояніи понять, что Дарвинъ изумился бы не менѣе почтеннаго пастора, еслибъ ему сказали, что галка, погулявъ по болоту, вдругъ сдѣлалась цаплей.

Къ такимъ полезнымъ книжкамъ принадлежитъ и очеркъ профессора Геффдинга, который на 32-хъ страницахъ съумѣлъ не только дать понятіе объ ученіи Дарвина, но и прекрасно охарактеризовать свѣтлую личность великаго англійскаго естествоиспытателя.

«Подобно тому, какъ во всей жизни природы онъ (Дарвинъ) видѣлъ, — говоритъ Геффдингъ въ заключеніи своей статьи, — всеобъемлющее развитіе, такъ и въ его сердцѣ шевелилось одно могущественное стремленіе къ развитію, стремленіе объяснить намъ суть жизни, не смотря на всѣ непостижимыя тайны и искренное желаніе облегчить и освѣтить жизнь тѣхъ, которые должны часто вести такую тяжелую борьбу за существованіе.»

Между прочимъ, Геффдингъ приводитъ характеристику Дарвина, *какъ отца*, сдѣланную со словъ его дочери. «Характерно было,—писала та,—

«въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ уваженіе къ ихъ свободѣ и личности... «Отецъ всегда показывалъ намъ, что каждый изъ насъ представляетъ собой существо, мнѣнія и мысли котораго для него чрезвычайно интересны, и такимъ образомъ все доброе и благородное росло въ насъ, подъ его благотворнымъ вліяніемъ. Не думаю, чтобы преувеличенное уваженіе къ нашимъ добродѣтелямъ заставило насъ возмеч-

тать о себѣ (что, пожалуй, можно было бы допустить). Наоборотъ, это дѣлало насъ скромнѣе и благороднѣе по отношенію къ нему. Скорѣе всего причина дѣйствовала на насъ гораздо глубже и продолжительнѣе, чѣмъ похвалы, могущія дать пищу высокомѣрію и тщеславію».

Есть въ очеркѣ и кое-какіе промахи, объясняющіеся, вѣроятно, тѣмъ, что авторъ не естествоиспытатель, а философъ; такъ, напримѣръ, въ числѣ предшественниковъ Дарвина, высказывавшихъ сходныя съ нимъ воззрѣнія, указаны Кантъ и Трешовъ, а не упомянуты Гёте и Жоффруа; но промахи эти мало вліяютъ на то прекрасное впечатлѣніе, которое оставляетъ очеркъ Геффдинга, кстати сказать, хорошо переведенный на русскій языкъ.

Справочныя книги.

Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Спб. 1896 г., стр. 212. Ц. 60 к.

Это изданіе «Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ» имѣетъ цѣлью соединить воедино «справочныя свѣдѣнія для дѣйствующихъ артелей, а также для кустарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, которые имѣютъ намѣреніе соединиться въ артели». Согласно этой задачѣ, три четверти книжки занято выдержками изъ законовъ, договорами и уставами дѣйствующихъ артелей; на 30 страницахъ излагаются наставленія къ составленію артелей и 20 страницъ занимаетъ очеркъ исторіи кооперативнаго движенія на Западѣ и въ Россіи. Въ виду заявленнаго редакторомъ книжки, А. А. Исаевымъ, желанія получить указанія на недостатки этого перваго въ Россіи опыта справочнаго изданія для учредителей артелей, укажемъ на противорѣчіе между стр. 8 книжки, гдѣ говорится, что засвидѣтельствованіе подписи участниковъ договора требуется въ случаѣ, когда среди нихъ находятся безграмотныя лица, и стр. 29, гдѣ необходимость засвидѣтельствованія не ограничивается приведеннымъ условіемъ; на неясность изложенія п. 1 отличія договора отъ устава (стр. 9) и на то, что, въ виду помѣщенія договора артели шапочниковъ въ г. Елисаветградѣ, сходный съ нимъ договоръ артели портныхъ въ томъ же городѣ представляется излишнимъ. Намъ кажется также, что въ справочномъ изданіи, имѣющемъ цѣлью дать образцы положеній дѣйствующихъ артелей для руководства при образованіи новыхъ, договоръ земледѣльческихъ артелей, устраиваемыхъ Н. В. Левитскимъ, можетъ быть помѣщенъ не иначе, какъ съ оговоркой. Говоря это, мы не хотимъ выразить мысль, что признаемъ дѣятельность почтеннаго устроителя артелей среди земледѣльческаго населенія Херсонской губ. нецѣлесообразной. Напротивъ того, мы думаемъ, что мало кто сдѣлалъ столько для развитія кооперативнаго движенія въ Россіи, какъ Н. В. Левитскій. Но значеніе его дѣятельности мы измѣряемъ не успѣхами организаціи артелей по типу составленнаго имъ договора, а той пропагандой идеи артели, какую онъ ведетъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ среди трудящагося населенія, и составленному имъ договору мы придаемъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ средству той же пропаганды общей идеи, а не какъ образцу, при практическомъ устройствѣ этого

дѣла. Въ качествѣ такого образца, этотъ договоръ кажется намъ нецѣлесообразнымъ. Но, еслибы даже оказалось, что по его типу не устроилась ни одна артель,—значеніе движенія, вызваннаго Н. В. Левитскимъ, этимъ ни мало не умаляется. Дѣло въ томъ, что технически хлѣбопашество почти еще не вышло изъ мелкой организаціи производства и потому артельная организація при добычѣ зерна не представляется необходимой. Но если это вѣрно по отношенію къ сельскому хозяйству, какъ цѣлому; если главнѣйшія операціи въ этой отрасли промышленной дѣятельности удобно совершаются силами обыкновенной крестьянской семьи, то совершенно обратное надлежитъ сказать относительно отдѣльныхъ сторонъ и моментовъ сельскохозяйственнаго промысла: нигдѣ кооперація не примѣняется съ такимъ удобствомъ, какъ именно здѣсь, и нигдѣ она, при благопріятныхъ условіяхъ, не распространяется съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Продажа продуктовъ сельскохозяйственной дѣятельности, покупка удобренія, машинъ и т. п., устройство маслодѣленъ, винодѣленъ, мельницъ, соединеніе скота нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ для образованія общаго плуга (супряга), аренда земли, эти и подобныя имъ предпріятія весьма легко допускаютъ примѣненіе кооперацiи и въ кооперативной формѣ пользуются уже широкимъ распространеніемъ въ различныхъ странахъ Европы и Америки. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что успѣхи кооперативнаго движенія среди русскихъ земледѣльцевъ слѣдуетъ измѣрять не числомъ устраиваемыхъ производительныхъ артелей, а степенью распространенія кооперацій въ примѣненіи къ отдѣльнымъ операціямъ и моментамъ сельскохозяйственнаго промысла. А такъ какъ для успѣха этого примѣненія требуются два условія: широкое распространеніе среди населенія идеи артели и участіе въ кооперативномъ движеніи среди трудящейся массы членовъ культурнаго общества, то дѣтельность г. Левитскаго,—въ особенности, если ему удастся установить прочную связь населенія съ культурнымъ слоемъ въ данномъ районѣ,—отвѣчаетъ обоимъ условіямъ и есть именно то, что требуется для даннаго дѣла. Не можемъ только не выразить сожалѣнія, что все это пока держится, главнымъ образомъ, подвижническимъ характеромъ дѣятельности прикосновенныхъ къ нему лицъ. Мы думаемъ, что для успѣха идеи кооперацiи въ ея практическомъ примѣненіи имѣетъ весьма важное значеніе матерьяльная заинтересованность въ ней лицъ культурнаго общества, и если только наступитъ такой моментъ, когда послѣдніе примутъ участіе въ артеляхъ, не изъ одного идейнаго только къ нимъ сочувствія, но и потому, что сами для собственнаго существованія будутъ заинтересованы въ ихъ матерьяльныхъ выгодахъ — широкое развитіе кооперацiи въ Россіи будетъ прочно обезпечено.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Русскіе переселенцы въ Закавказьѣ.

Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ тѣснѣе дѣлается на Руси, тѣмъ все труднѣе и труднѣе живется «крестьянскому» люду. Тѣмъ все болѣе и болѣе недостатокъ земли, а съ нимъ вмѣстѣ и появляющаяся нужда заставляютъ этотъ людъ съ грустью, но съ надеждою на лучшее будущее бросать насиженныя прадѣдами и прапрадѣдами родныя мѣста и стремиться за тридевять земель—искать... не молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами, какъ любятъ выражаться нѣкоторые человѣконенавистники и поверхностные наблюдатели, а очень немногаго: достаточнаго куска хлѣба, теплаго угла и крѣпкой одежды. Крестьянинъ всегда и вездѣ, во всѣхъ концахъ Россіи, только о томъ и мечтаетъ, чтобъ и самому быть сытому, и ребята чтобы съ молокомъ были, и скотина чтобы ходила сытая да «справная», и чтобы одежи было много, и крѣпкой и теплой, и хата бы чтобъ была топленая. О томъ, чтобъ былъ досугъ, чтобы было время отдохнуть и кой съ кѣмъ изъ сосѣдей побалакать, хотя тоже думаютъ, но думаютъ пока мало. Работы, хотя бы ея и по горло было, не боятся. Желаютъ только, чтобы работа была производительная и на себя. И противъ «поданей» они ничего не имѣютъ, лишь бы было достаточно земли.

Мнѣ и самому, при объѣздахъ, въ качествѣ земскаго статистика, многихъ деревень въ четырехъ уѣздахъ Орловской губерніи, пришлось вездѣ наталкиваться на самую опредѣленную формулу, сколько десятинъ на душу нужно крестьянину, и изъ разсказовъ товарищей-статистиковъ, бывшихъ на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ и въ Орловской, и въ другихъ губерніяхъ, я знаю о повсемѣстномъ существованіи этой формулы; затѣмъ съ нею же мнѣ пришлось столкнуться и въ Харьковской губерніи. Формула поразительна. Тутъ все сочтено и все принято во вниманіе: и производительность почвы, и количество земли въ округѣ, и количество населенія, и особенности хозяйства.

Всю Орловскую губернію можно грубо раздѣлить на двѣ части: черноземную и нечерноземную, лѣсную; въ первой земля производительнѣе, во второй хуже; первая гуще населена, во второй населенія меньше. Поэтому крестьяне и опредѣлили (въ одномъ случаѣ опредѣляли не

они, а «два бѣлыхъ старичка», которые проходили мимо) въ черноземной полосѣ по 7 десятинъ на душу, такъ какъ тогда и будетъ достаточно и хватитъ на всѣхъ; въ нечерноземной же части губерніи по 15 десятинъ на душу. Тамъ меньше нельзя, а по 15 хватитъ. Любопытно, что цифра эта какъ разъ совпадаетъ съ нормою надѣла, отводимаго казною въ Сибири. Въ одномъ изъ черноземныхъ уѣздовъ Харьковской губерніи крестьяне опредѣляли норму также въ 15 десятинъ на душу. Тутъ, надо думать, при опредѣленіи этого количества, принята была во вниманіе система хозяйства. Въ Орловской губерніи она болѣе интензивна (трехполье), чѣмъ въ Харьковской, гдѣ она частью переложная и только въ недавнее сравнительно время переходящая въ трехполье. Поэтому, хотя почва тамъ черноземная, ничуть не уступающая по производительности черноземy Орловской губерніи, хозяйственный разсчетъ все-таки опредѣлилъ норму не въ 7, какъ въ черноземныхъ уѣздахъ Орловской губерніи, а въ 15 десятинъ, ибо болѣе экстензивная система хозяйства требуетъ большаго количества земли.

Желанія крестьянина получить по стольку-то десятинъ на душу вездѣ такъ страстны, что переходятъ въ ожиданія. Къ каждому случаю, чѣмъ-нибудь выдающемуся и исходящему, большею частью, отъ начальства, тотчасъ же прицѣпляется желаніе крестьянъ: ну! теперь-то будутъ прибавлять земли!..

Какъ только начинаются земско-статистическія изслѣдованія, какъ только выѣзжаютъ статистики въ уѣздъ и затронутъ наболѣвшей вопросъ о землѣ и душахъ, тотчасъ же и поразительно быстро пробѣгаетъ по всему населенію молва: «царскіе чиновники на счетъ земли пріѣхали; всю землю сличаютъ—и у мужиковъ, и у казны, и у господъ,—и всѣ души переписываютъ. И это не спроста»... Не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ изслѣдованія производились уже не въ первый разъ, а вторично и послѣ большого промежутка, и что послѣ перваго объѣзда «чиновниковъ» ничего не было, не смотря на это, слухъ держится упорно, а тому обстоятельству, что послѣ перваго объѣзда (или, какъ называютъ часто, ревизіи) не было ничего всегда находятъ объясненія: либо не вся еще Расея обревизована, либо въ первый разъ напутали чиновники, либо тогда были не настоящіе чиновники, а теперь такіе, какихъ нужно... Такъ вопросъ о землѣ наболѣлъ и такъ не хочется мужику разстаться съ тѣмъ, чего больше всего онъ желаетъ, что не можетъ повѣрить даже очевидности.

Ожиданія и теперь не оставлены мужикомъ. Теперь всѣ почему-то надѣются на «ревизію», на предстоящую всероссійскую народную перепись. Про нее давно прослышали вездѣ и толкуютъ о ней все въ одномъ направленіи. Меня не разъ и въ разныхъ губерніяхъ спрашивали:

— Правду, балакаютъ мужики, ревизія будетъ?

— Ревизія не ревизія, а пересчитаютъ всѣхъ,—объясняешь.

— А у насъ балакаютъ—извѣстно, народъ темный, неученый, что ревизія...

— Не ревизія, а перепись.

— Это къ чему жъ?

Послѣ такого вопроса пытаешься разъяснить, что такое будетъ и для чего. Но въ это же время, когда объясняешь, чувствуешь, что объясненія не дѣйствуютъ, что не вѣрятъ ни одному твоему слову: «Какъ это будутъ всѣхъ писать, а ревизіи не будетъ? Для чего жъ тогда писать? Чудно!»... Не вѣрятъ, какъ не вѣрили, когда приходилось давать аналогичныя объясненія во время земскихъ переписей. Не вѣрятъ и все наводятъ, стараясь косвеннымъ путемъ допытать подозрѣваемую правду, на то, чего всѣми силами такъ страстно желаютъ,—на прибавку земли.

Правда, теперь все больше и больше попадается одиночекъ, группъ, а иногда и цѣлыхъ массъ крестьянъ, которые перестаютъ вѣрить въ возможность прибавки земли. Эти, отчаявшіеся, бросаютъ свою родину и идутъ на переселеніе куда-нибудь за тридевять земель, на край свѣта. Отчасти этою-то все увеличивающеюся утерею надежды получить землю на родинѣ, а отчасти вслѣдствіе ухудшившихся экономическихъ условій и невозможности больше ждать, и надо объяснить наше переселенческое движеніе.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу сказать нѣсколько словъ о переселенцахъ въ Закавказьѣ, собственно даже не въ Закавказьѣ, а только въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи.

Нынѣшней весной въ г. Валкахъ, Харьковской губерніи, я познакомился съ однимъ изъ такихъ переселенцевъ.

Онъ, вмѣстѣ съ другими, переселился въ самое послѣднее время, въ 1894 году, въ Кубинскій уѣздъ. На родину онъ явился, какъ уполномоченный отъ переселившихся съ нимъ односельчанъ, выхлопотать засыпку, которую переселенцы дѣлали ранѣе въ общественный магазинъ, а также и по своимъ личнымъ дѣламъ для заработка. Онъ—машинистъ на паровой молотилкѣ и пристроился на мѣсто у одного помѣщика молотить хлѣбъ. Тамошнее житье онъ расхваливалъ. Хлѣбъ родится прекрасный, такъ какъ земля хорошая, не хуже, чѣмъ на родинѣ. Земли дали много сравнительно съ тѣмъ, что было дома; вмѣсто малоземелья, граничащаго съ безземельемъ, переселенцы имѣютъ по 15 десятинъ на дворъ. Хатами обзавелись. Климатъ только не особенно хорошъ—зимы нѣту совсѣмъ: «нынѣшнюю зиму снѣгъ всего 3 недѣли лежалъ — и то говорятъ, что зима холодная, не въ примѣръ прежнимъ». Съ непривычки народъ даже болѣлъ, но немного. Но главное, что хорошаго получили переселенцы,—это много земли, хотя валковскіе ошиблись передъ переселеніемъ и получили, сравнительно, меньше, чѣмъ другіе переселившіеся съ ними вмѣстѣ изъ другихъ уѣздовъ

Харьковской губерніи. Они думали, что дадутъ земли по 15 десятинъ на душу, и ничего не предпринимали. Другіе же сообразили, что разъ даютъ не на душу, а на дворъ, то выгоднѣе имѣть какъ можно больше дворовъ. Поэтому, передъ переселеніемъ, «расписали» свои семьи на нѣсколько дворовъ, считая отца за одинъ дворъ, сына за другой, другого сына за третій и т. д., а переселившись получили по нѣскольку надѣловъ. Разумѣется, выгодали тѣ, которые могли «расписывать» свою семью на нѣсколько дворовъ, т-.е. большія семьи.

Эти переселенцы изъ Харьковской губерніи давно уже хлопотали о переселеніи. Раньше они думали переселиться туда, куда направляется большинство переселенцевъ,—въ Сибирь. Но все никакъ не могли добиться разрѣшенія. И только въ 1894 году они прослышали о томъ, что вызываютъ желающихъ переселиться въ Кубинскій уѣздъ, подали заявленія—и устроились очень скоро. Послѣ того, какъ они подали заявленіе, поступало много еще заявленій отъ желающихъ переселиться, но тѣ опоздали, такъ какъ требовалось всего лишь 100 дворовъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ пришлось побывать въ Кубѣ, и я воспользовался случаемъ, чтобы посмотрѣть, какъ живутъ и какъ устроились переселенцы изъ Харьковской губерніи и изъ другихъ мѣстъ.

Коренное населеніе уѣзда—татары. Народъ очень некультурный и дикій. Куда наши «сѣрые мужички» кажутся и смышленѣе, и развитѣе. Некультурность выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что татары поразительно не умѣютъ пользоваться благами природы, очень щедро расточаемыми въ Кубинскомъ уѣздѣ. Земля хорошая, а мѣстами прекрасная. Хлѣбъ родится великолѣпно. Въ нынѣшнемъ году урожай не особенно хорошъ, такъ что мнѣ самому не пришлось видѣть, но разсказываютъ, что обыкновенно бываетъ такого роста хлѣбъ, что если въѣдешь верхомъ на поле, то видна лишь одна шапка! Я знаю объ условіи, заключенномъ въ нынѣшнемъ году на поставку ржаной соломы, которая, по этому условію, должна быть ростомъ въ два и три четверти аршина. Не смотря на это, у татаръ больше въ полѣ бурьяна, который здѣсь развивается роскошно, чѣмъ хлѣба. Причина въ способѣ и орудіяхъ обработки. Пашутъ одинъ разъ съ тѣмъ, чтобъ сѣять только подъ борону, на одномъ и томъ же мѣстѣ, не перепахивая въ слѣдующіе разы, въ теченіе 3—4 лѣтъ. Пашутъ или тяжелѣйшимъ плугомъ, который таскаютъ 6—7 паръ воловъ или буйволовъ, или—не знаю, какъ назвать—инструментомъ, состоящимъ изъ толстаго, заостреннаго на концѣ обрубка, къ которому придѣлано дышло для пары воловъ или буйволовъ. Климатъ во многихъ мѣстахъ, въ низменной половинѣ уѣзда, благопріятенъ для культуры винограда. Между тѣмъ, у татаръ виноградъ въ загонѣ. Впрочемъ, это можно оправдать религіозными причинами, запрещающими магометанамъ пить вино. Весь Кубинскій уѣздъ очень удобенъ для садоводства вообще,

*

а сады очень плохіе у населенія. Въ уѣздѣ прекрасно растетъ всякая огородная овощь и картофель, и очень выгодно и то и другое разводить (въ Кубѣ *фунтъ* картофеля 2—4 к., въ Баку 4—6 к., т.-е., переводя на мѣру, какъ считаютъ въ Россіи, въ Кубѣ *отъ 1 до 2 рублей мѣрка картошки*, а въ Баку *отъ 2 до 3 руб.)* и однако, и то и другое разводится очень плохо татарами. Татары находятся еще въ стадіи полукочевой, пастушеской жизни. Способны-ли татары развиваться—не знаю, но думается, что способны, какъ и все человѣчество. Ужъ въ такихъ условіяхъ они живутъ, что трудно, чтобы развитіе шло быстрѣе. Географическое положеніе Кубинскій уѣздъ занимаетъ такое, что сообщеніе съ міромъ очень затруднительно: съ одной стороны—Каспійское море безъ удобныхъ бухтъ, съ другой — предгорье Кавказа, часть котораго лежитъ въ уѣздѣ; съ третьей—еще кажется болѣе дикая, чѣмъ Кубинскій уѣздъ, южная часть Дагестанской области, съ четвертой—на десятки верстъ протянувшаяся безплодная, совершенно голая, песчаная и почти незаселенная степь, тянущаяся до самаго Баку. Отъ центра—г. Баку—160 верстъ по грунтовой дорогѣ, причемъ приходится переѣзжать вбродъ нѣсколько довольно значительныхъ горныхъ рѣкъ, не всегда безопасныхъ для переправы; до другого ближайшаго города, Дербента, Дагестанской области,—80 верстъ; здѣсь приходится переправляться вбродъ черезъ значительную и бурную горную рѣку Самуръ. Однимъ словомъ, сообщенія нѣтъ и отовсюду далеко. Почта ходитъ два раза въ недѣлю. Европейцы (по костюму и по умѣнью писать на бумагѣ)—только чиновники, и тѣ больше изъ своихъ же мѣстныхъ (татары и армяне). Культуртрегерствомъ занимается только полиція, а что такое полиція на окраинахъ, гдѣ она—все начальство, достаточно извѣстно.

Единственное, чѣмъ воспользовалось населеніе и что надо поставить ему въ заслугу,—это овцеводство и ирригація. Овцеводство у пастушествующей части населенія составляетъ единственный доходъ, хотя, повидимому, небольшой, такъ какъ народъ очень бѣденъ. При этомъ татары, сравнительно, мало сбываютъ сырья, а больше перерабатываютъ его у себя дома кустарнымъ образомъ: изготовляютъ сукна, бурки, ковры. Ковровый промыселъ очень развитъ среди женскаго населенія, выдѣлывающаго очень цѣнные ковры, но находится въ эксплуатаціи у кулаковъ, которые даютъ населенію въ долгъ подъ ковры гроши, когда съ населенія требуютъ подати, а сами выручаютъ довольно большія деньги. Орошеніе поставлено въ Кубинскомъ уѣздѣ очень хорошо. По всѣмъ улицамъ въ городѣ и въ деревняхъ и по всѣмъ полямъ бѣгутъ ручейки проведенной изъ рѣки воды. Канавы очень часты; нельзя пройти и версты въ какомъ бы то ни было направленіи, чтобъ не встрѣтить канаву съ водой. Конечно, тому, что въ Кубинскомъ уѣздѣ устроено орошеніе, способствовала, такъ сказать, сама природа, а не геній населенія его изобрѣлъ; тѣмъ не менѣе,

заслуга населенія, что оно воспользовалось природными удобствами. Устройству ирригаціонныхъ сооруженій въ Кубинскомъ уѣздѣ способствовалъ тотъ большой уклонъ отъ горы къ морю, который заставляетъ кубинскія рѣчки, не смотря на относительную маловодность, дѣлаться очень быстрыми. Благодаря этому уклону, для того, чтобы провести воду изъ русла рѣки въ поле, не требуется большихъ затратъ, потому что не нужно [большихъ сооруженій. Въ Кубинскомъ уѣздѣ дѣло обходится очень просто. Вверху верстъ за семь, много за десять, роютъ отъ берега рѣчки подъ острымъ угломъ канаву; чтобъ не размывало берега, въ основаніи канавы на углахъ ставятъ плетни, въ видѣ большихъ корзинъ, которыя заполняютъ камнями, приносимыми самой рѣчкой; только и всего. Эта большая канава служитъ питательной артеріей для расходящихся въ разномъ направленіи мелкихъ канавокъ. Надо думать, будь и у насъ, въ Россіи, такія условія—и наши крестьяне воспользовались бы ими и тоже устроили бы у себя ирригацію. А то, попробуй гдѣ-нибудь по Волгѣ или другой русской рѣкѣ пустить воду на берегъ, и окажется, что это или вовсе невозможно, или потребуетъ такихъ затратъ не только на первоначальное устройство, но и на ежегодное поддержаніе ирригаціонныхъ сооруженій, что овчинка не будетъ стоить выдѣлки, что выгоднѣе не орошать землю, а купить еще столько же за тѣ деньги, которыя нужны для устройства орошенія. Такъ было, напр., какъ передавали «Русскія Вѣдомости» [1]), съ однимъ крупнымъ имѣніемъ въ поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ гидротехническія сооруженія по ирригаціи легли бременемъ на землю, на сколько помнится, въ 90 съ чѣмъ-то рублей на десятину, т.-е. столько, сколько стоитъ земля въ покупкѣ...

Сами по себѣ татары, какъ большинство, народъ мирный и тихій, даже трусливый, по крайней мѣрѣ, очень боятся громкаго окрика. Напримѣръ, вдали отъ всякаго жилья, по большой дорогѣ, ѣдетъ обозъ арбачей; на встрѣчу двое русскихъ верхомъ; татары, по обычаю, всѣ вооружены кинжалами, есть кое у кого и огнестрѣльное оружіе; у всадниковъ—только одинъ револьверъ и нагайки, которыми они погоняютъ лошадей; всадники ничѣмъ по наружности не напоминаютъ собою начальства, и потому арбачи на столько не обращаютъ на нихъ вниманія, что загромоздили арбами всю дорогу, такъ что нельзя съ ними разъѣхаться; тогда одинъ изъ всадниковъ кричитъ громкимъ начальственнымъ голосомъ, и—арбачи пропускаютъ ихъ. Аналогичныхъ разсказовъ, т.-е. когда толпа татаръ безъ протеста слушается одного человѣка, не смотря на то, что физическая сила на ихъ сторонѣ, очень много, и они очень хорошо характеризуютъ съ этой стороны татарское населеніе. Народъ тихій и послушный, можно даже прибавить—забитый, но при случаѣ занимающійся воровствомъ—угономъ скота.

---

[1]) Въ августѣ нынѣшняго года.

Изъ этой довольно блѣдной среды выдѣляются болѣе энергичные и смѣлые. Энергію свою они на мѣстѣ ни на что путное примѣнить не умѣютъ, да и не могутъ, при нынѣшнемъ положеніи Закавказья въ культурномъ, политическомъ, экономическомъ и др. отношеніяхъ. Имъ скучно и тѣсно въ своей средѣ. И они ѣдутъ въ «кочаги». Кочаги—это разбойники по профессіи. Живутъ они грабежомъ и данью, которою облагаютъ все состоятельное мѣстное населеніе. Многимъ изъ кочаговъ, въ большинствѣ случаевъ главарямъ, атаманамъ, иначе дѣйствовать и нельзя, потому что они ужъ побывали на каторгѣ и бѣжали оттуда, или нашкодили уже такъ, что каторги не миновать. Изъ 11 человѣкъ, которые были въ прошломъ году повѣшены въ Кубѣ за разбой, особенно выдѣлялся одинъ, тотъ, который четыре раза бѣжалъ съ Сахалина. Кругомъ этихъ бѣглыхъ и группируется мѣстная, большею частью, молодежь — составляется шайка. Своихъ кочаговъ татары любятъ и скрываютъ отъ властей. Есть въ Бакинской губерніи кочаги конные, персидскіе подданные, которые почти ежегодно дѣлаютъ набѣги изъ Персіи. Но эти до Кубинскаго уѣзда не доходятъ. Тамъ имъ нѣтъ того раздолья и удобствъ, какія имѣютъ они въ степи и около Баку, почти до самаго Кубинскаго уѣзда. Въ Кубинскомъ уѣздѣ, который весь почти покрытъ густымъ кустарникомъ и изрѣзанъ горными рѣчками, нельзя на лошади «работать»—далеко не убѣжишь, въ случаѣ преслѣдованія и не спрячешься. Кубинскіе же мѣстные кочаги всѣ пѣшіе и далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ не уходятъ, потому что не боятся своихъ. Скрываться имъ помогаютъ: 1) лѣса, которые мѣшаютъ персидскимъ кочагамъ и уничтожаютъ такимъ образомъ конкурренцію, 2) мѣстное населеніе, которое симпатизируетъ имъ часто по кровному родству и укрываетъ, и 3) отчасти, какъ говорятъ, и мѣстная мелкая полиція, которая получаетъ отъ кочаговъ хорошую мзду. Мѣстное населеніе, какъ я уже сказалъ, любитъ своихъ кочаговъ и считаетъ ихъ за героевъ. Всѣ они попадали на каторгу или приговорены къ ней за правое дѣло — по убѣжденію татаръ. Это правое дѣло, большею частью, месть, которая все еще очень распространена на Кавказѣ, или какой-нибудь геройскій поступокъ. Ну, какъ не герой такой, напримѣръ, юноша: онъ—мирный человѣкъ, крестьянскій юноша—засталъ, въ отсутствіе отца, у матери любовника. Что онъ долженъ былъ дѣлать? Убить, конечно, обоихъ. И онъ убилъ и пошелъ на каторгу. Оттуда ему удалось бѣжать. Куда же бѣжать, какъ не на родину, къ своимъ мѣстамъ. Въ своей хатѣ жить нельзя — все равно схватятъ. А жить чѣмъ-нибудь надо, и онъ берется за разбой. Еслибы на Кавказѣ дѣйствовалъ судъ присяжныхъ, то онъ или былъ бы оправданъ, или не былъ бы сосланъ на каторгу и не сдѣлался бы кочагомъ; тогда, отбывъ болѣе легкое наказаніе, онъ возвратился бы домой, и не было бы ему нужды сдѣлаться кочагомъ. Или вотъ еще аналогичный случай, но съ осложне-

ніями. У татаръ невозможна проституція, она и закономъ и обычаемъ запрещена, и ея почти нѣтъ, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ. И вотъ, случилось, что у богатаго татарина-крестьянина сестра распутничала. Онъ пригласилъ ее поѣхать погостить въ другую деревню къ родственникамъ, дорогою убилъ и куда-то спряталъ. Дали знать полиціи, что пропала женщина. Стали искать—не нашли. Подозрѣвали брата, но уликъ нѣтъ, доказать убійство нельзя и за это судить его было невозможно. Это зналъ убійца. Тѣмъ не менѣе, представитель полиціи вымогалъ отъ него большую взятку (кажется, 200 барановъ). Убійца, будучи увѣренъ, что его оправдаютъ, отказалъ. Тогда этотъ представитель полиціи сталъ ему мстить. Подговорилъ или приказалъ крестьянамъ изъ той деревни, родомъ изъ которой былъ этотъ убійца, и изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ показать на него, что онъ занимается разбоемъ. Тѣ показали, и убійца былъ приговоренъ за то, въ чемъ не былъ виноватъ, къ каторгѣ. За ложное показаніе этотъ татаринъ погрозился отомстить и будетъ мстить, такъ какъ онъ бѣжалъ съ каторги и организовалъ шайку.

Кубинскіе кочаги грабятъ, большею частью, на дорогахъ и, какъ говорятъ, убиваютъ рѣдко—только въ случаѣ сопротивленія или бѣгства. Въ то лѣто, когда я былъ въ кубинскихъ палестинахъ, на дорогѣ было ограблено четыре фургона, въ которыхъ помѣщалось человѣкъ сорокъ пассажировъ; ограблены были вещи, деньги и уведены всѣ четыре четверки; но подстрѣленъ былъ только одинъ армянинъ, и то потому, что не послушался кочаговъ—хотѣлъ бѣжать, а они ему и всѣмъ говорили, что убивать не будутъ никого. Но главный ихъ промыселъ состоитъ въ собираніи дани съ болѣе богатой части населенія. Дань у нихъ прогрессивно-подоходная: съ богатыхъ помѣщиковъ-бековъ берутъ больше, съ болѣе бѣдныхъ меньше. Если тѣ, кого они обложили данью, не платятъ, то они ихъ грабятъ или убиваютъ. Бѣдныхъ людей не только не трогаютъ, если они имъ не мѣшаютъ, но даже сами имъ помогаютъ, даютъ и хлѣба, и денегъ. Къ характеристикѣ кочаговъ надо отмѣтить еще очень интересную подробность: они всегда расплачиваются за обѣды, ужины, чай съ тѣмъ хозяиномъ, къ которому явятся не всегда желанными гостями и котораго заставляютъ себѣ готовить и ставить самоваръ. Зря они никого не трогаютъ: я знаю завзятыхъ охотниковъ, которые по цѣлымъ недѣлямъ пропадаютъ въ лѣсу, часто встрѣчаются съ кочагами и постоянно возвращаются невредимыми, а иногда кочаги ихъ и угощаютъ даже. Женщинъ они также не трогаютъ. Мнѣ передавали, что двѣ женщины (изъ кубинскихъ чиновницъ) вдали отъ жилья натолкнулись на кочаговъ. Но кочаги спрятались отъ нихъ, а послѣ передавали, что ихъ видѣли, хотѣли позвать чай шить, но побоялись, что онѣ испугаются и не стали подходить...

Однимъ словомъ, населеніе вамъ разскажетъ про кочаговъ много

удивительнаго. Но отъ этого не легче. Въ разбоѣ ничего, все-таки, хорошаго нѣтъ. И губернское начальство ихъ велѣло преслѣдовать. Долго ихъ ловили и не могли поймать. Трудно было бороться съ населеніемъ, которое укрывало ихъ, трудно было и по многимъ другимъ причинамъ. Но когда уѣзднымъ начальникомъ былъ назначенъ новый человѣкъ, какъ разсказывали мнѣ, человѣкъ энергичный и честный,—ихъ все-таки изловили и 11 человѣкъ повѣсили. Эта мѣра страшно напугала кочаговъ, такъ что до послѣдняго времени ихъ не было слышно, но теперь, когда этого начальника перевели еще куда-то, кочаги ожидаются въ Кубинскомъ уѣздѣ опять.

За кочаговъ много разъ платилось и населеніе.

Изъ нѣсколькихъ татарскихъ деревень (6) все населеніе было выселено и поселено въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской же губерніи, на Мучанскую степь. На освободившіяся такимъ образомъ мѣста и были вызваны желающіе поселиться русскіе и хохлы. Какъ говорятъ мѣстные жители, слѣдовало бы, по правдѣ разсуждая, наказать не только эти деревни, но безъ исключенія всѣ, потому что всѣ татары были виноваты въ этомъ въ одинаковой степени. Но выселены были лишь деревни болѣе бѣдныя. Болѣе же богатыя, но не менѣе виноватыя, оставлены въ покоѣ, по причинамъ, которыя не берусь объяснять.

Татары, которые были переселены, поплатились слишкомъ жестоко за укрывательство. Во-первыхъ, они были обречены на изгнаніе съ родины. Во-вторыхъ, они были раззорены въ конецъ, потому что должны были бросить и хаты, и усадьбы, и—хотя и плохенькіе—сады и виноградники. Затѣмъ, и потому, что новыя мѣста совершенно не подошли имъ по климатическимъ условіямъ. И въ Кубинскомъ уѣздѣ жили они въ лихорадочныхъ мѣстахъ, но тамъ они привыкли, а на Мучани совсѣмъ въ болото попали. Поэтому половина въ скоромъ же времени перемерла. Половина бѣжала въ Персію и Турцію, а нѣсколько уцѣлѣвшихъ семей тайкомъ возвратилось на родину и размѣстилось по сосѣднимъ деревнямъ, такъ что на новыхъ мѣстахъ почти никого не осталось.

Хуже же всего то, что и русскіе переселенцы очутились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ выселенные татары, на мѣста которыхъ они сѣли. Какъ выселенные татары сильно болѣли и страшно вымирали, попавши въ другомъ уѣздѣ въ климатическія условія, сильно отличающіяся отъ своихъ родныхъ, такъ точно и русскіе переселенцы сильно пострадали отъ тѣхъ же условій.

Весь почти Кавказъ, за исключеніемъ высокихъ мѣстъ, надо считать нездоровымъ. Вездѣ свирѣпствуютъ лихорадки. И особенно онѣ работаютъ тамъ, гдѣ сѣется «чалтыкъ» (рисъ), который растетъ въ искусственно устроенномъ болотѣ. И въ этомъ отношеніи Кубинскій уѣздъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Ради разведенія чалтыка и устроено, главнымъ образомъ, орошеніе. Вблизи оросительной канавы дѣлается

изъ плетня рядъ ящиковъ, гдѣ сѣютъ рисъ, и напускаютъ въ эти ящики воду, которую держатъ вплоть до полнаго созрѣванія риса. Этою же водою пользуются и для орошенія луговъ. Послѣ перваго укоса, луга заливаютъ, чтобъ или получить къ осени другой укосъ, или имѣть на зиму траву для подножнаго корма; здѣсь климатическія условія позволяютъ держать скотъ почти круглый годъ на подножномъ корму. И въ первомъ случаѣ, при посѣвѣ риса, и во второмъ, при орошеніи луговъ, получаются искусственныя болота. А это еще болѣе дѣлаетъ климатъ уѣзда нездоровымъ.

Всѣхъ русскихъ деревень въ Кубинскомъ уѣздѣ въ настоящее время семь, если не считать военнаго мѣстечка Кусары.

Самый первый поселокъ — это село Михайловка, образованный на мѣстѣ татарскаго селенія Зангешали. Мнѣ не удалось узнать, когда образовалась Михайловка, но, повидимому, уже давно; по крайней мѣрѣ михайловцы были на мѣстѣ въ Кубинскомъ уѣздѣ въ 1877 году, когда они, во время войны съ Турціей, сильно пострадали отъ возстанія на Кавказѣ: въ этомъ году окрестные жители напали на михайловцевъ, нѣсколько человѣкъ убили, угнали весь скотъ и сожгли Михайловку до тла.

Село Михайловка [1]) образовалось изъ поволжскихъ выходцевъ, которые, заслышавъ о тѣхъ льготахъ, которыми пользуются кавказскіе поселенцы, въ отношеніи небольшихъ размѣровъ подати, а главное, прельстившись расположеніемъ Михайловки на берегу моря, дающемъ возможность заниматься рыболовствомъ, т.-е. тѣмъ, чѣмъ они занимались и на родинѣ, первое время толпами бросились въ это селеніе. Но расположеніе селенія очень невыгодное—въ болотистой мѣстности, слѣдствіемъ чего среди первыхъ поселенцевъ развилась повальная лихорадка, уложившая многихъ изъ нихъ въ могилу. Это сильно охладило пылъ, и многіе вскорѣ по переселеніи, часто еле живые, вернулись обратно. Въ настоящее время въ с. Михайловкѣ не болѣе 80 дворовъ, и, хотя большинство поселенцевъ вполнѣ акклиматизировалось, но, тѣмъ не менѣе, лихорадки среди нихъ свирѣпствуютъ и теперь, такъ что составляютъ довольно значительный процентъ смертности. Еслибы Михайловка не пополнялась почти ежегодно новыми пришельцами, то ее давно бы не существовало—и только одно кладбище свидѣтельствовало бы о томъ, что здѣсь когда-то жили русскіе. Село Михайловку съ сѣверной и западной сторонъ окружаетъ на далекое пространство непроходимый очень густой кустарникъ, который въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села сливается съ громаднымъ Хачмазскимъ и Караджалинскимъ лѣсами. Кустарникъ этотъ настолько густъ, что даже лѣтомъ, почти въ тропиче-

---

[1]) Свѣдѣнія о с. Михайловкѣ беру изъ газ. «Каспій» 1891 г., № 15, а отчасти и изъ своихъ записокъ.

скую жару (доходитъ до +50° по Реом.), земля тамъ не просыхаетъ. Мѣстами, среди кустарника, попадаются болотца, поросшія камышомъ. Это дѣлаетъ мѣстность очень удобною для обитанія разной птицы (здѣсь гибель фазановъ, курочекъ, куропатокъ и пр.), но очень неудобной для здоровья человѣка. Когда-то всю мѣстность—весь Кубинскій уѣздъ—покрывали громадные лѣса. Но они были вырублены съ административными цѣлями, для удобства преслѣдованія разбойниковъ. Остались лѣса только въ горахъ и возлѣ границы съ Дербентскимъ округомъ, Дагестанской области. На мѣстѣ вырубленныхъ лѣсовъ и засѣлъ сплошной кустарникъ. Кустарникъ, преимущественно колючихъ породъ, мѣстами такъ переплелся, что нѣтъ никакой возможности пройти черезъ него.

Съ южной стороны Михайловки, по другую сторону рѣчки Кубинки (по татарски—Кудіалъ-чай), на землѣ самихъ же михайловцевъ, тянутся большія покосныя мѣста, почти всегда залитыя водой, идущей изъ оросительной канавы, такъ какъ, по неумѣнью, а отчасти и по небрежности михайловцевъ, вода не направляется въ канаву, идущую къ морю, и покосы никогда не осушаются, а вслѣдствіе этого и здѣсь круглый годъ непросыхающее болото.

Окрестные жители большія пространства засѣваютъ чалтыкомъ (рисомъ) и даже сами михайловцы отдаютъ свою землю въ аренду подъ посѣвы риса. Рисъ же растетъ только въ болотѣ. Для оздоровленія климата слѣдовало бы уничтожить культуру риса на Кавказѣ. И сдѣлать это не трудно, потому что разведеніе риса у насъ поддерживается только таможенной пошлиной. Отмѣнить пошлину на ввозимый изъ Средней Азіи рисъ—и его перестанутъ разводить, такъ какъ не въ состояніи будутъ конкуррировать съ заграничнымъ. Говорятъ, что даже предлагался такой проектъ. Но боятся его примѣнить по той простой причинѣ, что тогда половина татаръ, живущихъ только рисомъ, перемретъ прежде, чѣмъ найдетъ себѣ заработокъ въ чемъ-нибудь другомъ.

Канавы, которыя проведены, главнымъ образомъ, для орошенія риса, сами по себѣ очень ухудшаютъ климатъ. Вода въ нихъ, пройдя на разстояніи 40 верстъ черезъ рисовыя болотца, направляется къ морю возлѣ Михайловки, частью въ канавахъ же, частью спущенная въ рѣчку Кубинку, при устьяхъ которой расположена Михайловка. А такая вода приноситъ съ собою массу гнили. Въ селѣ же по обѣ стороны улицы проведены для орошенія огородовъ канавки вблизи отъ жилья—на 1—2 отъ хаты. Въ виду же того, что почва въ Михайловкѣ—растительный черноземъ, а подпочва непроницаемая для воды—глина, а также и потому, что дома въ Михайловкѣ построены изъ сырцоваго, саманнаго кирпича, безъ фундамента и часто безъ половъ,—сырость проникаетъ и въ стѣны, и въ хаты. Этому же способствуетъ и то, что въ южной низменной части Кубинскаго уѣзда зимы нѣтъ и въ теченіе 8 мѣсяцевъ—всю осень, зиму и весну—идутъ почти непрерывные дожди.

Еслибы михайловцы строили двухъ-этажные дома, въ какихъ живутъ многіе татары, сами бы жили вверху, а въ нижнемъ помѣщались бы сарай, конюшня или еще что-нибудь, то лихорадокъ было бы во много разъ меньше и не носили бы онѣ эпидемическаго характера.

Къ причинамъ заболѣванія надо отнести и ту воду, которую пьютъ михайловцы. За неимѣніемъ родниковъ и колодцевъ, они пользуются рѣчной водой изъ Кубинки, совершенно негодной для питья, такъ какъ въ лѣтнее и осеннее время въ нее впадаетъ вода, текущая съ рисовыхъ плантацій и несущая гнилую и вонючую жижу. А такъ какъ михайловцы живутъ на берегу моря, при самомъ устьѣ р. Кубинки, то въ этомъ отношеніи они и находятся въ самыхъ плохихъ условіяхъ, сравнительно съ выше лежащими селеніями. Сюда же надо отнести и невоздержность въ употребленіи овощей и фруктовъ, на которые съ жадностью, особенно сначала, набрасываются и взрослые, и дѣти. Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, а также и отъ значительной разницы въ температурѣ днемъ и ночью, масса населенія переболѣла и перемерла.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, михайловцамъ предлагали переселиться поближе къ горамъ, на болѣе возвышевную и здоровую мѣстность, но такъ какъ, съ удаленіемъ ихъ отъ моря, они лишались возможности заниматься той работой, которая приноситъ имъ почти исключительный доходъ, — рыболовствомъ, — то они отказались. Хотя у михайловцевъ 1.200 десятинъ земли, но половина ея лежитъ и теперь подъ кустарникомъ, а половина—подъ лугами.

Въ первое время поселенія михайловцевъ обижали окрестные татары: крали у нихъ скотину, обманывали ихъ на каждомъ шагу и т. п. Незнаніе языка и обычаевъ окрестныхъ жителей отдавало поселенцевъ въ руки татаръ; отдаленность же селенія отъ центра — г. Куба 45 верстъ, — а также и другія причины отнимали всякую охоту ходить къ начальству жаловаться. Многіе даже хотѣли бросить Михайловку и бѣжать на Волгу, но большинство, приспособившись въ мѣстности, выучилось языку, узнало слабыя стороны татаръ, замѣтило ихъ трусость и стало дѣйствовать, противъ силы противупоставляя силу. И не прошло 2—3 лѣтъ, какъ михайловцы представляли уже грозную силу, съ которой открыто бороться мѣстные жители уже стѣснялись и съ затаенной злобой взирали, какъ михайловцы, не смотря ни на что, основали поселокъ и зажили. Нелюбовь татаръ къ михайловцамъ особенно сильно выразилась въ 1877 году, когда Михайловка была сожжена. За это татары жестоко поплатились, такъ какъ цѣлыми селеніями были разселены по всему уѣзду, и на ихъ счетъ было вновь построено все село Михайловка.

Послѣ Михайловки, но въ болѣе новое время, были основаны еще двѣ деревни: Владиміровка—на мѣстѣ татарской деревни Кюснетъ и Еленовка—на мѣстѣ деревни Гаджи-Гуссейнъ-Кишлаги.

Во Владиміровку были поселены изъ молоканскаго мѣстечка Алты-Агачъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губерніи, молокане. Владиміровцы, какъ мѣстные жители (верстъ за-200 они жили отъ новаго мѣста), знакомые съ условіями, а также и потому, что переселеніе не сопряжено было для нихъ съ большими трудностями, притомъ же они въ большинствѣ случаевъ люди состоятельные, устроились скоро и хорошо. Живутъ въ 4-хъ верстахъ отъ Кубы въ сравнительно здоровой мѣстности. Болѣзней среди нихъ не было—они народъ вполнѣ акклиматизированный.

Еленовка была поставлена въ несравненно худшія условія. Поселились въ ней русскіе изъ разныхъ губерній—рабочій людъ изъ г. Баку, пожелавшій сѣсть на землю. Поселились они частью въ татарскихъ хатахъ, частью построили временные дома на старомъ мѣстѣ, гдѣ было татарское селеніе. Строиться, какъ слѣдуетъ, было нельзя: должно было сначала быть выбрано мѣсто для селенія и долженъ былъ быть выработанъ планъ. Между тѣмъ и мѣсто очень долго не выбиралось, и планъ деревни не вырабатывался. Наконецъ, только въ нынѣшнемъ году указали, гдѣ и какъ строиться. Планъ выработали такой, который ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать удобнымъ. Русскій человѣкъ привыкъ, чтобы у него за хатой былъ дворъ, за дворомъ—огородъ, садъ, конопляникъ. Между тѣмъ по плану Еленовка разбита на квартальчики, какъ въ городахъ, наружу домами, въ серединѣ—дворы, а огороды остались на старомъ мѣстѣ, на прежнихъ усадьбахъ. Благодаря медленности при выработкѣ плана, населеніе должно было жить въ временныхъ хибаркахъ, а такъ какъ климатъ и мѣстность Еленовки такіе же, какъ и въ Михайловкѣ, то еленовцы сильно болѣли лихорадками. При водвореніи имъ дали пособія по 50 руб. на дворъ и отвели лѣсъ на постройки въ казенной дачѣ въ горахъ, но лѣсомъ воспользоваться переселенцы и не думаютъ, потому что очень далеко и дорога очень плоха. Теперь еленовцы болѣютъ мало, обжились и, хотя не обзавелись еще вполнѣ, но устраиваются недурно и начали даже строить церковь. Посѣвовъ большихъ не дѣлаютъ,—приходится расчищать кустарникъ, а на это нужно много времени.

Наконецъ въ 1894 году были заселены еще четыре деревни все хохлами. На мѣсто татарскаго Деллякъ-Кента поселены полтавскіе хохлы, образовавшіе Петропавловку. Вмѣсто Саркяръ-Кишлаговъ получился Борисполь. На мѣсто д. Гюдагли—Александровка, и, наконецъ, д. Николаевка заняла мѣсто татарской деревни Хучъ-Бала.

Въ Александровкѣ и Борисполѣ я не былъ. Устроились они, какъ говорятъ, хорошо. Особенно Борисполь, на который пріятно смотрѣть—домишки всѣ новенькіе, чистенькіе, обмазаные мѣломъ, какъ это дѣлали хохлы и у себя на родинѣ. Поселены эти двѣ деревни въ такомъ же лихорадочномъ мѣстѣ, какъ и Еленовка (условія нѣсколько лучше, чѣмъ въ Михайловкѣ), но болѣть имъ пришлось меньше, такъ какъ скоро

они обзавелись хорошими постройками, а это на Кавказѣ — главное. Хорошая постройка—и нѣтъ лихорадки, въ плохой хатѣ приходится жить—лихорадка не переводится.

Петропавловка была открыта для поселеній еще раньше. Въ 1891 году въ нее нашло много народа изъ Россіи — русскихъ. Но попали они въ холерный годъ; строиться имъ не позволили, такъ какъ они оффиціально не были признаны жителями этой деревни; не позволили и пользоваться землей. Поэтому они понарыли землянокъ и поселились въ нихъ. Между тѣмъ, мѣстность, гдѣ расположена Петропавловка, чрезвычайно дурная. Низкое мѣсто, кругомъ кустарникъ, чалтыкъ и притомъ на островѣ, который образовался между двумя рукавами рѣчки Кубинки. При этомъ годъ былъ дождливый, и поселенцы переболѣли: половина ихъ перемерла отъ лихорадокъ и отъ холеры, а половина убѣжала на родину; осталось только два двора. Когда же въ 1894 году пріѣхали полтавцы, то и этимъ двумъ дворамъ почему-то велѣно было удалиться. Чѣмъ мотивировалось это—не знаю. Одинъ дворъ пристроился въ сосѣднюю Еленовку и живетъ теперь тамъ. А другой съ семьей, толкнувшись тоже въ Еленовку, удалился искать пристанища въ Михайловку и, кажется, и тамъ не пристроился. Первыхъ переселенцевъ, когда они болѣли, очень обижали татары, угоняя у нихъ скотъ. Пробовали они жаловаться, но имъ отвѣчали: «сами смотрите». А какъ смотрѣть, когда всѣ они лежали въ повалку. Полтавскіе хохлы, поселенные въ 1894 году, живутъ довольно плохо. Хаты у нихъ плохія. Болѣзней и смертей много. Многіе убѣжали уже на родину. Деревня производитъ впечатлѣніе раззоренной землетресеніемъ или пожаромъ,—такъ убоги дома.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ Николаевка. Образована она верстахъ въ 1½ отъ старой татарской деревни на большой дорогѣ изъ г. Кубы въ военный поселокъ Кусары. Мѣстность на высокой гористой мѣстности—очень здоровая, и въ этомъ отношеніи николаевцы попали въ самыя благопріятныя, сравнительно съ другими переселенцами, условія. И они въ первое время болѣли лихорадками, но болѣли легко, безъ смертныхъ исходовъ, а теперь вполнѣ акклиматизировались. Живутъ они хорошо. Позаводили уже садики и огороды. Хаты, въ большинствѣ случаевъ, хорошія, многія даже подъ желѣзомъ. Такому устройству жилищъ много помогло то обстоятельство, что изъ мѣстечка Кусары, отъ котораго Николаевка въ 3 верстахъ, переведенъ былъ полкъ, и военный людъ за дешево продавалъ свои дома, которые и покупали переселенцы. Землю имъ дали въ двухъ мѣстахъ. Тамъ, гдѣ они поселились, на горахъ, усадебныя земли и часть полевой и верстъ за 25, гдѣ большая часть земли—на низахъ, въ нездоровой лихорадочной мѣстности, въ такой же, гдѣ поселена Михайловка, Еленовка и др. Переселенцы даже просились тамъ поселиться, не зная условій, но начальство благоразумно имъ отсовѣтовало.

Такъ бы слѣдовало поступить и съ другими переселенцами, а не съ одними харьковцами; слѣдовало бы выбирать болѣе подходящія для жилья мѣста. Тогда бы не было столькихъ ненужныхъ никому смертей и разочарованій, потребовавшихъ бѣгства на родину и раззоренія.

Мнѣ еще остается сказать о системѣ надѣленія переселенцевъ землей. Безъ сомнѣнія, люди, въ рукахъ которыхъ было переселеніе, не знали другого способа распредѣленія между крестьянами земли, кромѣ подворнаго, такъ какъ у татаръ нѣтъ общиннаго владѣнія, уравнивающаго въ обществѣ землю по душамъ. На Кавказѣ и подати налагаются не на землю, а «подымно». Поэтому и переселенцамъ отведены участки на дворы, а не по количеству душъ. Поэтому по 15 десятинъ получили въ Кубинскомъ уѣздѣ и дворъ въ 15 душъ, и дворъ всего въ два человѣка. Такую неравномѣрность отчасти предупредили сами переселенцы деревни Николаевки изъ Харьковской губерни, о чемъ я ужъ говорилъ раньше. Отчасти это хочетъ нѣсколько поправить и само начальство: какъ я слышалъ, лишніе надѣлы, которые остались незанятыми, или брошены ушедшими, или же сдѣлались выморочными, хотятъ распредѣлить между многосемейными. А въ Еленовкѣ хотятъ внести поправку сами переселенцы ужъ на мѣстахъ: поговариваютъ о переходѣ отъ подворнаго владѣнія къ общинному, о передѣлѣ земли на души, на россійской манеръ. Интереснѣе всего то, что слышалъ я это отъ переселенца изъ Воронежской губерніи, у котораго на родинѣ земля была «четвертныхъ правъ», т.-е. находилась, такъ сказать, въ ультраподворномъ владѣніи. Этого нельзя пока сказать про хохловъ въ деревнѣ Николаевкѣ, гдѣ я слышалъ голоса за раздѣлъ земли на подворные участки, чтобъ разъ навсегда были опредѣлены границы владѣнія каждаго двора. Это у хохловъ, у которыхъ общинные принципы не такъ развиты, какъ у русскихъ. Но очень возможно, что и они, когда увидятъ примѣры еленовцевъ, если тѣмъ удастся подѣлить землю на души, и сами подѣлятъ такимъ же образомъ.

Вопросъ о колонизаціи Кавказа очень важенъ и съ политической точки зрѣнія, и съ экономической. Поэтому слѣдовало бы за переселеніе на Кавказъ взяться болѣе энергично. Земли пропасть, и все пустующей. Можно заселять не только тѣ мѣста, съ которыхъ приходится сгонять аборигеновъ,—въ Кубинскомъ уѣздѣ много и казенной земли, и земли бековъ (помѣщиковъ-дворянъ), которые не знаютъ, что съ ней дѣлать и охотно и за дешево продаютъ. Я знаю покупки-продажи по 10—15 и даже по 3 рубля за десятину хорошей земли. Но вскорѣ цѣны должны повыситься, такъ какъ отрѣзанность Кубинскаго уѣзда отъ внѣшняго міра должна скоро уничтожиться: должна пройти желѣзная дорога отъ Петровска до Баку. На участкѣ отъ Петровска до Дербента уже начаты работы, а на участкѣ отъ Дербента до Баку уже сдѣланы изысканія; говорятъ, что съ постройкой дороги очень торопятся и хо-

тятъ ее окончить въ 2 года. Тогда откроется и сбытъ всякихъ продуктовъ земельнаго хозяйства. Тогда и цѣны на землю повысятся.

Ан. Неручевъ.

Кустарная промышленность на торгово-промышленномъ съѣздѣ.

Основатель кустарнаго отдѣленія Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, покойный Е. Н. Андреевъ, уже десять лѣтъ тому назадъ указывалъ на необходимость объединенія разбросанныхъ по всей Россіи силъ, стремящихся поднять мелкую народную производительность, и уже тогда можно было предвидѣть пользу, которую способенъ принести живой обмѣнъ мыслей между дѣятелями по воспособленію кустарной промышленности. Минувшею зимою въ печати было указано на полную цѣлесообразность созыва въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время всероссійской художественно-промышленной выставки, съѣзда для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся какъ крупной, такъ и мелкой промышленности.

V отдѣленіе (по кустарной и ремесленной промышленности) общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ выработало программу занятій отдѣла съѣзда по кустарной и ремесленной промышленности, разослало эту программу всѣмъ земствамъ, обратившимъ серьезное вниманіе на положеніе мѣстныхъ кустарей, и получило отъ нихъ не только заявленіе о полной готовности прислать на съѣздъ уполномоченныхъ представителей, но и цѣлый рядъ цѣнныхъ указаній на вопросы, рѣшеніе коихъ возможно лишь при совмѣстномъ обсужденіи ихъ дѣятелями по улучшенію кустарной промышленности. Кромѣ того, многія земства сообщили, что ими будутъ представлены на съѣздъ доклады по вопросамъ, какъ мѣстнаго, такъ и общаго характера.

Такъ обстояло дѣло до января мѣсяца настоящаго года. Когда же въ январѣ стало извѣстно, что торгово-промышленный съѣздъ созывается въ Нижнемъ-Новгородѣ не частнымъ ученымъ обществомъ, а министерствомъ финансовъ, то отношеніе дѣятелей по воспособленію кустарной промышленности къ съѣзду разомъ измѣнилось: вмѣсто сочувствія, сталъ проявляться къ съѣзду полный индифферентизмъ, чтобы не сказать болѣе.

Благодаря указанному выше скептическому отношенію къ задачамъ съѣзда, въ Нижнемъ-Новгородѣ не оказалось почти ни одного представителя земства, откомандированнаго со спеціальнымъ порученіемъ изложить членамъ съѣзда бѣдственное положеніе кустарей и ходатайствовать объ удовлетвореніи ихъ нуждъ. Однако, въ виду того, что въ программу занятій съѣзда вошли вопросы, касающіеся не только однихъ крупныхъ промышленниковъ, но и рабочихъ и мелкихъ потребителей,

на съѣздъ прибыло не малое число видныхъ земскихъ дѣятелей и представителей потребительныхъ обществъ, интересы коихъ близко соприкасаются съ задачами, преслѣдуемыми кустарями. Эти лица, перезнакомившись на съѣздѣ другъ съ другомъ, выслушавъ безпристрастную оцѣнку значенія мелкой промышленности въ дѣлѣ общаго подъема благосостоянія нашего народа, высказанную предсѣдателемъ съѣзда, и встрѣтивъ полное сочувствіе со стороны, какъ представителей центральнаго учрежденія, вѣдающаго кустарную промышленность, такъ и предсѣдателя IV отдѣла съѣзда, образовали, по предложенію послѣдняго, особую коммиссію для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся интересовъ мелкой промышленности. Эта коммиссія имѣла всего 3 засѣданія, но ея члены почти ежедневно сходились на частныя совѣщенія, гдѣ происходилъ живой обмѣнъ мнѣній и вырабатывались общія точки зрѣнія на вопросы о воспособленіи кустарной промышленности. Въ виду этого, въ засѣданіяхъ коммиссіи разногласій не существовало; члены коммиссіи дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями и наблюденіями и совмѣстно вырабатывали резолюціи, которыя были затѣмъ представлены общему собранію членовъ IV отдѣла.

Въ IV отдѣлѣ съѣзда (промышленныя товарищества, артели, кустарная промышленность) было прочитано по кустарной промышленности всего лишь 4 доклада. Каждый изъ этихъ докладовъ представляетъ значительный интересъ и поэтому необходимо упомянуть о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Докладъ г-жи Е. В. Степановой рисуетъ живую картину современнаго положенія «школъ въ мѣстностяхъ кустарныхъ производствъ въ Австріи». Правильно замѣчая, что государство учреждаетъ промышленныя школы, прежде всего, для достиженія политико-экономическихъ цѣлей, г-жа Степанова указываетъ на то, что кустарно-промышленныя школы основываются австрійскимъ правительствомъ лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя издавна были значительными центрами кустарнаго производства, и только для тѣхъ производствъ, которыя имѣютъ будущность и могутъ существовать рядомъ съ фабричною промышленностью. Вымирающія производства не поддерживаются, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ими занято значительное число рукъ, правительство пытается распространить знаніе другихъ производствъ, сходныхъ съ ними. Въ послѣднемъ случаѣ ремесламъ обучаютъ путешествующіе техники или инструкторы, и только послѣ того, какъ вновь введенное производство привьется, прилагаютъ старанія къ тому, чтобы развить знаніе послѣдняго путемъ основанія школъ.

Наибольшее количество кустарей въ Австріи занято обработкой дерева, почему для этой отрасли производства открыто и наибольшее число школъ. Затѣмъ имѣются школы: кружевныя, гончарныя, ткацкія (8 школъ), машиновязальныя, плетенія корзинъ и мебели (болѣе

20 школъ), обработки камня, обработки металла, для расписыванія фарфора, для приготовленія бричекъ и телѣгъ, и т. д.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда надо спѣшно помочь нуждающемуся населенію, дать заработокъ чрезъ обученіе новому дѣлу или поставить въ лучшія условія гибнущія въ той мѣстности производства, тогда основываютъ не школы, а учебныя мастерскія и посылаютъ, какъ уже сказано выше, разъѣздныхъ техниковъ, которые показываютъ кустарямъ новые пріемы обработки или вводятъ новые образцы издѣлій. Для того же, чтобы поставить кустарное производство болѣе прочно, правительство учредило рядъ стипендій въ спеціальныхъ школахъ и обязуетъ стипендіатовъ, окончившихъ полный курсъ ученія, возвращаться къ себѣ на родину и заниматься тамъ своимъ дѣломъ въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Когда развитіе мѣстнаго производства, благодаря учебнымъ мастерскимъ и странствующимъ техникамъ, становится фактомъ несомнѣннымъ, тогда устроиваются, такъ называемыя, «спеціальныя дополнительныя школы», въ которыхъ пріобрѣтаются, главнымъ образомъ, теоретическія познанія, способствующія проявленію большей художественности при занятіи уже укоренившимся ремесломъ.

При австрійскихъ кустарно-промышленныхъ школахъ образовываются изъ мѣстныхъ дѣятелей общества, которыя пріискиваютъ работу и заказы ученикамъ, окончившимъ курсъ ученія, и помогаютъ имъ основывать производительныя и складочныя артели.

Осматривая австрійскія кустарныя школы, говоритъ г-жа Степанова, и знакомясь съ производствомъ и условіями жизни кустарей, пришлось убѣдиться въ томъ, что тамъ, гдѣ есть полное знаніе какого-либо производства, нѣтъ слѣда бѣдности и приниженности.

Этотъ достатокъ крестьянъ-кустарей, часто занимающихся своимъ промысломъ лишь въ свободное отъ земледѣлія время, въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены кустарно-промышленныя школы, побудилъ докладчицу указать съѣзду на необходимость и намъ слѣдовать примѣру Австріи въ дѣлѣ распространенія школьнаго образованія и техническихъ знаній среди мелкихъ производителей. Слѣдовать этому примѣру представляется тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что положеніе австрійскихъ кустарей, до принятія мѣстнымъ правительствомъ мѣръ воспособленія кустарной промышленвости, по мнѣнію г-жи Степановой, во многомъ было сходно съ современнымъ бѣдственнымъ положеніемъ большинства русскихъ кустарей.

Вполнѣ раздѣляя воззрѣніе г-жи Степановой, отдѣлъ съѣзда выслушалъ съ живымъ интересомъ заключительныя слова ея доклада, заимствованныя ею у извѣстнаго изслѣдователя кустарной промышленности въ Австріи [1]). «Пусть всѣ кружки общества», говоритъ этотъ

[1]) Францъ Размайль.

изслѣдователь, «на которыхъ лежитъ обязанность заботиться о народномъ благѣ, примутся дѣятельно за поддержку кустарнаго производства, которому такъ много угрожаетъ. Оно составляетъ главное средство существованія для многихъ, и если не будутъ приняты мѣры для его поддержанія, оно погибнетъ, и многіе будутъ доведены до крайней степени нужды».

Одною изъ такихъ мѣръ является введеніе института странствующихъ учителей, какъ ихъ называютъ въ Австріи и Германіи, или кустарныхъ инструкторовъ и техниковъ, какъ ихъ принято называть у насъ. Терминъ «кустарный техникъ», повидимому, пріобрѣлъ у насъ право гражданства и имъ принято обозначать, какъ въ литературѣ кустарной промышленности, такъ и на практикѣ, лицо, дѣятельность коего направлена исключительно на воспособленіе кустарнымъ промысламъ, путемъ сообщенія кустарямъ свѣдѣній: о возможно дешевомъ пріобрѣтеніи сырого матеріала, объ улучшеніи производства и объ увеличеніи сбыта. Должности кустарныхъ техниковъ учреждены, какъ извѣстно, не только при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, но и при нѣкоторыхъ земскихъ управахъ. Такъ, въ московскомъ и вятскомъ земствахъ институтъ кустарныхъ техниковъ можетъ быть признанъ вполнѣ укоренившимся; въ нижегородскомъ земствѣ только что назначенные техники уже ревностно принялись за работу; казанское земство тоже желаетъ пригласить къ себѣ техниковъ, но, не смотря на всѣ старанія, все еще не можетъ пріискать людей вполнѣ подходящихъ.

Отсутствіе техниковъ, знакомыхъ съ пріемами кустарнаго производства, и настоятельная необходимость въ созданіи такого института побудили инженеръ-технолога Д. М. Кирпичникова представить съѣзду докладъ, въ которомъ онъ указываетъ на несомнѣнную пользу введенія названнаго института въ Россіи, въ качествѣ правительственнаго учрежденія, и на необходимость подготовки этихъ техниковъ, путемъ введенія обзора кустарныхъ промысловъ въ программы курса высшихъ, среднихъ и низшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Съѣздъ вполнѣ одобрилъ положенія доклада г. Кирпичникова, при чемъ, однако, указалъ на трудность включенія въ программы преподаванія упомянутыхъ учебныхъ заведеній разнообразныхъ предметовъ, необходимыхъ для подготовки дѣйствительно полезныхъ руководителей по всѣмъ отраслямъ кустарныхъ промысловъ. Неимѣніе въ нашихъ высшихъ техническихъ училищахъ каѳедры по кустарнымъ промысламъ представляетъ несомнѣнно большой пробѣлъ въ постановкѣ у насъ дѣла пріобрѣтенія техническихъ знаній. По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, значительный процентъ молодымъ людей, окончившихъ курсъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, находится не у дѣлъ. Будь они знакомы съ положеніемъ нашей мелкой промышленности, они нашли бы себѣ занятіе и успѣшно подготовили бы себя къ дальнѣйшей дѣя-

тельности. Земства долгое время не могли рѣшить вопроса о томъ, кого слѣдуетъ приглашать въ качествѣ кустарныхъ техниковъ: технологовъ, прошедшихъ курсъ наукъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, или же мѣстныхъ самоучекъ-практиковъ, близко знакомыхъ съ нуждами кустарной промышленности даннаго района. Хотя этотъ вопросъ не можетъ быть признанъ окончательно рѣшеннымъ, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя земства признаютъ вполнѣ цѣлесообразнымъ приглашать, въ качествѣ кустарныхъ техниковъ, лицъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость поддержать вымирающее производство или ввести въ данной мѣстности новый промыселъ, взамѣнъ существующаго, вытѣсняемаго конкурренціею фабрикъ и заводовъ. При образованіи же учебныхъ мастерскихъ или производительныхъ артелей, нужно, прежде всего, пріискать лицо, близко знакомое не только съ усовершенствованными пріемами производства мѣстнаго промысла, но и съ бытовыми особенностями кустарей.

Всѣ члены съѣзда, принимавшіе участіе въ обсужденіи вопросовъ по кустарной промышленности, заявили о своей полной солидарности по вопросу о пользѣ, приносимой кустарямъ артельною организаціею. Кустарное производство, въ формѣ единичнаго и домашняго, не въ состояніи выдержать конкурренціи соотвѣтствующаго производства фабричнаго или заводскаго, особенно въ нашихъ наиболѣе промышленныхъ районахъ. Въ виду этого, было признано желательнымъ содѣйствіе правительства и земства образованію среди кустарнаго населенія означенныхъ районовъ производительныхъ артелей, которыя могли бы объединять разрозненныя силы кустарей и обезпечить дальнѣйшее сохраненіе ихъ экономической самостоятельности.

По вопросу о томъ, что представляется цѣлесообразнѣе, въ видахъ наиболѣе успѣшнаго развитія артелей кустарей,—изданіе подробнаго нормальнаго устава, или лишь введеніе въ наше законодательство общаго положенія объ артеляхъ, была поставлена на столько интересная и ясная резолюція, что нельзя не привести ея дословно.

«Признавая, съ одной стороны,—гласитъ резолюція съѣзда,—что наше законодательство объ артеляхъ не только устарѣло, но и значительно неполно, а съ другой—что артели до того разнообразны, какъ по цѣлямъ, для которыхъ учреждаются, такъ и по своимъ формамъ, обусловливаемымъ рядомъ мѣстныхъ, часто весьма различныхъ условій производства, сбыта и взаимныхъ отношеній артельщиковъ, что создавать для нихъ точную и однородную организацію, хотя бы на нѣсколько различныхъ случаевъ, значитъ — создавать рядъ стѣсненій, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни, съѣздъ полагаетъ, что въ настоящее время представляется необходимымъ введеніе въ наше законодатель-

ство общихъ нормъ, регулирующихъ юридическое положеніе артелей, воздержавшись отъ выработки нормальнаго устава.»

Ознакомившись затѣмъ съ содержаніемъ проекта измѣненія и дополненія статей т. X, ч. 1 св. зак. изд. 1887 г., относящихся до товариществъ и артелей, выработаннаго V отдѣленіемъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, съѣзъ призналъ этотъ проектъ вполнѣ отвѣчающимъ настоящему положенію вопроса и ходатайствовалъ о введеніи означенныхъ дополненій въ новое гражданское уложеніе [1]).

Не смотря на сочувствіе членовъ съѣзда къ вопросу объ артельной организаціи, въ IV отдѣленіи было сдѣлано нѣсколько указаній на то, что не всѣ виды артелей одинаково примѣнимы къ нашимъ кустарнымъ промысламъ. Такъ, напр., весьма распространенная въ Германіи форма складочныхъ артелей, значительно способствующихъ сбыту издѣлій кустарнаго производства, въ виду полнаго отсутствія однообразія въ выдѣлкѣ издѣлій, изготовляемыхъ нашими кустарями, у насъ почти вовсе непримѣнима. На увеличеніе сбыта издѣлій русскихъ кустарей можетъ наиболѣе повліять правильное устройство складовъ и предоставленіе кустарямъ постоянныхъ заказовъ со стороны казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Помимо склада, устроеннаго при музеѣ кустарныхъ издѣлій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, объ оборотахъ коего мало что извѣстно, заслуживаютъ полнаго вниманія склады при московскомъ и вятскомъ кустарныхъ музеяхъ. Дѣятельность этихъ двухъ складовъ, открытыхъ сравнительно еще весьма недавно [2]), успѣла, однако, вполнѣ обрисоваться; направленная, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, исключительно на пользу мѣстныхъ мелкихъ производителей, эта дѣятельность, по своимъ матерьяльнымъ результатамъ, оказалась, однако, далеко не тожественною: обороты вятскаго склада дали нѣкоторую прибыль, тогда какъ на содержаніе московскаго склада ежегодно приходится ассигновывать значительныя суммы изъ земскихъ средствъ.

Такое различіе въ матерьяльныхъ результатахъ дѣятельности упомянутыхъ складовъ объясняется преимущественно тѣмъ, что въ распоряженіи московскаго склада находится, въ сравненіи съ возложенными на него обширными задачами, весьма незначительный капиталъ, между тѣмъ какъ вятскій складъ располагаетъ капиталомъ, вполнѣ достаточнымъ. Дѣйствительно, вятскій складъ, сосредоточивъ свою дѣятельность на весьма немногочисленныхъ видахъ промысловъ, при оборотѣ въ 80 тыс. руб., имѣетъ капиталъ въ 65 тысячъ, а московскій складъ, задавшись цѣлью придти на помощь всѣмъ столь разнообразнымъ ви-

---

[1]) Труды съѣзда IV отд. Засѣданіе 15 августа 1896 г.

[2]) Московскій складъ преобразованъ въ 1890 г., а вятскій учрежденъ въ 1892 г.

дамъ кустарныхъ промысловъ Московской губерніи, при капиталѣ всего въ 35 тыс. руб., производитъ операціи на 90 тыс. руб. Не трудно представить доказательства въ подтвержденіе того положенія, что дѣятельность склада кустарныхъ издѣлій можетъ быть успѣшною лишь при наличности весьма значительнаго оборотнаго капитала. Опытъ доказалъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ склады могутъ съ пользою для кустарей принимать ихъ издѣлія на коммиссію, или же выдавать подъ эти издѣлія денежныя ссуды, но основная операція кустарныхъ складовъ должна заключаться въ покупкѣ приносимыхъ кустарями въ складъ издѣлій и притомъ на наличныя деньги. Складъ долженъ имѣть въ виду одну главную цѣль: онъ долженъ всѣми силами стремиться занять мѣсто скупщика, а потому всегда долженъ располагать свободными денежными средствами, чтобы имѣть возможность во всякое время принимать приносимый ему товаръ. Въ виду сего съѣздъ призналъ, что успѣшная дѣятельность земскихъ складовъ возможна лишь при условіи наличности надлежащаго оборотнаго капитала, для усиленія котораго слѣдовало бы открыть земствамъ спеціальный кредитъ изъ государственнаго банка. Такой кредитъ представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что новымъ уставомъ банка 1894 г. предусмотрѣна помощь мелкой промышленности [1]), путемъ выдачи ссудъ черезъ мѣстныхъ агентовъ. Къ великому сожалѣнію, благія намѣренія, выраженныя въ названномъ уставѣ, по настоящее время не приведены въ исполненіе, и по частнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нѣкоторыми членами съѣзда, рѣшеніе вопроса о назначеніи агентовъ по всей имперіи, для облегченія пользованія мелкимъ кредитомъ, отложено на неопредѣленое время. Имѣя въ виду, во-первыхъ, постоянно возрастающую потребность въ мелкомъ кредитѣ вообще, какъ со стороны разнообразныхъ учрежденій кооперативнаго характера, такъ и въ средѣ нашей кустарной и мелкой ремесленной промышленности, и, во-вторыхъ,— спеціальный характеръ условій, опредѣляющихъ формы и задачи мелкаго кредита,— съѣздъ нашелъ, что этотъ родъ операцій, имѣющій несомнѣнно общее государственное значеніе, можетъ получить широкое развитіе, отвѣчающее дѣйствительнымъ потребностямъ, только при условіи выдѣленія его изъ общихъ операцій государственнаго банка и при образованіи, съ этою цѣлью, особаго учрежденія—государственнаго банка мелкаго кредита. Отсутствіе такого учрежденія побудило нѣкоторыя земства заняться изысканіемъ средствъ, необходимыхъ для основанія кустарно-промышленнаго банка, по образцу пермскаго, учрежденнаго въ 1894 г. Несомнѣнно, что въ организаціи пермскаго банка, какъ въ каждомъ молодомъ дѣлѣ, имѣются погрѣшности и недостатки, но столь же несомнѣнна и польза, оказанная банкомъ дѣлу развитія мелкаго кредита— дешеваго и быстраго, и весьма вѣроятно, что указанныя выше статьи

[1]) Ст. 139 и слѣд.

о выдачѣ ссудъ и объ открытіи мелкаго кредита были помѣщены въ уставъ государственнаго банка, благодаря ходатайству пермскаго земства о разрѣшеніи производить вышеназванныя операціи пермскимъ кустарно-промышленнымъ банкомъ,—ходатайству, разсматривавшемуся министерствомъ финансовъ одновременно съ составленіемъ новаго устава государственнаго банка. Эти операціи, представляющія собою основу дѣятельности всякаго кустарно-промышленнаго банка, по самому существу своему, требуютъ постоянной наличности въ кассѣ банка значительныхъ свободныхъ денежныхъ суммъ. Достичь такого положенія не легко, почему съѣздъ и призналъ необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ оказаніи широкой денежной помощи тѣмъ земствамъ, которыя пожелаютъ учредить у себя кустарно-промышленные банки или вообще банки мелкаго кредита. Что такая денежная помощь представитъ собою, въ общей сложности, весьма значительную сумму, видно уже изъ того, что пермскому кустарно-промышленному банку, въ началѣ своей дѣятельности располагавшему капиталомъ въ 114 тыс. руб., до истеченія двухъ лѣтъ, пришлось изыскивать средства для увеличенія своихъ денежныхъ суммъ. Съ этою цѣлью банкъ открылъ у себя пріемъ вкладовъ. Желающихъ довѣрить банку свои сбереженія оказалось такъ много, что банкъ вскорѣ былъ лишенъ возможности принимать всѣ обращенныя къ нему предложенія. Кромѣ доставленія дешеваго кредита кустарямъ, пермскій банкъ оказываетъ мелкимъ промышленникамъ и иное содѣйствіе. Такъ, напр., банкъ постоянно прилагаетъ старанія къ устраненію многосложныхъ формальностей, установившихся при полученіи кустарями сырого матерьяла изъ казенныхъ чугунно-литейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ и казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Высоко цѣня содѣйствіе, оказываемое въ этомъ отношеніи министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и главнымъ управленіемъ удѣловъ, съѣздъ постановилъ ходатайствовать о возможно широкомъ распространеніи дѣятельности означенныхъ вѣдомствъ въ этомъ направленіи и о принятіи ими надлежащихъ мѣръ къ устраненію нерѣдко встрѣчаемыхъ на мѣстахъ затрудненій, проистекающихъ вслѣдствіе недоразумѣній, при исполненіи распоряженій центральныхъ органовъ. Послѣдствія такихъ недоразумѣній часто ложатся на нашихъ кустарей тяжкимъ бременемъ.

Вотъ почему заслуживаетъ полнаго вниманія высказанное многими членами съѣзда пожеланіе о скорѣйшемъ учрежденіи мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которые вѣдали бы спеціально нужды кустарнаго населенія.

Разобравъ представленныя съѣзду сообщенія, носящія общій характеръ, необходимо упомянуть еще о двухъ докладахъ, посвященныхъ разбору хотя и спеціальныхъ вопросовъ, но, тѣмъ не менѣе, затрагивающихъ экономическіе интересы весьма значительнаго числа кустарей. Купецъ Х. Х. Репманъ представилъ докладъ: «о кустарномъ промыслѣ

сухой перегонки дерева» [1]), а г. А. Клепиковъ сообщилъ собранныя имъ данныя о «производствѣ валеной обуви въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи» [2]).

Соглашаясь съ указаніемъ г. Реймана на то, что въ правильной постановкѣ вопроса о сухой перегонкѣ дерева заинтересованы обширные кустарные районы (въ губерніяхъ: Вологодской, Олонецкой, Костромской и др.), въ которыхъ, благодаря неумѣнію кустарей, утрачивается огромное количество хорошаго матерьяла и весьма цѣнныхъ отбросовъ, съѣздъ призналъ весьма желательнымъ устройство въ названныхъ районахъ небольшихъ образцовыхъ заводовъ, которые, путемъ наглядnаго примѣра, распространили бы среди кустарей свѣдѣнія о правильныхъ пріемахъ производства. Для скорѣйшаго же приведенія въ исполненіе такой полезной мѣры, съѣздъ, по предложенію докладчика, ходатайствовалъ объ учрежденіи конкурса на лучшій проектъ устройства подобнаго завода.

По докладу г. Клепикова о производствѣ валеной обуви въ Кинешемскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, гдѣ этимъ производствомъ заняты 224 селенія съ 21 тыс. душъ обоего пола, особой резолюціи съѣзда не состоялось, такъ какъ съѣздъ уже ранѣе принципіально высказался въ пользу мѣръ, предложенныхъ докладчикомъ: устройства артелей и приглашенія опытныхъ кустарныхъ техниковъ.

По вопросамъ, касающимся кустарной промышленности, съѣздомъ было постановлено въ общемъ 11 резолюцій, изъ коихъ остается упомянуть еще о трехъ:

Признавая, что настоящее положеніе кустарной и мелкой ремесленной промышленности, въ виду ея развитія, а также разнообразія формъ и условій ея дѣятельности, требуетъ подробнаго и точнаго законодательнаго опредѣленія, съѣздъ ходатайствовалъ о подробномъ пересмотрѣ съ этою цѣлью нашего промышленнаго устава.

Признавая полезнымъ въ интересахъ какъ мелкихъ производителей и кустарей, такъ и потребительныхъ товариществъ, возможно тѣсное общеніе между тѣми и другими, съѣздъ нашелъ, что сбытъ кустарныхъ издѣлій потребительнымъ товариществамъ является одною изъ весьма желательныхъ формъ взаимопомощи.

Находя, что однимъ изъ ближайшихъ условій непосредственнаго воздѣйствія на улучшеніе положенія нашей кустарной промышленности, во всѣхъ ея формахъ и видахъ, является точное и подробное ознакомленіе съ ея нуждами и потребностями и вполнѣ сознавая, что такое ознакомленіе можетъ быть достигнуто только при условіи совмѣстнаго разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ касающихся этого предмета вопросовъ лицами, непосредственно заинтересованными въ нихъ, съѣздъ постано-

---

[1]) Труды съѣзда, I, 2.
[2]) Тамъ же, I, 3.

вилъ ходатайствовать о созывѣ, въ возможно непродолжительномъ времени, спеціальнаго съѣзда дѣятелей по кустарному дѣлу.

Приведенныя резолюціи далеко не исчерпываютъ всего того, что было говорено на съѣздѣ о нуждахъ кустарной промышленности, для обозначенія коей было предложено принять болѣе общій терминъ «мелкой народной промышленности». Говорили о необходимости установить постоянный обмѣнъ кустарныхъ издѣлій, имѣющихся въ запасѣ въ земскихъ складахъ, о желательности устройства въ наиболѣе промышленныхъ кустарныхъ районахъ ломбардовъ и варрантныхъ складовъ, объ учрежденіи при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ справочнаго бюро по кустарнымъ промысламъ, куда могли бы обращаться за практическими указаніями какъ земства, такъ и сами кустари, и т. д.

Нѣкоторые весьма существенные вопросы не могли быть подвергнуты всестороннему обсужденію за недостаткомъ времени. Такъ, напр., остался открытымъ вопросъ о томъ, не является-ли желательнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ, чтобы заботы о кустаряхъ, если не о всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, о тѣхъ изъ нихъ, которые порвали связь съ земледѣліемъ, были возложены на то министерство, на которое возложена забота о развитіи отечественной промышленности вообще. Далѣе было указано на необходимость подробнаго изученія вопроса о томъ, не слѣдовало-ли бы ходатайствовать о распространеніи фабричнаго надзора, конечно, видоизмѣненнаго, не только на ремесленныя заведенія, какъ это предполагается по проекту, вырабатываемому министерствомъ финансовъ, но и на всѣхъ кустарей, работающихъ при помощи дѣтскаго наемнаго труда. При этомъ было выражено мнѣніе, что функціи такой правительственной инспекціи должны бы заключаться не въ посредничествѣ между хозяиномъ и рабочимъ, а преимущественно въ санитарномъ надзорѣ за мастерскими.

Такимъ образомъ, дѣятели, преданные дѣлу развитія нашей кустарной промышленности, встрѣтившись на съѣздѣ, не только высказались по нѣкоторымъ вопросамъ первой важности, но и намѣтили часть программы занятій будущаго съѣзда.

Слѣдуетъ замѣтить, что обмѣнъ мыслей происходилъ на засѣданіяхъ IV отдѣла съѣзда безъ всякаго принужденія, съ полною откровенностью и простотою. Во всякомъ случаѣ, благодаря съѣзду, произошло нѣкоторое сближеніе между защитниками мелкой народной промышленности, живущими въ административномъ Петербургѣ, и земскими дѣятелями, энергично работающими въ деревенской глуши на пользу нашего сѣраго, обдѣленнаго судьбою труженика-кустаря.

Въ извѣстныхъ слояхъ нашего интеллигентнаго общества распространенъ взглядъ на воспособленіе кустарямъ, какъ на дѣло исключительно филантропическое, дѣло сердца, а не разума, и въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ къ кустарямъ иногда замѣчалась какая то

если можно такъ выразиться, сентиментальная благотворительность, чуждая всякому истинно государственному дѣлу. Давно настала пора отречься отъ этого взгляда, и необходимотеперь же послѣдовать примѣру нашихъ передовыхъ земствъ, видящихъвъ систематическомъ и разумномъ оказаніи помощи мелкой народной промышленности могучій залогъ дальнѣйшаго экономическаго развитіянашего отечества.

М. М. Рейнке.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ Кишинева. (Бессарабская неурядица).

Нѣсколько времени тому назадъ, въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ проскользнуло глухое сообщеніе объ обострившемся переселенческомъ вопросѣ въ Бессарабіи. Сотъ шесть или семь переселенцевъ, не получая разрѣшенія на выѣздъ, дошли до того, что собрались предъ домомъ г. бессарабскаго губернатора, и хотя остается неизвѣстнымъ, какъ были умиротворены гг. манифестанты, но противъ зачинщиковъ само собой возбуждено уголовное преслѣдованіе по статьямъ, родственнымъ 271-ой. Вмѣстѣ съ этимъ сообщеніемъ газеты, понятно, недоумѣвали, въ силу чего Бессарабія—одна изъ житницъ Россіи,—принимающая до сихъ поръ сама переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ, вдругъ стала давать такую массу желающихъ переселиться оттуда. Самъ собой возникалъ вопросъ, каковы тамъ земельныя и другія отношенія мѣстныхъ поселянъ.

Въ настоящее время у насъ подъ руками имѣется матерьялъ, касающійся интересующаго прессу вопроса и хотя въ общихъ чертахъ освѣщающій его. Детальная разработка пока, впрочемъ, все равно, невозможна. Въ Бессарабіи все еще нѣтъ статистическихъ изслѣдованій, и только одинъ Хотинскій уѣздъ, лѣтъ 10 тому назадъ, рѣшился на такую «ересь». У насъ на рукахъ лишь данныя земскихъ сборниковъ и изданій за послѣдніе годы до 1894, относящіяся до распредѣленія земли и внѣнадѣльныхъ арендъ въ Бессарабіи. Мы начнемъ съ Хотинскаго уѣзда, который со своей высокой арендной платой является типичнымъ еще для двухъ уѣздовъ: Оргѣевскаго и Кишиневскаго, а пожалуй, и Сорокскаго.

Общее количество удобной земли въ Хотинскомъ уѣздѣ считается въ 288.551 д., а вмѣстѣ съ лѣсами 334.614 дес. Но у поселянъ изъ этого количества въ послѣднее время числилось лишь 150.760 дес. (лѣсовъ нѣтъ) и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ 7.570 дес. Прежде, и у тѣхъ, и у другихъ (10 лѣтъ тому назадъ) земли было нѣсколько больше, но не будетъ большой ошибки взять разсчетъ того времени... По статистическому сборнику хотинскаго земства 1887 г. всѣхъ посемейныхъ надѣловъ въ уѣздѣ тогда считалось 29.128 по размѣру отъ 3 до 8 дес. на душу въ среднемъ. Бывшіе государственные крестьяне—немного болѣе 1.500 семей,—владѣвшіе землей на общинныхъ началахъ, не особенно измѣнили дѣло при группировкѣ надѣловъ посемейныхъ, изъ которыхъ 22,7%

приходилось на надѣлы ниже 4 дес., 51,8%— надѣловъ отъ 4 до 8 д. и 25,5%— выше 8 дес.

По переписи всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ оказалось тогда 37.432. Но изъ нихъ и тогда было 8.570 безземельныхъ и 12.455—безъ рабочаго скота. Что же касается распредѣленія земли между надѣльными поселянами, то уже самая величина надѣльныхъ участковъ —мы сейчасъ видѣли— крайне разнообразна, а съ другой стороны, при группировкѣ ихъ по отдѣльнымъ обществамъ, иныя семьи имѣютъ земли еще больше, чѣмъ средняя мѣстная норма до 10 дес., а за то другія гораздо меньше обыкновеннаго участка—до 2 дес. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ дробленіе земли, съ другой, централизацію. Послѣдняя замѣчается особенно въ обществахъ съ уменьшеннымъ надѣломъ и, само собой, отражается опять-таки на обезземеленіи массы. Въ небольшой группѣ государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ большіе надѣлы и удерживающихъ еще передѣлы, безземельныхъ лишь 15%, въ другихъ группахъ ихъ 20—30%, а у поселянъ, получившихъ надѣлы уменьшенные и въ долгосрочное пользованіе, безземельныхъ 35%. Всѣхъ же безземельныхъ въ уѣздѣ считается 23% общаго числа семей, т.-е. почти $^1/_4$ всѣхъ хозяйствъ.

Средній годовой приростъ этой группы населенія 1,5%. При такомъ приростѣ, лѣтъ черезъ 50, безземельныхъ поселянъ будетъ столько же, сколько теперь надѣльныхъ, просто «естественнымъ» путемъ. А если принять во вниманіе, что, кромѣ простого отказа молодымъ поселянамъ—новоженамъ въ землѣ, въ деревнѣ существуютъ и другіе процессы, направляющіеся къ тому же, то означенный результатъ можетъ получиться вдвое скорѣе. У дарственниковъ, напр., проданная навсегда земля составляетъ 6,8% всей сданной ими земли,— тогда какъ у недарственниковъ—2,1%. Переходъ земли въ полную собственность поселянъ усиливаетъ обезземеленіе ихъ, и это подтверждается также и другими группами поселянъ.

Переходя затѣмъ къ урожайности, замѣтимъ вообще, что земли поселянъ даютъ урожаи всегда меньше, чѣмъ у помѣщиковъ. Это особенно замѣчается на озимой пшеницѣ. Съ одной десятины собирается:

четвериковъ	кукур.	оз. пш.	оз. ржи	ячм.	овса
у крестьянъ . . .	70	45	52	60	90
у помѣщик. . . .	85	66	64	73	110

Общій итогъ сбора кукурузы у поселянъ—395.354 четверти; озимаго хлѣба 209.126 четверт.; ярового хлѣба 320.838 четв. Всего населенія крестьянскаго по хотинскому сборнику считалось 168.230 душъ обоего пола (теперь до 250 тыс. душъ). Размѣръ семьи колеблется отъ 3,63 душъ до 5,55 въ разныхъ обществахъ, а въ среднемъ по уѣзду—4,49. Вычитая изъ общей валовой суммы четвертей убраннаго хлѣба сѣмена—11.316 четверт. кукурузы и 87.363 четв. остальныхъ хлѣбовъ, и вычисляя количество четвериковъ на душу, получимъ:

	кукур.	озим. хл.	яр. хл.
у надѣленныхъ болѣе 8 дес.....	26,7 чк.	8,8	13,8
» » 4—8 дес.....	22,6 »	14	18,5
» » менѣе 4 дес.....	17,6 »	7,5	11,4
» над. отъ мелкопом. влад.	12,4 »	2,3	3
» » долгосрочн. польз.	11,6 »	3,8	5,3

Съ уменьшеніемъ надѣла уменьшается количество хлѣба на наличную душу, что особенно замѣтно на колосовомъ хлѣбѣ. Подъ кукурузу, какъ подъ хлѣбъ продовольственный, занимается все бо́льшая площадь. Въ общемъ итогѣ при 5,5 дес. средняго на хозяйство надѣла—на наличную душу приходится 18,2 чк. кукурузы, 8,3 чк. озимого и 11,7 ярового. Всего 38,2 чк. При ничтожномъ продовольствіи рожью, на пропитаніе надо кукурузы minimum—20 чк. на душу, а это возможно лишь при надѣлахъ 7—8 и болѣе десятинъ. Ниже будетъ уже дефицитъ, постепенно доходящій до цѣлой четверти. Что касается хлѣба, идущаго на продажу, «бѣлаго» колосового, то количество его, необходимое для уплаты податей, мы имѣемъ лишь у поселянъ съ надѣломъ болѣе 5 дес. У всѣхъ остальныхъ, для этого и для удовлетворенія другихъ нуждъ, приходится продавать часть продовольственнаго запаса.

Въ результатѣ, многимъ обществамъ не хватаетъ своего хлѣба и до половины зимы. Вполнѣ обезпечены лишь бывшіе государственные и съ надѣлами не менѣе 8 дес., но и тѣ и другіе составляютъ лишь 27% всѣхъ, а дефицитъ другихъ такъ великъ, что поглощаетъ избытки этихъ, и въ общемъ—по всему уѣзду хлѣба не хватаетъ—*всьмъ*, а при неравномѣрномъ распредѣленіи земли дѣло обостряется еще болѣе.

И вотъ, сжатый со всѣхъ сторонъ, крестьянинъ кидается на поиски за арендной землей.

Снимается она преимущественно на одинъ урожай. На нѣсколько лѣтъ сдается лишь 3.537 д., да и то большая часть ея передается въ розницу. Всего арендуемой на 1 урожай земли снимается 21.832 д. Хозяевъ, арендующихъ земли, 13.763—36,8% всѣхъ по уѣзду. Исполу арендовали 24,4%, за деньги 14,7% всѣхъ. Денежная съемка—лишь при болѣе достаточныхъ надѣлахъ. Малонадѣльные берутъ или исполу, или, при наиболѣе мизерныхъ надѣлахъ, совсѣмъ бросаютъ землю и «бредутъ розно».

При съемкѣ исполу, помѣщики предпочитаютъ сдавать землю почти исключительно засѣянную кукурузой, вслѣдствіе дороговизны обработки ея (особенно «прашовки») хозяйственнымъ путемъ. Это собственно лишь своеобразный наемъ рабочихъ, но наемъ для помѣщика очень выгодный. Выручка отъ десятины кукурузы 57—60 р. При арендѣ за деньги, по уплатѣ 14—15 р. за десятину, арендатору остается до 45 р., а при арендѣ исполу лишь 28—30 р. Остальное идетъ въ пользу помѣщика, но крестьяне не могутъ выказать здѣсь никакой оппозиціи, и дневная выручка, при испольной арендѣ (около 60 к.), гораздо ниже даже обычной платы рабочему на кукурузныхъ поляхъ, гдѣ «прашовка» (мотыженье и окучиваніе растеній) поднимаетъ эту плату до 80 к. и 1 р. Само собой, чѣмъ ниже размѣръ надѣла, тѣмъ хуже условія какъ испольной, такъ и денежной аренды. Иногда поселянинъ даетъ въ первомъ случаѣ даже свои сѣмена, а во второмъ повышаетъ арѣнду до 20 р. за десятину и выше, разъ не порвалъ еще своихъ связей съ землей. Въ такомъ положеніи 23% упоминавшихся выше безземельныхъ и 26% надѣленныхъ менѣе 4 дес. Нѣтъ ничего удивительнаго, если на это количество мало имущихъ и неимущихъ крестьянъ снимаемой земли все же крайне недостаточно, и, не смотря на арендныя цѣны въ 14—15 р. въ среднемъ, мы имѣемъ лишь

ничтожное увеличеніе дохода крестьянина. Колеблясь отъ 1,09 дес. до 0,40 дес., аренда въ среднемъ на хозяйство прибавляетъ лишь 0,51 дес., и давая всего валового сбора 100.430 чтт. кукурузы, 12.216 чтт. оз. хл. и 15.933 чтт. яр. хл., за вычетомъ сѣмянъ, на наличную душу обоего пола въ среднемъ даетъ 4,6 четверик. кукурузы, 0,5 оз. хл. и 0,6 четверик. яр. хл.

И въ среднемъ выводѣ по уѣзду, значитъ, даже всего количества добываемаго поселянами хлѣба недостаточно на ихъ нужды. Исключая продовольствіе, у поселянина на рукахъ могло быть лишь 10—12 р. на деньги, а при платежахъ около 4 р. всѣхъ сборовъ, при арендѣ пашни и сѣнокоса, при выпасѣ скота,—у него ничего больше не останется, и то лишь въ лучшемъ случаѣ.

Отсутствіе сѣнокосовъ заставляетъ арендовать ихъ въ количествѣ 2.665 д. по 18—20 р. за десятину или за $^2/_3$ сбора. За выпасъ же скота въ помѣщичьихъ экономіяхъ поселяне платятъ въ лѣто съ пары воловъ 10—12 р., съ коровы 6—6 р. съ овцы до 1 р., что въ общемъ даетъ расходу до 150 т. р. Всего скота по уѣзду числилось 81.650 головъ рогатаго, 35.210 лошадей и 101.400 овецъ. Не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить, что 12 т. хозяйствъ было совсѣмъ безъ рабочаго скота.

Такъ было лѣтъ 8—10 тому назадъ. Съ тѣхъ поръ утекло уже много воды, и въ результатѣ, уже въ 90-мъ году, мы видимъ еще болѣе невеселую картину.

Изъ многочисленныхъ корреспонденцій земскаго сельскохозяйственнаго бюро видно, что, хотя 90-ый годъ считался сравнительно благопріятнымъ, поселяне только двухъ волостей не покупали себѣ хлѣба. Насколько дешево продавался онъ осенью, настолько дорого покупался весной. Если берутъ его взаймы, то за пудъ весной обязываются возвратить осенью—черезъ 6 м.—2 п. Это выходитъ 200% годовыхъ. Съемка исполу распространяется еще сильнѣе; крестьяне бѣднѣютъ, денежные аренды стоятъ 16 — 17 р., доходя до 30 р. за десятину, а исполу—съемщикъ получаетъ 50%, лишь когда вся работа его, иначе же всего 30—35% сбора. Урожайные годы обыкновенно ведутъ къ паденію арендныхъ цѣнъ, въ Хотинскомъ же уѣздѣ цѣны повышаются и при урожаяхъ, значитъ, въ общемъ крестьянамъ не хватаетъ даже арендуемой земли, и въ виду хорошаго урожая и большей выручки, конкурренція изъ за земли увеличивается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе пастбищъ повышаетъ и плату за выпасъ скота. Теперь за пару воловъ въ лѣто платится 11—13 р., за корову 7—8 р. При этомъ ближайшіе помѣщики берутъ всегда дороже. Сѣнокосы доходятъ до 25 р. фальча, а иногда и до 40 р. (фальча—1,3 дес.). Пріемъ скота на выпасъ, составляя крупную статью доходовъ экономій, заставляетъ послѣднихъ принимать на «имашь» такое количество его, что онъ не можетъ прокормиться и половины выпаснаго періода и голодаетъ, а поселянинъ, подкармливая его, теряетъ деньги за имашь. Поэтому, мѣняя воловъ на лошадей, поселяне переходятъ къ арендѣ выгоновъ. Но и послѣдніе поднимаются въ цѣнѣ до 12—14 р. десятина; вмѣстѣ съ тѣмъ, сокращается скотоводство (за 5 лѣтъ съ 85 т. головъ до 67 т.).

Едва-ли въ лучшемъ положеніи находятся поселяне Аккерманскаго уѣзда, изъ за котораго собственно и загорѣлся переселенческій сыръ-боръ.

Земли въ Аккерманскомъ уѣздѣ по окладнымъ книгамъ—всего 692.946 дес.,

но на долю 135 сельскихъ обществъ приходится лишь 454.742 дес.: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—152.619 дес., у 25 обществъ бывшихъ нѣмецкихъ колонистовъ—126.672 дес., у 27 обществъ колонистовъ-болгаръ—167.404 дес., и у бывшихъ владѣльческихъ поселянъ—8.046 дес.

Принимая данныя самаго урожайнаго года послѣднихъ лѣтъ—1893 г., мы видимъ, что на посѣвной площади въ 316.530 дес. тогда было получено, по даннымъ управы, около 24 мил. пуд. Это, впрочемъ, нѣкоторое преувеличеніе. Сами земцы признаютъ максимальность этой цифры. Болѣе вѣрная будетъ около 22 мил. пуд., стоимость которыхъ, при скопленіи запасовъ, является тоже ниже оффиціальной. При сборѣ ржи въ 930.000 пуд., пшеницы въ 9.752.000 пуд., ячменя около 9 мил. пуд., овса 550 тыс. пуд., кукурузы 1.800 тыс. пуд. и при цѣнѣ ржи въ 35 коп. за пудъ, пшеницы—45 коп., ячменя—30 коп., овса—30, кукурузы—25 коп., стоимость всего хлѣба будетъ около $8^1/_2$ мил. руб. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ считается 46,265 семей, состоящихъ изъ 251.273 душъ обоего пола. На продовольствіе ихъ потребовалось свыше 5 мил. пуд., на обсѣмененіе полей—1.590 тыс. пуд., въ общественные магазины 620 тыч. пуд., на погашеніе казенныхъ и земскихъ долговъ и въ возвратъ продовольственныхъ ссудъ 2.400 тыс. пуд. Обращая все это въ деньги по тогдашнимъ цѣнамъ, мы будемъ имѣть сумму въ 4 мил. руб., и «свободныхъ» у крестьянъ денегъ всего $4^1/_2$ мил. руб. На хозяйство это будетъ меньше 100 руб. (по 17—18 руб. на душу). Это и на уплату мірскихъ сборовъ, и на возвратъ частныхъ долговъ, и на аренду сѣнокосовъ, и на ремонтъ инвентаря. При этомъ мы считаемъ покрытыми и недоимки, такъ какъ иначе у поселянина въ бюджетѣ не только не было бы «свободныхъ» денегъ, но получился бы опять огромный дефицитъ. Равнымъ образомъ, на совѣсти земства приходится оставить вопросъ, принадлежатъ-ли 316 тыс. дес. посѣвной площади исключительно поселянамъ или это посѣвная площадь *всего* уѣзда, какъ говорится въ другомъ случаѣ:—это уже радикально мѣняетъ дѣло, и тогда, не смотря на 15 мил. пуд. непроданнаго въ 1893 г. въ уѣздѣ хлѣба, поселянинъ тамъ можетъ нуждаться даже въ продовольствіи. Но даже при 17—18 руб. «свободныхъ» денегъ—положеніе вовсе не сладкое. Большіе надѣлы, правда, до извѣстной степени облегчаютъ положеніе поселянъ. Большая часть скота кормится на своихъ пастбищахъ, за выпасъ пары воловъ берется 5—6 руб. Меньше нуждаются поселяне и въ арендѣ, хотя неравномѣрность надѣловъ и заставляетъ снимать землю иногда по 10—12 руб. дес. Супесчаная или суглинистая почва заставляла отмежевывать въ бывшихъ полу-нѣмецкихъ колоніяхъ по 40—60 дес. на хозяйство, т.-е. 7—10 дес. на душу, и только тамъ, гдѣ почва лучше, на душу приходится $2^1/_2$—3 дес.

Но по характеру крестьянскаго хозяйства Аккерманскій уѣздъ рѣзко отличается отъ другихъ уѣздовъ Бессарабіи (кромѣ юго-западной части Бендерскаго и южной—Измаильскаго). Крестьяне засѣваютъ огромныя пространства, стараясь выручить доходъ лишь отъ зернового хлѣба и упуская изъ виду всѣ другія отрасли сельскаго хозяйства (кромѣ одного винодѣлія,—но это, конечно, лишь мѣстами. Всего виноградниковъ здѣсь около 7.000 дес.). Обработка земли весьма плохая, отдыха полю или нѣтъ вовсе, или очень мало; удобренія не существуетъ никакого,

а о плодосмѣнѣ не имѣютъ и понятія. Такъ напр. въ с. Кубой—съ $3^1/_2$ тыс. населенія и $8^1/_2$ тыс. дес. земли подъ посѣвами—75%, въ Посталѣ—66%, въ Константиновкѣ—68%, въ Будакахъ 90%. Почвѣ не даютъ отдыхать до окончательнаго истощенія, хлѣбъ въ снопы вяжется рѣдко; сельскохозяйственныя орудія—очень неуклюжія. Результатомъ этого является пониженіе средней урожайности почти на половину. Рожь даетъ 40—45 пуд., пшеница 45 пуд., ячмень 35—40 пуд., овесъ 40—45 пуд., кукуруза 45—60 пуд. съ десятины. При этомъ важнѣйшую роль играютъ яровые хлѣба, а озимыхъ иногда не бываетъ совсѣмъ.

Недостаточность урожаевъ и задолженность населенія такова, что даже въ благопріятный годъ крестьяне, въ концѣ марта, принуждены бываютъ покупать хлѣбъ. Но условія покупки и особенно займа такъ тяжелы, что иногда поселяне предпочитаютъ сокращать запашки, чѣмъ брать сѣмена на посѣвъ у своихъ «благодѣтелей». 200%—это еще снисхожденіе. По снисхожденію же, аренды сѣнокосовъ стоятъ на 9—10 руб. дес., доходя и до 15 и до 18 руб.

Все это, вмѣстѣ съ неумѣньемъ вести правильные сѣвообороты, съ истощеніемъ почвы, недостаточной обработкой, засухами, вредными насѣкомыми и животными ведетъ къ тому, что, по мнѣнію земцевъ, лишь радикальныя мѣры къ измѣненію сельскаго хозяйства въ уѣздѣ остановятъ его окончательное паденіе. Вдобавокъ, вовсе не слѣдуетъ думать, что надѣлы у аккерманцевъ всюду достаточны: 12-рублевая аренда показываетъ уже, какъ мѣстами нуждаются въ землѣ, а масса знаменитыхъ «передвижныхъ деревень» — совершенно безземельныхъ обществъ, живущихъ на арендуемой землѣ и изгоняемыхъ при первомъ протестѣ противъ постояннаго возвышенія аренды, служитъ признакомъ явнаго водворенія у насъ чисто ирландскихъ порядковъ. Въ довершеніе всего, «господствующая форма землевладѣнія» исключаетъ необходимость найма рабочихъ; даже въ помѣщичьихъ экономіяхъ спросъ на нихъ не великъ. За уборку хлѣба съ десятины берется рублей 5.

Нѣтъ ничего мудренаго, что, по мнѣнію земства, болѣе $^1/_3$ всѣхъ хозяевъ въ уѣздѣ даже въ 1893 г. не могли оправиться отъ всѣхъ своихъ невзгодъ, не могли даже правильно обработать и засѣять свои поля. Если принять еще во вниманіе цифру безземельныхъ, то выйдетъ, что нуждается почти половина населенія уѣзда. И это въ такой годъ, когда урожай тамъ называется блестящимъ.

Лучшимъ уѣздомъ въ Бессарабіи считается Бендерскій. Всего земли тамъ числится 532.643 дес., изъ которой сельскимъ обществамъ принадлежитъ 295.015 дес., да въ частномъ владѣніи поселянъ 33.348 дес. Посѣвная площадь урожайнаго 1893 г. равнялась 161.769 дес. На озимые посѣвы 1893 г. приходилось изъ нея 16,2%, на яровую пшеницу 35,9%, на кукурузу—35,1%, ячмень—20,8%. Хлѣбовъ собрано было всего около 13 мил. пуд. (изъ нихъ пшеницы 5.600 тыс. пуд. и кукурузы до 2.800 тыс. пуд.), т.-е. свыше 80 пудовъ съ десятины. Всего населенія по уѣзду считается до 140 тыс. душъ. На душу приходится нѣсколько болѣе 2-хъ дес. При запашкѣ около $1^1/_2$ дес. за отчисленіемъ на обсѣмененіе—104 тыс. пуд., въ запасные магазины на пополненіе ссудъ 74 тыс. пуд., въ возвратъ продовольственныхъ капиталовъ 116

тыс. пуд. и на продовольствіе по казенной нормѣ 2.088 тыс. пуд., остается около $10^6/_7$ мил. пуд. хлѣба, т.-е. почти по 75 пуд. на душу. Но даже этотъ, явно преувеличенный, *оптимистическій* разсчетъ даетъ лишь рублей по 25 на душу «свободныхъ». Спрашивается, много-ли остается отъ нихъ у крестьянина за уплатой всѣхъ долговъ и сборовъ, за пополненіемъ инвентаря и пр. Бюджетная неурядица усиливается, если вспомнимъ еще обычную неравномѣрность надѣловъ. Въ Кайнарской, напр., волости 8 тыс. дес. посѣвовъ дали всего 458 тыс. пуд. хлѣба, тогда какъ на 10.315 душъ на одно продовольствіе по дѣйствительной нормѣ надо 206.300 пуд. и на все остальное остается около 250 тыс. пуд., что явно недостаточно. Не въ лучшемъ положеніи Чимилійская волость почти съ тѣми же цифрами, Варницкая и т. д. «Передвижныя деревни», существующія и здѣсь, указываютъ на массу совсѣмъ безземельныхъ. Все же лучшее сравнительно съ другими уѣздами положеніе объясняется болѣе низкой арендной цѣной (въ среднемъ 5 руб. и не свыше 8—9 р.), да болѣе богатыми урожаями (поселенческіе и помѣщичьи—одинаковы), вслѣдствіе улучшенной обработки земли. Правда, здѣсь и сѣнокосы идутъ лишь по 6 руб. десятина, и выгоны арендуются лишь по 3 руб., тѣмъ болѣе что волы и здѣсь замѣняются лошадьми. Но это показываетъ и на процессы, ведущіе къ явному стѣсненію поселянъ. А передвижныя деревни, недостаточность сбора даже при богатомъ урожаѣ почти въ $^1/_3$ волостей и пр. служатъ уже доказательствомъ земской неурядицы даже въ этомъ уѣздѣ.

Сорокскій и Бѣлецкій уѣзды занимаютъ уже промежуточное мѣсто между многоземельными и малоземельными. Въ Бѣлецкомъ, напр., на душу въ среднемъ приходится лишь 1,3 дес. Увеличенію аренды мѣшаетъ только значительное предложеніе земли со стороны владѣльцевъ, хотя арендная плата держится на 10 руб., возвышаясь иногда до 12—13 руб. и лишь особенно урожайный 1893 г. понизилъ ее до 5—6 руб. Но это лишь исключеніе. Въ Сорокскомъ же уѣздѣ даже этотъ годъ не могъ понизить аренду ниже 7—8 руб. Всей земли по окладнымъ книгамъ тамъ считается 404.082 дес. Изъ нея — царанамъ принадлежитъ 140 тыс. дес., резешамъ и колонистамъ нѣсколько болѣе 100 тыс. дес., населенія же въ уѣздѣ этого около 173 тыс. душъ. Всего на душу, значитъ, приходится до $1^1/_7$ дес. Но неравномѣрность надѣловъ ведетъ къ тому, что царане, поставленные въ худшія условія, поднимаютъ своей конкурренціей аренду десятины до 14—15 руб. Этому помогаетъ еще то, что въ продажу идутъ болѣе дешевые сорта хлѣба, для которыхъ, въ виду извѣстной нормы платежей, требуется земли больше. Не смотря на аренду, недостаточность сборовъ хлѣба такъ велика, что очень немного волостей обходятся своимъ хлѣбомъ круглый годъ. Впрочемъ, и аренда здѣсь преимущественно испольная, менѣе выгодная и указывающая на большую нужду поселянъ. Эта же нужда заставляетъ отдавать скотъ на выпасъ рублей по 12 на пару воловъ или за обработки, послѣднее помѣщики предпочитаютъ, такъ какъ это обезпечиваетъ рабочія руки лѣтомъ по дешевымъ цѣнамъ, да еще *съ гарантіей* (скотъ на выпасѣ). Сдаваемые исполу сѣнокосы также даютъ съемщику иногда лишь $^1/_3$ сбора, да онъ, кромѣ того, обязывается убрать и даже свезти хозяйскую долю. За деньги покосы сдаются рѣдко.

У насъ остаются неразсмотрѣнными еще два земскіе уѣзда: Кишиневскій и Оргѣевскій. Что касается перваго, то этотъ уѣздъ, имѣя болѣе 345 тыс. дес. земли, на долю поселянъ даетъ лишь 61.408 дес., а на долю резешей — 99.910 дес., т.-е. 161.318 дес. на 150 тыс. душъ населенія уѣзда. На душу приходится значитъ лишь немного болѣе 1 дес., которая даже въ урожайный 1893 годъ дала всего около 5 четвертей валового дохода, средній же урожай даетъ всего 4 четверти. Въ общемъ хлѣба не хватаетъ, какъ и въ Хотинскомъ по всему уѣзду, и, при неравномѣрности надѣловъ, $^3/_4$ населенія Кишиневскаго уѣзда постоянно нуждается; этому способствуютъ и климатическія, и орографическія условія данной мѣстности, при чемъ вредное вліяніе ливней и засухъ годъ отъ году увеличивается и почти совсѣмъ парализуетъ плодородность довольно хорошаго кишиневскаго чернозема.

Въ концѣ концовъ, крестьяне здѣсь чуть не дерутся изъ-за земли, доводя аренду до 16—17 руб., хотя иногда она и падаетъ до 6—7 руб. за десятину. Общая цифра сданной пашни равняется 35—40% всѣхъ помѣщичьихъ запашекъ и 13% запашекъ крестьянскихъ. Испольная аренда или денежная съ отработками вытѣсняютъ чисто денежную, показывая этимъ возрастающую нужду поселянъ. Въ довершеніе же всего, мѣстная мѣра «фальча» въ точности никогда не опредѣляется, и нѣкоторые владѣльцы при сдачѣ земли въ аренду совершенно свободно обращаютъ ее изъ 1,3 дес., почти въ обыкновенную десятину, не уменьшая, однако, платы. Покосы сдаются или по 15—20 руб. десятина, или исполу за $^2/_3$ сбора владѣльцу. Выпасъ скота 12 руб. за пару воловъ,

Наконецъ, что касается Оргѣевскаго уѣзда, то въ немъ удобной земли считалось 286.794 дес., изъ которыхъ владѣнія надѣльныхъ поселянъ составляютъ 75.222 дес., владѣнія резешей 63.546 дес. и владѣнія мелкихъ собственниковъ 12.304 дес. Такимъ образомъ, почти вся масса населенія группируется лишь на 151 тыс. дес., а такъ какъ населенія этого даже больше означенной цифры, то на душу приходится меньше 1 дес., которая въ урожайный годъ даетъ 5 четвертей, а въ средній—4—$4^1/_2$. Недостаточность сбора здѣсь очевидна такъ же, какъ и въ Кишиневскомъ уѣздѣ, и обычное состояніе здѣшняго населенія—общая нужда всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, крайняя нужда большинства.

Испольная аренда мало смягчаетъ ее и скорѣе только закабаляетъ поселянина владѣльцу. Арендаторъ кукурузнаго поля—въ болѣе худшихъ условіяхъ, чѣмъ наемный рабочій. Денежная же аренда, колеблясь около 15—16 р. за десятину, доходитъ иногда даже до 20 р. Сѣнокосы сдаются тоже преимущественно изъ доли сбора $^2/_3$, а если за половину, то владѣлецъ требуетъ еще добавочныхъ отработковъ. Денежная аренда ихъ не идетъ ниже 16 р., возвышаясь иногда до 35—40 р. за десятиву. Наконецъ, выпасъ скота на владѣльческихъ экономіяхъ обходится въ 14—15 р. за пару воловъ, 7 р. за корову и т. д. При этомъ корма также часто не хватаетъ; экономіи дальнія; а иногда, если приходится расплачиваться натурой, поселяне за каждую штуку рогатаго скота платятъ рублей по 10. Исторія въ Гиджіенской экономіи, гдѣ выпасъ одной коровы обходился въ 14 р., когда и молока-то отъ нея получалось всего рублей

на 6, не единственный случай въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, гдѣ неясности контрактовъ ведутъ иногда къ еще болѣе смѣлымъ операціямъ гг. владѣльцевъ.

Намъ приходится опустить здѣсь неземскій Измаильскій уѣздъ, но, въ общемъ, онъ довольно близко подходитъ къ уѣзду Аккерманскому, а нѣкоторыя его особенности нисколько не измѣняютъ общей картины земельнаго положенія бессарабскихъ поселянъ.

Нельзя не согласиться, что положеніе это болѣе, чѣмъ печальное. Бессарабія быстро идетъ къ крайнему раззоренію. И однодесятинные на душу надѣлы, и централизація земли, и увеличеніе числа безземельныхъ, и ухудшеніе урожаевъ—все это подрываетъ наше хозяйство. Почти въ 4 уѣздахъ—хроническая голодовка отъ недостатка сборовъ. Во всѣхъ 7-ми уѣздахъ волости, не покупающія себѣ хлѣба, являются исключеніями. Ужасныя условія кредита при этомъ ведутъ даже къ сокращенію запашекъ. Въ Хотинскомъ уѣздѣ въ 1892 г. было 15% сокращенія, въ Бендерскомъ 25%, въ Аккерманскомъ 30%. Въ 1893 г. въ Бендерскомъ уѣздѣ, не смотря на урожай, новое сокращеніе—на 1%. Получается circulus viciosus. Многіе, выбившись изъ силъ, бросаютъ землю совсѣмъ. Другіе проходятъ еще одну ступень и хватаются за аренду. Пхъ встрѣчаютъ здѣсь 20—30 р. за фальчу арендной платы, 15 р. за выпасъ одной коровы, 40 р. за десятину сѣнокоса. Передвижныя деревни губятъ послѣдніе достатки поселянъ и создаютъ у насъ свою собственную Ирландію. «Передвижники»—это даже не десятинщики. Ихъ положеніе еще хуже. Малѣйшее разногласіе изъ-за аренды, и поселяне могутъ идти куда угодно. Они разбредаются по промысламъ, по чужимъ деревнямъ, переселяются, эмигрируютъ даже въ Америку, и отъ деревни иногда не остается даже названія.

Мы остановились пока на одной только сторонѣ крестьянскаго сельскаго хозяйства въ Бессарабіи. Для еще болѣе рѣзкаго освѣщенія его возьмемъ лишь общія цифровыя данныя по другимъ отраслямъ.

Виноградниковъ въ Бессарабіи масса. Но не столько филоксерса, открытая здѣсь въ половинѣ 20-хъ годовъ, сколько общія условія мелкаго поселянскаго винодѣлія ведутъ къ постоянному сокращенію площади виноградниковъ, къ ухудшенію вина и къ общему упадку винодѣлія. Въ 1885 г. въ виноградникахъ Бессарабіи числилось болѣе 100 м. кустовъ, въ 1891 г. 55 м., въ 1892 г.—51 м. Виноградиаго вина было добыто въ 1885 г. около 9 м. ведеръ, въ 1891 нѣсколько болѣе 7 м., въ 1892 около $4^1/_2$ м. Едва-ли это можно приписать однимъ климатическимъ условіямъ, точно такъ же, какъ и 60% сокращенія виноградниковъ въ Сорокскомъ уѣздѣ за 5 только лѣтъ.

Уменьшается площадь табачныхъ плантацій, въ 1882 г. имѣвшая около 14 т. д., а въ 1894 г. занимавшая какихъ-нибудь $1^1/_2$ т. д. Пчеловодство, которое въ 1886 г. велось въ 5 т. пасѣкахъ, въ 1892 г. имѣло ихъ всего около 4 т., и вмѣсто 15 т. п. меду и 4 т. пудовъ воску давало всего около 7 т. п. меду и менѣе $2^1/_2$ т. п. воску. Шелководства, прежде стоявшаго довольно высоко, теперь почти не существуетъ. Десятки, много сотни тутовыхъ деревьевъ на нѣсколькихъ плантаціяхъ и нѣсколько десятковъ фунтовъ коконовъ—вотъ теперь всѣ его результаты.

Наконецъ, скотоводство, которымъ прежде Бессарабія славилась до того, что «копъ ди боу»—бычачья голова попала въ бессарабскій гербъ и стала непочтительнымъ прозвищемъ бессарабскихъ аборигеновъ, за какія-нибудь 5 лѣтъ, съ 1887 по 1892 г., съ 735 т. головъ сократилось до 545 т.; въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ, напр., въ Аккерманскомъ, вмѣсто 180 т. головъ считается лишь 10 т.

Все это несомнѣнно результаты того упадка, который наблюдается въ главной сферѣ дѣятельности нашего поселянина, и который является слѣдствіемъ общихъ условій его существованія. О причинахъ голодовки 1892 г. говорили очень много. Виноваты были и засухи, и вредныя насѣкомыя, и т. п. Намъ же кажется, что даже неурожаи наши—слѣдствіе тѣхъ странныхъ условій, въ которыхъ живетъ бессарабскій поселянинъ. Обыкновенно говорятъ, что неурожаи отъ природы, голодъ—отъ людей. Но въ Бессарабіи даже неурожай не отъ природы. Надо-ли далеко искать его причины, когда норма 4 — 5 четвертей на душу почти въ 4 уѣздахъ ведетъ тамъ къ хроническому недоѣданью, а 1—$1^1/_2$ дес. на душу и не могутъ дать больше. Болѣе же значительные надѣлы Бендерскаго и особенно Аккерманскаго уѣзда отведены на такой почвѣ, что при существующихъ условіяхъ урожай становится прямо случайностью. По земскимъ, напр., даннымъ урожаи Аккерманскаго уѣзда представляютъ такую картину: 1889 г. урожай плохой, хлѣбъ покупался съ половины зимы; 1890 г.—урожай ниже средняго; 1891 г.—неурожай; 1892 г.—голодовка; 1893 г.—случайный роскошный урожай; 1894 г.—урожай ниже средняго; 1895 г.—урожай плохой. «Нельзя скрывать, — говорило сорокское земство, — что отъ бѣдствій 1891—1892 г. мы, при существующихъ условіяхъ, не гарантированы ничѣмъ...»

Къ несчастью, это предсказанье оправдалось даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. По газетнымъ сообщеніямъ въ Бессарабіи опять почти всюду полный неурожай. Дворянство тамъ созвало экстренное собраніе, чтобы составить соотвѣтствующее ходатайство по поводу своихъ нуждъ. Но о крестьянахъ, по прежнему, тамъ почти не заговариваютъ, а если и вдаются въ такую «ересь», то совершенно игнорируютъ основныя причины крестьянскихъ голодовокъ. Когда же поселяне, тысячами подавая просьбы о выселеніи и получая на это лишь отказы, въ отчаяніи собираются просить объ этомъ самого начальника губерніи, въ этомъ усматриваютъ лишь бунты и ищутъ только подстрекателей, рекомендуя въ качествѣ панацеи ходатайствовать о воспрещеніи какихъ бы ни было переселеній изъ Бессарабіи. Да, подстрекатели тутъ есть, но они кроются совсѣмъ не тамъ, гдѣ ихъ ищутъ. Даже больше—они совсѣмъ не скрываются: телеграммы о нихъ печатаются на первыхъ страницахъ газетъ. Это—бессарабскіе недороды и голодовка, это—общая земельная неурядица, это—общія условія жизни бессарабскихъ поселянъ. И если наши цифры и факты обратятъ хоть какое-нибудь вниманіе на эту, когда-то богатую, но забытую окраину,—намъ больше ничего не надо.

Б. Кричный.

II. Изъ Тулы (Народные ходатаи).

Незнаніе законовъ, незнакомство съ областью дѣятельности судебныхъ и административныхъ учрежденій и при этомъ—неграмотность или малограмотность дѣлаютъ крестьянина вполнѣ безпомощнымъ, когда ему, по какимъ-либо причинамъ, приходится стать предъ лицомъ правосудія, или обратиться съ какою-нибудь просьбой къ начальству.

Казалось бы, что, благодаря этой безпомощности, для крестьянина, болѣе, чѣмъ для кого другого, необходимъ опытный защитникъ его интересовъ. Между тѣмъ патентованный адвокатъ, ходатайствующій въ качествѣ повѣреннаго по крестьянскому дѣлу, представляетъ собою рѣдкое исключеніе.

Мужицкіе гроши, составляющіе, въ общей сложности, крупные казенные и земскіе капиталы, въ отдѣльности взятые—настолько жалки и такъ пахнутъ мужицкой нуждой, что далеко не способны вызвать къ себѣ аппетита гг. присяжныхъ повѣренныхъ, обезпеченныхъ вполнѣ состоятельными кліентами. Если же кто изъ нихъ и берется за дѣло бѣдняка, то это или «изъ начинающихъ», или изъ потерявшихъ свой авторитетъ у болѣе «приличныхъ кліентовъ».

Самый обычный типъ среди представителей народной адвокатуры—«спившійся съ кругу» и прогнанный за пьянство со службы чиновникъ. Тощая гнутая фигура, облеченная въ рваное пальто и отрепанныя брюки, въ худые сапоги, или просто—въ однѣ калоши и въ выцвѣтшую, когда-то бывшую форменной, фуражку, опухшая физіономія и мутные, безъ выраженія, какъ бы стеклянные, глаза,—вотъ черты этого собирательнаго типа. Попавъ въ отбросы интеллигентнаго общества и, между тѣмъ, мучимый голодомъ и страстью къ водкѣ, а иногда и обязанный поддерживать существованіе цѣлой семьи, такой человѣкъ по необходимости принужденъ бываетъ искать себѣ какой-либо работы. Писаніе прошеній и жалобъ «темному люду» является нерѣдко чуть не единственно возможнымъ для него занятіемъ, потому что только такой несвѣдущій и неопытный проситель, какъ крестьянинъ, можетъ еще довѣрять знанію и силамъ подобныхъ юристовъ, Первымъ и главнымъ условіемъ, предъ началомъ работы такихъ юристовъ, является требованіе водки—«для развитія головы». Мѣстожительствомъ своимъ подобные ходатаи избираютъ, конечно, городъ. Здѣсь они, вѣчно оборванные, пьяные, ютятся по харчевнямъ, трактирамъ и постоялымъ дворамъ, толпятся около присутственныхъ мѣстъ, либо сидятъ по перекресткамъ и бродятъ по улицамъ. У интеллигента или у богатаго они просятъ себѣ «вспомоществованія», а мужику или бабѣ предлагаютъ свои услуги по «писательству»...

На ряду съ этимъ типомъ, возбуждающимъ къ себѣ болѣе жалости, нежели негодованія, стоитъ типъ совершенно другого характера: это человѣкъ, который въ занятіи адвокатурой видитъ средство скораго обогащенія,—пріобрѣсти собственный домъ, свою лошадь съ кучеромъ, имѣть «кругленькій» капиталецъ и окружить себя комфортомъ и обстановкой богатаго человѣка. По происхожденію это, въ большинствѣ случаевъ, сынъ мѣщанина, ремесленника, мелкаго чиновника или даже огорожанившагося крестьянина, съ дѣтства привыкшій смотрѣть на матерьяльное благосостояніе, какъ на высшее и единственное счастье въ

жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прочно усвоившій изъ дѣятельности своихъ воспитателей ту непреложную истину, что «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Къ юридической дѣятельности онъ также мало подготовленъ, какъ и ранѣе упомянутый его коллега. Подобно послѣднему, онъ, прежде чѣмъ заняться адвокатурой, служитъ и у частныхъ лицъ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но отовсюду его удаляютъ за разнаго рода мелкія мошенничества: то его уличатъ въ склеиваніи съ прошеній ненадписанныхъ еще марокъ, то въ поддѣлкѣ подписи подъ какимъ-нибудь документомъ и т. п. Счастливая мысль заняться адвокатурой обыкновенно приходитъ ему лишь послѣ продолжительныхъ блужданій по разнымъ мѣстамъ и послѣ многочисленныхъ попытокъ найти доходное занятіе.

Въ то время, какъ представитель перваго типа идетъ въ адвокаты по необходимости—изъ-за куска хлѣба и непреоборимой страсти къ вину, второй адвокатствуетъ изъ-за жажды къ наживѣ. Принимая на себя веденіе какого-либо дѣла, онъ обращаетъ вниманіе лишь на размѣръ гонорара и нисколько не заботится ни объ интересахъ просителя, ни о качествѣ тѣхъ средствъ, къ какимъ ему приходится прибѣгать.

Вотъ, напр., дворянинъ, бывшій подпоручикъ арміи и нѣкогда имѣвшій нѣсколько сотъ десятинъ земли, покинувшій послѣ счетовъ съ своими кредиторами родовое помѣстье чуть не въ одномъ бѣльѣ, какъ бы послѣ какого-нибудь непріятельскаго погрома. Съ народомъ его сблизили то радушіе, съ которымъ крестьянинъ принимаетъ всякаго рода «несчастненькихъ» и «обездоленныхъ», и та отчужденность отъ прежней среды, которая обыкновенно ложится съ потерей состоянія между прогорѣвшимъ и не имѣющимъ опредѣленныхъ занятій дворяниномъ и дворянами съ имущественнымъ положеніемъ. Жизнь онъ ведетъ скитальческую: нынѣ находится въ одной деревнѣ, завтра отправляется въ другую, останавливаясь на болѣе продолжительное время лишь тамъ, гдѣ идетъ или начинается между кѣмъ-нибудь судбище. Собственно въ душѣ онъ, по прежнему, остается чистокровнымъ дворяниномъ: хвалится дѣлами своихъ предковъ, каждый сдѣланный для другого шагъ возводитъ на степень подвига и первыя попавшіяся ему деньги сноситъ въ кабакъ; но держится новыхъ взглядовъ на бывшихъ его друзей и пріятелей дворянъ. Онъ разглашаетъ среди крестьянъ самаго сенсаціоннаго характера свѣдѣнія изъ частной и семейной жизни губернскаго и мѣстнаго начальства, говоритъ объ умственной ограниченности и подкупности разныхъ лицъ, себя же выдаетъ защитникомъ угнетенныхъ.

А вотъ и простой пахарь-крестьянинъ. Онъ обучился грамотѣ уже взрослымъ; послѣ азбуки ему случайно попался какой-то сборникъ узаконеній о крестьянахъ. Прочитавъ книгу разъ 10 совершенно механически, онъ постепенно сталъ переходить къ чтенію сознательному: его заинтересовали законы близкимъ отношеніемъ къ крестьянской жизни. Правда, не легко было въ началѣ разбирать мелкую печать сборника, выговаривать незнакомые термины, но долгія усиленныя занятія въ теченіе многихъ безсонныхъ ночей, неоднократныя разъясненія волостного писаря—побороли, какъ ему казалось, представлявшіяся трудности, и, наконецъ, съ облегченной душой онъ призналъ себя постигшимъ премудрость.

При этомъ, имъ столько было употреблено времени на усвоеніе законовъ, что свое толкованіе ихъ, какъ оно ни будь иногда превратно, онъ почитаетъ единственно правильнымъ и готовъ защищать, какъ самое дорогое для себя убѣжденіе. Характерною особенностью этого доморощеннаго юриста является то, что онъ адвокатствуетъ не изъ погони за гонораромъ, а изъ любви къ правдѣ, которую понимаетъ исключительно лишь въ смыслѣ согласія жизни съ статьями закона. Pereat mundus, fiat justitia—вотъ какой принципъ полагаетъ онъ въ основу своей жизнедѣятельности. Этотъ искатель правды не раззоряетъ своего кліента требованіями себѣ гонорара, но онъ, подкупая своею искренностью и отзывчивымъ отношеніемъ ко всякому, по его мнѣнію, *незаконно* забиженному кѣмъ-либо, невольно втягиваетъ его въ продолжительные и безплодные суды.

Вотъ волостные и сельскіе писаря, разнаго рода письмоводители, отставные солдаты и тому подобный малограмотный и невѣжественный людъ. Не малый процентъ среди нихъ составляютъ лица, которыя первоначально свели свое знакомство съ судомъ въ качествѣ обвиняемыхъ или доносчиковъ и этимъ уже возбуждаютъ къ себѣ основательноо подозрѣніе. Всѣ они, принимая на себя несвойственную имъ, по ихъ юридическимъ познаніямъ, роль ходатаевъ, смотрятъ на занятіе адвокатурой лишь какъ на одну изъ добавочныхъ доходныхъ статей къ другимъ постояннымъ доходамъ, нисколько при томъ не думая о пользѣ или вредѣ такой дѣятельности.

Своихъ защитниковъ народъ зоветъ разными именами: то «аблакатами», то «писателями», а то и просто «писаками» или «приказными». Численностью своею они достигаютъ довольно внушительныхъ размѣровъ: ихъ по 3, по 5 приходится на каждую волость, по 10 — 20 на каждый уѣздный городъ и до полусотни, а то и больше на города губернскіе. Словомъ, для нуждающагося въ защитникѣ крестьянина выборъ большой: хочешь—пользуйся услугами деревенскихъ писакъ, хочешь—отыскивай «аблаката» городского, «изъ приказныхъ»... А въ городѣ спроси лавочника, кабатчика, полового или даже извозчика,—всякій знаетъ «такого человѣка, который можетъ написать бумагу хоть Царю».

Если нерѣдко и интеллигентные адвокаты привыкаютъ не заботиться о разборчивости средствъ и дѣлъ, то тѣмъ болѣе естественна такая неразборчивость по отношенію къ трактирнымъ городскимъ и деревенскимъ писакамъ, часто не имѣющимъ у себя насущнаго хлѣба. И дѣйствительно, эти господа готовы принять на себя веденіе какого угодно дѣла, какъ ни будь оно неосновательно или прямо глупо. Они идутъ дальше: стараются развить въ темной средѣ сутяжничество. Не малая доля дѣлъ бываетъ обязана своимъ появленіемъ исключительно только имъ. Обыкновенно всякую видѣнную или слышанную ими ссору, всякое извѣстное имъ недоразумѣніе, возникающее между сосѣдями относительно владѣнія землею или другимъ какимъ-либо имуществомъ, они стараются привести къ одному концу, къ суду.

Случится, напр., такому ищущему себѣ работы адвокату узнать, что часть усадебной земли, которой владѣетъ какой-нибудь Филюшкинъ, нѣкогда была въ пользованіи сосѣдей послѣдняго—Кирюхиныхъ. Вотъ и намѣчена жертва. Встрѣчается онъ, какъ бы случайно, съ Кирюхинымъ и издалека заводитъ рѣчь объ

этой землѣ, при чемъ себя выставляетъ лицомъ, совершенно не заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ.

— Эхма! Что значитъ: народъ-то вы темный!—говоритъ онъ тономъ сожалѣнія, обращаясь къ Кирюхину.—Ихъ добромъ родовымъ, наслѣдственнымъ пользуются, а они себѣ ничего! Вѣдь вотъ земля-то, что подъ Филюшкиной ригой, чья? Развѣ дѣдъ-то твой, Ѳедосъ Пармёнычъ, не владалъ ею? Слыхалъ объ этомъ?

— Какъ не слыхать? Слыхали... Да онъ-то, Филюшкинъ, ужъ годовъ тридцать этою землею владаетъ!

— Ну, вотъ! Про то я и говорю, что вы народъ темный! Тридцать годовъ владаетъ!.. Гм! А ты законы-то про эти земли читалъ? Тамъ, братъ, прямо сказано, что усадебная земля—всегдашняя собственность крестьянская. Хоть тысяча лѣтъ пройди, земля была твоя и всегда твоею должна быть! Такое же дѣло точь въ точь мнѣ пришлось обработать одному петрухинскому мужику.

За петрухинскимъ мужикомъ вспоминается еще масса случаевъ, гдѣ люди такъ же, какъ и Кирюхинъ, не понимали своей пользы и которыхъ только онъ, адвокатъ, на умъ-разумъ наставилъ. И вотъ, темный человѣкъ начинаетъ думать, мучается надъ заданной ему задачей и, наконецъ, рѣшаетъ судиться. Прошеніе, понятно, пишетъ тотъ адвокатъ, который открылъ Кирюхину глаза на незаконный захватъ его земли сосѣдомъ... Первый неудачный выходъ крестьянина предъ судомъ бываетъ для него обыкновенно и самымъ пагубнымъ. Отказъ въ искѣ, который онъ считаетъ правильнымъ, а также и присужденіе съ него судебныхъ издержекъ вызываютъ въ крестьянинѣ недовольство противъ суда и другой стороны, обыкновенно не скрывающей своего торжества по поводу выигрыша дѣла. Тогда предъ обиженнымъ вновь является тотъ же сутяга и говоритъ ему о несправедливости и продажности судей и о возможности найти попранную правду у высшаго начальства, а въ подтвержденіе приводитъ слова: «Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ» (Ев. Лук. 9 ст. 11 гл.). Темный человѣкъ опять вѣритъ своему соблазнителю, проникается чувствомъ мести за содѣянную противъ него несправедливость и стремленіемъ возстановить поруганную истину, онъ готовъ пожертвовать для этого всѣмъ своимъ имуществомъ.

— До Царя дойду, а ужъ своего добьюсь! Побираться буду, а на своемъ поставлю!—рѣшаетъ онъ, собираетъ послѣдніе гроши и шлетъ прошенія на имя чуть-ли не всѣхъ губернскихъ учрежденій, всѣхъ министровъ, въ сенатъ, синодъ и т. д.

Особенно богатую жатву для народныхъ ходатаевъ доставляетъ изданіе какихъ-либо новыхъ узаконеній, касающихся крестьянъ. Тутъ возбуждаются ходатайства о прощеніи разнаго рода недоимокъ и даже частныхъ долговъ, о возвращеніи прежде внесенныхъ недоимочныхъ суммъ, о прибавкѣ надѣльной земли и т. д. А сколько разнаго рода просьбъ поступаетъ по поводу переселеній. Тамъ и сямъ появляются «неизвѣстныя личности», попросту выходящіе на время изъ городовъ кабацкіе ходатаи, которые выдаютъ себя за агентовъ правительства, берутъ по 10 копѣекъ за записку на переселеніе съ каждой наличной души мужескаго пола, а въ случаѣ желанія кого-либо выписаться изъ числа переселенцевъ утверждаютъ, что это сдѣлать труднѣе, и требуютъ уже съ души по 25 коп. Нѣкоторые грамот-

ные крестьяне, увлекаясь доходностью писанія переселенческихъ прошеній, идутъ учиться «писательству» къ волостнымъ писарямъ, ихъ помощникамъ и другимъ признаннымъ уже адвокатамъ и платятъ имъ за «выучку», кромѣ обычнаго угощенія водкой, деньгами рублей 10 и болѣе.

Вознагражденіе за свои труды адвокаты получаютъ и деньгами, и натурой: яичками, поросятками, овечками, водкой и т. п. Денежная плата за каждое написанное прошеніе колеблется, въ большинствѣ случаевъ, между полтинникомъ и рублемъ, но иногда доходитъ и до пяти, десяти и даже болѣе рублей. Мнѣ, напр., извѣстенъ случай, когда одному уѣздному трактирному адвокату за одно прошеніе, написанное имъ отъ имени крестьянъ нѣсколькихъ селеній, пришлось получить около 85 рублей... Размѣръ гонорара зависитъ, главнымъ образомъ, отъ степени нахальства: чѣмъ выше ставитъ себя ходатай предъ мужикомъ, чѣмъ больше грязнитъ своихъ собратьевъ и краснорѣчивѣе описываетъ трудности своей работы, тѣмъ податливѣе и щедрѣе бываютъ и его кліенты. Временами случается даже такъ, что несчастные просители, желая лучше задобрить и отблагодарить своихъ защитниковъ, но не имѣя у себя для этого достаточно наличныхъ денежныхъ средствъ, жертвуютъ нѣкоторыми принадлежностями своего костюма: отдаютъ новые картузы, крѣпкіе сапоги и т. п., а взамѣнъ получаютъ какіе-нибудь адвокатскіе отрепанные опорки или порыжѣлую, дырявую шляпу...

Вознагражденіе, получаемое крестьянскими ходатаями, сравнительно съ гонорарами присяжныхъ повѣренныхъ, конечно, ничтожно; но если принять во вниманіе, что прошенія и жалобы подаются ими очень часто «внѣ установленнаго закономъ порядка», не въ тѣ учрежденія, къ предметамъ вѣдѣнія которыхъ они относятся, и затѣмъ—по нѣскольку разъ въ одно и то же учрежденіе объ одномъ и томъ же предметѣ, а также—если обратить вниманіе и на размѣръ крестьянскихъ исковъ и вообще на цѣнность всего мужицкаго хозяйства, котораго, по сознанію самихъ крестьянъ, обыкновенно можетъ хватить только «на два, на три дня, чтобы погулять въ кабакѣ», то станетъ яснымъ, какъ дорого стоитъ крестьянину веденіе какого-нибудь дѣла.

Особенно сильно страдаютъ интересы крестьянъ, когда они довѣряютъ подачу прошеній или жалобъ самимъ ходатаямъ, какъ людямъ, наиболѣе опытнымъ. Подъ предлогомъ дать прошенію должный ходъ, съ просителей требуются послѣдніе гроши то на регистратора, то на столоначальника, то на секретаря.

— Самъ знаешь: «сухая ложка ротъ деретъ»,—авторитетно втолковывается «темному человѣку».—Не дашь, не подмаслишь,—и ходу твоему прошенію никакого не будетъ! Подъ сукно положатъ, и лежи до скончанія вѣка! Такъ-то!.. А мнѣ что? Мнѣ отъ этихъ твоихъ расходовъ ни тепло, ни холодно... Я бы и радъ тебя ослобонить отъ нихъ, да не могу: изъ твоей же пользы стараюсь...

И крестьянинъ, искони привыкшій къ разнаго рода поборамъ и чиновническому попрошайничеству и самъ выработавшій у себя особую форму послѣдняго въ видѣ выпрашиванья «на чаекъ» и «на водку», вполнѣ вѣритъ этому.

Присущія мелкимъ адвокатамъ самоувѣренность, самохвальство и способность чернить другихъ невольно побѣждаютъ сердце темнаго человѣка.

— Кто это тебѣ прошеніе писалъ?—спросишь иногда, прочитавъ прошеніе у

мужика, который ходитъ по городу, отыскивая какое-нибудь нужное учрежденіе.

— А Иванъ Феоктистычъ,—отвѣчаетъ онъ съ такимъ выраженіемъ въ голосѣ, какъ будто этотъ Иванъ Феоктистычъ нашъ общій хорошій знакомый, или, во всякомъ случаѣ, личность, пользующаяся большою извѣстностью.

— А кто такой онъ будетъ?

— Да вотъ онъ у Мѣшкова въ трактирѣ проживаетъ...—отвѣчаетъ мужикъ, видимо нѣсколько озадаченный такимъ вопросомъ.—Небось, слыхали? Прямо противъ пожарной части... Дошлый человѣкъ.., Прежде, сказываетъ, въ хорошихъ должностяхъ состоялъ, да водка сгубила. И теперь шибко пьетъ... и-и какъ пьетъ!.. Ну, а дѣло-то хорошо знаетъ,—уже увѣреннымъ тономъ заканчиваетъ проситель.

Даже проигрывая свои неосновательные иски или другія какія-нибудь дѣла, крестьяне обвиняютъ въ этомъ обыкновенно не адвокатовъ, доказывавшихъ справедливость ихъ претензій, а приписываютъ свои неудачи неправосудію.

Отъ возмутительной дѣятельности народныхъ «аблакатовъ» рѣзко отдѣляется встрѣчающаяся порой дѣятельность на томъ же поприщѣ интеллигентовъ,—дѣятельность вполнѣ безкорыстная и вытекающая лишь изъ одного желанія помочь темному и бѣдному люду. Но, къ сожалѣнію, интеллигенты, не получившіе юридическаго образованія, часто такъ малосвѣдущи въ юридическихъ вопросахъ, что дѣятельность ихъ часто ограничивается одною—двумя неудачными попытками и отличается больше хорошими побужденіями, чѣмъ результатами.

Около двухъ лѣтъ я имѣю возможность наблюдать производство въ одномъ изъ судебно-административныхъ крестьянскихъ учрежденій, читать тысячи прошеній и жалобъ, писанныхъ доморощенными адвокатами, и вполнѣ основательно знакомиться и съ личностью этихъ господъ, и съ тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ которомъ находятся ихъ кліенты. Какъ высокъ въ общемъ уровень умственнаго развитія народныхъ ходатаевъ, можно видѣть съ первыхъ строкъ прошеній.

Читая названіе того учрежденія или лица, на имя котораго адресована жалоба или прошеніе, прежде всего поражаешься полнымъ отсутствіемъ у автора болѣе или менѣе ясныхъ представленій объ органахъ уѣзднаго и губернскаго управленій. Кажется, только земскій начальникъ и городской судья называются настоящими своими именами; что же касается уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присутствій и губернатора, то они носятъ самыя разнообразныя наименованія. Уѣздные съѣзды называются съѣздами мировыхъ судей, уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями или уѣздными губернскими присутствіями; губернскія присутствія по прежнему извѣстны подъ именемъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, и т. д. и губернскихъ присутствій окружного суда; губернатора же величаютъ то гражданскимъ по крестьянскимъ дѣламъ губернаторомъ, то просто—гражданскимъ губернаторомъ, то военнымъ генералъ-губернаторомъ или даже властелиномъ губерніи... Въ указаніяхъ именъ и званія просителей попадаются такія громкія слова, какъ «сослуживца императора Александра Второго», отставного рядового такого-то... Кассаціонныя жалобы называются апелляціонными и наоборотъ—апелляціонныя кассаціонными.

Нерѣдко прошенія и жалобы бываютъ настолько безтолково и безграмотно написаны, что даже приблизительно нельзя догадаться, въ чемъ именно заключается заявляемая претонзія, и для выясненія ея приходится прибѣгать къ устному допросу просителей чрезъ мѣстное начальство. Вмѣстѣ съ малограмотностью и отсутствіемъ способности ясно излагать сущность дѣла, у авторовъ прошеній замѣчается любовь къ краснорѣчію. Вотъ, напр., пишется прошеніе отъ имени вдовы крестьянки къ губернатору.

«Прибѣгая къ защитѣ и покровительству вашего высокопревосходительства отъ единаго человѣколюбія вашего, уповаю услажденія несчастной судьбы моей съ дочерью живущей, бывъ твердо увѣрена, гдѣ царствуетъ правосудіе и милость, буду и я съ дочерью удовлетворена по мѣрѣ настоящаго нашего положенія, съ каковымъ упованіемъ я осмѣливаюсь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства о неправильныхъ дѣйствіяхъ земскаго начальника, волостного старшины, предсѣдателя волостного суда, волостныхъ судей и сельскаго старосты. Я подавала о семъ прошенія во всѣ дистанціи (инстанціи) и нигдѣ не нашла для себя защиты и правосудія, гдѣ бы обратили вниманіе на мое положеніе, на мои правдивыя заявленія. Но я желаю достигнуть конца моего критическаго положенія и впослѣдствіи преклонить вышеозначенныхъ лицъ къ безмятежной жизни, я предупреждала ихъ совѣтомъ, но къ лучшему не вышло, а къ умноженію злополучія».

До какихъ предѣловъ можетъ доходить эта любовь къ витіеватости слога—показываетъ, напр., слѣдующая выдержка изъ прошенія одной крестьянки:

«Падая на колѣни къ стопамъ ногъ вашего превосходительства въ неправомъ рѣшеніи волостного суда въ скорбно обиженномъ дѣлѣ плачевно прибѣгаю подъ покровъ защиты вашего превосходительства не оставьте войти въ мое обиженное обстоятельство какъ бѣдно плачущей женщины, неимѣщей голоса при всѣхъ моихъ стараніяхъ и поданныхъ просьбахъ въ правомъ дѣлѣ по сіе время не предвижу конца суда»...

Многія прошенія и жалобы пестрятъ ссылками на различныя статьи закона, указы сената и циркуляра министровъ, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти ссылки дѣлаются «писаками» наобумъ, лишь съ цѣлью показать свою «ученость» и свое знаніе законовъ предъ неопытными кліентами; выставляемыя статьи, указы и циркуляры либо оказываются совершенно не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу, либо даже совсѣмъ не существующими. Напримѣръ, о разрѣшеніи переселенія просятъ на основаніи манифеста и приказанія министра финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, о надѣленіи землей на основаніи 1007 ст. Прав. о пр. суд. дѣл., о взысканіи долга на основаніи ст. 35 улож. о нак., и т. п.

Впрочемъ, и сами писатели рѣдко придаютъ значеніе приводимымъ законамъ,—они болѣе стремятся подѣйствовать «на душу» начальствующихъ, и удовлетвореніе со стороны послѣднихъ чьихъ-либо просьбъ представляется дѣломъ милости, а не исполненіемъ обязательнаго для всѣхъ закона. Поэтому въ прошеніяхъ мольба просителей не оставить ходатайства ихъ «милостивымъ вниманіемъ» подкрѣпляется лишь обѣщаніемъ молиться «за здоровье и благоденствіе высокой особы его превосходительства», или же убѣжденіемъ обрадовать ихъ «несчастныхъ», «забиженныхъ» «къ великому наступающему празднику Рождества Христова» или «Свѣтлаго Христова Воскресенія».

Въ видахъ приданія просьбамъ большей убѣдительности, крестьянскіе защитники иногда излагаютъ свои прошенія языкомъ акаѳистовъ, а то прямо

таки дѣлаютъ изъ послѣднихъ цѣлыя выдержки. Характернымъ образцомъ такихъ прошеній можетъ служить прошеніе семьи, ходатайствующей объ отмѣнѣ непріемнаго приговора общества на ихъ отца.

«Заступитесь за насъ несчастныхъ и помилуйте насъ, вовлеченныхъ въ наказаніе несчастнымъ для насъ стеченіемъ обстоятельствъ. Освободите вы насъ не отъ наказанія, а отъ самой смерти. Даруйте намъ жизнь, прекратите наши слезы и поддержите намъ грѣшнымъ тѣмъ немощи наши, яко мы усердно прибѣгаемъ къ вашему превосходительству, какъ къ скорому помощнику и защитнику о насъ. Хотя и знаемъ мы, что блаженни плачущіе, яко тіи отъ Бога утѣшатся, но вѣдь и блаженни милостивіи, яко тіи сами помиловани будутъ».

Всѣ прошенія проникнуты рабской приниженностью и лестью предъ тѣмъ начальствомъ, на имя котораго они приносятся, и наоборотъ—дышатъ крайнимъ, несдерживаемымъ раздраженіемъ противъ тѣхъ властей, которыя ранѣе не уважили ходатайства просителей. Вотъ, напр., одно изъ дѣлъ, прошедшихъ всѣ судебныя инстанціи, начиная отъ волостного суда и кончая губернскимъ присутствіемъ. Одинъ крестьянинъ словесно заявилъ предсѣдателю волостного суда искъ о востребованіи съ своего односельца 25 рублей долгу; но въ этомъ искѣ просителю было отказано по недоказанности: отвѣтчикъ долга не призналъ, и истецъ, кромѣ голословнаго заявленія о долгѣ, никакихъ данныхъ въ свою пользу не представилъ. На рѣшеніе волостного суда подается земскому начальнику для представленія по 2 п. 31 ст. вр. пр. о вол. суд. въ уѣздный съѣздъ жалоба, которая, между прочимъ, начинается такъ:

«Ваше благородіе! имѣю честь и осмѣливаюсь вступить съ вами въ разговоръ. Будьте за насъ, темный народъ, ходатаями,—кромѣ васъ мы не знаемъ, кого найти правдивыми».

Но затѣмъ, когда отзывъ просителя былъ оставленъ безъ движенія, пишется прошеніе уже совершенно другого характера.

«Волостные судьи опили отвѣтчика и съумѣли стереть съ лица земли истину и правду, которыя были свѣтлыми и ясно видимыми пятнами, и земскій начальникъ также не открылъ въ моемъ дѣлѣ истины. А такъ какъ я человѣкъ крайне бѣдный и нуждающійся въ матерьяльныхъ средствахъ, пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить ваше превосходительство пробудить отъ сна земскаго начальника вашимъ распоряженіемъ о справедливомъ удовлетвореніи моего ходатайства».

Бываютъ случаи, когда просители, въ сущности нисколько не будучи виновными въ помѣщеніи въ своихъ прошеніяхъ оскорбительныхъ выраженій, привлекаются къ отвѣтственности по 940 и 1535 ст.ст. улож. о нак.

Легко представить, сколько приходится претерпѣвать темнымъ просителямъ лишнихъ хлопотъ, переносить напрасныхъ тревогъ и дѣлать непроизводительныхъ расходовъ подъ руководствомъ своихъ ходатаевъ. Довольно яркую картину въ этомъ отношеніи даетъ слѣдующее прошеніе крестьянина, вздумавшаго начать споръ съ мѣстнымъ священникомъ объ усадебной землѣ. Онъ пишетъ:

«Нашъ священникъ самовольно держитъ собственную мою усадьбу. Я за эту усадьбу плачу повинность, а онъ пользуется. Я жаловался объ своей усадьбѣ господину земскому начальнику и послалъ пошлину отъ бѣдности своей. Земскій начальникъ мнѣ отказалъ, говоритъ: мнѣ твое дѣло неподсудно. Я подалъ въ уѣздный съѣздъ, то-же съ пошлиной,—и съѣздъ мнѣ отказалъ: тоже неподсудно. Уѣздный съѣздъ указалъ мнѣ подавать окружному суду. Я на эти самыя прошенія и пошлины заложилъ весь свой капиталъ. Теперь мнѣ подавать не на что. Священ-

никъ чужимъ добромъ пользуется ужъ восемь лѣтъ. Ваше превосходительство, отберите отъ священника мою усадьбу! А суды изъ меня все нутрё вытащили за собственность свою»...

Мнѣ дѣлается какъ-то грустно, когда я вижу огромныя кипы крестьянскихъ прошеній, жалобъ, докладныхъ записокъ, доставляемыхъ въ видѣ казенныхъ, заказныхъ и простыхъ пакетовъ, ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ и однимъ и тѣмъ же старичкомъ-почтальономъ, въ большомъ черномъ рыдванѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этой массы почти всегда можно бы выкинуть добрую половину дѣлъ безъ всякаго ущерба для заинтересованныхъ въ нихъ лицъ: такъ они неосновательны. А между тѣмъ, сколько на такія дѣла затрачено трудовыхъ грошей. Сколько въ присылаемыхъ по этимъ дѣламъ безграмотныхъ писаніяхъ скрывается безплодныхъ надеждъ, напраеныхъ ожиданій!

Однажды мнѣ пришлось быть у одного своего знакомаго, недѣли за 2, за 3 до моего пріѣзда вступившаго въ должность земскаго начальника. Онъ еще не былъ настолько знакомъ съ разнаго рода положеніями, уложеніями и уставами и не свыкся еще настолько съ канцелярщиной, чтобы оцѣнивать людскія дѣянія лишь на основаніи статей закона, не входя въ частную жизнь и личные интересы сторонъ. Разсказывая мнѣ про бывшій у него первый разборъ судебныхъ дѣлъ, онъ говорилъ:

— Было назначено къ слушанію одиннадцать дѣлъ, и изъ нихъ шесть кончены миромъ! У моего сосѣда,—я нарочно справлялся,—два было такихъ дѣла во весь годъ, а у меня въ одно засѣданіе—въ три раза больше! Но вы представить не можете, чего мнѣ эти мировыя стоили?! Разъ по пяти приходилось растолковывать одно и то же, разъ до трехъ выходишь изъ комнаты, пока стороны не придутъ къ соглашенію! И такъ по каждому дѣлу!

Этотъ интересный фактъ ясно показываетъ, что наше крестьянство далеко не чувствуетъ пристрастія къ сутяжничеству, и что, будь вблизи него больше дѣйствительно живыхъ, отзывчивыхъ къ его нуждамъ людей,—большинство возникающихъ споровъ и недоразумѣній разрѣшались бы мирнымъ путемъ къ общей выгодѣ заинтересованныхъ сторонъ.

Къ сожалѣнію, такихъ людей, которые бы съ участіемъ относились къ интересамъ народа, у насъ очень мало, и мнѣ въ свое краткое пребываніе у знакомаго земскаго начальника пришлось разочароваться и въ его дѣятельности. Къ нему явилась крестьянка просить о выдачѣ ей свидѣтельства для проѣзда по удешевленному тарифу на богомолье въ Кіевъ, и онъ ее направилъ съ такимъ ходатайствомъ въ губернское присутствіе—за 200 верстъ отъ деревни, гдѣ жила просительница. Когда же я сказалъ ему, что, насколько мнѣ извѣстно, по удешевленному тарифу на богомолье не возятъ, то онъ отвѣтилъ:

— Я это отлично знаю, но выдавать проходныя свидѣтельства и свидѣтельства на удешевленный проѣздъ въ кругъ прямыхъ моихъ обязанностей не входитъ...

Въ послѣднее время на юридическую безпомощность крестьянскаго населенія обращено серьезное вниманіе печати («Русск. Богатство» 1894 г. № 4, «Суд. Газета» 1894 г., №№ 26, 42, «Юридич. Газета» 1895 г. № 80, 1896 г. № 9). Для устраненія этой безпомощности предлагаются разныя мѣры, начиная отъ ме-

нѣе дѣйствительныхъ запретительныхъ мѣръ до желательнаго внесенія въ жизнь юридическихъ знаній.

Совѣтуютъ, напр., воспретить, подъ страхомъ наказанія, лицамъ, не принадлежащимъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и частныхъ повѣренныхъ, занятіе, въ видѣ промысла, тайною подачею совѣтовъ по судебнымъ дѣламъ или веденіемъ въ судахъ чужихъ дѣлъ отъ своего имени по пріобрѣтеннымъ отъ собственника претензіямъ; обязать тяжущихся по гражданскимъ дѣламъ подавать состязательныя бумаги отъ своего имени не иначе, какъ подписанными повѣренными юристами, состоящими при судѣ; организовать въ болѣе широкомъ объемѣ казенную защиту по уголовнымъ дѣламъ въ лицѣ кандидатовъ на служебныя должности, увеличивъ для этой цѣли число кандидатовъ и присоединивъ къ нимъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ; сдѣлать дѣятельпость въ качествѣ народнаго адвоката—подготовительной для всего судебнаго персонала; устроить при каждомъ окружномъ судѣ подъ личнымъ наблюденіемъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, назначаемаго общимъ собраніемъ суда, просительный столъ, въ которомъ бы формулировались претензіи просителей и предлагалось бы примиреніе; имѣть при земскихъ управахъ, на средства земства, повѣренныхъ, которые вели бы дѣла въ подлежащихъ судахъ.

Сосредоточеніе на данномъ вопросѣ общаго вниманія и юристовъ, и людей, не получившихъ юридическаго образованія, но близко стоящихъ къ народу, даетъ надежду на успѣшное разрѣшеніе этого вопроса въ непродолжительномъ будущемъ.

Д. Успенскій.

III. Изъ Риги. (О сельскихъ учителяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ).

Съ 1-го по 15-е августа въ Ригѣ происходилъ X археологическій съѣздъ и одновременно съ нимъ открылась латышская этнографическая выставка, закрывшаяся 15-го сентября. Во многихъ газетахъ появились отчеты объ этой выставкѣ, отмѣчавшіе значеніе ея не столько въ научномъ отношеніи, сколько какъ показателя извѣстной культурности, которой достигъ латышскій народецъ (насчитывается всего около 1½ милліона) въ сравнительно очень короткое время. Дѣйствительно, исторія латышей, вплоть до половины нынѣшняго столѣтія, говоритъ только о нѣсколькихъ столѣтіяхъ тяжелаго рабства; до послѣдняго времени понятіе «латышъ» и «мужикъ» были тожественны. Теперь латыши быстро подымаются по соціальной лѣстницѣ, и особенно бросается въ глаза стремленіе къ образованію, не только начальному, но и высшему. По указаніямъ обстоятельнаго каталога латышской выставки, за послѣднія 10 лѣтъ, въ среднемъ, ежегодно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается около 300 человѣкъ латышей; цифра относительно довольно крупная (1 уч. на 5.000). Показателемъ культурныхъ успѣховъ латышей можетъ въ особенности служить распространеніе грамотности (неграмотныхъ уже въ 1835 г. насчитывалось въ Курляндіи

только 5—10%); развитіе книжнаго и газетнаго дѣла (въ 1868 г. вышло только 38 книгъ на латышскомъ языкѣ, а съ 1868 до 1895 г.—всего 4.933 книги; выходитъ 12 газетъ, кромѣ оффиціальныхъ вѣдомостей, печатающихся на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ); любовь къ музыкѣ, пѣнію и къ театру (обращаютъ на себя вниманіе грандіозные пѣвческіе праздники, устраиваемые время отъ времени и привлекающіе, какъ послѣдній праздникъ лѣтомъ прошлаго года въ Митавѣ, по двѣ-три сотни крестьянскихъ хоровъ и соотвѣтственно этому десятки тысячъ публики); наконецъ, распространеніе всевозможныхъ обществъ, многочисленныхъ и въ городахъ и въ деревнѣ (всего въ Лифляндской губерніи состоитъ нынѣ 372 латышскихъ деревни, въ Курляндіи въ 1893 г. было 201), для взаимнаго страхованія отъ огня, взаимопомощи, похоронныхъ и ссудосберегательныхъ, потребительныхъ, противопожарныхъ, сельскохозяйственныхъ, трезвенныхъ, благотворительныхъ, и т. д., и т. д.

Въ дѣлѣ поднятія культурнаго уровня латышей огромную роль играетъ школьный учитель. Это типъ очень интересный и своеобразный. Большинство учителей—народъ, еще недавно взятый отъ сохи. Родители и братья ихъ и по сейчасъ крестьянствуютъ въ разныхъ углахъ; иные женаты на дочеряхъ крестьянъ. Получившихъ сколько-нибудь систематическую подготовку для преподаванія до сихъ поръ очень немного. Всѣмъ своимъ внѣшнимъ обликомъ, мало-подвижною физіономіею, а частью и нравственно—это тотъ же латышъ-крестьянинъ, въ которомъ долгіе годы рабства воспитали кое-какія несимпатичныя черты. Учителя матерьяльно зависятъ отъ волости, которая выбираетъ сама себѣ кандидата и назначаетъ ему жалованье. Въ учителя попадаетъ преимущественно «свой» человѣкъ для населенія и нерѣдко со всѣми недостатками среды, изъ которой вышелъ. Но въ этой близости крестьянства и учителей есть и очень хорошая, конечно, сторона, ради которой отнюдь не слѣдуетъ желать, чтобъ право выбора учителей было у волости отнято. Нравственный и умственный уровень крестьянской среды несомнѣнно повышается тѣмъ, что учительскій персоналъ, оставаясь «своимъ» населенію и принимая къ сердцу всѣ нужды народной жизни, вноситъ въ крестьянскую среду извѣстные, болѣе высокіе умственные и нравственные интересы. Учитель распространяетъ въ волости газету, устраиваетъ общество страхованія отъ огня или вспомогательное, организуетъ пѣвческій хоръ, устраиваетъ въ праздникъ чтеніе въ зданіи школы, и т. д., и т. д. Безъ помощи народныхъ учителей, конечно, не осуществилась бы и латышская этнографическая выставка, потому что они въ особенности и доставляли матерьялъ для выставки; они же собирали произведенія латышскаго народнаго творчества, записывая сказки, пѣсни, повѣрья, пословицы, обряды, и т. д.

Къ сожалѣнію, въ дѣятельности народнаго учителя-латыша много весьма чувствительныхъ терній. Впрочемъ, то, что мы говоримъ о латышахъ, примѣнимо почти буквально и къ эстонцамъ. На нѣкоторыя отрицательныя стороны въ положеніи учителей мы и обратимъ здѣсь вниманіе.

Въ 1887 г. состоялась передача многочисленныхъ сельскихъ лютеранскихъ школъ въ завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія, что сопровождалось значительною ломкою давно налаженныхъ отношеній и условій школьнаго дѣла.

Переживаемый прибалтійскою школою тяжелый кризисъ до сихъ поръ не закончился. Сельскимъ учителямъ были предъявлены совершенно новыя требованія, какъ относительно пріемовъ и методовъ преподаванія, такъ и въ особенности относительно преподаванія на русскомъ, а не на родномъ учителю и ученикамъ языкѣ.

Правда, теперь учителя стали болѣе независимы отъ мѣстной школьной власти, отъ пастора и помѣщика. Происходя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ крестьянской массы, учитель и раньше естественно тяготѣлъ къ ней; теперь онъ можетъ смѣлѣе и явнѣе выказывать свои симпатіи, потому что нѣтъ такой надобности, какъ прежде, заискивать у мѣстной нѣмецкой интеллигенціи, т.-е. у того же пастора или кистера, у баронскаго управляющаго, у лѣсничаго, охраняющаго помѣщичій интересъ, и т. п.; но, съ другой стороны, реформа въ ея теперешнемъ, незавершенномъ видѣ уничтожила кое-что такое, что совершенно необходимо для правильнаго теченія школьнаго дѣла. Такъ, уничтожены конференціи, съѣзды учителей, хотя и происходившіе подъ контролемъ пасторовъ, но удовлетворявшіе настоятельной необходимости для учителей обмѣниваться мыслями по вопросамъ педагогическаго характера.

Инспекторъ народныхъ училищъ, подъ вѣдомствомъ котораго въ Прибалтійскомъ краѣ состоитъ нѣсколько уѣздовъ и нѣсколько сотенъ школъ, обремененный вдобавокъ массою безполезной канцелярской работы, успѣваетъ побывать въ каждой школѣ разъ въ два-три года, да и то лишь въ томъ случаѣ, если не лѣнивъ на разъѣзды. Хорошо, если за это время онъ успѣетъ провести въ школѣ нѣсколько часовъ, проэкзаменовать учениковъ, убѣдиться, что дѣло обученія стоитъ, какъ и въ другихъ школахъ, не важно, дать совѣтъ учителю побывать на педагогическихъ курсахъ, устраиваемыхъ для учителей лѣтомъ, да заняться самому чтеніемъ и самообразованіемъ, а потомъ пришлетъ циркуляръ—обзаводитесь-де библіотекой и т. д. А гдѣ взять книгъ учителю, получающему иной разъ деньгами только 30 рублей въ годъ отъ скуповатой волости, въ которой крестьяне ворчатъ, что дѣти ихъ въ школѣ и родной языкъ забываютъ, и русскому не выучиваются? Да и поговорить учителю не съ кѣмъ, негдѣ подѣлиться съ товарищами сомнѣніями и вопросами, которые то и дѣло возникаютъ при преподаваніи на языкѣ, мало знакомомъ и самому учителю, по новымъ методамъ, о которыхъ въ дореформенной учительской семинаріи онъ и не слыхивалъ. Волостной писарь или старшина, конечно, плохіе помощники учителю, да и изъ тѣхъ первый зачастую тянетъ къ пастору, къ управляющему, которые и прежде свысока смотрѣли на учителя, а теперь расположены къ нему еще менѣе прежняго. Учитель начинаетъ изнывать въ одиночествѣ.

Вдругъ благодать: поселяется въ приходѣ вольнопрактикующій врачъ, мѣстный уроженецъ. Родитель его и по сейчасъ крестьянствуетъ тутъ же, а онъ, хоть и вышелъ въ «лела нунгсъ» (большіе господа) и учился въ университетѣ (русскомъ, Московскомъ, а не Дерптскомъ, какъ другіе окрестные врачи), мужиками не гнушается, родного языка не забылъ, лѣчитъ мужиковъ, входитъ въ ихъ нужды и потребности и не торгуется за плату—простой, душа-человѣкъ. Онъ и съ учителемъ первый знакомится, приглашаетъ бывать у него, ссужаетъ

охотно книгой и газетой, а заболѣешь—лѣчитъ, какъ знакомаго, даромъ. Разъѣздовъ у врача довольно, встрѣчается онъ и съ другими учителями, знакомится, и случается, что въ праздникъ соберется ихъ у него человѣкъ пять-шесть. Поболтаютъ о мѣстныхъ новостяхъ, о томъ, что пишутъ въ газетахъ, а разговоръ нѣтъ-нѣтъ да и сойдетъ на то, что ближе къ собственной шкурѣ, на то, что крестьяне школой недовольны, что не знаешь, какъ и быть съ начальствомъ, которое требуетъ, чтобъ ты и самъ учился, и училъ не по старому способу. Потолкуютъ да ни съ чѣмъ и разойдутся, развѣ отведутъ душу тѣмъ, что споютъ родныя пѣсни.

Между тѣмъ прежнее начальство учителя косится и морщится. «И о чемъ они тамъ теперь толкуютъ съ этимъ докторомъ! Этакій невѣжа: не сдѣлалъ визита ни помѣщику, ни пастору. Да и въ киркѣ его что-то не видно: атеистъ, должно быть, отъявленный; въ Москвѣ, поди, якшался съ этими русскими нигилистами». А тутъ, какъ на грѣхъ, подошелъ латышскій пѣвческій праздникъ, и учителя всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поѣхали на него въ Митаву, да и крестьянъ и дѣвушекъ изъ болѣе состоятельныхъ арендаторскихъ семей сманили туда же. Да еще, говорятъ, какъ были учителя послѣдній разъ у доктора, такъ пѣли латышскій гимнъ-молитву: «Девсъ, свѣци Латвейю» (Благослови, Боже, латышскій край). «Ба!—озаряетъ вдохновенная мысль голову человѣка, который считаетъ себя на смерть обиженнымъ реформами и слышалъ о старо и младо-чехахъ:—да это младо-латыши завелись у насъ! И первый смутьянъ, конечно, этотъ «мужицкій докторъ»: не даромъ же его терпѣть не могутъ другіе мѣстные врачи!» Разъ ставъ на точку зрѣнія ходячаго мнѣа о младо-латышской партіи, имѣющей-де явный неблагонадежный оттѣнокъ, фантазія начинаетъ работать въ этомъ направленіи и виртуозно творить цѣлую фантасмогорію. Каждое лыко ставится въ строку, и каждый самый незначительный фактъ получаетъ объясненіе самое неожиданное. Уволилъ, напр., инспекторъ учителя по жалобѣ крестьянъ на то, что тотъ не знаетъ русскаго языка, и вотъ уже пущена басня, что учитель уволенъ по проискамъ доктора младо-латыша, съ которымъ не умѣлъ поладить. Самое же капитальное обвиненіе противъ «младо-латышей» складывается само собою: о чемъ въ самомъ дѣлѣ и толковать младо-латышамъ, какъ не о самомъ жгучемъ мѣстномъ вопросѣ, о крестьянскомъ безземельѣ, о надѣлѣ крестьянъ землею, а ужъ что можетъ быть неблагонадежнѣе такихъ разговоровъ. Такъ переплетаются факты, слухи и вымыселъ, и все это докладывается въ уши мѣстному (полицейскому) начальству, такъ, при случаѣ. Чувствуетъ, напр., начальство симпатію къ охотѣ, которую предоставить ему могутъ, конечно, помѣщикъ съ лѣсничимъ; гостепріимные хозяева своего тутъ не упустятъ. И вотъ рождается грозный доносъ, который обвиняетъ поголовно всѣхъ народныхъ учителей въ младо-латышской агитаціи, характера явно предосудительнаго въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, и подымаетъ на ноги губернскую администрацію и учебное начальство. Въ качествѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ преступниковъ фигурируетъ въ доносѣ латышскій лирикъ Гейнце. Начинаютъ отыскивать такого поэта, но по самымъ тщательнымъ справкамъ оказывается, что о латышскомъ поэтѣ Гейнце никто никогда и не слыхивалъ, пока, наконецъ, кто-нибудь изъ учителей, до смерти

напуганныхъ наѣздомъ начальства, допросами и разслѣдованіями, не вспоминаетъ, что Гейнце, должно быть, никто иной, какъ Гейне, о лирикѣ котораго ему однажды случилось разговаривать съ докторомъ. Въ томъ же смѣхотворномъ родѣ оказываются и всѣ другія обвиненія, и губернскому начальству остается только комически развести руками и сдѣлать внушеніе подчиненнымъ: не всякому слуху вѣрь!

Къ сожалѣнію, все здѣсь разсказанное не фантазія. Нѣчто совершенно въ этомъ родѣ происходило недавно въ Ф. уѣздѣ, Курляндской губерніи. Этотъ уѣздъ одинъ изъ довольно глухихъ угловъ края, и вдругъ здѣсь возникло сразу два дѣла, по которымъ виновниками преступной агитаціи оказывались мѣстные врачи и народные учителя-латыши. Близъ Я., у врача на рождественскихъ праздникахъ собралось, по его приглашенію, человѣкъ 20 окрестныхъ учителей, аптекарь, хозяева, нѣсколько дамъ, провели вмѣстѣ время, потолковали, конечно, о своихъ дѣлишкахъ и разъѣхались очень довольные. Никто, конечно, и не думалъ, что въ вину могутъ быть поставлены обычные разговоры о послѣднемъ циркулярѣ по школамъ объ устройствѣ библіотекъ, о преподаваніи Закона Божія, которое въ лютеранскихъ школахъ лежитъ на учителѣ, о томъ, какъ поднять нравственный авторитетъ учителя въ средѣ крестьянъ и каковъ долженъ былъ учитель. Впрочемъ, рядомъ съ «разговорами», были и «поступки»: вспомнили учители про подтвержденія учебнаго начальства о самообразованіи и—horribile dictu!—собрали тридцать рублей и поручили кому-то изъ гостей выписать изъ Риги кое-какихъ книгъ, само собою наиразрѣшеннѣйшихъ. Всего этого и оказалось достаточно для появленія доноса, обвинявшаго учителей въ агитаціи противъ пасторовъ и распространеніи младо-латышскихъ неблагонадежныхъ стремленій. Все оказалось, конечно, такимъ же вздоромъ, какъ и эпизодъ съ латышскимъ лирикомъ Гейнце, имѣвшій мѣсто именно здѣсь.

Другое «дѣло» оказалось еще нелѣпѣе: по доносу, составили-де 14 января въ С. волости народные учителя, числомъ до 100 человѣкъ, незаконное сборище и подъ предсѣдательствомъ доктора Л. говорили рѣчи предосудительнаго въ нравственномъ и общественномъ отношеніи характера. По провѣркѣ оказалось: сборище дѣйствительно было, только не въ С., а въ сосѣдней Н. волости, и сборище было не противузаконное, а разрѣшенное обыкновеннымъ полицейскимъ порядкомъ собраніе утвержденнаго правительствомъ мѣстнаго благотворительнаго общества, и собрались на собраніе не учителя, а члены общества—крестьяне и гости, человѣкъ всего 75; учителей же было изъ нихъ человѣкъ десять. Рѣчи, дѣйствительно, говорились, только вовсе не народными учителями и не о передѣлѣ земли или тому подобныхъ вопросахъ, считающихся предосудительными, а велись приличные крестьянскому благотворительному обществу разговоры о бѣдности и гигіенѣ въ крестьянскомъ быту, объ улучшеніи обработки земли и т. п. Зашла рѣчь и о томъ, что крестьяне дурно обращаются съ женами («предосудительныя въ нравственномъ отношеніи рѣчи о женскомъ вопросѣ»), но при этомъ двое учителей твердили, что мужъ, во всякомъ случаѣ, глава жены и бояться мужа ей полагается по писанію. Что

касается, наконецъ, главнаго виновника смуты, доктора, то оказалось, что ко времени мнимаго возмутительнаго сборища учителей онъ уже выѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ въ Ковенскую губернію.

Разсказанные эпизоды показываютъ, какъ сложны и какъ запутаны мѣстныя отношенія и сколько такта требуется для того, чтобы при проведеніи реформъ въ мѣстномъ краѣ, реформъ, продолженіе которыхъ настоятельно необходимо,—не пострадали дѣйствительно интересы основной массы населенія. Хорошо извѣстна старинная тактика мѣстныхъ господствующихъ кружковъ представлять все, что такъ или иначе затрогиваетъ узко-сословные интересы, «опаснымъ» съ точки зрѣнія политической: достаточно напомнить, напр., что Ю. Ѳ. Самарина систематически и не безъ успѣха, въ отомщеніе за разоблаченіе о мѣстномъ краѣ, изображали въ глазахъ правительства «краснымъ» и «демагогомъ» (см., напр., оправдательное письмо къ Александру II въ VII томѣ сочиненій Самарина). Даже консервативныя русскія газеты удостоиваются время отъ времени упрековъ со стороны части нѣмецкой печати въ томъ, что стремятся «къ демократическому нивеллированію», что, упоминая о крестьянскомъ безземельѣ, проповѣдуютъ соціализмъ, и т. п. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣстныя нѣмецкія газеты не церемонятся.

Младолатышская исторія съ учителями тотъ же испытанный пріемъ: дескать, смотрите, каковы эти учители, которыхъ вы изъяли изъ подъ нашего отеческаго надзора. Первый блинъ вышелъ комомъ, въ слѣдующій разъ дѣло постараемся обставить правдоподобнѣе. Къ сожалѣнію, уже теперь начинаютъ сказываться примѣры того подозрительнаго отношенія къ народной школѣ, которое создается всѣми подобными доносами. Въ августѣ, въ Ригѣ разрѣшено было г. попечителемъ учебнаго округа, Н. А. Лавровскимъ, городскимъ и народнымъ учителямъ собраться, чтобъ обсудить проектъ общества взаимнаго вспоможенія учителей и учительницъ. Собралось свыше ста человѣкъ, что, конечно, показываетъ только то, какъ назрѣла и сознана учителями необходимость общества. Вдругъ, совершенно неожиданно г. директоромъ народныхъ училищъ, явившимся лично, было приказано собравшимся—избрать для обсужденія проекта нѣсколько человѣкъ, а остальнымъ немедленно разойтись и разъѣхаться по домамъ.

Необходимо замѣтить, что въ настоящее время въ рижскомъ учебномъ округѣ на очереди проектъ о народной школѣ, вызвавшій не мало полемики въ мѣстной печати. Сущность его—окончательное устраненіе вѣроисповѣднаго характера школы (т.-е. зависимости отъ пастора и помѣщика) и узаконеніе преподаванія на русскомъ языкѣ съ перваго года посѣщенія школы. Если можно спорить о пользѣ второго пункта, то освобожденіе школы отъ патріархальнаго надзора должно быть признано значительнымъ шагомъ впередъ, вполнѣ отвѣчающимъ дѣйствительной нуждѣ коренного населенія края. Въ связи съ этимъ стоятъ, какъ мы слышали, проекты организаціи центральныхъ библіотекъ для сельскихъ учителей и учительскихъ съѣздовъ въ дополненіе къ уже устраиваемымъ лѣтнимъ педагогическимъ курсамъ. Чѣмъ шире будутъ поставлены и осуществлены эти проекты, тѣмъ болѣе, конечно, выиграетъ школьное дѣло.

В. Е. Чешихинъ.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

I.

Очень многіе изъ читающей публики смѣшиваютъ Владиміра Ивановича Немировича-Данченко съ братомъ его, Василіемъ Ивановичемъ, благодаря тожеству не только фамилій, но и иниціаловъ именъ и отчествъ того и другого. Между тѣмъ, оба эти писателя, не смотря на близкое родство, не имѣютъ между собой ничего общаго ни по характеру талантовъ, ни по тому, что называется нынѣ «художественнымъ темпераментомъ», ни по содержанію своихъ произведеній; каждый изъ нихъ идетъ своею дорогою, дѣлаетъ свое дѣло, и они являются величинами, до такой степени несоизмѣримыми, что ихъ трудно и сравнивать другъ съ другомъ.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко такъ давно уже подвизается на литературномъ поприщѣ и такъ много уже говорилось въ печати и о его литературной дѣятельности вообще, и въ частности о томъ или другомъ изъ его выдающихся произведеній, что каждый мало-мальски интересующійся нашей литературою имѣетъ о немъ весьма опредѣленное и ясное представленіе, и мы не надѣемся что-либо прибавить ко всему сказанному о немъ такого, что могло бы освѣтить его дѣятельность съ новыхъ сторонъ.

Совсѣмъ другое дѣло Влад. Ив. Немировичъ-Данченко. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, когда выступилъ онъ на литературное поприще, но знаемъ навѣрное, что выдвинулся и получилъ извѣстность въ литературѣ онъ не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, съ появленіемъ въ свѣтъ романа его «На литературныхъ хлѣбахъ» въ 1891 году. Затѣмъ, на сценахъ московской и петербургской не малый успѣхъ имѣла драма его «Новое дѣло». Но наибольшую плодовитость обнаружило творчество Вл. Ив. Немировича-Данченко лишь въ два послѣдніе года, 1895 и 1896, когда разомъ появились на страницахъ журналовъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ слѣдующія его произведенія: «Старый домъ (мертвая ткань)», «Губернская ревизія», «Мгла» и «Драма за сценой». Между тѣмъ до сихъ поръ почтенный авторъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ произведеній, читавшихся съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ, не былъ оцѣненъ критикою, и публика имѣетъ о немъ столь смутное понятіе, что, какъ мы сказали выше, очень часто смѣшиваетъ его съ его братомъ.

Вотъ это и побуждаетъ насъ посвятить Вл. Ив. Немировичу-Данченко особенную статью, съ цѣлью выяснить характеръ дѣятельности этого писателя и подвести итоги его произведеніямъ, хотя не многочисленнымъ пока, но, тѣмъ не менѣе, заслуживающимъ полнаго вниманія. Сдѣлать это мы считаемъ и тѣмъ легче, и тѣмъ въ то же время нужнѣе, что хотя Вл. Ив. Немировичъ-Данченко подвизается на литературномъ поприщѣ и весьма еще недавно, хотя число его произведеній и очень еще невелико, тѣмъ не менѣе, по какой-то счастливой случайности, онъ избѣгъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ начинающимъ писателямъ, въ видѣ неопредѣленности художественной физіономіи, подражательности, киданія въ разныя стороны вслѣдствіе исканія своего литературнаго конька и т. п. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко сразу, съ перваго же своего произведенія, опредѣлился, всталъ на свою самостоятельную почву и съ тѣхъ поръ по сейчасъ остается вѣренъ тому пути, который избралъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности. Что же такое представляетъ собою Вл. Ив. Немировичъ-Данченко?

Представляетъ же онъ собою нѣчто весьма симпатичное и заслуживающее полнаго уваженія, какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе непреклонной вѣрности разъ избранному пути, и пути, къ тому же, вполнѣ правильному и цѣлесообразному, такъ, съ другой стороны, вслѣдствіе трезваго сознанія своихъ творческихъ силъ и умѣнья употреблять ихъ съ пользою, не насилуя себя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не зарывая въ землю своего таланта.

Такъ, мы видимъ, что талантъ этотъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ первостепенныхъ, которымъ суждено бываетъ открывать новые пути въ литературѣ, создавать школы, провозглашать новыя слова. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, повидимому, отлично это сознаетъ, поэтому и не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ претензій лягушекъ, пыжащихся, во что бы то ни стало, раздуться въ воловъ: не найдете вы у него никакихъ реформаторскихъ попытокъ, которыя въ настоящее время влекутъ многихъ молодыхъ писателей, вовсе не призванныхъ къ новаторству, впадать въ несносное оригинальничанье, вычурность и доходить порою, въ тщеславной погонѣ за славою творцовъ невѣдомой имъ самимъ «новой красоты», до безумнаго психопатическаго бреда, такъ называемаго декадентства. Не задается онъ никакими широкими задачами, не стремится ни къ какимъ новымъ идеаламъ, не найдете вы въ его произведеніяхъ никакихъ новыхъ типовъ, широкихъ горизонтовъ и глубокихъ перспективъ. Герои его самые обыкновенные русскіе интеллигентные люди, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу, добрые малые, по большей части очень симпатичные, и, къ тому же, каждый изъ нихъ является одареннымъ какимъ-нибудь природнымъ влеченіемъ, талантикомъ. И вотъ, безъ всякихъ затѣй, авторъ разсказываетъ, какія испытываютъ эти геройчики въ своей жизни треволненія,

драмы, подчасъ и трагедіи. Но при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ одною только психофизіологіею любовныхъ влеченій и вопросомъ о счастливыхъ и несчастныхъ бракахъ, чѣмъ ограничиваются нынѣ весьма многіе беллетристы и особенно беллетристки. Въ каждомъ произведеніи Вл. Ив. Немировича-Данченко всплываетъ передъ нами роковой вопросъ о самомъ *дѣлѣ жизни* героя, о нравственной состоятельностя его въ томъ общественномъ призваніи, къ которому чувствуетъ онъ неудержимую наклонность. На каждомъ шагу натыкаемся мы здѣсь на такія болѣзни воли и душевныя язвы, какія свойственны, если не большинству нашей современной интеллигенціи, то, во всякомъ случаѣ, весьма многимъ ея представителямъ, являются своего рода умственными эпидеміями, если и не грозящими гибелью поголовно всей русской интеллигенціи, тѣмъ не менѣе, влекущими за собою немалое число неоправданныхъ надеждъ, горькихъ разочарованій, тяжкихъ жертвъ и разбитыхъ существованій. Это раскрытіе современныхъ умственныхъ эпидемій составляетъ главный интересъ произведеній Вл. Ив. Немировича-Данченко и дѣлаетъ чтеніе ихъ тѣмъ болѣе поучительнымъ, что каждое изъ нихъ обнаруживаетъ передъ вами внутреннюю махинацію такихъ явленій современной жизни, которыя на каждомъ шагу нынѣ приводятъ въ недоумѣніе самыхъ опытныхъ наблюдателей, не понимающихъ, какъ послѣ того, что мы пережили въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, мыслимы такіе нелѣпые атавизмы давнопрошедшихъ заблужденій, такая поразительная слѣпота передъ всѣмъ тѣмъ, что вчера еще казалось яснѣе дня, такія затрудненія передъ вопросами, давно уже, повидимому, рѣшенными, что порою положительно овладѣваетъ ужасъ, такъ какъ вамъ кажется, какъ будто внезапный мракъ ослѣпилъ очи всѣхъ вашихъ современниковъ, и они мечутся, сталкиваясь другъ съ другомъ и не зная, куда имъ идти, направо-ли, налѣво, впередъ или назадъ.

II.

Такъ, въ первомъ же романѣ Вл. Ив. Немировича-Данченко «На литературныхъ хлѣбахъ» знакомитесь вы съ весьма важнымъ и печальнымъ явленіемъ, наблюдающимся на каждомъ шагу въ нашей современной литературѣ. Вы видите, что въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ появляются на литературное поприще массы новыхъ именъ молодыхъ беллетристовъ и поэтовъ. Многіе изъ нихъ первыми своими опытами обѣщаютъ нѣчто весьма недюжинное и поневолѣ заставляютъ и критиковъ, и читателей ожидать отъ нихъ будущихъ корифеевъ отечественной литературы. Но во всѣхъ этихъ новыхъ и свѣжихъ силахъ, идущихъ на смѣну старому поколѣнію, замѣчается единственная особенность, рѣзко отличающая ихъ отъ всѣхъ писателей прежнихъ эпохъ, начиная хотя бы съ Кантемира. Писатели всѣхъ прежнихъ вѣковъ, когда выступали на литературное поприще, обыкновенно

стояли вполнѣ въ уровнѣ современной имъ образованности, иногда даже и превышали по своимъ знаніямъ и умственному развитію писателей старшихъ. Такъ, Тургеневъ, когда былъ еще не болѣе, какъ начинающій стихотворецъ, подъ покровительствомъ Бѣлинскаго, помогалъ послѣднему въ усвоеніи Гегеля и разъяснялъ ему различныя философскія положенія; Чернышевскій нисколько не чуждался учиться чему-либо у Дружинина, такъ какъ зналъ и понималъ многое въ значительной степени больше его; въ свою очередь, Добролюбовъ, ни по образованію, ни по познанію, ни мало не уступалъ Чернышевскому, а кое въ чемъ и превосходилъ его.

Нынѣшнія же молодыя и свѣжія силы являются на литературное поприще сплошь и рядомъ въ умственномъ отношеніи положительно въ такомъ натуральномъ видѣ, въ какомъ родила ихъ мать: по части философіи, міросозерцанія они пребываютъ на степени дѣтскаго мистицизма, а по части знаній навѣрное не въ состояніи отвѣтить вамъ, на чемъ собака носитъ хвостъ, и при этомъ для нихъ не существуетъ никакихъ литературныхъ традицій. По исторіи русской литературы они только и знаютъ, что *послѣ* (непремѣнно *послѣ*) Пушкина былъ Гоголь, а послѣ Гоголя Тургеневъ и Гончаровъ, а затѣмъ вся русская литература погибла въ безднахъ нигилизма, дошедшаго до отрицанія красоты, а вмѣстѣ съ нею и завѣдывающаго ею искусства. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, до оперенія на литературномъ поприщѣ сохраняютъ кое-какое, чисто платоническое уваженіе къ тѣмъ идеямъ гуманности, честности и правды, о существованіи которыхъ они слышали отъ своихъ отцовъ. Но стоитъ такому юному птенцу стать твердою ногою на литературной аренѣ и распустить немножко крылья, сейчасъ же онъ спѣшитъ громогласно заявить, что старые идеалы отцовъ, всѣ эти гуманности, честности, правды отжили свой вѣкъ и никуда не годятся; они же, юные птенцы, въ качествѣ новыхъ силъ, намѣрены провозгласить новые идеалы. Начинается гордое исканіе этихъ новыхъ идеаловъ, новой красоты; и вотъ мы видимъ, что послѣ первыхъ, хотя и не Богъ вѣсть какихъ высокихъ, но, во всякомъ случаѣ, много обѣщающихъ начинаній, молодыя силы разражаются рядомъ невыразимо-нелѣпыхъ продолженій, а подъ шумокъ какой-нибудь безобразной трескотни, глядишь, обнаженный невинный младенецъ превращается въ одѣтаго по послѣдней модѣ литературнаго прохвоста, не на однихъ только словахъ, но и въ самой практикѣ своей жизни беззастѣнчиво отрицающій всѣ идеалы отцовъ: и гуманность, и честность, и правду.

Превращеніе это мы можемъ отлично прослѣдить на героѣ романа «На литературныхъ хлѣбахъ», Алмазовѣ. Передъ нами неоперившійся еще юноша, ищущій какихъ бы то ни было занятій, ради куска хлѣба. Онъ готовъ былъ бы приняться за что угодно, поступить въ любую канцелярію или контору, и это было бы, конечно, самое лучшее для него въ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, добросовѣстности; и вдругъ, совер-

шенно случайно, онъ сдѣлался литераторомъ. Пришелъ въ редакцію нѣкоей мелкой газетки и попросилъ работы. Онъ, конечно, довольствовался и корректурою, и перепискою, больше ни о чемъ и не мечталъ, а въ газеткѣ, недавно еще возникшей, составъ редакціи только-что складывался, и не доставало репортера по части различныхъ ученыхъ засѣданій. Алмазову и предложили попытаться составить коротенькій отчетъ предстоящаго засѣданія «физико-медицинскаго общества». Смутно понявши изъ пятаго въ десятое, что говорилось на засѣданіи, тѣмъ не менѣе, отчетъ юноша составилъ. Напечатали, поручили другой, третій, и Алмазовъ очутился въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ листка. Черезъ полгода, правда, ему надоѣло печатать отчеты объ ученыхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ онъ ни бельмеса не смыслилъ; онъ понялъ, что эти небольшіе столбики замѣтокъ, напечатанныхъ петитомъ, имѣютъ только одного усерднаго читателя—его самого. Врядъ-ли даже спеціалисты заглядывали въ нихъ. А редакторъ относился къ нимъ, какъ къ неизбѣжному балласту, и интересовался только числомъ строкъ—«покороче!». Поэтому, Алмазовъ съ увлеченіемъ взялся за судебные отчеты, когда ему случайно предложили этотъ отдѣлъ. Скоро онъ привязался къ газетѣ, гдѣ появилась первая его печатная строка, а черезъ два года былъ уже тамъ своимъ человѣкомъ, пописывалъ и отдѣльныя замѣтки, сотрудничалъ и съ фельетонистомъ «общественной жизни». «Хорошая башка!»—говорили о немъ въ редакціи. Редакторъ-издатель, въ свою очередь, подмѣтилъ въ немъ «темпераментъ» и «бойкое перо». Начинающій журналистъ писалъ содержательно, горячо и компактно. Въ его изложеніи проскальзывали счастливыя параллели, оживляющія, остроумныя фразочки. И вотъ ему поручили новую рубрику въ газетѣ «Обо всемъ». Онъ получилъ теперь возможность зарабатывать въ мѣсяцъ до 200 рублей и жить съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Но, и сдѣлавшись такимъ образомъ цеховымъ, если можно такъ выразиться, литераторомъ, Алмазовъ все-таки продолжалъ недоумѣвать, какъ это такъ вдругъ случилось, и молодая совѣсть его не разъ возставала противъ этого. «Однако,—размышлялъ онъ:—что же онъ самъ изъ себя представляетъ? Литераторъ? Почему же литераторъ? Только потому, что онъ грамотенъ? Какія такія достоинства проявилъ онъ, чтобы имѣть право на такое привиллегированное занятіе? Что его привело къ литературѣ? Призваніе? Нѣтъ? Просто нужда. Это занятіе манило его потому, что здѣсь не надо владѣть пилой и станкомъ, сапожной иглой, ножницами портного, не надо знать механизма часовъ и пр., и пр. Простые и наивные люди говорятъ ему: «Вы писатель, лицо почтенное; это тоже какъ кому отъ Бога». Точно, отъ Бога-ли? Не отъ наглости-ли? Не отъ того-ли, что литература стала ремесломъ?»

Мы можемъ прибавить ко всѣмъ этимъ размышленіямъ, что Алмазову и потому также очень легко оказалось сдѣлаться литераторомъ, что и въ столицахъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ создалась до-

вольно обширная мелкая пресса уличныхъ листковъ, и вслѣдствіе этого на литературномъ рынкѣ получился большой запросъ на литературныя руки. Но какіе же писатели, обладающіе большими талантами, обширными знаніями, опытностью въ своемъ дѣлѣ могли пойти вдругъ въ мелкую прессу? Понятно, что послѣдней пришлось вербовать сотрудниковъ среди стучащихся въ двери редакцій недоучившихся юнцовъ, не брезгуя никакими Алмазовыми, довольствуясь тѣмъ, что юнецъ былъ хоть сколько-нибудь грамотенъ, знаетъ, въ какихъ словахъ пишется буква *ъ*, и умѣетъ правильно разставлять знаки препинанія. Ну, а если у него, какъ у Алмазова, къ тому же, оказывалось бойкое перо и «темпераментъ», то понятно, что подобному счастливцу опредѣлялось первое мѣсто въ редакціи, деньги горстями сыпались въ его карманъ, и онъ мигомъ дѣлался корифеемъ кафе-шантановъ и монплезировъ.

Какъ бы то ни было, но разъ у молодого человѣка проснулась совѣсть, и онъ смутно почувствовалъ всю эфемерность его литературнаго шарлатанскаго ремесленничества, то что же мѣшало ему теперь, когда онъ былъ болѣе чѣмъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и потребностяхъ, усердно приняться за свое образованіе и подготовленіе къ болѣе солидной и почтенной литературной дѣятельности? У него было достаточно для этого и свободнаго времени, и денегъ для покупки книгъ. Но одно было величайшее несчастіе въ его жизни: онъ былъ страшно одинокъ, не прикасался ни къ какому кружку людей мыслящихъ, читающихъ и заботящихся о своемъ самообразованіи; хоть бы случайно встрѣтился онъ съ одною какою-нибудь свѣтлою личностью, которая подчинила бы его своему благотворному вліянію, внушила бы ему, что надо учиться, читать и указала бы, что именно читать. Ничего этого не было, а самъ, своими силами, при своемъ темномъ невѣжествѣ, Алмазовъ ни до чего не въ состояніи былъ додуматься, какъ лишь до такой шальной мысли, что для того, чтобы возвыситься въ литературныхъ сферахъ и выбиться изъ ничтожества ремесленника мелкой прессы, необходимо написать хорошую повѣсть, и онъ началъ всѣ свои свободныя минуты посвящать писанію задуманной повѣсти.

Но какую же хорошую, вліятельную повѣсть могъ написать юноша, который лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы въ ежедневномъ изданіи пріучился разбирать либеральныя тенденціи отъ консервативныхъ, да и то, конечно, очень смутно.

«Каждый разъ,—читаемъ мы,—когда онъ задумывался, къ какому лагерю ему слѣдуетъ примкнуть,—ему становилось скучно. Однако, долженъ же онъ провести какую-нибудь въ своей повѣсти общественную идею. Иначе она будетъ представлять очень узкій интересъ. Какая же идея вытекаетъ изъ его сюжета? Къ чему клонятся симпатіи автора? Это надо знать заранѣе, чтобы въ произведеніи было больше цѣльности. И названіе повѣсти должно соотвѣтствовать идеѣ.

«Алмазовъ старается угадать самого себя, ищетъ, вспоминаетъ, что въ жизни больше всего возбуждаетъ его сочувствіе. Онъ плохо разбирается въ своей душѣ,

мучается сознаніемъ, что его идеалы туманны, а можетъ быть, ихъ и совсѣмъ нѣтъ.

«Онъ продолжаетъ писать повѣсть и, незамѣтно для самого себя, всѣ свои симпатіи отдаетъ тому, кто трудится много и серьезно. Иногда онъ невольно впадаетъ въ сентиментальность. Въ другіе часы работы, когда его мысль отличается большей упругостью, онъ ловитъ свою ошибку, замѣчаетъ въ повѣсти слезливую нотку, удаляетъ ее, но труженикъ всетаки остается самымъ симпатичнымъ лицомъ.

«Авторъ, наконецъ, нашелъ себя. Тяжелый трудъ, скромность жизненныхъ задачъ, семья—вотъ они идеалы.

«Въ первое время Алмазовъ радовался. На душѣ стало яснѣе. Что-то опредѣленное, простое и прекрасное ворвалось въ его повѣсть. Пусть все это будетъ старо, какъ время,—рѣшилъ онъ:—это хорошо, и баста!»

III.

Но, какъ ни смутны были идеалы автора, природный талантъ всетаки на первыхъ порахъ выручилъ, повѣсть оказалась удобочитаемою и была принята въ одномъ изъ московскихъ толстыхъ журналовъ, гдѣ и началась печататься въ іюльской книжкѣ. Алмазовъ самъ держалъ корректуру и для этого нѣсколько разъ заходилъ въ редакцію журнала, но здѣсь его охватила такая солидно-литературная атмосфера, что онъ сразу почувствовалъ все свое ничтожество:

«Онъ,—читаемъ мы,—боялся собственныхъ словъ, чтобы не сказать чего-нибудь банальнаго, боялся сдѣлать движеніе, чтобы не показаться слишкомъ забитымъ или слишкомъ фамильярнымъ. Онъ выходилъ изъ редакціи всегда немножко приниженнымъ, ему казалось, что его повѣсть печатаютъ такъ себѣ, точно изъ милости, но никто не вѣритъ въ его дарованіе. Онъ старался припомнить все, что слышалъ, и поражался, до какой степени всѣ эти господа недосягаемо выше его.

«Тамъ литературный критикъ или хроникеръ общественной жизни пошвыривали именами знаменитыхъ философовъ, какъ Алмазовъ шутками въ своихъ фельетонахъ. Политическій обозрѣватель чуть-ли не наизусть зналъ всѣ международные трактаты. Даже переводчица—маленькая, хорошенькая женщина—была, повидимому, болѣе свѣдуща, чѣмъ Алмазовъ. Всѣ они составляли изъ себя сплоченный кружокъ и производили на начинающаго беллетриста подавляющее впечатлѣніе. Въ ихъ частныхъ бесѣдахъ произносились имена, извѣстныя всей читающей публикѣ; этихъ признанныхъ уже талантовъ можно было встрѣтить не сегодня-завтра съ рукописью въ той же редакціи. Секретарь—молодой человѣкъ съ рыжеватой бородкой—и тотъ приводилъ Алмазова въ смущеніе такимъ дѣловымъ видомъ, какъ будто онъ каждую минуту подписывалъ министерскіе циркуляры чрезвычайной важности»...

Такимъ образомъ одно соприкосновеніе Алмазова съ людьми, имѣющими солидное образованіе и не менѣе солидный литературный цензъ, отрезвило его и заставило почувствовать, какъ многаго недоставало ему, чтобы встать въ одинъ уровень съ ними литераторомъ, достойнымъ этого имени. Особенную въ этомъ отношеніи пользу оказалъ ему старый литературный ветеранъ, беллетристъ-народникъ шестидесятыхъ годовъ Тростниковъ, съ которымъ онъ ближе сошелся, чѣмъ съ другими, и тотъ, какъ ледяной водой, окатилъ его съ ногъ до головы, со своею обычною рѣзкостью высказавши свое мнѣніе о литературныхъ птенцахъ въ родѣ Алмазова.

— Мы,—говорилъ онъ,—въ ваши годы не размышляли о тенденціозности: худо-

жественна она или нѣтъ. Насъ захватывала сама жизнь, а не искусство. Наболитъ на душѣ—брались за перо. Образы сами собой являлись. И увлекались мы, и поднимали массу. Живите больше, интересуйтесь всѣмъ. Если вы честный человѣкъ—сюжеты явятся. Если же всѣ ваши желанія сводятся къ тому, чтобы имѣть своихъ лошадей да коляску на шопотѣ—такъ вы лучше бросьте литературу. Въ этакомъ случаѣ, кромѣ подлости, ничего не напишете.

— Я все-таки не совсѣмъ понимаю. Какъ же не любить въ литературѣ искусство?

— Ну, вотъ! Я такъ и зналъ, такъ и чувствовалъ. Вся нынѣшняя молодежь такова. Возьмутъ какого-нибудь пошляка, мразь... его бы повѣсить на первой осинѣ, а вы его облюбуете и пишете психологическій романъ. Свѣтскій молодой человѣкъ полюбилъ свѣтскую молодую дѣвушку... Нѣтъ, не дѣвушку. Дѣвушками современные писатели уже не интересуются. Женщину, непремѣнно женщину. У нея есть мужъ, тоже какая-нибудь скотина съ пошляческими стремленіями. Вотъ и романъ. Свѣтскій молодой человѣкъ носитъ брилліантовыя запонки и острыя ботинки, а мужъ причесывается съ проборомъ на боку, и у него на правой щекѣ бородавка. Поэтому свѣтская дама влюбляется въ молодого человѣка. Адюльтеръ, cabinet particulier и потомъ квартирка, гдѣ они тайно сходятся. Потомъ разрывъ. Боже, какъ она страдаетъ! Романъ на двадцати листахъ—и читатель кушаетъ. Онъ, несчастный, все кушаетъ. У него ужъ катарръ желудка отъ вашей пищи, но онъ кушаетъ, и что же ему дѣлать! Не умирать же съ голода. Никогда не пойму, Алмазовъ, до смерти не пойму—какъ не скучно бумагу марать изъ-за такого вздора? Сколько силъ тратится! Тоже, вѣдь небось, волнуетесь. Свиданіе въ тайной квартиркѣ—какая прелесть! Надо пережить, нельзя же такъ писать, съ бухты-барахты. Надо все разсказать: какъ комната убрана, какое одѣяло на постели, какіе апельсины, гдѣ куплены, почемъ, какое шампанское пьютъ любовники, сухое или ан... чортъ знаетъ что! Потѣете надъ описаніемъ всякаго вздора и увѣряете, что это искусство въ литературѣ.

— Я этого вовсе не защищаю.

— Нѣтъ, защищаете. Вѣдь я просматривалъ вашу повѣсть. Я читаю всякаго молодого автора... сначала, потомъ бросаю. Развѣ у васъ не то же самое? Какого чорта нужно читателю знать, какъ одинъ дуракъ полюбилъ одну дуру и что изъ этого вышло?

Алмазовъ покраснѣлъ до корня волосъ.

— Я не знаю, что у васъ тамъ дальше будетъ, но впередъ скажу, что ничего оригинальнаго, ничего захватывающаго, ничего чисто-русскаго.

— Да я и не собирался...

— То-то и скверно, что не собирались,—перебилъ его Тростниковъ:—не стоило даромъ времени терять. Лучше бы пилили да строгали, получше было бы.

Алмазовъ былъ подавленъ. Въ груди такъ стѣснило, что не хотѣлось слушать дальше.

— Вѣдь что досадно, Алмазовъ. Есть у васъ это, что-то!.. Фигурки живыя. Дуракъ—такъ онъ дуракомъ и описанъ. И дуру жалко. Да все это выстрѣлы по воробьямъ изъ пушки. Охота вамъ, право! А рубликовъ четыреста схватите—вотъ оно и заманчиво.

— Неужели вы думаете, что я изъ-за денегъ писалъ?

— Не писали, а съ этихъ поръ будете писать. Глядите—наши критики похвалятъ васъ. Еще одна такая повѣстушка—у васъ имя. У насъ это теперь скоро дѣлается. Сейчасъ вамъ цѣна 100 р. съ листа. Пойдутъ предложенія отъ маленькихъ журналовъ. Жена будетъ радоваться и вдвое больше любить васъ, а вы будете стараться! Но вѣрьте: пройдетъ двадцать лѣтъ, и отъ вашего имени буквы не останется. Умрете, положатъ вамъ на гробъ десять вѣнковъ и на другой же день забудутъ...

Эти и подобныя имъ рѣчи Трапезникова произвели потрясающее впечатлѣніе на Алмазова. Онъ весь проникся сознаніемъ недостатка своего образованія и умственнаго ничтожества. Но въ то же время онъ съ сокрушеніемъ сознался самому себѣ, что объ образованіи думать уже поздно, а остается разсчитывать на наблюдательность и талантливость изложенія. «Надо трудиться, трудиться и трудиться. Надо записывать все, что удастся подмѣтить въ человѣкѣ или въ общественной жизни, вдумываться, вникать во все окружающее. Надо изощрять свое перо, практиковаться на мелочахъ, писать и писать, хотя бы безъ разсчета печатать...» Вообще для Алмазова насталъ героическій періодъ его жизни. Подъемъ духа его отразился и на его фельетонахъ «Обо всемъ»: онъ началъ наполнять ихъ серьезными статьями по общественнымъ вопросамъ, въ родѣ о кустарной промышленности, о крестьянскомъ безземеліи, о воспитательномъ значеніи прессы и т. п., и этотъ благородный порывъ, при всей своей невинности, не замедлилъ украсить голову нашего героя своего рода маленькимъ терновымъ вѣнкомъ. Издатель газеты, въ которой онъ сотрудничалъ, какъ разъ въ это время глубоко сокрушался о томъ, что соперничающій съ нимъ другой органъ мелкой прессы, «Ежедневная Газета» достигъ 20.000 экземпляровъ розничной продажи въ сутки, благодаря легкомысленно наглому сплетничеству и хлесткости своихъ статей, и онъ возъимѣлъ намѣреніе, чтобы сравняться съ соперникомъ, придать и своей газетѣ такой же балаганный характеръ, изгнавъ изъ нея всякую серьезность. «Было время,—говорилъ онъ,—когда можно было разсуждать о воспитательномъ значеніи печатнаго слова, задаваться широкими задачами, развивать вкусы, отвѣчать на благородныя потребности человѣческой души. Теперь другое время, и надо или подчиниться ему, или остаться за флагомъ, сойти съ дороги. Довольно я бился. Будетъ! Пора и мнѣ за умъ взяться!»

И вотъ какъ разъ Алмазовъ подъѣхалъ съ своими серьезными статьями о важныхъ предметахъ, написанными подъ вліяніемъ знакомства съ Тростниковымъ. Издатель началъ сокращать, а то и совсѣмъ браковать его фельетоны; начались серьезныя объясненія, и кончилось дѣло тѣмъ, что Алмазовъ принужденъ былъ разорвать съ изданіемъ, рѣшившимся идти по стопамъ «Ежедневной Газеты». Онъ разомъ, конечно, очутился голъ, какъ соколъ; никакихъ сбереженій про черный день у него не было; пришлось закладывать вещи и прибѣгать къ займамъ у ростовщиковъ за жидовскіе проценты. Но въ своемъ героически-воинственномъ азартѣ Алмазовъ не унывалъ: онъ горячо принялся за новую повѣсть, вознамѣрившись сдѣлать ее несравненно серьезнѣе и содержательнѣе первой. Но тутъ вполнѣ сказались всѣ прискорбныя послѣдствія его необразованности. Какъ всѣ подобные ему новички, лишенные правильной, систематической подготовки, вмѣсто того, чтобы начать съ азовъ философіи, онъ сразу окунулся въ модную въ то

время, благодаря пессимистическому настроенію общества, шопенгауеровскую философію; пытался даже вникнуть въ «волю» Шопенгауера. Результатомъ, читаемъ мы, глубокихъ размышленій явилось рѣзкое, отрицательное направленіе: всякая человѣческая истина условна, какъ и всякая ложь. Полился на бумагу рядъ тирадъ, которыя должны были служить монологами дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Женщина, въ новомъ умозрѣніи Алмазова, потеряла всякое обаяніе. По рецепту Шопенгауера онъ довелъ ее до ничтожнѣйшаго созданія природы. Изъ всѣхъ религій симпатіи Алмазова обратились къ буддизму. Героемъ повѣсти долженъ былъ явиться «новый человѣкъ», человѣкъ натуры, поставленный въ необходимость разрѣшить самые философскіе вопросы. Результатомъ подобнаго философскаго построенія была такая мудреная повѣсть, что когда Алмазовъ снесъ ее въ редакцію того журнала, гдѣ было помѣщено первое его произведеніе, редакторъ возвратилъ автору новое твореніе его, откровенно признавшись, что онъ не понялъ его повѣсти.

— Плоти нѣтъ въ лицахъ,—говорилъ редакторъ,—нервовъ, пульсъ не бьется во всемъ разсказѣ, а потому мертво и скучно; вымучено какъ-то. Да и вообще, причемъ тутъ Шопенгауеръ или какая бы то ни было философія. У васъ есть проблески таланта, но образованіе ваше должно быть очень ограничено. Будьте проще, искреннѣе, какъ вы были въ вашемъ первомъ разсказѣ. Не бойтесь субъективности, отдавайтесь вашему чувству. Помоему лучше банально да просто, искренно и жизненно, чѣмъ оригинально да туманно и сочиненно. Вы рекомендуете героя, какъ страстную натуру, а у него и вовсе нѣтъ натуры. Такъ, фикція какая-то. И убійства эти какъ-то сами по себѣ, а онъ самъ по себѣ, и т. п.

Послѣ этого фіаско очень плохо пришлось Алмазову; оставалось помирать съ голоду или вѣшаться; и этимъ могло бы и кончиться, если бы надъ Алмазовымъ не бдѣлъ ангелъ-хранитель въ видѣ его сожительницы, Елены Павловны Кравцовой. Нужно замѣтить при этомъ, что у Вл. Ив. Немировича-Данченко есть особенная манера, не лишенная весьма тонкой иронін, изображать женщинъ какъ нельзя болѣе симпатичныхъ, созданныхъ какъ бы спеціально для того, чтобы устраивать избраннику своего сердца самое безоблачное счастіе, а тѣмъ не менѣе именно эта-то спеціальность ихъ и приводитъ героя къ весьма плачевнымъ результатамъ въ нравственномъ отношеніи. Такою именно является Елена Павловна Кравцова, съ которою Алмазовъ случайно познакомился, живя съ нею въ однѣхъ и тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ. Это была молодая женщина однихъ лѣтъ съ Алмазовымъ, т-е. 25-ти, 26-ти, разведенная жена аферпста, который занимался то рыбнымъ промысломъ на Волгѣ, то экспортомъ хлѣба за границу, то открывалъ заводъ, нѣсколько разъ богатѣлъ, столько же разъ въ пухъ и прахъ раззорялся, измѣнялъ женѣ на каждомъ шагу. Жизнь ея съ нимъ была

безпокойная, приходилось часто переѣзжать изъ одного города въ другой, оставаться одной, заводить безпрестанно новый кругъ знакомыхъ, переживать то довольство, то нужду и внезапную распродажу имущества. Въ концѣ концовъ, она выждала удобное время, когда мужъ былъ при деньгахъ и влюбился въ какую-то дѣвушку, и развелась съ нимъ; онъ ее за это обезпечилъ и вновь женился. Когда сошлась съ Алмазовымъ, она служила кассиршей съ залогомъ въ большомъ магазинѣ торваго дома Берже и К°, получала 75 р. въ мѣсяцъ и имѣла своихъ денегъ тысячъ шесть. Она любила комфортъ, не прочь была повеселиться въ свободную минуту, но была женщиной очень скромнаго поведенія, у нея была «своя женская гордость», какъ она выражалась, хотя изрѣдка находили на нее минуты слабости, когда случалось ей исподтишка немножко пошалить. Такъ у нея съ самимъ хозяиномъ Берже было нѣчто мимолетное, но она поступить къ нему въ любовницы не захотѣла, а тотчасъ же прекратила всякую близость съ нимъ и нарочно подружилась съ его женою, чтобы держать его въ отдаленіи отъ всякихъ соблазновъ. И съ Алмазовымъ, въ свою очередь, сближеніе имѣло сначала характеръ также мимолетной шалости, послѣ которой она готова была прекратить съ нимъ всякія сношенія и самое знакомство, но скоропостижная смерть знакомой ея престарѣлой и одинокой полковницы, жившей въ тѣхъ же номерахъ, иначе повернула все дѣло: ей сдѣлалось, страшно передъ перспективою такой же одинокой смерти въ меблированныхъ комнатахъ, и она согласилась сойтись съ Алмазовымъ въ качествѣ гражданской жены, склонившись передъ его увѣреніями въ вѣрности ей до гроба. Это не было, такимъ образомъ, съ ея стороны страстнымъ увлеченіемъ молоденькой дѣвушки или вдовы съ пылкимъ темпераментомъ, а жажда покоя и счастія въ мирной семейной пристани. Сначала все шло у нихъ прекрасно. Елена Павловна въ качествѣ жены оказалась на высотѣ своего призванія. Она окружила своего Витю самыми заботливыми попеченіями, была съ нимъ всегда одинаково ласкова, придупредительна, нѣжна. Но въ концѣ-концовъ оказалось, что въ тысячу разъ было бы спасительнѣе для Алмазова, еслибы она была одною изъ тѣхъ нервныхъ, раздражительныхъ, требовательныхъ Ксантиппъ, которыя способны устраивать въ домѣ невыносимый адъ. Въ такомъ случаѣ, дѣло кончилось бы разрывомъ во-время, и, освободившись отъ семейной обузы, Алмазовъ могъ бы, подъ вліяніемъ Тростникова, выйти на какой-нибудь благой путь. Елена же Павловна, вся ушедшая въ устройство комфортабельнаго семейнаго блаженства, никакъ не въ состояніи была ни постичь, ни одобрить героическаго настроенія своего благовѣрнаго. Очень понятно, что въ виновникѣ этого настроенія, Тростниковѣ, она сразу угадала своего врага и отнеслась къ нему съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ къ огорченію своего супруга. Не могла въ то же время постичь она и предпочтенія со стороны своего милаго Вити идеальной нищеты тому слад-

кому комфорту, въ которомъ она видѣла всю прелесть земного существованія.

Но хуже всего то, что когда дѣла Алмазова послѣ отказа отъ сотрудничества въ газетѣ и фіаско съ повѣстью пошатнулись, Елена Павловна отнеслась къ нему не съ упреками и порицаніями, а энергично начала устраивать эти дѣла: оказала готовность подѣлиться частью своего капитала, чтобы освободить его отъ долговъ, и устроила ему выгодное дѣло у Берже, который затѣялъ издавать ежегодно литературный календарь, наполненный статьями лучшихъ писателей самаго разнообразнаго содержанія; главная же цѣль календаря заключалась въ рекламахъ фирмы; однимъ словомъ, предполагалось нѣчто въ родѣ пресловутаго «Колокола» Абрикосова, и Берже предложилъ Алмазову черезъ Елену Павловну взять на себя устройство этой затѣи на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Алмазовъ, продолжая находиться все въ томъ же воинственномъ настроеніи, съ негодованіемъ отвергъ предложеніе Берже, тѣмъ болѣе, что подозрѣвалъ прежнія отношенія его къ Еленѣ Павловнѣ и ревновалъ ее къ нему. Онъ поднялъ даже вопросъ о томъ, что имъ только и остается разойтись, такъ какъ они совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. По поводу этого произошла бурная сцена, въ концѣ которой они порѣшили завтра же разстаться. Но, какъ подумалъ Алмазовъ о всей сиротливости своего прежняго холостецкаго житья въ меблированныхъ комнатахъ, о предстоящей борьбѣ съ безъисходною нуждою, а тутъ, какъ нарочно, Елена Павловна, собираясь ложиться спать, разстегнула лифъ и закинула руки, чтобы распустить волосы, и онъ смотрѣлъ на красный корсетъ и кружева сорочки, лежащія на груди, и сразу отъ всего его героизма не осталось и слѣда: послѣдовало примиреніе съ Еленой Павловной, и онъ пошелъ къ Берже составлять для него литературный календарь, занявъ въ то же время у Елены Павловны тысячу рублей на покрытіе своихъ долговъ.

Мнѣ жаль, что Вл. Ив. Немировичъ-Данченко скомкалъ конецъ романа и остановился на преддверіи нравственнаго паденія своего героя. Правда, одно это согласіе на составленіе рекламнаго календаря для двусмысленнаго патрона благовѣрной говоритъ вамъ уже многое и въ достаточной мѣрѣ коробитъ васъ. Но герой все-таки могъ оправдаться передъ вами тѣмъ, что не кладетъ же онъ всю душу въ эту лавочническую аферу, что онъ смотритъ на нее лишь, какъ на средство обезпеченія, которое дастъ ему возможность имѣть досугъ для развитія своего таланта и т. п. Но вѣдь предпріятіе Берже было слишкомъ эфемерно, чтобы долгое время прокормить героя; намъ извѣстно, какъ быстро и плачевно кончился «Колоколъ» Абрикосова. Ну, а что же должно было послѣдовать за тѣмъ? Могло дойти дѣло и до сотрудничества въ «Ежедневной Газетѣ», на которую Алмазовъ смотрѣлъ во все время своего героизма съ такимъ отвращеніемъ и негодованіемъ... Ахъ, сколь многіе Алмазовы кончаютъ такимъ образомъ!

И такъ, вотъ передъ нами наглядная картина крушенія и обращенія въ жалкое ничтожество столь многихъ многообѣщавшихъ талантовъ. Невѣжествомъ объясняется все въ жизни этихъ несчастныхъ пустоцвѣтовъ: и отсутствіе въ ихъ дѣятельности всякихъ литературныхъ традицій, и ихъ литературное одиночество, обусловливающее, въ свою очередь, отсутствіе въ ихъ дѣятельности школы, такъ какъ сознаніе своей умственной убогости отпугиваетъ ихъ отъ образованныхъ и солидныхъ писателей, которые могли бы принести имъ пользу своимъ вліяніемъ на развитіе ихъ талантовъ. Изъ того же невѣжества проистекаетъ и полное отсутствіе въ нихъ нравственной брезгливости, дозволяющее имъ печататься въ какомъ угодно дрянномъ и грязномъ уличномъ листкѣ; тѣмъ же невѣжествомъ объясняется и падкость ихъ на каждое новое вѣяніе, какими міазмами ни было бы проникнуто это вѣяніе, будь это скабрезность французскаго натурализма или психопатія декадентства. Наконецъ, чѣмъ же, какъ не тѣмъ же невѣжествомъ можно объяснить то беззастѣнчиво наглое оплеваніе всего нашего лучшаго литературнаго прошлаго, до котораго доходятъ въ концѣ концовъ всѣ наши Алмазовы, когда, послѣ періода героическаго поклоненія этому прошлому и горячаго стремленія дѣйствовать въ его духѣ, они убѣждаются, наконецъ, въ безсиліи своемъ слѣдовать по стопамъ отцовъ и дѣдовъ, и находятъ, что гораздо и выгоднѣе, и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе разорвать со всѣмъ прошлымъ послѣднія связующія нити и заявить во всеуслышаніе сіяющаго самодовольства, что только съ ихъ декадентскаго пустомыслія и нравственной нечистоплотности начинается настоящая русская исторія.

Читатель, пожалуй, спроситъ меня: все толкую я о невѣжествѣ да о невѣжествѣ. Но откуда же нахлынула въ нашу литературу такая масса невѣжества? Все идетъ къ лучшему въ нашемъ лучшемъ мірѣ, прогрессъ процвѣтаетъ, искусство, науки, промышленность дѣлаютъ гигантскіе шаги; откуда же въ нашей литературѣ явилась вдругъ такая масса невѣжественныхъ начинателей, которые грозятъ заполонить нашу бѣдную отечественную литературу и обратить ее въ жалкое ничтожество послѣ того, когда сойдутъ съ земного поприща всѣ наши сильные старые таланты?

Но этотъ вопросъ совершенно уже выходитъ изъ предѣловъ художественной критики. Для разрѣшенія его слѣдуетъ обратиться къ публицистамъ, а прежде всего къ педагогамъ, которые одни только могутъ раскрыть намъ глаза, такъ какъ въ ихъ рукахъ просвѣщеніе нашего юношества, и они, конечно, отлично знаютъ, откуда взялась въ нашей литературѣ такая масса Алмазовыхъ; составляютъ-ли они контингентъ юношей, не преуспѣвшихъ въ древнихъ языкахъ, или, напротивъ того, слишкомъ ужъ преуспѣвшихъ.

IV.

Теперь мы перейдемъ къ роману «Старый домъ (мертвая ткань)»,

повидимому, не имѣющему ничего общаго съ романомъ «На литературныхъ хлѣбахъ», но, тѣмъ не менѣе, находящемуся съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, такъ какъ герой его, Максимъ Николаевичъ Горкинъ-Степнякъ, ничто иное, какъ тотъ же самый Алмазовъ, только въ иномъ положеніи и при иныхъ обстоятельствахъ. Представьте себѣ, что Алмазовъ не сошелся бы съ Еленою Павловною, устремившей его на путь литературныхъ гешефтовъ ради устройства мирнаго и спокойнаго семейнаго гнѣздышка, а продолжалъ бы проживать въ одиночествѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, ограничиваясь съ тѣми же Еленами Павловнами лишь мимолетными связями. Представьте себѣ, что одинъ—два разсказа составили бы ему имя и не имѣлъ бы онъ необходимости ни сходиться съ Берже, ни срамиться, унижаясь до сотрудничества въ «Ежедневной Газетѣ». И все-таки, при кругломъ невѣжествѣ, его ждала бы пропасть, можетъ быть, не такая позорная и зловонная въ нравственномъ отношеніи, но не менѣе гибельная не только для таланта, но и для самого существованія.

Судьба не баловала Максима Николаевича; онъ былъ изъ разночинцевъ и съ 14-ти лѣтъ принужденъ былъ самостоятельно зарабатывать на себя. Жизнь его, какъ только онъ помнилъ себя, «окрашивалась въ его душѣ въ такіе сѣрые и тусклые колеры, что онъ не могъ вспомнить изъ нея даже той четверти часа, въ продолженіе которой, какъ Гёте, считалъ бы себя дѣйствительно счастливымъ». Авторъ мало знакомитъ насъ съ прошлымъ своего героя, но надо полагать, что, подобно какъ и у Алмазова, образованіе Максима Николаевича было далеко не блистательно. По крайней мѣрѣ, когда онъ выступилъ на литературное поприще, его хватило всего на все на два произведенія, имѣвшія большой успѣхъ въ литературѣ и доставившія ему извѣстность, и вдругъ онъ пересталъ писать, все собираясь выступить съ крупнымъ произведеніемъ, которое бы окончательно укрѣпило его славу. Между тѣмъ годъ за годомъ проходилъ, его уже начали забывать. Однимъ словомъ, Максимъ Николаевичъ, по словамъ автора, «принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ въ русской литературѣ писателей, которые, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ пробъ, вдругъ выпускаютъ въ свѣтъ одно, имѣющее блестящій успѣхъ, произведеніе, и затѣмъ навсегда исчезаютъ съ литературнаго горизонта, или разрѣшаются безталанными потугами изсякшей фантазіи».

«Точно предчувствуя,—читали мы далѣе,—и для себя такую участь, Максимъ Николаевичъ, разсматривая каталоги библіотеки, часто съ интересомъ останавливался на многихъ именахъ, совершенно забытыхъ, почти незнакомыхъ, и противъ нихъ—одно—два названія, когда-то нашумѣвшихъ въ литературѣ метеорами.

«Часто хотѣлъ проникнуть Максимъ Николаевичъ въ судьбы этихъ писателей: что заставило ихъ отказаться отъ дальнѣйшихъ трудовъ?

«Почему, создавъ вещь, обратившую на себя вниманіе, они не нашли въ себѣ силъ для второй, для третьей? Чѣмъ же объяснить талантливость и успѣхъ первой?

Были-ли у нихъ стремленія продолжать завоеванную славу? Испытывали-ли они муки безсилія, или просто сложили оружіе?..»

Обыкновенно о такихъ писателяхъ безъ долгихъ размышленій устно и печатно говорятъ, что они исписались. Но что значитъ исписаться,—объ этомъ рѣдко кто задумывается, и героиня какъ нельзя болѣе была права въ своемъ недоумѣніи, когда спрашивала у героя, какъ могъ онъ потерять вдругъ свой даръ? Вѣдь это же не часы выронить изъ кармана. Талантъ въ крови, въ мозгу; чтобы потерять его, надо перемѣниться всему человѣку. Не лихорадка же это, наконецъ, которую можно удалить пріемомъ хины?!

И почему-то это исписываются только у насъ, въ Россіи, а что-то не слышно, чтобы исписывались западные писатели. Умногихъ изъ нихъ вы найдете произведенія слабѣе предыдущихъ, но они смѣняются затѣмъ опять болѣе сильными. Многіе, подъ бременемъ лѣтъ, утрачиваютъ значительную долю своей славы, переживаютъ свою эпоху, но это случается въ глубокой старости, да и то, нѣтъ-нѣтъ, старикъ такъ вдругъ тряхнетъ стариною, что напомнитъ лучшіе годы своего творчества. Случается, что повторяются и очень крупные западные писатели въ родѣ Диккенса, Теккерея, Золя, Шпильгагена, но, во-первыхъ, новыя варіаціи раньше уже созданныхъ типовъ представляютъ собою все-таки не лишенныя интереса разновидности, а во-вторыхъ, кромѣ нихъ, всегда найдете вы въ произведеніи и что-нибудь такое, чего авторъ еще не касался. Но видимое-ли дѣло, чтобы западный писатель послѣ одного—двухъ блестящихъ произведеній бросилъ вдругъ писать не почему-либо иному, какъ лишь потому, что ему и не о чемъ, и лѣнь писать. Западному писателю всегда доставляютъ матерьялъ для новыхъ произведеній и приппориваютъ его творчество, если не сильныя впечатлѣнія бьющей ключомъ окружающей его жизни, то книги. Русскій же писатель оттого и исписывается, что сразу «отдаетъ литературѣ весь запасъ образовъ и красокъ», а затѣмъ, такъ какъ жизнь даетъ его душѣ одни «сѣрые и тусклые колеры», а читать книги онъ по своему невѣжеству не любитъ, онъ и начинаетъ, какъ паукъ, тянуть канитель изъ своего нутра, выдавливая изъ себя послѣдніе соки, и быстро такимъ образомъ доходитъ до полнаго истощенія.

Такъ, Максимъ Николаевичъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бездѣлья, хотѣлъ приступить къ серьезному труду, который долженъ былъ упрочить его славу, нарочно для этого отправился на лѣто въ курортный городъ Л., вѣря, что стоитъ ему удалиться отъ друзей и трактировъ, уединиться въ городкѣ, гдѣ у него не будетъ ни души знакомыхъ, и романъ явится самъ собой, и вотъ въ какомъ видѣ началъ онъ ткать свою безконечную паутину:

«Сначала онъ довольно аккуратно просиживалъ за небольшимъ развернутымъ ломбернымъ столомъ, все отыскивая сюжетъ для романа. Иногда ему казалось, что онъ его нашелъ. Дня два работалъ онъ съ увлеченіемъ, но на третій оказывалось, что новый сюжетъ, въ сущности, былъ перепѣвомъ того, что Максимъ Николае-

вичъ уже выпустилъ въ свѣтъ. Быстро наступало разочарованіе, написанные листки рвались, становилось скучно. Скучно было сидѣть за столомъ, надоѣдало смотрѣть изъ окна на небольшую кривую улицу, спускавшуюся подъ гору и застроенную одно-этажными бѣленькими домиками съ палисадниками.

«Максимъ Николаевичъ уходилъ на бульваръ, наблюдалъ больныхъ, просиживалъ по нѣсколько часовъ въ мѣстной библіотекѣ, черезъ недѣлю—другую со злостью упрекалъ себя въ бездѣльи, снова горячо принимался искать сюжета, снова находилъ его и снова убѣждался, что повторяетъ мотивъ, уже написанный имъ самимъ».

Нѣтъ ничего мудренаго, что Максимъ Николаевичъ рѣшилъ, наконецъ, что чѣмъ писать романъ, лучше начать самому дѣлать его и занялся этимъ интереснымъ дѣломъ съ мѣстною дѣвицею Надеждою Яковлевною Ставроковскою. И надо замѣтить при этомъ, что не безъ ироническаго ехидства авторъ свелъ своего героя съ героинею, которая оказалась совершенно подобна ему въ своемъ родѣ, другимъ сапогомъ одной пары, такою же полною банкроткою въ своей безпутной жизни.

Ставроковскіе были мѣстные помѣщики; когда-то недалеко отъ городка Л. было у нихъ большое степное имѣніе и, кромѣ того, домъ въ городкѣ. Когда-то жили они очень весело, ну, и, какъ водится, конечно, ужъ все прожили; послѣдній представитель рода въ отчаяніи застрѣлился, оставивъ двухъ взрослыхъ дочерей, Надежду и Елизавету Яковлевну, которыя проживали въ старомъ домѣ, на средства мѣстнаго богача Копысева: онъ былъ чѣмъ-то очень обязанъ отцу ихъ и потому содержалъ ихъ на свой счетъ. Весело провела свою молодость старшая барышня, Надежда Яковлевна: много было у нея погулено, много головъ вскружено; жениховъ не было и отбоя; не мало было въ ея жизни и романовъ съ ночными свиданіями въ саду и поцѣлуями, хотя дальше поцѣлуевъ романы ея не простирались.

Все это прошло и быльемъ поросло, и ахъ какъ тяжко было сестрамъ свыкаться съ замкнутою, монотонною жизнью безприданницъ, существующихъ на счетъ милостивца. Во многихъ домахъ ихъ уже не принимали, въ другихъ едва терпѣли и смотрѣли на нихъ свысока; женихи всѣ разсѣялись. Поздно дошла Надежда Яковлевна до сознанія полной своей ненужности и неприготовленности къ жизни, и горькою правдою дышали ея упреки, которыми она однажды осыпала свою бывшую воспитательницу, содержательницу одного пансіона въ городѣ Александру Іосифовну, за то, что, вмѣсто того, чтобы воспитывать въ дѣвушкахъ способности къ самостоятельности, заботиться о томъ, чтобы онѣ не растерялись, оставшись безъ мужей, изъ нихъ «готовили невѣстъ»: науки проходились какъ что-то лишнее, необходимое только для формы, какъ какое-то маленькое чистилище, черезъ которое надо пройти, а все вниманіе обращалось лишь на умѣнье держаться, быть свѣтской дѣвушкой и, само собой, интересной невѣстой.

Замѣчательно, что почти съ тѣми же упреками имѣлъ право отне-

стись къ своимъ воспитателямъ и Максимъ Николаевичъ: точно также въ его дѣтствѣ науки проходились какъ что-то лишнее, для проформы, и ни малѣйшей подготовки не получилъ онъ для какого-нибудь самостоятельнаго и полезнаго труда въ жизни; но наставники его превзошли еще, если хотите, Александру Іосифовну, потому что та выпускала изъ своего пансіона хотя бы пикантныхъ невѣстъ, бѣгло болтающихъ по-французски и съ изящными манерами; изъ-подъ ферулы же наставниковъ Максима Николаевича выходили неуклюжіе медвѣжата, не знающіе ни одного языка, не исключая и своего отечественнаго, и постигающіе одну единственную мудрость: когда *ut* требуетъ послѣ себя изъявительнаго, когда сослагательнаго наклоненія, и съ этою премудростью они пускались въ жизнь, на погибель и себѣ, и своимъ героинямъ.

Нечего сказать, незавиднымъ женихомъ представлялся Максимъ Николаевичъ для избалованной барышни, и Надежда Яковлевна играла имъ, какъ кошка мышкой, оставляя его про запасъ, и лишь тогда, когда опредѣлившійся на курортъ новый докторъ Сухачевскій посватался вдругъ не къ ней, а къ ея сестрѣ, и когда богачъ Карунтаевъ, нѣкогда обожавшій ее и готовый жениться на ней, теперь, видя ея бѣдственное положеніе, устарѣлость и двусмысленную репутацію, имѣлъ дерзость вмѣсто руки и сердца предложить ей свой кошелекъ, вся надежда отцвѣтшей кокетки сосредоточилась на исписавшемся писателѣ, но и эта надежда рухнула, какъ соломенка утопающаго, когда онъ объявилъ ей о своемъ полномъ умственномъ и нравственномъ банкротствѣ, при которомъ онъ неспособенъ былъ доставить ей даже презрительнаго въ прежніе годы въ ея глазахъ счастія жены извѣстнаго беллетриста. И вотъ, исписавшемуся беллетристу и устарѣлой, выцвѣтшей кокеткѣ (какое злое и мѣткое сопоставленіе!) ничего болѣе не оставалось, какъ лишь совмѣстное самоубійство.

V.

Теперь мы приступимъ къ роману «Мгла», который мы будемъ разбирать, въ свою очередь, параллельно съ послѣднею повѣстью В. И. Немировича-Данченко «Драма за сценой», такъ какъ и тамъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одною и тою же отраслью искусства—сценою.

Въ двухъ разсмотрѣнныхъ нами романахъ мы могли наглядно видѣть, какъ важны для развитія талантовъ умственное развитіе, образованіе и усидчивый трудъ, съ цѣлью воспитанія себя для своего дѣла. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ другими, не менѣе важными условіями художественнаго преуспѣянія, именно съ твердою волею, характеромъ, необходимыми для борьбы со всѣми препятствіями, какія могутъ встрѣтиться въ жизни, въ стремленіи художника достигнуть высшихъ степеней развитія своего таланта, и для самоотверженной отдачи всего себя искусству.

Такъ, въ романѣ «Мгла» (я не понялъ, почему онъ такъ озаглавленъ) въ лицѣ Алексѣя Славгородскаго изображается передъ нами одинъ изъ тѣхъ слабовольныхъ людей, которыми полна Русская земля, все горе которыхъ заключается въ томъ, что, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, часто лежащихъ въ нихъ же самихъ, они не въ состояніи бываютъ отдаться всецѣло своему призванію, любимому дѣлу, которое дороже для нихъ всего на свѣтѣ, а вѣчно сидятъ между двумя стульями или гонятся разомъ за нѣсколькими зайцами.

Алексѣй былъ сынъ петербургскаго сановника, проводившаго лѣто обыкновенно въ своемъ имѣніи, которымъ управлялъ старшій его сынъ Петръ. Воспитаніе получилъ онъ въ корпусѣ. Когда отецъ отдавалъ его въ корпусъ, онъ думалъ, что у него нѣтъ никакихъ блестящихъ способностей. Юноша былъ скроменъ и молчаливъ. Но въ корпусѣ онъ послѣдніе два года былъ вахтеромъ. Это сразу возвысило его въ глазахъ отца. Генералъ давалъ о немъ прекрасные отзывы. Въ кавалерійскомъ училищѣ онъ также былъ первымъ; всѣ предсказывали ему блестящую военную карьеру, и Василій Васильевичъ сіялъ при одномъ имени Алексѣя. Поступивши, затѣмъ, въ одинъ изъ аристократическихъ московскихъ полковъ, въ первый же сезонъ Алексѣй былъ нарасхватъ. Онъ былъ красивъ, — высокій, широкоплечій, съ крупными сѣрыми глазами и широкими черными бровями; гибокъ, хорошо полированъ, а потому его и приглашали не только на балы, но и на небольшіе вечера, куда имѣютъ доступъ только отборные изъ офицеровъ, умѣющіе держать себя и хорошо рожденные.

И вдругъ, одинъ большой домашній спектакль въ деревнѣ, у нѣкоихъ свѣтскихъ знакомыхъ Алексѣя, повернулъ всю его жизнь. Уже и до того поигрывалъ Алексѣй и въ частныхъ аристократическихъ спектакляхъ, и въ офицерскихъ; былъ приглашенъ онъ и на деревенскій спектакль. Пріѣхавши же въ имѣніе, онъ случайно сразу попалъ въ главные распорядители, и, такъ какъ увидѣлъ, что компанія участвовавшихъ подобралась большая и способная, рискнулъ поставить одну изъ труднѣйшихъ классическихъ русскихъ историческихъ драмъ. Блистательная удача этого спектакля захватила Алексѣя, и всѣ мысли его устремились къ театру. Ему стало скучно среди товарищей и службы, тоскливо въ свѣтскихъ салонахъ. Безъ устали началъ онъ посѣщать театры, на которые тратилъ всѣ свои достатки; втихомолку не только по нѣскольку разъ перечитывалъ пьесы, но и выучивалъ любимыя роли; искалъ знакомствъ съ актерами и скоро подружился кое съ кѣмъ изъ нихъ. Только въ ихъ обществѣ онъ и дышалъ свободной грудью; службу онъ несъ, какъ заключеніе, отъ котораго рано или поздно долженъ былъ избавиться. Любовь къ провинціальной знаменитости, актрисѣ Анчаровой, пріѣзжавшей въ Москву дебютировать, и связь съ нею порѣшили все: у него совсѣмъ закружилась голова, и въ одно утро онъ проснулся съ мыслью разорвать всѣ связи и идти на сцену.

*

Послѣ неудачнаго дебюта на казенной сценѣ, Анчарова уѣхала лѣтомъ въ провинцію, а Алексѣй поѣхалъ въ деревню къ отцу съ тѣмъ, чтобы объявить ему о своемъ рѣшеніи, затѣмъ, выйти въ отставку, пріѣхать въ тотъ городъ, гдѣ играла Анчарова, вступить въ одну съ нею труппу и никогда болѣе уже не разставаться.

Все это казалось очень легко и просто на словахъ, но не таково вышло на дѣлѣ. И уже съ первыхъ же шаговъ осуществленія своего намѣренія Алексѣй обнаружилъ нѣкоторую долю слабоволія. Такъ, долго не рѣшался онъ объявить отцу о своемъ намѣреніи, и все-таки не хватило у него духа сдѣлать это устно, съ глаза на глазъ съ отцомъ, а онъ прибѣгъ къ бумагѣ и написалъ ему о своемъ рѣшеніи въ письмѣ. Въ домѣ встрѣтилъ онъ общую оппозицію противъ своего намѣренія, со стороны всѣхъ, и родныхъ, и знакомыхъ; даже получившій высшее образованіе и нѣкогда свободомыслящій братъ его Петръ, и тотъ высказался противъ поступленія его на сцену. Отецъ же въ намѣреніи сына пренебречь блестящею карьерою гвардейца и поступить въ комедіанты усмотрѣлъ полное нравственное паденіе и нѣчто въ родѣ помѣшательства. Онъ скорѣе простилъ бы ему, еслибы тотъ надѣлалъ долговъ или проворовался. Въ концѣ-концовъ онъ объявилъ Алексѣю, что если онъ не послушается, броситъ службу и пойдетъ бродяжничать,—домъ его будетъ закрытъ для него такъ же, какъ и его объятія, и мало этого: хотя бы онъ на сценѣ оказался семи пядей во лбу, онъ долженъ забыть о существованіи казенныхъ театровъ: пока онъ, старикъ, живъ, онъ не допуститъ сына до столицы. При такой рѣшительной оппозиціи всей семьи, тотчасъ же и обнаружилось все слабоволіе молодого человѣка. Начались безхарактерныя колебанія. Такъ Алексѣй рѣшился уѣхать тотчасъ же изъ усадьбы, ни съ кѣмъ не простясь, но уѣхать не къ Анчаровой, какъ ожидаетъ читатель, а ни съ того, ни съ сего вдругъ въ полкъ.

— Куда же мнѣ ѣхать!—сказалъ онъ брату, прося у него лошадей:—въ полкъ. Исполнять долгъ службы и отцовскія приказанія. Недостаетъ только, чтобы съ нимъ сдѣлался ударъ, и всѣ обвиняли меня. Можешь успокоить его, сказать, что я не пошелъ на сцену. Только ужъ пусть онъ не ждетъ меня. Если его объятія были бы закрыты для меня—актера, такъ теперь мои будутъ закрыты для него до гробовой доски. Такъ и передай ему. Я его воли не нарушу, но и питать сыновнія чувства не желаю. Между нами все порвано.

Такова стародавняя логика всѣхъ безхарактерныхъ русскихъ людей обоего пола: хорошо, *я готовъ или готова тебѣ повиноваться, но отнынѣ ты мнѣ не отецъ!* При этомъ не берется въ соображеніе, что разъ изъявляется готовность повиноваться, то этимъ самымъ признается и отеческая власть; иначе какое же значеніе можетъ имѣть повиновеніе, разъ вы признаете, что родитель вашъ вамъ не отецъ и всѣ сношенія съ нимъ у васъ будутъ прерваны. Я понимаю еще возможность такой странной

логики, когда со стороны отца предполагается насиліе. Здѣсь же ничего подобнаго и быть не могло, такъ какъ Василій Васильевичъ не только не имѣлъ возможности воспрепятствовать сыну исполнить его намѣреніе, но и матерьяльно не былъ въ состояніи оказать ему препятствія, лишивъ всякихъ средствъ къ жизни: Алексѣй былъ уже выдѣленъ и имѣлъ 3.000 въ годъ дохода со своей части имѣнія.

Поѣхалъ Алексѣй изъ родительской усадьбы. Сначала онъ негодовалъ на всѣхъ и вся и произносилъ горячіе монологи; но малу-по-малу раздраженіе его начало притупляться и ненависть его обратилась на самого себя: — «Трусъ, мальчишка! — бранился онъ:—тоже говоритъ о какихъ-то убѣжденіяхъ! Какъ скоро отказался отъ своей мечты. Первое препятствіе—и на попятный!..» «Парализованная воля!..»—вдругъ произноситъ онъ и словно открытіе дѣлаетъ:—«Да, именно: парализованная воля! Хочу дѣлать одно, а дѣлаю, что хотятъ другіе. Возмутительно!..»

Наконецъ, будучи уже на станціи желѣзной дороги, пославши уже телеграмму Анчаровой о томъ, что онъ ѣдетъ въ Москву, Алексѣй вдругъ сообразилъ, что отпускъ данъ ему на 28 дней; отчего-же ему не проѣхать на недѣлю, другую къ Анчаровой. Далѣе слѣдуетъ замѣчательный анализъ безхарактернаго человѣка:

«Онъ ужъ,—читаемъ мы,—велѣлъ брать билетъ. Уже раздался звонокъ о выходѣ поѣзда съ сосѣдней станціи, но чѣмъ ближе была минута отъѣзда, тѣмъ сильнѣе испытывалъ онъ безпокойное чувство какой-то лжи. Старался убѣдить себя, что это просто борьба съ «параличемъ воли», что, въ сущности, самое лучшее было бы немедленно послать отставку и уйти на сцену. Но при одной этой мысли онъ переживалъ какой-то суевѣрный страхъ, что безъ согласія отца не повезетъ.

«Казалось бы поссорился съ отцомъ, хочется на сцену такъ, что ничѣмъ не удержишь,—ну, и иди! Разорви со службой, съ семьей и ступай бродяжничать, добивайся извѣстности, славы... Такъ онъ думалъ и прежде. Когда ѣхалъ въ имѣніе, рѣшилъ твердо измыслить всѣ пути, чтобы убѣдить отца, а не удастся — все равно, не останется въ полку. Между тѣмъ, на душѣ былъ гнетъ, отъ котораго никакъ не могъ избавиться. Теперь ему даже казалось, что онъ не съумѣетъ разорвать связи съ отцомъ и со службой, что у него на это не хватило бы силъ, еслибы даже это было возможно. Словно боялся онъ какого-то рока, который потомъ будетъ всю жизнь тяготѣть надъ нимъ и въ концѣ концовъ все-таки раздавитъ его».

Тутъ въ немногихъ строкахъ передъ нами все, что характеризуетъ безхарактернаго человѣка: и чары внушенія, парализующаго волю, и безсиліе освободиться отъ суевѣрнаго страха дѣтскихъ предразсудковъ, жалкое ребячество ума и сердца, не осмѣливающееся сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага въ жизни на свой рискъ и страхъ безъ одобренія и соизволенія старшихъ. Однимъ словомъ, въ то время, какъ въ лицахъ Алмазова и Горкина-Степняка мы видимъ двѣ жертвы воспитанія, имѣющаго въ результатѣ придавленность, если не полный параличъ мысли, такъ въ лицѣ Алексѣя передъ нами жертва иной системы воспитанія, лишающей человѣка не только живой мысли, но

и воли, всякой самостоятельности и обращающаго его въ манекена, двигающагося направо, налѣво или прямо по внушенію, или приказанію другихъ.

Очень понятно, что подобнаго рода манекенъ, предоставленный самому себѣ, теряется, рѣшительно не знаетъ, что съ собою дѣлать, и весь исполняется одного паническаго ужаса и смятенія. Такъ, далѣе во всѣхъ и мысляхъ, и поступкахъ Алексѣя мы видимъ полный сумбуръ, въ которомъ трудно разобраться. Давно-ли онъ спорилъ съ родными, защищалъ актеровъ, ставилъ ихъ чуть-ли не выше всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ? Когда же теперь онъ смотрѣлъ на игру окружавшихъ Анчарову товарищей, въ немъ поднялось вдругъ чувство брезгливости: и актеры-то они плохіе, не умѣютъ прилично носить сюртукъ и фракъ, манерами, дикціей мало напоминаютъ людей свѣта, и товарищества у нихъ нѣтъ; будь талантливый актеръ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ предосудительнымъ и безчестнымъ, они передъ нимъ готовы расшаркиваться, если онъ дѣлаетъ полные сборы. «Неужели,—размышлялъ онъ,—само искусство ихъ таково, что самая элементарная общечеловѣческая мораль приносится здѣсь въ жертву успѣху, лаврамъ?»

Точно также не могъ онъ разобраться и въ своихъ любовныхъ чувствахъ. Заставши въ томъ городѣ, гдѣ гастролировала Анчарова, полковника Тритонова, который всюду слѣдовалъ за нею, бросая жену и дѣтей, и устраивалъ ей успѣхи, Алексѣй преисполнился тотчасъ же ревности, никакъ не могъ и не хотѣлъ повѣрить, чтобъ, какъ увѣряла Анчарова, Тритоновъ все это дѣлалъ для нея платонически, обзывалъ ее мысленно безчестной и безсердечной лгуньей, дѣлалъ ей сцены ревности, а затѣмъ холодно разсуждалъ, что почему же не ограничиться ему къ ней одной чисто чувственной страстью, безъ всякихъ нравственныхъ узъ; что настоящей, захватывающей любви къ ней въ немъ нѣтъ; зачѣмъ же раздувать чувство и преувеличивать взаимныя отношенія? «Пусть и для него театръ будетъ важнѣе всего,—важнѣе любви отца или его проклятій, друзей, общества, въ которомъ провелъ онъ всю юность, наконецъ, важнѣе близости къ любимой женщинѣ! Нельзя молиться нѣсколькимъ богамъ разомъ!..»

И вдругъ на другой же день этотъ же самый Алексѣй, обидѣвшись, что Тритоновъ обошелся съ нимъ пренебрежительно въ салонѣ Анчаровой, вызвалъ его на дуэль, да еще не простую, а американскую, по жребію, и какъ Тритоновъ ни уговаривалъ его оставить это дѣло, какъ ни увѣщевалъ чисто по-отечески, готовъ былъ извиниться передъ нимъ въ присутствіи Анчаровой, лишь бы Алексѣй навсегда уѣхалъ отъ этой женщины, Алексѣй остался непреклоненъ; въ немъ вдругъ заговорила офицерская фанаберія: долгъ чести не позволялъ ему бояться трагической развязки, не смотря на то, что въ то же время онъ сознавалъ, что «была бы величайшая нелѣпость стрѣляться изъ-за этой женщины»...

И, тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ на эту нелѣпость и, такъ какъ жребій выпалъ на него, ухлопалъ себя изъ револьвера.

VI.

И вотъ, если мы отъ романа «Мгла» обратимся къ «Драмѣ за сценой», то увидимъ здѣсь, въ лицѣ одного изъ героевъ этой повѣсти, именно въ Луцкомъ, вопіющую противоположность Алексѣю, и еслибы оба эти лица были выведены въ одномъ произведеніи, мы могли бы сказать, что авторъ нарочно поставилъ ихъ рядомъ, чтобы они взаимно оттѣняли другъ друга.

Луцкій родился и провелъ дѣтство въ старовѣрческой семьѣ, гдѣ на актерское званіе смотрятъ не съ однимъ только кастовымъ пренебреженіемъ, а съ религіознымъ изувѣрствомъ, какъ на нѣчто бѣсовское, и гдѣ родительская власть въ неизмѣримой степени деспотичнѣе, чѣмъ въ средѣ Алексѣя. Онъ былъ сынъ лавочника, кончилъ курсъ реальнаго училища въ губернскомъ городѣ, гдѣ еще ученикомъ нѣсколько лѣтъ участвовалъ и въ любительскихъ спектакляхъ, и въ труппѣ актеровъ. Окончивъ курсъ, онъ написалъ отцу письмо, что въ самые экзамены проболѣлъ и долженъ остаться еще на годъ, а чтобы не отягчать родителя деньгами, ищетъ уроковъ. Но, вмѣсто уроковъ, онъ пристроился къ пріѣхавшей на лѣто труппѣ, а потомъ игралъ и зимой, и хотя зарабатывалъ не болѣе 10—15 рублей въ мѣсяцъ, ни разу не безпокоилъ отца просьбой о деньгахъ. Однако, наступила новая весна, пришлось ѣхать домой. Онъ рѣшилъ смѣло признаться отцу въ желаніи идти на сцену, но стоило ему вступить въ строгую, старовѣрческую семью, изъ которой никто никогда не былъ въ театрѣ,— вся его храбрость исчезла. Просился въ высшее заведеніе, но отецъ отказалъ наотрѣзъ. Его пристроили къ торговому дѣлу. Ему было тогда 20 лѣтъ. Такъ прошелъ годъ. Въ слѣдующее лѣто ему пришлось ѣхать въ Харьковъ, на успенскую ярмарку, для закупки товаровъ. Тутъ онъ точно сорвался съ узды. Не долго думая, отправился въ театръ и заигралъ... Отецъ чуть не избилъ его. Только зимой наступило перемиріе. Но юноша тайкомъ отъ родителя училъ роли. Для того, чтобы выбить изъ его головы дурь, задумали его женить; партія представлялась блестящая—богатая, одинокая дѣвушка, лѣтъ тридцати, бывшая нѣкоторое время «богородицей». Толки, переговоры и ссоры тянулись до самаго лѣта, а тутъ появилось въ городѣ «товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ Г. А. Перевалова». Много мучительныхъ колебаній пережилъ Луцкій прежде, чѣмъ рѣшился отправиться какъ-то утромъ на репетицію.

Послѣ того весь день онъ ходилъ, какъ шальной, а за ночь рѣшеніе созрѣло. Пусть отецъ хоть убьетъ, все равно, — или театръ, или смерть. Съ подъемомъ энергіи, какой врядъ-ли когда-нибудь въ его жизни повторится, словно всѣ душевныя силы здоровой и нервной при-

роды были собраны для одного рѣшительнаго шага, онъ разомъ началъ войну. Примутъ его въ труппу Перевалова, этого онъ еще не рѣшилъ. Ему надо было сбросить цѣпи, получить полную свободу. Съ перваго же утренняго свиданія началъ объясненіе съ отцомъ, и въ тотъ же день былъ имъ въ буквальномъ смыслѣ слова—избитъ.

Три дня онъ пролежалъ, мечтая только объ одномъ, чтобъ объ его позорѣ не узнали въ театрѣ. Его навѣщала невѣста; ихъ оставляли однихъ, и она отчитывала его, тепло и любовно говоря о счастіи, которое онъ далъ бы ей, еслибы женился, о томъ, что она всю жизнь, всѣ мысли и заботы посвятила бы ему. Она его называла «голубь мой» и говорила ему «ты». А онъ не произносилъ ни звука и для того, чтобы не видѣть ея, лежалъ съ закрытыми глазами. Черезъ три дня онъ всталъ, взялъ кухонный ножъ и пошелъ къ отцу; тотъ спросилъ, одумался-ли онъ. Луцкій подать ему ножъ.

— Если вы хотите убить меня, такъ вотъ вамъ и холодное оружіе,—сказалъ онъ.

Его выгнали изъ дому. Собравъ въ узелокъ все, что имѣлъ, съ 25 рублями въ карманѣ онъ ушелъ. Перевалову охотно принялъ его, разсчитывая сдѣлать хоть одинъ сборъ съ участіемъ мѣстнаго жителя. Луцкому не хотѣлось, чтобы фамилія его отца появилась на афишѣ, но Перевалову только на этомъ условіи и принималъ его въ труппу.

— Что же, вы разыгрываете роль дворянчика? Презираете наше дѣло?

— Еслибъ я презиралъ, я бы не пошелъ на сцену.

— А въ такомъ случаѣ, батенька, извольте отдать ей всю жизнь. Сцена, батенька, не признаетъ компромиссовъ: или все, или убирайтесь ко всѣмъ чертямъ.

Луцкій принесъ и эту жертву. Черезъ недѣлю онъ выступилъ въ комедіи «Женитьба Бѣлугина». Перевалову не ошибся въ разсчетѣ. Товарищество сдѣлало самый большой сборъ, около ста рублей. Луцкій имѣлъ огромный успѣхъ.

Такимъ видимъ мы его и въ продолженіе всей повѣсти: простымъ, скромнымъ, безъ малѣйшей заносчивости и самомнѣнія, но въ то же время цѣльнымъ, всецѣло преданнымъ любимому искусству и не жертвующимъ своимъ призваніемъ никакимъ постороннимъ цѣлямъ, влеченіямъ или внушеніямъ. Такъ, актриса Раменская, которую Луцкій зналъ, еще будучи гимназистомъ и которую любилъ, конечно, въ неизмѣримой степени болѣе, чѣмъ Алексѣй свою Анчарову, успѣла послѣ разлуки съ нимъ, выйти замужъ за трагика Раменскаго, разойтись съ мужемъ, пріобрѣсти покровителя, въ лицѣ мѣстнаго адвоката Красавцева. и готова была склониться на предложеніе послѣдняго выйти за него замужъ, оставивъ, конечно, сцену,—Луцкій не мучилъ ее никакими сценами ревности и не переставалъ питать къ ней горячее чувство, любя

въ ней не самку, а талантливую актрису и человѣка. Не могли поколебать его въ намѣреніи отдаться своему искусству и страшныя сцены голода, который пришлось испытывать всей труппѣ, вслѣдствіе равнодушія къ театру городской публики. Эта непоколебимая сила характера не замедлила принести свои плоды и въ концѣ концовъ сдѣлала Луцкаго вдвойнѣ побѣдителемъ: онъ получилъ отъ представителя товарищества губернскаго города блестящее предложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сердце любимой женщины окончательно склонилось къ нему: отказавъ Красавцеву, Раменская объявила, что лишь впервые почувствовала настоящую любовь въ своемъ сердцѣ,—и это была любовь къ Луцкому.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о повѣсти Вл. Ив. Немировича-Данченко «Губернаторская ревизія», но, не смотря на то, что это одно изъ лучшихъ и наиболѣе удавшихся произведеній Вл. Ив. Немировича-Данченко, и по богатству красокъ провинціальной жизни, и по отдѣлкѣ деталей, и по обрисовкѣ характеровъ, и по психологическому анализу,—я не намѣренъ долго останавливаться и много распространяться о немъ, такъ какъ мнѣ пришлось бы вдвойнѣ повторяться: повторять то, что я не болѣе года тому назадъ говорилъ уже объ этой повѣсти, при появленіи ея въ свѣтъ, въ другомъ мѣстѣ, повторяться и въ томъ отношеніи, что, говоря о героѣ ея Думчинѣ, пришлось бы имѣть дѣло съ тѣми же самыми психологическими чертами, съ которыми мы въ достаточной мѣрѣ уже познакомились, при разсмотрѣніи всѣхъ прочихъ героевъ произведеній Вл. Ив. Немировича-Данченко.

Въ самомъ дѣлѣ, что же такое герой этой повѣсти, Сергѣй Викторовичъ Думчинъ, какъ не тотъ же самый злосчастный, безхарактерный, вѣчно сидящій между двумя стульями русскій герой, на котораго мы въ достаточной мѣрѣ насмотрѣлись, разбирая произведенія Вл. Ив. Немировича-Данченко. Точно такъ же, какъ и всѣ его собратья онъ гонится разомъ за двумя цѣлями: тихій, задумчивый, созерцательный, съ мечтательною душой, онъ чувствуетъ неудержимную наклонность къ мирнымъ литературнымъ или философскимъ занятіямъ, и успѣваетъ уже выпустить въ свѣтъ какой-то философскій трактатъ. Но состояніе у него было небольшое, всего 400 десятинъ, философія прокармливала его плохо, а у него на рукахъ была семья, жена, дѣти, и вотъ, совершенно подобно тому, какъ Елена Павловна принялась устраивать финансовое положеніе Алмазова, и толкнула его на путь литературнаго гешефтмахерства, такъ и жена Думчина, Лидія Артемьевна, запрягла въ служебную лямку своего благовѣрнаго. Но между Еленою Павловною и Лидіей Артемьевной была большая разница: кроткая, гуманная, привязчивая Елена Павловна властвовала надъ Алмазовымъ своею нѣжностью; Лидія Артемьевна, по отцу хохлушка, по матери армянка, хитрая, пронырливая, разсчетливая, была то, что называется баба-кулакъ. Забравъ своего муженька

подъ башмакъ, она выхлопотала ему должность земскаго начальника и заставила для блага семейства, нехотя, взять это мѣсто, совершенно не соотвѣтствующее его способностямъ. И вотъ, началось печальное сидѣнье между стульями. Служебныя обязанности мѣшали литературнымъ занятіямъ Думчина; увлеченіе книгами мѣшало службѣ. О писаніи нечего было и думать; ему и чтеніемъ приходилось заниматься урывками, между дѣломъ. Къ тому же, Лидія Артемьевна злилась на него, если его нельзя было оторвать отъ книги, выходила изъ себя, говорила ему рѣзкости. Въ то же время и по службѣ всѣ дѣла его такъ въ концѣ концовъ оказались запущены, въ то же время такое всеобщее нерасположеніе къ себѣ возбудилъ онъ во всѣхъ лицахъ привилегированнаго класса, вслѣдствіе того, что, гдѣ только могъ, держалъ сторону мужиковъ, что губернаторская ревизія была для него самымъ постыднымъ позоромъ и ему угрожала неминуемая потеря мѣста, еслибы Лидія Артемьевна не спасла его тѣмъ, что втерлась къ предводителю, у котораго останавливался губернаторъ во время своей ревизіи, и черезъ жену предводителя успѣла подѣйствовать на губернатора и отклонить отставку мужа. Но все это такъ потрясло Думчина, такъ омерзительны сдѣлались ему и его энергическая супруга, и жалкое, унизительное положеніе его, и все окружающее, и самая жизнь, что на другое же утро, купаясь въ рѣкѣ, онъ утопился.

Такимъ образомъ, вы видите, что по всѣмъ произведеніямъ Вл. И. Немировича-Данченко проходитъ одна и та же идея, развиваемая съ различными варіаціями въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ жизни. Идея эта какъ нельзя болѣе проста и элементарна и ее можно формулировать слѣдующимъ азбучнымъ способомъ: какъ бы ни былъ человѣкъ одаренъ большимъ талантомъ, одного этого таланта мало; необходима, сверхъ того, сила воли, характеръ для борьбы съ препятствіями и для усидчиваго труда, съ цѣлью развитія врожденныхъ силъ.

Господи! воскликнетъ читатель: неужели беллетристика наша, а за нею и критика должны до сихъ поръ имѣть дѣло съ подобными прописными трюизмами, проводить ихъ въ большихъ романахъ и обсуждать на всѣ лады? Неужели вѣчно мы будемъ возиться съ безхарактернымъ героемъ, и не набилъ онъ намъ еще оскомины со времени Рудина, Адуева и Обломова?

Да, и будемъ вѣчно возиться! Если жизнь наша топчется на одномъ мѣстѣ, не дѣлая ни одного шага впередъ, и способна вырабатывать однихъ Алмазовыхъ и Думчиныхъ, то что же дѣлать беллетристикѣ, заботящейся о томъ, чтобы вѣрно изображать жизнь? Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А что же касается до азбучной элементарности идей, проводимыхъ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченкомъ, то развѣ всѣ вышеизложенные прискорбные факты и явленія жизни не свидѣтельствуютъ о томъ, что мы совсѣмъ забыли эти трюизмы. Что же дѣлать съ людьми, забывшими азбуку? Начать съ нимъ снова съ азовъ.

А. Скабичевскій.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Восточный вопросъ и его жертвы.

Нѣтъ въ европейской политикѣ болѣе избитаго, скучнаго и всѣмъ набившаго оскомину, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе злополучнаго и рокового вопроса, какъ восточный. Это, искусственно созданное и доселѣ ревниво лелѣемое, чадо дипломатовъ стоило и стоитъ безконечныхъ потоковъ крови, служитъ постоянной угрозой общему миру и виситъ Дамокловымъ мечомъ нетолько надъ несчастными христіанскими народностями, находящимися подъ игомъ султана, и надъ самимъ турецкимъ народомъ, но и надъ всей Европой, которая никогда не достигнетъ правильнаго международнаго устройства, пока окончательно не разрѣшится этотъ по истинѣ проклятый вопросъ. А, въ сущности, онъ разрѣшается очень просто и очень быстро: пусть дипломаты отступятся отъ своей традиціонной политики поддержанія «больного человѣка» въ Константинополѣ, къ чему сводится весь восточный вопросъ, и Турція, по справедливому замѣчанію профессора гр. Л. А. Комаровскаго, въ его недавней брошюрѣ «Восточный вопросъ», «быстро распадется на ея составныя части». «Но,—прибавляетъ онъ,—къ несчастью державъ, охраняющихъ якобы Порту и только затягивающихъ ея агонію, озабочиваетъ не столько самая Турція, какъ оставляемое ею богатое наслѣдство... Стоя въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи исключительно лишь на почвѣ политики, кабинеты никогда не будутъ въ состояніи согласовать свои противоборствующіе и скрещивающіеся интересы. Желаніе провести и отстоять эти интересы односторонне и во что бы то ни стало неизбѣжно толкаетъ государства на худшій изъ путей—на путь насилія и обмановъ». То же самое высказываетъ и анонимный авторъ статьи о послѣдней константинопольской рѣзнѣ въ октябрьской книжкѣ «Contemporary Review»: «пусть Европа откажется отъ своего позорнаго равнодушія къ тому, что дѣлается въ Турціи, и въ недѣлю—говоритъ онъ—тамъ водворится отвѣтственное правительство, къ величайшему счастью одинаково христіанъ и турокъ». Такимъ образомъ, для справедливаго, человѣчнаго разрѣшенія восточнаго вопроса требуется одно—перейти Европѣ съ пути политики на путь международ-

наго права. Все побуждаетъ ее къ этому: и долгъ чести, и сознаніе, что она носительница высшей культуры, и, наконецъ, истинно понятые ею собственные интересы. Къ тому же, прошедшее и настоящее, исторія и современныя событія одинаково доказываютъ, сколькихъ жертвъ стоили равнодушіе, эгоистическіе разсчеты и постоянныя интриги европейской политики на Востокѣ.

Хотя восточный вопросъ въ своей теперешней формѣ возникъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія и развился въ нынѣшнемъ, но онъ народился гораздо ранѣе, именно: въ тотъ роковой день, когда, благодаря все тому же равнодушію и тому же мелочному соперничеству, Европа дозволила четыреста сорокъ три года тому назадъ утвердиться въ Византіи туркамъ. Тогда-то вступили европейскія державы относительно Востока на шаткую почву политики и не могутъ сойти съ нея до настоящей минуты; естественные враги Оттоманской имперіи, по вѣрѣ, культурѣ и сродству съ угнетеннымн ею народностями, онѣ искусственно поддерживаютъ ее вѣками, все руководимые тѣми же недостойными чувствами, которыя дозволили ей не откликнуться на отчаянный зовъ помощи, огласившій весь міръ въ минуту погибели Византіи. И какъ дорого она платила за это господство политики: будто бы охраняя общій миръ взаимными интригами въ Константинополѣ, она отъ времени до времени была вынуждена воевать то противъ турокъ, то за нихъ, присоединяя кровь своихъ сыновъ къ вѣчно проливаемой крови несчастныхъ христіанскихъ народностей Турціи. Но какъ только заключался миръ, дипломаты снова принимались за прежнюю игру. Насколько это искусственное охраненіе Порты имѣло въ себѣ тайную притягательную силу, можно судить по политикѣ Россіи, которая была увлечена въ общій дипломатическій водоворотъ, и, по словамъ профессора Мартенса, «сдѣлала себѣ цѣлью съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія продленіе существованія Турціи», не смотря на то, что «опытъ вѣковъ подтверждаетъ, что исламъ и христіанство, турки и христіане, турецкій режимъ и свобода христіанскихъ общинъ никакъ не могутъ совмѣстно жить въ мирѣ». Дѣйствительно, какъ это ни странно звучитъ, но русское правительство, ведя въ XVIII и XIX столѣтіяхъ десять войнъ съ Турціей и проливая лучшую свою кровь (уже не говоря о матерьяльныхъ жертвахъ въ борьбѣ съ своими естественными врагами, турками, для защиты своихъ естественныхъ друзей, христіанъ Балканскаго полуострова), въ промежутки между этими войнами поддерживала, путемъ искусственной дипломатіи, «больного человѣка» въ Константинополѣ. Еще въ 1802 г. гр. Кочубей писалъ: «Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи: нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно быть впредь кореннымъ правиломъ нашей политики,» а императоръ Николай I, сказавшій гр. Фикельмону въ 1833 г.: «Я не имѣю силъ дать жизнь мертвецу, а Турецкая

имперія умерла, благодаря неимовѣрнымъ безпорядкамъ, подточившимъ всякую власть и уничтожившимъ ея престижъ въ глазахъ всѣхъ ея подданныхъ», однако, подписалъ Мюнхенгрецкую конвенцію, по которой Россія и Австрія обязались «употребить всѣ зависимыя отъ нихъ средства вліянія и дѣйствія, чтобы сохранить существованіе Оттоманской имперіи подъ ея настоящей династіей». Что эта политика ненормальна и противорѣчитъ существу вещей, доказываютъ слѣдовавшія за тѣмъ совершенно естественныя двѣ войны Россіи съ Турціей и поддержка, оказанная Россіей къ образованію самостоятельныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ: Румыніи, Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Еще ранѣе возникла Греція, но все это произошло помимо и даже прямо вопреки традиціонной политикѣ европейскихъ дипломатовъ по восточному вопросу. Напротивъ, ихъ рука видна въ парижскомъ и берлинскомъ трактатахъ, которые изобрѣли общую опеку европейскихъ державъ, которая, въ сущности, ничто иное, какъ миѳъ. Обѣщанныя этими трактатами внутреннія реформы, основанныя на принципахъ свободы политической и религіозной, никогда не были введены въ Турціи; европейскія державы никогда серьезно не настаивали на ихъ осуществленіи, и Оттоманская имперія, по прежнему, угнетала подчиненныя ей несчастныя народности, издѣваясь надъ дипломатическими нотами, переговорами и т. д. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ извѣстный англійскій государственный человѣкъ и публицистъ, Брайсъ: «Лучше было бы для христіанъ, еслибъ ни одинъ дипломатъ никогда не подписалъ бы ни одного протокола и не написалъ бы ни одной ноты въ ихъ пользу».

Какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ восточный вопросъ представляется все въ томъ же видѣ: христіанскія населенія Турецкой имперіи страдаютъ подъ самымъ невыносимымъ игомъ, кровь льется не ручьями, а потоками, оттоманское правительство устраиваетъ огульныя рѣзни своихъ поданныхъ не только въ отдаленныхъ уголкахъ Азіи, но въ самомъ Константинополѣ, а дипломаты все препираются, все интригуютъ, все пишутъ ноты, вырабатываютъ проекты и разсуждаютъ о гарантіяхъ мнимыхъ, постоянно обѣщаемыхъ и никогда не осуществляемыхъ турецкихъ реформъ. Попрежнему, европейскія державы, дѣйствуя на почвѣ политики, заботятся о сохраненіи «больного человѣка» въ Константинополѣ, изъ боязни перессориться за его наслѣдство и возбудить всеобщую европейскую войну, которая рано или поздно все-таки возникнетъ, какъ справедливая Немезида за позорное равнодушіе державъ къ бѣдственной судьбѣ не только христіанъ, но и самихъ турокъ, одинаково угнетаемыхъ «больнымъ человѣкомъ» въ Константинополѣ. Тотъ фактъ, что турки также страдаютъ отъ порядковъ, или, лучше, безпорядковъ, царящихъ въ Оттоманской имперіи, составляетъ единственно новый факторъ въ современномъ положеніи восточнаго вопроса. Да еще можно счесть за новость, хотя она

не измѣняетъ общаго мрачнаго тона картины турецкой траги-комедіи, то обстоятельство, что прежде султаны мало вмѣшивались въ государственныя дѣла и потому всю отвѣтственность сваливали на великихъ визирей, министровъ, пашей и т. д., а теперешній султанъ самъ съ своей придворной камарильей управляетъ страной; слѣдовательно Гладстонъ имѣлъ полное право назвать его «великимъ убійцей», такъ какъ онъ одинъ отвѣчаетъ за поголовное избіеніе тысячъ, десятковъ и сотенъ тысячъ своихъ подданныхъ. Наконецъ, характерной чертой нынѣшняго фазиса восточнаго вопроса представляется то, что главный центръ ужасовъ и звѣрствъ—не въ Европѣ, какъ прежде, а въ Азіи, именно въ Арменіи, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, происходятъ такъ называемые безпорядки, а въ сущности гоненія на христіанъ на Критѣ и въ Македоніи. Бросимъ хоть бѣглый взглядъ на всѣ эти стороны настоящей фазы восточнаго вопроса и посмотримъ, что дѣлаетъ съ армянами, критянами и македонцами султанъ, а также, какъ относятся къ его попеченіямъ о благѣ своихъ подданныхъ европейскія державы, имѣющія, въ силу трактатовъ, право и, слѣдовательно, обязанность опеки надъ христіанскими населеніями Оттоманской имперіи; затѣмъ познакомимся съ современнымъ положеніемъ самаго турецкаго народа и съ движеніемъ партіи молодой Турціи. Все это послужитъ лучшимъ и вполнѣ фактическимъ подтвержденіемъ уже набросаннаго общими чертами абриса восточнаго вопроса.

Армянскій вопросъ уже давно назрѣвалъ, но въ послѣдніе два года онъ до того обострился, что только дипломаты могутъ хладнокровно разсуждать о немъ, а всякому мыслящему человѣку должно быть глубоко стыдно за человѣчество, что въ концѣ девятнадцаго столѣтія возможны такіе ужасы. Весь армянскій вопросъ сводится къ тому, что цѣлый народъ-мученикъ предается поголовному избіенію; по словамъ Гладстона, современное положеніе армянъ, подчиненныхъ Турціи, можно резюмировать четырьмя словами: грабежемъ, убійствомъ, насиліемъ, пыткой. И все это производится съ вѣдома или по распоряженію турецкаго правительства, подъ игомъ котораго находится этотъ народъ-мученикъ. Когда-то, очень давно, армяне составляли особое могущественное царство и играли значительную роль въ исторіи, но, сдѣлавшись яблокомъ раздора между персами и римлянами отъ третьяго до седьмого столѣтія нашей эры, они окончательно потеряли свою независимость подъ ударами турокъ-сельджуковъ. Въ XVII вѣкѣ ихъ подѣлила между собою Персія и Порта, а въ настоящемъ столѣтіи часть ихъ отошла къ Россіи. Многіе армяне разбрѣлись по всему свѣту, но наибольшее ихъ число, около полутора милліона, по прежнему живетъ въ своей національной колыбели вокругъ озера Вана, на горныхъ возвышенностяхъ и въ плодородныхъ долинахъ между Араратомъ и Эрзерумомъ. Тамъ они ведутъ жизнь первобытную, пастушескую и земледѣльческую, желая одного—мирнаго спокой-

ствія. По бѣда именно въ томъ и заключается, что имъ не суждено видѣть мирнаго спокойствія. «Этой націи не давали пользоваться даже спокойствіемъ рабской доли,—писалъ великій историкъ Гиббонъ;—съ первыхъ же шаговъ своей исторіи до настоящаго момента Арменія была театромъ вѣчной борьбы; жестокая политика обезлюдила ея землю». То же самое повторялось въ теченіе цѣлаго вѣка, прошедшаго съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, и достигло до своего апогея теперь, все благодаря той же жестокой политикѣ. Плохо жилось армянамъ отъ неурядицы турецкихъ порядковъ и отъ періодическихъ набѣговъ дикихъ курдскихъ племенъ, но когда, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, по берлинскому трактату, турецкіе армяне были поставлены подъ покровительство шести европейскихъ державъ, а по тайной конвенціи между Англіей и Турціей—первая за уступку Кипра обязалась защищать Арменію и всю азіатскую Турцію отъ замысловъ Россіи, то положеніе несчастной страны стало еще хуже. Ни Англія, ни другія европейскія державы не ударили пальцемъ о палецъ, чтобъ осуществить обѣщанныя Арменіи трактатами реформы, но отъ времени до времени все-таки надоѣдали Портѣ и султану своими дипломатическими нотами и заявленіями. Съ другой стороны, армяне, надѣясь на покровительство Европы и благодаря энергичной просвѣтительной дѣятельности американскихъ миссіонеровъ, открывавшихъ повсюду школы, подняли голову, завели свои училища, стали мечтать о гражданскихъ правахъ и выражать патріотическія стремленія; кромѣ того, благодаря этому народному подъему, не только армяне, живущіе въ городахъ, но даже и обитатели селеній значительно улучшили свое матерьяльное положеніе, не смотря на всѣ тяжелые и несправедливые поборы турецкихъ властей. Долго эти власти всячески усиливали свои преслѣдованія армянъ и смотрѣли сквозь пальцы на опустошительные набѣги курдовъ, но, наконецъ, этого показалось мало, и въ Константинополѣ придумали новую систему. Чтобъ отдѣлаться разомъ и отъ опасности, грозившей Портѣ возрожденіемъ армянъ, и отъ докучливыхъ требованій европейскихъ державъ, было проще всего частью ихъ истребить, а частью раззорить и насильно обратить въ мусульманство. До этого удивительно простого и дѣйствительнаго средства разрѣшить армянскій вопросъ, повидимому, додумался самъ султанъ Абдулъ-Гамидъ, который, отдѣлавшись въ началѣ своего царствованія отъ Мидхата-паши и его конституціи, уже двадцать лѣтъ самъ управляетъ своей имперіей, съ помощью не министровъ, служащихъ только слѣпыми орудіями его воли, а придворной камарильи. Четыре года подготовлялось осуществленіе новой султанской политики и въ это время были созданы изъ курдовъ особые полки, подъ названіемъ гамидее, въ честь самого Абдулъ-Гамида; имъ дали мундиры и оружіе, обучили военнымъ артикуламъ и, наконецъ, въ числѣ тридцати полковъ, по пятисотъ или шестисотъ человѣкъ въ каждомъ, этихъ гамидеевъ спустили на мирныхъ, не вооруженныхъ армянъ. Мало того, имъ дали

въ помощь регулярныхъ солдатъ, гдѣ это требовалось, и предоставили полную свободу остальнымъ недисциплинированнымъ курдамъ, а административнымъ и судебнымъ властямъ было предписано не оказывать ни малѣйшаго содѣйствія несчастнымъ жертвамъ; напротивъ, подстрекательство противъ нихъ фанатизма турокъ низшаго класса всячески покровительствуется.

Первымъ актомъ массоваго избіенія армянъ была Соссунская катастрофа. Въ одномъ этомъ округѣ было истреблено въ августѣ 1894 года двадцать два селенія, съ тысячью сорока восемью домами, и убито до шести тысячъ человѣкъ, а остальное населеніе пущено по міру, причемъ совершены самыя ужасныя звѣрства надъ женщинами и дѣтьми. Затѣмъ, слѣдовали такія же поголовныя рѣзни въ Эрзерумѣ, Трапезундѣ, Ерзинханѣ, Хаэранкалебѣ и сотнѣ другихъ городовъ и селеній. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, октября и ноября, прошедшаго года въ тридцати одной мѣстности было убито до 20.000 человѣкъ; что же касается до раззоренныхъ и голодающихъ армянъ, то, по турецкимъ статистическимъ даннымъ, которымъ, конечно, нельзя довѣрять, въ концѣ прошлаго года ихъ было въ городахъ 75.000, а въ деревняхъ 350.000 душъ. И всѣ убійства, всѣ грабежи, всѣ ужасы совершались систематично; они начинались по сигналу турецкихъ властей, продолжались строго опредѣленное время, около четырехъ часовъ въ день, и оканчивались, когда некого было болѣе убивать, нечего болѣе грабить. Съ конца прошлаго года и до настоящаго времени продолжались тѣ же массовыя избіенія армянъ въ Урфѣ, Кузербулѣ, Казмутѣ, Зейтунѣ, Тарманѣ, Марсиванѣ, Ежгинѣ, Кайзарье и т. д. Общую цифру всѣхъ убитыхъ трудно опредѣлить, но она, по разсчету компетентныхъ лицъ, превышаетъ сто тысячъ, а раззорено и голодаетъ до половины населенія тѣхъ вилайетовъ, гдѣ примѣнялась новая политика, т. е. около полумилліона людей. Неудивительно, что послѣ этого оставшіяся въ живыхъ жертвы этой политики, тысячами переходятъ въ магометанство, преимущественно женщины и дѣти. Наконецъ, чтобъ показать европейскимъ державамъ, какъ Турція смѣется надъ ихъ дипломатическими тонкостями, султанъ перенесъ сцену этихъ звѣрскихъ подвиговъ изъ глубины Азіи въ Константинополь и два раза устроилъ передъ ихъ глазами травлю армянъ. Въ октябрѣ прошлаго года три дня избивали на улицахъ Царьграда несчастныхъ армянъ, которыхъ погибло нѣсколько сотенъ, а турокъ убито лишь три человѣка; при этомъ, какъ всегда, избіеніе было строго организовано: администрація, солдаты и полиція руководили всѣмъ дѣломъ, не-армянъ убито чрезвычайно мало, и первый выстрѣлъ, который, по увѣренію турокъ, былъ сдѣланъ армянскимъ революціонеромъ, принадлежалъ турку, входившему въ составъ эскорта великаго визиря. То же повторилось и въ августѣ настоящаго года, съ той только разницей, что рѣзня продолжалась два дня, что убито не менѣе десяти тысячъ

армянъ и что на этотъ разъ султану удалось набросить тѣнь вины въ этихъ звѣрствахъ на армянскихъ революціонеровъ, на которыхъ не только турецкія власти, но многіе другіе стараются свалить всю вину такъ называемаго панармянскаго движенія. Но хотя дѣйствительно армянскіе патріоты задумали сенсаціонной демонстраціей обратить вниманіе Европы на свое отчаянное положеніе и, завладѣвъ оттоманскимъ банкомъ, понудить европейскихъ пословъ угрозой сжечь банкъ вырвать давно обѣщанныя реформы изъ рукъ султана, отсутствіе у нихъ кровавыхъ намѣреній доказывается тѣмъ, что они могли дѣйствительно подорвать банкъ, но этого не сдѣлали. Напротивъ, турецкія власти, зная заранѣе объ этомъ планѣ, не только не приняли мѣръ къ предупрежденію его осуществленія, но всячески разжигали ловкими полицейскими агентами патріотическій пылъ увлекающихся армянъ и потомъ воспользовались этимъ случаемъ для массовой рѣзни, за которой слѣдовало огромнѣйшее раззореніе и выселеніе изъ Константинополя армянъ. Вообще армянъ жило до этого погрома въ Царьградѣ до 150.000 человѣкъ, преимущественно людей состоятельныхъ: торговцевъ, трактирщиковъ, булочниковъ, лавочниковъ и т. д., а теперь нѣтъ ихъ и трети. Остальные или убиты, или скитаются по различнымъ странамъ, преимущественно въ Болгаріи.

Что же дѣлали пока европейскія державы? Все то же. Дипломаты препирались и интриговали, хладнокровно смотрѣли на лившуюся кровь, а Порта среди массовой рѣзни подписала 5-го октября прошедшаго года положеніе о новыхъ реформахъ, которое, какъ всѣ прочіе подобные проекты, осталось безъ всякаго исполненія, что, однако, не мѣшало дипломатамъ серьезно обсуждать эти реформы и считать ихъ побѣдой своей политики. Вообще европейская дипломатія болѣе чѣмъ когда-либо доказала въ этомъ несчастномъ армянскомъ вопросѣ свою постыдную несостоятельность. Цѣлый народъ-мученикъ, находящійся согласно трактатамъ подъ особой опекой державъ, погибаетъ, а одни дипломаты увѣряютъ, что армяне не стоятъ сочувствія, такъ какъ они ведутъ себя нехорошо, а ихъ стремленія къ независимости служатъ угрозой для сосѣдей; другіе видятъ во всемъ зловредныя козни Альбіона; третьи считаютъ султана въ правѣ распоряжаться дома, какъ онъ желаетъ, и усматриваютъ въ такъ называемыхъ армянскихъ безпорядкахъ только происки революціонныхъ комитетовъ. На все это лучшій отвѣтъ, что дѣло идетъ не о нравственныхъ достоинствахъ армянъ, а объ ихъ огульномъ истребленіи; къ тому же, еще Байронъ сказалъ: «Трудно найти націю, въ лѣтописяхъ которой было бы такъ мало преступленій, какъ въ лѣтописяхъ армянъ, добродѣтели которыхъ принадлежатъ имъ, а пороки—послѣдствія того ига, которое они выносятъ». Наконецъ, многіе изъ самыхъ пламенныхъ ихъ защитниковъ въ настоящую минуту признаютъ, что они слишкомъ увлекаются

коммерческими инстинктами, но все-таки требуютъ, чтобъ Европа прекратила ихъ незаслуженныя муки. Трудно себѣ представить бо́льшій контрастъ, чѣмъ тотъ, который существуетъ между общественнымъ мнѣніямъ въ Европѣ и оффиціальной дипломатіей по армянскому вопросу. Конечно, общественное мнѣніе не вездѣ одинаково возбуждено въ пользу несчастныхъ жертвъ, но, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, оно мало-по-малу все-таки возвышаетъ свой могучій голосъ. Конечно, Англія въ этомъ отношеніи идетъ впереди всѣхъ странъ: тамъ громадное большинство, безъ различія партій, сословій, положеній, громко протестуетъ противъ невозможныхъ армянскихъ звѣрствъ. Движеніе это съ каждымъ днемъ принимаетъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры: публичные митинги, петиціи, подписки въ пользу пострадавшихъ армянъ организуются чуть не ежедневно, и въ этой агитаціи принимаютъ участіе одинаково духовенство, аристократія, тори, либералы, буржуазія, рабочіе. Печать вторитъ общему возбужденію, а руководитъ всѣмъ могучій голосъ Великаго Старика, который вторично проповѣдуетъ крестовый походъ противъ гонителей христіанскихъ народностей Оттоманской имперіи. То, что ему удалось сдѣлать относительно Болгаріи, онъ пытается повторить и въ пользу армянъ. Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ и совѣтуетъ англійскому правительству отозвать своего посланника изъ Константинополя, чтобъ поддержать національную честь, если султанъ не положитъ конца позорящей весь свѣтъ массовой рѣзнѣ. Пока еще торійское правительство ловко лавируетъ между дипломатическими традиціями и требованіями общественнаго мнѣнія, даже оффиціальный глава либераловъ счелъ нужнымъ изъ политики выйти въ отставку, чтобъ не компрометировать себя крайними мнѣніями настоящаго вождя своей партіи, Гладстона; но съ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ шутить нельзя, и оно рано или поздно заставитъ правительство дѣйствовать согласно съ его волей, что, конечно, будетъ большой нравственной побѣдой, такъ какъ всегда Англія играла самую позорную роль въ восточномъ вопросѣ, поддерживая во что бы то ни стало «больного человѣка» въ Константинополѣ. Положеніе Франціи по армянскому вопросу самое щекотливое; оффиціальныя сферы во имя франко-русскаго союза упорно держатся русской политики невмѣшательства, ея печатные органы силятся подорвать сочувствіе къ армянамъ, взваливая всю вину ихъ бѣдствій на англійскія козни; правительство всячески мѣшаетъ публичнымъ сходкамъ, но все-таки въ послѣднее время во Франціи начинаетъ создаваться общественное мнѣніе въ пользу армянъ. Самые краснорѣчивые ея ораторы, какъ Жоресъ, произносятъ пламенныя рѣчи, клеймя преступное хладнокровіе правительства, лучшіе журналисты, какъ Клемансо, Пельтанъ, Рошфоръ, наполняютъ столбцы газеть горячими протестами и, наконецъ, на-дняхъ подана правительству петиція о необходимости заступиться за несчастныхъ армянъ съ под-

писями такихъ выдающихся людей, какъ Альфонсъ Додэ, Зола, Коппэ и т. д. То же движеніе замѣчается въ послѣднее время въ Италіи и Бельгіи; даже въ Германіи начинаютъ раздаваться сочувственныя армянамъ голоса, не смотря на сильное правительственное давленіе во имя того принципа, что султанъ—неограниченный повелитель своихъ подданныхъ.

Если отъ Арменіи мы перейдемъ къ Криту и Македоніи, то увидимъ ту же траги-комедію, лишь въ меньшихъ размѣрахъ, причемъ трагическую сторону изображаютъ какъ всегда турецкіе ужасы, а комическую—дипломатическія тонкости европейскихъ державъ. Островъ Критъ, или Кандія, постоянно игралъ передовую роль въ періодическихъ возстаніяхъ христіанъ противъ турецкаго ига, съ самаго завоеванія его султаномъ Магометомъ IV двѣсти семьдесятъ четыре года тому назадъ и въ одномъ девятнадцатомъ вѣкѣ онъ уже ведетъ въ восьмой разъ кровавую борьбу съ своими тиранами. Храбро, стойко отстаивали критяне свое право на жизнь въ 1821—1828 годахъ, въ 1841, 1852, 1863, 1866, 1868, 1878, 1889 г. и требовали одного присоединенія къ Греціи, но европейская дипломатія упорно отказывала имъ въ этомъ и заставляла довольствоваться такъ называемымъ галепскимъ актомъ, по которому Порта согласилась ввести на Критѣ извѣстныя реформы, въ томъ числѣ назначеніе губернаторомъ христіанина. Но всѣ эти реформы, конечно, оказывались лишь мыльнымъ пузыремъ, а если и назначались христіанскіе губернаторы, то они или оказывались турецкими ставленниками, или были вынуждены подать въ отставку, въ виду открытаго и тайнаго сопротивленія турецкихъ властей, сохранявшихъ въ своихъ рукахъ администрацію, армію и полицію. Такъ дѣло шло до весны настоящаго года, когда огульное избіеніе христіанъ въ Канеѣ возбудило новое возстаніе. Снова кандіоты совершили подвиги храбрости и патріотизма, одерживая въ открытомъ бою верхъ надъ своими притѣснителями и снова заявили желаніе присоединиться къ Греціи, но снова европейскіе дипломаты вмѣшались, будто бы, для охраны истинныхъ интересовъ Крита, которые препятствуютъ ея присоединенію къ Греціи, снова удержали греческое правительство отъ помощи возставшимъ и хотя, по счастью, для чести Европы не было принято предложеніе Австріи блокировать соединенными европейскими флотами бѣдный островъ съ цѣлью не допустить туда никакихъ военныхъ запасовъ, конечно, кандіотамъ, а не туркамъ, но дипломаты снова настояли на подчиненіи острова послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ кровавой борьбы турецкому игу. Еще разъ выдвинутъ впередъ пресловутый галепскій актъ и назначенъ христіанскій губернаторъ, въ лицѣ грека, Георгія Беровича. Но прошло съ тѣхъ поръ два мѣсяца и оказалось, что большинство населенія острова, т.-е. $^3/_4$ его, состоящее изъ христіанъ, ничѣмъ не гарантированы отъ турецкихъ преслѣдованій въ той или другой формѣ; христіанскій прокураторъ въ Канеѣ избитъ турками, а

чрезвычайный коммиссаръ Порты, Саадъ-Эддинъ-паша, посланный для улаженія несогласія между христіанами и турками, тайно подстрекаетъ мусульманъ подать султану петицію объ отмѣнѣ только что дарованныхъ острову реформъ. Неудивительно, что критяне снова волнуются, паника распространилась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ турки, и вообще подготовляется новое возстаніе.

Въ Македоніи также продолжается броженіе и, по всей вѣроятности, разразится новая буря весною, въ ожиданіи чего и Греція, повидимому, вооружается. Что именно происходило въ этой мѣстности за послѣднее время мало извѣстно, такъ какъ свѣдѣнія о македонскихъ событіяхъ очень скудны. Достовѣрно только, что турки притѣсняютъ христіанъ невыносимыми поборами, грабятъ ихъ, убиваютъ и насилуютъ женщинъ, а христіане мужественно возстаютъ въ различныхъ уголкахъ и ведутъ геройскую борьбу съ своими притѣснителями, въ чемъ имъ помогаютъ партизанскіе отряды греческихъ волонтеровъ, которые ухитряются перейти черезъ границу, не смотря на оффиціальное сопротивленіе греческаго правительства. Македонская неурядица значительно усложняется смѣшанностью ея населенія, состоящаго изъ грековъ, болгаръ, сербовъ и румынъ, такъ что каждый изъ этихъ элементовъ тянетъ въ сторону своихъ соотечественниковъ, уже достигшихъ независимости. Къ тому же, и вражда между духовенствомъ каждой изъ этихъ національностей подливаетъ масла въ огонь, чѣмъ ловко пользуются турецкія власти, разжигая страсти. Еще менѣе извѣстно о движеніи среди друзовъ въ Сиріи и туземцевъ Іемена въ Аравіи, но нѣтъ сомнѣнія, что первые ведутъ стойкую борьбу съ своими притѣснителями турками, а послѣдніе мстятъ рѣзней то въ одной мѣстности, то въ другой за вопіющія злоупотребленія оттоманскихъ властей.

Вообще, эти административныя злоупотребленія, съ сопровождающими ихъ невыносимымъ гнетомъ и несправедливыми поборами, составляютъ подноготную внутренней стороны восточнаго вопроса. Магометане не менѣе христіанъ страдаютъ въ этомъ отношеніи и положеніе турецкаго населенія въ провинціяхъ, особенно поселянъ, врядъ-ли лучше печальной доли христіанъ. Въ сущности, турки такъ же, какъ христіане, жаждутъ реформъ и прекращенія диктаторской власти Абдулъ-Хамида. Дѣйствительно, теперешняя оттоманская правительственная система сгнила въ корнѣ, и это вполнѣ понимаютъ самые ревностные мусульмане. Всѣ разсказы о томъ, что султанъ и его правительство обязаны подчиняться, помимо своей воли, крайностямъ магометанскаго фанатизма, не имѣютъ никакого основанія; высшія духовныя лица не одобряютъ послѣднихъ массовыхъ избіеній христіанъ, и софты, т.-е. ученики духовныхъ школъ, не приняли участія въ недавней константинопольской рѣзнѣ. Болѣе того выдающіеся турецкіе дѣятели въ провинціяхъ, даже въ Арменіи, по свидѣтельству европейскихъ консуловъ, начинаютъ громко протестовать противъ совершающихся ужасовъ, и

даже находятся такіе, которые прямо говорятъ, что, не смотря на всѣ приказанія изъ Константинополя, они болѣе не станутъ служить слѣпыми орудіями личной мести Абдулъ-Хамида, который, по очень распространенному къ Турціи слуху, преслѣдуетъ армянъ, главнымъ образомъ, потому, что его мать была армянка, перешедшая изъ христіанокъ въ магометанки, почему противъ нея возставали всѣ ея соотечественники. Благодаря подобнымъ обстоятельствамъ, неудивительно, что султанъ и его камарилья начали производить безконечные аресты благомыслящихъ турокъ, даже духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ софтъ; это, однако, не мѣшаетъ быстрому развитію партіи молодой Турціи и вновь возникшей лиги турецкихъ реформъ, которыя громко требуютъ прекращенія деспотизма настоящаго султана и возстановленія на первый случай хоть пресловутой конституціи Мидхата паши, которая, въ сущности, никогда не была оффиціально отмѣнена и до сихъ поръ не только она печатается въ оффиціальныхъ турецкихъ календаряхъ, но и каждый вновь издаваемый турецкій законъ начинается словами, что онъ временный, до утвержденія его палатами. «Недугъ, которымъ страдаетъ вся Турція,—говоритъ въ только-что напечатанномъ въ «Times» письмѣ, бывшій англійскій посланникъ въ Константинополѣ, сэръ Генри Элліотъ, когда-то ревностный другъ Порты,—хотя въ иныхъ мѣстностяхъ симптомы его сильнѣе обозначаются. чѣмъ въ другихъ, заключается въ роковомъ вліяніи султанскаго дворца. Чтобы успѣшно дѣйствовать противъ этого недуга, необходимо уничтожить его въ корнѣ и установить надъ султаномъ контроль всей націи. Въ настоящее время Абдулъ-Хамидъ болѣе боится партіи молодой Турціи, чѣмъ европейскихъ державъ, потому что, какъ ему хорошо извѣстно, за этой партіей стоитъ громадное большинство его подданныхъ. Онъ ни за что не перемѣнитъ своей системы иначе, какъ подъ вліяніемъ страха, но онъ уступитъ волѣ всей страны, когда пойметъ, что ему грозитъ личная опасность».

Къ этому вполнѣ справедливому взгляду на современную фазу восточнаго вопроса лица, столь компетентнаго, какъ сэръ Генри Элліотъ, надо еще прибавить, что требуемая коренная реформа турецкихъ порядковъ можетъ совершиться только подъ условіемъ, чтобы Европа сошла съ почвы политики и перешла на почву международнаго права. Съ этого мы начали нашу статью, этимъ и кончимъ. Всѣ же дипломатическія починки восточнаго Тришкина кафтана не поведутъ ни къ чему и только отсрочатъ естественное разрѣшеніе восточнаго вопроса, а быть можетъ, и причинятъ ту самую общую европейскую войну, изъ опасенія которой дипломаты такъ упорно поддерживаютъ «больного человѣка» въ Константинополѣ. Еще въ 1828 г. графъ Каподистрія предлагалъ радикальное переустройство Балканскаго полуострова и образованіе пяти государствъ: Дакіи (Молдавія и Валахія), Сербіи (съ Болгаріей и Босніей), Македоніи (съ Фракіей и многими островами архипелага),

Эпира (съ Албаніей) и Греціи (отъ рѣки Пенся до моря съ прилежащими островами). Многое изъ этого плана уже совершилось, а остальное и многое еще другое въ азіатской Турціи могло бы совершиться, еслибы европейская дипломатія, наконецъ, взялась бы за умъ и стала бы руководствоваться не личными, корыстными интересами или мелочнымъ соперничествомъ, а великимъ принципомъ: «руки долой», при практическомъ осуществленіи котораго мирно, безъ всякой войны, Оттоманская имперія распадется на свои естественныя части, къ общему благу какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ народностей, а равно къ чести Европы, которая, наконецъ, освободится отъ лежащаго на ней вѣчнымъ пятномъ восточнаго вопроса.

В. Т.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г., г. редакторъ! Только на-дняхъ я имѣлъ случай прочесть напечатанную въ «Новомъ Словѣ» статью г. К. Т—ина «Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ въ Н.-Новгородѣ».

Въ статьѣ на стр. 41 говорится, что среди читанныхъ на съѣздѣ докладовъ «выдѣлялся своимъ *внѣшнимъ блескомъ* одинъ оригинальный докладъ. Ораторъ въ рѣчи своей, *чрезвычайно длинной*, произнесенной *съ жестами*, не говорилъ, а скорѣе *пѣлъ* гимнъ страхованію, ссылаясь на *единственный для него источникъ*—книгу Беллями «Будущій вѣкъ». Рѣчь эта вызывала болѣе *улыбки*, но такъ какъ и она соотвѣтствовала встрѣтившей общую симпатію идеѣ, то и этому оратору тоже похлопали».

Такъ какъ изъ всѣхъ докладчиковъ, поддерживавшихъ идею государственнаго страхованія рабочихъ, одинъ я упоминалъ о Беллями, очевидно, рѣчь идетъ о моемъ докладѣ.

Отзывъ о немъ г. К. Т—ина презрителенъ. И, разумѣется, еслибъ этимъ дѣло кончалось, я не обратилъ бы на него вниманія. Но въ отзывѣ извращаются факты и допускаются невѣрныя свѣдѣнія. Это я считаю нужнымъ опровергнуть.

1. Ни «внѣшняго блеска», ни «жестовъ», ни «пѣнія» не было. Въ этомъ отношеніи авторъ отзыва приписалъ мнѣ то, чѣмъ отличалась его собственная рѣчь.

2. Мой докладъ не былъ не только «чрезвычайно длиннымъ», но даже просто «длиннымъ». Къ счастью, я имѣю возможность доказать это категорически: докладъ мой напечатанъ и занимаетъ въ печатномъ видѣ 326 строкъ (по 39 буквъ въ строкѣ), такъ что время, употребленное для его произнесенія, составляло 15 — 20 минутъ. Если принять во вниманіе, что по правиламъ съѣзда даже *для возраженій* по докладамъ каждому предоставлялось 10 минутъ, то называть такой періодъ времени, какъ 15—20 минутъ *для доклада*, «чрезвычайно длиннымъ» можно только при нѣкоторой несправедливости.

3. Я ссылался, кромѣ Беллями, на Б. Ѳ. Малешевскаго, Д. Д. Морева, А. А. Исаева, Albert'a Chaufton'a, А. И. Чупрова и Wagner'a. Едва-ли безъ достаточной дозы несправедливости можно сказать при такихъ условіяхъ, что Беллями для меня былъ «*единственный* источникъ».

4. Наконецъ, напрасно авторъ отзыва приписываетъ слушателямъ моего доклада «улыбки». Улыбался—и даже весьма вызывающе—*только авторъ отзыва*, но онъ не составлялъ всѣхъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи и совершенной преданности.

Анатолій Кремлевъ.

$^{2}/_{14}$ декабря 1896.

ОБО ВСЕМЪ.

Подъ рождественскіе праздники дозволяется все разсказывать, даже невѣроятныя вещи и небылицы, а съ другой стороны—нѣкоторыя вещи существуютъ точно нарочно для того, чтобы ихъ разсказывать подъ Рождество.

У меня есть старинный знакомый, землякъ и деревенскій сосѣдъ, Петръ Ивановичъ Докукинъ. Хотя имѣніе у него заложено; но человѣкъ онъ настолько обезпеченный, что можетъ не служить и жить, гдѣ хочетъ. Когда-то и онъ служилъ, дошелъ даже до довольно виднаго назначенія, а потомъ, вслѣдствіе какого-то личнаго столкновенія, вдругъ перешелъ въ оппозицію—въ земство; но потомъ и земскую дѣятельность скоро оставилъ и сталъ вольнымъ человѣкомъ: надоѣла ему «эта говорильня», хотя, нужно замѣтить, самъ онъ говоритъ навѣрное не меньше десяти земскихъ собраній. Лѣто онъ проводитъ въ деревнѣ, а зимой ѣздитъ за границу и въ Петербургъ. Больше, впрочемъ, въ Петербургъ, такъ какъ и во время своего фрондированія не порывалъ петербургскихъ связей... И вотъ, тутъ-то для меня ужъ и начинается, поистинѣ, трудная пора. Онъ заходитъ ко мнѣ раза два-три въ недѣлю «на минуточку», и я долженъ смотрѣть, какъ эти минуточки превращаются въ долгіе часы, и выслушивать разныя его сообщенія, соображенія, сѣтованія, совѣты и т. д.—«Я зашелъ къ тебѣ вотъ что сообщить», «не напишешь-ли вотъ о чемъ», «не пригодится-ли тебѣ такой фактъ»,—говоритъ онъ обыкновенно и усаживается; а я ужъ знаю, что за однимъ фактомъ пойдутъ другіе, за однимъ «вотъ что» послѣдуетъ—«а это еще интереснѣе». Петръ Ивановичъ, на томъ основаніи, что, будучи 10—11-лѣтнимъ мальчикомъ, когда я былъ еще на рукахъ у кормилицы, однажды взялъ и подержалъ меня на рукахъ, говоритъ мнѣ *ты*, а я на томъ же основаніи говорю ему *вы*. Онъ заботится о литературной моей дѣятельности, находя въ литературѣ разные изъяны: незнаніе провинціи и русской жизни вообще, верхоглядство, шаблонность мысли и т. д. и хочетъ, чтобы я всего этого избѣжалъ. Еслибы онъ былъ человѣкомъ совсѣмъ мнѣ постороннимъ, дуракомъ или высказывалъ какія-нибудь дикія идеи, то можно было бы его и не слушать, а тутъ извольте: и давнишнее знакомство, и истинное расположеніе, и умъ, и

если не всегда, то нерѣдко хорошіе взгляды и, въ довершеніе всего, необыкновенная страстность рѣчи и всегда выпученные глаза. Да и интересъ всегда представляетъ то, что разсказываетъ Петръ Ивановичъ, такъ что о разсказанномъ потомъ невольно думаешь. Будучи свободнымъ человѣкомъ и бывая въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, онъ всегда знаетъ о разныхъ закускахъ и перемѣнахъ, какія готовятся обывателю, о разныхъ зарождающихся проектахъ, перемѣщеніяхъ и назначеніяхъ, знаетъ закулисную сторону разныхъ вновь возникающихъ «отечественно-промышленныхъ» предпріятій, которыя имѣютъ цѣлью кого-нибудь облопошить, знаетъ факты и слухи, которые только развѣ впослѣдствіи попадутъ въ «Русскую Старину» (переписываетъ, по старой памяти, даже эпиграммы на разныхъ лицъ) и т. д. Сообщеній у него всегда много и по большей части такого сенсаціоннаго характера, что не знаешь—вѣрить имъ или нѣтъ? Сколько разъ пробовалъ я не вѣрить, подозрѣвая Петра Ивановича въ легковѣріи и даже въ склонности къ собственному фантазированію, а между тѣмъ проходило нѣкоторое время—и сообщеніе оказывалось, если не вполнѣ, то приблизительно и даже въ значительной степени вѣрнымъ. Приходитъ, напр., онъ однажды и говоритъ:

— Представь, какая штука: на Кавказѣ, въ горахъ, въ необитаемой мѣстности, нашли желѣзнодорожный мостъ. Мостъ стоитъ, а полотна къ нему ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ!

Что за чепуха такая, думаю, однако, изъ вѣжливости, спрашиваю:

— Въ какой же именно мѣстности нашли такой мостъ?.. И откуда онъ взялся?..

— Мѣстности хорошенько не знаю, только ручаюсь, что это вѣрно: изъ самаго достовѣрнаго источника слышалъ.

Мнѣ до такой степени показалось это невѣроятнымъ, что стало даже какъ-то стыдно, и я поторопился перевести разговоръ на другую тему. Однако, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я узналъ, что Петръ Ивановичъ былъ близокъ къ истинѣ. Встрѣтился я какъ-то съ только что вернувшимся съ Кавказа знакомымъ директоромъ департамента одного изъ министерствъ и спросилъ его: что за вздоръ такой разсказываютъ, будто гдѣ-то на Кавказѣ, въ горахъ, нашли желѣзнодорожный мостъ? Можетъ-ли это быть, когда извѣстно, что въ береговой полосѣ Анненковское шоссе стоитъ безъ мостовъ черезъ болѣе или менѣе значительныя рѣки? Можетъ-ли это быть, когда простые мосты черезъ такія рѣки, какъ, напр., Туапсе и Шахе, разсчитаны по смѣтѣ въ 80 т. и въ 200 т. А тутъ вдругъ желѣзнодорожный мостъ...

— Т.-е. не совсѣмъ желѣзнодорожный,—сказалъ знакомый,—но, дѣйствительно, есть тамъ здоровый мостище, который всегда можетъ быть приспособленъ къ желѣзнодорожному сообщенію. Онъ въ этихъ видахъ и строился, въ предвидѣніи будущей желѣзной дороги. Это мостъ че-

резъ р. Кодоръ, между Сухумомъ и Зугдиди. А въ настоящую минуту дорогъ къ нему, дѣйствительно, нѣтъ, даже грунтовыхъ. Объ этомъ вы можете прочитать въ моемъ путевомъ дневникѣ.

Такимъ образомъ, Петръ Ивановичъ оказался правъ или, во всякомъ случаѣ, близокъ къ истинѣ.

Приходитъ въ другой разъ и говоритъ:

— Слышалъ я, какъ у васъ нынче опять стали откровенно брать... не взятки и не благодарности, нѣтъ, а гонорары за услугу, за трудъ и хлопоты... Называетъ фамилію и продолжаетъ:—приходитъ на-дняхъ Колупаевъ къ Егоженеминуемскому и говоритъ: «Явите божескую милость, посодѣйствуйте моему дѣльцу, а ужъ я у вашей милости въ долгу не останусь: доставлю вамъ самолично 15 т. и, будьте покойны, останется это между нами. — Тотъ съ минуту подумалъ, какъ бы нѣчто соображая, и отвѣчаетъ: «Вы отлично знаете, что взятокъ и благодарностей я не беру, а равнымъ образомъ не содѣйствую и такимъ дѣламъ, которыя клонятся не къ общественной пользѣ, которую я обязанъ охранять. Я содѣйствую только общеполезнымъ предпріятіямъ... Ваше предпріятіе изъ хорошихъ, какъ въ этомъ я убѣдился изъ вашей записки. А при этомъ я беру только маленькій гонораръ за трудъ, только извѣстный, ничтожный процентъ съ той выгоды, какую вы будете получать, ну, да развѣ еще на нѣкоторые, необходимые расходы: придется съѣздить туда-сюда, переговорить съ тѣмъ-другимъ, съ третьимъ пообѣдать и т. п. Не стану же я, да и вы, вѣроятно, не захотите, чтобы все это я дѣлалъ изъ своего кармана... Между тѣмъ, по моему разсчету, одного гонорара приходится больше 15 т. Ну, да куда ужъ ни шло, скажу вамъ короче вотъ что: привозите 20 т. и разсказывайте потомъ кому угодно...»

Опять я усомнился, между тѣмъ мѣсяца черезъ два стали объ этомъ всѣ говорить, а Егоженеминуемскій оставилъ службу. Точно также отъ перваго Петра Ивановича узналъ я и о злоупотребленіяхъ въ могилевскомъ округѣ путей сообщенія, и о странномъ лѣсномъ дѣлѣ между бывшимъ министромъ путей сообщенія, А. К. Кривошеинымъ, и лѣсоторговцами Рабиновичемъ, Гуревичемъ и Маховеромъ, узналъ задолго до ихъ судебнаго разбирательства, которое, какъ извѣстно, происходило только на-дняхъ. Оба эти дѣла, даже по сухимъ судебнымъ отчетамъ представляютъ значительный бытовой интересъ, по простотѣ и развязности дѣйствій, а въ живой его передачѣ—это были настоящія эпопеи, которыхъ нельзя было не слушать. Узналъ я отъ Петра Ивановича и многое другое, что также такъ или иначе подтвердилось. Вотъ почему, если въ его разсказахъ и сообщеніяхъ и есть извѣстная часть такихъ, которые еще не подтвердились и можетъ быть—совсѣмъ не подтвердятся, приходится и имъ все-таки невольно вѣрить, не смотря на всю ихъ неправдоподобность. Я все жду, что подтвердится и нѣсколько фантастическій разсказъ его о покупкѣ вѣтра, ко-

торымъ онъ угостилъ меня нынѣшнею весною передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ деревню. Вотъ этотъ разсказъ.

— Я къ тебѣ на минуточку,—сказалъ онъ,—проститься и разсказать маленькій фактъ изъ жизни нашихъ далекихъ окраинъ. Тебѣ это тѣмъ болѣе интересно будетъ знать, что фигурируетъ въ немъ, по всей вѣроятности, сынокъ нашего знакомаго Зацѣпы. Онъ именно тамъ, въ этой Азіи, на самой границѣ, гдѣ-то служитъ какимъ-то маленькимъ начальникомъ. Гдѣ именно—позабылъ (Петръ Ивановичъ обстоятельства мѣста всегда забывалъ или перепутывалъ), ну, да это все равно, будь хоть въ Китаѣ или Японіи,—тутъ интересенъ самый фактъ, свидѣтельствующій о необыкновенной, чисто геніальной изобрѣтательности русскаго ума, напоминающей и даже нисколько не уступающей изобрѣтательности П. И. Чичикова. Я знаю только одно, что этотъ самый Зацѣпа, послѣ того, какъ проигрался въ карты и запутался въ Москвѣ въ векселяхъ и въ француженкахъ, уѣхалъ въ самую разъазіатскую глушь и получилъ тамъ какое-то маленькое мѣстечко, мѣстечко, однако, такое, что у него есть подвѣдомственный инородецъ и нѣсколько аксакаловъ, которымъ онъ можетъ приказывать. Ну, такъ вотъ однажды онъ собираетъ этихъ аксакаловъ и держитъ къ нимъ такую рѣчь: видя бѣдственное положеніе населенія и желая какъ-нибудь ему помочь, я придумалъ слѣдующее: соберите вы стариковъ на сходы и скажите имъ, что я хочу купить у нихъ вѣтеръ... (старики переглянулись и посмотрѣли на говорившаго)... Да, вѣтеръ, что вы такъ на меня смотрите? повторяю: вѣтеръ, который, собственно говоря, не имъ принадлежитъ и никому не нуженъ, и предлагаю за него 2.000 руб. чистыми деньгами. Согласятся—ладно, не согласятся—дураки будутъ. Просить не буду. Ну, такъ вотъ... А теперь айда, ступайте и ровно черезъ недѣлю дайте отвѣтъ.

Поклонились аксакалы и поѣхали по домамъ. Долго недоумѣвающе таращили они глаза и разводили руками, долго провѣряли другъ друга—не измѣнилъ-ли имъ слухъ, долго шептались, наконецъ, когда уже далеко отъѣхали, стали смѣяться и рѣшили, что «баринъ» просто съ ума спятилъ и что въ такомъ положеніи, дѣйствительно, они и старики будутъ дураками, если поскорѣе не возьмутъ этихъ денегъ.

Пріѣхавъ въ свои селенія,—аулы или наслеги, шутъ ихъ знаетъ, какъ тамъ ихъ называютъ,—созвали стариковъ и сдѣлали имъ въ этомъ смыслѣ предложеніе. Вещь до того была необычной, что поднялся галдежъ, начались разныя подозрѣнія, споры, шумъ. Одни говорили: какъ бы бѣды не нажить; другіе полагали, что вѣтеръ принадлежитъ Аллаху и что никто не имѣетъ права ни продавать, ни покупать его, третьи, напротивъ, доказывали, что продавай не продавай его, а онъ все равно будетъ дуть и никто его, даже самъ Зацѣпа, не поймаетъ и не удержитъ. Доводъ этотъ былъ настолько очевиденъ, что, наконецъ, послѣднее благоразумное мнѣніе, поддержанное и аксакалами, взяло пе-

ревѣсъ: рѣшили продать вѣтеръ и употребить вырученныя деньги на разныя общія нужды. Явились аксакалы къ Зацѣпѣ, какъ было сказано, ровно черезъ недѣлю (хотѣли было раньше поѣхать, да побоялись, какъ бы онъ не сказалъ: ишь, обрадовались, и не раздумалъ) и самымъ дѣловымъ образомъ сообщили, что исполнили его приказаніе и что все поселеніе изъявило согласіе на продажу вѣтра. Явилась на сцену бумага съ марками надлежащаго достоинства, гдѣ договоръ былъ въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ записанъ и подъ нимъ съ приложеніемъ печатей подписались, съ одной стороны, Зацѣпа, а съ другой — аксакалы, при чемъ, въ качествѣ необходимыхъ документовъ, были приложены къ дѣлу и привезенные ими приговоры сходовъ. Словомъ, вѣтеръ былъ проданъ и деньги за него уплачены, а бумаги положены въ письменный столъ. Прошла весна и наступило лѣто. Все шло своимъ чередомъ и всѣ были довольны; общія нужды удовлетворялись, а нѣкоторая толика изъ остаточныхъ суммъ перепала даже кое-кому и на руки; одни благословляли Аллаха, другіе продолжали посмѣиваться, какъ ловко провели они барина, или, лучше сказать, какъ самъ онъ себя провелъ; находились и такіе, которые при этомъ указывали пальцемъ на лобъ и посвистывали. А баринъ тоже, повидимому, хорошо себя чувствовалъ и точно позабылъ о лежавшихъ въ столѣ бумагахъ. Но вотъ наступила осень, началась уборка хлѣба и наступило время молотьбы. Тогда баринъ вспомнилъ о бумагахъ, досталъ ихъ, прочиталъ и опять позвалъ къ себѣ тѣхъ же аксакаловъ: «вотъ что,—сказалъ онъ имъ;—теперь у васъ начинаютъ молотить и вѣять хлѣбъ, такъ вотъ за вѣйку, въ качествѣ собственника вѣтра, я и желаю получать извѣстную плату съ мѣры чистаго хлѣба. Плату назначаю самую умѣренную — въ нѣсколько копѣекъ. Дозволяю замѣнять ее, по разсчету, и натурой. Скажите объ этомъ вашимъ односельцамъ». Тогда смѣхъ вездѣ моментально прекратился и наступило всеобщее уныніе. Плата вносилась, а тѣмъ, кто не хотѣлъ платить, не дозволялось вѣять хлѣба и даже выходить на токъ. Разумѣется, тутъ были и упущенія, и разныя уловки со стороны плательщиковъ,—новые налоги всегда сопровождаются подобными уклоненіями и нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Однако, въ общемъ, все кончилось благополучно,—хлѣбъ всѣми былъ обмолоченъ и дань собрана. Но этимъ дѣло не кончилось: наступила зима, и Зацѣпа замѣтилъ, что жители мелятъ его вѣтромъ хлѣбъ и сушатъ бѣлье и сдѣлалъ распоряженіе взимать умѣренную плату и за эти операціи. Послѣднее показалось особенно тяжкимъ бабамъ: онѣ заголосили, стали ругать мужей дураками и ослиными хвостами и подняли противъ нихъ настоящее знамя возстанія. Тѣ сперва похорохорились, а потомъ струсили, да и сами увидѣли, въ какомъ положеніи очутились, и впали въ уныніе. Наконецъ, собрались на сходы и рѣшили идти съ повинной: рѣшили просить о выкупѣ вѣтра назадъ, хотя бы даже за болѣе дорогую цѣну. Пришли, кланяются и говорятъ: такъ,

молъ, и такъ, нельзя безъ вѣтра жить, отдай, баринъ, вѣтеръ назадъ; вотъ и всѣ деньги, которыя ты заплатилъ, а то, что собралъ съ насъ, пусть ужъ такъ остается—за науку... Твое счастье. «Нѣтъ,—говоритъ Зацѣпа,—такъ дешево вѣтра я не отдамъ; за 20 т., если хотите, берите его, а меньше не пойдетъ». Что дѣлать, гдѣ такую уйму денегъ взять? А тотъ стоитъ на своемъ и ничего не спускаетъ. Разъѣхались по домамъ, судили, рядили, спорили, наконецъ опять пошли и накинули тысячу. А Зацѣпа и слушать не хочетъ. Опять разошлись по домамъ, опять судили, рядили и спорили и рѣшили еще прибавить тысячу; а тотъ и въ усъ себѣ не дуетъ и сохраняетъ спокойствіе гранитнаго утеса. Да такимъ образомъ разъ десять ходили и кончили тѣмъ, что заплатили-таки требовавшуюся сумму, а тогда и купчая и приговоры были уничтожены соотвѣтственными надписями и брошены въ каминъ. Хорошо?!—спросилъ Петръ Ивановичъ, по окончаніи разсказа.

— Да вѣрно-ли это?

— Не знаю,—только что самъ услышалъ отъ пріѣзжаго изъ тѣхъ мѣстъ очевидца, человѣка серьезнаго и обстоятельнаго. Пусть и не все вѣрно: положи что-нибудь на варіанты и прикрасы при передачѣ, все-таки въ основѣ что-нибудь должно быть отъ истины. Такой вещи изъ пальца не высосешь. Такія вещи приходятъ въ голову только геніямъ изобрѣтательности, въ родѣ Чичикова.

Затѣмъ, поговоривъ на тему, откуда берутся и какъ вырабатываются такіе изобрѣтательные умы, составляютъ-ли они общечеловѣческое или только наше національное явленіе и есть-ли какая-нибудь возможность направить ихъ дарованія въ другую сторону, мы простились съ Петромъ Ивановичемъ, и онъ уѣхалъ въ деревню. Цѣлое лѣто я его не видѣлъ и не зналъ, что онъ дѣлаетъ. Запоздалъ онъ нынче и зимнимъ пріѣздомъ въ Петербургъ, а запоздалъ, какъ оказалось, потому, что цѣлыхъ два мѣсяца пропутешествовалъ по южной Россіи. Это необычное для него путешествіе сопровождалось и необычайнымъ разсказомъ.

— Знаешь-ли, гдѣ я былъ и кого видѣлъ?!—воскликнулъ онъ, вваливаясь на-днихъ ко мнѣ въ комнату.—Держу Богъ знаетъ какое пари—не узнаешь и даже представить себѣ не можешь... Нѣтъ, постой, дай по порядку разсказать. Тебѣ вѣдь я обязанъ и своей поѣздкой, и всѣмъ видѣннымъ...

— Это какими судьбами?

— Очень просто. Помнишь нашъ разговоръ передъ моимъ отъѣздомъ, а потомъ въ одной изъ своихъ статей, приведя рядъ разныхъ безобразныхъ общественныхъ поступковъ и взглядовъ, ты замѣтилъ, что это переноситъ насъ въ эпоху гоголевскихъ героевъ и, между прочимъ, добавилъ: а почему бы этого не могло быть?—и привелъ нѣсколько случаевъ долголѣтія: недавно умершаго за границей убійцы Пушкина,

Дантеса, француза Совена, служившаго нѣкогда въ арміи Наполеона I, дожившаго до 126 лѣтъ въ Саратовѣ, и другіе. нерѣдко встрѣчающіеся въ газетахъ примѣры столѣтнихъ возрастовъ. Вотъ это и напело меня на мысль, которую я тогда постыдился высказать: поѣхать въ тѣ мѣста, гдѣ былъ Гоголь, и посмотрѣть—не найду-ли кого-нибудь изъ выведенныхъ имъ типовъ въ живыхъ? Не можетъ быть,—думалось мнѣ,—чтобы онъ рисовалъ ихъ не съ живыхъ людей, и не можетъ быть, чтобы всѣ эти люди перемерли. Стары они теперь, правда, но все-таки нѣкоторымъ изъ нихъ и 80 лѣтъ не должно еще быть; наконецъ, если не ихъ самихъ, то, думаю, дѣтей ихъ увижу и посмотрю, что изъ нихъ вышло. Сказано—сдѣлано. Поѣхалъ и, можешь представить, какое счастье: познакомился въ дорогѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Хлобуевымъ, который далъ мнѣ Аріаднину нить. А затѣмъ угадай, къ кому онъ меня направилъ и кого я прежде всѣхъ увидѣлъ? Самого Собакевича. Живъ еще Михаилъ Семеновичъ и навѣрно еще долго проживетъ, не смотря на свои 90 «безъ чего-то». Разумѣется, фамилія его не Собакевичъ, а другая, но онъ былъ хорошо знакомъ съ Гоголемъ и прекрасно знаетъ, что Собакевича тотъ съ него рисовалъ. Жива и Ѳеодулія Ивановна, только та ужъ настоящей старушкой стала; а этотъ совсѣмъ еще молодецъ. Попрежнему ни разу не былъ боленъ, попрежнему здоровъ такъ, что скорѣе желѣзо можетъ простудиться и начать кашлять. Попрежнему всѣхъ и вся ругаетъ. Конечно, и на него время наложило свою руку: глаза измѣняютъ, иногда не дослышитъ, въ городъ ужъ не ѣздитъ (боясь простудиться), ватрушку съѣдаетъ только одну, цѣлаго осетра и бараньяго бока не осиливаетъ, а можетъ скушать только половину и сейчасъ же послѣ этого нападаетъ на него дремота, при чемъ Ѳеодулія Ивановна всегда замѣчаетъ: «какъ, однако, душенька, ты слабъ сталъ». Дѣтей у нихъ много, но всѣ въ разныхъ мѣстахъ, на военной и гражданской службѣ. Недалеко, по просьбѣ Ѳеодуліи Ивановны, служитъ по выборамъ только одинъ: «мало-ли что можетъ случиться съ стариками». Народъ вышелъ все дѣловой, строгій, но своего не упускающій, а при случаѣ и Чичиковыхъ могущій удивить. А внучатъ еще больше: старшіе тоже ужъ служатъ, а младшіе еще учатся—въ университетахъ, корпусахъ, гимназіяхъ. Лѣтомъ кое-кто изъ молодежи пріѣзжаетъ къ старикамъ. Бываютъ у нихъ и сосѣди, пріѣзжаютъ гости и изъ города, какъ просто такъ себѣ, такъ и для того, чтобы посовѣтоваться съ такимъ практически умнымъ человѣкомъ, какъ Михаилъ Семеновичъ. Изъ ближайшихъ сосѣдей у Собакевичей бываютъ молодые Маниловы—Ѳемистоклюсъ и Алкидъ—съ женами, молодые Ноздревы и Мижуевы, которыхъ очень много и изъ которыхъ большая часть тоже служитъ въ разныхъ концахъ Россіи, а часть живетъ дома и служитъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Самъ Ноздревъ давно уже умеръ съ перепоя послѣ ярмарки. Молодые болѣе образованы, пьютъ меньше и по ярмаркамъ не ѣздятъ, но въ развязности

манеръ и пріемовъ нисколько отцу не уступаютъ, особенно тотъ, что служитъ мѣстнымъ исправникомъ. Другіе братья—чиновникъ особыхъ порученій и тотъ, что сдѣлался недавно земскимъ начальникомъ,—поделикатнѣе. Дѣти у Ноздрева были вѣдь отъ двухъ браковъ. Отъ первой жены осталось двое,—ну, тѣ ничего особеннаго собою не представляютъ; а потомъ, не смотря на ссору съ Чичиковымъ, онъ вѣдь съ нимъ породнился: когда у того вдругъ откуда-то объявилась довольно молодая еще тетушка, то женился на ней, и вотъ отъ этого-то брака и народилось особенно большое и способное потомство, въ которомъ совмѣстились и Ноздревскія черты, и черты Павла Ивановича. Нѣкоторые изъ нихъ даже наукой занимаются и пописываютъ. Зять Ноздрева—Мижуевъ—еще живъ. А дѣтей у него, кажется, еще больше. Эти всѣ въ отца. Вѣроятно, ты помнишь его характеръ: это «одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противуположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку—словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью». Таковы же и дѣти. Эта Гоголевская характеристика точно имъ дана. Много также молодыхъ Хлобуевыхъ (старикъ уже давно умеръ). Ихъ еще во времена Гоголя было цѣлыхъ 6 душъ, а потомъ это число увеличилось; но всѣ они, по недостатку средствъ, надлежащаго образованія не получили и ничего собою не представляютъ: вышли изъ нихъ, а также и изъ дѣтей ихъ лишь мелкія спицы; одни служатъ письмоводителями, вольнонаемными писцами и помощниками секретарей въ опекахъ, городскихъ управахъ, уѣздныхъ съѣздахъ и т. п., другіе становыми, околоточными и одинъ даже кондукторомъ на желѣзной дорогѣ. Полковникъ Кошкаревъ умеръ бездѣтнымъ. У Скудронжогло осталось двое дѣтей и оба хорошіе, полезные люди. Старшій два трехлѣтія былъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы и завелъ институтъ агрономическихъ смотрителей. Онъ, можно сказать обѣими ногами твердо стоитъ на агрономіи и видитъ въ меліораціи единственное спасеніе, какъ помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ хозяйствъ. Человѣкъ несомнѣнно образованный. Собственное его имѣніе (усадьба послѣ раздѣла съ братомъ ему досталась)—это настоящая агрономическая станція, гдѣ постоянно происходятъ разные хозяйственные опыты. Правда, отчасти отъ этого, а отчасти и по другимъ причинамъ, имѣніе, доставшееся отъ отца въ цвѣтущемъ состояніи, пришло въ упадокъ и, какъ и у другихъ, заложено, но, по крайней мѣрѣ, вы видите безконечные общеполезные опыты и твердую увѣренность, что все спасе-

ніе наше въ меліораціи. Младшій братъ—тоже агрономъ, но на своей землѣ (также заложенной) не живетъ, а сдаетъ ее въ аренду крестьянамъ; самъ же служитъ то по акцизу, то управляющимъ въ частныхъ большихъ экономіяхъ, а въ послѣднее время сдѣлался губернскимъ агрономомъ и дѣлаетъ натиски на земскую косность. Къ каждому собранію онъ ужъ непремѣнно изготовляетъ наиубѣдительнѣйшій докладъ, который кончается словами: «Дайте, ассигнуйте мнѣ по 5, даже по 3 р. на десятину, и я превращу вамъ губернію въ цвѣтущій садъ и освобожу ее отъ недоимокъ»; а земство, не отличающееся оптимизмомъ и главное—не имѣющее средствъ, столь же постоянно отвѣчаетъ: «Возьмите по 1/4 копѣйки на питомники». Генералъ Бетрищевъ, П. П. Пѣтухъ, Н. П. Коробочка и Плюшкинъ умерли. Плюшкинское имѣніе досталось старшей его дочери, Александрѣ Степановнѣ, вышедшей, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, за какого-то штабсъ-ротмистра неизвѣстнаго полка, и пошло прахомъ: тотчасъ же они его заложили, а потомъ банкъ его продалъ мѣстному Разуваеву. Улинька Бетрищева вышла замужъ за Тѣнтѣтникова, но отцовское гнѣздо оказалось настолько обремененнымъ долгами, что пришлось его ликвидировать, и оно также перешло въ купеческія руки. Имѣніе П. П. Пѣтуха, проѣденное, заложенное и перезаложенное, также переходило въ купеческія руки, но старшій сынъ Петра Петровича, при помощи дворянскаго банка, выкупилъ его и могъ такимъ образомъ попасть въ уѣздные предводители. Доходовъ оно ему, конечно, не даетъ, и онъ думаетъ, дождавшись административнаго назначенія, каковое ему уже обѣщано, продать его или уступить брату, который устроился гораздо лучше и достигъ уже губернаторскаго поста. Настасья Петровна завѣщала было свое имѣньице побочному сыну Чичикова, но, какъ родовое, оно было оспорено законными наслѣдниками и не миновало общей участи, т. е. залога и продажи. Одинъ изъ Платоновыхъ умеръ, а тотъ, что собирался путешествовать съ Чичиковымъ, пропалъ безъ вѣсти: вѣрно Павелъ Ивановичъ его куда-нибудь завезъ. Откупщикъ Муразовъ умеръ, и сынъ его тоже умеръ, въ молодыхъ еще годахъ, оставивъ, однако, въ ожиданіи возобновленія откуповъ, наслѣдника, который пока что занимается промышленностью, торговлей и купонами. Лѣницыны—мужъ и жена—живы. Тѣнтѣтниковъ также живъ, бодрый еще и живой старичекъ; я былъ у него: сидитъ и дописываетъ исторію генераловъ 12 года, а отдѣльныя монографіи посылаетъ въ историческіе журналы. Былъ также и у молодыхъ Маниловыхъ. Маниловка ихъ, конечно, заложена и имѣетъ печальный видъ запущенности и упадка. Ѳемистоклюсъ по дипломатической части не пошелъ, а попалъ какъ-то въ прокуроры, но не вынесъ ощущеній, сопряженныхъ съ этой службой, и вышелъ въ отставку. А Алкидъ служитъ по земскимъ выборамъ и состоитъ теперь членомъ управы, завѣдывающимъ народнымъ образованіемъ. Оба, какъ двѣ капли воды, похожи на отца; въ одномъ развѣ только разница: тотъ

былъ нрава нетребовательнаго, мечтательнаго и не жаловался на свое положеніе, а эти постоянно жалуются, точно какіе-нибудь Хлобуевы или Коробочка. Все, по ихъ мнѣнію, изъ рукъ вонъ плохо: передовое сословіе—дворянство—падаетъ, мельчаетъ и разоряется, и на это никто не обращаетъ должнаго вниманія; выходящее на сцену купечество—грубо, безсердечно, дико; мужикъ также сталъ пьяницей, воромъ, лѣнтяемъ и мошенникомъ... Вѣрно, ужъ обстоятельства ихъ очень прижигаютъ. Впрочемъ, такое недовольство составляетъ теперь общую черту, а на мужика и прежде жаловались. Едва-ли есть хоть одна дворянская усадьба, пріѣхавъ въ которую, вы не увидѣли бы вездѣ на сараяхъ и кладовыхъ замковъ и не услышали бы жалобъ, что народъ теперь сталъ совсѣмъ никуда негоднымъ и постоянно тащитъ все, что не заперто и плохо лежитъ. Ужъ это такое вѣчно обкрадываемое сословіе, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда воровать некому и нечего. Я присутствовалъ при чтеніи и обсужденія нѣсколькихъ ходатайствъ и проектовъ общественнаго характера, при разговорахъ о прочитанныхъ газетныхъ статьяхъ на эти темы и долженъ тебѣ сказать, что вынесъ самое безотрадное впечатлѣніе...

— Но что же я самаго главнаго-то не скажу?!—вдругъ встрепенулся Петръ Ивановичъ:—представь, говорятъ, что и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ еще живъ! Узнавъ это, я хотѣлъ немедленно же ѣхать къ нему въ Херсонскую губ., гдѣ онъ устроился-таки, не смотря на приключеніе съ губернаторской дочкой и исторію съ духовнымъ завѣщаніемъ, но мнѣ сказали, что я его тамъ не найду, что хотя онъ и получилъ тамъ землю, но дома никогда не сидитъ, а по-прежнему носится, какъ злой духъ, изъ конца въ конецъ по Россіи. Хоть и покряхтываетъ ужъ иногда отъ старости, но все-таки ѣдетъ, потому что вездѣ у него дѣла. Операція съ переселеніемъ мертвыхъ душъ вполнѣ ему удалась: въ надѣлъ изъ полученной земли ничего не пошло, теперь она сдается въ аренду и даетъ хорошій доходъ, не смотря на то, что заложена. На полученныя отъ залога деньги онъ накупилъ множество дворянскихъ имѣній и заложилъ ихъ своевременно въ банки дороже покупной цѣны, гдѣ они въ завѣдываніи бухгалтеровъ и остались. Затѣмъ онъ занялся постройкой желѣзныхъ дорогъ и выстроилъ нѣсколько линій, которыя съ перваго же года потребовали усиленнаго ремонта; учредилъ нѣсколько банковъ, изъ которыхъ многіе ужъ закрылись, а теперь занятъ оживленіемъ промышленности и строитъ въ разныхъ мѣстахъ фабрики, сваливая ихъ на плечи акціонеровъ. Одно время говорили, что онъ даже газету хотѣлъ въ Петербургѣ основать... Но, представь, не смотря на эти огромныя дѣла, денегъ у него все-таки большихъ нѣтъ. Разумѣется, безъ денегъ онъ не сидитъ и говоритъ, что онѣ у него въ оборотѣ, а Собакевичъ увѣряетъ: «не вѣрьте, все на фу-фу!»

Впрочемъ, можетъ быть, Собакевичи къ нему пристрастны. Они, вообще, его не любятъ: Ѳеодулія Ивановна за его поведеніе и отноше-

ніе къ женскому вопросу, а Михаилъ Семеновичъ вообще, за все въ совокупности; «это,—говоритъ онъ,—такой сверхъестественный мошенникъ, какихъ и свѣтъ не производилъ, даже уму непостижимо, что это за бестія!». Онъ представляется ему какимъ-то кошмаромъ, чѣмъ-то въ родѣ злого начала, проникающаго чуть не всю вселенную, при чемъ часто бываетъ къ нему и несправедливъ: какъ только происходитъ гдѣ-нибудь и какая-нибудь плутня, хищеніе или даже только возникаетъ какой-нибудь сомнительный проектъ, такъ онъ сейчасъ же видитъ въ нихъ руку Павла Ивановича: «Ужъ это навѣрное онъ устроилъ», «ужъ, повѣрьте, безъ него тутъ не обошлось». «А какія штучки по женской части за нимъ тутъ открылись!—сказалъ мнѣ онъ однажды вечеромъ и добавилъ:—вотъ пускай-ко Ѳеодулія Ивановна вамъ разскажетъ»—И дѣйствительно, Ѳеодулія Ивановна разсказала мнѣ про него такую массу компрометирующихъ обстоятельствъ, что я невольно запоздрилъ въ ней личное чувство и подумалъ: ужъ не говоритъ-ли въ ней старое, оскорбленное холодностью увлеченіе? Женщины такихъ обидъ никогда не забываютъ. Вы помните, конечно, какое обаятельное впечатлѣніе производилъ на дамъ Павелъ Ивбновичъ. Онъ вѣдь, какъ Атилла, шелъ по женскимъ сердцамъ. Вспомните, какъ вездѣ за нимъ ухаживали, какъ всѣ имъ увлекались, какія онъ анонимныя письма получалъ, вспомните хоть исторію на балу, какъ вдругъ всѣ дамы возненодовали на него за предпочтеніе, оказанное губернаторской дочкѣ. Ѳеодулія Ивановна и смолоду была некрасива (лицо у нея было длинное, какъ огурецъ), а кругомъ были настоящія красавицы и «бутоны». Очень можетъ быть, что и она была увлечена его наружностью и галантностью: вспомните, зачѣмъ она мыла руки огуречнымъ мыломъ, когда онъ къ нимъ пріѣхалъ, а потомъ, когда онъ подошелъ къ ручкѣ, то «почти впихнула ему ее въ губы»? Какъ женщина, она не вникла, конечно, въ положеніе Павла Ивановича, который, видя около нея мужчину такого могущественнаго сложенія, какъ Михаилъ Семеновичъ, просто, можетъ быть боялся за ней ухаживать. Но, какъ бы то ни было, а разсказала мнѣ она о немъ вотъ что:

— Павелъ Ивановичъ—это такой ферлакуръ, такой, можно сказать, недостойный человѣкъ, что порядочной женщинѣ и говорить-то про него зазорно. Сколько головъ перекружилъ, сколько смуты и раздоровъ въ семьи внесъ, а потомъ и скрылся, какъ какой-нибудь воръ. Губернаторскую дочку онъ вѣдь, дѣйствительно, увезъ, т.-е. сама она къ нему въ другую губернію убѣжала, а потомъ бросилъ съ ребенкомъ. За женой полицмейстера ухаживалъ, протопопшѣ строилъ куры, передъ почтмейстершей вертѣлъ хвостомъ, за Лѣницыной пріударялъ—ребенка тоже пестать началъ, знаетъ, къ кому съ какой стороны приступить; Маниловы, на что ужъ нѣжны другъ къ другу были, а перессорились изъ-за него; Мижуевы тоже; а другія дамы—просто пріятная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, думаете, спроста тоже летали, какъ полоумныя, по городу съ разсказами о немъ? Онъ, какъ дурной

котъ, вездѣ оставилъ слѣды. Да вотъ какъ: ежели по совѣсти сказать, то почти только одна я и устояла противъ искушенія. На что ужъ старуха Настасья Петровна Коробочка, такъ и ту въ покоѣ не оставилъ. Помните, какъ явился къ ней ночью разбойникомъ, какъ какой-нибудь Риналъдо Риналъдини, и какъ держалъ себя у нея. Что потомъ въ городѣ-то говорили. И въ то же время Фетинья на него жаловалась, когда входила къ нему, чтобы взять платье вычистить. Вотъ вѣдь низость какая! Вы посмотрите, сколько у насъ теперь на него похожихъ, ежели не лицомъ, такъ ухваткой. Да, самый-самый низкій и недостойный человѣкъ!—сказала съ истиннымъ сокрушеніемъ Ѳеодулія Ивановна.

— Нѣтъ, вы вотъ что подумайте,—перебилъ ее Михаилъ Семеновичъ,—у него вѣдь и по другимъ губерніямъ то же было заведено. Самъ разсказывалъ, какъ и за кѣмъ ферлакурилъ въ Симбирской губ., въ Рязанской, въ Пензенской, въ Вятской и т. д. Подумайте только, какая порча Россіи!

— Но, Богъ съ нимъ, съ Чичиковымъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ:—разскажу тебѣ лучше о двухъ бывшихъ у насъ въ тѣхъ мѣстахъ частныхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ, однако, присутствовала вся окрестная интеллигенція и кое-кто даже взъ города пріѣзжалъ. Сперва совѣщаніе было у Маниловыхъ, а потомъ у Собакевича; а рѣчь шла по поводу необходимости новыхъ льготъ со стороны дворянскаго земельнаго банка и о тягостномъ положеніи дворянства вообще. Для этого было собрано все, что писалось по этому вопросу въ послѣдніе годы въ разныхъ журналахъ и газетахъ, прочитывалось вслухъ, обсуждалось и потомъ ужъ составлялись собственные проекты.

Особенно интересно было послѣднее засѣданіе. За длиннымъ раздвинутымъ столомъ, точно въ засѣданіи какого-нибудь ученаго общества, сидѣли серьезныя лица всѣхъ возрастовъ съ разложенными передъ ними карандашами и бумагой и пили чай. Первымъ разсматривался проектъ екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства, г. Струкова: о мѣрахъ къ удержанію и укрѣпленію земель за дворянствомъ. Докладчикомъ былъ Алкидъ Маниловъ и читалъ по запискѣ слѣдующее:

Екатеринославскій губ. предводитель дворянства, г. Струковъ, предложилъ недавно вниманію ближайшаго екатеринославскаго дворянскаго собранія слѣдующее: чтобы вмѣсто публичныхъ торговъ и продажъ (иногда за безцѣнокъ) дворянскихъ имѣній, — «продажъ, могущихъ привести земледѣльческую Россію къ совершенно неизвѣстному будущему», *принята была система современной секвестраціи родовыхъ имѣній неисправныхъ заемщиковъ и перехода ихъ въ завѣдываніе «особыхъ управленій заложенныхъ дворянскихъ имуществъ»*. Такія управленія,—говоритъ авторъ записки,—могли бы быть образованы по мѣрѣ надобности въ каждой губерніи, гдѣ существуютъ отдѣленія дворянскаго банка. Управленія эти могутъ быть содержимы, какъ на вѣкоторую

часть прибылей банка, по уставу его имѣющихъ обращаться на поддержаніе дворянскаго землевладѣнія, такъ и на извѣстную долю, если бы это было нужно, частнаго дворянскаго сбора, которую, несомнѣнно, охотно предоставили бы для этой цѣли дворянскія общества». По погашеніи «управленіями» долга, который всецѣло обезпечивался бы «отобраннымъ» имѣніемъ, это послѣднее должно было бы быть возвращено бывшему владѣльцу или его законнымъ наслѣдникамъ. Таковъ, гг., проектъ сохраненія дворянскихъ помѣстій за ихъ коренными и исконными владѣльцами» [1]).

Затѣмъ, тотъ же докладчикъ познакомилъ съ варіантомъ этого проекта, возникшимъ, подобно нѣкоторымъ великимъ открытіямъ и идеямъ, почти одновременно въ другомъ углу Россіи—въ Симбирской губ. Бывшій самарскій земскій врачъ, г. Литвиновъ, представилъ симбирскому дворянскому собранію записку, въ которой предлагаетъ разсмотрѣть вопросъ о признаніи закономъ дворянскихъ земель неотчуждаемыми въ руки лицъ недворянскаго сословія. Земли дворянъ должны оставаться за дворянскимъ банкомъ, въ видѣ особаго фонда для пріобрѣтенія ихъ лицами дворянскаго сословія. До продажи банкъ можетъ эти земли эксплуатировать — или сдачею ихъ въ аренду, или инымъ способомъ, безъ убытка для себя. Для предупрежденія раззоренія заемщика, въ случаѣ его неисправности, должна быть назначаема опека безъ его согласія, какъ это требуется теперь. Но дворянское землевладѣніе задолжено не только въ дворянскомъ банкѣ, но и въ частныхъ учрежденіяхъ, и «тѣ принципы и традиціи, коими зиждется дворянство, не могутъ допускать мысли, чтобы дворянство, при обсужденіи вопросовъ, касающихся устройства своего землевладѣнія, хотя бы въ цѣляхъ государственныхъ, упустило связанные съ нимъ интересы частныхъ лицъ». Поэтому г. Литвиновъ предлагаетъ учредить опекунскіе совѣты подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ участіемъ предводителя дворянства или особо избранныхъ дворянствомъ лицъ, предсѣдателя мѣстнаго отдѣленія дворянскаго банка и другихъ лицъ, чье присутствіе будетъ признано полезнымъ. Совѣты эти должны обсуждать средства сохранить землю за семьей должника и родомъ, а если это невозможно и имѣніе заложено въ частныя руки, то вообще за дворянствомъ. Банкъ для этого долженъ выдавать подъ имѣніе дополнительную сумму на удовлетвореніе частныхъ кредиторовъ, причемъ «совѣтъ долженъ имѣть, при опредѣленіи суммы, въ виду не тѣ рыночныя земельныя цѣны, которыя существуютъ теперь, но цѣну, которую земля имѣла и которую, несомнѣнно, будетъ имѣть, коль скоро минуетъ кризисъ» [2]).

— Что-жъ, это хорошо,—замѣтило нѣсколько голосовъ.—«Хорошо, да не совсѣмъ»,—отозвался Собакевичъ.—«Почему не совсѣмъ?»—спросилъ докладчикъ.—«А потому,—отвѣтилъ Собакевичъ,—что знаемъ мы эти дворянскія опеки да совѣты, а потомъ, какой губернаторъ по-

[1]) См. объ этомъ «Пет. Вѣд.», № 168, 1896 г.
[2]) «Нов. Вр., № 7211, 1896 г.

*

падется: ежели такой, какъ нѣкогда былъ у насъ, то будетъ по тюлю вышивать и на все сквозь пальцы смотрѣть: а если характера рѣшительнаго, хоть немного похожаго на аракчеевскій, то такіе регламенты заведетъ, что никакимъ перспективамъ не обрадуешься и самъ изъ собственнаго имѣнія стрекача задашъ».—«Ну, Михаилъ Семеновичъ всегда былъ скептикомъ»,—сказали въ одинъ голосъ оба Маиловы. Мижуевы стали было возражать, но потомъ, по обыкновенію, присоединились къ большинству. Тогда выступилъ одинъ изъ Ноздревыхъ.

— Мнѣ гораздо больше нравятся другіе проекты,—сказалъ онъ.—Я совершенно согласенъ со взглядомъ Михаила Семеновича, который можно кратко выразить пословицей: «хоть щей горшокъ, да самъ большой». Съ этой точки зрѣнія, гораздо лучше, напр., предложеніе, не помню кому принадлежащее, которое я читалъ въ газетахъ: чтобы между дворянскимъ банкомъ, т.-е. казною, и владѣльцами просроченныхъ имѣній не было никакихъ другихъ посредниковъ, чтобы имѣнія эти находились подъ временными запрещеніями (не мѣшающими полученію меліоративныхъ ссудъ и кредиту до полной стоимости имѣній подъ соло-векселя) и чтобы завѣдываніе ими поручалось тѣмъ же владѣльцамъ, съ зачисленіемъ ихъ при этомъ на службу и съ назначеніемъ соотвѣтственныхъ приличныхъ окладовъ и производствомъ въ чины. Какъ представители имѣній, они будутъ входить и въ земскія собранія, въ качествѣ гласныхъ, теряя развѣ только право занимать безъ особаго разрѣшенія земскія должности... Но не безпокойтесь, господа, разрѣшенія эти, вѣроятно, не будутъ встрѣчать затрудненій, потому что не трудно понять, что настоящему, хорошему хозяину незачѣмъ постоянно торчать въ имѣніи, а достаточно только наѣзжать. Торчать же тамъ могутъ приказчики или любители. Это я понимаю!—воскликнулъ ораторъ:—при этомъ сохраняется вся иниціатива владѣльца, вся его хозяйственная опытность и знаніе, которыя такъ важны въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ (найдите-ка сразу столько хорошихъ агрономовъ, сколько требуется), и является стимулъ для выкупа имѣнія...

— Ну, этотъ, кажется, въ отца пошелъ,—замѣтилъ Собакевичъ:—въ шашки хочетъ играть...

Замѣчаніе это, хотя и сдѣланное вполголоса, но довольно все-таки громко, не остановило, однако, оратора, и онъ продолжалъ:

— А кредитъ при такихъ условіяхъ ни для улучшеній, ни подъ соло-векселя для оборота нисколько не страшенъ, потому что всѣ вновь поступающія въ имѣнія суммы будутъ ужъ, такъ сказать, казенными, и завѣдывающіе имѣніями будутъ отвѣчать за нихъ передъ казной, какъ за небрежное обращеніе или растрату.

— Да,—замѣтилъ опять Собакевичъ,—это мы лучше всего можемъ видѣть на доходности казенныхъ земель, лѣсовъ и заводовъ. Растраты, дѣйствительно, тамъ рѣдки, за то часты стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а тутъ ихъ, конечно, можетъ быть вдесятеро больше:

и невсхожесть сѣмянъ, и засухи, и вымочки отъ дождей, и градъ, и червь, и саранча, и гессенская муха и т. д.

— Меліоративный же кредитъ, — продолжалъ Ноздревъ, — будетъ служить и стимуломъ, и средствомъ къ выкупу имѣній, такъ что подъ старость лѣтъ у человѣка можетъ быть утѣшеніе: и пенсію выслужить, и оставить наслѣдникамъ чистое имѣніе. Наконецъ, существуютъ и другіе, вполнѣ основательно разработанные проекты — иныхъ источниковъ для выкупа, Таковъ, напр., проектъ саранскаго землевладѣльца, г. Лиліенфельда, человѣка, небезъизвѣстнаго въ текущей литературѣ и составившаго себѣ имя своими изслѣдованіями о причинахъ землевладѣльческаго кризиса. Вотъ какое вычисленіе онъ дѣлаетъ и къ какому, безусловно справедливому, выводу приходитъ:

«Въ Россіи 36 губерній имѣютъ земское положеніе; считая въ среднемъ по десяти на каждую, выходитъ 360 уѣздовъ. Въ каждомъ уѣздѣ служатъ предводитель дворянства и предсѣдатель земской управы, ежегодно расходующіе по 3.000 р, каждый, что составляетъ 2.150.000 въ годъ. Кромѣ того на уѣздъ приходится около 20 гласныхъ-дворянъ, расходующихъ изъ своихъ средствъ на поѣздки въ собранія около ста руб. каждый, слѣдовательно, ежегодный расходъ дворянъ-гласныхъ выразится въ суммѣ 720 т. рублей въ годъ. За симъ, принявъ въ соображеніе поѣздки дворянъ на выборы, содержаніе депутатскихъ собраній, дворянскихъ опекъ и т. п., съ увѣренностью можно сказать, что дворянство несетъ расходовъ на нужды государства около 20 милліоновъ рублей ежегодно!»

А отсюда, само собой, авторъ проекта логически приходитъ къ тому, что правительство, во имя простой справедливости, должно зачислять по 20 милліоновъ р. въ платежи дворянству за заложенныя землевладѣльцами земли [1]).

Раздались аплодисменты.

— Ну, это, по крайней мѣрѣ, резонъ, — замѣтилъ Собакевичъ и, обратившись къ сосѣду, спросилъ:—я не разслышалъ, чей это проектъ то? Не Павла Ивановича Чичикова?

— Нѣтъ,—сказалъ тотъ,—саранскаго землевладѣльца Лиліенфельда.

— Сейчасъ видно, что умный человѣкъ. Что дѣло, то дѣло...

— А вотъ и еще источникъ, — продолжалъ Ноздревъ,—предусмотрѣнный за цѣлыхъ два года впередъ однимъ изъ гласныхъ брянскаго земства и вполнѣ одобренный земскимъ собраніемъ. Въ 1898 году будетъ введена въ Орловской губ. винная монополія. Такъ какъ вопросъ о временномъ вознагражденіи земствъ и городовъ за утрату сборовъ съ патентовъ и заведеній рѣшенъ уже въ положительномъ смыслѣ, то это является благопріятнымъ прецедентомъ для другого ходатайства, которое слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію и намъ. Это обстоятельство, говоритъ авторъ доклада, «даетъ намъ, землевладѣльцамъ, смѣ-

[1]) См. «Сам. Газ., № 225, 1896 г.

лость просить высшее правительство вознаградить и насъ за убытки, которые мы потерпимъ, теряя право торговли и отдачи помѣщеній въ наемъ, оплата которыхъ составляла исконную и неотъемлемую доходность каждаго имѣнія, освященную издавна многолѣтнею земскою давностью». Поэтому авторъ предложилъ земству ходатайствовать о томъ, чтобы министерство финансовъ, при введеніи монополіи для продажи вина, нанимало для этого помѣщенія непремѣнно въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ, внѣ черты крестьянской осѣдлости, и исключительно у тѣхъ лицъ, имѣнія которыхъ пользовались этимъ правомъ или преимуществомъ въ продолженіи земской давности»... [1]).

— Нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ этого предложенія, что такое вознагражденіе землевладѣльцевъ, не нарушая законовъ справедливости и не причиняя ощутительнаго ущерба казнѣ, въ виду возростающей доходности монополіи «отъ увеличенія народонаселенія и его благосостоянія и превосходнаго состоянія финансовъ въ настоящее время, вообще, послужило бы огромному большинству землевладѣльцевъ спасеніемъ отъ настоящаго безвыходнаго положенія ихъ и въ будущемъ оказало бы значительную поддержку въ ихъ тяжелой борьбѣ за существованіе, среди условій, неблагопріятныхъ для ихъ полезной дѣятельности, имѣющей общепризнанное государственное значеніе». Я не буду останавливаться на другихъ доводахъ автора и художественныхъ сторонахъ его доклада, гдѣ онъ говоритъ о «явственномъ для всѣхъ» оскудѣніи землевладѣльцевъ, вслѣдствіе «неотразимаго напора внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ», поставившихъ «своею совокупностью» землевладѣльцевъ «въ отчаянное положеніе», а скажу только, что авторъ горячо стоялъ за свое предложеніе, за то, чтобы съ большой «многомилліоной» трапезы перепадали хоть нѣкоторыя крохи и землевладѣльцамъ.

— Это не дворянское дѣло,—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Не дворянское?!—вскипѣлъ докладчикъ:—а вы что считаете дворянскимъ—ходить съ сумой? Тогда ужъ откажитесь и отъ винокуренія. Мы видимъ въ имѣніяхъ лучшихъ дворянскихъ, титулованныхъ фамилій винокуренные заводы; я укажу вамъ самыхъ либеральныхъ земскихъ дѣятелей изъ дворянъ, которые прекраснѣйшимъ образомъ курятъ водку; даже сама наука—агрономія—совѣтуетъ вводить сельскохозяйственное винокуреніе, которое перерабатываетъ сырой продуктъ дома, превращая его въ болѣе цѣнный, и даетъ барду для скота и удобреніе для полей; наконецъ, что такое спиртъ и водка, какъ не такіе же предметы потребленія, какъ и другіе? Всѣ мы пьемъ водку передъ пищей, а отъ наливокъ не отказываются и дамы.

— Само собою,—вставила свое слово и Ѳеодулія Ивановна:—А что мы тогда съ ягодами будемъ дѣлать, ежели наливокъ не настаивать?

Въ поддержку докладчика выступилъ другой Ноздревъ:

---

[1]) См. «С.-Пет. Вѣд.», № 299, 1896 г.

— Проектъ, о которомъ упомянулъ мой братъ и который вызвалъ неудачное замѣчаніе одного изъ молодыхъ людей,—сказалъ онъ,—можетъ быть названъ недворянскимъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что онъ возникъ въ земствѣ и носитъ всесословный характеръ, имѣетъ въ виду не исключительно дворянскіе интересы, а интересы землевладѣнія вообще; но кто же не знаетъ, что дворянство составляетъ въ земствахъ, въ особенности послѣ надлежащихъ поправокъ въ земскомъ положеніи, преобладающій элементъ. Неужели мы будемъ говорить о всесословности только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нашей стороны требуются жертвы, и будемъ выдвигать на сцену сословные предразсудки и щепетильность, когда представляются выгоды? Если природа что-нибудь посылаетъ въ общее пользованіе, если наука, справедливость и законодательство даютъ что-нибудь для общей выгоды, то неужели прикажете однимъ пользоваться этими благами, а другимъ закрывать ротъ, когда въ него сами летятъ галушки? Это называется не разумными дѣйствіемъ, а просто ротозѣйствомъ и простофильствомъ, которыми всегда страдало наше сословіе. Купецъ собираетъ и ловитъ, а дворянинъ расточаетъ. Купецъ—ловецъ, а дворянинъ, какъ передъ дѣтьми своими, такъ и передъ страною и историческими задачами вообще—дѣлаетъ только безразсудства. Наконецъ, неужели неизвѣстно, что вопросъ о сословности считается теперь, съ прогрессивной точки зрѣнія, несовременнымъ; зачѣмъ же выдвигать его снова и въ такомъ наименѣе удобнымъ случаѣ, когда даже люди, принципіально несогласные съ этимъ взглядомъ, не возражаютъ противъ него? Это непослѣдовательно со стороны людей прогрессивныхъ. Вообще же, съ объективной точки зрѣнія, мы знаемъ и видимъ слѣдующее: о матерьяльномъ оскудѣніи дворянства, особенно обострившемся подъ давленіемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ и высокихъ банковскихъ процентовъ, и о необходимости мѣропріятій для поднятія его экономическаго положенія—теперь говорятъ всюду и всѣ благосмыслящіе умы, всѣ друзья порядка, любящіе родину. Въ одномъ изъ прошлогднихъ засѣданій тверского дворянскаго собранія кн. Ширинскій-Шихматовъ предлагалъ даже организовать «особую дворянскую коммиссію, которая бы спеціально занялась разсмотрѣніемъ упомянутыхъ мѣропріятій». Мѣропріятія эти, какъ мы видѣли изъ доклада моего брата, сами собой намѣчаются; надо только ихъ осуществлять, надо о нихъ хлопотать, давать имъ жизнь, а не держать подъ спудомъ. Къ числу вышеуказанныхъ, тамъ и сямъ возникающихъ мѣропріятій надо отнести также вопросы: о пересмотрѣ нашей соловексельной операціи, въ смыслѣ расширенія ея предѣловъ и большей льготности относительно сроковъ ссудъ и процентовъ, вмѣсто того, чтобы затруднять и сокращать ея размѣры, какъ это мы видимъ въ дѣйствительности, а затѣмъ вопросъ о крестьянскомъ сословіи, искони связанномъ съ дворянскимъ. И въ тверскомъ дворянскомъ собраніи оба эти сословія были поставлены въ тѣснѣйшую связь, какъ два краеугольные камня государства, и говорилось о необходимости устра-

ненія всего, что ихъ разъединяетъ. Правда, тверитяне всегда рѣшаютъ серьезные вопросы нѣсколько легкомысленно, и этотъ вопросъ думаютъ рѣшить такимъ ненадежнымъ средствомъ, какъ школа и просвѣщеніе народа...

— Позвольте,—опять перебилъ кто-то изъ молодыхъ,—но что же вы не сказали, въ какомъ смыслѣ вы полагали бы полезнымъ измѣнить систему соло-вексельнаго кредита?

— Имѣйте же терпѣніе,—отвѣтилъ Ноздревъ съ нѣкоторой раздражительностью:—скажу въ своемъ мѣстѣ, а если непремѣнно желаете, то могу сказать и теперь.

— Это любопытно потому,—продолжалъ возразившій,—что обыкновенно въ такихъ случаяхъ отдѣлываются общими мѣстами: измѣнить да измѣнить, а какъ измѣнить—неизвѣстно. Сказать «измѣните»—легко, а осуществить это на практикѣ—не всегда легко. Мнѣ кажется разговоръ по поводу соло-вексельныхъ операцій напраснымъ, потому что министерство навѣрное на расширеніе ихъ не согласится.

— Это при такомъ-то блестящемъ состояніи финансовъ? Да почему вы, наконецъ, знаете, что не согласится? Это никому неизвѣстно.

— Нѣтъ извѣстно, потому что соло-вексельный кредитъ есть лишь дополненіе къ другимъ видамъ кредита, какими пользуется дворянство, а расширять его безпредѣльно, безъ всякаго соображенія съ кредитоспособностью людей, нельзя. Какъ бы блестяще ни было положеніе нашихъ финансовъ, но ихъ легко можетъ не хватить; да и есть, наконецъ, у насъ другія, неудовлетворенныя и болѣе настоятельныя нужды. Если мы видимъ неудовлетвореніе ходатайствъ объ отпускѣ суммъ для покупки хлѣба, на устройство школъ, на поддержку народной промышленности и т. д., то откажутъ, конечно, и намъ, какъ отказано было саратовскому, самарскому и другимъ земствамъ.

— Вотъ вы ссылаетесь на эти губерніи,—сказалъ Ноздревъ:—а вѣроятно, не знаете, что тамъ говорили по этому поводу, напр., хоть графъ Уваровъ?

— Нѣтъ, знаю. Знаю также и то, что ничего изъ этихъ разговоровъ не вышло. Если вы хотите, чтобы и дворянскій банкъ выдавалъ ссуды полностью, и не по нормальной, нѣсколько пониженной, а по спеціальной оцѣнкѣ, и чтобы, при опредѣленіи кредитоспособности для соловекселей, опять принималась за основаніе та же оцѣнка, да чтобы, сверхъ того, на томъ же самомъ базисѣ, выдавались и меліоративныя ссуды, то вѣдь это ужъ выйдетъ двойной или даже тройной кредитъ, что совершенно невозможно...

— Я этого не говорю,—разсердился Ноздревъ:—а еслибъ и говорилъ, то ничего страннаго въ этомъ нѣтъ. Кредитъ подъ соло-векселя долженъ быть личнымъ; точно также и въ меліоративномъ кредитѣ должны приниматься во вниманіе мои знанія, честность, основательность разсчета. Вы забываете, милостивый государь, что мы дворяне и нравственно ручаемся другъ за друга, а не какіе-нибудь тор-

гаши, съ которыхъ, дѣйствительно, надо залоги брать. Я говорю, что сокращеніе соло-вексельныхъ операцій показываетъ недовѣріе къ сословію, которое нѣкогда жертвовало всѣмъ для отечества, которое и теперь служитъ ему главною опорою; это только подрываетъ въ немъ вѣру въ себя и въ свои силы, только подрѣзываетъ ему крылья...

— Вѣрно, братецъ, тебѣ отказали,—замѣтилъ Собакевичъ, хотя и вполголоса и не обращаясь къ оратору, но такъ все-таки громко, что тотъ окончательно разсердился и сказалъ:

— Если хотите знать, какой, по настоящему, дворянству долженъ быть кредитъ, о какомъ кредитѣ дворянство должно ходатайствовать, извольте, я скажу: о кредитѣ подъ честное слово! Приходитъ человѣкъ въ банкъ, говоритъ, что ему нужно на такой-то срокъ столько денегъ, даетъ росписку и честное, дворянское слово, что возвратитъ ихъ въ срокъ, и—больше ничего. И, повѣрьте, что всѣ будутъ аккуратно возвращать ссуды, и никакихъ залоговъ и опредѣленія чинушками какихъ-то кредитоспособностей не нужно.

Раздались оглушительныя рукоплесканія и крики браво; только Собакевичъ замѣтилъ:—ну, это, братъ, тоже—какой дворянинъ!—иной возвратитъ, а иной нѣтъ. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ—тоже вѣдь дворянинъ, а я ему и ломанаго гроша не далъ бы. Нѣтъ, ты это, хоть и ловко, но нескладно придумалъ.

— Чѣмъ же нескладно?—сказалъ Ноздревъ:—дворянство противъ лицъ нравственно-неблагонадежныхъ можетъ принимать свои мѣры, можетъ сообщать о нихъ банкамъ, а за остальныхъ можетъ ручаться.

— Нѣтъ, это не мужики: тамъ—дѣло простое, всѣ у всѣхъ на виду и некуда человѣку податься, да и прыти въ немъ такой нѣтъ, а этотъ сегодня здѣсь, а завтра въ Москвѣ или за границей. Ищи вѣтра въ полѣ. Найдутся нѣсколько молодцовъ, въ родѣ того же Павла Ивановича, и раззорятъ всю губернію, настряпаютъ разныхъ дѣловъ, а ты за нихъ отвѣчай да еще срамоту принимай.

Слева эти смутили собраніе; но на многихъ лицахъ можно было прочесть выраженіе: а вѣдь хорошо было бы, еслибы этотъ сонъ былъ на яву. Хотя бы даже не пользоваться, а только однимъ глазкомъ взглянуть на такую идиллію. Слишкомъ ужъ много въ жизни формализма, и очерствѣла отъ него душа человѣческая.

Затѣмъ Ноздревъ перешелъ къ другому вопросу — о крестьянахъ и рабочихъ. Мужикъ, по его словамъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше развращается и портится, впадаетъ въ пьянство, лѣнь и разные другіе пороки и преступленія, становится дерзкимъ, непослушнымъ, алчнымъ, ломитъ невѣроятныя цѣны за пахоту и уборку и не выходитъ во-время на работу, словомъ, причиняетъ только убытки, раззореніе и вдобавокъ еще обкрадываетъ помѣщика.

— Я обращусь, господа,—сказалъ онъ прочувствованнымъ голосомъ,—ко всѣмъ и попрошу сказать по совѣсти: не несемъ-ли мы, вслѣдствіе всего этого, просто неисчислимыхъ убытковъ? (Со всѣхъ

сторонъ голоса: «да, вѣрно, вѣрно»). И это не только у насъ, а повсемѣстно, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи происходитъ. Позволю себѣ сослаться на мнѣніе хорошаго моего знакомаго, Ефима Щеглятьева, высказанное имъ недавно въ г. Проскуровѣ на бывшемъ тамъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ. На съѣздѣ этомъ, происходившемъ въ самомъ концѣ августа, присутствовали не только мѣстные хозяева, но и хозяева сосѣднихъ губерній, и слова Щеглятьева были встрѣчены громкими, сочувственными рукоплесканіями, а говорилъ онъ буквально то же, что и я говорю, настолько то же, что въ первую минуту я даже подумалъ, будто это я самъ говорилъ, или не списалъ-ли онъ изъ моей записной книжки моихъ мыслей; но этого не могло быть—мы давно не видѣлись. Тѣмъ, значитъ, вѣрнѣе и убѣдительнѣе такое совпаденіе взглядовъ. Вотъ его слова:

«Создали законъ, которымъ по освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, *по особому взгляду и духу того времени*, рѣшено было привиллегированное сословіе совершенно удалить изъ среды крестьянъ... *Благодаря своему развращенію пресловутыми народниками*, крестьяне теперь не только одинъ другому не вѣрятъ ни въ чемъ, а потерявшя совѣсть и не признавая стыда, супруги между собою, а дѣти родителей и обратно, таскаютъ по судамъ, кляузничаютъ, безчинствуютъ, лгутъ, цѣлуя крестъ и евангеліе... Доведенный *ленью* и *праздностью* до нищеты и голодовки, крестьянинъ, какъ голодный волкъ на дорогу идетъ на добычу, къ земледѣльцу наниматься на службу или на работу. При этомъ у него *всегда волчья думка, а самъ онъ въ овечьей шкурѣ*... Упадокъ родительской власти и авторитетовъ, распаденіе семей, дробленіе надѣловъ, неурядица, нищета, пьянство, неповиновеніе, охлажденіе къ церкви и неуваженіе къ религіи до штундизма включительно,—все это печальные результаты того же скороспѣлаго рѣшенія (совершеннаго удаленія привиллегированнаго сословія изъ среды крестьянъ)»... [1]).

— Не говорите, что картина эта слишкомъ мрачна,—встричалъ съ пафосомъ Ноздревъ, какъ бы предупреждая могшія быть возраженія:—увѣряю васъ, дѣйствительность еще мрачнѣе.

Но никто не возражалъ. Одни были точно подавлены, другіе точно не могли вмѣстить всего слышаннаго, какъ не могли бы, напр., положить за пазуху куста колючаго шиповника или жгучей крапивы, третьи переводили общіе понятія и фразы на реальныя представленія и сравнивали слышанное съ тѣми фактами, какіе видѣли и знали изъ личной практики. Наконецъ, нѣсколько человѣкъ, точно опамятовавшись, сразу спросило:

— Какой же выводъ изъ всего этого слѣдуетъ и что вы думали бы предложить для упорядоченія этого безобразія?!

Ноздревъ глубоко вздохнулъ и, опустивъ глаза въ землю, медленно и отчеканивая каждое слово сказалъ:

— Есть только одно средство... Напрасно мы будемъ стыдиться и скрывать его отъ себя, напрасно будемъ закрывать глаза на дѣйствительность, гораздо лучше взглянуть ей прямо въ лицо (и въ это время онъ поднялъ глаза, полные безстыдства). Я не говорю о возвратѣ къ

---

[1]) «Бирж. Вѣд.», № 247, 1896 г.

крѣпостному праву, это невозможно, да и нежелательно, а говорю о необходимости нравственнаго вліянія, твердой руки и неослабнаго наблюденія надъ мужикомъ. Для этого же, повторяю, есть только одно средство: временно-обязанное состояніе, временно-обязательныя отношенія. (Всѣ слушатели притихли, а у Собакевича даже нижняя челюсть нѣсколько опустилась отъ удивленія). Говорятъ: нельзя повернуть колесо исторіи назадъ. Я объ этомъ и не говорю и не думаю, самъ даже скажу: да, нельзя. Мало этого, добавлю еще къ этому слѣдующее: нельзя производить реформъ безъ почвы, безъ достаточныхъ основаній въ самыхъ условіяхъ жизни, не справляясь съ существующими экономическими отношеніями, на которыхъ базируются обыкновенно всѣ остальныя отношенія. Тутъ-же сама жизнь подводитъ насъ къ такому рѣшенію вопроса: скажите пожалуйста, сколько времени мужикъ работаетъ на васъ, какъ на работодателей, и на себя? Приблизительно, три дня въ недѣлю. Затѣмъ, мы видимъ все большее и большее распространеніе испольной работы, системы половничества. У помѣщика нѣтъ денегъ, чтобы платить за работу наличными, а у мужика мало земли, и вотъ они дѣлятъ продуктъ. Пропорція долей этихъ въ разныхъ мѣстахъ, правда, разная, но въ общемъ вы все-таки можете видѣть, что она тяготѣетъ къ половинѣ, на что указываетъ и самое слово исполу. Переведите эти доли на время, и вы опять получите тѣ же три-дня прежней барщины. Словомъ, съ разныхъ сторонъ, точно указательный перстъ, указываетъ намъ, что надо дѣлать. Для мужика, въ матерьяльномъ отношеніи, никакихъ потерь нѣтъ и быть не можетъ, тѣмъ болѣе, если заработная плата, какъ я предполагаю и въ чемъ предстоитъ крайняя необходимость, будетъ періодически,—скажемъ, на три года впередъ,—опредѣляться особою таксою, которая будетъ вырабатываться компетентными людьми и утверждаться начальниками губерній. Какъ теперь онъ работаетъ три дня, такъ и тогда будетъ работать тѣ же три дня и получать, какъ въ среднемъ, такъ и въ общемъ итогѣ, будетъ столько же. Теперь онъ сегодня притѣснилъ и содралъ съ помѣщика, а завтра помѣщикъ его притѣснилъ или оставилъ безъ работы; теперь, скажемъ, половина села ушла на заработки въ отходъ, а другая осталась: цѣны на работу наимовѣрно поднялись и оставшіеся въ выгодѣ, а тѣ, что позарились на чужіе края, скучились тамъ въ избыткѣ, сбили другъ другу цѣны, проходили, провалялись, проѣли то, что заработали, и возвращаются домой Христовымъ именемъ. Одни въ выигрышѣ, другіе въ проигрышѣ. Тогда же все это распредѣлится равномѣрно и не будетъ этихъ непріятностей между нами и ими, не будетъ этого взаимнаго хватанья за горло. А послѣдствія нравственнаго вашего вліянія и наблюденія, когда мужикъ цѣлыхъ три дня будетъ подъ вашимъ недремлющимъ, просвѣщеннымъ окомъ, будутъ, конечно неисчислимы и въ какія-нибудь 25 — 50 лѣтъ мы не узнаемъ нашу горячо любимую родину А тогда можно будетъ прекратить и временно-обязанныя отношенія.

Ноздревъ кончилъ. Раздались шумныя рукоплесканія и такіе возгласы одобренія, что задрожали стекла въ домѣ. Ѳеодулія Ивановна вышла на минутку въ столовую и, возвратясь оттуда, сказала: «а теперь, господа, пойдемте ужинать; вижу, что Михаилъ Семеновичъ давно ужъ ѣсть хочетъ». На другой день я уѣхалъ отъ Собакевичей. При прощаньѣ, когда я высказалъ сожалѣніе, что не удалось повидать Чичикова, Михаилъ Семеновичъ сказалъ мнѣ: «не жалѣйте, это такой мерзавецъ, какихъ свѣтъ не производилъ,—онъ всю Россію перепортилъ».

Кончилъ свой разсказъ и Петръ Ивановичъ. «Вотъ, братъ, гдѣ я былъ и кого видѣлъ!—сказалъ онъ.—Нѣкоторые старики померли, а нѣкоторые еще живы. Молодые Ноздревы лучше старика, но все-таки Ноздревы, и глаза у нихъ такіе же безстыжіе. Остальные представляютъ собою что-то сѣренькое, какую-то серединку на половинкѣ, или молчатъ передъ авторитетнымъ и зычнымъ голосомъ Ноздревыхъ.

— Петръ Ивановичъ,—сказалъ я:—хотѣлось бы мнѣ узнать ваше мнѣніе на счетъ только что разбиравшихся двухъ процессовъ: о злоупотребленіяхъ въ могилевскомъ инженерномъ округѣ и о Кривошеинскомъ контрактѣ съ купцами?

— Да вѣдь я ужъ тебѣ разсказывалъ и говорилъ еще раньше о первомъ дѣлѣ. Ничего особеннаго оно собою не представляетъ: жилъ себѣ инженеръ, велъ дѣло хозяйственнымъ способомъ, бралъ что можно и плохо лежитъ, только и всего. Все это въ порядкѣ вещей. А потомъ попался.

— Ну, а Кривошеинское дѣло съ лѣсоторговцами?

— Это нѣсколько интереснѣе, хотя и въ немъ, собственно говоря, для нашего брата поразительнаго мало... Однако, мнѣ некогда,—сказалъ онъ, взглянувъ на часы, надо еще въ два мѣста попасть да въ банкъ заѣхать. Объ этомъ ужъ какъ-нибудь въ другой разъ потолкуемъ.

По уходѣ Петра Ивановича, я, по обыкновенію, его ругнулъ за его полувѣроятное сообщеніе, но все-таки не могъ не думать о слышанномъ, а когда вечеромъ легъ спать, то видѣлъ во снѣ и Собакевича, и Ѳеодулію Инановну, и Манилова, и Ноздрева въ ихъ прежней, дореформенной обстановкѣ; а потомъ вдругъ явился Павелъ Ивановичъ Чичиковъ и сталъ звать меня путешествовать... Тутъ я вспомнилъ, какъ онъ также звалъ Платонова, струсилъ и проснулся со словами: нѣтъ ужъ извините, Павелъ Ивановичъ, я не поѣду.

С. К.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Абрамовъ, Я. В. Наслѣдство и раздѣлъ. (Популярно-юридич. библ., № 2) Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Бертенсонъ, Л. О необходимости обученія техниковъ поданію первой помощи при несчастныхъ случаяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Бехтеревъ, В. М., проф. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Рѣчь, произнесен. на Общемъ Собраніи VI Съѣзда русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Спб. 1896 г.

Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Перев. съ нѣмецк. М. Гершензона. Т. I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Будищевъ, Ал. Степные волки. Разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Бутми, Г. Къ вопросу о денежной реформѣ. 1) Перепроизводство. 2) Денежный кризисъ. 3) Возникновеніе кризиса. 4) Золото или серебро? Одесса. 1896 г.

Бюхеръ. К., проф. Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Перев. съ нѣмецк Л. С. Зака. («Библ. общ. зн.»). Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Вагнеръ, К. Мужество какъ идеалъ дѣятельной жизни. (Vaillance). Перевела съ 11-го франц. изд. С. Леонтьева. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Васильевъ, В. И. Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. М. 1895 г. Ц. 25 к.—Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1896 г. Ц. 25 к.—Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и проч. Изд. 2-е, исправл. М. 1897 г. Ц. 25 к.

Введенскій, Ал—ндръ. Условіе допустимости вѣры въ смыслѣ жизни. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Витковскій, В. Міръ планетъ. Астрономическая лекція. Спб. 1897 г.

Вовчокъ, Марко. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Саратовъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Волгинъ, Ф. Амуръ. Природа и люди Амурскаго края. («Полезн. библ.»). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Вундтъ, В. Очеркъ психологіи. Перев. съ нѣмецк. Г. А. Паперна. Спб 1897 г. Ц. 75 к.

Вучетичъ, Н. Г. Разсказъ для дѣтей. Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Вѣтринскій, Ч. (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историч. очеркъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Гейссеръ, Л. Исторія французской революціи 1789—1799 г. Перев. съ нѣмец. подъ ред. А. Трачевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. А. Воспитаніе, нравственность, право. (Сборн. статей). М 1897 г. Ц. 75 к.

Греефъ, Г. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ франц. Г. Паперна. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гурьевъ, А. Матерьялы для библіографіи русской экономической литературы по денежному вопросу. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Его же. Реформа денежнаго обращенія. Ч. II. Критич. обзоръ возраженій противъ денежной реформы. Вып. III. Возраженія противъ возможности прочнаго удержанія размѣна. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. за 4 вып.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи въ XV вѣкѣ. Историч. очеркъ («Наша Старина», № XXI). Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Зининъ, М. (Сергѣй Шараповъ). Кружнымъ путемъ. Ром. въ 5-ти част Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ивановъ, И. И. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ съ портрет. Шекспира, гравирован. въ Лейпцигѣ Геданомъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Т. III. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Комаровскій, Л. А., гр., проф. Восточный вопросъ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Коринфскій, Аполлонъ. Вольная птица и др. разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Его же. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Его же. Тѣни жизни. Стихотворенія 1895—1896 гг. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Кугушевъ, А. П., кн. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лурбе, Жакъ. Женщина передъ судомъ современной науки. Перев. съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Лѣсковъ, Н. С. Полное собраніе сочиненій въ 12 т. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1897 г. Ц. 15 р.

Масловичъ, Н. В. Басни и были. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Мензисъ, А. Исторія религіи. Оч. первобытныхъ вѣрованій и характеръ великихъ религіозныхъ системъ. Перев. съ англійск. М. Чепинской. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Милль, Д. С., Спенсеръ, Г. и Уордъ, Л. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Перев. Н. Н. Спиридонова. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Милль, Дж. Стюартъ. Представительное правленіе. Публицистическіе очерки. Перев. съ англійск. подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Мильнсъ-Маршаль, А. Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбріологію. Перев. съ 5-го посмертн. изд. 1894 г. Николай Зографъ. М. 1896 г. 1 р. 25 к.

Минскій, Н. М. Ибсенъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Оч. съ портр. Ибсена. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

М. М. Поэзія Надсона. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Новичъ, Н. Съ чужихъ полей. Сборникъ стихотворныхъ переводовъ. Спб 1897 г. Ц. 40 к.

Острогорскій, Викт. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. (Посвящ. русск. матерямъ). Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Предтеченскій, Е. Кометы и падучія звѣзды. Популярно-научныя бесѣды. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Реклю, Элизе. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Сокращеніе «Земли» того же автора, сдѣлан. имъ самимъ. Перев. съ 5-го франц. изд. съ примѣч. и дополн. Д. А. Коропчевскаго. Съ 122 рис. въ текстѣ и съ прибавленіемъ словаря географич. именъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Розинъ, Вас. Указатель литературы по исторіи Новгорода. (Оттискъ изъ «Новгор. Епарх. Вѣд.» 1896 г.).

Соколовъ, А. Новый способъ быстраго разведенія яблонь. Разведеніе малины. Изд. «Посредн.» № 268. М. 1897 г. Ц. 1½ к.

Сологубъ, Ѳедоръ. Тѣни. Разсказы и стихи. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Тимирязевъ, К. Луи Пастеръ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Уордъ, Лестеръ. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ англійск. Л. К. Давыдовой. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Уордъ, Лестеръ. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ англійск Е. И. Бошнякъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Фаулеръ, Томасъ. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Перев. съ англійск. А. Погодина подъ ред. Влад. Соловьева. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Флеровъ, А. Ѳ. и Федченко, Б. А. Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Шахрай, Л. М. Маккавеи. Историч. этюдъ для еврейскаго юношества. Изд. 2-е. («Наша Стар.» № 1). Одесса. 1896 г. Ц. 15 к.

Шопенгауеръ, А. Метафизика любви. Перев. съ нѣмецк. Р. Кресинъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Шперкъ, Ѳедоръ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Энзельгансъ, д-ръ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. («Краткая психологія для самообразов.»). Перев. съ нѣмецк. М. Столярова. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Яхонтовъ, И. Т. Руководство къ церковно-славянскому чтенію. Книжка для учащихъ. Новгородъ. 1896 г. Ц. 10 к.

Его же. Руководство къ церковно-славянскому чтенію со сборникомъ задачъ и краткимъ церковно-славянскимъ словаремъ. Новгородъ. 1896 г. Ц. 25 к.

IX-e Congrés national coopératif, tenue au Musée social les 25, 26 et 27 octobre 1896. Rapports et projets de résolution, présentés au Congrès par le Comité central. Paris. 1896.

Дневникъ Педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопск. у., состоявшихся 17-го мая—7 іюня 1896 г. подъ руководств. Д. И. Тихомирова (русск. яз.) и М. Б. Мельникова (ариѳметика). М. 1896 г.

Журналы Ярославской губернской оцѣночной коммиссіи. Засѣданія 5-го окт. 1894 г., 27-го янв. 1895 г., 14-го іюня 1895 г. и 12-го іюля 1896 г. Ярославль. 1896 г.

Исповѣдь тенора. 2 тома. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Матерьялы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. Экономич. часть. Вып. X. Балахнинскій у. Отдѣлъ II и приложенія. Изд. Нижегородск. губернск. Земства. Н.-Новгородъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Отчетъ Орловскаго комитета народныхъ чтеній за 1894—1895 г. Орелъ. 1896 г.

Отчетъ Полтавской уѣздной земской управы за 1895 г. Съ приложеніями: Полтава. 1896 г.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1895—1896 г. Тамбовъ. 1896 г.

Очеркъ дѣятельности Полтавской губернской земской управы въ 1895 году. Полтава. 1896 г.

Сборникъ управленія дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казен. ж. д. Изд. М-ва Путей Сообщ. по случаю Всероссійск. худож. и промышл. выст. въ Н.-Новгородѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сельскохозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1895 г. Изд. Нижегородск. губернск. земства. Н.-Новгородъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Симбирской губ. Отдѣлъ 2-й. Текущая статистика 1896 г. Вып. 1-й. Сельскохозяйств. обзоръ губ. по даннымъ, получен. отъ корреспондент. за весенній періодъ. Приложеніе къ № 7 «Вѣстника Симб. губ. земства» за 1896 г. Симбирскъ. 1896 г.

НОВАЯ КНИГА

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Сочиненіе КАРЛА МАРКСА,

изданное подъ редакц. Фридр. Энгельса.

Перев. съ нѣмецк. Томъ III. Кн. III. Процессъ капиталистическаго производства, взятый въ цѣломъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Лица, выписывающія изъ конторы «Новаго Слова», за пересылку не платятъ.

*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ редакціи продаются слѣдующія книги:

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ А. К. Томашевскаго.

Спб. 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Ярошкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома 5 р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

Е. ДЮРИНГЪ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе **Г. А. Куковѣрова.** Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Переводы и изданія Д. Л. МУРАТОВА:

8-МИ ЧАСОВОЙ

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Соч. *С. Вебба* и *Х. Кокса.*

Цѣна 1 руб. 60 коп.

Содержаніе: Движеніе въ пользу сокращенія рабочаго дня въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи.—Современная продолжительность труда и фабричное законодательство.—Экономическіе результаты сокращенія рабочаго дня. — Сверхъ-урочная работа.—Полный обзоръ аргументовъ за и противъ узаконенія восьми-часового дня.—Практическія предложенія.—Письма, полученныя авторами отъ тѣхъ фирмъ, которыя уже ввели восьми-часовой день.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ И ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Т. Хиггинсона. XVI+304 стр. Цѣна 1 рубль.

Лица, выписывающія эти книги изъ конторы «Новаго Слова» или изъ конторы изданій **О. Н. Поповой** (Спб. Невскій, 54—Библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 годъ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на ежедневную политическо-общественно-литературную газету

ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ»—органъ Черноморья и Закавказья—**первая и единственная на всемъ восточномъ побережьѣ Чернаго моря русская газета**—выходитъ въ Батумѣ, ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней, по полной программѣ столичныхъ политическо-литературныхъ ежедневныхъ изданій, утвержденной г. министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«ЧЕРНОМОРСКІЙ ВѢСТНИКЪ», вступая въ 3-й годъ изданія, останется вѣрнымъ своей задачѣ и, выясняя нужды и положеніе побережья и Закавказья, будетъ, какъ и раньше, служить точнымъ и правдивымъ отраженіемъ мѣстной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Въ теченіе 1897 года будетъ напечатанъ рядъ статей изъ гражданскаго уложенія турецкаго законодательства, касающихся владѣнія недвижимою собственностью по турецкимъ законамъ, съ цѣлью ознакомленія читателей съ земельнымъ вопросомъ, столь существеннымъ для Батумскаго округа. Кромѣ того будутъ напечатаны слѣдующія статьи постоянныхъ сотрудниковъ «Черном. Вѣстн.»: «Сельское хозяйство на восточномъ побережьѣ Чернаго моря», «Русскій чай и чайныя плантаціи на Чаквѣ близъ Батума», «Кавказскія ископаемыя богатства», «Борьба съ разбоями на Кавказѣ», «Флора Кутаисской губерніи», «Марганцевая промышленность», «Нефть и ея новыя залежи», «Золото въ долинѣ Чороха», «Батумъ, Сухумъ и Поти», «Школьное дѣло на Кавказѣ», «Кавказскіе лѣса», «Задачи правительства въ Черноморской губерніи», «Русскій человѣкъ на Кавказѣ», «Культурность и кинжалъ», «Климатическія станціи на побережьѣ», «Наши пути сообщенія», «Кавказскіе самоуправцы», «Русскій языкъ въ инородческихъ школахъ», и др.

Подписка принимается на срокъ съ 1 числа любого мѣсяца и не далѣе какъ до конца года.

Подписная цѣна: **на годъ**—для городскихъ подписчиковъ, съ доставкой—6 р.; для иногородныхъ, съ пересылкой—7 р.; за границу—13 р.; **на полгода**—для городскихъ—4 р., для иногородныхъ—5 р.; за границу—9 р.; **на одинъ мѣсяцъ**—для городскихъ—1 р., для иногородныхъ—1 р. 20 к. Разсрочка платежа по соглашенію съ конторой изданія.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ: на 4-й страницѣ, за мѣсто, занимаемое строкою петита, съ мѣстныхъ объявленій—8 коп., съ иногородныхъ—10 коп.; на 1-й страницѣ—вдвое. При многократныхъ объявленіяхъ—скидка.

Объявленія изъ-за границы и Россійской Имперіи, за исключеніемъ Кавказа, Закавказья и Закаспійской области, принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°, въ Москвѣ (Мясницкая, домъ Сытова) и въ Петербургѣ (Большая Морская, 11).

Подписка принимается: въ Батумѣ—въ конторѣ «Черноморскаго Вѣстника» (Оглобжинская, д. Таирова), въ Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ Л. и Э. Метцль и К°, въ Тифлисѣ—въ книжномъ магазинѣ Хиддекеля.

Розничная продажа №№: въ Батумѣ—въ конторѣ газеты, на вокзалѣ Закавк. жел. дор., у газетчиковъ на пристаняхъ и на бульварѣ, и пр., въ Сухумѣ Поти, Новороссійскѣ—у газетчиковъ пароход. Рус. Общества, въ Кутаисѣ—у г. Куденка, въ Тифлисѣ—у г. Хиддекеля. Кромѣ того, на всѣхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ Русскаго Общества пароход. и торг., на пароходахъ Азовскаго Общества и у газетчика пар. Россійскаго Общ. «Марія» (по всѣмъ Крымско-Кавказскимъ портамъ). Цѣна отдѣльнаго нумера 5 коп.

При газетѣ—батумское отдѣленіе Россійскаго телеграфнаго агентства, съ пріемомъ отдѣльной городской подписки на биржевыя телеграммы (15 рублей въ годъ), выпускаемыя особыми бюллетенями два раза въ недѣлю.

Редакторъ-Издатель Г. А. Пальмъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ ТРЕТІЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**6** р. **50** к.; за «Христіанское Чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**6** р. **50** к.

б) За оба журнала **8** (восемь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**9** (девять) руб. съ пересылкой.

Цѣна за границей:

За оба журнала **10** (десять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**11** р. **50** к.; за каждый отдѣльно **7** (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—**9** рублей.

За **изящный англійскій переплетъ** прилагать **50** коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—1

31-й г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1897 г.

НОВЫЙ 31 годъ изданія.

Русскій Базаръ,

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ французскаго журнала «La mode de Paris».

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ РУКОВОДИТЕЛЬ МОДЫ ВЪ РОССІИ.

Въ теченіе года: болѣе 3000, исполненныхъ по моделямъ извѣстнѣйшихъ модистокъ Парижа, рисунковъ модъ

Нарядовъ дамскихъ.
Нарядовъ дѣтскихъ.
Нарядовъ маскарадныхъ.
Нарядовъ для верховой ѣзды.
Нарядовъ для гулянья.
Нарядовъ для катанья на конькахъ.
Нарядовъ для баловъ.
Нарядовъ домашнихъ.

Рисунки разнаго БѢЛЬЯ:
Бѣлья дамскаго.
Бѣлья мужскаго.
Бѣлья дѣтскаго.

Разнообразнѣйшія ***рукодѣлія и работы.***
Рисунки разныхъ вещей и аксессуаровъ дамскаго туалета.

Зонтики.
Вѣера.
Шляпы.
Обувь.
Цвѣты.
Уборы и пр.
Выкройки.
Вышивки.

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ ЛУЧШІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Бесллетристика оригинальная и переводная.
Романы.
Повѣсти.
Разсказы.
Стихотворенія.
Мозаика.

Общедоступныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія.
Біографіи женщинъ.
Хроника женскаго дѣла.
Хозяйство и домоводство.
Модная хроника.

Почтовый ящикъ съ разнообразными совѣтами и отвѣтами.
Гравюры извѣстныхъ художниковъ.
Жанръ. Пейзажи.
Портреты. Типы и проч.

До 2000 выкроекъ въ натуральную величину на 24 отдѣльныхъ листахъ.

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ (для II и III изд.).

24 экстренныхъ приложенія съ модной хроникой и рисунками самыхъ послѣднихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés).

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ.
2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья.
3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.
4) Стѣнной календарь на 1898 годъ.

Годовые подписчики на II и III изданія получатъ кромѣ вышеназванныхъ 4 премій еще и книгу

5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Годовая цѣна „Новаго Русскаго Базара“ на 1897 г.:

Первое изданіе: Безъ доставки—**5** р., съ доставкою—**6** р., съ пересылкою—**7** р. Второе изданіе: Безъ доставки—**7** р., съ доставкою—**8** р., съ пересылкою—**9** р. Третье изданіе: Безъ доставки—**10** р., съ доставкою—**11** р., съ пересылкою—**12** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изданію 6 р., 2-му изданію 8 руб., 3-му изданію 11 руб.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I-е изданіе 4 р., на II-е изданіе 5 р., на III-е изданіе 7 р., а къ 1-му мая остальную сумму, т. е. 3 р., 4 р. и 5 р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала «Новый Русскій Базаръ»:

С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Готтъ“ высылается по требованію безплатно.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

22-й годъ изданія.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ СРАВНИТЬСЯ СО «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРЕЦІЕЙ» ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897, году «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя «Живописному Петербургу», изъ которыхъ впослѣдствіи составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обѣихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обозрѣніямъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемыя въ прибавленіяхъ къ нумерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спорта», богатому и разнообразному, будутъ отводиться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

Превзошедшій всякія ожиданія, успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» прошлыхъ лѣтъ—«Сочиненій Кольцова», «Книги пѣсенъ Гейне» и «Пѣсенъ Беранже»—побуждаютъ ее предложить подписчикамъ на будущій, 1897, г. **два изящныхъ подарка**, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. Чтобы угодить разомъ любителямъ и серьезнаго, и веселаго чтенія, «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ западной литературы:

«НАТАНЪ МУДРЕЦЪ», драматическую поэму Готгольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачева, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премированы.

«ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО» избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей. Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

«Натанъ-Мудрецъ» представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ «Декамерона» Боккачіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того будутъ даны

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ РАЗНООБРАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Такимъ образомъ «Всемірная Иллюстрація» за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА журнала «Всемірная Иллюстрація» на 1897 г. **СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЕЙ:** безъ доставки **15** руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ **17** р. и съ пересылкою **18** руб.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная, 13.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. **Допускается разсрочка** при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи»: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію 3—1 безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

и Модный Магазинъ

30-ый годъ изданія. МОДНЫЙ и СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, XXX годъ изданія.

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ парижскаго моднаго журнала

„LA SAISON“.

«МОДНЫЙ СВѢТЪ» сдѣлался любимымъ журналомъ русской семьи, настольнымъ справочнымъ изданіемъ русской хозяйки. «МОДНЫЙ СВѢТЪ» щеголяетъ полнотой всѣхъ своихъ отдѣловъ: моды, рукодѣлій, домоводства и проч. и большимъ разнообразіемъ.

Нижеслѣдующій перечень даетъ приблизительное понятіе о богатствѣ содержанія этого столь любимаго и самаго распространеннаго въ Россіи дамскаго журнала.

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» будутъ заключать въ себѣ въ 1897 году:

24 модныхъ нумера туалетовъ и дамскихъ рукодѣлій, содержащихъ до 3.000 рисунковъ и описаній, объемлющихъ всю область гардероба: для дамъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, равно и приданаго для новорожденныхъ, мужскаго, столоваго и постельнаго бѣлья. Всевозможныя рукодѣлія, изображенныя и описанныя удобопонятно и подробно.

24 литературныхъ нумера, содержащихъ повѣсти, разсказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, картины и рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ, статьи по женскому дѣлу, анекдоты, афоризмы, хозяйственные, гигіеническіе и педагогическіе совѣты и указанія, предостереженія противъ опасностей, встрѣчающихся въ обыденной жизни, различныя извѣстія, интересныя для женщинъ, и «Почтовый ящикъ» съ разнообразными указаніями и совѣтами.

24 экстренныхъ модныхъ приложенія съ рисунками новѣйшихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés). Эти 24 приложенія въ общей сложности составятъ 12 полныхъ нумеровъ.

12 большихъ выкроечныхъ листовъ, содержащихъ около 1000 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ гардероба, узоры для бѣлаго и цвѣтнаго шитья, суташа и т. д., также множество шифровъ, монограммъ и цѣлые алфавиты крестиками и гладью.

Подписчики получатъ кромѣ всего вышесказаннаго еще сверхъ того: НА 2-е ИЗДАНІЕ **12** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ. **12** вырѣзныхъ выкроекъ для дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ и бѣлья. НА 3-е ИЗДАНІЕ **36** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ и **12** вырѣзныхъ выкроекъ.

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ. 2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья. 3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ. 4) Стѣнной календарь на 1897 годъ. Подписчики на второе и третье изданія кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ премій получатъ еще книгу: 5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Подписчики на 1-е изданіе, желающіе получить сверхъ слѣдуемыхъ имъ премій еще книгу ЖИВОПИСЬ ПО ФАРФОРУ и проч., доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль.

ГОДОВАЯ ЦѢНА «МОДНАГО СВѢТА» НА 1897 ГОДЪ:

I-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**4** р., съ доставкою—**5** р., съ пересылкою—**6** р. II-го изданія. Въ С.Петербургѣ безъ доставки—**6** р., съ доставкою—**7** р., съ пересылкою—**8** р. III-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**9** р., съ доставкою—**10** р., съ пересылкою—**11** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изд.—5 р., 2-му изд.—7 р., 3-му изд.—10 р.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная ул., № 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I изд.—4 р., на II изд.—5 р., на III изд.—6 р., а къ 1-му мая остальные, т. е. 2 р., 3 р. и 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «МОДНАГО СВѢТА»:
С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію 3—1 безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩІЕСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА». 17-й годъ изданія.

ВЪ 1897 году журналъ «ВОСХОДЪ» и газета «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ въ ПАЛЕСТИНѢ, АРГЕНТИНѢ, НЬЮ-ІОРКѢ, ПАРИЖѢ, ЛОНДОНѢ, БЕРЛИНѢ, ВѢНѢ, РИМѢ и вообще во всѣхъ КРУПНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ Россіи и заграницей.

Содержаніе октябрьской книги «Восхода»: I. Московское гетто. Его частная и общественная жизнь. Ш. Марика. — П. Конецъ выходцевъ. Романъ. С. О. Ярошевскаго. — Ш. Смерть наложницы. (Стихотвореніе). К. Н. Льдова.—IV. Обѣтованная земля. Глава XXVII. Е. Я. Хисина.—V. Порхающая утка. Очеркъ И. Зангвилля. (Окончаніе). Перев. С. Л. Федоровичъ.—VI. Изъ книги пророка Іереміи. (Стихотвореніе). К. М. Фофанова.—VII. Забытая эпоха. Историко-культурные очерки. С. Гинзбурга.—VIII. Легенды востока. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.—IX. Іудейскія древности. Сочиненіе Флавія Іосифа. Переводъ съ греческаго Г. Г. Генкеля. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги). Современная лѣтопись:—X. Субботнія и вечернія школы для взрослыхъ. Д. Ѳ. Зискандъ.—XI. Бернаръ Лазаръ и его борьба противъ антисемитизма. Письмо изъ Парижа. А. Людвиполя.—XII. Литературная лѣтопись. Сборникъ общества просвѣщенія. (Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, Спб. 1896). Б... Ш...—XIII. Библіографія: 1) Dr Adolf Kohut. Jüdische Culturskizzen. Prag, 1896 г. (Д-ръ Адольфъ Когутъ, Еврейскіе культурные очерки. Прага. 1896). Аль—Гв.—2. Море Либрохо, т. е. систематическая метода для постепеннаго изученія дѣтьми древне-еврейскаго языка. Л. Зимлина. Басни Крылова, перев. Х. Зискинда. Веньямина.

Въ ближайшихъ книгахъ «Восхода», между прочимъ, будетъ помѣщено:

ГОѲОЛІЯ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ *Расина*. Переводъ въ стихахъ. *О. Н. Чюминой*. (Михайловой).—КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКИХЪ СЕКТЪ. *А. Я. Гаркави*.—У МАРОККСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. *В. И. Немировича-Данченко*.—ПИСЬМА О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ЕВРЕЙСТВѢ. *С. М. Дубнова*.—БѢГСТВО. Разсказъ. *Бенъ-Ами*.—ЕВРЕИ ВЪ АНГЛІИ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ТРИ ВѢКА. *М. И. Кулишера*.—БЕРЛИНСКІЕ ЕВРЕЙСКІЕ САЛОНЫ. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ. Проф. берлинскаго университета *Людвига Гейгера*.—(Переводъ съ рукописи).—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Д. А. Хвольсона. Барона *Д. Г. Гинцбурга*.—ИНСТИТУТЪ РИТУАЛЬНОЙ ЧИСТОТЫ У ЕВРЕЕВЪ. Д-ра *Л. С. Каценельсона*.—РОЗА МАЙГОЛЬДЪ. Романъ. *С. О. Ярошевскаго*.—ЕВРЕИ ВЪ ЛОНДОНСКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ ГАЛЛЕРЕѢ. *С. И. Рапопорта*.—ПРОФЕССОРЪ ГЕЙНРИХЪ ФОНЪ ТРЕЙЧКЕ И ЕВРЕИ. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлинскаго университета *Л. Гейгера*. (Переводъ съ рукописи).—УРІЕЛЬ АКОСТА. Историческая характеристика. *И. Зангвилля*.—ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ЕВРЕИ. *М. И. Кулишера*. — ПОТОМОКЪ КРЕСТОНОСЦЕВЪ. Очеркъ. *Н. Пружанскаго*.—ПЕРЕПИСКА ОБЪ УПАДКѢ ЕВРЕЙСТВА И СПОСОБАХЪ ЕГО ВОЗРОЖДЕНІЯ. *Макса Нордау, И. Зангвилля* и др. и отвѣты *С. Бернфельда* и *Р. И. Сементковскаго*.—ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. *Фрица Маутнера* (автора романа «Новый Агасферъ»). Переводъ съ рукописи.—О НѢКОТОРЫХЪ НУЖДАХЪ ЕВРЕЙСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ. Д-ра *С. О. Грузенберга*.—ЖАРГОННАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ АМЕРИКѢ. *Г. Гешуруна*.—ОБЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ВЪ ЧЕРТѢ ЕВРЕЙСКОЙ ОСѢДЛОСТИ. *Л. М. Брамсона*.—ХАДЪ-ГАДЬЯ. Психологическій этюдъ. *И. Зангвилля*.—ЕВРЕЙКИ НА БЕРЛИНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ КОНГРЕССѢ. *Л. Винца*.—ГЕНЕРАЛЬША. Разсказъ доктора. *Н. Пружанскаго*.—ХАЙЬЯРСКІЙ ЯДЪ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. *В. Лебедева*.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣются еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія *С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О. Чюминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова*, и др.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р. Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 году, со дня полученія ихъ подписки.

3—1 Редакторъ-издатель *А. Е. Ландау*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ «Педагогическаго Листка»

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ.

Въ 1897 году «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» вступаетъ въ 29-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для сельскихъ библіотекъ; одобрено Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» помѣщаются: а) повѣсти, разсказы, легенды и сказки (оригинальные и переводные); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природою и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу свѣту, изъ книгъ и журналовъ); ж) шутки, игры и занятія; з) задачи, ребусы, шарады и проч.

При журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается «ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 4 до 6 листовъ. Большая часть статей «ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА» посвящается домашнему воспитанію, элементарному обученію и вопросамъ по народной школѣ. Въ «ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ» помѣщается періодическій указатель дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое описаніе и разборъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ 1896 году въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ», среди многихъ другихъ разсказовъ, были напечатаны—разсказы Д. Н. *Мамина*, К. М. *Станюковича*, Г. А. *Мачтета*, П. В. *Засодимскаго*, С. Т. *Семенова*, К. В. *Лукашевичъ* и др., большія повѣсти М. Н. *Альбова*, И. Н. *Потапенко*, историческіе разсказы Д. А. *Мордовцева*, Ив. Ив. *Иванова*, А. К. *Сизовой* и др., комедія для дѣтей П. М. *Невѣжина*; научныя статьи—«Изъ жизни ручья» (По Реклю перевсказъ *Д. А. Коропчевскаго*), «Борьба растеній» *М. Н. Сльпиовой* и много другихъ. Объемъ журнала былъ значительно увеличенъ: книжки выходили въ 12 и 14 листовъ, и въ общемъ дано сверхъ обѣщаннаго до тридцати печатныхъ листовъ, что составитъ за годъ—цѣлыхъ двѣ лишнихъ книжки.

Въ журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» въ 1897 году примутъ участіе: *Альбовъ М. Н.—Баранцевичъ К. С.—Борисовъ Н. А.—Вагнеръ Н. П.—Вагнеръ Ю. Н.—Величко В. Л.—Глинскій Б. Б.—Гольцевъ В. А.—Ермиловъ В. Е.—Засодимскій П. В.—Зенченко С. В.—Каразинъ Н. Н.—Коропчевскій Д. А.—Кореминъ М. С.—Лавровъ В. М.—Ладыженскій В. Н.—Лукашевичъ К. В.—Маминъ-Сибиряк Д. Н.—Мачтетъ Г. А.—Медвѣдевъ Л. М.—Михаловскій Д. Л.—Михѣевъ В. М.—Монастырскій А.—Невѣжинъ П. М.—Немировичъ-Данченко Вас. Ив. — Немировичъ-Данченко Вл. Ив.—Острогорскій В. П.—Потапенко И. Н.—Рубакинъ Н. А.—Семеновъ С. Т.—Серпѣенко П. А. — Сизова А. К. — Скабичевскій А. М. — Сльпиова М. Н. — Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А.—Станюковичъ К. М.—Чеховъ Ан. П.* и др.—Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: *Андреевъ В. И.—Гуланава И. Г.—Литвиненко П.—Кашкинъ Н. Д.—Корешенко А.—Чичаговъ К. Н.*

На 1897 годъ редакція «ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ» имѣетъ уже для печатанія двѣ большихъ повѣсти «Поднебесный аулъ» *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, съ рисунками *К. Н. Чичагова*, «Два таланта» *И. Н. Потапенко*, большую поэму «Два облака» *Д. Л. Михаловскаго*, разсказы *К. М. Станюковича*, *Д. Н. Мамина-Сибиряка*, *К. С. Баранцевича*, *Г. А. Мачтета*, *В. М. Михѣева*, статьи *Н. А. Рубакина*. «Приключенія на водѣ и подъ водой» (случай съ американскимъ пароходомъ). *Д. А. Коропчевскаго*. — «Четыре времени года» (Очерки различныхъ климатовъ и географическія картинки разныхъ поясовъ земного шара по временамъ года) и др.

Январская книжка 1897 г. выйдетъ до праздника Рождества.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5. руб.; съ доставкою и пересылкою во всѣ гг. Россіи 6 руб.; за границу 8 руб.; на полгода 3 руб.; на четверть года 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица, д. Гиршмана, кв. 40 — Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (уступка книгопродавцамъ 30 коп. съ годового экземпляра).

При редакціи книжный складъ,—«Библіотека Дѣтскаго Чтенія»,—каталогъ высылается безплатно. 3—1

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомировъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на новую большую ежедневную газету Калужско-Тульскаго края

КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета «Калужскій Вѣстникъ», не измѣняя принятаго ею направленія, значительно расширитъ нѣкоторые отдѣлы своей программы—научный, общественной жизни, желѣзнодорожный, сельскохозяйственный и литературный.

Стоя внѣ всякихъ партій, личныхъ счетовъ и интересовъ, «Калужскій Вѣстникъ», насколько въ этомъ убѣдились наши читатели, бодро идетъ впередъ дорогою правды и культуры. Редакція сознаетъ, что только этимъ путемъ она можетъ достигнуть намѣченныхъ ею цѣлей; только говоря правду, не замалчивая непріятныхъ вещей, освѣщая отрицательныя явленія нашей жизни, и можно сослужить службу родному краю. Девизъ нашъ: «Царю правда—лучшій слуга» по прежнему будетъ нашею путеводною звѣздою.

Насколько показало короткое время существованія «Калужскаго Вѣстника», читатель оцѣнилъ наши скромные труды по изданію газеты: послѣдняя, начиная съ половины октября, уже начала печататься въ 1200 экземплярахъ.

Такой успѣхъ «Калужскаго Вѣстника» даетъ намъ возможность съ 1 ноября увеличить составъ редакціонныхъ сотрудниковъ и поднять техническую сторону газеты. Редакція ставитъ себѣ цѣлью, чтобы «Калужскій Вѣстникъ» былъ дѣйствительно опрятною провинціальною газетою, съ серьезнымъ направленіемъ и чистымъ литературнымъ матеріаломъ.

Программа «Калужскаго Вѣстника» состоитъ изъ слѣдующихъ 20 отдѣловъ:

1) Оффиціальный отдѣлъ, 2) Передовыя статьи по вопросамъ мѣстной жизни. 3) Телеграммы. 4) Мѣстная хроника. 5) Статьи и корреспонденціи. 6) Родиновѣдѣніе: свѣдѣнія и матеріалы географическіе, топографическіе, статистическіе, этнографическіе и пр. 7) Сельско-хозяйственный отдѣлъ. 8) Изъ прошлаго. 9) Наши сектанты. 10) Статьи по желѣзнодорожнымъ вопросамъ. Тарифъ. 11) Фельетонъ: научный, общественной жизни и литературный. Повѣсти, разсказы, очерки, рецензіи, сцены, наброски, замѣтки и стихотворенія. 12) Внутреннія извѣстія. 13) Что дѣлается за границей? 14) Спортъ и охота. 15) Театръ и музыка. 16) Судебная хроника. 17) Биржевой отдѣлъ. 18) Смѣсь. 19) Справочный отдѣлъ 20) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ портфелѣ редакціи имѣется уже нѣсколько большихъ оригинальныхъ повѣстей, разсказовъ и статьи историческаго содержанія: Хлопова, княгини Вадбольской, Кулешова, Риваля, М. Сѣверной, Епифанова, Козырева, Груздева, Ачадовскаго, И. Д. Четыркина, В. Кашкарова, Фирсова, и др.; нѣсколько переводныхъ разсказовъ съ французскаго, нѣмецкаго, польскаго и англійскаго языковъ. Фельетоны изъ общественной жизни будутъ печататься ежедневно. Въ газетѣ обѣщали принять участіе профессоръ **И. И. Иванюковъ и Н. И. Теодоровичъ.**

Условія подписки на «КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Съ доставк. и перес.: На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 75 к., на 10 м. 5 р. 50 к., на 9 м. 5 р. 25 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ дост. и перес.: На 12 м. 5 р., на 11 м. 4 р. 75 к., на 10 м. 4 р. 50 к., на 9 м. 4 р. 25 к., на 8 м. 4 р., на 7 м. 3 р. 50 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к., на 1 м. 75 к.

Г.г. новые годовые подписчики, подписавшіеся въ ноябрѣ мѣсяцѣ и внесшіе всю подписную сумму, будутъ получать «Калужскій Вѣстникъ» въ теченіе декабря 1896 г. безплатно.

Подписка принимается: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютиной, въ г. Москвѣ: въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Спиридонова, въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11; въ г. Тулѣ: въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ «Тульскаго Листка Объявленій».

Тарифъ за помѣщеніе объявленій:

На послѣдней страницѣ, послѣ текста: за одинъ разъ 10 коп. со строки мелкаго шрифта (петита), за два и три раза 8 коп., болѣе трехъ разъ—5 коп., болѣе трехъ мѣсяцевъ—3 коп. Плата за объявленія, помѣщаемыя на первой страницѣ, передъ текстомъ, вдвое

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п., вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ, взимается по 10 руб. за каждую тысячу экземпляровъ.

3—1 Издательница **М. Н. Лашманова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 годъ
НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

годъ изданія 18-й.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

Въ теченіи долгихъ лѣтъ «Игрушечка» завоевала себѣ вниманіе маленькихъ читателей, изъ которыхъ многіе уже настолько выросли, что рекомендуютъ ее своимъ дѣтямъ. Семнадцатилѣтній опытъ редакціи убѣждаетъ ее, что подростающія поколѣнія все болѣе и болѣе нуждаются въ правильной постановкѣ чтенія, которое подготовляло бы къ развитію ребенка, столь необходимому при современныхъ обширныхъ программахъ въ школахъ. «Душа читающаго человѣка растетъ», по словамъ одного французскаго философа,—и придти на помощь растущей душѣ ребенка—лучшая услуга, какую могутъ оказать ему родители. «Игрушечка» идетъ на встрѣчу этой потребности. Въ этомъ журналѣ помѣщаются научныя статьи изъ жизни и природы, разсказы историческіе и бытовые, путешествія, стихотворенія, сказки, біографіи великихъ людей, описаніе ремеслъ, шарады и проч.

Текстъ иллюстрируется художественными рисунками.

Въ каждой книжкѣ даются французскіе и нѣмецкіе разсказы съ подстрочнымъ переводомъ и указатель, приспособленный къ практическому самообученію этимъ языкамъ.

Въ 1897 г. въ видѣ дарового приложенія къ «ИГРУШЕЧКѢ» будутъ разосланы шесть иллюстрированныхъ миніатюрныхъ томиковъ, посвященныхъ популярнымъ бесѣдамъ по природовѣдѣнію. Въ 1897 г. эти книжки будутъ составлены приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго Университета Ю. Н. Вагнеромъ и будутъ содержать въ себѣ разсказы о четырехъ стихіяхъ—водѣ, огнѣ, землѣ и воздухѣ и о жизни и дѣятельности на землѣ мельчайшихъ животныхъ и растеній.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

(До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Особой подписки на отдѣлъ «Для Малютокъ» нѣтъ.

Подписчики «ИГРУШЕЧКИ» съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ», кромѣ шести книжечекъ, получатъ особое приложеніе, приноровленное къ этому возрасту.

Въ журналѣ «Игрушечка» печатали свои произведенія слѣдующіе литераторы и ученые: В. П. Авенаріусъ, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ю. Н. Вагнеръ (приватъ-доцентъ), В. Л. Величко, И. П. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Дицъ, А. П. Доганович, С. П. Дрожжинъ, В. С. Желиховская, Юлія Загуляева, П. В. Засодимскій, В. Э. Иверсенъ. Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, А. В. Кругловъ, М. М. Куклинъ, С. П. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, Клавдія Лукашевичъ, М. Лаухина, Н. А. Лухманова, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михаловскій, А. П. Мунтъ (Валуева), В. В. Огарковъ, Викторъ Острогорскій, Е. А. Чебышева-Дмитріева, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, В. Фаусекъ, К. М. Фофановъ, О. Н. Чумина, Л. П. Шелгунова, С. Н. Шубинскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе: П. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, баронъ М. П. и А. М. Клодтъ, Е. М. Бемъ и другіе.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой и пересылкой въ Россіи.	Заграницей.
«ИГРУШЕЧКА»	3 руб.	5 руб.
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣломъ «Для малютокъ»	5 »	7 »
«ИГРУШЕЧКА» съ педагогическимъ изданіемъ «На помощь матерямъ»	5 »	7 »
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣломъ «Для малютокъ», приложеніями и съ изданіемъ «На помощь матерямъ»	7 »	9 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пышкова-Толивѣрова.*

Желающіе пріобрѣсти «ИГРУШЕЧКУ» за 1889, 1890, 1891, 1892 гг., въ обложкѣ за годъ, получаютъ ее за 2 р. 50 к., за 1893, 1894, 1895 и 1896 г. за 3 руб. въ бумажкѣ и 3 руб. 75 к. въ переплетѣ. *„Для Малютокъ“*, иллюстрированное изданіе для дѣтей отъ 4 до 8 лѣтъ, въ обложкѣ 1 руб. 50 коп., въ роскошномъ переплетѣ 2 руб. *„На помощь матерямъ“*, томъ въ 25 печатныхъ листовъ, ц. въ бумажкѣ 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб. *За всѣ три* тома въ бумажкѣ 6 руб., въ переплетѣ 7 руб. 50 коп.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 годъ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

3 р. **НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ** 3 р.

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ.

(Годъ изданія 4-й).

Цѣль изданія—придти на помощь русской женщинѣ въ самой святой ея обязанности — **воспитанія дѣтей**. Начало этой трудной обязанности и выполненіе ея существенной части лежитъ въ семьѣ, составляя призваніе интеллигентной матери. Изданіе **«На помощь Матерямъ»** имѣетъ задачей помочь своимъ читательницамъ указаніями, основанными на научномъ опытѣ, извлеченномъ изъ всѣхъ областей знанія. Гигіена тѣла и здоровье духа, образованіе хорошихъ привычекъ для жизни дѣятельной, разумной и достойной—вотъ цѣль изданія. Въ программу его входятъ указанія по уходу за дѣтьми, воспитанію и обученію ихъ, обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч., обзоръ выдающихся книгъ по воспитанію и чтенію, отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтск. садовъ и проч. Текстъ снабжается рисунками, чертежами и т. п.

Редакція пользуется сотрудничествомъ извѣстныхъ лицъ изъ ученаго, педагогическаго и литературнаго міра. Особенно дорожа совѣтами, замѣчаніями и сообщеніями самихъ матерей и лицъ, стоящихъ близко къ дѣтской жизни, редакція даетъ широкое мѣсто живому обмѣну мыслей между нею и самими читательницами.

Въ трудахъ редакціи принимали участіе: П. Н. Бирюковъ, д-ръ С. П. Верекундовъ, д-ръ Вирениусъ, М. В. Волкова. (женщ.-врачъ), В. П. Воленсъ, д-ръ Гориневскій, Н. В. Дмитріевъ, д-ръ П. Д. Енько, П. Д. Кущъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, К. В. Лукашевичъ, М. М. Манасеина, А. Х. Образцова, Викторъ Острогорскій, А. Н. Паевская, (женщ.-врачъ), І. Паульсонъ, В. Португаловъ, Э. К. Пименова (женщ.-врачъ). Д. Д. Семеновъ, М. М. Соколова, Е. А. Чебышева-Дмитріева, проф. В. Ф. Якубовичъ и другіе.

Изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ» выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2½ до 3-хъ печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна на педагогическое изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 3 руб.; за границу 5 руб.

Подписчики дѣтскаго иллюстриров. журнала «Игрушечка» платятъ вмѣсто трехъ руб. два р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница *А. Н. Цышкова-Толивѣрова.*

Желающіе пріобрѣсти изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ», за всѣ три года платятъ вмѣсто 9 руб. 6 руб., въ переплетѣ 7 руб. 50 коп. За каждый томъ отдѣльно по 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб Пересылку редакція беретъ на свой счетъ. 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(двадцать второй годъ изданія)

ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

Вступая въ XXII (22-й) годъ изданія, «Оренбургскій Листокъ» по прежнему будетъ придерживаться характера мѣстной лѣтописи, или мѣстной хроники, такъ какъ редакція съ самого основанія газеты (съ 1876 года) поставила себѣ задачей вести «Оренбургскій Листокъ» такъ, чтобы онъ былъ «мѣстнымъ» органомъ печати не по названію только, а дѣйствительно «Оренбургскимъ»—по своему содержанію.

Въ программу газеты входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности Оренбургскаго края. — II) Общія политическія извѣстія изъ оффиціальныхъ газетъ и изъ телеграммъ телеграфныхъ агентствъ.—III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и Оренбургскаго края. — IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ съ рецензіями о нихъ.—V) Фельетонъ; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи.—VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзнодорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія.—VII) Безплатное приложеніе къ «Оренбургскому Листку»

„Листокъ Объявленій“

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» въ будни, кромѣ дней послѣпраздничныхъ,

Подписная цѣна на годъ 5 руб. съ доставкою, а съ пересылкою 5 руб. 20 коп.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица домъ № 40. 2—1

Редакторъ-Издатель *И. И. Евфимовскій-Мировицкій*

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1897.**

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, **ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ**, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

● ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ ●

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ «МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ»**, замѣняющіе «модный журналъ».
3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

■ НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ. ■

Въ числѣ 52-хъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «сынъ отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя.

А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО».

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ **8** р.—На полгода **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—На одинъ мѣс. **1** р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты «Сынъ Отечества» **ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.** Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 **12**

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи).

На годъ 4 рубля. | На полгода 2 рубля. | На три мѣс. 1 рубль.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЕ“

(200 КАРТИНЪ СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И ВЪ ИЗЯЩНОЙ ОБЕРТКѢ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) **ОДИНЪ** руб. **50** коп.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

Главная Контора: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—2

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать ВАЖНЫЯ И СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ въ изданіи, небывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ СКРОМНОЙ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, что, въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной БѢЛОЙ БУМАГѢ съ 7—10 рисунками. 52

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТСЯ:

I. 52 нумера «Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ, ОТПЕЧАТАННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРЫХЪ ВХОДЯТЪ: НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, а также СТИХОТВОРЕНІЯ, НАУЧНЫЯ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ СТАТЬИ, СМѢСЬ И ПРОЧ.

Ежемѣсячно выходитъ ОДИНЪ ТОМЪ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только НОВЫЯ литературныя произведенія, а не ПЕРЕПЕЧАТКА старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно ОДИНЪ или ДВА законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ даст. и по Имперіи: 8 р.—Безъ дост. въ Спб. 7 р —въ Москвѣ 7 р. 75 к.
На полгода (съ доставкою по Имперіи). 4 р.—На три мѣсяца 2 р. -За границу: на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ ва другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою,

Годовые подписчики журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—«БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЕ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Авонъ» и проч уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная Контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются безплатно.

3—2

Годъ изд. 3-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** **1897.**

ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ

выходитъ въ форматѣ и объемѣ большихъ дорогихъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ и СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятымъ числами, въ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы» и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составитъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ изящномъ изданіи.

«ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящіе журналы.

Въ книгахъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь.

Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этой цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ» пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. А. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ. — Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Ясное утро». Большой романъ.—Случевскій, К. К. «Мой дядя». разсказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравлинъ»). «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта. — Гнѣдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть. — Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ. — Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ. — Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»). «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть. — Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, З. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ» больш. ром.—Федоровъ, А. М. «Въ степи», больш. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ. — Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?» повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригорѣло». разоказъ.—Якунинъ-Захарьинъ. И. Н. «Сноха», разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая», разсказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Илловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ. — Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть. — Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ, и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «Домашняя Библіотека» будетъ, между прочимъ напечатанъ новый большой романъ Жюля Верна.

Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою по Имперіи).

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ р. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к

За границу (на годъ)—ВОСЕМЬ рублей.

СЪ ПОДПИСКОЙ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ:

С.-Петербургъ, Невскій прос., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издатель С. Добродѣевъ.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

Подписка на 1897 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДѢЯТЕЛЬ.

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ѳ. Будде, А. Ѳ. Гусевъ, Л. О. Даршкевичъ, П. М. Догель, Г. Ѳ. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капускинъ, Н. Ѳ. Катановъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустицкій, И. П. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Янишевскій, А. И. Подбѣльскій и, кромѣ, того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаѳоновъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Исленьтьевъ, М. В. Казанскій и М. Д. Закревская.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигіеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, разсказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія

Подписная цѣна за годъ **2** *рубля.*

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Чрезъ Редакцію журнала ДѢЯТЕЛЬ можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова . . . . . — р. 40 к.
Отчего гибнутъ люди, за сотню . . . . . 1 » — »
Всемѣрно должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго . . . . . 1 » — »
Вино-ядъ. Защитникамъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ матерямъ, за сотню . . . . . 1 » 50 »
Слова отца Іоанна Ильича Сергіева противъ пьянства, за сотню . . . . 1 » — »
Исторія Сюмбекиной башни. П. Невзорова . . . . . — » 10 »
Вино для человѣка и его потомства ядъ, за сотню . . . . . 2 » — »
Въ защиту вина . . . . . — » 20 »
Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догеля . . . . . — » 40 »

За редактора-издателя *А. Соловьевъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

„ОТГОЛОСКИ"

(годъ изданія 2-й).

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, неимѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемаго имъ матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Газета выходитъ еженедѣльно нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій—Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. **три** р. За границу на годъ **5** р.—Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10.

Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.

3—2

САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

Газета посвящена преимущественно мѣстнымъ интересамъ Саратовской области къ которой нужно причислить, кромѣ Саратовской губерніи, смежные уѣзды Тамбовской и Пензенской и Самарское Заволожье (Новоузенскій и Николаевскій уѣзды).

Цѣна за годъ съ перес. 7 руб., за 6 мѣс.—4 руб., за 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., за 1 мѣсяцъ—1 руб.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Полное собраніе сочиненій.

ВЫШЕЛЪ ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

IV+362 стр., in 8°. Ц. одинъ рубль.

Изданіе составитъ 8 томовъ, которые, кромѣ матеріала прежнихъ изданій, будутъ включать романъ «Въ глуши» и нѣкоторыя позднѣйшія повѣсти автора.

Томы въ отдѣльности будутъ продаваться отъ 1 р. до 1 р. 50 к., цѣна полнаго экземпляра—10 руб. (безъ пересылки).

Подписка на полный экземпляръ принимается **исключительно** въ Саратовѣ, въ книжномъ магазинѣ «Саратовскаго Дневника», за 6 руб. безъ пересылки и за 7 р. 50 к. съ пересылкою. Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ, 2 р.—послѣ выхода 2-го тома, 2 р. послѣ 4-го, 1 р. 50 к.—послѣ 6-го.

Къ свѣдѣнію библіотекъ: изданіе печатается на прочной бумагѣ, безъ примѣси древесины.

Второй томъ выйдетъ къ 15 ноября.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 16 р., 6 мѣс. 9 р., 3 мѣс. 4 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. 80 к. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 17 р., 6 мѣс. 10 р., 3 мѣс. 5 р. 50 к., 1 мѣс. 2 р. За границу: на годъ 26 р., 6 мѣс. 14 р., 3 мѣс. 8 р., 1 мѣс. 3 р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ: на годъ 18 р. 6 мѣс. 10 р. Съ пересылкою иногороднымъ: на годъ 19 р., 6 мѣс. 11 р. За границу: на годъ 28 р., 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье, (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Князь Э. Э. Ухтомскій.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Четвертый годъ изданія.

За годъ 2 рубля, за полгода 1 руб.

Съ доставкой и пересылкой.

С.-Петербургъ, Невскій, 60.

Содержаніе: 1) Хроника новостей политическихъ и внутреннихъ, излагаемая съ точки зрѣнія независимости, человѣколюбія и любви къ свѣту просвѣщенія, 2) Отдѣлъ исторический, философскій и научный, излагаемый чистымъ и яснымъ русскимъ языкомъ и имѣющій своей цѣлью ознакомить читателей съ новѣйшими выводами наукъ, созданныхъ для того, чтобъ учить людей любить другъ друга, помогать другъ другу, жить лучше и умнѣе. 3) Повѣсти, разсказы и романы, содержаніе которыхъ, по возможности, соотвѣтствуетъ вышесказанному общему направленію журнала. 4) Въ каждомъ номерѣ помѣщаются два изящныхъ рисунка, печатаемые по большей части красками и сопровождаемые подробнымъ и живымъ описаніемъ, принадлежащимъ перу извѣстнаго и маститаго литератора. **Отзывы печати о «С.-Петербургѣ»:** «Новое Время» пишетъ: «Мы отъ души желаемъ успѣха небольшому журналу, который умѣетъ быть интересенъ и издается весьма изящно, не смотря на дешевизну его подписной цѣны» (№ 7034); «... номера журнала «С.-Петербургъ» обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и литературнымъ матерьяломъ» (№ 7142)... «въ Петербургѣ издается и, право, очень недурно еженедѣльный журналъ «Петербургъ» за баснословно дешевую цѣну... онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполнѣ литературнаго изданія» (№ 7053) и т. д. «Кронштадтскій Вѣстникъ» говоритъ: «Періодическая пресса обогатилась очень милымъ и серьезнымъ изданіемъ. «С.-Петербургъ» научный литературно-политическій еженедѣльный журналъ даетъ много интереснаго матерьяла... Изданіе составляется съ большимъ умѣньемъ и добросовѣстностью» (№ 113). «Одесскія Новости» сообщаютъ: «Еженедѣльный иллюстрированный журналъ «С.-Петербургъ» обращаетъ на себя вниманіе не только своею крайнею дешевизною, но и самымъ разнообразнымъ, интереснымъ и живымъ содержаніемъ... основы направленія «С.-Петербурга»— независимость и человѣколюбіе. Симпатичный журналъ составляется весьма толково, добросовѣстно и вполнѣ литературно. Помѣщаемые въ текстѣ его иллюстраціи—художественны и изящны « (1321) и т. д., и т. д. **Въ 1896 году въ журналѣ «С.-Петербургъ» были, между прочимъ, напечатаны:** два романа—«Записки Лакея», Текерея и «Теверино»— Жоржъ Занда; разсказы Балуцкаго, Василевскаго, Вучетича, Дикенса, Золя, Молчанова, Перельмана, Титова и др. **Статьи о природѣ:** изъ соч. Фламмаріона: «Милліоны солнцъ», «Переписка между Звѣздами»; и пр., изъ соч. Менье—«Тоже и на Небѣ»; «Волко-Люди» Быстраго, «Врачи и Силы Природы» Вирхова; изъ соч. Хедсона; «Музыка и Танцы въ Природѣ» и «Левъ Южной Америки» и т. д. **Статьи о природѣ человѣка:** «Сонъ и Сны» изъ соч. Маудсли, «Воспитаніе и Гипнозъ» изъ соч. Тома; изъ соч. Лоскутова: «Умственное переутомленіе и будущіе вѣка» и «Путь къ Будущему»; «За Растительную Пищу», «Печаль и Гнѣвъ» Ланге и т. д. **Историческія статьи:** «Смерть Петра» изъ соч. Костомарова; «Исторія Поцѣлуя» Ломброзо; «Казни Стрѣльцовъ» Корба; «О Павлѣ I» Даля; «Николай I» изъ изслѣд. Имп. Ист. Общ.; «Плохіе Пророки — Юмъ и Кардекъ — главы Спиритизма»; — изъ соч. Карновича: «Время—дѣлу, потѣхѣ—часъ»; «Изъ Классическихъ Временъ» Піо; «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ» изъ соч. Конторовича; «Монархи» Молчанова, «Наполеонъ I» Массона и т. д. **Статьи по философіи:** «Мысли русскихъ Сановниковъ» К. П. Побѣдоносцева и Т. И. Филиппова изъ недавно вышедшихъ сборниковъ ихъ сочиненій; «Афоризмы Спенсера», «Эпиграммы Классич. Временъ»; «Человѣкъ и Природа» изъ соч. Мензира; «Какъ сдѣлать себя лучше» изъ соч. Гижицкаго и т. д. **Статьи по женскому вопросу:** Изъ соч. Брандта: «Женщина и Бракъ»; «Женщина и Мужчина» Легуве; изъ соч. Миля: «Дайте права Женщинѣ» и т. д. **Статьи описательныя:** Изъ соч. Пржевальскаго—«Въ Китаѣ»; Брема—«Въ Суданѣ»; Шрейера—«Въ Японіи»; «По Македоніи» и «Персіи» Ланскаго; «Абиссинія» Ѳедорова; «Панамскій Каналъ»; «Въ Ла-Маншѣ»; «У Мормоновъ» Русскаго; «Берлинская Дешевизна» Быстраго и т. д., и т. д.

Съ пересылкой и доставкой

За годъ 2 руб., за полгода 1 руб.

Такая дешевизна сдѣлалась возможной лишь благодаря Высочайшему повелѣнію, уменьшившему плату за доставку и пересылку по всей Россіи журнала «С.-Петербургъ» на 25% ниже почтовой таксы.

С.-Петербургъ, Невскій, 60. 3—2

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

Астраханскій Листокъ

въ 1897 году

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

И СЪ ТѢМИ ЖЕ РУБРИКАМИ.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія: отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 г.—7 р. 50 к., 1/2 г.—5 р., 3 мѣс.—3 р. 25 к., 1 мѣс.—1 р. 25 к.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ новые подписчики, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1 января 1897 г.

БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи «Листка», по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

ФЕЛЬДШЕРЪ

посвященную медицинѣ, гигіенѣ и вопросамъ фельдшерскаго быта.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» выходитъ въ С.-Петербургѣ, **два раза въ мѣсяцъ**, въ объемѣ 1—2 листовъ, по слѣдующей программѣ: I. Самостоятельныя и переводныя статьи медицинскаго содержанія въ общедоступномъ изложеніи: о сущности, предупрежденіи и лѣченіи болѣзней, объ уходѣ за больными и о помощи въ несчастныхъ случаяхъ. II. Общедоступныя статьи по общей и частной гигіенѣ и о простѣйшихъ способахъ распознаванія фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ. III. Статьи и корреспонденціи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и дѣятельности фельдшеровъ. IV. Мелкія извѣстія, рефераты и рецензіи книгъ, въ предѣлахъ программы газеты. V. Отвѣты редакціи и объявленія. Подписная цѣна за годъ съ пересылкою три рубля. Можно требовать присылки газеты съ наложеніемъ платежа, но за послѣдній нужно платить 20 к. особо. Съ требованіями обращаться на имя редактора-издателя газеты «ФЕЛЬДШЕРЪ», С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, 34. Редакція проситъ не ссылаться на старый адресъ, но присылать новый, четко написанный.

Редакторъ-издатель: врачъ **Б. А. Оксъ.**

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ФЕЛЬДШЕРОВЪ ВСѢХЪ ВѢДОМСТВЪ НА 1897 ГОДЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к.

Спб., Забалканскій проспектъ, 34. 2—

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: тордѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ, болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харьковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимается въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

3—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на I) отдѣлъ оффиціальный—и II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы: А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п. Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна **6** руб.

2—1

Редакторъ **Е. Шмурло.**

XIII г. изданія. **Открыта подписка на 1897 г.** XIII г. изданія.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№., содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстрированныхъ знамен. художн.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Ріу и другими, и содержащихъ въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою. 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта. 2 тома.
III. Таинственный островъ. 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ 20 1/4 вер. въ длину и 13 1/2 вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) Южный берегъ Крыма съ видомъ Ялты
2) Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя.

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и пересылкою **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 рубля, къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„КУБАНСКІЯ ОБЛАСТНЫЯ ВѢДОМОСТИ".

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Поставивъ главной своей задачей служить всестороннему изученію обширной Кубанской области, выясненію ея разныхъ потребностей и указанію, по возможности, болѣе вѣрныхъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, редакція неоффиціальной части «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» даетъ мѣсто въ газетѣ разнороднымъ статьямъ и сообщеніямъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, задавшихся благою цѣлью послужить на пользу нашего края.

Съ этою же цѣлью въ этой части газеты разрабатываются мѣстные матеріалы: этнографическіе, статистическіе, историческіе, географическіе, топографическіе, археологическіе и др.; затѣмъ помѣщаются разнородныя, полезныя для мѣстнаго населенія свѣдѣнія, извѣстія о дѣятельности городскихъ, станичныхъ и сельскихъ общественныхъ управленій, судебныя извѣстія и свѣдѣнія о чрезвычайныхъ явленіяхъ и происшествіяхъ въ области, а также о явленіяхъ метеорологическихъ; на ряду съ этимъ печатаются статьи и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, объ урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, судоходствѣ, о движеніи поѣздовъ Владикавказской жел. дор., о рыночныхъ справочныхъ цѣнахъ, о торговыхъ и другихъ обществахъ, о выданныхъ привилегіяхъ на изобрѣтенія, отзывы о книгахъ, некрологи извѣстныхъ въ области лицъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкою и пересылкою на годъ . . . . . 5 р. 60 к.
» » » » 1/2 года . . . . . 3 р. — к.

За перемѣну адреса взимается 40 к.

Отдѣльно на неоффиціальную часть подписка не принимается.

Подписка на газету принимается исключительно въ г. Екатеринодарѣ, въ конторѣ типографіи Кубанскаго Областного Правленія.

На основаніи разрѣшенія Кубанскаго Областного Правленія (№ 62 «Куб. Обл. Вѣд.» за 1895 г.), подписныя деньги можно высылать, въ интересахъ скорѣйшаго полученія газеты, не чрезъ казначейство, а на имя завѣдывающаго типографіей — Эдуарда Александровича Нейберга.

Редакторъ неоффиціальной части В. Скиданъ.

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ (350 №№ ВЪ ГОДЪ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

(*Въ Екатеринбургѣ*).

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на 12 мѣсяцевъ 5 р., на 11 м. 4 р. 50 к., на 10 м. 4 р., на 9 м. 3 р. 75 к., на 8 м. 3 р. 50 к., на 7 м. 3 р. 25 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м 1 р. 50 к., на 1 м. 1 р. Отдѣльные номера 5 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. Магницкаго, № 21, и у агентовъ. (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Баснинъ. Издатель В. Н. Алексѣевъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

VI-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** VI-й г. изд.

(Ежемѣсячно 25 печ. листовъ).

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «Міръ Божій»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ. Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: **Беллетристика:** «Живая жизнь», общественно-бытовой романъ въ трехъ частяхъ И. Потапенка; «Школяры», очеркъ В. Дмитріевой; «Въ тюремномъ карцерѣ», психологическій этюдъ Н. Ицфантьева; очерки и разсказы постоянныхъ сотрудниковъ: Ю. Безродной, Е. Чирикова, Сѣрошевскаго, Савихина и пр. «Переломъ», соціальный романъ изъ жизни современной Англіи; «Записки философа», Роберта Гранта, бытовой романъ изъ американской жизни; разсказы: Вильденбруха, Жеромскаго, Б. Прусса, Э. Ожешко, Киплинга и пр. **Научныя сочиненія и статьи:** «Дыханіе и жизнь», проф. И. П. Бородина; «Отправленіе и организація», проф. Брандта; «Низкія температуры и ихъ значеніе въ наукѣ и техникѣ», В. Агафонова; «Общество, государство, культура въ XVI в. на Западѣ», проф. Виппера; «Нашъ вѣкъ», культурно-историческіе очерки Ив. Иванова. «Шекспиръ и Бѣлинскій», проф. Стороженка; «Основныя гарантіи правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II», Г. Джаншіева; «Глѣбъ Успенскій», критическій этюдъ Ив. Иванова; «Хвощинская (В. Крестовскій—псевд.)», по неизданнымъ матеріаламъ и личнымъ воспоминаніямъ М. Цебриковой; «Факторы общественнаго развитія». (къ анализу экономическаго матеріализма), соціологическіе очерки *Людв. Кржижановскаго*, «Прогрессъ и бѣдность», Б. Эфруси. «Развитіе представительныхъ учрежденій» по Каутскому *Л. Давыдовой*; «Къ ученію матеріализма» (Отвѣтъ моимъ оппонентамъ), привдоц. Г. Челпанова; «Объ измѣреніи психическихъ явленій», проф. Оршанскаго; «Новая женщина въ современной литературѣ», Л. Гижицкой; «Изъ скандинавской жизни», М. Лучицкой; «Новый типъ американскихъ университетовъ», Тверскаго; «Отношеніе французскаго общества къ политикѣ», Н. В. Водовозова; «Естествознаніе въ очеркахъ и картинахъ», д-ра Данемана въ пер. прив.-доц. спб. университета М. Ю Гольдштейна и пр.

Постоянные отдѣлы: 1. Критическія замѣтки. А. Б. 2. На родинѣ. 3. За границей. 4. Научная хроника. 5. Библіографія. 6. Изъ западной культуры. 7. Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб.; безъ доставки 6 руб. за границу 10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ столичныхъ и провинціальныхъ магазинахъ. Черезъ магазины подписка съ разсрочкой не принимается. Магазины могутъ удерживать въ свою пользу 5% съ подписной суммы. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 руб. и остальные 3 руб. къ 1-му іюля, Полугодовой подписки нѣтъ. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

(12-й годъ изданія).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей или образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ «Рем. Газ.» дано было описаніе **Всероссійской промышленной и художественной выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.**

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во́ всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или **ЗАКАЗАТЬ** нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя,) сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ** сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогаго (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Редакція имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей въ большихъ промышленныхъ центрахъ, получаетъ отъ нихъ лучшіе образцы новѣйшихъ издѣлій и множество рисунковъ съ описаніями.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднымъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** всевозможное **СОДѢЙСТВІЕ** по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно **съ НАЛОЖЕННЫМЪ платежомъ.**

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 11-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти **огромный составъ читателей** не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того **ОБИЛІЯ** полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1.000 статей **со множествомъ** рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и 2) **СТО** листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **СВЫШЕ 20 р. с.** 3) Изящно иллюстрированный **настѣнный календарь.**

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ **многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.**

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 р.)

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 г. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» **РЕКОМЕНДОВАНА** г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальн. училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. КАЗНАЧЕЕВЪ.

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ на

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще *новостей* по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

(8-й годъ изданія).

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзнодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія.

Въ 1896 г. на страницахъ журнала помѣщено было описаніе „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ".

За истекшія семь лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующія лица:

— **Профессоры, адъюнктъ-профессоры и доценты** Технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго Политехническаго института и др.— В. И. Альбицкій, К. А. Владиміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. А. Котурницкій, Н. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Я. Никитинскій, П. П. Петровъ, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавилдаровъ, П. К. Худяковъ, В. В. Шкателовъ и др.

— **Преподаватели, ассистенты, лаборанты**—И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ. С. П. Ланговой, Л. М. Лялинъ, Н. А. Пановъ, В. А. Пантелеевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, К. И. Тумскій, В. Г. Фонъ-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

— **Представители** фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Л. Я. Аркинъ, В. Я. Бенинъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, И. П. Боклевскій, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневскій, С. Гаршинъ, П. Гарберъ, Д. А. Головъ. І. Ш. Горенцель, А. Ф. Грязновъ, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. Д. Зеленинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Зябловъ, П. Касаткинъ, М. Кергеръ, Д. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, П. А. Малыхъ, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, М. А. Нетыкса, С. Я. Никитинскій, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Опуфровичъ, П. А. Персіяниновъ, Ц. А. Песоцкій, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ, К. Рейнеръ, Х. Х. Ремманъ, М. А. Рыловъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Сиптицъ, О. Старикъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№

Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ по 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка. — 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за ½ года—9 руб.— Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Подписка принимается: въ РЕДАКЦІИ журнала и во ВСѢХЪ книжн. магазинахъ,

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторъ Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ.

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
и
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ“
въ 1897 году.

Въ 1897 г. «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» будутъ выходить **еженедѣльно** по прежней программѣ: 1. Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. 2. Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству. 3. Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ. 4. Отчеты и донесенія Министерству. 5. Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п. 6. Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще. 7. Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій. 8. Метеорологическія свѣдѣнія. 9. Библіографическій Отдѣлъ. 10. Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го Января и съ 1-го Іюля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ пересылкою и доставкою: на годъ—4 р., на 1/2 года—2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры «Извѣстій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» за 1894, 1895 и 1896 годы можно получать въ Редакціи по 2 руб., за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895 и 1896).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу 25 руб., за 1/2 страницы 14 руб., за 1/4 страницы 8 руб., за 1/8 страницы 5 руб., и за 1/16 страницы 3 руб., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ отъ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ. 3—3.

Открыта подписка на 1897 годъ

ОБРАЗОВАНІЕ.
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ устраненію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 100 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы: Библіографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи.—На Западѣ (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей). Изъ области знаній (научныя бесѣды).—Хроника.—Статистика образованія.

Въ 1897 году предполагается значительно расширить отдѣлъ Хроники и ввести новые отдѣлы: Новости литературы и науки за границей и Обзоръ иностранныхъ журналъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 15 печатныхъ листовъ.

Къ журналу въ 1896 году были даны два приложенія:

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса, пер. съ нѣмецк. съ примѣч. и предисл. Н. Березина, съ 45 рис.

Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера, пер. съ нѣмец. М. Чепинской.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Басковъ пер., 22.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

3—2

Съ 1-го января 1897 г. будетъ издаваться въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры,

УТРО

ежедневная политическая, общественная и литературная газета.

Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая газета «УТРО» будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій.

Излишними считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что читатель нашъ, давній и постоянный, и безъ того увѣренъ въ нашемъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ прессы.

Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ газетѣ «УТРО» громкаго отклика; не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія.

Политика, внутренняя жизнь, судъ, земство и дума, сословныя учрежденія, литература, театръ, биржа, спортъ—все найдетъ компетентныхъ цѣнителей, полныхъ безпристрастія и смѣлости для того, чтобы высказывать правду обо всемъ и обо всѣхъ по совѣсти.

Достойное похвалы будетъ хвалимо, достойное осужденія будетъ порицаемо, достойное насмѣшки будетъ осмѣиваемо, благо сатира есть старое, испытанное оружіе новой редакціи. Это оружіе никогда не притупляется.

Газета «УТРО» будетъ выходить ежедневно листами средняго формата съ рисунками на событія дня.

ПРОБНЫЙ № ВЫЙДЕТЪ ВЪ 100.000 ЭКЗ. 20-ГО ДЕКАБРЯ.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкой: на годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 90 к. Въ провинціи съ пересылкой: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. За границу: на годъ 12 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 4 р., на 1 мѣс. 2 р.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ газеты «УТРО», Пушкинская ул., д. 7, и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

3—1

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1897 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5) Повѣсти и разсказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50 к.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ, на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ-Издатель В. М. Богдановъ.

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

«КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ»,

издающуюся въ гор. Севастополѣ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ)

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 1/2	4 » — »	» 1/2	5 » — »
» 1/4	2 » 50 »	» 1/4	3 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 25 »

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро, въ гор. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г-на Синани, въ Мелитополѣ—въ Отдѣленіи конторы, въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга, въ Бахчисараѣ—у г-на Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Комп., въ Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова. 3—1

«РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

въ предстоящемъ 1897 году вступаетъ въ 29-ый годъ своего существованія. «Рижскій Вѣстникъ», газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, разсматривая явленія мѣстной жизни съ государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ имперіею. Редакція постоянно стремится къ возможному расширенію и улучшенію содержанія газеты. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Безъ пересылки и доставки: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—75 коп.

Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ: на годъ—8 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкой на годъ пять руб. и на полгода три руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ.

За границу на годъ 14 р., на полгода 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 75 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица, № 27—2.

Тамъ же принимаются объявленія по 10 коп. со строчки.

3—1 Редакторъ Л. Н. Витвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

«СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Газету общественно-политическую и литературную; годъ изданія двадцатый. Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Годовая плата 6 р.; для учителей, училищъ, церковно-служителей и благотворительныхъ учрежденій 5 р., съ разсрочкою платы. Собственники изданія, не преслѣдуя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, всѣ средства обращаютъ на улучшеніе и расширеніе изданія.

Редакторъ В. В. Гулевичъ. Издатель В. В. Азанчевскій.

3—1

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературную, общественно-экономическую и политическую газету

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

НА 1897 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Основная задача газеты—разработка общихъ, областныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, съ освѣщеніемъ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ сторонъ русской общественной жизни, и представительство нуждъ края.

Для этого редакція имѣетъ корреспондентовъ, кромѣ главныхъ пунктовъ Поволжья, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и торговыхъ селеніяхъ Самарской губ., во всѣхъ значительныхъ пунктахъ по линіямъ Самаро-Златоустовской, Оренбургской и Западно-Сибирской жел. дор., а именно: Оренбургѣ, Уфѣ, Златоустѣ, Миассѣ, Челябинскѣ, Троицкѣ, Кочкарѣ, Курганѣ, Уральскихъ горныхъ заводахъ.

Газета издается при ближайшемъ участіи Н. ГАРИНА (Н. Г. МИХАЙЛОВСКАГО). Составъ редакціи увеличенъ новыми сотрудниками.

Въ «Самарскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ непосредственное участіе, кромѣ корреспондентовъ, слѣдующія лица: А. Алексѣевъ (псевдонимъ), М. Р. Бейлинъ, Е. А. Валле-де-Барръ, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. Гермесъ (псевдонимъ), Р. Гвоздевъ (псевдонимъ), М. М. Гранъ, В. С. Голубевъ, *Dixi* (псевдонимъ), П. П. Инфантьевъ, В. А. Іоновъ, Д. Кузнецовъ, И. А. Керчикеръ, М. Н. Корнѣевъ, А. К. Клафтонъ, Крыловъ, П. В. Левашевъ, П. П. Масловъ, А. И. Матовъ, Мефистофель (псевдонимъ), А. М. Михайловъ, А. Невскій (псевдонимъ), С. С. Неуструевъ, С. П. Неуструевъ, Онъ (псевдонимъ), Д. Павловскій, Перо (псевдонимъ), Н. П. Подбѣльскій, К. Г. Прибытковъ, (Раз—евъ), А. Н. Потресовъ, В. В. Португаловъ, Рудинъ, А. А. Санинъ, Самарецъ (псевдонимъ), Санинъ-Сфинксъ (псевдонимъ), П. Н. Скворцовъ, А. Степной (псевдонимъ), П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, В. П. Ушаковъ, А. Яблоновскій, Н. Е. Ѳедосѣевъ и др.

Кромѣ того, редакціи обѣщали сотрудничать многія другія лица, близко знакомыя съ областной современной жизнью и печатью.

«САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ» БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТѢ ВЪ РАЗМѢРѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Подписная цѣна на «Самарскій Вѣстникъ» остается прежняя: Для Самары и Самарскаго уѣзда (зем. почт.) на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 5 мѣс. 2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к. Для иногородныхъ: на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 5 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к.

Адресъ: Самара, Алексѣевская площадь. Телефонъ № 30.

Редакторъ-Издатель *Н. К. Реутовскій.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897-й годъ

На общественно-литературную газету

«МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ».

Съ безплатнымъ приложеніемъ для годовыхъ подписчиковъ «Необходимаго Календаря» на 1897 г., изданнаго редакціей газеты.

«Минскій Листокъ» выходитъ по вторникамъ и пятницамъ. Въ 1897-мъ году вступаетъ въ XII-й годъ изданія.

Подписная цѣна: Съ пересылкою: на годъ 4 р., на девять мѣс. 3 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Безъ доставки и пересылки: на годъ 3 р., на девять мѣс. 2 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р., на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ—въ г. Минскѣ губ.

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1) Дѣйствія правительства. 2) Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3) Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. 4) Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5) Политическое обозрѣніе. 6) Иностранныя извѣстія. 7) Заграничная жизнь. 8) О чемъ пишутъ. 9) Злобы дня. 10) Общая хроника. 11) Летучіе листки. 12) Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13) Арабески (Таганрогъ). 14) Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15) Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16) Письма изъ Маріуполя. 17) Театръ и музыка. 18) Маленькій фельетонъ. 19) Изъ залы суда. 20) Наука, искусство и литература. 21) Библіографія. 22) Корреспонденціи. 23) По Россіи. 24) Смѣсь. 25) Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26) Торговыя свѣдѣнія. Биржа. 27) Справочный отдѣлъ. 28) Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающ. событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городск. и иногородн. подписчик.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
9 р.	8 р. 50 к.	8 р.	7 р. 25 к.	6 р. 50 к.	5 р. 75 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
5 р.	4 р. 25 к.	3 р. 50 к.	2 р. 75 к.	2 р.	1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ.

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 мѣс.
8 р.	7 р. 50 к.	7 р.	6 р. 50 к.	6 р.	5 р. 25 к.
На 6 м.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
4 р. 50 к.	3 р. 75 к.	3 р.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.	80 к.

За пересылку газеты за-границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 к.

Подписка принимается исключит. съ каждаго 1-го числа въ Ростовѣ на Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край».

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянск. пер., № 19. *Въ Новочеркаскѣ*—у Н. В. Туркина, Комитетск. ул. *Въ Екатеринодарѣ*—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжіанца. *Въ Маріуполѣ*—у П. Н. Фалькевича. *Въ Ейскѣ*—у Ѳ. С. Куцева. *Въ Новороссійскѣ*—у Э. А. Маринаки. *Въ Азовѣ*—у В. В. Золотарева. *Въ Луганскѣ*—у П. Е. Кочетова. *Въ Александровскѣ-Грушевскомъ*—у Б. М. Файвишевича, типографія. *Въ Пятигорскѣ*—у А. М. Мануилова, типографія. *Въ Грозномъ*—у Е. П. Садовникова. *Въ Бахмутѣ*—у И. Р. Грилихесъ. *Въ Армавирѣ*—у Р. Ф. Уманцевой. *Въ ст. Каменской*—у В. И. Волокитина, типографія. *Въ ст. Константиновской*, обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

3—1

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1897 ГОДА

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СИБИРЬ

Посвященная интересамъ всей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей.

Срокъ выхода 3 раза въ недѣлю.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб. и на три мѣсяца 2 руб. 50 к.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи (Преображенская ул., д. 30) и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой (Литейный пр., д. 60).

Редакторъ-Издатель К. П. Михайловъ.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Постоянною Комиссіею по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: I. Правительственныя распоряженія. II. Хроника техническаго образованія въ Россіи и заграницей. (Высшее, среднее и низшее техническое и промышленное образованіе; ремесленное образованіе; организація курсовъ, лекцій и вечерне-воскресныхъ школъ для рабочихъ; народныя чтенія, библіотеки, естественно-историческіе и промышленные музеи, выставки и т. п.). III. Статьи по вопросамъ техническаго и профессіональнаго образованія, по методикѣ и дидактикѣ техническаго обученія. IV. Библіографія.

Въ журналѣ «ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ» принимаютъ участіе слѣдующія лица: Е. М. Гаршинъ, Г. Ю. Гессе, проф. Г. Ф. Деппъ, К. И. Диксонъ, А. А. Ильинъ, Е. П. Ковалевскій, проф. Котурницкій, М. В. Лысковскій, проф. Н. И. Макаровъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, проф. И. Н. Миклашевскій, А. Г. Неболсинъ, Н. А. Рубакинъ, А. Н. Страннолюбскій, Д. Д. Струнинъ, В. А. Тюринъ, В. Г. Шапошниковъ, К. Ю. Цируль, И. И. и Е. Н. Янжулъ и др.

«Техническое Образованіе» выходитъ (съ 1-го октября 1892 года) книжками, по четыре №№ въ каждое полугодіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ доставки **2** р., съ доставкой **2** р. **50** коп. и съ пересылкой **3** р. За $^1/_2$ г. безъ пер. **1** р., съ дост. **1** р. **25** к. и съ пер. **1** р. **50** к.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2—Постоянная Комиссія по техническому образованію) и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (Спб. Литейная, 46; Москва, Моховая, д. Коха; Варшава, Новый Свѣтъ, 67).

Для личныхъ объясненій редакція открыта по вторникамъ, пятницамъ и субботамъ, отъ 3 до 5 часовъ. 3—1

О подпискѣ на

общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. IX).

«Жизнь и Школа» имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи.—2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).—3) Мелкіе повѣсти и разсказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія.—4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣденію, школьной гигіенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ.—5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ.—6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организація общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа.—7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обозрѣніе педагогическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.—8) Корреспонденція. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей.—9) Политическія извѣстія и Новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ.—10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы.—11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта.—12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію.—13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгъ и указатель статей, встрѣчающихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя.—14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи.—15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовые) печатаютъ **безплатно.**

При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ подъ заглавіемъ **«Школьное Обозрѣніе»**, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему не удобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и перес. 5 руб., за полгода 3 р., и за три мѣсяца 2 р., для начальныхъ школъ и учителей 4 р., за границу 6 р. за годъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 можно получать за два руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, пріобрѣтающіе за всѣ годы, пользуются сверхъ того уступкой въ 50%.

Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Шк.“ тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной конторѣ «ЖИЗНЬ и ШКОЛА»: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель **М. Е. Виноградовъ.**

3—1

Пробный № высылается за 14 коп. марками.

5 рублей безъ доставки. Издается съ 1885 г. 6 руб. съ дост. и пересыл.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. И. Поповицкаго и ПРИ УЧАСТІИ

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыя былъ представленъ редакціею, а именно: 1) Учебнымъ комитетомъ при Св. Сунодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а также въ библіотеки епархіальныя и благочинническія; 2) Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Рекомендованъ: 3) Учебнымъ Комитетомъ по вѣдомству Императрицы Маріи для женскихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства; 4) Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ сихъ заведеній; 5) Главнымъ Тюремнымъ управленіемъ для тюремныхъ библіотекъ, и сверхъ сего: 6) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ особому вниманію гг. попечителей учебныхъ округовъ; 7) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ особому вниманію тюремныхъ комитетовъ; 8) Нѣкоторыми епархіальными преосвященными особому вниманію духовенства, наконецъ, 9) Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Сунода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1887, 1888 и 1889 годы одобренъ, какъ доставляющій чтеніе, интересное по своему разнообразію и назидательное для любителей духовнаго просвѣщенія и христіанскаго благочестія.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большого формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художествени. рисунками.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемомъ каждая 6—7 листовъ (100—120 страницъ).

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: КОПІЮ СЪ ИКОНЫ НОВОЯВЛЕННАГО ЧУДОТВОРЦА,

СВЯТИТЕЛЯ ОЕОДОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО,

исполненную въ 20 красокъ, размѣромъ $18^1/_2$ д. выш. и $14^1/_2$ д. шир.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія; по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями.

Содержаніе журнала, благодаря легкому, изящному общедоступному изложенію и художественнымъ рисункамъ, дѣлаетъ „Русскій Паломникъ“ пригоднымъ для каждой христіанской семьи, для учащагося юношества, для всѣхъ вообще ревнителей благочестія, для казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и рабочихъ домовъ.

Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ помѣщено: 1) Задушевное слово. Сборникъ избранныхъ духовныхъ стихотвореній М. Н. Глинки, В. Майкова, Н. Языкова, Мея, Лопухина, Хомякова, О. Чюминой и др. 2) Каллиста. Повѣсть изъ жизни кареагенскихъ христіанъ. 3) Сѣверъ Россіи и его святыни. Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и др. обителямъ сѣверной Россіи. Очерки и разсказы съ рис. 4) и 5) Жизнь и творенія св. Іоанна Златоустаго. Подъ редакціей преосвященнаго Никанора, епископа Смоленскаго. 6) Дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. 7) и 8) На зарѣ христіанства. Большой разсказъ изъ эпохи нероновскихъ гоненій на христіанъ. Передѣлка обширнаго сочин. Ф. Фаррара. 9) «Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти». Извлеченіе изъ извѣстнаго и въ высокой степени интереснаго труда монаха Митрофана. 10) «Скорбь Россіи». Послѣдніе дни жизни и кончина Царя-Миротворца. Альбомъ изъ оригинальныхъ рисун. худ. В. Овсянникова, А. Чикина, А. Писемскаго, Э. Соколовскаго и др. въ память 3-й годовщины 20 октября 1894 г. 11) Свѣтъ Азіи. Евангеліе въ дебряхъ Сибири. Изъ записокъ православныхъ миссіонеровъ. Очерки и разсказы. 12) Избранныя пѣснопѣнія въ русской православной церкви. Сборникъ духовныхъ нотъ и образцовъ наиболѣе употребительныхъ напѣвовъ, между прочимъ, знаменитаго Симоновскаго напѣва.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Спб. пять руб. Съ дост. и перес. во всѣ города Росс. имперіи шесть руб. За границу 8 руб.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ.

Контора журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремянная улица, собственный домъ, № 12. 3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ".

годъ 2-й изданія.

Выходитъ съ 1 января 1896 года, ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня-іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдывающихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. И. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. Л. Бернштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ѳ. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписка продолжается. Цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 р.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій Мостъ), Н. П. Карбасникова (Моховая) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Москвы; для иногородныхъ подписчиковъ—въ конторѣ редакціи (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2).

3—1 Редакторъ-издатель **М. П. Вараввa.**

ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ **„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“** ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

Издается съ 1887 г. подъ редакціею А. Х. САБЛИНА.

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ).

ПРОГРАММА:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло. 3. Статьи по земской медицинѣ. 4. Исторія медицины. 5. Переводные статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7. Врачебная хроника и смѣсь. 8. Врачебно-бытовые вопросы. 9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р.; для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется книжный складъ для продажи спеціальныхъ и общедоступныхъ (популярныхъ) медицинскихъ книгъ и брошюръ; книги и брошюры высылаются наложеннымъ платежемъ. Складъ принимаетъ заказы. 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

КУРСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

НА 1897 ГОДЪ.

Согласно предначертаніямъ Его Сіятельства, Господина Курскаго Губернатора, графа А. Д. Милютина, съ 15 декабря 1894 года неоффиціальная часть «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» издается новою редакціею и по новой программѣ, главная задача которой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать «Губернскія Вѣдомости» органомъ мѣстной жизни, мѣстныхъ дѣлъ, потребностей и отраженій.

Согласно съ этою цѣлью «Неоффиціальная часть Губернскихъ Вѣдомостей» издается по слѣдующей программѣ:

I. Современная лѣтопись. II. Юридическій отдѣлъ. III. Учено-литературный отдѣлъ. IV. Политическія заграничныя новости. V. Фельетонъ. VI. Смѣсь. VII. Почтовый ящикъ. VIII. Справочный отдѣлъ. IX. Объявленія.

Выходитъ газета ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ послѣ праздниковъ. Кромѣ того, ежедневно, въ видѣ прибавленій къ №№ «Вѣдомостей» даются телеграммы, получаемыя отъ «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Годовая цѣна на ежедневную неоффиціальную, вмѣстѣ съ выходящею по вторникамъ и пятницамъ оффиціальною частью и приложеніями шесть руб. въ годъ съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ.

Обязательные подписчики, уплатившіе за оффиціальную часть 3 р.,—за неоффиціальную приплачиваютъ только 3 р. съ пересылкой и доставкой за годъ.

Лица, желающія получать одну только неоффиціальную часть, уплачиваютъ съ доставкою и пересылкою: за годъ — **четыре рубля**; за полгода—**два рубля** пятьдесятъ коп.; за три мѣсяца—**одинъ рубль** пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ г. Курскѣ: въ редакціи, при Губернскомъ Правленіи, а равно въ книжныхъ магазинахъ: К. И. Ивановой, А. В. Переплетенко, Г. В. Гаврилова (Кашкина) и С. А. Третьякова. Въ редакціи принимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ, цѣны на которыя понижены.

3—1 Редакторъ *Т. І. Вержбицкій.*

Открыта подписка на 1897 годъ на газету

„ВЯТСКІЙ КРАЙ".

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ

по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, беллетристическій, театральный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

	Съ доставкой и пересылкой.
Цѣна за годъ (только съ января по январь)	5 р. — к.
» » полгода	3 » — »
» » 3 мѣсяца	1 » 50 »
» » 2 мѣсяца	1 » — »
» » 1 мѣсяцъ	— » 75 »

Подписка на газету принимается въ редакціи «Вятскаго Края», въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Тихонова въ г. Вяткѣ и Н. З. Платунова въ Слободскомъ; объявленія принимаются въ редакціи «Вятскаго Края».

Редакторъ **А. П. Лашкевичъ.** Издатель **Я. И. Поскребышевъ.**

3—1

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Внѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15. Библіографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ перес. иногородн.	Съ доставкой.	Безъ доставки.
На 12 мѣс.	10 р. — к.	9 р. 25 к.	8 р. 25 к.
» 11 »	9 » 50 »	8 » 50 »	8 » — »
» 10 »	9 » — »	8 » — »	7 » 50 »
» 9 »	8 » — »	7 » — »	6 » 50 »
» 8 »	7 » — »	6 » 50 »	6 » — »
» 7 »	6 » 20 »	5 » 50 »	5 » 25 »
» 6 »	5 » 75 »	5 » — »	4 » 50 »
» 5 »	5 » — »	4 » — »	3 » 75 »
» 4 »	4 » — »	3 » 50 »	3 » — »
» 3 »	3 » — »	2 » 50 »	2 » 25 »
» 2 »	2 » 10 »	2 » — »	1 » 50 »
» 1 »	1 » 20 »	1 » — »	— » 80 »

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Въ 1897 году ежемѣсячный журналъ

ГОДЪ IV. **„БИБЛІОТЕКА ВРАЧА“** ГОДЪ IV.

будетъ выходить, въ объемѣ не менѣе *двадцати* листовъ въ мѣсяцъ, при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, А. Я. Кожевникова, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. К. Рота, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ сочиненій» редакція намѣрена помѣстить, кромѣ другихъ статей, слѣдующія работы: 1) Д-ръ *Орловскій*.—Сифилитическія заболѣванія спинного мозга (съ хромолитографич. таблицами и фототипіями); 2) Проф. *Л. Л. Левшинъ*.—Руководство по частной хирургіи (*продолженіе*).

II. Въ отдѣлѣ «Переводныхъ сочиненій» предполагается помѣстить слѣдующія руководства: 1) Проф. *Karl Stoerck*.—Болѣзни носа, зѣва и гортани (съ 89 рис.); 2) Проф. *E. Nicaise*.—Антисептика въ обыденной хирургической практикѣ (съ 88 рис.); 3) Проф. *H. Oppenheim*.—Сифилитич. заболѣв. головн. мозга. Перев. д-ра *Л. А. Говсѣева* подъ редакц. проф. *В. К. Рота*.

Кромѣ того, редакція имѣетъ въ виду начать въ 1897 году печатаніе обширнаго ***„Руководства по частной патологіи и терапіи“***, выходящее въ Парижѣ подъ редакціей проф. *P. Brouardel'я*, *A. Gilbert'a* и *J. Girode'a* при содѣйствіи лучшихъ медицинскихъ силъ Франціи. Въ 1897 году будутъ помѣщены *два* тома этого руководства, обнимающіе собою ***инфекціонныя болѣзни*** и представляющія полный сводъ современныхъ знаній по этому отдѣлу патологіи. Въ составленіи этихъ двухъ томовъ участвовали такія силы, какъ *Girode*, *Grancher*, *Netter*, *Galliard*, *Thoinot*, *Straus*, *Hallopeau*, *Widal*, *Landouzy*, *Gilbert*, *Balzer*, *Brouardel* и пр. Каждый томъ будетъ содержать около *50* печатныхъ листовъ. Редакція предполагаетъ въ послѣдующіе годы дать переводъ *всего* руководства, по мѣрѣ появленія его во Франціи (пока вышли только *три* тома). *Постоянные подписчики* нашего журнала получатъ, такимъ образомъ, современемъ цѣнный вкладъ въ свою медицинскую библіотеку въ видѣ *10-томнаго* руководства, обнимающаго собою всю частную патологію и терапію въ ея *современномъ* состояніи.

III. ***Монографіи и лекціи.***—IV. ***Рефераты.*** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.—V. ***Обзоры.*** Сюда войдутъ «Обозрѣнія» и «Вопросы современной медицины», съ характеромъ которыхъ уже знакомы подписчики прошлыхъ лѣтъ.—VI. ***Новыя книги.*** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.—VII. Труды ученыхъ обществъ.—VIII. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставк. и пересылкой **десять рублей** въ годъ (за границу 12 р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, остальныя къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель А. А. Карцевъ. Редакторъ Д. П. Дубелиръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г. (IV годъ изданія)
ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ журналъ

ХОЗЯИНЪ

Признавая, что въ настоящее время однѣми агрикультурными мѣрами уже нельзя помочь расшатавшемуся какъ крестьянскому, такъ и землевладѣльческому хозяйству, «Хозяинъ» поставилъ себѣ задачею не ограничиваться обычными рамками сельскохозяйственныхъ журналовъ, а также слѣдить въ борьбѣ съ кризисомъ за общественной дѣятельностью, какъ земской, такъ и правительственной, чтобы выяснять зависимость современнаго тяжелаго положенія хозяйства отъ причинъ экономическаго характера.

Кромѣ обычныхъ въ сельскохоз. журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хоз. и сел.-хоз. техники, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хоз. дѣятельности земствъ, научные обзоры, обзоры сельско-хоз. литературы, рынки. Отвѣты на вопросы.

(Въ каждомъ номерѣ 2500—2800 строкъ одного текста).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ дост. 6 р., на полгода 3 р. Разсрочка по рублю въ мѣсяцъ.

Годовые подписчики получатъ въ теченіе года безплатно слѣдующія

КНИЖКИ ХОЗЯИНА:

1) РУКОВОДСТВО ПО ОГОРОДНИЧЕСТВУ. П. М. В. Рытова.
2) СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРѢ.
3) АРХИТЕКТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ ВАЖНѢЙШИХЪ СЕЛ.-ХОЗ. ПОСТРОЕКЪ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе своимъ сотрудничествомъ почти всѣ сельскохозяйственные писатели (журналъ насчитываетъ свыше 300 сотрудниковъ), въ томъ числѣ помѣщали свои статьи: И. И. Абозинъ, А. П. Адріановскій, В. А. Анзиміровъ, А. А. Арфмельдъ, графъ Ѳ. Г. Бергъ, В. А. Бертенсонъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. В. фонъ-Бранке, проф. А. И. Воейковъ, князь В. Д. Друцкой-Соколинскій, проф. В. В. Докучаевъ, проф. Н. Ю. Зографъ, И. М. Кабештовъ, Ав. А. Калантаръ, проф. И. Калугинъ, князь В. А. Кудашевъ, В. Г. Котельниковъ, проф. П. Н. Кулешовъ, Пав. Ив. Левицкій, С. Н. Ленинъ, проф. К. Э. Линдеманъ, А. Я. Масленниковъ (съ Сѣверной фермы), А. П. Мещерскій (авторъ «Писемъ деревенскаго хозяина»), А. П. Мертваго, М. В. Неручевъ, князь Д. М. Оболенскій, инж. Г. Перимондъ, проф. М. А. Придорогинъ, Л. А. Потѣхинъ, проф. Д. Прянишниковъ, И. М. Рева, А. А. Радцигъ, М. В. Рытовъ, П. Р. Слезкинъ, А. П. Субботинъ, проф. А. В. Совѣтовъ, проф. И. А. Стебутъ, инж. П. В. Степановъ, проф. К. А. Тимирязевъ, Г. И. Танфильевъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. Р. Ферхминъ, проф. Н. П. Чирвинскій, И. І. Шатиловъ, Р. И. Шредеръ, В. С. Щербачевъ, М. А. Энгельгардтъ и мног. др.

Новые подписчики могутъ получать журналъ со дня подписки до 1-го января безплатно.

Контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 92.

Ред. А. П. Мертваго. Изд. И. А. Машковцевъ.

3—2.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА годъ VIII.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ".

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На 1897 годъ „Вопросамъ Философіи и Психологіи"

вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, А. Н. Бекетовъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ, В. Вальденбергъ, А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, Д. Викторовъ, П. Г. Виноградовъ, Н. Д. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даркшевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ, М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, С. А. Сухановъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Предполагаемое содержаніе 35-й книги журнала (ноябрь—декабрь): Н. Я. Гротъ. Очеркъ жизни и личности Декарта.—В. П. Сербскій. Преступные и честные люди.—А. А. Токарскій. О глупости.—Вл. С. Соловьевъ. Нравственная организація человѣчества (Окончаніе).—Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма (Окончаніе).—В. П. Сербскій. Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологіи. (Окончаніе).—С. Н. Булгаковъ. О закономѣрности соціальныхъ явленій.—В. К. Ротъ. Нейрастенія и лѣность.—Критика и библіографія.—А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25) и шестой (№№ 26—30) годы изданія продаются по 5 руб. за каждый годъ съ перес.; подписчики на новый 1897 г. получаютъ журналъ, при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 4 рубля за каждый годовой экз. № 15 журнала, оставшійся въ небольшомъ количествѣ экз., продается отдѣльно за 2 руб. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ, взимается съ каждаго руб. по 2 коп.

Редакторы { Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Новый иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

25 книгъ **„ВСХОДЫ“.** въ годъ.

2-й годъ изданія.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большого формата—отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матеріаломъ, б) 15-го — небольшой книжкой — отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то или другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или много въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ» помѣщается ежемѣсячно: 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) для родителей—критическій указатель дѣтской литературы. Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія. Въ 12 №№ журнала, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца, были помѣщены, между прочимъ: 1) оригинальные разсказы Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. Станюковича, В. Михеева, В. Родича, А. Коваленской, Е. Нелидовой и др., 2) переводные разсказы Уйда, А. Терье, Д. Беннета, Кляреси, и др., 3) историческіе разсказы А. Анненской, 4) очерки по исторіи культуры Д. Коропчевскаго, 5) очерки изъ жизни и исторіи земли А. Нечаева, 6) статьи по естествознанію д-ра зоологіи А. Никольскаго, 7) разсказы изъ жизни животныхъ Поля Бера и пр. Въ 12 книжкахъ, выходящихъ 15-го числа каждаго мѣсяца и содержащихъ одно законченное произведеніе, было напечатано: 1) **Голодовка у сѣвернаго полюса.** Приключенія одной научной экспедиціи. По Фонвіелю. 2) **Въ странѣ чудесъ.**—Путешествіе по Индіи. П. Маеля. 3) **На южномъ берегу Крыма.** М. Юрьевой. 4) **Среди австралійскихъ дикарей.** Путешествіе д-ра Лумгольца. 5) **За правое дѣло.** Повѣсть изъ средневѣковой жизни. Коломба. 6) **Исторія одного мальчика.** Альфонса Доде, въ 2 т. 7) **Приключенія Тартарена въ Тарасконѣ.** Альфонса Доде, въ передѣлкѣ для дѣтей. 8) **Клегъ-Келли.** Романъ С. Крокетть, въ передѣлкѣ для дѣтей А. Анненской, въ 2 т. 9) **Воспоминанія одного американскаго школьника.** Т. Белей-Ольдричъ.

Въ видѣ безплатнаго приложенія была напечатана книжка **«Вымершія чудовища»**, составленная по Хётчинсону, Л. Давыдовой, съ предисловіемъ и подъ редакціей д-ра зоологіи А. Никольскаго.

Цѣна 5 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу 8 рублей. **Разсрочка допускается слѣдующая:** 3 рубля при подпискѣ и 2 рубля къ 1-му мая.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, **которые уплатили подписную плату полностью.** Адресъ: **С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала для самообразованія «МІРЪ БОЖІЙ».** Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1897 годъ

ГОДЪ XVII.

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ.

ГОДЪ XVII.

«ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ» допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для средне-учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи—въ первые четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства.

Въ теченіе 1896 г. въ журналѣ принимали участіе: Проф. П. Г. Виноградовъ А. В. Догановичъ, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ, К. В. Лукашевичъ, Д. Н Маминъ-Сибирякъ, Сергѣй Орловскій, И. Н. Потапенко, П. А. Сергѣенко, А. В Стернъ, В. М. Сысоевъ и мн. др. Въ художественномъ отдѣлѣ помѣщены были картины и рисунки А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, К. С. Высотскаго, С. А. Коровина, В. Е. Маковскаго, И. М. Прянишникова, А. С. Степанова, В. И. Сурикова, В. А. Сѣрова, П. М. Шмелькова, а также снимки съ классическихъ произведеній древняго и новаго искусства.

Благодаря любезному согласію большинства прежнихъ сотрудниковъ и надѣясь привлечь новыхъ къ участію въ журналѣ, редакція «Дѣтскаго Отдыха» намѣрена предложить читателямъ рядъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ, стихотвореній въ литературномъ отдѣлѣ. Желая познакомить читателей съ бытомъ сельскаго и рабочаго люда, редакція предполагаетъ помѣстить нѣсколько иллюстрацій и очерковъ по разнымъ отраслямъ русской промышленности.

Дополненіемъ къ нимъ должны послужить 12 рисунк. (въ краск.) А. М. Васнецова, А. С. Степанова и В. А. Сѣрова. Вмѣстѣ съ текстомъ рисунки эти представятъ какъ бы одну картину родной природы и быта.

Кромѣ снимковъ съ художественныхъ произведеній русскихъ, иностранныхъ и древнихъ классиковъ, редакція будетъ помѣщать въ каждомъ номерѣ портреты русскихъ писателей, ученыхъ и художниковъ. Въ отдѣлъ игръ и занятій будутъ введены описанія дѣтскихъ праздниковъ и школьныхъ прогулокъ на открытомъ воздухѣ.

Въ концѣ каждаго номера родители и воспитатели найдутъ краткія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ для дѣтскаго чтенія.

Подписчики 1897 года получатъ безплатное приложеніе

СКАЗКИ РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Иллюстрированный сборникъ В. Н. Харузиной.

Условія подписки на 1897 г.: съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ — 6 руб.; на ½ года—3 руб. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ—5 руб. 50 к., за границу—8 руб. Подписка принимается: въ конторѣ журнала—Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова, магазинъ «Дѣтское Воспитаніе», и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ.

Редакторъ Я. Барсковъ. Издатель А. Мамонтовъ.

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

НА

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«Восточное Обозрѣніе» издается **ТРИ РАЗА** въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются **бюллетени** Россійск. Телеграф. Агентства

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей. 4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяцъ 1 р.; заграницу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ— 1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., заграницу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 к. на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе».

Редакторъ-издатель И. И. ПОПОВЪ.

3—1

ВОЛЖСКО-ДОНСКОЙ ЛИСТОКЪ

(ТРИНАДЦАДЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ.

Подписная цѣна: на годъ . . . . . 6 руб. — к.
» полгода. . . . . 3 » 50 »
» мѣсяцъ. . . . . — » 75 »

ВЫХОДЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Газета въ своей программѣ имѣетъ правительственныя извѣстія, телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ, городскую хронику и торговый отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются точныя цѣны на керосинъ, рыбу, соль, лѣсъ, хлѣбъ и проч. Торговые люди, имѣющіе торговыя сношенія съ Царицыномъ и Астраханью, всегда могутъ въ **«В.-Д. Листкѣ»** найти вѣрныя свѣдѣнія о партіномъ рынкѣ.

Адресоваться слѣдуетъ: **Царицынъ-на-Волгѣ, въ редакцію газеты «Волжско Донской Листокъ».**

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

НА 1897 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для иногородних: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.
Для городских: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к. 3 мѣс., 1 р. 50 к.
Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1897 года со дня полученія въ Конторѣ Редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотекѣ Суханова.
Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція «Сибирскаго Листка».

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 3-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества правильной охоты

КІЕВСКАГО ОТДѢЛА.

36 №№ ВЪ ГОДЪ,

роскошно иллюстрированныхъ, при сотрудничествѣ извѣстныхъ охотниковъ-писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой . . . . . 8 руб.
на 1/2 г. » » » . . . . . 5 »
за-границу (только год. подписка) . . . . . 13 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ, считая съ 1 ноября, 3 руб., 1 января 3 руб. и 1 марта 2 руб. При поручительствѣ казначеевъ—по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСН. ЦѢНА на 36 №№ журнала и шесть книгъ-приложеній:

на годъ съ пересылкой и доставкой . . . . . 13 руб.
на 1/2 г. » » » . . . . . 8 »
за-границу (только год. подписка) . . . . . 20 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 5 р., считая съ 1 ноября, остальныя деньги по 2 руб. въ мѣсяцъ. При поручительствѣ казначеевъ—3 руб. единовременно и по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ЛЬГОТНЫЯ ПРОДАЖИ РУЖЕЙ и СОБАКЪ ЗА 1/10 — 1/12 ЧАСТЬ СУММЫ ИХЪ СТОИМОСТИ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПОДПИСЧИК. ЖУРНАЛА съ КНИГАМИ-ПРИЛОЖЕН. и безъ оныхъ.

Изданіе редакціи: «Дрессировка подружейныхъ собакъ». Патфайндера. Переводъ Де-Конноръ. Роскошно иллюстриров. Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Пробный № высылается за четыре 7 коп. марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Редакціи, г. Веневъ, Тульской губ.; въ Кіевѣ, Фундуклеевская ул., д. № 2, въ Канцеляріи Кіевскаго отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Об. ох.; во всѣхъ Конторахъ Объявленій, въ оружейныхъ магазинахъ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Скидки за пріемъ подписки съ экземпляра журнала — 50 к., съ экземпляра журнала и книгъ—70 коп.

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

(Съ 1-го января газета будетъ выходить и по понедѣльникамъ).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Камско-Волжскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Дѣйствія и распоряженія правительства. — Руководящія статьи по различнымъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ вопросамъ. — Обзоръ текущей прессы и журналистики. — Ежедневныя политическія телеграммы. — Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ мѣстностей Волжско-Камскаго края и примыкающихъ къ нему областей Имперіи. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе и прогрессивное пополненіе этого отдѣла постоянными сообщеніями собственныхъ корреспондентовъ. — Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. — Судебная хроника. — Библіографія. — Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. — Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни. — Обзоръ науки, литературы и искусства. — Сельское хозяйство. — Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутреннейе и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. — Фельетоны и беллетристика. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и статьи научнаго содержанія, естественно-научныя, историческія и экономическія. — Смѣсь. — Справочный отдѣлъ: судебныя дѣла и резолюціи по нимъ, больницы, желѣзнодорожные поѣзда, грузы, приходящіе по жел. дорогѣ и пр. — Объявленія.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:
Проф. Д. В. Айналовъ, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Е. Ф. Бекетова, П. Берлинъ, М. Е. Бландова, Н. Н. Блиновъ, В. Ф. Бородзичъ, М. П. Бородинъ, проф. Е. Ѳ. Будде, проф. А. В Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Геркенъ, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, А. Б. Грейманъ, П. И. Добротворскій, Е. О. Дубровина, С. С. Дѣевъ, Дилеттантъ (псевдонимъ). П. В. Засодимскій, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Ивановъ, проф. М. Я. Капустинъ, С. М. Капустина, А. Корнгольдъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, П. С. Кукурановъ, проф. Н. М. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, И. А. Лимановъ, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, В. К. Магницкій, А. И. Матовъ, проф. Н. А. Мисловскій, Н. Н. Морозовъ, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. Н. Нелидовъ, В. К. Никольскій, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій). Н. А. Островская, П. А. Пономаревъ, В. В. Португаловъ, И. С. Покровскій, С. Д. Протопоповъ, П. С. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ. Н. В. Ремезовъ, П. А. Рождественскій, А. Д. Рузскій, П. М. Сивковъ, проф. Н. П. Слугиновъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. Н. Соловьевъ, И. И. Степановъ, Н. А. Смирновъ, С. М. Смирновъ, В. С. Сѣрова, О. Н. Траубенбергъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. А. Штукенбергъ, Д. П. Шестаковъ, Е. К. Щепетельникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой на годъ 7 р., на полгода 4 р. на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 75 к. Безъ доставки: на годъ 6 р. 25 к., на полгода 3 р. 25 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Для иногородныхъ подписчиковъ: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 3 руб. 1 іюля 3 руб., для городскихъ 2 руб., 1 марта 2 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюня 1 руб., Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1897 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1897 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА» въ Казани, на Покровской ул., домъ Пермяковой.

Редакторъ Н. Рейнгардтъ.
Издательница Л. Рейнгардтъ. 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году.

Редакція «НИЖЕГОРОДСКАГО ЛИСТКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ ежедневно, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы, общія и торговыя.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Извѣстія изъ столицъ.—4) Статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ.—5) Обозрѣніе газетъ и журналовъ.—6) Мѣстная хроника.—7) Театръ и музыка.—8) Маленькій фельетонъ. 9) Корреспонденціи.—10) Внутреннія извѣстія.—11) Хроника провинціальной жизни.—12) Внѣшнія извѣстія.—13) Судебная хроника.—14) Смѣсь.—15) Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ, торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, ярмарочная биржа.—16) Фельетонъ: стихи, разсказы, повѣсти, очерки оригинальные и переводные, научный, литературно-критическій, обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

Въ Нижегородскомъ Листкѣ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), К. М. Станюковичъ, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ). А. А. Штевенъ и мн. друг.

Подписная цѣна для иногородныхъ:

на годъ—7 р., на 1/2 года—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Новые подписчики, внесшіе сполна годовую плату за 1897 г. до декабря мѣсяца текущаго года, получаютъ газету, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ 1-го декабря.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ—въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Больш. Покровка, д. Приспѣшникова. 2) Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы «Нижегородскаго Листка» при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°. 3—1

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году

(35-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ 7 р., на 11 м. 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересыл. въ другіе города: На годъ: 8 р., на 11 м. 7 р., на 10 м. 6 р. 50 к., на 9 м. 6 р., на 8 м. 5 р. 50 к., на 7 м. 5 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 4 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 40 к., на 1 м. 1 р. 20 к.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Въ Вольскѣ—у И. Ф. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволожск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита. 3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

ВѢСТНИКЪ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

26-й годъ изданія.

Съ 1 января 1897 г. изданіе «Вѣстника Россійскаго Общества Краснаго Креста» переходитъ отъ генералъ-лейтенанта С. П. Зыкова въ непосредственное вѣдѣніе Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста. Журналъ будетъ издаваться (безъ предварительной цензуры) по новой, значительно расширенной, программѣ, обнимающей, кромѣ подробной разработки вопросовъ, непосредственно соприкасающихся съ дѣятельностью Краснаго Креста въ Россіи и за границей, также правительственныя распоряженія, выдающіяся событія внутренней и иностранной жизни, обзоръ дѣятельности филантропическихъ учрежденій русскихъ и иностранныхъ, историко-библіографическій отдѣлъ, статьи по гигіенѣ и проч. Журналъ будетъ выходить еженедѣльно, по субботамъ. Изданіе это одобрено и рекомендовано Министерствами: Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военнымъ, а также Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ.

Подписная цѣна пять (5) руб. въ годъ, съ пересылкой и доставкой.

Подписка принимается въ Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста (С.-Петербургъ, Инженерная, 9), а также во всѣхъ окружныхъ и мѣстныхъ управленіяхъ и мѣстныхъ комитетахъ Общества. Г.г. подписчики, какъ прежніе—при возобновленіи подписки на «Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста», также и новые, благоволятъ направлять свои требованія и подписныя деньги исключительно въ одно изъ названныхъ выше учрежденій, притомъ по возможности заблаговременно, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ журнала. 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖИЗНЬ

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1897 г. въ С.-Петербургѣ **три раза** въ мѣсяцъ **(1, 11 и 21)** книгами большого формата in 8° въ **10—12** печ. листовъ (160—200 стр.) каждая.

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, разсказы (преимущественно русскихъ авторовъ), стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и искусствъ, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библіографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ. Музыка. Живопись. VIII. Смѣсь. Подписная цѣна за годовое изданіе «ЖИЗНИ», состоящее изъ **тридцати шести** книгъ **СЕМЬ** рублей съ доставкой и пересылкою. Заграницу—**7** руб. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору **«Жизни»** (*С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30*) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится **3** р., къ 1 апрѣля **2** р. и къ 1 іюля **остальныя**.

По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно).

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30.

1—1 Редакторъ-Издатель С. В. Воейковъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на 1897 годъ.

ЖУРНАЛЪ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА
ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

«**Журналъ**» выходитъ ежемѣсячно книжками, отъ 5 до 7 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи и научныя сообщенія.—II. Отчеты о засѣданіяхъ отдѣловъ и секцій Общества: 1-й—біологической, 2-й—статистической, эпидеміологической и медицинской географіи, 3-й—общественной и частной гигіены, 4-й—гигіены дѣтскаго и школьнаго возрастовъ, 5-й—бальнеологіи и климатологіи.—III. Научныя корреспонденціи.—IV. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы,—по біологіи, статистикѣ, эпидеміологіи, гигіенѣ, бальнеологіи и климатологіи.—V. Критика и библіографія.—VI. Хроника.—VII. Частныя объявленія и публикаціи.—VIII. Приложенія.

Въ **Приложеніи къ Журналу**, между прочимъ, напечатаны:

Въ 1893 году: 1) Сравнительная статистика населенія (смертность) проф. Янсона. 2) Журналы засѣданій Москов. Гигіенич. Общества. 3) Отчеты Спб. город. санит. коммиссіи за 1892 г. 4) Отчетъ Спб. город. лабораторіи. Въ 1894 году: 1) Врачебныя учрежденія С.-Петербурга. Путеводитель для членовъ V съѣзда рус. врачей. 2) Молоко Спб. коровъ, статья д-ра Архангельскаго. 5) О санитарномъ надзорѣ за пищевыми продуктами въ Спб. 6) Отчетъ Спб. гор. санит. коммиссіи за 1893 г. 7) Отчетъ Спб. город. лабораторіи.

Въ 1895 году: 1) Журналы засѣд. Моск. Гигіенич. Общества. 2) Отчетъ Спб. гор. санит. коммиссіи за 1894 г. 3) Отчетъ Спб. город. лабораторіи.

Въ 1896 году: 1) Чертежи къ «проекту участковой земской больницы». 2) Дѣтскія лѣчебныя колоніи въ Варшавѣ. 3) Труды коммиссіи по вопросу о водоснабженіи г. Тулы. 4) Медиц. отчетъ Спб. город. санит. коммиссіи за 1895 г. 5) Очеркъ развитія дѣтскихъ лѣчебныхъ колоній въ Россіи и за границей д-ра М. Д. ванъ-Путеренъ.

Подписная цѣна въ годъ 4 руб. съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи—Разъѣзжая ул., д. 5, кв. 2, и въ книжныхъ магазинахъ: Риккера, Карбасникова, Петрова, Ярошевской, Сойкина и др.

«ЖУРНАЛЪ» можетъ быть высланъ наложеннымъ платежемъ.

Плата за объявленія—за одинъ разъ: за страницу 10 руб., за 1/2 страницы 7 руб., за 1/4 страницы 4 руб. При многократномъ печатаніи объявленій—уступка. Объявленія впереди текста на 25% дороже.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, печатается объявленіе или отзывъ.

Экземпляры „ЖУРНАЛА“ за предыдущіе годы по 3 р. съ перес.

Редакторъ **А. А. Липскій.**

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ.

«Екатерин. Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатериносл. Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ, передовыя по вопросамъ внутренней, государственной и мѣстной губернской жизни, статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и проч., театральныя рецензіи, корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ, обозрѣніе печати, желѣзнодорожныя вѣсти, внутреннія и внѣшнія извѣстія; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ.

на годъ . . . . . 8 р. — к. | на три мѣсяца . . . . 2 р. 60 к.
на полгода. . . . . 4 » 40 » | на одинъ мѣсяцъ . . . 1 » — »

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи.

Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начиная съ января

3—3

1897. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1897.**

на ежедневно политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемую въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края. 2) Статьи и сообщенія, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ. 3) Мнѣнія печати по вопросамъ, касающимся края, а также нефтяного, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и пр., съ критическою оцѣнкою ихъ. 4) Мѣстная хроника: дѣйствія и распоряженія Правительства, касающіяся края, мѣстныя административныя распоряженія, перемѣны по службѣ, происшествія; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, ученыхъ обществъ и пр. 5) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія и сообщенія о торгово-промышленныхъ оборотахъ, цѣнахъ на разные товары, фрахты; въ этотъ отдѣлъ входитъ совершенно самостоятельный отдѣлъ, подъ рубрикою: «РЫБНОЕ ДѢЛО» У НАСЪ И ЗАГРАНИЦЕЙ и въ которомъ читатели найдутъ все ихъ интересующее какъ въ научномъ такъ и практическомъ отношеніяхъ; ярмарочныя свѣдѣнія. 6) Судебный отдѣлъ: отчеты о засѣданіяхъ. 7) Телеграммы агентскія и собственныхъ корреспондентовъ. 8) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ губерніи, приволжскихъ и прикаспійскихъ городовъ. 9) Текущая жизнь: извлеченія изъ газетъ разныхъ выдающихся явленій общественной жизни. 10) Политическій отдѣлъ. 11) Театральная и музыкальная хроника. 12) Фельетонъ; повѣсти и разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; обозрѣніе журналовъ и критическій разборъ статей въ нихъ помѣщаемыхъ. 13) Смѣсь: факты изъ сферы изслѣдованій, изобрѣтеній, открытій; историческіе и другіе анекдоты и пр. 14) Справочный отдѣлъ: календарныя свѣдѣнія, почтово-телеграфныя, афиши и пр. 15) Объявленія.

Газета выходитъ ежедневно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Конторѣ Редакціи, въ Астрахани, въ домѣ Усейнова на Знаменской ул.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою въ Астрахани: за годъ 7 р.. за полгода 4 р.; за три мѣсяца 2 р. 50 к.; съ пересылкой во всѣ города: за годъ 7 р. 50 к., за полгода 5 р. за три мѣсяца 3 р. 25 к.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ новые годовые подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ ДО КОНЦА ТЕКУЩАГО ГОДА.

БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ Н. А. Длинбергъ.

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и Августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею проф. В. Н Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства; проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстама—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Приамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго — Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго — О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова — О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова — Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго — Бродяги и законъ; В. Волжина — Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ; Ф. Клингберга—Къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. Н. Суворова — Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала — О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества. В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева — Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго — Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака — Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности; В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикацію; В. Кобцева—Къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В. Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Въ СПБ. безъ доставки	8 р. — к.
Съ доставкою	8 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города	9 » — »

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою и съ пересылкою 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и *учащіеся* пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ., Новоисакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—2 Редакторъ проф. **В. Н. Латкинъ.**

XIII годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897-й ГОДЪ. XIII годъ изданія.

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи «Сѣвернаго Кавказа».

3—3

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть оффиціальная: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы.

2) Часть неоффиціальная: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты, объ ученыхъ командировкахъ и т. п); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянико-Куликовскій.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

годъ XXXIX. **1897 г.** годъ XXXIX.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ

СЪ КАРИКАТУРАМИ

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Рекомендуется любителямъ веселаго и остроумнаго, доступенъ всякому возрасту, полу званію и состоянію. Журналъ существуетъ давно, извѣстенъ всякому, а потому распространятся о немъ нечего.

Въ 1897 году каждый подписчикъ **Развлеченія** непремѣнно получитъ

200,000 рублей

(если, разумѣется, онъ имѣетъ билетъ какого-либо внутренняго съ выигрышами займа и на него въ тиражъ падетъ этотъ выигрышъ).

Годовая цѣна журнала безъ всякихъ премій и приложеній, но зато съ оберткой, упаковкой, переноской, перевозкой и пересылкой всего только 6 рублей, за полгода 3 рубля.

(Пробный № высылается за три семикопѣчныя марки).

АДРЕСЪ: *Москва, журналу Развлеченіе.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

НА ЖУРНАЛЪ

XVII ГОДЪ. ОСКОЛКИ ГОДЪ XVII.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ «ОСКОЛКИ» съ карикатурами, вступая въ СЕМНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1897 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1896 году.

Журналъ «ОСКОЛКИ» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью ВЪ КРАСКАХЪ. Въ 1897 году редакція обратитъ вниманіе на всестороннее улучшеніе журнала.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 руб.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	5 »	На полгода	4 » 50 »
На три мѣсяца	3 »	На три мѣсяца	2 » 50 »
За границу на годъ	10 »		
» » » 1/2 года	6 »		

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ Казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки».

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели: *Н. Лейкинъ* и *Р. Голике.*

3—2

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЛѢ И ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ ДР. ГОРОДА

НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1.000 экз., или по 50 к. со 100 экз. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

30 ГОДЪ.

„ДОНЪ“

XXX Г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

НА 1897 ГОДЪ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1897 года газета «Донъ» начинаетъ 30-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 29-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1897 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 1 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ . . .	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города .	7 »	4 » — »	2 » 50 »	1 » — »

3—2

Подписка 1897 года.

Открыта подписка на 1897 г. на

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ,

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ виду того, что существующій размѣръ газеты, несмотря на величину свою, оказывается недостаточнымъ вслѣдствіе большого количества поступающихъ въ контору объявленій, къ началу 1897 года

формать „Самарской Газеты“

ЕЩЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИВАЕТСЯ.

«Самарская Газета» будетъ больше почти всѣхъ столичныхъ и всѣхъ поволжскихъ газетъ.

Газета ставитъ своею задачей — быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Составъ редакціи будетъ увеличенъ новыми постоянными сотрудниками.

Въ «Самарской Газетѣ» принимали и принимаютъ участіе слѣдующія лица: Я. В. Абрамовъ, Вл. Е. Андреевъ, Г. П. Андреевъ, Аргунинъ, Н. Н. Архангельскій, Артельщикъ (псевдонимъ), Н. П. Ашешовъ, А. Н. Барановъ, В. П. Барыбинъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Бостромъ, Е. А. Буланина, Ч. Вѣтринскій (псевдонимъ), Волжскій житель (псевдонимъ), И. Д. Гинзбургъ, А. Г. Григорьевъ, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), С. Гусевъ, П. И. Добротворскій, А. А. Дробышъ-Дробышевскій (А. Уманьскій), г-жа Дубровина, В. Е. Ермиловъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, профессоръ Н. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, д-ръ П. П. Крыловъ, Камскій (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Д. Е. Липпо, А. И. Ливановъ, Петръ Левицкій, А. И. Матовъ, Мензелинскій житель (псевдонимъ), Миролюбовъ, А. М. Михайловъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Наблюдатель (псевдонимъ), Нигра (псевдонимъ), М. Л. Песисъ, Перекати-поле (псевдонимъ), П. В. Пигѣевъ, В. Н. Полякъ, А. Н. Подосенова, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), Т. М. Семеновъ, А. Степной (псевдонимъ), Н. А. Скворцовъ, Сызранецъ (псевдонимъ), Фениксъ (псевдонимъ), У. В. Узембло, В. Е. Чешихинъ, Читатель (псевдонимъ), А. Г. Шлихтеръ, Е. С. Шлихтеръ, д-ръ С. О. Ярошевскій и мног. друг.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, въ газетѣ принимаютъ участіе Вл. Г. Короленко и Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ).

Подписная цѣна на газету, несмотря на увеличеніе формата,

остается прежняя.

Съ пересылкой для иногородныхъ: на 12 мѣс. — 7 руб., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к., на 1 мѣс.—70 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Самарѣ: въ конторѣ редакціи «Самарской Газеты», на Алексѣевской площади, домъ Юрина.

Иногородніе адресуютъ подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакціи «Самарской Газеты».

3—1 Редакторъ-издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1897 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и общественной жизни газету

ВОЛЫНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На одинъ годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 60 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, допускается слѣдующая разсрочка: къ 1-му января 2 р., къ 1-му іюня—2 р. и къ 1-му октября 2 р., для всѣхъ остальныхъ — полугодовая съ платой 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1-му іюня.

Съ новаго года мѣстный отдѣлъ «ВОЛЫНИ» будетъ значительно расширенъ, для чего приглашены спеціальные корреспонденты изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Юго-западнаго края.

Издатель А. М. Когенъ. Редакторъ Е. А. Фидлеръ.

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(XVI годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

РОДНИКЪ

и педагогическій листокъ

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

«Родникъ» въ 1897 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 15 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Вмѣстѣ съ «Родникомъ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе», посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Въ листкѣ помѣщаются труды библіографическаго отдѣла Педагогическаго музея в.-учебн. заведеній и протоколы «Родительскаго кружка».

«РОДНИКЪ» рекомендованъ, одобренъ и допущенъ учеными и ученымъ Комитетомъ Св. Синода, Собств. Е. И. В. канцел. по учрежд. Императрицы Маріи, Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній и Мин. Нар. Просв. Удостоенъ 1) почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, 2) похвальнаго отзыва на первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла, 3) диплома второго разряда на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новг. 1896 г. —Признанъ необходимымъ для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія, т.-е. съ 1882 г. (См. «Журналъ Мин. Нар. Просв.», августъ 1895 г.)

Условія подписки на 1897 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ».	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе».	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Книжномъ магазинѣ Н. Н. Морева.

За издателя *Н. Моревъ.* Редакторъ *Алексѣй Альмединге*нъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «Читальня Народной Школы» (10-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и перес. 3 рубля въ годъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

НА 1897 ГОДЪ

ГАЗЕТУ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

выходящую ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ 9 руб., 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., 3 мѣс. 2 руб. 25 коп. и 1 мѣс. 75 коп.

Подписка принимается только въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи.

«Сибирскій Вѣстникъ» заключаетъ въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. Передовыя статьи (по вопросамъ внутренней политики и злобамъ дня, преимущественно касающимся Сибири). II. Статьи (по вопросамъ экономіи, права и педагогіи). III. Мѣстная хроника (отчеты о засѣданіяхъ мѣстной томской думы, сословныхъ и другихъ обществъ, извѣстія о городскихъ происшествіяхъ, указанія на различныя явленія мѣстной жизни, театръ и музыка). IV. Судебная хроника. V. Среди газетъ и журналовъ. VI. Корреспонденціи (преимущественно изъ городовъ и селеній Сибири). VII. Дѣйствія правительства (новыя узаконенія и дополненія прежнихъ, относящіяся до Сибири). VIII. Внутренняя и заграничная хроника. IX. Фельетонъ. X. Библіографія. XI. Между прочимъ. XII. Справочныя свѣдѣнія и XIII. Объявленія.

3—1 Редакторъ-Издатель Г. В. Прейсманъ.

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія ***Н. И. Пирогова;*** 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). ***К. Барсова;*** 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). ***К. Чернецкаго;*** 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы. ***К-ой;*** 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. ***М. Слобожанина;*** 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. ***П. Ѳ. Каптерева;*** 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. ***Л. Н. Модзалевскаго;*** 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. ***Я. Г. Гуревича;*** 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ), ***М. А. Лялиной;*** 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). ***Е. Чебышевой-Дмитріевой;*** 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. ***А. А. Красева;*** 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. ***А. С. Виреніуса;*** 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. ***Л. Е. Оболенскаго;*** 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. ***Д. Д. Семенова;*** 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. ***И. И. Мещерскаго;*** 16) Мысли о современномъ воспитаніи. ***А. С. Симоновичъ;*** 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. ***Кл. Фармаковской;*** 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. ***В. Афанасьева;*** 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». ***Графа Павла Капписта;*** 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? ***В. П. Вахтерова;*** 21) Народныя чтенія. ***Его-же;*** 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. ***А. Ѳ. Гартвига;*** 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. ***Д. Д. Лобанова;*** 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. ***В. Ю. Скаллона;*** 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? ***В. И. Фармаковскаго;*** 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? ***А. Раменскаго;*** 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. ***Я. В. Абрамова;*** 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. ***О. Х. Павловичъ;*** 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. ***С. А. Бобровскаго;*** 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. ***И. А. Анастасіева;*** 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. ***С. Брайловскаго;*** 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. ***Л. Рутковскаго;*** 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. ***А. А. Гофмана;*** 34) Неожиданныя темы. ***Ц. П. Балталона;*** 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. ***Ив. Созонтьева;*** 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. ***И. П. Бѣлокопскаго.***

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно** книжками не менѣе **десяти** печати. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногородныхъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель ***Я. Гуревичъ.***

3—1

Изданіе К. Л. РИККЕРА, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ.

(Второй годъ изданія).

«ОБОЗРѢНІЕ ПСИХІАТРІИ, НЕВРОЛОГІИ И

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ»

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. В. М. БЕХТЕРЕВА,

директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ.

Начиная изданіе нашего журнала въ Январѣ 1896 г., мы были твердо убѣждены въ необходимости для русской врачебной публики ежемѣсячнаго рефирирующаго органа по психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи. Опытъ прошлаго года показалъ, что издаваемое нами «Обозрѣніе» было встрѣчено весьма сочувственно врачебной публикой, и въ этомъ сочувствіи мы видимъ доказательство справедливости нашихъ предположеній.

Дѣйствительно не только врачамъ спеціалистамъ, но также земскимъ, военнымъ и вообще всѣмъ практическимъ врачамъ почти ежедневно приходится встрѣчаться съ вопросами вышеуказанной спеціальности; каждый врачъ не разъ чувствовалъ потребность въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ болѣзнями нервной системы, играющими такую выдающуюся роль въ жизни современнаго общества. Само собой понятно, что практическіе врачи, знакомые съ современнымъ состояніемъ ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, могутъ оказать весьма цѣнныя услуги въ дѣлѣ профилактики и лѣченія нервныхъ и душевныхъ разстройствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ своевременное ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами экспериментальной психологіи можетъ облегчить врачамъ и другимъ близко стоящимъ къ школьному дѣлу лицамъ болѣе правильную въ отношеніи умственной гигіены постановку школьнаго образованія. Неоспоримо также и особо важное практическое значеніе криминальной антропологіи и ученія о гипнотизмѣ, какъ въ отношеніи выясненія общихъ психологическихъ вопросовъ, такъ и въ отношеніи практически важныхъ вопросовъ судебно-психіатрической экспертизы.

Имѣя въ виду удовлетвореніе вышеуказанныхъ практическихъ потребностей, «Обозрѣніе» и въ 1897 г. будетъ стремиться дать возможно полное отраженіе современнаго состоянія психіатріи, невропатологіи, неврологіи, экспериментальной психологіи, гипнотизма и уголовной антропологіи, съ цѣлью своевременнаго ознакомленія его читателей съ успѣхами и развитіемъ этихъ отраслей знанія. Всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ особо важное практическое значеніе, и между прочимъ терапіи душевныхъ и нервныхъ болѣзней будетъ также отведено въ «Обозрѣніи» надлежащее мѣсто.

Журналъ выходитъ по слѣдующей программѣ:

I. Оригинальныя статьи по психіатріи, невропатологіи, неврологіи, психологіи, гипнотизму, криминальной антропологіи и по вопросамъ, связаннымъ съ ними. II. Обзоръ и рефераты по указаннымъ предметамъ. III. Отчеты, письма и корреспонденціи. IV. Критическія статьи, отзывы, рецензіи и библіографія. V. Хроника, новости и смѣсь. VI. Біографіи и некрологи. VII. Объявленія и извѣщенія.

Статьи (въ заказныхъ бандеролях) покорнѣйше просятъ адресовать на имя редактора журнала, директора клиники, проф. **В. М. Бехтерева** (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, Клиника душевныхъ болѣзней). Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ и пятницамъ съ 11—12 ч. дня.

Письма, касающіяся благоустройства неврологическихъ и психіатрическихъ учрежденій и корреспонденціи бытового характера, какъ матеріалъ для хроники, покорнѣйше просятъ адресовать на имя секретаря редакціи, д-ра **П. А. Останкова** (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, Клиника душевныхъ болѣзней).

Всѣ статьи, доставляемыя въ редакцію, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и редакціоннымъ поправкамъ, авторамъ же по напечатаніи ихъ статьи предоставляется 25 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ безплатно. Время напечатанія статей и распредѣленія ихъ по книжкамъ будетъ производиться сообразно наличному матеріалу и очереди. Авторы и издатели, желающіе прислать свои труды и изданія въ редакцію, благоволятъ адресовать таковые на имя редактора. О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ напечатано заявленіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала. По всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ (высылка гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№, пріемъ объявленій и т. п.), слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю.

Подписка принимается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. РИККЕРА (Невскій, 14) и въ другихъ городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ—9 руб.; за полгода—4 р. 50 коп.; за 3 мѣсяца—2 р. 25 коп.

Ограниченное число экземпляровъ «Обозрѣнія», оставшееся за 1896 годъ, можно пріобрѣтать у издателя по 9 рублей за годъ.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

НА МОРСКУЮ И ГОРОДСКУЮ ГАЗЕТУ

КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Подписная цѣна: съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ города Россіи. На годъ 8 р., на 11 мѣс. 7 р. 50 к., на 10 мѣс 7 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 8 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 5 р. 25 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 3 р. 75 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Безъ доставки: на годъ 7 р., 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р. 25 к., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 25 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 25 к, на 4 мѣс. 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 70 к.

Подписка принимается: Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи. Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича, «Новаго Времени», Фену, Риккера, и въ конторѣ объявленій Метцль.

Вступивъ въ 36-й годъ своего существованія, морская и городская газета «Кронштадтскій Вѣстникъ» будетъ, по прежнему, прежде всего служить морскому дѣлу, которому она посвятила свое изданіе, не забывая, въ то же время, интересовъ и нуждъ Кронштадта какъ города, военнаго и коммерческаго порта и крѣпости. 3—1

ОТКРЫТА ВЪ Г. ОДЕССѢ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издатель и редакторъ Профессоръ Н. Е. Чижовъ.

Нѣсколько словъ отъ редакціи.

Приступая во второй половинѣ декабря этого года къ изданію ежедневной политической, научно-литературной, торгово-промышленной и финансовой газеты подъ названіемъ «Южное Обозрѣніе», мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ читающей публикѣ.

На ряду съ издающимися въ Одессѣ газетами найдется, безъ сомнѣнія, мѣсто и для предпринимаемаго нами изданія. Мы поставили себѣ цѣлью создать органъ, не дорогой по своей цѣнѣ, общедоступный по своему литературному изложенію и отзывчивый на нужды и интересы родины и въ частности — нашего разноплеменнаго юга. Съ распространеніемъ у насъ просвѣщенія образовался значительный классъ населенія, чувствующій потребность въ такомъ именно изданіи. Газета, доступная для большого круга читателей, является могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на массу и проводникомъ здравыхъ понятій и знаній въ общество.

Участіе въ «Южномъ Обозрѣніи» профессоровъ университета, художниковъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ силъ, хорошо знакомыхъ читающей публикѣ, избавитъ послѣднюю отъ легкомысленныхъ обобщеній и скороспѣлыхъ выводовъ при обозрѣніи тѣхъ или другихъ событій дня. Всѣ явленія современной жизни будутъ освѣщаемы въ нашей газетѣ вполнѣ объективно, безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній.

Вводя «Южное Обозрѣніе» въ семью одесскихъ газетъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что будемъ благосклонно встрѣчены нашими собратами. Посвятивъ себя вмѣстѣ съ ними служенію дорогой намъ родинѣ, мы будемъ отмѣчать всякое серьезное мнѣніе и сужденіе въ мѣстной печати и способствовать посильной разработкѣ проводимыхъ ею идей, рѣшительно избѣгая безплодной личной полемики, совершенно не интересной для читающей публики.

Не прибѣгая къ широковѣщательнымъ рекламамъ и обѣщаніямъ, замѣтимъ только, что Редакція «Южнаго Обозрѣнія» предполагаетъ, между прочимъ, дать цѣлую серію статей научнаго содержанія по разнымъ отраслямъ знанія въ общедоступномъ изложеніи и съ иллюстраціями.

Программа газеты „Южное Обозрѣніе“:

I. Телеграммы и правительственныя распоряженія. II. Статьи и фельетоны, касающіеся исторіи, литературы, науки, искусства, государственной, общественной и экономической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. III. Мѣстная хроника и корреспонденціи. IV. Обозрѣніе журналовъ и газетъ. V. Торгово-промышленное, финансовое, санитарно-медицинское, желѣзнодорожное, морское, театральное и музыкальное обозрѣнія и спортъ. VI. Судебная хроника съ сужденіями по вопросамъ судебной практики. VII. Смѣсь, справочный отдѣлъ, метеорологическія свѣдѣнія. VIII. Объявленія и IX. Иллюстраціи къ тексту.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою въ другіе города: на одинъ годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 3 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Съ доставкою въ Одессѣ: На одинъ годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 10 коп., на одинъ мѣсяцъ 80 коп.

Подписывающіеся на газету съ 1 января 1897 года получаютъ всѣ нумера за декабрь 1896 г.

Отдѣльные №№ по 3 коп. въ Одессѣ и по 5 коп. въ другихъ городахъ.

Объявленія и подписка на «Южное Обозрѣніе» принимаются въ Главной Конторѣ въ г. Одессѣ, при типографіи Исаковича (уголъ Гаванной и Дерибасовской ул., соб. домъ) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Е. П. Распопова.

12— Издатель и редакторъ Проф. Н. Е. Чижовъ.

Вышла ОДИННАДЦАТАЯ (ноябрьская) книга
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Подвальный этажъ. (Повѣсть). Окончаніе. И. Н. Потапенка.—II. Кара. Окон. Н. Анненковой-Бернардъ.—III. Золотая медаль. А. Р. Крандіевской.—IV. Зеленая тетрадь. Виктора Гомулицкаго. Пер. съ польскаго. В. М. Л.—V. Стих. Леонида Трефолева.—VI. Замужество Люсили. Пов. Антуана Альбала. Перев. съ франц. М. Окончаніе.—VII. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (1796—1824 гг.). Оконч. А. Брикнера.—VIII. Задачи и организація земскихъ книжныкъ складовъ. Оконч. Вл. Муринова.—IX. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды. Оконч. Н. А. Феликсова.—X. Будущность Китая.—XI. Мои воспоминанія объ Эрнесто Росси. С. И. Лаврентьевой.—XII. Европа и Турція въ армянскомъ вопросѣ. А. —XIII. Характеры и нравственное воспитаніе. В. Гольцева.—XIV. Императрица Екатерина II (1796—1896 г.). В. О. Ключевскаго.—XV. Нѣсколько словъ о земскихъ ходатайствахъ и относящихся къ нимъ законоположеніяхъ. Е. Варбъ.—XVI. Политическое завѣщаніе Фуадъ-паши.—XVII. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XVIII. Внутреннее обозрѣніе.—XIX. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.—XX. Современное искусство. Ан. Музыкальная хроника. А. Б.—XXI. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ (род. въ 1839 г. † въ 1896 г.). К. А. Тимирязева.—XXII. Библіографическій отдѣлъ.—XXIII. Объявленія.

Для подписчиковъ на 1896 г. прилагается начало ром. Сенкевича «Камо грядеши», напечатанное въ «Русской Мысли» въ 1895 г.

Открыта подписка на 1897 г. (Восемнадцатый годъ изданія).

	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ къ 1 апр., къ 1 іюля и 1 октября по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Бол. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Н. Фену и К°. Невскій просп. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. Л. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ длянродажи книгъ.

1—1 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.
(восьмой годъ изданія)
ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,
научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія — литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 руб. за годъ и по 3 руб. съ пересылкой.

Контора редакціи ПЕРЕВЕДЕНА на Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова и открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 12 час. до 3 ч. дня. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ и пятницамъ, съ 2-хъ до 3-хъ час.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

2—3 За издателя наслѣдники **Е. А. Покровскаго.**

Открыта подписка на 1897 годъ.

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

самая большая и распространенная на Югѣ Россіи между РУССКИМЪ населеніемъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

«НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

«Новороссійскому Телеграфу» истекаетъ третье десятилѣтіе. Этотъ почтенный возрастъ говоритъ самъ за себя, особенно въ трудномъ журнальномъ дѣлѣ.

Выходя двадцать четвертый годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, «Новороссійскій Телеграфъ» принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Не зная никакихъ компромиссовъ, онъ отстаиваетъ начала и интересы, дорогіе каждому русскому. Наши читатели—мыслящее русское населеніе—знаютъ насъ и, полагаемъ, всегда единомышленны съ нами и вѣрны намъ, не соблазняясь дешевыми успѣхами выгоднаго безразличія или завѣдомаго юдофильства.

Литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей примутъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы «Нов. Телеграфа» девятнадцать лѣтъ, П. П. Гнѣдичъ, Ал. П. Чеховъ (А. Сѣдой) и друг. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Неручевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу), Путникъ и друг.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» періодически печатаются ИЛЛЮСТРАЦІИ: рисунки современныхъ событій и портреты выдающихся дѣятелей. Важнѣйшія свѣдѣнія по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и пр.) сообщаются нашими столичными корреспондентами. Эти свѣдѣнія получаются нами и печатаются въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 2 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ.

Кромѣ телеграммъ «Рос. Тел. Агентства», мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ.

«Новороссійскій Телеграфъ», по своей программѣ, имѣетъ отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній, и имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Этимъ правомъ пользуются теперь не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, домъ Маврокордато, и въ отдѣленіи газеты при типографіи «Нов. Тел.», Новая улица, домъ Озмидова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки. На 1 мѣс. 1 р., на 2 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 5 р., на 6 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 7 р., на 8 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 9 р., на 10 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 11 р., на 12 мѣс. 12 р.

Съ доставкою и пересылкой. На 1 мѣс. 1 р. 20 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 3 р. 60 к., на 4 мѣс. 4 р. 80 к., на 5 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 7 р. 20 к., на 7 мѣс. 8 р. 40 к., на 8 мѣс. 9 р. 60 к., на 9 мѣс. 10 р. 80 к., на 10 мѣс. 12 р., на 11 мѣс. 13 р., на 12 мѣс. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1 іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1897 года.

Редакторъ-издатель *М. Озмидовъ.*

3—1

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ
(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Въ 1897 г. «Новое Обозрѣніе» будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Условія подписки: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. *За границу:* на годъ—17 р.. на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа любого мѣсяца). Для сельскихъ учителей льгота: подписная цѣна на годъ—7 р., полгода—4 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р., и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка и объявленія принимаются ВЪ ТИФЛИСѢ: въ конторѣ газеты, Барятинская ул.. № 8.

Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію «Новаго Обозрѣнія».

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА газ. «НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ» производится: въ Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ ЛЕДЕРЛЕ, Невскій просп., № 42, д. армянской церкви; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ КАРБАСНИКОВА, Моховая улица; въ книжныхъ шкапахъ станцій Ростово-Владикавк. жел. дороги: Владикавказъ, Бесланъ, Тихорѣцкая и Ростовъ.

Лица, подписавшіяся на годовое изданіе «Новаго Обозрѣнія» 1897 г. въ настоящее время, будутъ безплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

3—2

ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1897 году по слѣдующей программѣ:

1) ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2) ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

а) **Правительственныя распоряженія** и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городского благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства). б) **Мѣстная хроника.** в) **Иногородныя извѣстія.** г) **Корреспонденціи.** д) **Сельскохозяйственный отдѣлъ.** е) **Иностранныя извѣстія.** ж) **Письма въ редакцію.** з) **Библіографическій указатель.** и) **Фельетонъ.** і) **Объявленія частныхъ учрежденій и лицъ.**

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

НА ОДИНЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 рубля въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ и народнымъ библіотекамъ Тамбовской губерніи газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у гг. становыхъ приставовъ.

3—2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ, БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ ГАЗЕТУ

МІРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ,

1897 года,—

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую и экономическую,

безъ предварительной цензуры.

(Всѣхъ нумеровъ выйдетъ 360 въ годъ).

Россія вступаетъ въ новый фазисъ своего историческаго существованія. Обезпечивъ свою самобытность и неприкосновенность, она пріобрѣла могущественное вліяніе въ международныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробудившаяся у насъ *общественность*, вызываетъ къ тѣсному сближенію Россіи съ политическою и культурною жизнью другихъ государствъ.

Средствомъ къ разширенію общественнаго кругозора и послужатъ «Міровые Отголоски», которые, выясняя всестороннія пользы и нужды родной земли, будутъ стремиться также дать вѣрную картину жизни и дѣятельности народовъ другихъ странъ на поприщѣ политики, хозяйства, науки и литературы, въ связи съ стремленіями къ достиженію высшихъ культурныхъ идеаловъ.

Безусловная искренность и *стойкость убѣжденій* для всякаго уважающаго себя органа печати должны стоять на первомъ планѣ. Основныя стремленія «Міровыхъ Отголосковъ» можно выразить въ немногихъ словахъ: упроченіе внѣшней политики Россіи, покоящейся на *прямодушіи* и на взаимномъ уваженіи въ области международныхъ отношеній, развитіе *образованности* и гражданственности, укрѣпляющихъ народное благосостояніе; сочетаніе финансовыхъ и вообще матеріальныхъ силъ *съ нравственнымъ преуспѣяніемъ*; развитіе благоустройства сельской Россіи; возможное объединеніе *въ союзъ мира* общественныхъ силъ вообще и разноплеменныхъ обитателей русской территоріи въ частности; наконецъ, согласованіе порядка и права съ *улучшеніями*, которыхъ жаждетъ жизнь дѣйствительная.

Какъ ни многообразны, какъ ни сложны намѣченныя здѣсь задачи, онѣ вполнѣ согласны съ положеніемъ великой державы, преслѣдующей великія цѣли, и разрѣшеніе ихъ въ положительномъ смыслѣ возможно. Господство косности, апатіи и редакціи не заставитъ сомнѣваться и отрицать тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Такова руководящая идея новаго *истинно-русскаго* органа, соотвѣтствующая серьезности переживаемаго нами времени, и редакція приложитъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать газету цѣльной, живой и отзывчивой, не забывая завѣта: *духа не угашать, духомъ пламенѣть*.

Программа „Міровыхъ Отголосковъ“:

1) Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ.—2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей, равно отъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ.—3) Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ.—4) Обозрѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія.—5) Церковный отдѣлъ—духовная литература.—6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей.—7) Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей.—8) Обозрѣніе событій государственной и общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. Некрологи.—9) Областныя обозрѣнія и корреспонденціи изъ Россіи и другихъ государствъ. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ.—10) Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ.—11) Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра, музыки, ремеслъ и пр.—12) Изящная словесность—повѣсти, романы, разсказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія.—13) Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе.—14) Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и

за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства.—15) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ.—16) Биржевыя извѣстія внутреннія и заграничныя. Ярмарки. Урожаи.—17) Рисунки историческіе и бытовые, соотвѣтствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей.—18) Справочный отдѣлъ и 19) Казенныя и частныя объявленія

Условія подписки на «Міровые Отголоски».

«Міровые Отголоски» съ 1 января 1897 года будутъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе будетъ выходить одновременно со всѣми другими петербургскими газетами въ 6 час. утра, а второе, составляющее повтореніе перваго,—въ 10 часовъ утра того же дня.

Второе изданіе будетъ заключать въ себѣ всѣ извѣстія, доставленныя въ редакцію ночью и утромъ, которыя должны были бы войти въ слѣдующій нумеръ. Благодаря этому иногородные подписчики, жительствующіе по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Москвѣ и за Москвой, по трактамъ: Казанскому, Курскому, Нижегородскому и др., **будутъ получать всѣ новыя извѣстія сутками раньше.** Важныя правительственныя сообщенія и новости опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и въ издаваемыхъ Министерствомъ Финансовъ: «Вѣстникѣ Финансовъ» и «Торгово-промышленной газетѣ», **будутъ появляться во второмъ изданіи въ самый день ихъ опубликованія.**

Второе изданіе предназначается: 1) для тѣхъ городскихъ подписчиковъ, которые не пожелаютъ получать болѣе раннее первое изданіе и 2) для отправленія иногороднымъ подписчикамъ въ мѣстности по Николаевской желѣзной дорогѣ и за нею, съ почтовымъ поѣздомъ въ 3 часа дня. Городскимъ подписчикамъ второе изданіе будетъ доставляться по городской почтѣ послѣ 1 часа дня.

Въ случаѣ полученія важныхъ извѣстій и телеграммъ, выпускаются для городскихъ подписчиковъ особыя прибавленія къ газетѣ.

„Міровые Отголоски“ будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты „Голосъ“ и будутъ печататься подобнымъ же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и на особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Подписная цѣна въ Россіи.	Безъ доставки.		Съ доставк. по городск. почтѣ.		Съ перес. иногородн.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Ко.
На годъ . . .	14	—	16	—	17	—
» 11 мѣс.	13	—	15	—	15	50
» 10 » .	12	—	13	50	14	50
» 9 » .	10	50	12	—	13	50
» 8 » .	9	80	11	—	12	50
» 7 » .	9	—	10	—	11	30
» 6 » .	8	—	9	—	10	—
» 5 » .	6	80	7	50	8	50
» 4 » .	5	50	5	80	7	—
» 3 » .	4	—	4	50	5	50
» 2 » .	2	80	3	30	4	—
» 1 » .	1	50	1	80	2	—

ЗА ГРАНИЦЕЮ:

На годъ	26 р.	На 3 мѣс. . . .	8 р.
» 9 мѣс. . .	21 »	» 2 »	6 »
» 6 » . . .	14 »	» 1 »	3 »

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по соглашенію съ конторою черезъ ихъ казначеевъ, для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 6 р. при подпискѣ, 6 р. въ концѣ марта и 4 р. въ концѣ августа для городскихъ, и 7 р. при подпискѣ, 7 р. въ концѣ марта и 3 р. въ концѣ августа для иногородныхъ подписчиковъ.

Гг. иногор., желающіе подписаться на условіяхъ разсроч. платежа подписныхъ денегъ, благоволятъ точно указывать это при подпискѣ.

Подписка принимается:

въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи «Міровыхъ Отголосковъ», Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), домъ № 80, а также въ книжныхъ магазинахъ: Фену и К°, Невскій пр., 40, М. М. Ледерле, Невскій пр., 42 и Н. П. Карбасникова, Литейная ул., 46; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха; и въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Редакторъ-издатель К. В. Трубниковъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1897 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѳ. Мищенко.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ЕНИСЕЙ“
ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) **Телеграммы**, помѣщаемыя въ текстѣ газеты, или отдѣльными бюллетенями. 2) **Отдѣлъ оффиціальный**, важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) **Передовыя статьи** касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4) **Статьи и очерки по вопросамъ** Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5) **Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи**. Городская хроника. Театръ и музыка. 6) **Политическія извѣстія**, общія и въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ. 7) **Корреспонденціи** изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи. 8) **Научный отдѣлъ**—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 9) **Литературное обозрѣніе**,—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. 10) **Фельетонъ**. Романы, повѣсти и разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія. 11) **Судебная хроника**, безъ обсужденія рѣшеній. 12) **Смѣсь**. Отвѣты редакціи. 13) **Справочный отдѣлъ**: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п. 14) **Объявленія** казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ЕНИСЕЙ», собственный домъ, Воскресенская ул.; **въ Минусинскѣ**: въ отдѣленіи редакціи «ЕНИСЕЙ»; **въ Томскѣ**: въ отдѣленія редакціи «ЕНИСЕЙ», Почтамтская ул., д. Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Омскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Александрова; **въ Иркутскѣ**: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; **въ Петербургѣ и Москвѣ**: въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

3—3

Открыта подписка на 1897 г.

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей, и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Команина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Лясковронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Отсрожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка **«Малороссійскій Словарь»,** который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ **въ теченіе 1897 года** выпустить въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 25 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала «Кіевская Старина» въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки	8 » 50 »
За границу	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14) а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

3—2

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРѢ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 39-й.

Абрамовъ, Я. Наслѣдство и раздѣлъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Александровъ, В. Руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Аргамаковъ, А. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Арженниковъ, К. Уроки начальной ариѳметики. Методическое руководство для учителей начальныхъ училищъ и воспитанниковъ учительскихъ семинарій. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ, Н. Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Багалѣй, Д. (проф.). Украинская старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры. Т. I. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Балласъ, М. Винодѣліе въ Россіи. (Историко-статистическій очеркъ). Ч. Западное Закавказье. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бальмонтъ, К. Въ безбрежности. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Барацъ, С. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Баскаковъ, В. Нефтяное отопленіе жилыхъ зданій (безъ форсунки). Шестилѣтній опытъ примѣненія нефти, какъ дешеваго и и удобнаго топлива, къ потребностямъ домоводства, сельскаго хозяйства и техники. Съ 12 черт. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бекетовъ, М. Приключенія Робинзона Крузо. Съ краснен. рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бекетовъ, А. Учебникъ ботаники. Органографія съ терминологіею, морфологія и систематика сѣменныхъ растеній. Съ 267 рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Беккерледжъ, О. Полярископъ и его изготовленіе. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Бэллэгъ, К. Музыка съ соціологической точки зрѣнія («Международная Библіотека», № 45). Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Бѣлоусовъ, П. Къ вопросу о современномъ положеніи и ближайшихъ задачахъ ассенизаціи русскихъ городовъ. Матеріалы по общественной гигіенѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бэръ. Поль. Охотничьи разсказы. Для дѣтей средняго возраста. Перев. О. Мижуевой. Рисунки скомпанованы, Т. Никитинымъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Березинъ-Ширяевъ, Я. Обзоръ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, гравюръ и портретовъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ, находящихся въ моей библіотекѣ, или окончательные матеріалы для библіографіи. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Березовъ, Ф. Ящуръ (язычница, рыльнокопытная или автозная болѣзнь). Съ таблицей хромолитографированныхъ рисунковъ художн. А. Д. Стремоцкаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Библіофилъ. Русско-польскія отношенія. Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, размышленія и разсужденія. Вильна. 1896 г. Ц. 75 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома или жизнь среди рабовъ. Перев. Е. Ландини. Изд. 3-е. Съ 80 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Боголюбовъ, М. Десять публичныхъ лекцій по индивидуальной гигіенѣ. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Боккачіо, Джіованни. Декамеронъ. Перев. А. Веселовскаго. Съ иллюстраціями франц. художниковъ. 2 т. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 10 р.

Болотовъ. Практическія указанія къ чтенію, ориентированію плановъ, производство военно-глазомѣрной съемки и рекогносцировки. Съ чертежами. Для завѣдующ. развѣдчиками въ кавалеріи (приказъ 1896 г., № 216). Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Ботаническія записки, издав. проф. А. Бекетовымъ и проф. Хр. Гоби. Вып. XIII. (Т. VI). Съ 7 табл. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Будищевъ, Ал. Степные волки. Разсказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бучинскій, Н. Начальная русская грамматика. Для приготовительнаго и 1-го классовъ средне-учебн. заведеній и для низшихъ училищъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Вагнеръ, К. Мужество, какъ идеалъ дѣя-

тельности жизни. Одобрено французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Перевела съ 11-го франц. изданія С. Леонтьева. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Васильевъ, А. Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 2 р.

— О киргизскомъ языкѣ и его транскрипціи. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 10 к.

— П. Сиротка. Сцены изъ народнаго быта. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Васюковъ, С. Очерки и разсказы. Изд. 2-е, значительно дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1703—1893 г.). Изданіе Г. В. Юдина. Вып. VIII. Антрациты—Арсеній. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вѣстникъ трезвости. Полезное пособіе для духовенства, школъ, войска и для народа въ борьбѣ съ пьянствомъ. Подъ редакціей врача Н. И. Григорьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Вольвачивна Маруся. Пісни и размова. Харьковъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Вольногорскій, П. Цвѣтокъ «страстей Христовыхъ». М. 1896 г. Ц. 25 к.

Вольтеръ. Вавилонская принцесса. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вся Вильна за одинъ рубль. Полная адресная книга города Вильны. Вильна. 1896 г. Ц. 1 р.

Вундтъ, В. Очеркъ психологіи. Перев. съ нѣм. Г. А. Паперна. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Гауптманъ, Э. Стрѣлочникъ Тиль. — Апостолъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Гельмгольцъ. О зрѣніи. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Гоголь-Яновскій, Г. Виноградники и винодѣліе во Франціи и Германіи. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Голицинъ, Дм. (князь) (Муравлинъ). Не убій. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Гокинсъ, Э. Англійско-русскій карманный словарь. Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Горбачевскій, Л. Новый и полный самоучитель польскаго языка. Учебникъ для самостоятельнаго и скораго изученія читать, писать и говорить попольски. Изд. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Горкевичъ, Л. Латинская грамматика для русскихъ гимназій. Харьковъ. 1896 г. Ц. 75 к.

Грановскій, Т. Н., и его переписка. 2 т. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Греефъ, Г. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ франц. Г. Паперна. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григорова, Е. Т. Г. Шевченко. Біографія для юношества. Съ 4 рис. К. А. Трутовскаго. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григорьевъ, Д. Смыслъ жизни въ твореніи. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Гусевъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ сего сбора изъятыхъ. Изд. 8-е. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Гойо, Ж. Избранныя мысли, извлеченныя изъ полнаго собранія его сочиненій, членомъ французской академіи А. Фулье. Съ дополн., предисл. и примѣчан. Л. Оболенскаго. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Дворянскій календарь на 1897 г. Изданіе Н. В. Шапошникова. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Демантъ, В. Алфавитный сборникъ законоположеній и распоряженій, помѣщенныхъ въ циркулярахъ по С.-Петербургскому учебному округу за время съ 1883 по 1893 г. включительно. Съ приложеніемъ хронологическаго указателя. Спб. 1895 г. Ц. 7 р.

Дмитревскій, Д. Латиняне въ Святой землѣ. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

— Протестаны въ Святой землѣ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Добровлянскій, В, (проф.). Маленькая ботаника. Подробныя описанія обыкновеннѣйшихъ растеній. Съ 121 черными и 80 хромолитографир. рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 70 к.

Догановичъ, А. Въ кругу дѣтей. Разсказы для дѣтскаго чтенія. Рисунки П. Литвенко. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Додэ, А. Натурщица. Съ иллюстр. и портретомъ автора. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Достоевскій, Ѳ. Записки изъ мертваго дома. Изд. 13-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

* **Дрезденская картинная галлерея.** Текстъ Германа Люке. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. И. Сомова. Вып. I. Съ фотогравюрами. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе 60 рубл., допускается разсрочка.

Дубенскій, Дм. Конскія породы, табуны и заводы Кавказа, ихъ прошлое и настоящее. Съ подробными таблицами распредѣленія конскаго населенія въ странѣ и картою. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Евдокимовъ (полк.). О казенныхъ денежныхъ взысканіяхъ и претензіяхъ по военному вѣдомству. Спб. 1896 г. Ц. 85 к.

Езіоранскій, О. Желѣзнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣба. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Елеонскій, Н. Описаніе Святой Земли. 1-е чтеніе. Общее понятіе о Святой Землѣ.— 2-е чтеніе. Горы Святой Земли. Ч. I.—3-е чтеніе. Горы Святой Земли. Ч. II—4-е чтеніе. Равнины Святой Земли. — 5-е чтеніе. Долины и пустыни Святой Земли. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. каждаго чтенія 15 к.

Елисѣевъ, А. По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта. Съ иллюстрац. художн. В. П. Овсянникова, А. Писемскаго и друг. Т. III. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Жигаревъ, С. Русская политика въ восточномъ вопросѣ. Ея исторія въ XVI—XIX в., критическая оцѣнка и будущія задачи. Историко-юридическіе очерки. 2 т. М. 1896 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ П. Иванова.—Ибсенъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ Н. Минскаго. Съ портретами. Ц. по 25 к. каждая біографія.

Житковъ, С. (инжен.). Правила составленія смѣтъ, производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Журналъ юридическаго общества. Ноябрь. 1896 г. Ц. 2 р.

Заваринъ, Е. Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Законы гражданскіе, т. X., ч. I. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Законы о раскольникахъ и сектантахъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Залшупинъ, А. Вопросы банковой политики. Къ реформѣ денежнаго обращенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Записная книга на 1897 г. К. Л. Риккера. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р., 1 р. 5 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 1 р. 80 к., 2 р., 2 р. 20 к.

Золотаревъ, А. Половая впительность. Болѣзни, приписываемыя половому воздержанію. Для родителей и воспитателей. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Зудерманъ, Г. Разсказы кстати. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Зусманъ, А. Утилизація нечистотъ съ сельско-хозяйственной цѣлью. Фекаліи и клоачныя воды. Одесса. 1896 г.

Ивановъ, К. Средневѣковая деревня и ея обитатели. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Зимнее движеніе. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Историческій очеркъ уральскихъ горныхъ заводовъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Комаровскій, Л. (графъ, проф.). Восточный вопросъ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Кашкадамовъ, В. Курскія желѣзисто-щелочныя воды доктора Стезева. Курскъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I (1825—1855 гг.). Съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. Кіевъ. 1896 г. Ц. 7 р. 50 к.

Клейнъ, С. Водолѣченіе. Перев. врачъ Богословскій. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Кляри. Ретушь фотографическихъ негативовъ. Перев. съ франц. М. 1896 г. Ц. 60 к.

«Книжный вѣстникъ» № 8. Ц. 30 к.

Ковалевскій, П. (проф.). Судебная общая психо-патологія. Варшава. 1896 г. Ц. 1 р.

Коржинскій, С. Очерки растительности Туркестана. I—III. Закаспійская область. Фергана и Алай. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Коринфельдъ, Ап. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Съ рис. Н. Н. Каразина, Н. Богданова и др. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Кормовыя растенія. Альбомъ сельско-хозяйственный. Приложеніе къ журналу «Хозяинъ». Ц. 4 р.

Cosmopolis. Revue internationale. Novembre. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Корсаковъ, В. Амбаръ—инвентарный сарай. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Котельниковъ, В. О сѣнокосныхъ угодьяхъ и травосѣяніи. Изд. 6-е, исправл. и дополнен. Съ рис. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Красновъ, П. Казаки въ началѣ XIX вѣка. Историч. очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Крашенинниковъ, М. Странный ученый, или какъ и кѣмъ иногда пишутся «ученыя» рецензіи. Отвѣтъ г. Ѳаддею Зѣлинскому. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. Все пріятели. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 1896 г. Ц. 30 коп.

Крюковъ, Н. Приамурскій край на Всероссійской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ 2 планами и 16 приложеніями. Н.-Новгородъ. 1896 г. Ц. 50 к.

— Нѣсколько мыслей о землепользованіи, какъ фундаментѣ сельскаго хозяйства. М. 1896 г. Ц. 20 к.

— Опытъ описанія землепользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амурской и Приморской областей. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кугушевъ, А. (князь). Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кульчицкій, Н. Техника микроскопическаго изслѣдованія. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Курдюмовъ, Ю. Классификація гармоническихъ соединеній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кустарныя ремесла по Н. К. Рому. I. Токарное ремесло. Ц. 5 к. II. Столярное ремесло. Ц. 15 к. III. Выпиливаніе и рѣзьба по дереву. Ц. 5 к. IV. Работы изъ сучьевъ.—Приготовленіе плетева изъ соломы и др. матеріаловъ.—Витье веревокъ и шнурковъ. Ц. 5 к. V. Малярное дѣло.—Металлическія работы.—Плетеніе изъ проволоки.—Рѣшета и сита.—Выдѣлка щетокъ и кистей.—Вставка стеколъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.

Лабутинъ, І. Искушеніе Господа Нашего Іисуса Христа въ пустынѣ отъ дьявола. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 7 к.

Лависсъ, Эрн., и Рамбо, А. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. I. Зачатки средневѣковаго строя. (395—1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Лазаревскій, Ал. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Ч. III. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ландцертъ, В. Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1896—1897 гг. Ц. 50 к.

Лебедевъ, И. О самоубійствѣ съ медицинской точки зрѣнія. Спб. 1897 г. Ц. 65 к.

Лебединскій, П. Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель міра. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Лебединцевъ, Святитель Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ черниговскій. Житіе его, чудеса. Съ портретомъ святителя. Кіевъ. 1897 г. Ц. 15 к.

Левенфельдъ, Р. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Перев. съ нѣм. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Ледебуръ, А. Металлургія чугуна, желѣза и стали. Со второго нѣмецк. изд. переведено подъ ред. проф. П. А. Іосса. Т. I. Часть общая. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Лейкинъ, Н. Сватовство профессора. Романъ. Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Изданіе 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Лейко, К. Русская азбука. Уроки родной грамоты для класснаго и домашняго употребленія. Харьковъ. 1896 г. Ц. 8 к.

Лѣсковъ, Н. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретами и видомъ кабинета. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 15 р., въ перепл. 20 р.

Линдеманъ, К. Вредныя насѣкомыя. Сель-

ско-хозяйственный альбомъ. Приложеніе къ журналу «Хозяинъ». Ц. 4 р.

Лопаревъ, Хр. Самарово, село Тобольской губерніи и округа. Хроника, воспоминанія и матеріалы о его прошломъ. Съ картою, планомъ и шестью видами. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лухманова, Н. Психологическіе очерки. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

— Короткіе романы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Любимовъ, Н. (проф.). Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Приваловскіе милліоны. Романъ въ 5 ч. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Маркграфскій, А. Сборникъ статей по польскому вопросу. Вып. I. Современное политическое значеніе Галиціи. 2. Тайны латино-польской пропаганды въ русскомъ Забужьѣ. Варшава. 1896 г. Ц. 80 к.

Матеріалы для исторіи и статистики желѣзной промышленности Россіи. Торговля на Нижегородской ярмаркѣ. Спб. 1896. Ц. 60 коп.

Матеріалы для исторіи и статистики желѣзной промышленности Россіи. Общій обзоръ желѣзной промышленности. Спб. 1896 г. Ц. 5 рублей.

Милль, Дж. Стюартъ. Представительное правленіе. Публицистическіе очерки. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Милюковъ, П. Очерки по русской культурѣ. Часть I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Миропольскій, С. Родныя картины. Избранныя стихотворенія и статьи. IV. Зима. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Молицкій, Фр. Новѣйшее пчеловодство. Съ 255 рис. Варшава. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Молчановъ, В. Краткій курсъ гигіены. Пособіе для учащихся. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Мышлаевскій, А. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 годахъ. Спб. 1896 г.

Нейманъ-Спалларта, Ф. Протекціонизмъ и всемірное хозяйство. (Критика системы покровительственныхъ пошлинъ). Перев. съ нѣм. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Никифоровскій, Н. Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (этнографическія данныя). Витебскъ. 1895 г. Ц. 3 р.

Новое Слово. Журналъ научно-литературный и политическій. Октябрь. 1896 г. Ц. 1 р. По подпискѣ на годъ съ пересылкой 10 р.

Новый законъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія, съ инструкціей министра финансовъ и о товарныхъ знакахъ, клеймахъ, этикетахъ и пр. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Образованіе, Педагогическій и научно-популярный журналъ, № 11. Ноябрь. Ц. 60 к. По подпискѣ на годъ съ доставкой 5 р.

Общедоступная техническая энциклопедія. Полное описаніе всѣхъ промысловъ и ремеслъ, а также международнаго общенія и міроваго хозяйства. Подъ ред. Н. Песоцкаго. Въ 10 томахъ. Т. I. Вып. II и III. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Олькотъ, Л. Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Онуфровичъ, А. Приготовленіе консервовъ изъ плодовъ и ягодъ и производство плодовыхъ винъ. Съ 77 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, какъ первое учебное заведеніе въ исторіи русскаго образованія киргизовъ. А. В. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Осининъ, И. Руководство для набора зубчатыхъ колесъ на токарные станки при нарѣзкѣ винтовъ. Съ таблицами. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Островскій, А., и Соловьевъ, Н. Драматическія сочиненія. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Пашкевичъ, И. Приготовленіе искусственныхъ минеральныхъ водъ, лимонадовъ, фруктовыхъ водъ и винъ, меда, кваса, кислыхъ щей, уксуса и кефира. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Перро, Ш. Волшебныя сказки. Съ 65 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Песоцкій, Н. Техническій календарь на 1897 г. 2 части. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ (проф.). Кіевъ, его святыни и памятники. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Петрушевскій, Д. Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Письма преосвященнаго архіепископа Смарагда, бывшаго орловскаго, къ Иннокентію, архіепископу херсонскому. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Положеніе о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія и правила о товарныхъ знакахъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Полный карманный путеводитель. Зима и весна 1896—1797 года съ октября по май. Ц. 50 к.

Поповъ, А. Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ. Наблюденія и опыты надъ продуктивностью молочнаго стада за шестилѣтній періодъ (1889—1894 годовъ) при Едимоновской школѣ молочн. хозяйства. Подъ ред. и съ предислов. Н. В. Верещагина. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Популярная гигіена. (Общедоступное руководство здравоохраненія). Ф. Г. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Портіусъ, К. Начальное руководство къ самостоятельному изученію шахматной игры. Спб. 1897 г. 1 р. 25 к.

Правила и программы для испытанія на первый классный чинъ. Изд. 2-е. Варшава. 1895 г. Ц. 60 к.

Правила и каталогъ народныхъ чтеній. Спб. 1896 г. Ц. 5 к.

Проказы малютокъ-гномовъ. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проскуряковъ, Л. Изслѣдованіе значеній момента внѣшнихъ силъ отъ подвижныхъ грузовъ въ прямыхъ балкахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

— Разсчетъ моста пролетомъ 35 саж., со-

ставленный по послѣднимъ требованіямъ М. П. С. съ 6. листами чертежей въ папкѣ. Ц. 3 р. 50 к.

— Мостъ черезъ р. Енисей отв. 400 сажъ. Текстъ. Ц. 2 р. 23 листа чертежей въ папкѣ. Ц. 8 р.

Пѣшехонова, А. Сборникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Вып. 1. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Рабовъ, С., д-ръ. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ. Для врачей и студентовъ. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники. Составленный по Любену. Изд. 11-е. 1897 г. 1897 г. Ц. 50 к.

Реклю, Э. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Сокращеніе «Земли» того же автора, сдѣланное имъ самимъ. Съ 122 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ржевскій, І. Японско-китайская война 1894—1895 г. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Рождественскій, А. Откровеніе Даніилу о семидесяти седьминахъ. Опытъ толкованія 24—27 стиховъ 9-й главы книги пророка Даніила. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Розенфельдъ-Фрейбергъ. Н. Очерки по вексельному праву. Спб. 1896 г. Ц. 26 р.

Романовичъ, М. Гражданская архитектура части зданій. 4 т., съ 2,887 чертежами въ текстѣ и атласомъ въ 2,222 чертежа на 115 листахъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 р.

Ромашкевичъ, П. Полный русскій орѳографическій словарь. Составлено по русскому правописанію Я. К. Грота. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Рудзскій, Ал. Настольная книга по лѣсоводству. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рунге, М., д-ръ. Учебникъ акушерства. Съ 112 рис. Съ 3-го нѣмец. изд. пер. д-ръ С. З. Серебренниковъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

«Русская Бесѣда», октябрь, 1896 г. Ц. 1 р.

«Русская музыкальная Газета», ноябрь, 1896 г. Ц. 50 к.

Русскіе государи въ Кіевѣ (1706—1885 гг.). А. Л. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Самаринъ, Ю. Сочиненія. Томъ десятый. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Сборникъ управленія дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ жел. дор. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь, 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сѣдой, А. Святочные разсказы. Третье изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

— Птицы бездомныя. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

«Сельскій Хозяинъ», № 3. Ц. 20 к.

Сеславинъ, Д. Карманный орѳографическій словарь, содержащій болѣе 30,000 словъ. Спб. 1897 г. Ц. 75 к., въ перепл. ц. 1 р.

Сливицкій, А. Завѣтный рубль. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 4 рис. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, Ил. Послѣ экзаменовъ. Съ 9 рис. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Смирновъ, Ил. Родное. Разсказы для дѣтей. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, П. Судьбы Іерусалима и русскіе паломники. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Современный календарь на 1897 г. Ц. 15 к.

Софоклъ. Антигона. Трагедія. Съ греч. перевелъ Котеловъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Степановъ, Н. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Сто видовъ Іерусалима и Святой Земли. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Строевъ, П. Виноградная лоза во Франціи. Съ 117 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Суворинъ, А. А. Палестина. Выпускъ 24-й. Ц. 2 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе 35 р.

Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ, торговой несостоятельности и объ охраненіи отъ разстройства торговыхъ предпріятій въ случаѣ смерти владѣльца. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Тернеръ, Г. (проф.). Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Тенъ, И. Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Перев. А. П. Чудинова. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тимирязевъ, К. Луи Пастеръ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ англ. Е. Вошнякъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества для выдачи краткосрочныхъ ссудъ по личному довѣрію и подъ дополнительное обезпеченіе поручительствомъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти. Изд. 7-е. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

Фарраръ. Ф. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Разсказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста. Перев. Л. И. Лопухина. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Фаулеръ, П. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Перев. съ англ. Погодина, подъ редакц. Вл. Соловьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Флеровъ, А., и Федченко, Б. Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Фринъ, Г. Производительная культура шампиньоновъ. Популярный очеркъ для любителей и промышленниковъ. Съ 34 рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Харламовъ, В. Молочная съ помѣщеньемъ для прислуги. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Харламовъ, В. Ледникъ съ вентиляціей. Спб. Ц. 1 р.

Церетели, Гр. Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. Съ 30 табл. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Цигенъ, В., д-ръ. Вліяніе алкоголя на нервную систему. Популярная лекція. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Черторижскій, Л. Пульманъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Шапиръ, О. Любовь. Романъ. 1896 г. Ц. 2 р.

Шаффъ, Ф. Іисусъ Христосъ. Чудо исторіи. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Сочиненія въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. VI. Король Генрихъ Шестой. Король Ричардъ Третій. Король Генрихъ Восьмой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XVI. Ц. по подпискѣ на всѣ сочин. 6 р.

Ширинскій-Шихматовъ, А. (князь). Большой Успенскій соборъ въ Москвѣ. Собраніе фототипическихъ снимковъ, издаваемыхъ по случаю совершившагося обновленія Успенскаго собора ко дню Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. М. 1896 г. Ц. 30 рублей.

Шмидтъ, Ф. Неудачи въ свѣтописи. Часть I. Изготовленіе негативовъ. Съ 12 рис. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Шопенгауэръ, А. Метафизика любви. Перев. съ нѣм. Р. Кресинъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Штраусъ, Д. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Перев. съ нѣмецк. изд. подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Эварницкій, Д. Исторія запорожскихъ казаковъ 1686—1734 г. Т. 3-й. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Эльзенгансъ, д-ръ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. (Краткая психологія для самообразованія). Переводъ съ нѣм. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

*) **Энгельгардтъ, Н.** Изъ деревни 12 писемъ 1872—1887. Изданіе третье. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Яковлевъ, Леонидъ Георгіевичъ. Мысли и впечатлѣнія изъ области изящнаго. Съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 25 ноября. 1896 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

наго развитія Европы. Пер. съ посл. анг. изд. М. В. Лучицкой.—М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи.—Е. Якушкинъ. Обычное право. Вып. II. Матеріалы для библіографіи обычнаго права.—К. Н. Шаховской. Сельскохозяйственные отхожіе промыслы.—**Естествознаніе.** Вундтъ. Очерки психологіи. Пер. съ нѣм. Г. А. Паперна.—Г. Канестрини. Антропологія. Пер. съ итал. д-ра Н. Лейненберга.—Г. Геффдингъ. Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм. М. Эльциной.—**Справочныя книги.** Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей . . . . . 73— 95

17. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

РУССКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ. **Ан. Неручева.** 96—111

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОМЪ СЪѢЗДѢ. **М. М. Рейнке.** . . . . . 111—121

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ Кишинева. (Бессарабская неурядица). **Б. Кричнаго.**—Изъ Тулы. (Народные ходатаи). **Д. Успенскаго.**—Изъ Риги. (О сельскихъ учителяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ). **В. Чешихина** . . . . . 121—145

18. ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО. **А. Скабичевскаго** . . . . . 146—170

19. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Восточный вопросъ и его жертвы. В. Т. . . . . . 171—182

20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Анатолія Кремлева** 182

21. ОБО ВСЕМЪ. **С. К.** . . . . . 183—204

22. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

23. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

При этомъ №. разсылаются объявленія: 1) журнала «Живоп. Обозрѣніе», «Сына Отечества» и «Домашней Библіотеки». 2) журнала «Деревня» и 3) журнала «Образованіе».

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которой желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться и «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, И. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко,* проф. *И. В. Лучицкій, Н. Максимовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Д. Л. Михаловскій, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, Н. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. Пружанскій, Н. А. Рубакинъ, В. П. Савицкій, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ,* проф. *К. А. Тимирязевъ, Антъ. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С.* и *С. А.),* проф. *В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель* и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ, который начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода . . .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи:** Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногородніе просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородніе въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**